АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ТОМ IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР
АШХАБАД – 1959

ЮТАКЭ
1949-
1957

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ТРУДЫ
ЮЖНО-ТУРКМЕНИСТАНСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЛЕКСНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Том IX

Издательство Академии наук Туркменской ССР
Ашхабад — 1959

Под редакцией начальника ЮТАКЭ
академика Академии наук Туркменской ССР
профессора М. Е. МАССОНА

МАТЕРИАЛЫ
ПО АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ЮЖНОГО ТУРКМЕНИСТАНА

ОТ РЕДАКТОРА

Проблема туркменского этногенеза стоит в ряду ответственных вопросов, выдвинутых на разрешение Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. ЮТАКЭ подходит к ее освещению прежде всего с позиций археологических: памятники материальной культуры прошлого, исследуемые экспедицией на территории Южного Туркменистана, дают для этого исходный комплекс фактов. Однако в процессе исследовательских работ археология нередко вступает в контакт со смежными историческими дисциплинами — этнографией и антропологией. Не будучи по своей структуре экспедицией смешанной археолого-этнографической, подобно Хорезмской, ЮТАКЭ является прежде всего археологической комплексной экспедицией. Эта комплексность определяет собой такое положение, при котором в состав участников ЮТАКЭ, помимо основного костяка археологов, входят по мере надобности и этнограф, и искусствовед, и антрополог, и геолог, и представители ряда других как гуманитарных, так и естественно-научных дисциплин.

Разрешение некоторых вопросов этногенетического процесса, протекавшего на территории Южного Туркменистана, велось в различных направлениях. Разнообразные краниологические остатки, полученные ЮТАКЭ в процессе раскопок в различных стратиграфических слоях, послужили ценным материалом для антропологического их изучения и сопоставления как с древними расовыми типами и группами среднеазиатских народов, так и с современным населением Туркменистана. В этом аспекте и построены публикуемые в настоящем томе «Трудов ЮТАКЭ» работы Л. В. Ошанина, В. В. Гинзбурга, В. Я. Зезенковой.

Исследование профессора Л. В. Ошанина «Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа» являет итог многочисленных штудий этого крупнейшего советского антрополога, посвятившего много лет своей научной деятельности вопросам этногенетических основ туркменского народа, и ныне значительно пополненных и обогащенных теми хронологически и территориально уточненными краниологическими материалами, которые были получены работами ЮТАКЭ. Комплексный метод работы Л. В. Ошанина, использовавшего антропологические данные обследования представителей различных туркменских племен, костные материалы из археологических слоев и скудные сведения письменных первоисточников, позволяет ему ныне с полной категоричностью настаивать на положении, выдвинутом автором свыше 30 лет назад в порядке очень убедительной, но лишь частично обоснованной гипотезы. Сущность этого положения сводится к тому, что основу туркменской народности составляют представители местной автох-

тонной длинноголовой расы, с самых отдаленных времен входившей в состав коренного населения Закаспия и известной у древних авторов под наименованием скифов или саков. Лишь в периоды больших этнических перемещений происходил процесс отуречивания по языку и легкой монголизации антропологического типа этого древнего народного пласта; однако именно он лег в основу туркменской народности.

Развитие ряда положений, выдвинутых в обобщающем исследовании Л. В. Ошанина, содержится и в других публикуемых ныне статьях антропологического содержания. Одна из них, принадлежащая перу профессора В. В. Гинзбурга — «Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы», заключает характеристику черепов, полученных при раскопках поселения Тахирбай-3. Это одно из многочисленных архаических селений в области древнего Мерва, страны Маргав, упоминаемой уже в древнейших частях Авесты. Черепа датируются, по археологическим данным, второй половиной II тысячелетия до н. э. Анализ их позволил автору прийти к заключению, что население этого района в эпоху поздней бронзы обладало четко выраженным европеоидным расовым типом, а также выдвинуть предположение о существовавших уже в эту пору этнических связях населения Закаспия не только с переднеазиатским миром, но и с населением более северных областей.

Группа черепов, подвергнутых анализу В. Я. Зезенковой, относится к разным этапам развития классового общества на территории Мервского оазиса — к эпохе античности (IV в. до н. э. — I в. н. э.), раннефеодальной поре (VI—VIII вв.) и к периоду развитого феодализма (XI в.). Выясняется, что и при такой протяженности дат преобладающим типом местного населения был долихомезокранный европеоидный, близкий к средиземноморскому, причем начиная с V в. н. э. отмечается появление монголоидных примесей. Существенно наблюдение о появлении с IV—VI вв. до н. э. обычая деформации головы с помощью наложения кольцевой повязки, который доныне сохранился в туркменской среде.

В. Я. Зезенковой было осуществлено также антропологическое изучение многочисленных особей из племени мурчали. Оно выявило большое сходство черепных показателей с черепами из архаических погребений эпохи бронзы тех же прикопетдагских районов, где проживают мурчинцы, при отсутствии в них тюркских и монгольских примесей.

Небольшая заметка М. Е. Массона, напечатанная в свое время в «Известиях АН Туркм. ССР», приводится в данном томе «Трудов ЮТАКЭ», как освещение исключительного пока факта обнаружения человеческих волос двухтысячелетней давности в парфянских кладках крепости Эрк-кала старого Мерва. И здесь антропологами устанавливается общность древнего парфянского и современного туркменского населения края.

Таким образом, публикуемый в IX томе «Трудов ЮТАКЭ» антропологический материал расширяет представление о былых этнических пластах Южного Туркменистана и наглядно свидетельствует о преемственной связи с ними этногенеза туркменских племен, ныне вошедших в состав туркменской социалистической нации.

Особую группу археологических памятников в Средней Азии составляют городища и поселения двух последних столетий. Характерно,

что вплоть до последнего времени они менее всего привлекали внимание археологов, изыскания которых, уходя в глубину тысячелетий, почти никогда не выходили за пределы XVII в. Считалось, что такого рода объекты уже находятся вне сферы археологии и принадлежат этнографии. Однако и этнографическому изучению эти давно покинутые населенные пункты также не подвергались, поскольку они не служат местами обитания живых народов современности.

ЮТАКЭ еще с первого года работ отметила ненормальность такого положения. Уже в 1946 г. в процессе работ на городищах Нисы были подняты некоторые вопросы истории сложения в XIX в. селения Багир. А в 1947 г. был сформирован специальный XIII отряд (начальник отряда—археолог В. А. Левина), который подверг специальному изучению позднее городище Анау, в 1948 г.—Багир, Пештак-Абиверд и Хивеабад, в 1949 г.—окрестности Байрам-Али и район левобережья Аму-Дарьи от г. Керки до Боссага.

Одну из задач, поставленных перед отрядом, составляло изучение архитектуры этих поселений. Исследование народной туркменской архитектуры осуществлялось также с 1950 г. VII отрядом (начальник отряда—Г. А. Пугаченкова) и XXII (начальник отряда—Д. М. Овезов); при этом был охвачен Марыйский район, отрезок левобережья Аму-Дарьи от Чарджоу до Ламбе и селение Мурча. На этой основе удалось доказать, что вопреки распространенному в среде специалистов вплоть до недавнего времени утверждению, будто туркмены не знали иного вида жилья, кроме юрты, в действительности у всех оседлых туркменских племен существовали развитые традиции строительного дела, существовала самобытная архитектура — как высшая форма строительного искусства. Результаты исследования объектов поздней туркменской архитектуры нашли свое отражение в ряде отдельных статей, а также в III томе «Трудов ЮТАКЭ» (см. В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова—«Архитектура туркменского народного жилища», М., 1953).

Развитие этой же темы дает публикуемая в настоящем томе «Трудов» экспедиции статья Г. А. Пугаченковой — «Этнографические памятники туркменской народной архитектуры», основанная на материалах обследований, осуществленных автором в 1956 г. во время проезда в Фарабский и Каракалинский районы Туркменской ССР.

Однако изучением народной туркменской архитектуры не исчерпываются задачи, стоящие перед археологом при обследовании поздних туркменских поселений. Последние выдвигают на разрешение более сложный круг вопросов. Поселения эти отражают определенные социально-экономические условия, вызвавшие их к жизни; и именно эти условия породили значительное разнообразие типов самих поселений. В исследовании В. А. Левиной «К вопросу о генезисе и типах поздних поселений Южной Туркмении (по данным археологии)» показано наличие у туркмен XVIII—XIX вв. стационарных поселений не только сельского, но и городского типа. Данные археологических наблюдений с привлечением как письменных, так и опросных — этнографических сведений, позволили предложить их классификацию со следующими подразделениями: 1) городские поселения полуаграрного типа, 2) городские поселения ремесленно-торгового профиля, 3) поселения сель-

ского типа с компактной застройкой, 4) поселения сельского типа с рассредоточенной хуторской застройкой. Изучение их свидетельствует о далеко продвинутом характере классового расслоения в туркменской среде, опровергая долгое время державшееся воззрение на якобы незыблемость родо-племенных отношений у туркмен. Можно решительно говорить о несомненности наличия здесь феодальных отношений. Вместе с тем, внутри феодальной структуры пережитки патриархально-родового уклада были весьма значительны, что нашло, в частности, свое отражение в некоторых особенностях народной архитектуры, различающейся по племенам, подобно тому, как родовые отличия сказываются и на основных типах туркменских ковров.

В 1948 г. в процессе работ V отряда ЮТАКЭ В. Г. Мошкова осуществляла этнографическое изучение некоторых туркменских племен Бахарденского района в связи с историей Язырова юрта. Обоснование языров в этом районе восходит к средневековью, к периоду продвижения огузов в Хорасан. В составе современного туркменского населения большой интерес вызвали карадашлы — одно из небольших реликтовых племен, этногенез которых, видимо, восходит именно к язырам, за последние столетия почти поглощенных и во всяком случае сильно утесненных более обширными и могущественными племенами, каковы теке и др. Обследование этих небольших реликтовых племенных туркменских групп в проекции на данные археологии представляет значительный интерес, о чем свидетельствует, помимо указанной работы В. Г. Мошковой, также опубликованная в Трудах Института этнографии АН СССР монография Г. П. Васильевой, посвященная туркменам-нохурли. В этом аспекте ЮТАКЭ было поставлено изучение племени мурчали, осуществлявшееся в течение ряда лет ученым секретарем экспедиции Д. М. Овезовым.

Исследование различных сторон социальной жизни, бытового уклада, материальной и духовной культуры мурчали в прошлом и в настоящем привело его к заключению об их этногенетической связи с древним, коренным оседлым населением предгорьев Копет-Дага, создавшим когда-то, в глубине тысячелетий, так называемую «культуру крашенной керамики» типа Анау и Намазга, вошедшим в конгломерат народов и племен могущественного рабовладельческого Парфянского царства (основа которого зачиналась именно в Прикопетдагской области—древней Парфиене), развивавшим высокую феодальную культуру средневекового Хорасана. Эти традиции оседло-земледельческой жизни отчетливо выражены у мурчали в высоких сельскохозяйственных навыках при довольно развитой агротехнике (посевы зерновых, садоводство, виноградарство, шелководство), в их промыслах и ремеслах (шелкоткачество, кяризное и архитектурное строительство), в особом цикле земледельческих праздников, в целом ряде обычаев, отражающих социальные особенности земледельческих народов — в частности в выделении воды и земли в счет выкупа за невесту, чего не знают иные туркменские племена. Племя мурчали, таким образом, представляет одну из интереснейших туркменских групп, этнографические особенности которой с несомненностью подтверждают его местный, древний этногенез.

ЮТАКЭ намечает последующие публикации антропологических и этнографических материалов, накапливаемых из года в год в процессе исследовательских работ экспедиции.

Л. В. ОШАНИН

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ ТУРКМЕНСКИХ ПЛЕМЕН И ЭТНОГЕНЕЗ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА[1]

Летом 1923 г., собирая в Хорезме материал по антропологии узбеков, я не мог не обратить внимания на своеобразие антропологического типа встречавшихся мне туркмен, которые резко отличаются своей долихоцефалией от окружающих их брахицефальных узбеков Хорезма.

В 1926 г. вышла в свет моя первая работа, посвященная этногенезу туркмен (44). Два года спустя, в 1928 г., была опубликована вторая моя работа по этому вопросу (45). В то время я еще не располагал никакими собственными материалами по антропологии Средней Азии. Однако вопрос о происхождении туркмен от какого-то долихоцефального народа меня настолько заинтересовал, что я тогда же попытался обосновать гипотезу о происхождении туркмен от местных скифских (сакских) племен, обитавших в древности на территории Туркмении.

Мысль искать источник долихоцефалии туркмен не там, где я предполагал первоначально, не среди пришлых с севера тюркских племен, среди которых могли быть и долихоцефальные группы, а среди местного древнего населения Туркмении, впервые была высказана мне в одной из личных бесед моим покойным учителем, известным географом, историком и этнографом Средней Азии Николаем Гурьевичем Маллицким. Правда, сам Н. Г. Маллицкий называл свое предположение «не более, чем интуитивной догадкой», но разумеется эта «интуиция» основывалась на его собственной богатой эрудиции и его разнообразных наблюдениях, которые он, к сожалению, не развил и не опубликовал.

Со времени опубликования моей первой работы по этногенезу туркмен, мною, сотрудниками кафедры антропологии САГУ и покойным московским антропологом А. И. Ярхо были собраны обширнейшие материалы по антропологии туркменских племен. Еще важнее то, что за последние годы, благодаря исследованиям Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), были добыты из древних погребений Туркмении обширные и разнообразные палеоантропологические материалы, охватывающие промежуток времени с III тысячелетия до н. э. по I тысячелетие н. э.

За последние 30 лет были опубликованы также весьма ценные труды по истории, археологии, этнографии и языку древнего населения Средней Азии и в частности Туркмении. Таким образом в настоящее время мы располагаем данными всех пяти дисциплин—антропологии,

---

[1] По соглашению с Институтом истории и археологии Академии наук УзССР настоящая работа Л. В. Ошанина печатается в сборнике ЮТАКЭ, посвященном антропологии и этнографии туркмен.

истории, археологии, этнографии и языкознания, принимающих участие в разрешении комплексной проблемы этногенеза.

Я полагаю, что вполне назрело время пересмотреть в свете всех указанных обширнейших новых данных опубликованную мною ранее гипотезу о происхождении туркменского народа от древнейших местных племен Закаспия.

1. ОБСЛЕДОВАННЫЕ ПЛЕМЕНА И РАЙОНЫ

Первые материалы по антропологии туркмен были собраны и опубликованы еще в 1895 г. профессором Новороссийского (ныне Одесского) университета И. Л. Яворским (56). Он измерил в городе Мерве (ныне Мары) 51 туркмена племени теке, 4 племени сарыков, 3 племени эрсари и 1 алиели. Возраст исследованных от 15 до 60 лет. В работе Язорского опубликованы цифры индивидуальных измерений, что дало мне возможность обработать его материалы современными методами вариационной статистики. Головной указатель исследованной им группы лежит в пределах типичной долихоцефалии ($M \pm m(M) = 75.6 \pm 0.30$; $\sigma \pm m(\sigma) = 2.78 \pm 0.20$; № 59). Своей долихоцефалией туркмены резко отличаются от всех остальных брахицефальных народов Средней Азии. Это послужило для меня поводом предпринять специальное исследование о возможных путях происхождения долихоцефального типа, вошедшего в состав туркмен (44). После выхода в свет в 1926 г. первой моей работы по этому вопросу, мне пришлось слышать от известного этнографа Средней Азии М. С. Андреева, что туркмены накладывают особые повязки на головы новорожденных, что быть может вызывает искусственное удлинение головы. Поэтому в том же 1926 г. к экспедиции этнографа Н. В. Брюловой-Шаскольской, обследовавшей племя туркмен эрсари по побережью Аму-Дарьи между Хаджамбасом и Келифом, были прикомандированы две проходившие у меня антропологию студентки САГУ— Фокина и Маслова, со специальным заданием выяснить способы наложения повязок на головы новорожденных туркмен. Этому вопросу посвящена моя вторая работа по этногенезу туркмен (45). На результатах, полученных Фокиной и Масловой, мы остановимся ниже.

Летом 1929 г., по приглашению существовавшего тогда Научно-исследовательского института туркменской культуры, мне удалось провести экспедицию в районы Мары, Ашхабада, Казанджика и Кэракала. В экспедиции приняли участие врач В. К. Ясевич, специально занимавшийся изучением групп крови, и этнограф Н. Н. Ершов. Нами были собраны обширные материалы по антропологии туркмен племени теке в районе Мары (200 мужчин и 100 женщин), племени иомудов в районе Казанджика (150 мужчин) и племени гокленов в районе Каракала (150 мужчин и 100 женщин). Особое внимание было уделено вопросу о том, какие племена накладывают повязки на головы новорожденных. Был также собран материал в детдоме г. Мары среди мальчиков возраста от 8 до 12 лет. Попутно нами были собраны материалы по антропологии групп, переселившихся из сопредельных с Туркменией стран — из северной провинции Ирана — Хорасана (56 персов), из Иранского Азербайджана (53 азербайджанца) и из Белуджистана (83 белуджа). В дальнейшем эти материалы оказались

весьма существенными для дифференцировки европеоидного долихоцефального типа туркмен от европеоидного долихоцефального типа северной части Ирана. Значительно позднее эти материалы лишь частично были опубликованы (47 и 49).

В том же 1929 г. А. И. Ярхо исследовал на Северном Кавказе туркменские племена ыгдыр, суюн-джаджа и чаудор, а два года спустя в 1931 г. экспедиция под его руководством исследовала племена чаудоров (200 муж.) и иомудов (107 муж.) в Ташаузском округе Туркменской ССР (58).

В 1936 г. два студента-дипломанта кафедры антропологии Московского государственного университета — Шмаков и Елистратов были прикомандированы к климатофизиологической экспедиции Узбекского института экспериментальной медицины, работавшей в самом центре Кара-Кумов, на территории серного завода, расположенного в середине пути между Ашхабадом и Ташаузом. Ими были собраны материалы по антропологии туркмен племени теке (165 муж.) и иомудов (43 муж.). С любезного разрешения авторов эти материалы частично были мною опубликованы (47 и 49) и в развернутом виде публикуются в настоящей работе.

В 1942 г., во время пребывания Московского университета в эвакуации в Ашхабаде, антрополог М. Г. Левин исследовал небольшую группу детей туркмен и вновь поставил вопрос об искусственной деформации головы, практикуемой туркменами. Он нашел, что головной указатель детей, на головы которых не накладывались повязки, значительно выше, чем у детей, родители которых придерживались обычая туго повязывать головы младенцев. Им был описан и способ наложения повязок, вполне совпадающий с тем, что приходилось наблюдать нам (34).

Летом 1950 и 1951 гг. по поручению Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР ассистент (ныне доцент) кафедры антропологии Среднеазиатского государственного университета К. Наджимов исследовал различные этнические группы в Сурхан-Дарьинской области Уз.ССР. Им были собраны обширные материалы по антропологии некоторых узбекских племен, таджиков, а также туркмен племени эрсари (220 муж.), живущих по правобережью Аму-Дарьи в Термезском районе той же Сурхан-Дарьинской области. Все эти обширные и разнообразные материалы вошли в кандидатскую диссертацию К. Наджимова, защищенную им в 1953 г. (42). К. Наджимов также обращал особое внимание на повязки головы у детей туркмен.

За последние годы продолжались антропологические исследования в Туркмении.

Летом 1955 г. по предложению Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР была проведена антропологическая экспедиция для исследования еще не изученных в антропологическом отношении туркменских племен. Экспедиция проводилась под руководством доцента кафедры антропологии Среднеазиатского государственного университета К. Наджимова. Лаборантками в экспедиции были студентки-дипломантки кафедры антропологии САГУ—Юн и Мавлаева. Наблюдения описательных признаков проводились К. Над-

жимовым, измерительные признаки определялись под его контролем лаборантками. Во время экспедиции были исследованы племя эрсари (114 муж. и 39 жен.) в районах Чарджоу, Керки и Тахта-Базара, племя баятов (55 муж., 62 жен.) в районе Чарджоу и племя сарыков (125 муж., 279 жен.) в Тахта-Базаре и Иолотани. Как и в предыдущих исследованиях особое внимание уделялось вопросу о наложении повязок на головы новорожденных.

Летом 1956 г. Институт истории и археологии АН Узбекской ССР продолжал антропологические исследования в Туркмении. Экспедиция проводилась под руководством К. Наджимова при участии лаборанток студенток-дипломанток кафедры антропологии САГУ Борисовой и Муталиповой. Во время экспедиции 1956 г. были исследованы племена салыров (289 муж. и 194 жен.) в Серахском районе и ата (100 муж.) в колхозах того же Серахского района. Кроме того экспедиция исследовала переселившихся из Афганистана белуджей (137 муж.), живущих в Иолотанском и Туркменкалинском районах Марыйской области. Экспедиция имела также специальное задание исследовать детей в родильных домах, детских садах, детских яслях, где можно было исключить наложение повязок, с целью выяснить насколько последние влияют на головной указатель туркмен. С этой целью были измерены продольный и поперечный диаметры головы у 164 детей (100 мальчиков и 64 девочки).

Всего исследовано мною, моими сотрудниками по кафедре антропологии САГУ и покойным А. И. Ярхо 1858 туркмен мужчин, 775 женщин, 200 туркмен мальчиков и 64 девочки туркменки.

Этот материал охватывает главнейшие племена туркмен—текс, иомудов, гёкленов, эрсари, баятов, сарыков, салыров и ата. Территориально охвачены северо-западные районы (Ташауз), центральные районы (Чарджоу, Серный завод в Кара-Кумах, Казанджик, Кара-Кала) и юго-восточные районы (Керки, Мары, Иолотань, Тахта-Базар, Серахс) Туркмении.

К сказанному необходимо добавить, что материалы собирались по подробным однотипным программам, принятым кафедрой антропологии МГУ и кафедрой антропологии САГУ.

2. КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ПЛЕМЕННЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП ТУРКМЕН

Качественные признаки мужчин
(табл. 15—42 приложения)

Цветность. По степени пигментации туркмены относятся к типично брюнетическим народам. Цвет глаз (табл. 15) я привожу только по моим наблюдениям и наблюдениям моих сотрудников, так как мы всегда определяли цвет радужной оболочки по шкале Мартина и придерживались одной и той же рубрикации. Для всех племенных и территориальных групп туркмен характерны глаза темные — от 72,73 до 93,54% (№№ 1—5 шкалы Мартина). Наибольшая примесь смешанных глаз отмечается у племени эрсари левобережья Аму-Дарьи и Тахта-Базара — 22,32% и у племени баят Чарджоу — 27,27%

(№№ 6—10). Примесь светлых глаз у всех племен очень незначительна (№№ 11—16 от 0,52 до 5,36%).

Для цвета волос (табл. 16—17) привожу только собственные наблюдения, так как при пользовании шкалой Фишера в полевых условиях, видимо, разные наблюдатели неодинаково различали оттенки волос черных (№ 27) и черно-каштановых (№ 4). Во всяком случае в моих наблюдениях, в наблюдениях В. Я. Зезенковой и К. Наджимова отмечаются значительные расхождения. Цвет волос на голове можно было определить лишь у небольшого числа особей, вследствие обычая наголо брить голову. Цвет волос черно-каштановый (№ 4) и черный (№ 27) отмечен в 99% на голове и в 94,6% в бороде. Определение цвета кожи шкалой Люшана дало настолько противоречивые результаты, что мы их здесь не приводим. Отмечу лишь, что, по моим наблюдениям, у иомудов Казанджика на внутренней поверхности плеча явно преобладают номера от 9 по 12 (81,3%).

Волосяной покров. Развитие третичного волосяного покрова определялось нами только на лице по 5-балльной системе (табл. 18). Борода у мужчин старше 25 лет развита ниже среднего (М-2, 54). Отмечаются значительные различия в развитии бороды у различных племен, что едва ли может быть отнесено за счет субъективизма в определении этого признака, так как наблюдения проводились одними и теми же исследователями в одном и том же сезоне (иомуды и теке в моих наблюдениях 1929 г., иомуды и чаудоры Хорезма в наблюдениях Ярхо 1931 г.; салыры и ата в наблюдениях Наджимова 1956 г.)

Профили лица. Горизонтальный профиль лица (табл. 19) для туркмен характерен средний, со значительной примесью плосколицых особей и небольшой примесью суженных лиц. Обособленно стоят наблюдения Наджимова. В 1955—1956 гг., в противоположность своим наблюдениям 1952 г., он отметил высокий процент суженных лиц (от 25,45 до 45,62%), что, вероятно, следует отнести за счет неизбежной доли субъективизма в определении этого признака, даже если материал собирался одним и тем же лицом, но в разные сезоны.

Вертикальный профиль лица (табл. 20), по моим наблюдениям, характерен для туркмен слабо выступающий, со значительной примесью прямого. Сильно выступающий профиль встречается редко.

Морфология мозгового черепа (табл. 21—26). Форма мозговой коробки, по наблюдениям моим и А. И. Ярхо, характерна для туркмен яйцевидная или эллиптическая (91,3%). Эллиптическая чаще отмечалась мною, яйцевидную чаще отмечал А. И. Ярхо. Остальные формы встречаются редко.

Свод черепа почти в 100% поднимается назад и переходит в правильно округлый затылок. Наклон лба слабый или средний, лоб сильно отклоненный назад встречается редко (11,12%). Надбровные дуги и лобные бугры выражены слабо.

В целом по всем признакам, характеризующим форму мозговой коробки, различные племена и районы обнаруживают большую однородность.

Морфология носа (табл. 27—36). Высота переносья и высота крыльев носа явно преобладает средняя. Крыльевая бороздка выражена средне. Поперечный профиль спинки носа средний, общий

профиль прямой или извилистый. Положение основания носа и кончика носа среднее. Положение боковых стенок носа и осей носовых отверстий среднее. Форма носовых отверстий округлая.

По всем признакам, характеризующим морфологию носа, как и по предыдущим, туркмены различных племен, живущих в весьма отдаленных друг от друга районах, обнаруживают очень большую однородность.

Морфология глазной щели (табл. 37—39). Ширина глазной щели у всех племен и во всех районах явно преобладает средняя, со значительной примесью узких глазных щелей. Особенно большой процент последних отмечен Наджимовым у племени баят (43,64%); с другой стороны, им же отмечен чрезмерно низкий процент узких щелей у эрсари района Термеза (2,00%). Эти различия, видимо, зависят от субъективизма, к сожалению, неизбежного в определении описательных признаков, если наблюдения хотя и велись одним и тем же лицом, но в разное время. Все остальные племена и районы отличаются очень большой однородностью этого признака.

Положение глазного яблока явно преобладает среднее, со значительной примесью глубокого положения. Выпуклое положение главного яблока встречается лишь в виде исключения (от 0 до 6,1%). В целом по этому признаку, как и по предыдущим, отмечается большая однородность различных племен и районов.

Та же однородность отмечается и в наличии эпикантуса. Нами отмечен этот признак чаще, чем другими исследователями.

Морфология губ (табл. 40—42). У туркмен всех племен и во всех районах преобладают губы средней толщины, примерно с одинаковой примесью губ толстых и тонких. Для всех племен во всех районах характерна верхняя губа средней высоты, с некоторым преобладанием прохейлии, по моим наблюдениям; по наблюдениям К. Наджимова, с преобладанием ортохейлии.

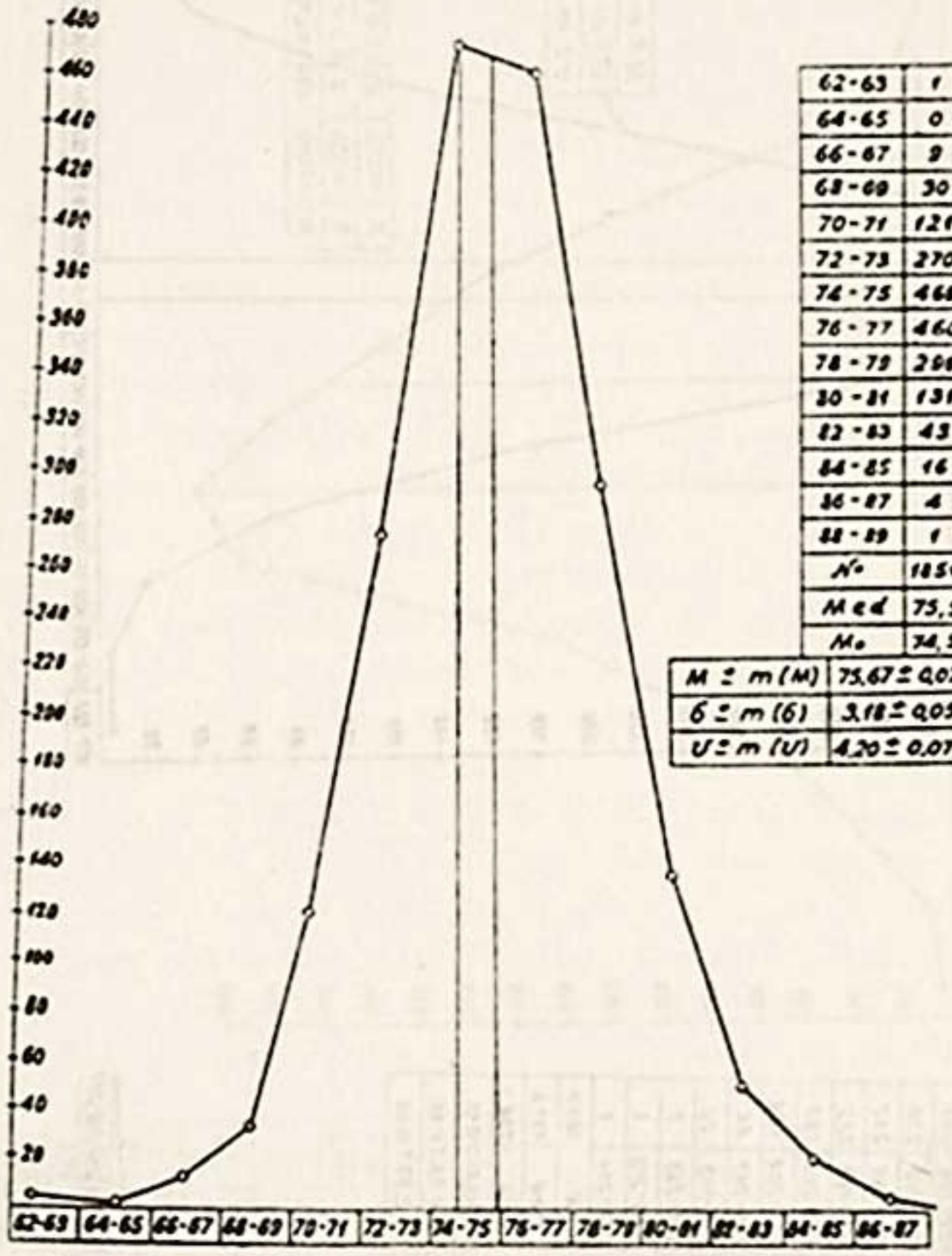
Количественные признаки мужчин

(табл. 43—54 приложения)

Головной указатель (табл. 43). Характернейшим признаком типа туркмен является ярко выраженная долихоцефалия. На всей территории Туркмении, от пределов Хорезма на северо-западе до района Серахса на юго-востоке, головной указатель туркмен колеблется в узких пределах от 73,43 до 77,84 (табл. 43). При этом племенные и территориальные группы с указателем от 77,0 до 77,9 составляют всего лишь 13,2%, с указателем от 76,0 до 76,9—26,1%, а группы с указателем ниже 76,0—60,7%. Этому соответствует и средняя величина головного указателя 75,6. Однородность туркмен по этому признаку отражена и в графике полигона частоты (гр. I): средняя M (75,6) и медиана Me (75,5) совпадает и очень близка к модальной величине Mo (74,5).

Продольный диаметр головы колеблется в узких пределах от 190,5 до 196,0 (табл. 44). Таким образом для всех племен и территориальных групп туркмен характерны большие размеры продольного диаметра

головы, если воспользоваться общими масштабами, принятыми Шейдтом [голова короткая x—181, средней длины 182—189, длинная 190—199; очень длинная 200 —x]. Полигон частоты (гр. II) близок к типу нормальной кривой: средняя и модальная величины совпадают (M=193,9; Mo=194,0) и близки к медиане (Me=197,0).

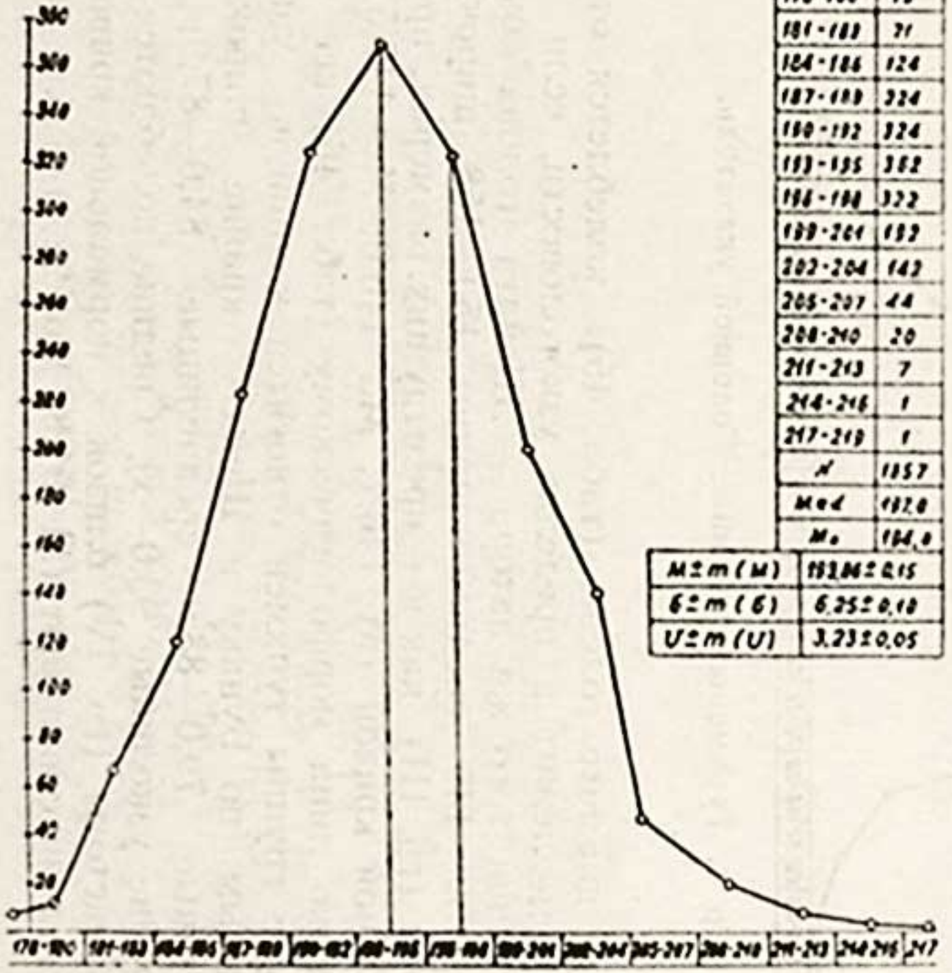
62-63	1
64-65	0
66-67	9
68-69	30
70-71	121
72-73	270
74-75	460
76-77	460
78-79	296
80-81	131
82-83	43
84-85	16
86-87	4
88-89	1
N°	1851
Med	75,5
Mo	74,3
M ± m (M)	75,67 ± 0,07
δ ± m (δ)	3,18 ± 0,05
U ± m (U)	4,20 ± 0,07

Гр. I. Туркмены мужчины. Головной указатель.

Поперечный диаметр головы (табл. 45) колеблется от 143,7 до 149,0; т. е. всегда лежит в пределах узкоголовости, если воспользоваться рубрикацией того же автора — Шейдта [голова очень узкая x—138, узкая 139—149, средней ширины 150—158, широкая 159—x]. Полигон частоты (гр. III), как и в предыдущих размерах, приближается к типу нормальной кривой (M=146,7; Mo=146,0; Me=147,5).

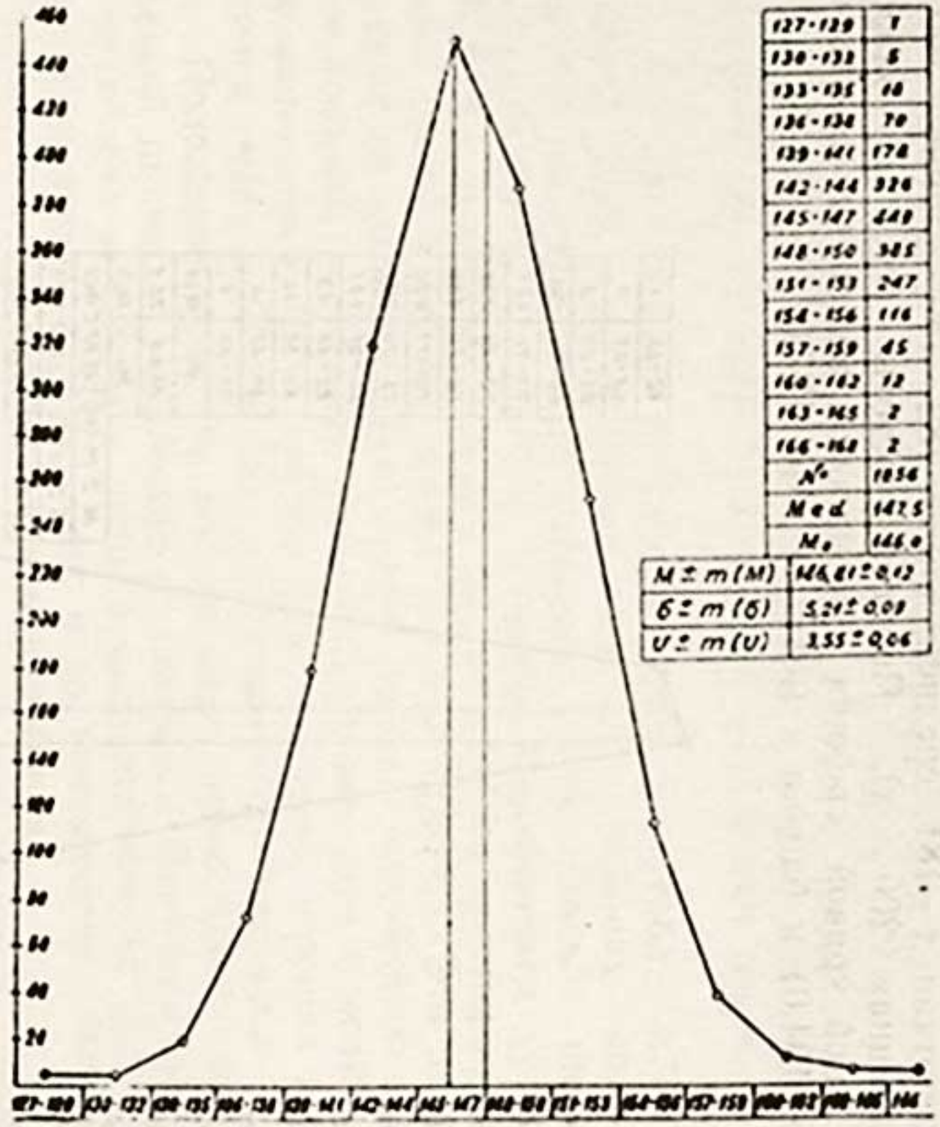
По указателю лица морфологическому (табл. 46) все племена и территориальные группы туркмен относятся к типично узколицым и крайне узколицым [по Бунаку и Шейдту крайне широколицые x—78,9; широколицые 79,0—83,9; среднелицые 84,0—87,9; узколицые 88,0—92,9; крайне узколицые 93,0—x]. Средние колеблются от 89,0 до 96,7. Полигон частоты (гр. IV) близок к нормальной кривой: мода и генеральная средняя совпадают (M=91,8; Mo=92,0) и близки к медиане (Me=93,5).

QCL. N.Ver

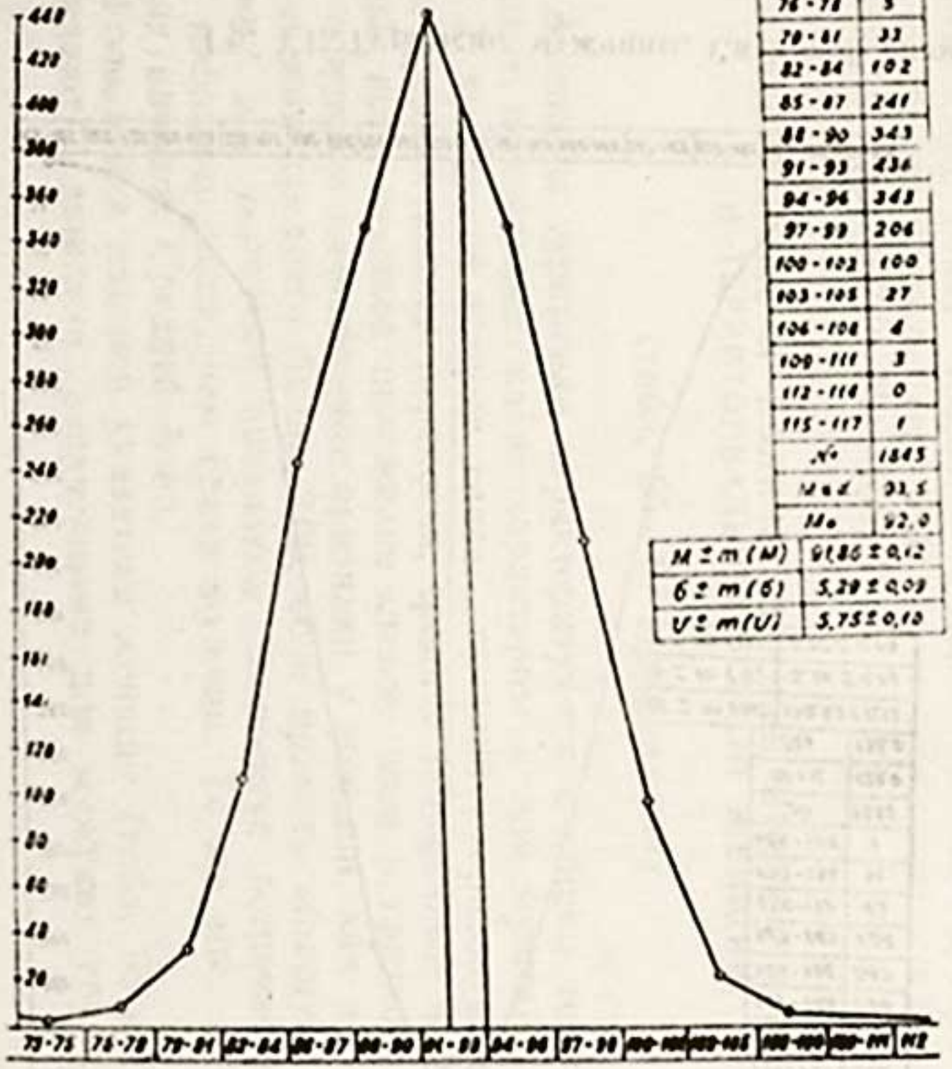
175-177	8
178-180	15
181-183	21
184-186	124
187-189	324
190-192	324
193-195	382
196-198	322
199-201	192
202-204	142
205-207	44
208-210	20
211-213	7
214-216	1
217-219	1
N	1957
Med	192.8
Mo	194.0
M ± m (M)	193.86 ± 0.15
δ ± m (δ)	6.25 ± 0.10
U ± m (U)	3.23 ± 0.05

Гр. II. Туркмены мужчины. Продольный диаметр головы.

127-129	1
130-132	5
133-135	18
136-138	70
139-141	178
142-144	326
145-147	449
148-150	385
151-153	247
154-156	116
157-159	45
160-162	12
163-165	2
166-168	2
N	1856
Med	142.5
Mo	146.0
M ± m (M)	146.81 ± 0.13
δ ± m (δ)	5.24 ± 0.09
U ± m (U)	3.55 ± 0.06

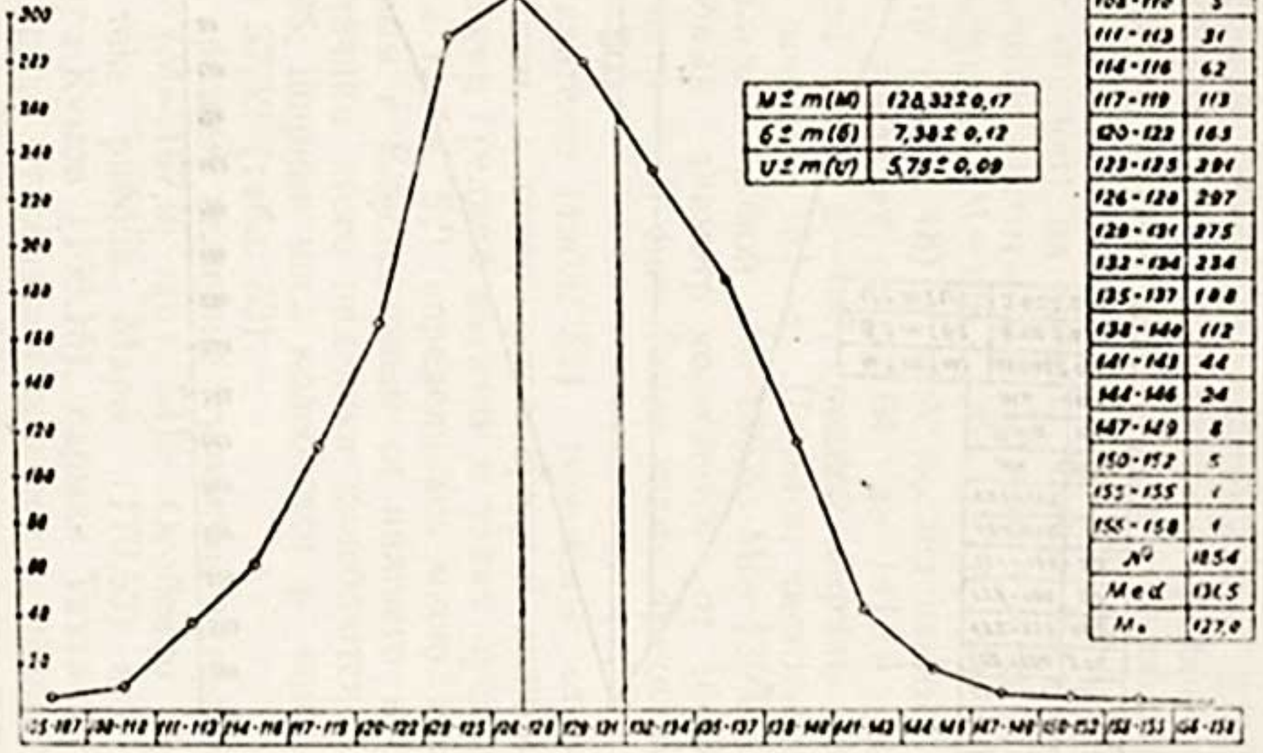
Гр. III. Туркмены мужчины. Поперечный диаметр головы.

70-72	2
73-75	0
76-78	5
79-81	33
82-84	102
85-87	241
88-90	343
91-93	436
94-96	343
97-99	206
100-102	100
103-105	27
106-108	4
109-111	3
112-114	0
115-117	1
N°	1845
M e d	93,5
M o	92,0

M ± m (M)	91,86 ± 0,12
δ ± m (δ)	5,28 ± 0,09
U ± m (U)	5,75 ± 0,10

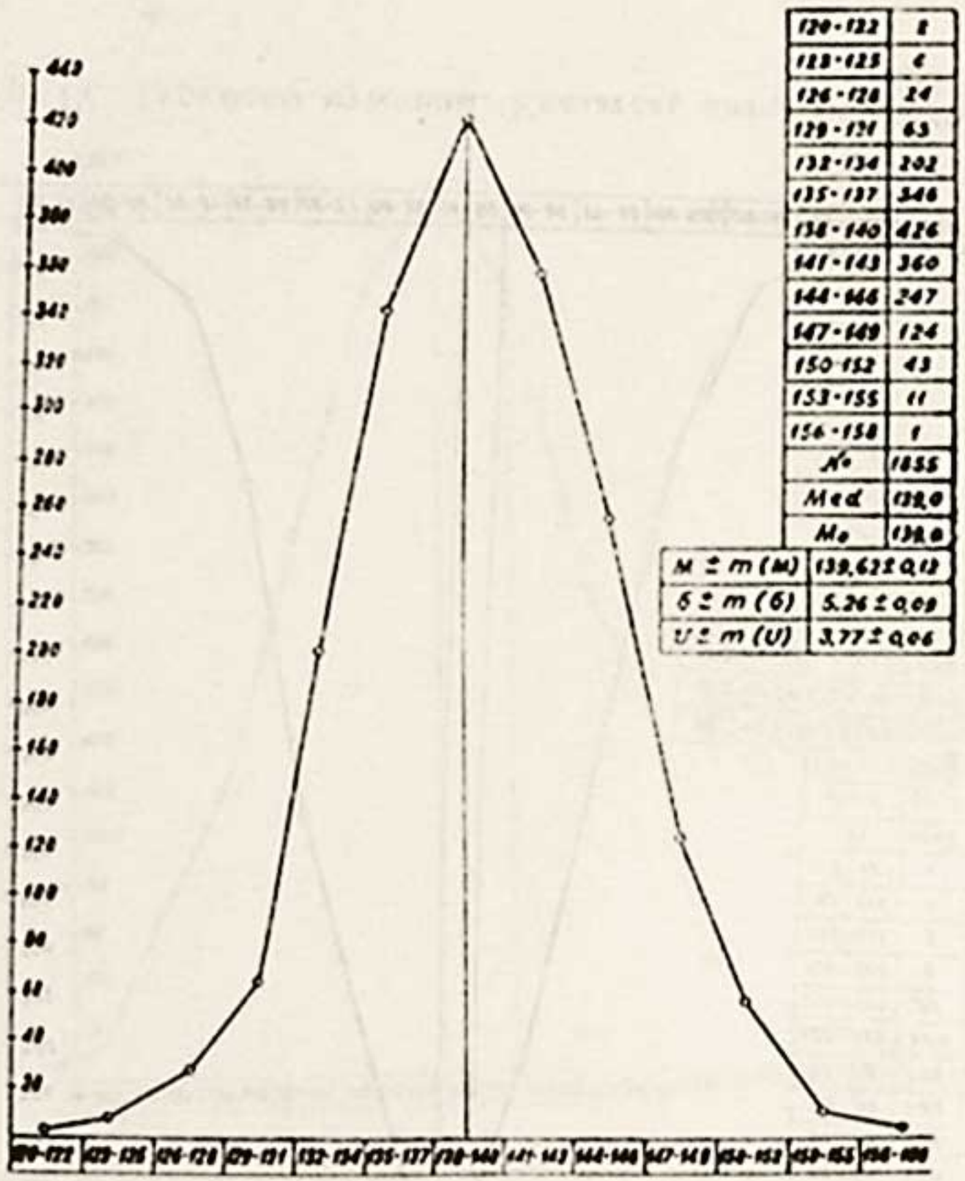
Гр. IV. Туркмены мужчины. Указатель лица морфологический.

M ± m (M)	120,32 ± 0,17
δ ± m (δ)	7,38 ± 0,12
U ± m (U)	5,75 ± 0,09

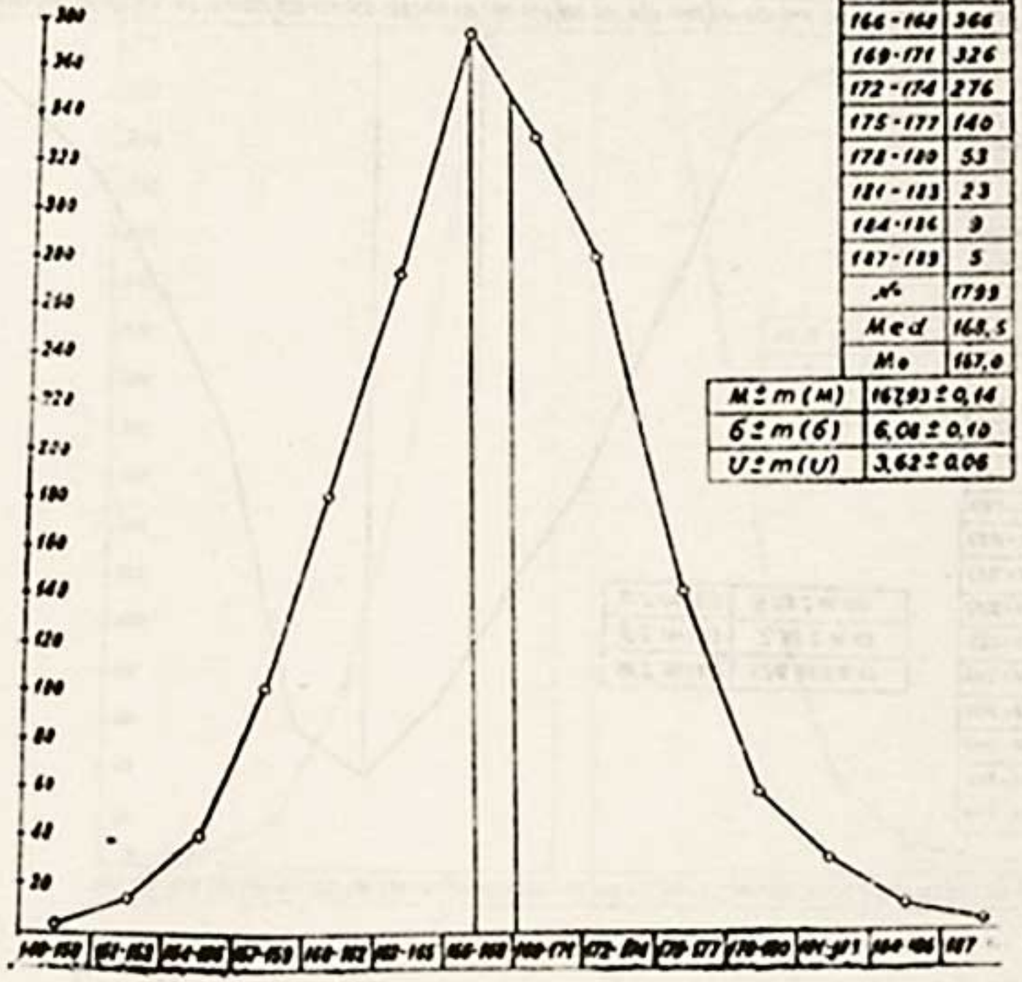
105-107	3
108-110	5
111-113	31
114-116	62
117-119	113
120-122	163
123-125	201
126-128	207
129-131	175
132-134	134
135-137	108
138-140	112
141-143	44
144-146	24
147-149	8
150-152	5
153-155	1
155-158	1
N°	1854
Med	130,5
M o	127,0

Гр. V. Туркмены мужчины. Высота лица морфологическая.

120-122	8
123-125	6
126-128	24
129-131	63
132-134	202
135-137	346
138-140	426
141-143	360
144-146	247
147-149	124
150-152	43
153-155	11
156-158	1
N°	1855
Med	138,0
Mo	138,0
M ± m (M)	139,62 ± 0,12
δ ± m (δ)	5,26 ± 0,09
U ± m (U)	3,77 ± 0,06

Гр. VI. Туркмены мужчины. Скуловой диаметр.

148-150	1
151-153	14
154-156	38
157-159	99
160-162	179
163-165	269
166-168	366
169-171	326
172-174	276
175-177	140
178-180	53
181-183	23
184-186	9
187-189	5
N°	1793
Med	168,5
Mo	167,0
M ± m (M)	167,93 ± 0,14
δ ± m (δ)	6,08 ± 0,10
U ± m (U)	3,62 ± 0,06

Гр. VII. Туркмены мужчины. Длина тела.

Узколицость туркмен зависит от значительных размеров высоты лица морфологической (табл. 47). Генеральная средняя величина этого признака 128,9. Средние отдельных групп колеблются в широких пределах от 124,5 до 133,9; что может зависеть от неточности определения носовой точки (nasion) на живых. Nasion мы брали по нижнему краю бровей. Полигон частоты (гр. V) этого признака менее симметричен, чем предыдущих (M=128,3; Mo=127,0; Me=131,5).

Скуловой диаметр (табл. 48) у всех исследованных групп колеблется в очень узких пределах от 138,04 до 141,19 [по рубрикации Шейдта — лицо очень узкое х—133; средней ширины 134—141; широкое 142—150; очень широкое 151—х]. Полигон частоты (гр. VI) очень близок к типу нормальной кривой (M=139,6; Mo=139,0; Me=139,0).

Наименьший лобный диаметр колеблется от 104,39 до 110,90; нижнечелюстной диаметр — в еще более узких пределах — от 107,89 до 111,63 (табл. 49—50).

По носовому указателю (табл. 51) туркмены относятся к ярко выраженным лепторинам, с генеральной средней величиной 61,83; с локальными колебаниями средних величин в узких пределах от 60,28 до 64,81. Длина носа (табл. 52) определялась мною, моими сотрудниками, Ярхо, Шмаковым и Елистратовым от нижнего края бровей. По районам средние величины этого признака колеблются в узких пределах от 55,67 до 60,96; ширина носа колеблется в еще более узких пределах от 35,12 до 37,52 (табл. 53).

По генеральной средней величине туркмены относятся к народам роста выше среднего (M=167,9; табл. 54). Особенно высокорослыми оказались племена теке района Мары (170,53) и в Кара-Кумах (169,66), номуды Кара-Кумов (169,15), сарыки Тахта-Базара (169,15). Вероятно, поэтому у ряда этнографов сложилось впечатление о высокорослости всех туркмен. Однако среди туркмен есть племена и менее высокорослые (баят—165,50; чаудоры—166,42; эрсари—166,83). График полигона частоты (гр. VII) этого признака довольно симметричен (M=167,9; Mo=167,0; Me=168,5).

КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ПРИЗНАКИ ПЛЕМЕННЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП ЖЕНЩИН

(табл. 55—67 приложения)

Женщины туркменки характеризуются в общем теми же качественными признаками, какие характерны и для мужских групп (табл. 55). У туркменок темные глаза, средний горизонтальный профиль лица, средняя высота переносья, средние поперечный и общий профиль спинки носа, среднее положение стенок носа и глазного яблока. Словом, основные качественные признаки у женщин, как и у мужчин, идут под знаком среднего балла 2,00, если принять обычную трехбалльную систему для основных признаков. Эпикантус встречается среди женщин несколько чаще, чем среди мужчин. То же мы наблюдаем и у других народов Средней Азии.

Головной и лицевой указатели женщин (табл. 56 и 59) полностью совпадают с данными, полученными для мужских групп (гол. ук. у

мужчин—75,6; у женщин—74,88; лиц. ук. у мужчин—91,80; у женщин—90,25). Генеральная средняя величина продольного диаметра головы женщин—185,85 (табл. 57). При этом у всех племенных и территориальных групп этот признак лежит в пределах больших размеров: от 182 до 188. [Продольный диаметр головы женщин по Шейдту: голова короткая x—173; средней длины 174—181; длинная 182—191; очень длинная 192—xl.

Поперечный диаметр головы женщин (табл. 58) колеблется от 137 до 143, т. е. не выходит за пределы малых величин по рубрикации Шейдта [голова очень узкая x—132; узкая 133—143; средней ширины 144—152; широкая 153—x].

Высота лица морфологическая у женщин (табл. 60) колеблется в узких пределах от 117 до 120. Скуловой диаметр колеблется от 128 до 133 (табл. 61). По масштабам, принятым Шейдтом, эти размеры не выходят за пределы узколицости [по Шейдту, у женщин лицо очень узкое x—125; узкое 126—133; средней ширины 134—142; широкое 143—x].

Наименьший лобный и нижнечелюстной диаметры колеблются в очень узких пределах (табл. 62—63).

По носовому указателю (табл. 66) туркменки, как и туркмены мужчины, относятся к ярко выраженным лепторинам, с генеральной средней 60,42 и колебаниями групповых средних от 59,71 до 63,14. По росту (табл. 67) туркменки относятся к группе среднерослых, с генеральной средней 155,27 и очень узкими колебаниями групповых средних от 154 до 156 [рост женщин по Шейдту: очень низкий x—142; низкий 149—152; средний 153—158; высокий 159—167; очень высокий 168—xl:

В целом женщины по основным качественным и количественным признакам точно повторяют комплекс признаков, характерный для мужчин.

Для выявления расового состава туркмен мы в настоящее время располагаем обширнейшими материалами по антропологии европеоидных и монголоидных народов Средней Азии.

3. ПОЛОЖЕНИЕ ТУРКМЕН В РЯДУ МОНГОЛОИДНЫХ И ЕВРОПЕОИДНЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Многочисленные исследования, проводившиеся частью нами, частью московскими и ленинградскими антропологами, показали, что из народов Средней Азии киргизы являются ярко выраженными монголоидами, таджики — столь же ярко выраженными европеоидами. Казахи и узбеки занимают между ними промежуточное положение, но с явным преобладанием монголоидного компонента у казахов и столь же явным преобладанием европеоидного компонента у узбеков.

В наших **сравнительно антропологических таблицах** (табл. 1—12, на стр. 23—26 текста) приводятся некоторые основные признаки, дифференциальные между монголоидами и европеоидами. M—генеральные средние баллы, полученные для коренного населения пяти республик Средней Азии, M min и M max — минимальные и максимальные средние баллы, полученные в различных районах на терри-

риях пяти республик Средней Азии, N—число исследованных по данному признаку. В таблицы включены киргизы побережья Иссык-Куля, исследованные Л. В. Ошаниным (1924 г.) и Н. Н. Миклашевской (1953 г.), киргизы Тянь-Шаня, исследованные А. И. Ярхо (1928 г.) и Н. Н. Миклашевской (1953 г.), долины Таласа (Ошанин, 1929, Миклашевская, 1953), долины Чу (Миклашевская, 1953), района Фрунзе (118 женщин, исследованных В. Я. Зезенковой в 1947 г.), Алайской долины и плато Памира (Ошанин, 1935). Таким образом, в наши таблицы включены территориальные группы Северной, Центральной и Южной Киргизии. Всего в таблицы включено до 2000 киргизов мужчин и 118 женщин.

Казахи были исследованы Ошаниным (1929), Дебецом (1936), Левиным (1946), Чебоксаровым (1947), Гинзбургом (1947), Зезенковой (1946) и Миклашевской (1953) в самых различных районах Казахстана. В таблицы включены признаки 1580 казахов мужчин и 289 женщин.

Включенные в таблицы материалы по антропологии узбеков, собранные в разное время Ошаниным, Ярхо, Наджимовым, Зезенковой, Золотаревой в различных районах Узбекистана, охватывают признаки 4700 мужчин и 200 женщин.

Таблица 1

Положение туркмен в ряду монголоидных и европеоидных народов Средней Азии

Народы	Наличие эпикантуса в процентах							
	мужчины				женщины			
	M	min	max	N	M	min	max	N
Киргизы	54,10	45,00	74,40	1292	83,10	—	—	118
Казахи	22,50	6,30	49,00	1480	53,10	37,60	68,60	288
Узбеки	16,60	0,00	35,40	4401	17,90	14,00	21,70	201
Туркмены	5,99	0,33	19,60	1901	10,15	1,59	27,00	780
Таджики	1,90	0,00	10,10	2000	10,50	7,00	18,80	671

Таблица 2

Положение глазного яблока
(1—глубокое, 2—среднее, 3—выпуклое)

Народы	Мужчины				Женщины			
	M	M_{min}	M_{max}	N	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	2,72	2,67	2,83	172	1,95	—	—	118
Казахи	2,52	—	—	100	1,95	1,92	2,00	147
Узбеки	1,91	1,67	2,14	2476	1,92	1,85	2,00	201
Туркмены	1,84	1,74	2,01	1434	1,96	1,88	2,04	789
Таджики	1,74	1,45	1,87	817	1,86	1,60	1,96	430

Таблица 3

Народы	Развитие бороды у особей старше 25 лет 1—очень слабое, 2—слабое, 3—среднее, 4—обильное, 5—очень обильное			
	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	1,73	1,04	1,88	1725
Казахи	1,97	1,60	2,26	925
Узбеки	2,70	1,96	3,34	2781
Туркмены	2,54	2,17	3,38	1329
Таджики	3,15	2,96	4,15	1198

Таблица 4

Народы	Горизонтальный профиль лица (1—плоский, 2—средний, 3—суженный)							
	мужчины				женщины			
	M	M_{min}	M_{max}	N	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	1,22	1,03	1,32	2018	1,19	—	—	118
Казахи	1,33	1,12	1,92	1580	1,18	1,02	1,37	288
Узбеки	1,83	1,48	2,27	3587	1,93	1,87	1,96	201
Туркмены	1,99	1,69	2,35	1706	2,22	1,76	2,31	789
Таджики	2,20	1,90	2,53	1599	1,97	1,86	2,13	566

Таблица 5

Народы	Высота переносья 1—низкое, 2—среднее, 3—высокое							
	мужчины				женщины			
	M	M_{min}	M_{max}	N	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	1,63	1,39	1,74	2275	1,81	—	—	118
Казахи	1,79	1,49	2,35	2148	1,64	1,54	1,69	147
Узбеки	2,08	1,57	2,31	3804	2,01	1,98	2,08	201
Туркмены	2,09	1,77	2,26	1910	2,00	1,95	2,02	789
Таджики	2,30	2,15	2,60	1951	2,14	2,08	2,24	610

Таблица 6

Народы	Положение стенок носа (1—почти вертикальное, 2—среднее, 3—сильно наклонное)							
	мужчины				женщины			
	M	M_{min}	M_{max}	N	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	2,40	—	—	100	2,05	—	—	118
Казахи	2,28	—	—	100	2,15	2,15	2,15	187
Узбеки	1,95	1,69	2,02	2509	1,96	1,91	2,01	178
Туркмены	1,94	1,80	2,01	1389	2,03	2,01	2,05	789
Таджики	1,83	1,38	2,00	533	1,84	1,53	1,98	490

Таблица 7

Народы	Головной указатель							
	мужчины				женщины			
	M	M_{min}	M_{max}	N	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	84,9	83,0	85,0	2050	86,0	—	—	116
Казахи	85,0	84,0	86,0	1520	86,0	86,0	87,0	286
Узбеки	84,8	80,0	86,0	4716	84,3	82,0	86,0	202
Таджики	84,5	80,0	88,0	2259	85,1	81,0	87,0	670
Туркмены	75,67	73,43	77,84	1851	74,79	72,70	77,48	774

Таблица 8

Народы	Указатель лица морфологический							
	мужчины				женщины			
	M	M_{min}	M_{max}	N	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	88,4	85,0	89,0	2075	85,0	—	—	118
Казахи	87,5	86,0	89,0	1466	84,2	—	—	91
Узбеки	88,8	84,0	92,0	3677	85,9	85,0	87,0	199
Таджики	88,6	86,0	90,0	2393	88,4	86,0	90,0	572
Туркмены	91,86	90,72	96,71	1845	90,2	88,8	92,1	575

Таблица 9

Народы	Продольный диаметр головы							
	мужчины				женщины			
	M	M_{min}	M_{max}	N	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	188	186	189	2050	177	—	—	118
Казахи	187	184	188	1580	176	175	178	286
Узбеки	183	179	190	4716	177	176	179	204
Таджики	183	179	186	2259	174	173	174	673
Туркмены	194	191	196	1857	185	182	188	775

Таблица 10

Народы	Поперечный диаметр головы							
	мужчины				женщины			
	M	M_{min}	M_{max}	N	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	160	156	161	2050	153	—	—	118
Казахи	159	157	160	1520	152	151	153	286
Узбеки	155	152	157	4713	149	147	150	204
Таджики	153	152	155	2267	148	146	152	673
Туркмены	147	144	149	1856	139	137	143	775

Таблица 11

Народы	Высота лица морфологическая							
	мужчины				женщины			
	M	M_{min}	M_{max}	N	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	132	130	133	2066	118	—	—	118
Казахи	129	126	132	1478	119	116	121	290
Узбеки	126	122	132	3380	116	115	118	203
Таджики	125	121	129	2034	117	117	118	543
Туркмены	128	125	134	1854	119	117	120	575

Таблица 12

Народы	Скуловой диаметр							
	мужчины				женщины			
	M	M_{min}	M_{max}	N	M	M_{min}	M_{max}	N
Киргизы	149	146	150	2147	139	—	—	118
Казахи	148	146	149	1484	139	139	140	289
Узбеки	142	140	144	4253	135	134	138	203
Таджики	141	140	142	2069	133	131	136	546
Туркмены	139	138	142	1855	131	128	133	775

Исследования таджиков проводились в Ферганской долине (Ярхо, 1929; Зезенкова, 1949; Гинзбург, 1937; Золотарева, 1954) и в различных районах предгорного и горного Таджикистана (Ошанин, 1925; Гинзбург, 1933; Зезенкова, 1952—1953 гг.). В таблицы включены признаки свыше 2200 таджиков мужчин и около 700 таджичек.

В таблицах приложения указаны материалы, собранные различными исследователями среди различных туркменских племен. По некоторым признакам они охватывают около 2400 мужчин и 800 женщин.

Как известно одним из важнейших таксономических признаков монголоидной расы является **наличие эпикантуса** (табл. 1). Как по общему проценту этого признака, так и по минимальным и максимальным процентам эпикантуса у различных территориальных групп, туркмены, как и узбеки, занимают промежуточное положение между сильно монголизированными казахами и ярко выраженными европеоидами — таджиками, но значительно ближе стоят к таджикам. По этому признаку туркмены менее монголоидны, чем узбеки. Данные, полученные для женских групп, полностью подтверждают данные, полученные для мужчин.

По нашим наблюдениям, одним из важных признаков дифференциальных между монголоидами и европеоидами является **положение глазного яблока** в полости костной глазницы. У европеоидов глазное

яблоко расположено глубоко, «глаза впалые», у монголоидов ближе к к наружному краю глазницы, у них «глаза выпуклые».

Распределение этого признака (табл. 2) в точности соответствует распределению эпикантуса: туркмены, как и узбеки, занимают промежуточное положение между казахами и таджиками, но ближе стоят к таджикам. При этом и по данному признаку, туркмены менее монголоидны, чем узбеки.

Развитие бороды (табл. 3) повторяет данные, полученные для предыдущих признаков. По этому признаку нет существенных различий между узбеками и туркменами. Оба эти народа близки к европеоидам таджикам.

Горизонтальный профиль лица мужчин (табл. 4) в точности повторяет данные, полученные для эпикантуса и положения глазного яблока. Туркмены и узбеки ближе стоят к европеоидным таджикам, чем к монголоидным казахам. При этом туркмены, как по предыдущим признакам, менее монголоидны, чем узбеки. Этому не соответствуют данные, полученные для женских групп, что могло зависеть от неодинаковости масштабов, выработавшихся у разных исследователей. Материалы по атропологии узбечек и таджичек собирались В. Я. Зезенковой, по антропологии туркменок — В. К. Ясевичем и К. Н. Наджимовым.

Высота переносья (табл. 5). Распределение этого признака повторяет данные, полученные для ряда предыдущих признаков. Туркмены и узбеки занимают промежуточное положение между монголоидными казахами и ярко выраженными европеоидами таджиками, но ближе стоят к таджикам. То же положение занимают и женщины узбечки и туркменки.

Положение стенок носа (табл. 6). По нашим наблюдениям этот признак является хорошим дифференциальным признаком между европеоидами и монголоидами Средней Азии: у европеоидов стенки носа поставлены менее наклонно, чем у монголоидов. Этот признак мы отмечали по 3-балльной системе: балл 1—почти вертикальное положение стенок, балл 2 — среднее, балл 3 — сильно наклонное. Чем ниже балл, тем круче поставлены стенки носа, чем он выше, тем они более наклонны. К сожалению этот признак отмечался только мною и моими сотрудниками. Поэтому число исследованных по этому признаку киргизов и казахов гораздо меньше, чем по другим признакам. Однако распределение этого признака в точности повторяет картину распределения предыдущих признаков: узбеки и туркмены очень близки между собою и, несомненно, ближе стоят к европеоидным таджикам, чем к монголоидным казахам и киргизам. Данные, полученные для женских групп, в общем повторяют данные, полученные для мужских групп.

В целом, по степени монголоидности туркмены очень близки к слабо монголизированным узбекам. Вместе с последними они гораздо ближе стоят к ярко выраженным европеоидным таджикам, чем к сильно монголизированным казахам и типично монголоидным киргизам.

По всем приведенным описательным признакам нет сколько-нибудь существенных отличий туркмен от узбеков.

Но по головному указателю (табл. 7) и диаметрам его составляющим — продольному и поперечному диаметрам головы (табл. 9 и

10) туркмены резко отличаются от всех остальных народов Средней Азии. Они являются единственно долихоцефальной народностью Средней Азии, с большим продольным и малым поперечным диаметром головы.

По указателю лица морфологическому (табл. 8) туркмены стоят на грани крайней узколицости, отличаясь более высокой средней величиной этого признака от всех остальных народов Средней Азии. От европеоидов таджиков и слабо монголизированных узбеков туркмены отличаются большей высотой лица морфологической (табл. 11) и меньшим скуловым диаметром (табл. 12).

Монголоидный тип, ярко выраженный у киргизов и в смягченной форме у казахов, был выделен и описан покойным антропологом А. И. Ярхо под именем южносибирской расы. А. И. Ярхо рассматривал ее как самостоятельную ветвь большой монголоидной расы. Однако последующие исследования показали, что тип этот является метисным, сложившимся в результате смешения древнего европеоидного пласта Киргизии и Казахстана с пришлыми с востока монголоидными племенами, наслоившимися позднее.

Ярко выраженный брахицефальный европеоидный тип таджиков был описан мною под именем расы Среднеазиатского междуречья. А. И. Ярхо, выделивший и описавший тот же тип на основе собственных обширных исследований, назвал его памиро-ферганской расой. Оба эти термина приняты в советской антропологии и употребляются в качестве синонимов.

Европеоидная брахицефальная раса явно преобладает и среди узбеков, но среди них отмечается значительная примесь монголоидных признаков. Как указывалось выше, по степени монголоидности туркмены тождественны узбекам. Но явно преобладающий среди туркмен европеоидный компонент резко отличается своей долихоцефалией от брахицефальной европеоидной расы Среднеазиатского междуречья, вошедшей в состав таджиков и узбеков.

По центру распространения долихоцефального европеоидного типа в Закаспийских степях я дал этому типу наименование закаспийской расы (47 и 49). А. И. Ярхо, выделивший тот же тип на основе собственных исследований туркмен, отождествлял его с долихоцефальной расой, описанной Е. Фишером под именем «восточной расы» (58).

Помимо ярко выраженной долихоцефалии туркмены отличаются (хотя и в меньшей степени) от остальных народов Средней Азии более высоким и узким лицом. Но основным отличием европеоидной долихоцефальной закаспийской расы от европеоидной брахицефальной расы Среднеазиатского междуречья является головной указатель и диаметры его составляющие.

Тем большего внимания заслуживает факт широко распространенного среди туркмен обычая накладывать повязки на головы новорожденных младенцев. Повязка накладывается таким образом, что она может вызвать деформацию черепа, при том в сторону увеличения продольного диаметра, тем самым способствуя усилению долихоцефалии. Поэтому вопрос об искусственной деформации головы у туркмен приобретает особо важное значение.

4. ВОПРОС ОБ ИСКУССТВЕННОЙ ДЕФОРМАЦИИ ГОЛОВЫ, ПРАКТИКУЕМОЙ РАЗНЫМИ ТУРКМЕНСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ

Вопрос этот был поставлен нами еще в 1926 г., затем А. И. Ярхо в 1931 г. и позднее в 1942 г. вновь поднят М. Г. Левиным.

Во второй своей работе, посвященной этногенезу туркмен (45), мне приходилось отмечать, что по материалам, собранным по моему поручению в 1926 г. студентками САГУ Масловой и Фокиной среди племени эрсари района Келифа, туркмены этого племени всегда туго повязывают головы младенцев платком, с целью, как они говорили, придать наиболее удлиненную форму голове. Позднее, в 1929 г. мне самому пришлось наблюдать этот обычай в другом районе, у другого племени—у текинцев района Мары. В 1931 г. А. И. Ярхо отметил обычай накладывать повязки на головы младенцев у племен иомудов и чаудоров Ташаузского района. В 1942 г. тот же обычай наблюдал М. Г. Левин у племени теке района Ашхабада. В 1952 г. этот обычай наблюдал К. Наджимов у племени эрсари района Термеза. В 1955 г. К. Наджимов наблюдал его у того же племени эрсари в районе Керки, Тахта-Базара и Чарджоу, у племени баят района Чарджоу и у племени сарыков Тахтабазарского и Иолотанского районов. В 1956 г. тот же обычай отмечен К. Наджимовым у племен салыров и ата района Серахса. Таким образом, обычай накладывать повязки на головы младенцев распространен у очень многих туркменских племен.

Как правило повязка накладывается одним и тем же способом, описанным еще Масловой и Фокиной в 1926 г.: середина сложенного по диагонали платка приходится на лбу, а туго завязанный узел ниже наиболее выдающейся точки затылка (см. в приложении фото 1). Тогда же по этому поводу я писал: «Нам кажется, что такой способ наложения повязок может вести к удлинению черепа за счет выпячивания остающейся свободной от давления затылочной области». (45, отд. оттиск, стр. 4). Во время экспедиции 1929 г. именно такой способ наложения повязок я наблюдал у текинцев района Мары. Повязка накладывалась как новорожденным мальчикам, так и девочкам. Взрослые текинцы оказались ярко выраженными долихоцефалями: головной указатель мужчин—74,46; женщин—74,50.

Однако исследованные нами в том же 1929 г. иомуды района Казанджика иначе повязывали головы новорожденных. Они не складывали платка по диагонали и не завязывали его туго под наиболее выдающейся частью затылка. На голову младенцев просто накидывался платок и узел отнюдь не туго завязывался на затылке, что уже никак не может вести к увеличению продольного диаметра головы. Тем не менее у иомудов Казанджика большой продольный диаметр головы (194), малый поперечный (149) и головной указатель 76,03. Гёклены долины Сумбара, исследованные нами в тот же 1929 г., по их словам, совсем не накладывали повязок на головы новорожденных. Тем не менее и для них характерны низкие цифры головного указателя: у мужчин—75,86; у женщин—77,40.

Материал наш остался тогда неопубликованным. Ввиду важности этого вопроса он был вновь поставлен А. И. Ярхо. Во время своей экспедиции в Хорезм в 1931 г. он поручил двум своим сотрудникам Е. Г. Либману и Д. Иомудской провести специальное исследование по

вопросу о том, не является ли долихоцефалия туркмен Ташаузского района результатом искусственной деформации головы. Это исследование показало, что «надеваемый на голову грудного ребенка войлочный капор механически не может вызвать долихоцефального изменения мозговой корбоки. У детей так же, как и у взрослых, отмечена была специфически вытянутая форма головы» (58, стр. 82). К сожалению, А. И. Ярхо не сообщает какой это «капор» и как он одевался. Но во всяком случае речь идет уже не о платке, сложенном по диагонали и туго завязанном под затылком, а о «войлочном капоре», который, по словам наблюдателей, не мог механически вызвать удлинения черепа. Тем не менее туркменам, исследованным А. И. Ярхо, свойственна или ярко выраженная долихоцефалия (у номудов головной указатель — 75,1) или мезоцефалия (у чаудоров головной указатель—77,2).

В 1942 г. М. Г. Левин собрал в Ашхабаде очень небольшой, но интересный и выразительный материал, который вновь ставит вопрос о возможном удлинении головы туркмен путем наложения повязок. М. Г. Левин наблюдал тот самый способ наложения повязок, какой был отмечен Фокиной и Масловой у племени эрсари Келифа и мною у племени теке района Мары. М. Г. Левин обратил внимание, что у взрослых туркмен голова нередко производит впечатление деформированной: лоб сильно отклонен назад, дугообразный свод черепа поднимается назад, затылок выдающийся, округлый. Он измерил диаметры головы у 72 юношей теке, в возрасте 16—17 лет. Степень деформации определялась по общему впечатлению, «на глаз». Оказалось, что чем больше деформация, тем ниже головной указатель. Приводим полученные им данные:

Степень деформации	Число исследованных	Средние головного указателя
0	19	78,8
1	17	76,3
2	23	75,4
3	13	74,7

Однако сам автор указывает, что степень деформации определялась «на глаз», по положению лба, свода черепа и затылка, и потому в рубрику деформированных могли попасть совершенно не деформированные с сильным наклоном лба, поднимающимся сводом черепа и выдающимся затылком.

Такая форма мозговой коробки нередко встречается среди весьма различных долихоцефальных человеческих рас: у австралийцев (63, стр. 161, табл. 10), у негров Северо-Западной Африки (63, стр. 128, табл. 5), у представителей выделенной мною долихоцефальной хорасанской расы (65, табл. 18, фото 1), у обитателей Северо-Западной Африки (65, табл. 20, фото и 1 и 2), а также и у представителей нордической расы (65, табл. 29, фото 5).

М. Г. Левину удалось собрать лишь очень небольшой материал среди детей, которым повязки никогда не накладывались. Для 10 детей грудного возраста им получена средняя головного указателя 80,74. Левин отмечает, что возрастные изменения головного указателя еще недостаточно изучены, несмотря на очень обширную антропологическую литературу по данному вопросу.

Однако большинство авторов указывают на уменьшение головного указателя с возрастом.

Собранный Левиным материал слишком мал, чтобы по нему можно было придти к какому-либо определенному заключению.

Возраст	Число исследованных	Головной указатель
1, 5—4 года	9	83.24
5—9 лет	6	84,48
10—14 лет	6	82,08

Значительно больший материал удалось собрать К. Наджимову в 1956 г. в таких детских учреждениях, в которых с достаточной степенью достоверности можно было исключить наложение повязок в родильных домах, детских домах, детских садах, детских яслях Ашхабада, Мары, Чарджоу и Багира под Ашхабадом.

Им получены следующие средние головного указателя для разных возрастных групп мальчиков и девочек:

Возраст	Мальчики		Девочки	
	N	M	N	M
Новорожденные	5	81,30	—	—
до 1 года	10	84,34	7	83,06
от 1 года до 5 лет	34	85,50	31	82,08
от 5 до 10 лет	34	81,74	26	82,12
от 11 до 16 лет	13	79,80	—	—
	96			64

Данные, полученные Наджимовым для мальчиков, подтверждают мнение большинства авторов, писавших по вопросу о возрастных изменениях головного указателя: головной указатель с возрастом заметно понижается. Данные, полученные для девочек, менее убедительны за недостатком материала. Но и материалы, собранные Наджимовым среди мальчиков, все же недостаточны для окончательного решения вопроса о возрастных изменениях головного указателя и вопрос этот требует дальнейших исследований.

Однако по ряду соображений мы остаемся при убеждении, высказанном покойным А. И. Ярхо и мною в ранее опубликованных работах: долихоцефалия, столь характерная для туркмен самых различных племен, живущих в весьма удаленных друг от друга районах, является чертой расовой, врожденной, а не результатом наложения повязок на головы новорожденных. Возможно, что такие повязки лишь несколько увеличивают размеры продольного диаметра головы, тем самым усиливая характерную для туркмен долихоцефалию. В сказанном нас убеждают следующие соображения.

1. На вопрос о причинах обычая накладывать повязки на головы новорожденных младенцев туркмены-теке района Мары мне лично всегда давали совершенно определенный ответ: они говорили, что туркменам свойственна удлиненная форма головы и они стремятся подчеркнуть эту особенность, чтобы их не путали с другими народами. Чем длиннее голова, тем «чище» туркмен, тем яснее его принадлежность «по крови» к туркменскому народу.

Удлиненная форма головы действительно настолько характерна для туркмен, настолько отличает их от всех остальных короткоголовых народов Средней Азии, что этот признак бросается в глаза любого наблюдателя, даже совершенно не искушенного в антропологии.

Еще тысячелетие тому назад, в X веке, население Персии и Мавераннахра узнавало предков туркмен-гузов по удлиненной форме головы и именно на основании этого признака продавало их в рабство, как представителей враждебного племени (23 и 39, стр. 186 и 420). В свое время, в 1923 г., когда еще не было никаких материалов, по атропологии туркмен, этот факт явился для меня своего рода ключом для понимания этногенеза туркмен; на нем мы остановимся ниже, в разделе, посвященном типу туркмен X века.

Что касается современности, то любопытный факт в этом отношении был мне рассказан одним лицом, пережившим осаду г. Хивы басмачами зимою 1922 г. В числе басмачей, осаждавших Хиву, наряду с туркменами-иомудами, были и присоединившиеся к ним узбеки. Первый вопрос, который ставился при захвате басмача в плен, был такой: «арбуз» или «дыня»?. Причем обладатель удлиненной в форме «дыни» головы причислялся к туркменам, а обладатель круглой «арбузообразной» — к узбекам.

Вообще обычай подчеркивать, усиливать ту или иную расовую черту распространен довольно широко среди различных народов. Еще Дарвин приводил относящиеся сюда факты (английское издание, 64, стр. 343—354, русское издание, 14, стр. 323—625).

Правда позднее, в 1942 г. туркмены объясняли М. Г. Левину этот обычай иначе—гигиеническими соображениями, ссылаясь на необходимость предохранять голову младенцев от простуды. В 1951, 1955—1956 гг. такое же объяснение давали К. Наджимову туркмены племени эрсари, баят, салыр, сарык.

Но этнография знает немало обычаев, первоначальный смысл которых совершенно теряется в народной памяти. Например, туркменами давно забыто смысловое значение обычая втыкать на могилах вырезанные деревянные изображения, грубо имитирующие фигуры людей. По мнению М. Е. Массона, это является пережитком обычая, практиковавшегося предками туркмен — огузами, которые ставили на могилах грубые фигуры, изображавшие убитых врагов. По представлениям огузов, убитые враги должны были обслуживать умершего огуза в потустороннем мире (35, стр. 55).

2. Как указывалось выше, далеко не все туркменские племена накладывают повязки так, что это может вызвать удлинение продольного диаметра головы (чаудоры и иомуды Хорезма, иомуды Казанджика), а некоторые туркменские племена, по их словам, вовсе не накладывают повязок на голове новорожденных (гёклены долины Сумбара). Тем не менее названным племенам свойственна долихоцефалия.

3. А. И. Ярхо указывает, что искусственное удлинение головы должно вызывать нарушение корреляции между продольным и поперечным диаметрами головы. Он подчеркивает, что у исследованных им туркмен такого нарушения корреляции не наблюдалось: коэффициент корреляции остается у них положительным (у иомудов $r = +0{,}36$). О том же свидетельствуют и наши материалы: у текинцев Мары, накла-

дывающих тугие повязки r=+0,327±0,064, № 200; у женщин-теке r=+0,241±0,094, № 100; у слабо повязывающих головы младенцев иомудов r=+0,454±0,005, № 150; у не накладывающих повязок гёкленов r=+0,440±0,065, № 155. В целом у туркмен корреляция между диаметрами головы значительно выше, чем у казахов и киргизов Таласа, исследованных мною в 1929 г, (у казахов r=+0,149±0,098, № 100; у киргизов r=+0,286±0,092, № 100).

4. Данные, приведенные в табл. 43 приложения, показывают, что головной указатель и диаметры его составляющие у различных племен колеблется в узких пределах. Однородность туркмен по указанным признакам хорошо отражена и в графиках полигонов частоты, которые очень близки к нормальным кривым (см. выше, рис. 1, 2, 3 на стр. 12). Весьма маловероятно, чтобы средние величины указанных признаков, свойственные самым различным племенам, обитающим в весьма удаленных друг от друга районах обширнейшей территории современной Туркмении, вызывались искусственной деформацией. Это предполагало бы совершенно одинаковый способ наложения повязок, с одинаковой степенью сдавливания черепа повязкой.

5. Территория Туркмении является лишь частью обширнейшего ареала долихоцефальных европеоидов, простирающегося далеко на восток через Афганистан в северную часть Индии и далеко на запад вплоть до территории Марокко (62). Для обозначения всего этого пласта южных долихоцефальных европеоидов в советской литературе было принято пользоваться термином «средиземноморская раса в широком смысле». За последнее время Я. Я. Рогинский предложил более удачный термин, точно указывающий западный и восточный пределы южных долихоцефальных европеоидов Евразии — «индо-средиземноморская раса». Долихоцефальный европеоидный тип, свойственный туркменам, представляет собою один из локальных вариантов «индо-средиземноморской расы», выделенный мною под именем «закаспийской расы», а покойным А. И. Ярхо — под именем восточной расы, описанной Е. Фишером.

6. Наконец, самым убедительным доказательством расового, врожденного характера туркменской долихоцефалии являются данные палеоантропологии.

5. ДАННЫЕ ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИИ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ ОБИТАНИЯ ЕВРОПЕОИДНОЙ ДОЛИХОЦЕФАЛЬНОЙ РАСЫ НА ТЕРРИТОРИИ ТУРКМЕНИИ

Вопрос о происхождении европеоидного долихоцефального типа, ныне явно преобладающего среди различных туркменских племен, является одним из основных в проблеме этногенеза туркменского народа.

Еще в первых наших работах по этногенезу туркмен мы высказывали мнение, что характерный для них долихоцефальный европеоидный тип имеет очень большую древность (44, 45). Мы высказывали предположение, что этот тип существовал в степях Закаспия за много веков до появления здесь туркменских племен, носивших в средние века название гузов.

Палеоантропологические материалы, добытые на территории Туркмении, полностью подтверждают такую точку зрения.

Древнейшими палеоантропологическими материалами из Туркмении являются материалы, добытые еще экспедицией Помпелли в Анау, близ Ашхабада. Наряду с археологическими материалами, экспедицией Помпелли добыт чрезвычайно ценный краниологический материал. Черепа, добытые из нижних слоев Анау, были изучены таким знатоком средиземноморской расы, каким является итальянский антрополог Серджи. Все черепа, добытые экспедицией Помпелли в Анау, Серджи отнес к типу долихоцефальной средиземноморской расы.

На основании хорошо сохранившихся детских черепов (№№ 3, 4, 5, 6) с черепным указателем от 66,4 до 73,4; одного женского черепа (№ 7), с указателем 76,2; обломков трех детских (№№ 8, 9, 11) и одного взрослого мужского (№ 2), Серджи пришел к следующим выводам:

1. «В строении черепов из Анау нет никаких различий ни в мозговой части, ни в обломках лицевого скелета, от структурных особенностей, связанных с черепами средиземноморской разновидности долихоцефальной формы».

2. «С другой стороны, эти черепа совершенно отличны от так называемого монгольского типа».

3. По мнению Серджи, эти находки вполне подтверждают его предположение «о древнем проникновении ветви средиземноморской расы в пределы Средней Азии» (66, стр. 445—446).

Что касается более точной хронологической датировки, то Помпелли явно переоценил древность своей находки. Он относит найденные им черепа к эпохе неолита и датирует их VII—VI тысячелетием до н. э.

Обширнейшие исследования, проводившиеся за последние годы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией (ЮТАКЭ) под руководством М. Е. Массона, показали, что черепа, найденные Помпелли в средних слоях северного буара Анау не древнее IV тысячелетия до н. э. Названная экспедиция с первых же шагов своих исследований ставила одной из задач планомерные сборы костных материалов из древних погребений, учитывая всю важность этих материалов для разрешения проблемы этногенеза (37, стр. 71—72).

Экспедициями М. Е. Массона добыт гораздо более обширный и разнообразный материал, чем экспедицией Помпелли. Материал этот полностью подтверждает глубокую древность долихоцефальной европеоидной расы на территории Туркмении. Приводим основные данные из работ, ранее нами опубликованных по этому вопросу, столь важному для всей проблемы этногенеза туркмен (48, 21).

Доцентом кафедры антропологии Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина В. Я. Зезенковой были обработаны костные материалы, добытые на территории Туркмении отрядами ЮТАКЭ при раскопках 1949, 1950 и 1951 гг.

I. В 1949 г. костный материал был добыт XIV отрядом ЮТАКЭ при раскопках обширного древнего поселения Намазга-депе, расположенного близ станции Каахка. На основании археологических данных этот материал датируется II тысячелетием до н. э. Среди фрагментов костей конечностей, позвоночника, ребер и черепов оказались две сохранившиеся черепные крыши и лицевой отдел одного черепа. Одна из черепных

крышек, по-видимому, взрослого мужчины, имеет черепной указатель 73,47; при продольном диаметре 196 и поперечном—144 мм. Второй череп молодой особы имеет черепной указатель 77,96; при продольном диаметре 177 и поперечном 138 мм. Никаких следов искусственной деформации не отмечено. Сохранившаяся лицевая часть этого черепа европеоидного типа.

II. В 1950 г. продолжались раскопки Намазга-депе. Под полом жилищных сооружений были найдены 9 детских захоронений. Костный материал разного возраста и плохой сохранности. Удалось исследовать черепа из 5 захоронений. В захоронении № 3 обнаружены кости детского скелета 8—10 лет. Черепная крышка частью разрушена в височных областях, которые, однако, без труда удалось восстановить. Черепной указатель — 72,47; продольный диаметр — 174, поперечный — 126 мм. Никаких следов искусственной деформации не отмечается. Сохранившийся лицевой отдел европеоидного типа.

В захоронении № 4 обнаружены фрагменты скелета младенца. Черепная крышка сохранилась неполностью. Измерить ее диаметры не удалось, но по общему облику она долихоцефальная. Судя по лицевому отделу, в котором, к сожалению, отсутствуют носовые косточки, череп относится к европеоидному типу (глубокие клыковые ямки, выступающий горизонтальный профиль лица).

В захоронении № 6 найден скелет ребенка, возраста до 1 года. Из сохранившихся отдельных костей черепа удалось склеить черепную крышку и лицевой отдел. Черепной указатель этой реконструкции 75,56, при продольном диаметре 135 и поперечном 102 мм.

Из захоронения № 8 добыты обломки скелета ребенка, видимо, периода раннего младенчества. Черепная крышка представлена фрагментами, которые удалось склеить. Продольный диаметр этой реконструкции 108 мм, поперечный — 78 мм, черепной указатель — 72,22. Судя по сохранившемуся лицевому отделу череп европеоидного типа.

Из захоронения № 9 добыт скелет ребенка 6—7-летнего возраста. Череп неполный. С полной достоверностью удалось восстановить лишь лицевой отдел. Черепной указатель — 74,55; продольный диаметр — 165, поперечный — 123 мм.

Таким образом, все серии детских черепов из Намазга-депе относятся к долихокранному европеоидному типу.

III. В 1951 г. археологами ЮТАКЭ было добыто несколько черепов, имеющих различную датировку.

1. Наиболее древними из них являются два черепа, добытые XVII отрядом при раскопках древнего кладбища близ Янги-кала Геоктепинского района. Ввиду хрупкости черепа залиты парафином. Судя по общему облику они, несомненно, относятся к долихокранному и притом европеоидному типу (очень узкое и высокое лицо, с сольно выступающим горизонтальным профилем). М. Е. Массон датирует эти черепа концом II и не позднее начала I тысячелетия до н. э.

2. В разведочном стратиграфическом шурфе, заложенном X отрядом ЮТАКЭ на дахском городище Изат-кули в Мешхеди-Мисрианском районе, во втором культурном слое добыт хорошо сохранившийся женский череп. Черепной указатель — 76,84; при продольном диаметре — 177

и поперечном — 136 мм. Лицевой отдел несомненно европеоидного типа с сильно выступающим горизонтальным профилем (балл 3), глубокими клыковыми ямками (балл 3), средневыступающим носом (балл 2) и слабовыступающими скулами (скуловой диаметр 118 мм). Это европеоидный долихокранный череп датируется I тысячелетием до н. э.

3. Из курганного погребения, расположенного в 16 км от станции Бами, XX отрядом ЮТАКЭ добыт череп взрослой женщины. Череп мезокранный, с черепным указателем — 79,10; при продольном диаметре — 177 и поперечном — 140 мм. Судя по средневыступающему горизонтальному профилю лица и глубоким клыковым ямкам (балл 3) череп относится к европеоидному типу. Курганное погребение, из которого добыт этот череп, археологи считают погребением кочевого племени и датируют его первыми веками нашей эры.

4. Первым отрядом ЮТАКЭ вскрыто позднее захоронение на площади раскопок архитектурного комплекса городища Старая Ниса. Добыта одна хорошо сохранившаяся черепная крышка взрослого мужчины долихокранного типа: черепной указатель — 75,53; продольный диаметр — 188, поперечный — 142 мм. Там же добыт один женский череп (из комнаты № 1) по общему облику мезокранный, европеоидный. Этот материал датируется XVII—XVIII вв.

Обособленно стоит единственный брахикранный череп (инвентарный № V-14). Это череп взрослого мужчины, с черепным указателем — 88,02. Обращает на себя внимание сильно уплощенный затылок (симметрично, следовательно не от бешика), сильно выдающийся нос, с выпуклыми в нижней части носовыми костями, глубокие клыковые ямки и слабо выступающие скулы. Возможно, что этот череп относится к типу переднеазиатской европеоидной расы. За исключением этого единственного брахицефального черепа, черепа всех исследованных серий относятся к долихокранному европеоидному типу.

Они добыты в нескольких, далеко отстоящих друг от друга пунктах, от Мешхеди-Мисрианского плато до Каахка. **Никаких следов искусственной деформации не отмечено ни разу ни в материалах Помпелли, ни в материалах М. Е. Массона.** Эти материалы охватывают различные эпохи и различные возрасты. Все они имеют солидную археологическую документацию для хронологической датировки, охватывающую огромный промежуток времени от III тысячелетия до нашей эры до XVII—XVIII вв. нашей эры.

Еще более разнообразные краниологические материалы были добыты экспедициями М. Е. Массона за последние годы (1953—1956 гг.). Эти материалы публикуются в настоящем сборнике, в работе В. Я. Зезенковой, поэтому мы здесь их не приводим. Отметим лишь, что и эти материалы, как и все ранее опубликованные, не оставляют сомнений в том, что долихоцефальная европеоидная раса, и поныне явно преобладающая среди туркмен, является расой местной, автохтонной, видимо здесь на территории Закаспийских степей сформировавшейся. Первоначально она входила в состав местных древних племен Закаспия, носивших общее название скифских или сакских племен.

6. ДРЕВНИЕ СКИФСКИЕ (САКСКИЕ) ПЛЕМЕНА ТУРКМЕНИИ И ВОПРОС ОБ ИХ ЯЗЫКОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Согласно В. В. Бартольду «В древности Индия и Иран одинаково были заняты народом, называвшим себя арианами (арийцами)» (5, стр. 5). Позднее название «ариев» (или «арийцев») видоизменяется сперва в «Эран», затем в Иран. Этот термин в дальнейшем сохраняется лишь для территории к западу от Инда, а страна к востоку от него получает название Индии и ее население — индийцев. Этим позднейшим ариям, т. е. иранцам собственно Ирана стали противополагать живший к северу от них народ туров (tura) и сайримов (sairima). «Если под последними, как полагают, надо понимать сарматов или савроматов греческих писателей, то имеется в виду среднеазиатский народ, по мнению большинства ученых, родственный иранцам» (5, стр. 5). Далее В. В. Бартольд ссылается на Эратосфена (III в. до н. э.), согласно которому северной границей, отделяющей собственно иранцев от народа туров или саримов «был Гиндукуш и горные цепи к западу от него», т. е. Копет-Даг (5, стр. 6). Таким образом, племена сайримов-сарматов или туров заселяли в древности степи нынешней Туркмении. Лишь позднее, очевидно, после тюркизации населения Закаспия по языку, Туран стали отождествлять с Туркестаном, т. е. страной турок (5, стр. 6).

Сарматы входили в состав многочисленных племен, известных под именем скифов.

Термином скифы покрывался конгломерат племен не только юга России, но и степей Закаспия. Однако чаще для обозначения древнейшего кочевого населения Закаспия, как и для других областей Средней Азии, употребляется персидский термин—саки. Но нередко «саки» и «скифы» употребляются в качестве синонимов. Данные о местах расселения этих племен в Закаспии приводятся в макете 1-го тома «Истории СССР», изданном в 1939 г. (24, стр. 188—193), в работах Л. В. Берга (7), В. В. Бартольда (6), М. Е. Массона (38).

1, Самым северным из скифских племен названы саки, кочевавшие по ту сторону Яксарта (Сыр-Дарьи). Это народ се китайских летописей.

2. По нижнему течению Сыр-Дарьи и между Аральским и Каспийским морями до Узбоя кочевали массагеты. По мнению С. П. Толстова, на приаральских массагетов позднее было перенесено имя алан (53). Массагеты занимали также значительную часть Закаспийских степей. Так, Геродот сообщает, что «Каспийское море есть отдельное, не сливающееся с другими. С востока к этому морю примыкает необозримая равнина, значительную часть этой равнины занимают массагеты» (7, стр. 73).

3. По юго-восточному побережью Каспийского моря в области, носившей название Гиркания, обитали племена гирканиев (отсюда название Каспийского моря Гирканским), каспиев (отсюда название Каспийского моря) и тапуров.

4. Далее на восток от Каспийского моря, в Кара-Кумах вплоть до низовьев Теджена обитали даи или дахи (24, стр. 190). Племя дахов населяло также Западный Туркменистан, к северу от р. Атрека. По имени дахов эта область носила название Дахистана (27, стр. 136 и

38 стр. 22). При этом основная масса дахов была представлена западной ветвью, т. е. дахами Дахистана, а восточная их ветвь «входила в состав парнов, кочевавших вдоль Теджена (Оха), вдали от основной массы племени дахов» (27, стр. 77).

5. Южнее этих кочевников, по северным и южным склонам Копет-Дага, в середине III в. до н. э. «в результате успешно завершившегося освободительного движения местного населения против греко-македонского владычества» сложилось Парфянское государство (27, стр. 76 и сл.).

Основную массу парфян составили, видимо, те же скифские племена Закаспия.

Из всех перечисленных племен наибольшее количество данных сообщается о массагетах и саках. Сведениями об этих племенах мы обязаны, главным образом, Геродоту, так как другие античные историки, в том числе и Страбон, его лишь повторяют. В переводах первоисточников, изданных под редакцией Л. В. Баженова, больше всего имеется упоминаний о тех же массагетах и саках (17). Даи (дахи) упоминаются в географии Страбона (VII, 3, 12), который помещает их после Гиркании (17, стр. 23) близ юго-восточного побережья Каспийского моря. Как мы видели, страна на побережье Каспийского моря, лежащая к северу от Атрека, по имени дахов носила название Дахистана.

В «Истории Туркменской ССР» весь конгломерат древних племен Закаспия фигурирует под именем сакских племен, сако-массагетских племен, дахо-сако-массагетских племен, скифских племен и пр.

Поскольку конгломерат всех этих древних племен, несомненно предшествовавших в степях Закаспия не только туркменам, но и другим тюркоязычным племенам, носил также общее название скифских или сакских племен, мы сохраняем этот последний термин для обозначения всего дотюркского населения Закаспия.

Приведенные выше палеоантропологические материалы, полученные на различных, достаточно удаленных друг от друга мест Туркмении, показали, что этому древнейшему населению Закаспия был свойствен долихоцефальный европеоидный тип. Этот древний местный европеоидный тип, как мы видели, и поныне присущ различным туркменским племенам, обитающим в самых различных областях Туркмении.

В настоящее время является общепризнанным, что древние скифские (сакские) племена Закаспия говорили на языках иранской ветви индоевропейской лингвистической семьи. В свое время, когда еще не было письменных памятников, принадлежащих древнему населению Туркмении, В. В. Бартольд высказывался в том смысле, что это население было ираноязычным. По его мнению скифские племена Закаспия, которые были известны также под именем туров и сайримов (сарматов), были «родственны иранцам» (5, стр. 5).

В трудах В. В. Бартольда под словом «родство», как правило, понимается родство по языку. В другом своем труде В. В. Бартольд ссылается на Хирта, согласно которому туркмены являются потомками алан, «народа иранского происхождения» (6, стр. 7). Термин «происхождение» (народ «турецкого», «монгольского», «тунгусского», «иранского» и т. п. происхождения) В. В. Бартольд также понимает в смысле языковой принадлежности.

В макете 1-го тома «Истории СССР» всем перечисленным выше скифским племенам Закаспия также приписывается иранская лингвистическая принадлежность (24, стр. 182—185). Той же точки зрения придерживается в своем последнем труде А. Ю. Якубовский: «в древности на территории Туркменской ССР жили пастушеские, а затем и кочевые племена—дахи, массагеты, аланы, говорившие на языках, принадлежащих к иранской языковой семье» (57, стр. 4). В городах Туркмении—Мерве, Абиверде, Серахсе, Нисе население говорило на иранском языке до XIII в. (57, стр. 12). За последние годы, благодаря исследованиям ЮТАКЭ, проводившейся под руководством М. Е. Массона, наряду с другими блестящими открытиями, получены образцы парфянской письменности. С городищ Старой и Новой Нисы, на территории древней Парфии, были найдены документы, написанные на черепках арамейским письмом. Они были дешифрированы и анализированы братьями Дьяконовыми и Лившицом. Анализ, проведенный названными авторами, показал, что документы написаны на парфянском языке (18). При этом изучение лексики, морфологии и синтаксиса этих документов показало, что парфянский язык, несомненно, относится к иранской ветви индоевропейской лингвистической семьи.

Таким образом, древнейшее население Закаспийских степей было представлено долихоцефальной европеоидной расой, входившей в состав местных ираноязычных скифских (сакских) племен.

Процесс тюркизации по языку этого древнего населения и монголизации его по типу начался позднее, видимо, не ранее VI в. нашей эры.

Еще позднее, лишь с XI в. появляется здесь основная масса тюркоязычных племен, первоначально известных под именем огузов или гузов.

7. ВОПРОС О ПРАРОДИНЕ ТУРКМЕНСКИХ (ОГУЗСКИХ) ПЛЕМЕН

Название «туркмены» для обозначения определенной группы тюркоязычных племен Средней Азии появляется лишь с конца X в. н. э. (26, стр. 28). До X в. те же племена носили название огузов или гузов. Огузов нередко считают «предками» современных туркмен. Такая точка зрения совершенно неправильна. Подобно тому как узбекские племена XV—XVI вв. являются лишь одним из многочисленных этнических слагаемых узбекского народа, огузские племена являются одним из многочисленных этнических слагаемых, вошедших в состав туркменского народа.

«Прародиной» огузов, т. е. территорией, на которой формировалось исходное ядро этих племен, историки считают страны, лежащие далеко на северо-востоке от современной Туркмении. Так, Абулгази-Богадур-хан, как известно, написавший родословную туркмен еще в XVII в., указывает прародину огузов в странах Алмалыка, т. е. в бассейне реки Или и озера Иссык-Куль (1). Аристов относит прародину огузов еще дальше на восток, в пределы самой Монголии, на берега реки Селенги (2). Там же прародину огузов локализирует В. В. Бартольд (6, стр. 10). Наконец, той же точки зрения придерживаются и новейшие исследователи. Так, по Гордлевскому «первый ранний след (культурно-бытовой) остался на сельджукидах от монголов, когда турки и монголы жили вместе, где-то в Монголии» (13, стр. 183). Как известно с XI в. «предки» туркмен гузы в трудах историков нередко фигурируют под именем турок-сельджу-

ков. Под этим именем лишь в XI в. основная масса туркмен заселяет территорию современной Туркмении.

Таким образом, историки указывают прародину огузов-туркмен в исходном ареале распространения монголоидов, и притом монголоидов не долихоцефальных, а брахицефальных. Следовательно, туркмены-огузы включили в свой состав европеоидную долихоцефальную расу, ныне явно среди них преобладающую, лишь после того, как они расселились в центре распространения этой расы.

Еще в первых наших работах, посвященных этногенезу туркмен (44, 45), мы показали, что туркмены-огузы включили в свой состав долихоцефальную европеоидную расу еще до расселения в Закаспийских степях, в ту эпоху, когда основная их масса кочевала в степях, окружающих Хорезмский оазис. Этот наш вывод основывался на исторических известиях, относящихся к X веку. Приводим важнейшие из этих известий.

8. ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗВЕСТИЯ, СВИДЕТЕЛЬСТВУЮЩИЕ О ДОЛИХОЦЕФАЛЬНОМ ЕВРОПЕОИДНОМ ТИПЕ ТУРКМЕН-ОГУЗОВ ВО ВРЕМЯ ОБИТАНИЯ ИХ В ХОРЕЗМЕ В X ВЕКЕ

К. Л. Иностранцев в своей работе «О домусульманской культуре Хорезмского оазиса» (23) приводит любопытное сообщение арабского географа Мукаддаси (Макдиси). Последний сообщает, что в X в. нашей эры хорезмийцы стали своим типом очень походить на тюрков, кочевавших по периферии Хивинского оазиса. Сходство это доходило до такой степени, что нередко, когда хорезмийцы попадали в соседние страны — в Мавераннахр или Персию, их принимали за тюрков-кочевников, постоянно враждовавших в те времена с оседлыми иранцами, и как представителей враждебного племени их продавали в рабство.

В данном случае нет оснований приписывать сходство хорезмийцев X в. с тюрками-кочевниками значительной примеси к ним монголоидных признаков от этих тюрков-кочевников. Процесс монголизации оседлого населения Хорезма и Мавераннахра в последующие века все нарастал. Между тем, по нашим исследованиям (46) и по исследованиям А. И. Ярхо (59), даже современные хорезмийцы, в лице узбеков Хорезма, являются типичными представителями европеоидной расы Среднеазиатского междуречья. Среди них отмечается лишь незначительная примесь монголоидных признаков. Узбеки Хорезма, как и другие группы узбеков, гораздо ближе стоят к типичным европеоидам Мавераннахра таджикам, чем к монголоидам Дешти-Кипчака казахам и киргизам.

С антропологической точки зрения современных узбеков Хорезма следует рассматривать как потомков древних хорезмийцев. Есть все основания полагать, что средневековые хорезмийцы были еще менее монголоидны, чем их потомки. Такой вывод неизбежен, если учесть весь исторически свершавшийся параллельный процесс тюркизации по языку и монголизации по типу древнего ираноязычного европеоидного населения Хорезма и Мавераннахра.

Итак, хорезмийцы X в. едва ли восприняли монголоидные признаки благодаря метисации с соседившими с ними тюрками-кочевниками. Другими словами те тюрки, с которыми уже смешивались хорезмийцы X в., не были типичными монголоидами, и, следовательно, не по общему монголоидному облику смешивали в ту эпоху хорезмийцев с тюрками.

Однако еще важнее то обстоятельство, что Мукаддаси прямо указывает соматический признак, совершенно не свойственный современному тюркоязычному населению Хорезма и Мавераннахра, который делал хорезмийцев X в. похожими на тюрков, кочевавших в ту эпоху по периферии Хивинского оазиса. Ввиду важности возможно более точно указать этот соматический признак, который, по мнению Мукаддаси, делал хорезмийцев его эпохи похожими на соседивших с ними тюрков, привожу здесь выдержку из своей ранее опубликованной работы, относящейся к данному вопросу (44).

По словам Мукаддаси, хорезмийцы эпохи Саманидов (X в. н. э.) до такой степени стали походить на окружавших их тюрков-кочевников (что он определенно приписывает смешению их с последними), и случаи продажи их в рабство, благодаря тому, что их принимали за тюрков в соседних странах, бывали так часты, что хорезмийское правительство вынуждено было даже принять специальные меры к тому, чтобы изменить внешний облик своих подданных и сделать их менее похожими на соседивших с ними тюрков-кочевников.

В упомянутой работе Иностранцева, откуда мы заимствуем весьма ценные сообщения Мукаддаси, говорится, что с этой целью «хорезмийским женщинам было приказано, при рождении детей, привязывать по обеим сторонам головы новорожденных мешки с песком, чтобы черепа их сделались шире» (23, стр. 304). Там же Иностранцев сообщает, со слов того же автора, что хорезмийцы стремились сделать головы новорожденных более широкими и короткими, в целях отличить себя от окружавших тюрков-кочевников (23, стр. 304). Мукаддаси был не единственным арабским географом, отметившим хорезмийский обычай вызывать искусственную деформацию черепа. Так, Якут, писавший позднее, в начале XIII в., говорит, что у хорезмийцев «широкие головы и лбы», что он приписывает обычаю искусственно деформировать череп» (23, стр. 304, сноска 3). Впрочем, в свое время, ознакомившись с нашей работой, покойный академик В. В. Бартольд указал нам, что этот второй источник мало доказателен, так как весьма часто более поздние арабские географы заимствовали у своих предшественников, что Якут, весьма возможно, просто передает то, что он прочитал у Мукаддаси. Иное дело первичный источник. По моей просьбе акад. В. В. Бартольд любезно сообщил мне соответствующие места из Мукаддаси. Оказалось, что цитаты, приведенные Иностранцевым, совершенно точно передают смысл сказанного Мукаддаси. Ныне изданы переводы летописей Мукаддаси (Макдиси) и Якута. Перевод соответствующих мест также в точности воспроизводит все вышесказанное (39, стр. 186 и 420).

Точное указание Мукаддаси на искусственную широкоголовость, которая вызывалась путем наложения тяжести (в виде перекинутых наподобие переметной сумы мешков с песком) на голову ребенка, лежавшего навзничь в люльке, не оставляет никакого сомнения в том, что современные Мукаддаси хорезмийцы стремились стать из долихоцефалов — брахицефалами. При этом делали они это с целью отличить себя от окружавших тюрков-кочевников.

Эта долихоцефалия, судя по приведенным историческим известиям, часто встречавшаяся среди хорезмийцев X в., в течение последующего

тысячелетия, видимо, сильно сгладилась, так как для современных хорезмийцев, в лице узбеков, характерна брахицефалия. А. И. Ярхо получил для хивинских узбеков среднюю головного указателя 83,50; по моим данным она равна 82,21. Эти средние несколько ниже, чем средние, встречающиеся среди узбеков других областей Узбекистана. Возможно, что примесь долихоцефального элемента, сказывающаяся на понижении средней величины головного указателя, сохранилась у хивинских узбеков еще от той эпохи, когда они интенсивно смешивались с окружавшим их долихоцефальным населением. Мукаддаси прямо указывает, что в X в. хорезмийцы приобрели длинноголовость благодаря смешению с окружавшими их тюрками-кочевниками. Между тем для всех турецких народов Средней Азии как кочевых, так и оседлых, характерна не долихоцефалия, а явно выраженная брахицефалия.

Однако и на современном брахицефальном фоне населения Средней Азии, есть одна единственная народность, которая выделяется ярким пятном по своей долихоцефалии — это туркмены.

Как указывалось выше, предки современных туркмен носили название гузов или огузов. В исторических известиях есть прямые указания на то, что оседлое население Хорезма в X в. непосредственно соприкасалось с кочевьями гузов-туркмен. Так, арабский географ-путешественник Абу-Исхак-эл-Истахри, лично посетивший Хорезм в X в., пишет следующее: «Хорезмом называется страна, отдельная от Хорасана и Мавераннахра. Со всех сторон она окружена степями, причем границы ее на севере и на западе соприкасаются с землями (кочевьями) гузов» (11, стр. 32). Характер отношений этих кочевников-гузов, уже в X в. полукольцом охватывавших всю северо-западную часть Хивинского оазиса, с оседлыми обитателями того же оазиса определялся двумя моментами. Тот же Истахри пишет: «Хорезмийцы находятся в большой опасности от гузов и принуждены постоянно сдерживать их» (11, стр. 33). О постоянной вражде гузов-туркмен с оседлыми хорезмийцами сообщает и другой арабский географ той же эпохи — Мас'уди: «Караваны с товарами постоянно ходят из Болгарии в Хорезм и наоборот, при этом им приходится защищаться от кочевых тюркских племен, через страны которых лежит их путь» (11, стр. 31). Путь же в Болгарию, т. е. на Каму, лежал на запад, так что караванам, шедшим из Хорезма, прежде всего приходилось проходить через степи, населенные гузами-туркменами. Через те же степи проходили и караваны, шедшие из Болгарии в Хорезм.

В той же ранее опубликованной работе (44), мне уже приходилось указывать, что отношения кочевников-гузов-туркмен к оседлым хорезмийцам не исчерпывалось только набегами на орошенные части оазиса и разграблением караванов по путям, связывавшим его с другими странами. Между хорезмийцами и туркменами-гузами шла интенсивная торговля, главным образом путем обмена продуктов скотоводческого хозяйства на предметы производства ремесленного и земледельческого оседлого населения Хорезма. Так, Истахри, описывая богатства Хорезма и благосостояние его жителей, замечает: «Нет здесь ни золотых, ни серебряных руд, а равно нет и драгоценных каменьев. Народ богат единственно от торговли с турками» (11, стр. 38). Лежащий на южном берегу

Джейхуна (Аму-Дарьи) большой город Джорджание (Ургенч) — самый большой город в стране после столичного, служит главным торговым пунктом для гузов» (11, стр. 33).

Таким образом, есть прямые указания источников на интенсивную торговлю, шедшую между оседлыми хорезмийцами и гузами-туркменами, кочевавшими по периферии их земель. Однако гузы были не только кочевниками-скотоводами. Новейшие, весьма обширные исследования, проводимые С. П. Толстовым (53), полностью подтвердили сообщения одного из арабских географов XI—XII вв. — ал-Идриси о ряде городов, принадлежавших гузам. Экспедициями С. П. Толстова в староречиях Жамы-Дарьи и Куван-Дарьи открыт ряд городищ, принадлежавших гузам. Археологические материалы, добытые из этих городищ, подтверждают тесные отношения между гузами и хорезмийцами.

Географ XIII в. Якут в своем географическом словаре сообщает, что в Хорезме, смежном с кочевьями тюрков, общение оседлого хорезмийского населения с тюрками было настолько тесным, что в Хорезме выработался своеобразный промежуточный язык — «не хорезмский и не турецкий» (11, стр. 20).

Однако это начавшееся вытеснение древнего хорезмийского языка — диалекта иранской ветви индоевропейской лингвистической семьи языком тюркским еще ничего не говорит о возможной метисации тюркоязычных племен с ираноязычными. Сопоставляя факты, сообщенные в арабских источниках X века, мы получили совершенно определенную картину взаимоотношений между этими племенами.

Тюрки-гузы в качестве воинов-наездников грабят на периферии орошенного Хорезмского оазиса и на путях к нему ведущих, а в качестве скотоводов ведут обширную, обогащавшую Хорезм торговлю, очевидно, лишь на короткий срок, в базарные дни, наводняя крупнейшие центры Хорезма. Смешанные браки, в собственном смысле слова, едва ли когда-либо заключались между этими враждовавшими племенами. Несколько большую метисацию могла дать турецкая гвардия, жившая внутри орошенного оазиса и служившая опорою хорезмийского правительства. Но, во-первых, она не могла быть по тем временам многочисленной — исчислялась тысячами, а, во-вторых, мы не нашли прямых указаний на обычаи набирать в Хорезме войска из тюрков уже в X в. Совершенно определенные указания на этот счет имеются лишь для эпохи более поздней, для периода династии хорезмшахов (XII в. 3, стр. 347—355).

Таким образом, мы имеем как бы два рядом стоящих, но замкнутых мира. Кочевой Туран и оседлый Иран тогда жили бок о бок, но обособленно, давая лишь очень медленную и ограниченную диффузию.

Наиболее вероятным источником массовой метисации, которая могла бы изменить основной антропологический тип хорезмийского населения и сделать его похожим на живших по территории оазиса тюрков, могли быть многочисленные тюркские невольники и главное невольницы, которых хорезмийцы массами захватывали при бесконечных стычках и войнах с кочевниками-тюрками. Редкая семья в ту эпоху обходилась без невольников и невольниц, причем последние, разумеется, поступали в гаремы в качестве наложниц. Об этом мы имеем и совершенно опре-

деленное свидетельство: со слов Мукаддаси Иностранцев указывает именно на этот обычай набирать рабов из тюрков, как на причину метисации и на причину сходства хорезмийцев с тюрками.

Все вышеприведенные данные позволяют нам, кажется, с достаточной степенью достоверности утверждать следующее:

1. В X в., к которому относятся сообщения арабских географов, тюрками, окружавшими Хивинский оазис, были туркмены, носившие в ту эпоху имя гузов или огузов, лишь позднее выступившие под своим современным именем — туркмен.

2. Именно благодаря смешению с ними хорезмийцы X в. приобрели несвойственную им долихоцефалию, что делало их похожими на гузов.

3. И следовательно предки туркмен — гузы, тысячелетие тому назад были такими же долихоцефалами, как и современные их потомки — туркмены.

Судя по всем вышеприведенным данным, оседлое население Мавераннахра и других сопредельных с Хорезмом стран принимало хорезмийцев за тюрков-гузов именно благодаря несвойственной этому населению, «дынеобразной» форме головы. Именно от этого «огузского» признака стремились избавиться хорезмийцы и с этой целью клали на головы новорожденных мешки с песком. При таком положении вещей возникает вопрос, распознает ли современное брахицефальное население Средней Азии этот отличительный признак туркмен как нечто необычное, сразу же бросающееся в глаза?

На этот вопрос можно дать вполне положительный ответ. Как указывалось выше, русское население Хивы в 1923 г. именно по этому признаку без труда различало туркмен от узбеков.

В свете этих фактов нет оснований сомневаться в том, что и в X в. местное брахицефальное население Мавераннахра сразу же отличало гузов-туркмен по свойственной им долихоцефалии.

Тюркские племена становятся в Хорезме известными под именем огузов лишь с X в. Поскольку огузы являются выходцами из самого центра распространения монголоидной расы — из Монголии, мы имеем достаточные основания предполагать, что европеоидный компонент туркмены включили в свой состав уже в местах нового своего поселения. Об этом имеется и прямое историческое известие.

9. ИЗМЕРЕНИЕ ТИПА ТУРКМЕН-ОГУЗОВ ПО МЕРЕ РАССЕЛЕНИЯ ИХ В АРЕАЛЕ ЕВРОПЕОИДОВ И СВЕДЕНИЯ О СКИФСКИХ (САКСКИХ) ПЛЕМЕНАХ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ ГУЗАМ В НИЗОВЬЯХ СЫР-ДАРЬИ И АМУ-ДАРЬИ

По мнению Абулгази, автора «Родословной туркмен», туркмены-огузы первоначально имели обычные для тюрко-монгольского типа черты, так как лишь значительно позднее, будучи вытеснены с Иссык-Куля в низовья Сыр-Дарьи «найманами, хитаями и канглами», а оттуда еще южнее в Мавераннахр, они приобретают черты европеоидные. Абулгази-хан пишет:

«Тех туркмен, которые попали в Мавераннахр, таджики сначала называли тюрками. Спустя пять или шесть поколений, они изменились под

влиянием земли и воды... стали короткими, глаза большими, лица сделались маленькими, а носы большими. Когда из пришедших в туркменскую страну и поселившихся там племен стали появляться в Мавераннахре купцы и рабы, то различие обнаружилось между ними и тюрками. Таджики стали называть этих последних тюрками, а первых турок прозвали «тюркманенд». Смысл этого слова — похожий на тюрка. Простой народ, не будучи в состоянии произносить тюркманенд, говорил тюрк(мен)» (1, стр. 40).

Другими словами, по мнению Абулгази-хана, в новом географическом ландшафте, под влиянием изменившейся среды («земли и воды») туркмены приобрели новые черты — большие глаза, «маленькое» (очевидно узкое) лицо и большой нос. Эти европеоидные черты проще всего объясняются тем, что переселившиеся на юг туркмены смешались с местным европеоидным населением. За типичными тюрко-монголами таджики оставили название тюрков, а туркменами стали называть, лишь «похожих на тюрков», вероятно по сходству языка и обычаев.

Как показывают приведенные выше исторические известия, еще в X в., до массового переселения на территорию нынешней Туркмении, в эпоху обитания в низовьях Аму- и Сыр-Дарьи туркмены-огузы включили в свой состав долихоцефальный европеоидный компонент.

В степях Приаралья, в низовьях Аму- и Сыр-Дарьи тюркоязычным племенам предшествовал пласт ираноязычных скифских (сакских) племен. Пласт этот тянулся, как известно, далеко на запад, где он был представлен скифскими племенами причерноморских, приазовских и прикавказских степей. С. М. Середонин указывает, что Геродот помещал скифов между Барисфеном (Днепром) и Танаисом (Доном), а к востоку от последнего простирался пласт сарматских или аланских племен. Степи северного Прикаспия и Приаралья носили название Сайрима, т. е. страны сарматов (52, гл. IV). Согласно новым обширным исследованиям С. П. Толстова одно из скифских (сакских) племен — аланы — занимало огромную область от Сыр-Дарьи и Хорезма до Предкавказья. Эта область была известна китайцам сперва под именем Яньцай, и позднее под именем Аланья (53, стр. 75).

С. П. Толстов считает огузов VIII—X вв. «прямыми потомками» этого местного аланского населения. В низовьях Сыр-Дарьи аланам предшествовало еще более древнее местное население «древние сакско-массагетские племена, массагеты болот и островов, апасиаки (водные саки), говорившие, видимо, частью на архаических индоевропейских языках... Эти племена около начала нашей эры в той или иной мере воспринимают язык сарматского (североиранского) типа и выступают под именем алан, арсиев (аорсов) или асов (ясов, ятиев)» (53, стр. 100).

Таким образом, в исследованиях С. П. Толстова в качестве прямых предков огузов-туркмен выступает отнюдь не «огузово племя», пришлое из Монголии, а местное автохтонное, в языковом отношении иранское население, лишь позднее тюркизованное по языку.

Такая точка зрения вполне совпадает с нашей.

Таким образом, древнейшее население, предшествовавшее гузам-туркменам не только на территории современной Туркмении, но и на окраинах Хорезмского оазиса, в низовьях Сыр- и Аму-Дарьи было представ-

лено долихоцефальной европеоидной расой, входившей первоначально в состав ираноязычных «скифских (сакских) племен».

Процесс тюркизации по языку и монголизации по типу этого древнего «скифского (сакского)» пласта начался еще до появления на исторической арене огузов-туркмен.

10. ВОПРОС О ВРЕМЕНИ, С КАКОГО НАЧАЛСЯ ПРОЦЕСС ТЮРКИЗАЦИИ ПО ЯЗЫКУ И МОНГОЛИЗАЦИИ ПО ТИПУ СКИФСКИХ (САКСКИХ) ПЛЕМЕН В ПРИАРАЛЬЕ И ЗАКАСПИЙСКИХ СТЕПЯХ

Этот процесс мог начаться в области восточного Приаралья еще с IV в. нашей эры. Основываясь на китайских известиях (Бей-ши), С. П. Толстов сообщает, что «около середины IV в. нашей эры в области Восточного Приаралья появляются выходцы с северо-восточных рубежей Средней Азии — ветвь западных гуннов — подчиняют себе местное древнее сармато-аланское население и кладут основу алано-гуннскому варварскому государству» (53, стр. 77).

В «Истории Туркменской ССР» к этому же времени отнесено появление гуннов в Северном Туркменистане (27, стр. 129). С указанным временем совпадает и проникновение гуннов далее на запад, поскольку историки относят разгром гуннами прикавказских аланов к семидесятым годам IV в. нашей эры (24, стр. 31 и 37).

Как известно, историки и лингвисты обычно относят гуннский язык к семейству тюркских языков. Что касается антропологического типа гуннов, то об их ярко выраженной монголоидности свидетельствуют палеоантропологические материалы, найденные не только в гуннских погребениях восточнее Байкала, но и в гуннских погребениях Венгрии (16, стр. 121). Монголоидность типа гуннов, проникших в Европу в IV веке, подтверждается и историческими источниками. Их монголоидный облик, резко отличавшийся от местного европеоидного населения, достаточно ясно выступает в описаниях римского историка IV в. Аммиана Марцеллини и историка готов VI в. — Иордана (52, стр. 78).

Гунны являются первой волной многочисленных племен, двигавшихся из исходного центра распространения монголоидных по типу тюркоязычных племен. В своем движении на запад эти племена проходили через Приаральские и Прикаспийские степи и часть их здесь оставалась. С VI в. в этих степях появляются новые выходцы из Монголии—авары. В их состав входили и древнемонгольские племена, в частности племя баят (баяут) (53, стр. 101). Это племенное название и поныне сохранилось среди туркмен; туркменское племя баят исследовано Наджимовым в 1955 г. в районе Чарджоу. Таким образом, процесс тюркизации по языку и монголизации по типу скифских (сакских) племен в Приаральских степях мог начаться за несколько столетий до объединения этих местных племен под именем огузов. Конгломерат приаральских племен покрывается термином огузы с X—XI вв. (53, стр. 101). К этому времени скифские (сакские) племена, вошедшие в состав огузов, уже были тюркизованы по языку. Как указывалось выше, арабские географы X в. называли огузов, кочевавших по территории Хорезмского оазиса, тюрками. Параллельно с тюркизацией местного населения по языку, шел в той или иной степени процесс монголизации его по типу. Однако, судя по всем

приведенным выше данным, в составе огузов X века преобладал не монголоидный, а местный долихоцефальный европеоидный тип. Процессы расовой и языковой ассимиляции могут быть противоположными: пришлое население ассимилирует местное население по языку, но само «растворяется» в местном населении, ассимилируется местным населением, часто гораздо более многочисленным. Например, такая противоположность расовой и языковой ассимиляции наблюдается в междуречье Средней Азии.

По-видимому, процесс тюркизации скифских (сакских) племен в Закаспийских степях начался несколько позднее, чем в низовьях Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи. Закаспийские степи лежат южнее обычного пути, по которому шло движение на запад тюркских монголоидных племен. Путь этот шел севернее Сыр-Дарьи по широкой северной степной полосе Средней Азии, простиравшейся далее в Южнорусские степи. Но и в Закаспии процесс этот мог начаться за несколько столетий до массового переселения сюда туркмен-огузов в XI в. Как известно, с этого времени огузские туркменские племена нередко называются в литературе тюрками-сельджуками.

Тюркские племена появляются на территории современной Туркмении с эпохи Тюркского каганата VI в., пределы которого распространились «до границ Персии и Византии» (4, стр. 9).

«Во время господства Тюркского каганата на территорию Туркменистана переселилось значительное количество новых тюркских племен. Эти племена в дальнейшем также явились составными частями, из которых впоследствии сложилась туркменская народность» (27, стр. 151).

В VI в. тюркские племена обитали по южному побережью Каспийского моря. Сасанид Хосров и Ануширван (539—571) построил стену, «тянущуюся от моря до гор». Эта стена была построена со специальной целью охранять область Гургена от нападений тюрков-кочевников (57, «Советская этнография», № 3, стр. 53). По-видимому, в том же VI в. их кочевья простирались и далее на восток. Так, согласно В. В. Бартольду «можно предполагать, что степи к востоку от Каспийского моря были заняты турками еще в VI в., так как к этому времени относится столкновение турок с сасанидской Персией и что гузы или огузы арабских географов были потомками тех же турок...» (6, стр. 13).

Правда, здесь точно не указано насколько далеко на восток от Каспийского моря расселились тюрки в VI веке. Но в следующих VII—VIII вв. их кочевья, несомненно, доходили не только до центра современной Туркмении, но и пределов Афганистана. Основываясь на арабских источниках А. Ю. Якубовский сообщает, что «под Мервом, под Балхом, в Багдисе в VII в. и в начале VIII в. кочевое население было весьма густым. Тюрки сюда не раз являлись в качестве войска. Естественно, что после таких походов какая-то часть этих тюрок здесь оседала; именно это и произошло с карлуками, которые в VIII в. образовали группу тохаристанских карлуков со своим ябгу» (57, стр. 53). Как известно, в состав Тохаристана входила северо-восточная часть Афганистана (Бадахшанская провинция), юго-западная часть современного Узбекистана (Сурхан-Дарьинская область) и юго-восточная часть Таджикистана

Эта территория была заселена народом, носившим название тохаров или эфталитов. Эфталиты говорили на тохарском языке (27, стр. 133), относящемся к иранской языковой группе. Судя по описаниям Аммиана Марцеллина (IV в.) и Прокопия Кессарийского эфталитам был присущ европеоидный тип (46, ч. II, стр. 174). О том же свидетельствуют изображения эфталитских царей на монетах. На этих изображениях нет никаких монголоидных признаков (27, стр. 134). В дальнейшем эфталиты были тюркизованы по языку (57, стр. 54) и вошли в состав туркменского народа. Одно из наименований эфталитов—абдали — сохранилось в названии родовых группировок туркменских племен — чаудоров и сарыков (27, стр. 133—134). Антропологически племя чаудоров было исследовано в 1930 г. в пределах Хорезма А. И. Ярхо, племя сарыков исследовано К. Наджимовым в районе Иолотани и Тахта-Базара. Оба эти племени оказались типичными представителями европеоидной долихоцефальной закаспийской расы, с обычной для туркмен примесью монголоидных признаков.

Как упоминалось выше, в приаральских степях широко было распространено скифское (сакское) племя аланов. Относительно пребывания аланов в степях нынешней Туркмении А. Ю. Якубовский пишет следующее: «К сожалению, у нас нет в настоящее время таких вещественных памятников с территории Туркмении, которые мы могли бы определить как памятники аланские... Однако факт пребывания аланов до и после появления огузов на территории Туркмении бесспорен... Процесс тюркизации (этих) нетюркских элементов на территории Туркмении начался еще до появления первой партии огузов, т. е. до IX в. Особенно усилился процесс тюркизации после того, как в IX—X вв. на территории Туркмении скопилось большое число огузов. Аланы и асы потеряли свой язык и тюркизовались в языковом отношении. Однако этнические, точнее антропологические особенности их физического типа не исчезли бесследно. Они передали народу, который окончательно сложился здесь и получил имя туркмен, свою долихоцефалию» (57, стр. 54). В заключение А. Ю. Якубовский отмечает, что эта точка зрения была впервые высказана нами в двух наших первых работах, посвященных этногенезу туркмен.

Итак, процесс тюркизации по языку «скифско-сакских» дотюркских племен Закаспия начался задолго не только досельджукского движения, т. е. массового движения огузов в Туркмению в XI в., но даже еще до IX в., быть может еще с эпохи Тюркского каганата VI в. н. э. За указанные 4—5 столетий могла иметь место и та или иная примесь монголоидных признаков к европеоидному долихоцефальному населению Закаспия, входившему в состав местных «скифско-сакских» племен.

II. ВОПРОС О ВРЕМЕНИ ЗАСЕЛЕНИЯ ОГУЗАМИ ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ТУРКМЕНИИ И О ПРИНЕСЕННЫХ ИМИ РАСОВЫХ КОМПОНЕНТАХ

А. Ю. Якубовский относит первое появление огузов на территории Туркмении к IX в. Первое движение части огузов, живших тогда на среднем и нижнем течении Сыр-Дарьи и в степях к северу от Усть-Урта, между Эмбой и Яиком, началось еще за два столетия до массового

переселения гузов-туркмен, выступающих с XI в. в трудах историков под именем турок-сельджуков. Это была первая «огузская волна». Она относится к первой половине IX в. Вторую «огузскую волну» А. Ю. Якубовский синхронизирует с эпохой массового движения печенегов на запад в 893 или 898 г. Печенеги вытеснили к югу часть огузов с мест их первоначального обитания. Эта «вторая волна» огузовского движения относится, следовательно, к концу IX—началу X вв. Третьей наиболее значительно «огузской волной» является массовое расселение в Туркмении огузов-туркмен в эпоху сельджукидов, в XI в. (57, стр. 12).

Возникает вопрос в какой степени монголоидными были огузы в эпоху обитания их на Сыр-Дарье и между Эмбой и Яиком? Все вышеприведенные данные, нам кажется, не оставляют сомнений в том, что к этому времени среди большей части огузов уже преобладал европеоидный долихоцефальный тип. Иначе огузы не могли бы дать настолько значительную примесь длинноголовости к хорезмийцам, что по этому признаку хорезмийцев стали смешивать с тюрками-гузами и продавать их в рабство.

С другой стороны, часть огузов, особенно еще не перешедшая к оседлости, вероятно, продолжала жить обособленно от местного населения и потому в указанную эпоху еще сохраняла монголоидные признаки, которые были свойственны гузам в их исходных корнях. Об этом свидетельствует одно место, приводимое А. Ю. Якубовским из Масуди. О тюрках, живших на Сыр-Дарье близ Янгикента, бывшего административным центром огузских племен, Масуди пишет следующее: «Преобладают среди тюрков в этом месте гузы (частью) кочевые, (частью) оседлые. Это племя из тюрок, оно делится на три группы: нижние гузы, верхние и средние; они самые маленькие из них ростом, и у них самые маленькие глаза». А. Ю. Якубовский справедливо замечает, что приведенное сообщение Масуди «рисует нам этих гузов мало похожими на высоких длинноголовых туркмен последнего времени» (57, стр. 50). Возможно, что в данном случае «маленькими глазами» Масуди называет непривычную для него суженную глазную щель, при наличии эпикантуса и монгольской складки. Нам представляется наиболее вероятным, что в IX—XI вв. антропологический состав различных групп огузов был различен: европеоидный компонент преобладал у западных огузов, монголоидный—у восточных. В. В. Бартольд считает восточной границей гузов Исфиджаб (6, стр. 6), располагавшийся на нижнем течении Сыр-Дарьи, а А. Ю. Якубовский упоминает, что согласно Истахри восточная граница гузов лежала значительно восточнее, у Тараза — ниже Джамбула (57, стр. 50).

Население, предшествовавшее гузам в Закаспии, вероятнее всего, если и имело, то лишь весьма незначительную примесь монголоидных признаков. Во всем вышеприведенном палеоантропологическом материале, добытом в разных местах Туркмении, монголоидные признаки совершенно отсутствуют. Частью гузы, частью последующие наслоения племен, пришлых с севера, из исходного ареала монголоидных рас, усилили монголизацию долихоцефальной европеоидной расы, входившей в состав «закаспийских скифов». Однако, как мы видели, и среди современных туркменских племен в самых различных областях и районах Туркмении явно преобладает европеоидный долихоцефальный тип.

Вопрос о том, какая именно монголоидная раса 2-го порядка вошла в состав туркмен, остается пока открытым.

Обособленно стоит мнение проф. Г. Ф. Дебеца, согласно которому в антропологический состав туркмен, наряду с брахицефальным монголоидным компонентом, вошли и долихоцефальные монголоиды. Трудно судить насколько такое мнение справедливо, поскольку по этому вопросу Г. Ф. Дебецом публикована лишь очень краткая заметка (15, стр. 325).

Нам представляется наиболее вероятным, что в состав туркмен вошел брахицефальный монголоидный тип, который ныне явно преобладает в составе современного населения Дешти-Кипчака, в составе казахов и киргизов. Такая точка зрения находит себе подтверждение в ориентировочных материалах, собранных в Нуратау в Самаркандской области.

Арабский географ X в. Истахри упоминает, что часть гузов поселилась в Самаркандском Согде и в районе Бухары (57, стр. 50). В Самаркандской и Бухарской областях до сих пор имеются поселения туркмен. По инициативе покойного проф. Н. Г. Маллицкого, Институт истории и археологии Академии наук Уз. ССР в 1944 г. провел предварительные исследования этих туркмен. Сотрудниками названного института — этнографом В. Г. Мошковой и антропологом В. Я. Зезенковой были собраны материалы по этнографии и антропологии туркмен, поселившихся в Нуратинских горах. В. Г. Мошкова сообщает, что среди нуратинских туркмен сохранилось предание, согласно которому часть туркмен пришла сюда очень давно непосредственно с побережья Сыр-Дарьи. Они отстали от основной массы туркмен, двигавшейся на запад, за Аму-Дарью, на территорию современной Туркмении и дальше в Иран и Малую Азию (41). По мнению В. Г. Мошковой эта небольшая древняя группа (роды канджигалы, бугоджалю, айтамгалы и казаяклы) поселилась в окрестностях Нура-Бухарского оазиса по крайней мере тысячелетие тому назад. Два рода из этих древних поселенцев—канджигалы и айтамгалы, по наблюдениям антрополога В. Я. Зезенковой, являются типичными брахицефальными монголоидами (20). Это говорит за наше предположение, что гузам, до смешения их со скифско-сакскими племенами, был свойствен брахицефальный монголоидный тип. Среди нуратинских туркмен, исследованных В. Я. Зезенковой и В. Г. Мошковой, есть группы, пришлые недавно, в XVIII—XIX вв. из пределов Туркмении. По наблюдениям В. Я. Зезенковой, эти «возвращенцы» относятся к обычному для туркмен долихоцефальному европеоидному типу.

12. ДОЛИХОЦЕФАЛЬНЫЙ ЕВРОПЕОИДНЫЙ ТИП СКИФСКИХ ПЛЕМЕН ЮГА РОССИИ

Конгломерат ираноязычных племен, известных под общим именем «скифов», был широко распространен не только в степях Закаспия, Приаралья и Прикаспия, но тянулся и далее на запад в Прикавказские, Приаральские, Причерноморские и Приднепровские степи.

В эти степи Восточной Европы в древности продолжился и антропологический пласт долихоцефальных европеоидов. В Закаспийских степях долихоцефальный европеоидный тип, как мы видели, прослеживается вплоть до III тысячелетия до н. э., а в Южнорусских степях он прослеживается вплоть до эпохи раннего металла (V—II тысячелетия до

н. э.). На Украине долихокранные европеоиды получены из Мариупольского могильника, затем со среднего Поднепровья (М-73,04; № 14) и с примесью брахицефалии в Причерноморье (16, стр. 95 и 98—99). Особенно обширные материалы получены в Южнорусских степях из погребений, приписываемых археологами скифско-сарматским племенам.

Долихоцефалия скифских племен, обитавших на юге России, впервые была установлена еще около 80 лет тому назад. Последующие, ныне уже достаточно обширные исследования, полностью подтвердили принадлежность этих племен к долихоцефальному типу, притом типу европеоидному, без всякой примеси монголоидных признаков.

В 70-х годах прошлого столетия проф. Самоквасов и Кибальчич исследовали курганы на Украине и добыли из них краниологический материал, обработанный в свое время основоположником русской антропологии А. П. Богдановым. На основе этих материалов А. П. Богданов опубликовал первое по времени исследование по краниологии скифов (9). Приводим здесь цифры головного указателя только для кургана села Аксютенец б. Полтавской губернии, Роменского уезда, так как принадлежность этого кургана к скифам не вызывала никаких сомнений у исследователей.

Таблица 13

Черепной указатель скифских черепов из кургана в селе Аксютенец Полтавской губернии

Указатель	67,36	68,42	69,61	70,78,	71,42	71,97	72,22	72,77	72,82	85,97
N	1	2	1	1	1	1	1	1	1	1

Таким образом, из скифских черепов, исследованных А. П. Богдановым, 10 приходится на долю крайних долихоцефалов и один оказался брахицефальным. Этот единственный брахицефальный череп настолько резко отличается от всех остальных, что А. П. Богданов отнес его не к скифам (сакам), а к какому-то другому племени. С другой стороны, самые левые варианты приведенного ряда дают настолько низкие цифры черепного указателя, что возникает мысль, не имело ли здесь место искусственное усиление долихоцефалии? На этом вопросе мы остановимся ниже.

Серия скифских черепов из села Аксютенец, исследованная А. П. Богдановым, в дальнейшем была пополнена черепами, добытыми из других скифских курганов Среднего Поднепровья. Для всех скифов Среднего Поднепровья оказалась характерной долихокрания (М-72,30; № 24). При этом Г. Ф. Дебец отмечает, что вся эта серия скифских черепов «очень сходна с черепами палеометаллической эпохи той же местности» (16, стр. 159). В серии скифских черепов, добытых в степях Причерноморья, также преобладают долихокранные формы, причем и здесь не отмечается «ничего принципиально нового по сравнению с черепами палеометаллической эпохи той же местности» (16, стр. 161—162). При этом ни у одного черепа не было отмечено никаких монголоидных признаков. В этой серии, как и в предыдущих, отмечается примесь брахикранных форм.

Значительная серия из 77 черепов была добыта из скифских курганов Бессарабии. В ней преобладают долихокранные формы с примесью черепов брахикранных. Средние величины всей серии лежат в пределах мезоцефалии (муж. М-76,7; № 57; жен. М-77,4; № 20; 16,

стр. 163). К сарматской эпохе относят так называемые «поля погребальных урн» Среднего Поднепровья. Серия черепов из этих погребений была исследована Г. Ф. Дебецом. Для этой серии, как и для предыдущих, характерна долихокрания (муж. М-72,4; № 16; жен. М-74,9; № 11, 16, стр. 165).

В конце I тысячелетия нашей эры на Украине продолжает бытовать долихокранный европеоидный тип, без всякой примеси монголоидной расы. Особенно показателен в этом отношении Верхне-Салтановский катакомбный могильник в б. Харьковской губернии. Большинство исследователей (Спицын, Готье, Чучукало) считают это погребение аланским, т. е. погребением одного из сарматских племен. Другие считают это погребение хазарским. Однако хазарам, как тюрко-татарам, вероятно, была свойственна брахицефалия. Между тем для всей серии салтановских черепов характерна долихокрания, лишь с примесью брахикранных форм (муж. М-75,3; № 39; жен. М-76,9; № 33). При этом долихокранные черепа сходны с черепами всех остальных скифских серий Украины (16, стр. 251—254). Синхронным с Салтановским могильником является могильник Зливкинский, раскопанный В. А. Городцовым в 1901 г. в Изюмском уезде б. Харьковской губернии. Он датируется концом I—началом II тысячелетия н. э. Серия черепов, добытая из Зливкинского могильника, исследовалась Д. Н. Анучиным, затем Т. А. Трофимовой и за последнее время К. Наджимовым. Во всей серии из Зливкинского могильника долихокранные черепа совершенно отсутствуют (муж. М-83,0; № 9; жен. М-85,7; № 7). Для уточнения расовой принадлежности этой серии К. Наджимовым было предпринято специальное исследование.

В брахикранном европеоидном типе зливкинцев отмечается и небольшая монголоидная примесь, очевидно, принесенная к этому времени пришедшими с востока тюрко-монгольскими племенами. Этническая принадлежность брахикранных европеоидов Зливкинского могильника остается пока невыясненной. Отметим лишь, что и среди скифских (сакских) племен юга были брахицефалы. Так, брахицефальный европеоидный тип обнаружен в сарматских погребениях Волги (43).

Таким образом, долихоцефальный европеоидный пласт прослеживается в степной полосе Восточной Европы вплоть до эпохи раннего металла. Этот же тип входил в состав скифо-сакских племен юга России. Мы можем предполагать, что часть этих ираноязычных племен в дальнейшем была славянизирована по языку и вошла в состав южной группы восточных славян. Во всяком случае в средние века среди этих славян явно преобладали долихоцефальные европеоиды.

Этот факт был точно установлен на обширном и очень тщательно проработанном материале В. В. Бунаком (61). Им исследован 41 череп северян из курганов Суджи и Чернигова на нижней Десне, притоке среднего Днепра. Далее к северу со средней Оки, из курганов Подольска и Коломны им исследованы 47 черепов вятичей. Наконец, еще севернее, в верховьях Днепра, из курганов Дорогобужа и Бельска им исследованы 67 черепов кривичей. Весь этот материал датируется началом II тысячелетия нашей эры.

Подобрав соответствующий сравнительный материал по краниологии Европы, В. В. Бунак отнес кривичей к северным подрасам Европы.

нас в данном случае не интересующим. Наоборот, наиболее южных северян и соседивших с ними вятичей он отнес к долихоцефальной средиземноморской европеоидной расе. Для сравнения исследованных им черепов с средиземноморской расой В. В. Бунак воспользовался серией черепов сардинцев. Оказалось, что черепа северян и вятичей обнаруживают очень большое сходство с черепами сардинцев.

Сардиния, как и другие острова Средиземного моря, является самым центром распространения средиземноморской расы. Термином «средиземноморская раса» покрывался весь пласт южных долихоцефальных европеоидов от полуостровов и островов Средиземного моря до Индии, переходя через Северную Африку, Аравию, Туркмению и Афганистан. Как указывалось выше, весь пласт долихоцефальных европеоидов фигурировал в трудах советских антропологов под именем «средиземноморской расы в широком смысле». В своем капитальном труде «Основы антропологии» Я. Я. Рогинский и М. Г. Левин предлагают гораздо более удачный термин — «индо-средиземноморская раса». Вариант этой расы, распространенный в древности в причерноморских степях, В. В. Бунак назвал «понтийской расой». Лишь последующие наслоения и метисация вызвали значительное повышение головного указателя у современного населения в местах прежнего обитания северян и вятичей.

Гораздо более обширные материалы по краниологии древних славян опубликованы в работе Т. А. Трофимовой (54). В ее сводку включены, кроме материалов, исследованных В. В. Бунаком, также и материалы других авторов, начиная со 2-й половины XIX века. Приводим из этой сводки данные о тех славянских племенах, которые жили в местах прежнего обитания скифских племен. Кроме северян и вятичей сюда относятся поляне и древляне.

Таблица 14

Черепной указатель славянских племен. Мужские черепа (по Трофимовой)

Древляне волынские, каменец-подольские (Дебец)		Поляне черниговские, переяславские (Дебец)		Северяне любенские, Липлява, Суджа (Дебец)		Вятичи					
						западная		центральная		восточная	
M	N	M	N	M	N	M	N	M	N	M	N
73,9	52	74,0	58	74,1	29	73,2	20	73,6	13	73,3	33

Черепной указатель вятичей. Женские черепа (по Трофимовой)

Группы					
Западная		Центральная		Восточная	
M	N	M	N	M	N
74,0	20	76,6	25	76,7	22

В целом исследование Т. А. Трофимовой вполне подтверждает выводы, к которым пришел В. В. Бунак. Все серии относятся к кругу долихоцефальной европеоидной расы. Лишь у наиболее восточного племени — у вятичей Трофимова находит примесь уральской расы, выделен-

ной впервые В. В. Бунаком. Эта раса является «смягченным» вариантом большой монголоидной расы.

В свете всех приведенных фактов едва ли подлежит какому-либо сомнению, что скифские черепа, добытые в местах последующего обитания, древлян, полян, северян и частью вятичей, относятся к тому варианту индо-средиземноморской расы, который назван В. В. Бунаком понтийской расой.

Геродот помещал собственно скифов между Барисфеном (Днепром) и Танаисом (Доном), а сарматов к востоку от Дона, в прикавказских степях. Как известно, многие историки, еще со времени Миллера, считают осетин потомками сарматского племени «осов». В материалах, добытых из древних могил осетин, Ивановский нашел 59,9% долихоцефалов (22). В свое время Гильченко высказал предположение, что «долихоцефальные черепа, находимые в древних могилах Осетии, принадлежат предкам осетин—сарматскому племени—аланам» (22). По исследованиям того же Гильченко, современные осетины являются брахицефалами, со средней величиной головного указателя 82,6; всего при 7% долихоцефалов и 16% мезоцефалов. Это повышение головного указателя у потомков сарматов—осетин Гильченко объясняет последующим смешением с брахицефальными племенами.

Еще далее к востоку, в страны Сайрима или Аланья тянутся племена аланов и массагетов вплоть до низовьев Сыр-Дарьи. Об исторических данных, свидетельствующих о принадлежности их к долихоцефальным европеоидам, подробно говорилось выше.

Дальнейшим продолжением на восток пласта долихоцефальных европеоидов является выделяемая нами закаспийская раса и поныне явно преобладающая среди туркмен.

Пласт долихоцефальных темной цветности европеоидов, тянущийся по югу Евразии, начиная от побережья и островов Средиземного моря на западе и до Северной Индии на востоке, давно известен. Он покрывался общим термином—средиземноморская раса.

Как указывалось, гораздо удачнее термин, предлагаемый Я. Я. Рогинским и М. Г. Левиным — «индо-средиземноморская раса». В классификации, предлагаемой Н. Н. Чебоксаровым, головной указатель совершенно не принимается во внимание (55, стр. 315 и сл.). Такая точка зрения нам представляется неправильной. Южные долихоцефальные европеоиды имеют совершенно определенный ареал, в котором долихоцефалия прослеживается минимумом на протяжении 5—6 тысячелетий. Ареалы различных вариантов долихоцефальных и брахицефальных европеоидов всегда различны (альпийская и иберийско-островная; переднеазиатская и хорасанская; среднеазиатского междуречья и закаспийская и пр.).

Индо-средиземноморская раса, занимающая огромный ареал, разумеется не однородна. Различные «подрасы» или варианты этой расы еще далеко недостаточно изучены, особенно по описательным признакам. Нам представляется пока достаточным обозначать эти варианты по центрам их распространения.

Одна из таких подрас — закаспийская, и поныне явно преобладает у современных туркмен, и в прошлом входила в состав скифских

племен Закаспия, другая — понтийская входила в состав скифских племен степной полосы Восточной Европы.

13. О НЕКОТОРЫХ ОБЫЧАЯХ ТУРКМЕН, ОБЩИХ С ОБЫЧАЯМИ ПРАКТИКОВАВШИМИСЯ ЕВРОПЕЙСКИМИ СКИФАМИ

Культурно-историческим связям среднеазиатских скифов с европейскими посвящена работа Л. А. Мацулевича. Он рассматривает азиатских скифов и европейских скифов и сарматов как тесно связанное единое целое. Сарматы играли весьма важную роль «в длительном процессе взаимосвязей юго-востока Европы и северных областей Средней Азии, Узбекистана в частности» (40, стр. 125). Ссылаясь на китайские источники, Л. А. Мацулевич подчеркивает «факт исторического единства Арало-Прикаспия с Прикавказьем» (40, стр. 137). О тесных связях сырдарьинских алан с прикавказскими упоминает и С. П. Толстов (53, стр. 69).

При таком положении вещей весьма вероятно, что некоторые обычаи были общими у европейских и азиатских скифов. Разумеется, изучение такого рода связей подлежит ведению историков, археологов и этнографов. Но мы считаем нелишним остановиться здесь на двух обычаях. Один обычай несомненно подлежит ведению антропологов: это обычай накладывать повязки на головы новорожденных, широко практикуемый различными туркменскими племенами. О другом обычае упоминается в «Родословной туркмен» Абулгази Бохадур-хана.

Выше мы описали практикуемый некоторыми туркменскими племенами обычай накладывать повязки на головы новорожденных.

Там приведен ряд других соображений, по которым мы считаем долихоцефалию туркмен признаком расовым, т. е. врожденным. Обычай накладывать повязки на головы новорожденных вызывается стремлением туркмен подчеркнуть, усилить эту расовую черту. Чем длиннее голова, тем «чище» туркмен, тем ценнее его принадлежность «по крови» к туркменскому народу. Именно такое объяснение этому обычаю нам всегда давали сами туркмены. Подобный обычай подчеркивать ту или иную расовую черту не является исключением; как указывалось выше, еще Дарвин приводил относящиеся сюда факты.

Во всех вышеприведенных материалах по краниологии скифских и славянских племен искусственно деформированные черепа отсутствуют. Однако обычай искусственно деформировать черепную коробку существовал у некоторых скифских племен. Об этом сообщается в небольшой, но очень интересной работе К. З. Яцута (60). Последний пишет, что наряду с длинноголовыми, совершенно не деформированными черепами, в южнорусских курганах найдены черепа, несомненно, искусственно деформированные и притом часть из них так, что затылок выпячивается максимально и весь череп принимает крайне удлиненную форму с убегающим назад лбом. Среди туркмен нам приходилось наблюдать отдельных особей, с очень резко выраженной гипердолихоцефалией, с сильно выдающимся назад затылком и убегающим назад лбом. Такие случаи всегда наводили нас на мысль о том, что в этих случаях имеет место искусственное удлинение черепа.

Однако, по наблюдениям К. З. Яцута, в южнорусских курганах встречаются черепа деформированные так, что наибольший продольный

диаметр черепа рёзко укорочен и весь череп принимает «башенную форму». Возникает вопрос, какие из этих черепов принадлежат скифам — «башенные», или, наоборот, относительно низкоголовые, гипердолихокранные? С нашей точки зрения решающую роль в этом вопросе играют приводимые ниже сообщения Гиппократа. Судя по этим сообщениям, скифским племенам следует приписать обычай вызывать искусственную гипердолихоцефалию.

Такие черепа, наряду с долихокранными недеформированными, были найдены в древних могильниках Крыма (так называемые «керченские» и «херсонские» черепа), в Донской области и на Кавказе.

Здесь следует, однако, отметить два затруднения. Во-первых, этническая принадлежность таких искусственно удлиненных черепов, так называемых макроцефалов Гиппократа, остается очень спорной и темной. Наряду с интересующими нас скифами, авторы приписывают деформированные черепа юга России то предшественникам скифов (саков) киммерийцам, то позднее наслоившимся племенам аваров, гуннов, армян и татар. Таким образом, наряду со скифами, авторы перечисляют народы (аваров, гуннов, армян, татар), в состав которых долихоцефальная европейская раса не входила, во всяком случае в качестве явно преобладающего компонента.

Второе затруднение, с которым приходится считаться — это находки удлиненных макроцефалических черепов далеко за пределами Скифии и Сарматии. Они обнаруживались на Волге — близ Самары, во многих местах Западной Европы — в Австрии, Венгрии, Швейцарии, Франции, Германии, Англии, Италии и за пределами Европы в Перу, Мексике и в Северной Америке. Таким образом, несомненно, что обычай вызывать искусственную гипердолихоцефалию практиковался у народов, не стоящих ни в какой связи со скифами (саками).

Однако для нас имеет большое значение тот факт, что хронологическую датировку «керченских» черепов авторы относят к IV—II вв. до н. э. и несколько позднее. Не менее характерна локализация этих черепов: долихокранные макроцефалические черепа найдены как раз в местах обитания скифских (сакских) племен.

Еще важнее для нас тот факт, что Гиппократ прямо указывает, что обычай вызывать искусственно гипердолихоцефалию практиковался именно сарматами. При этом он дает такое истолкование обычая, которое не оставляет сомнений в том, что этот обычай практиковался сарматами лишь с целью подчеркнуть, усилить долихоцефалию, которая им была присуща в качестве черты расовой.

Рассказывая о народах «близ озера Меотийского», т. е. в приазовских степях, Гиппократ говорит следующее: «Я умолчу о народах, у которых отличия мало заметны и расскажу только о тех, которые представляют важные особенности, происходящие от природы или от обычаев. Прежде всего расскажу о длинноголовых. Нет никакого другого народа, который имел бы подобную форму черепа. Первоначально причиною удлиненной формы головы был обычай, а теперь и природа содействует обычаю, происходящему от того, что они считают самыми благородными тех, у кого наиболее длинные головы. Обычай этот состоит в следующем. Лишь только родится ребенок, пока его кости еще мягки,

не отвердевшую еще голову выправляют руками и принуждают расти в длину посредством бандажей и других подходящих приспособлений, вследствие которых сферическая форма головы портится, а длина ее увеличивается. Первоначально так делали по обычаю, так что такая форма придавалась голове насильственным способом; но с течением времени это вошло в природу, так что обычай уже не насиловал се. В самом деле, семенная жидкость идет изо всех частей тела, от здоровых частей — здоровая, а от больных — ненормальная. Следовательно, если от плешивых родителей родятся плешивые дети, от голубоглазых — голубоглазые, от косоглазых — в большинстве случаев — косоглазые, и то же самое можно сказать о других внешних особенностях, то что же мешает и от длинноголового родиться длинноголовому? Впрочем теперь они уже не родятся такими, как прежде, ибо обычай этот уже не имеет силы, вследствие сношений длинноголовых людей с другими. Таково мое мнение относительно этого явления» (33, стр. 57—58 и 12, стр. 294).

В приведенном сообщении Гиппократа ясно сказано, что обычай вызывать длинноголовость происходил от того, что народ, его практиковавший, считал «самыми благородными тех, у кого самые длинные головы». Это наводит на мысль, что речь идет о долихоцефальном народе, который стремился подчеркнуть, усилить эту черту с целью отличить себя от других народов.

Несколько ниже Гиппократ прямо указывает тот приазовский народ, которому была свойственна долихоцефалия и который, считая ее признаком «благородства», стремился подчеркнуть, усилить эту расовую черту искусственно. Непосредственно за повествованием о длинноголовых Местиды (т. е. Азовского моря), мы считаем:

«В Европе есть скифский народ, живущий вокруг озера Местиды и отличающийся от других народов. Название его Савроматы» (33, стр. 59 и 12, стр. 297).

Сопоставив все только что приведенные сообщения Гиппократа о приазовских сарматах с вышеприведенными находками длинноголовых черепов в Крыму, из которых некоторые оказались долихокранными без всяких следов деформации, а некоторые — гипердолихокранными, с явными признаками деформации, едва ли подлежит какому-либо сомнению, что речь идет о долихоцефальном народе, который подчеркивал эту расовую черту, искусственно усиливал ее путем наложения повязок (бандажей).

С этим нельзя не сопоставить стремления туркмен усилить присущую им долихоцефалию путем наложения повязок тем способом, который практикуется у исследованного нами и М. Г. Левиным племени т е к е. У других племен этот обычай «редуцировался» до степени «этнографического рудиметна (иомуды) или исчез совершенно (гёклены). Тем не менее гёкленам и иомудам присуща долихоцефалия.

Возможно, что в фольклоре найдутся общие легенды, например, у туркмен и осетин, свидетельствующие о тесных связях азиатских и европейских скифов. На такую мысль наводит легенда об амазонках, которая была широко распространена в различных странах. В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса, что в этой легенде «легендарного», фантастического и что от исторической правды. Этому вопросу посвя-

щена специальная работа Косвена (32). Но для нас небезынтересно отметить, что, судя по сообщениям Гиппократа, эта легенда была широко распространена среди скифских племен Европы и что глухие воспоминания об этой легенде, видимо, существовали у туркмен.

Гиппократ сообщает о том, что «в Европе есть народ скифский, который населяет страну возле озера Меотийского и весьма много разнится от прочих народов: они называются савроматами. Их женщины ездят на конях, стреляют из лука и бросают копья с коня и ведут войну с врагами...» (12, стр. 297).

М. И. Ростовцев в своей книге об иранстве и эллинстве на юге России (51) и С. М. Середонин в труде по исторической географии (52) видят в том упорстве, с которым древние авторы связывают легенду об амазонках с сарматами, указание на привилегированное, правящее положение, какое занимали женщины у сарматских племен. Характерно, что греки считали сарматов «гинекратуменами», т. е. народом, управляемым женщинами. Середонин высказывает догадку, что, может быть, само название «сармат» составилось из иранских слов — «сар» — царь и «мада» — девушка.

Небезынтересно отметить, что отголоски о «гинекратии» мы находим в «Родословной туркмен» Абулгази-хана, написанной в XVII в. Свой труд Абулгази завершает главой, которая не стоит в связи со всем остальным рассказом, а приведена как бы для полноты известных ему сведений. Она озаглавлена так: «Девушки, которые были беками у Огузова племени». «Хорошо знающие историю старики и бахши, — пишет Абулгази, — рассказывают, что семь девушек, подчинив себе все огузово племя, много лет были беками» (1, стр. 73). Далее следует перечисление имен семи женщин-правительниц. Этим Абулгази заканчивает свою рукопись.

При сопоставлении «гинекратии» у сарматов, сообщаемой античными авторами, с приведенным сообщением Абулгази невольно возникает мысль, нельзя ли считать указание Абулгази на правящую роль женщин далеким воспоминанием о той власти, какой пользовались женщины у сарматов?

Возможно, что историки и этнографы в дальнейшем найдут немало аналогичных параллелей.

14. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Видимо, те или иные догадки о происхождении туркмен от скифских племен имеют уже полувековую давность. В. В. Бартольд отмечает, что еще в 90-х годах прошлого столетия синолог Хирт высказывал предположение, что туркмены являются потомками покоренных гуннами алан и, в связи с этим «высказывал мнение, что установление этого факта будет способствовать выяснению генеалогии туркменского народа» (6, стр. 7). Тогда же, в 90-х годах прошлого столетия, Аристов в своих, ставших классическими «Заметках об этническом составе тюркских племен», «выражал мнение, что длинноголовость туркмен можно объяснить примесью к ним кочевых длинноголовых иранских племен» (6, стр. 7).

Как мы видели, той же точки зрения на туркмен, как на «прямых потомков» алан ныне придерживается С. П. Толстов (53, стр. 70). А. Н. Бернштам, ссылаясь на данные антропологии, считал «массагето-

аланские племена далекими предками туркменского народа». Позднее они были тюркизованы гунно-огузскими племенами и вошли в их состав (8, стр. 200). Теорию скифско-сакского происхождения туркмен, основанную на данных антропологии, полностью поддерживал А. Ю. Якубовский (57, стр. 3—5 и 11). По мнению К. В. Тревер, наиболее многочисленному скифскому племени массагетам «суждено было стать одними из самых далеких предков современных туркмен» (25, стр. 46).

Следует отметить, что в трудах историков, в том числе и в трудах В. В. Бартольда, под именем «кочевых иранских племен» фигурировали не «закаспийские скифы», а дотюркское население Дешти-Кипчака, т. е. степей к северу от Сыр-Дарьи, которое было известно китайцам под именем народов се, юечжей и усуней.

В связи с этим я думал предпринять поиски истока туркменской долихоцефалии среди этих народов, соседивших, в лице усуней, с прародиной огузова племени, помещавшейся, согласно Абулгази, на Иссык-Куле. Был «соблазн» приписать группе народов се, юечжей и усуней не только белокурость, но и долихоцефалию.

Как указывалось выше, устно высказанное мнение покойного моего учителя Н. Г. Маллицкого о широком распространении скифов в Закаспийских степях побудило меня искать источник туркменской долихоцефалии и общей европеоидности их типа не среди пришлого «огузова племени», а среди местного, автохтонного населения, предшествовавшего гузам в Закаспии.

Выше неоднократно отмечалось, что одним из основных вопросов этногенеза является вопрос о том, какая основная масса населения явно преобладает в составе того или иного народа — местная, автохтонная, или пришлая из других стран. Вопрос этот решается антропологическими исследованиями.

Антропологические исследования показали, что в составе туркмен явно преобладает местная, автохтонная долихоцефальная раса, выделяемая нами под именем «закаспийской расы». Эта же раса входила в состав древнего ираноязычного населения Закаспия, известного под общим именем скифов (саков).

С антропологической точки зрения туркмены являются прямыми потомками этих скифов. Лишь в дальнейшем они были тюркизованы по языку и слегка монголизированы по типу последующими наслоениями двигавшихся с северо-востока тюркоязычных монголоидных племен.

Такая точка зрения, как мы видели, ныне вполне разделяется советскими историками. Эту точку зрения разделяют и советские антропологи (А. И. Ярхо, В. В. Гинзбург, Г. Ф. Дебец, Я. Я. Рогинский).

Мы полагаем, что в свете всех вышеприведенных антропологических исследований и сопоставления их с результатами исследований историков, археологов, этнографов и лингвистов, гипотеза скифско-сакского происхождения туркмен, впервые высказанная нами еще 30 лет тому назад, ныне все более и более приобретает характер разносторонне обоснованной теории.

Рис. 1. Способ наложения повязки на голову детей.

Рис. 2. Слева, возможно, есть деформация, справа — никаких следов деформации, явная долихоцефалия.

Рис. 3а, б. Девочка племени теке. Воспитанница детдома.
Долихоцефалия без всяких следов деформации.

Рис. 4а, б. Мальчики племени теке. Воспитанники детдома.
Долихоцефалия без всяких следов деформации.

Рис. 5а, б. Туркмены племени теке. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип. Долихоцефалия без деформации.

Рис. 6. Туркмен племени теке. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип.

Рис. 7. Туркмен племени теке. Тип близкий к хорасанскому.

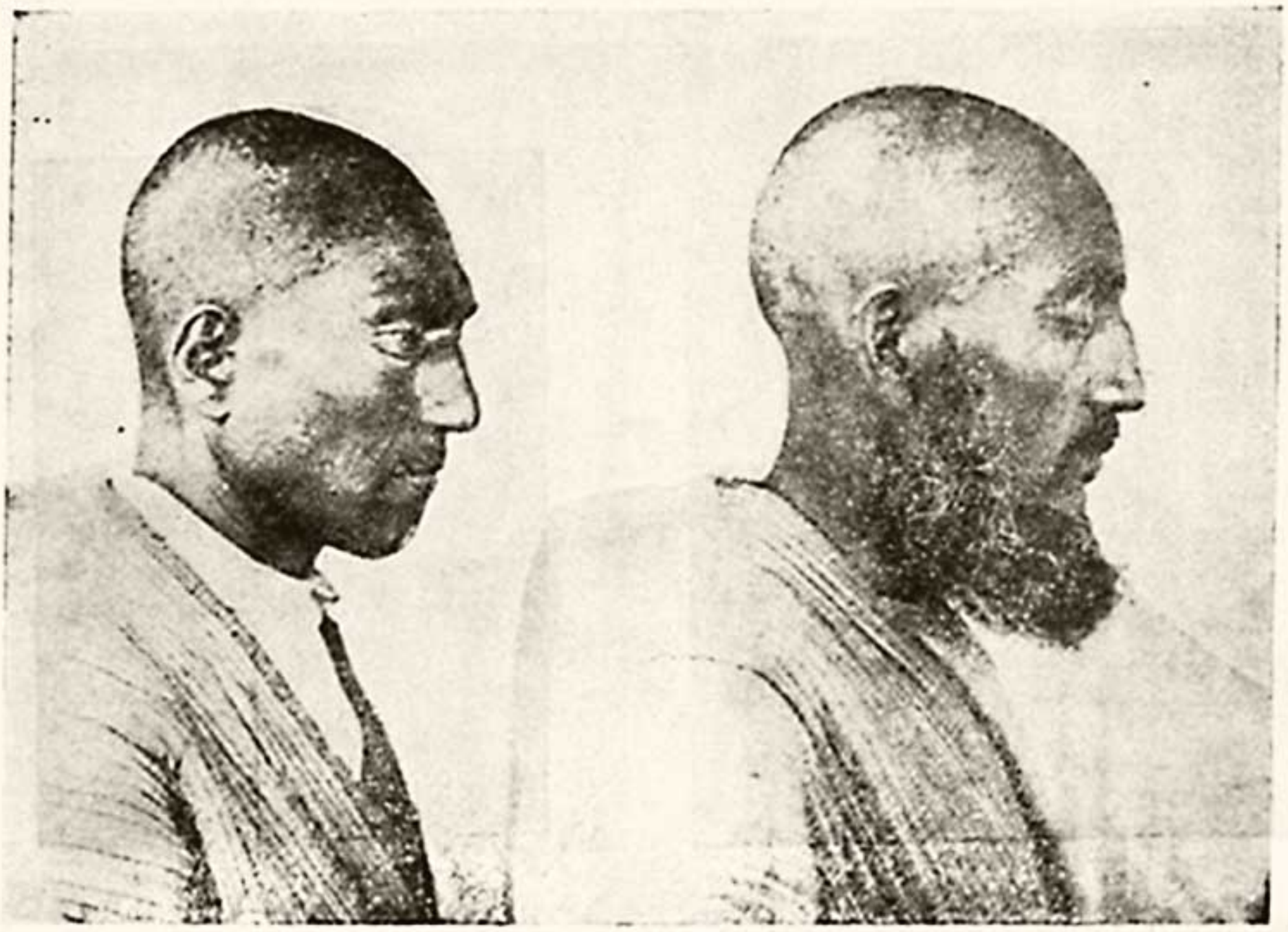

Рис. 8. Туркмены племени теке. Слева — тип монголизированный. Справа — хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип; долихоцефалия без всяких следов деформации.

Рис. 9а, б. Туркмен племени гёкленов. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип. Долихоцефалия без деформации; слабый след от тюбетейки.

Рис. 10а, б. Туркмен племени гёкленов. Тип закаспийский, сильно монголизированный. Долихоцефалия, возможно усиленная повязкой.

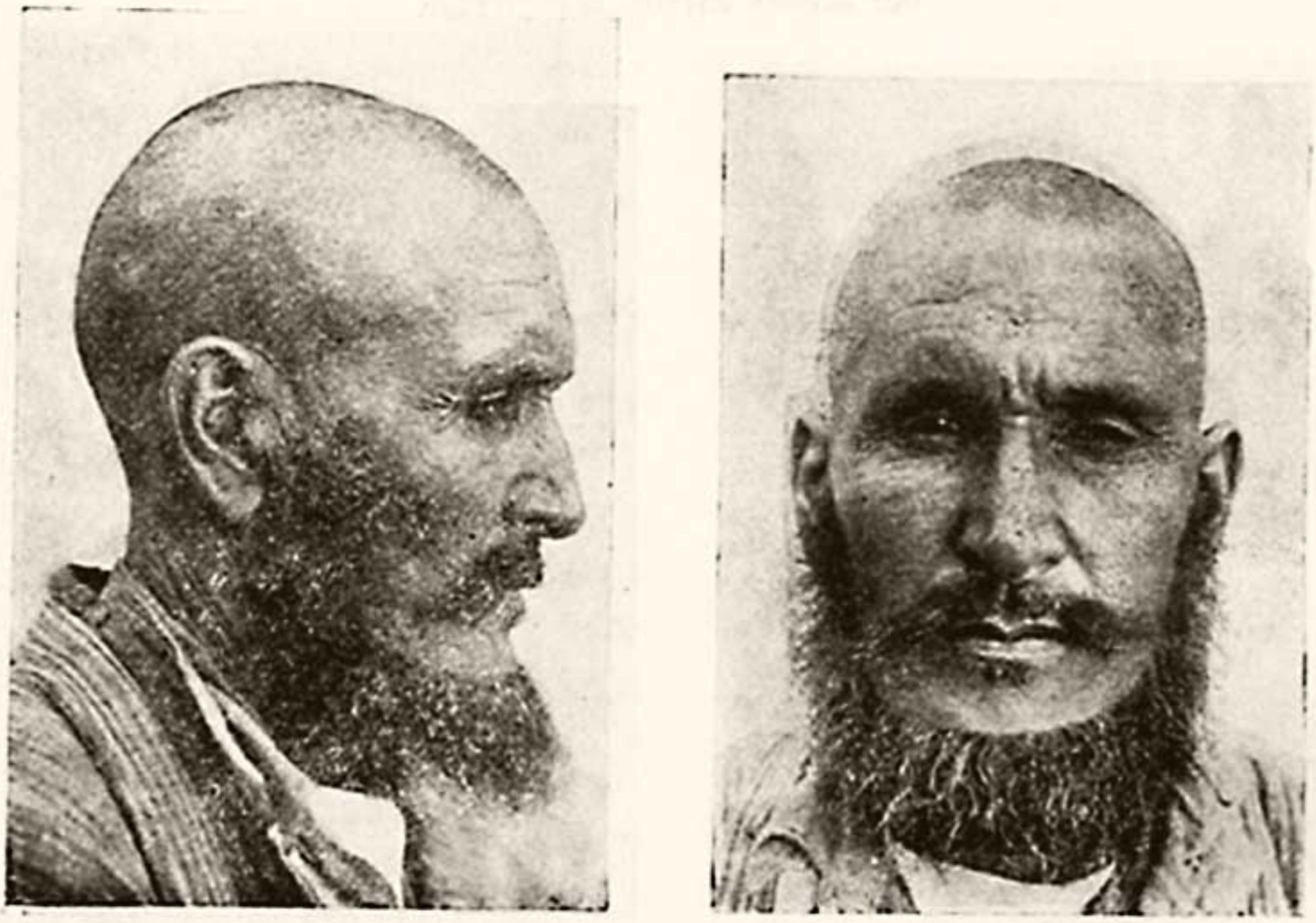

Рис. 11а, б. Туркмен племени гёкленов. Тип европеоидный, мезо- или брахицефальный.

Рис. 12а, б. Туркмен племени иомудов. Тип европеоидный, монголизированный, брахицефальный.

Рис. 13а, б. Туркмен племени иомудов. Тип сильно монголизированный, мезо- или долихоцефальный.

Рис. 14а, б. Туркмены племени номудов. Тип монголизированный.

Рис. 15а, б. Туркмены племени салыров. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип. Слева—слабый след от тюбетейки.

Рис. 16 а, б. Туркменка племени иомудов. Тип европеоидный, монголизированный.

Рис. 17а, б. Туркменки племени гёкленов. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип.

Рис. 18. Туркменка племени гёкленов. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип.

Рис. 19. Туркменка племени гёкленов. Монголизированный тип.

Рис. 20. Туркменка племени гёкленов. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип.

Рис. 21. Девочка племени гёкленов. Монголоидный тип.

Рис. 22а, б. Туркменка племени салыров. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип. Долихоцефалия. Вероятно деформация (сильно поднимающийся свод черепа).

Рис. 23а, б. Туркменка племени салыров. Хорошо выраженный европеоидный закаспийский тип. Долихоцефалия. Вероятно деформация (сильно поднимающийся свод черепа).

Рис. 24а, б. Туркменка племени салыров. **Тип закаспийский, монголизированный, долихоцефалия. Вероятно деформация (сильно поднимающийся свод черепа).**

ТАБЛИЦЫ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ПРИЗНАКОВ ПЛЕМЕННЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ГРУПП ТУРКМЕН, МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Туркмены-мужчины

Цвет глаз

(по шкале Мартина I—№№ 1—5; II—№№ 6—10; III—№№ 11—16)

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I темные		II смешанные		III светлые		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,04	184	96,34	6	3,14	1	0,52	191
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	1,11	140	90,32	13	8,39	2	1,29	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	1,12	134	89,33	14	9,33	2	1,33	150
Эрсари	Термез	Наджимов, 195 2	1,15	170	85,43	27	13,57	2	1,00	199
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,33	81	72,32	25	22,32	6	5,36	112
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,23	40	72,73	15	27,27	—	—	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	1,18	96	81,21	14	13,16	3	2,63	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	1,07	275	93,54	15	5,44	3	1,02	293
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	1,11	99	90,00	10	9,09	1	0,91	110
Туркмены всех племен			1,13	1219	88,38	140	10,15	20	1,49	1379

73

Таблица 16

Туркмены-мужчины

Цвет волос по шкале Фишера

Наблюдения Л. В. Ошанина

Цвет волос головы

Племена	Районы	4 черно-каштановые		27 черные		10 светло-белокурые		24 пепельные		N
		p	%	p	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	71	64,6	38	34,5	—	—	1	0,9	110
Гёклен	Долина Сумбара	23	57,5	16	40,0	1	2,5	—	—	40
Иомуд	Казанджик	23	63,9	13	36,1	—	—	—	—	36
Туркмены всех племен		117	62,7	67	36,1	1	0,5	1	0,5	186

Таблица 17

Туркмены-мужчины

Цвет волос по шкале Фишера

Наблюдения Л. В. Ошанина

Цвет волос бороды

Племена и районы	4 черно-каштановые		27 черные		7 каштановые		8 темно-белокурые		9 светло-белокурые		17 светло-белокурые		1 красноватые (рыжие)		N
	p	%	p	%	p	%	p	%	p	%	p	%	p	%	
Теке Мары	34	52,3	28	43,1	2	3,1	1	1,5	—	—	—	—	—	—	65
Гёклены долины Сумбара	20	24,4	58	70,8	1	1,2	1	1,2	1	1,2	—	—	1	1,2	82
Иомуды Казанджика	40	44,5	44	48,9	1	1,1	3	3,3	1	1,1	1	1,1	—	—	90
Туркмены всех племен	91	39,7	130	54,9	4	1,7	5	2,1	2	0,8	1	0,4	1	0,4	237

Таблица 18

Туркмены-мужчины

Развитие бороды у особей старше 25 лет

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I		II		III		IV		V		N
				p	%	p	%	p	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	3,23	3	2,6	7	6,03	75	64,7	22	18,9	9	7,8	116
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	2,77	13	10,3	25	19,8	68	54,0	18	14,3	2	1,6	126
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	2,68	13	12,0	22	20,4	61	56,5	11	10,2	1	0,9	108
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	3,38	2	2,5	7	10,1	31	39,3	34	43,0	4	5,1	79
Чаудоры	Хорезм	Ярхо, 1931	2,49	26	17,2	57	35,1	48	31,8	20	13,2	4	2,7	151
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	2,53	18	11,3	51	32,1	77	18,4	13	8,1	—	—	159
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	2,20	26	25,0	37	35,6	39	37,5	2	1,9	—	—	104
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	2,46	7	14,0	17	34,0	22	44,0	4	8,0	—	—	50
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	2,28	11	11,95	45	48,91	35	38,04	1	1,09	—	—	92
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	2,17	56	22,05	108	42,52	81	31,89	9	3,54	—	—	254
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	2,40	14	15,56	79	32,22	44	48,89	3	3,33	—	—	90
Туркмены всех племен			2,54	189	14,22	402	30,25	581	43,71	137	10,31	20	1,51	1329

75

Таблица 19

Туркмены-мужчины

Горизонтальный профиль лица

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I плоский		II средний		III суженный		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,69	70	35,00	121	60,50	9	4,50	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин. 1929	1,77	38	24,52	114	73,55	3	1,93	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	1,71	48	32,00	97	64,70	5	3,30	150
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	2,14	5	4,70	82	76,60	20	18,70	107
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	1,77	49	24,50	148	74,00	3	1,50	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,76	51	25,50	146	73,00	3	1,50	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	2,28	12	10,62	61	53,98	40	35,40	113
Баят	Чарджоу	Наджимов. 1955	2,22	3	5,45	38	69,09	14	25,45	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	2,35	10	8,77	52	45,61	52	45,62	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	2,29	21	6,95	170	56,29	111	36,76	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	2,27	7	6,36	66	60,00	37	33,64	110
Туркмены всех племен			1,99	314	18,40	1095	64,19	297	17,41	1706

Таблица 20

Туркмены-мужчины

Вертикальный профиль лица

Наблюдения Л. В. Ошанина

Племена	Районы	M	I прямой		II слабо выступающий		III сильно выступающий		N
			p	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	1,59	90	45,9	96	49,0	10	5,1	196
Гёклен	Долина Сумбара	1,79	40	26,2	105	68,6	8	5,2	153
Иомуд	Казанджик	1,72	44	29,3	104	69,4	2	1,3	150
Туркмены всех племен		1,69	174	34,9	3 5	61,1	20	4,0	499

Таблица 21

Туркмены-мужчины

Форма мозговой коробки

Племена, районы и исследователи	Пятиугольная		Яйцевидная		Эллиптическая		Клиновидная		Округлая		Обратнояйцевидная		Прочие		N
	p	%	p	%	p	%	p	%	p	%	p	%	p	%	
Теке Мары, Ошанин, 1929	1	0,5	85	42,7	94	47,2	—	—	—	—	19	9,6	—	—	199
Гёклены долины Сумбара, Ошанин, 1929	—	—	60	39,2	84	54,9	—	—	—	—	9	5,9	—	—	153
Иомуды Казанджика, Ошанин, 1929	—	—	93	62,0	52	34,7	—	—	—	—	5	3,3	—	—	150
Иомуды Хорезма, Ярхо, 1931	1	1,0	78	76,5	17	16,7	2	1,9	1	1,0	—	—	3	2,9	102
Чаудоры Хорезма, Ярхо, 1931	1	0,5	132	69,8	34	18,0	10	5,3	6	3,2	—	—	6	3,2	189
Туркмены всех племен	3	0,4	448	56,49	281	35,43	12	1,51	7	0,88	33	4,16	9	1,13	793

77

Таблица 22

Туркмены-мужчины

Профиль свода черепа. Наблюдения Л. В. Ошанина, 1929 г.

Племена и районы	Поднимается вперед		Горизонтальный		Поднимается назад		N
	p	%	p	%	p	%	
Теке. Мары	—	—	—	—	161	100,0	161
Гёклены долины Сумбара	—	—	—	—	127	100,0	127
Иомуды Казанджика	—	—	9	6,2	135	93,8	144
Туркмены всех племен	—	—	9	2,1	423	97,9	432

Таблица 23

Сагиттальный профиль затылка

Племена, районы и исследователи	Плоский		Угловатый		Округлый		N
	p	%	p	%	p	%	
Теке Мары. Ошанин, 1929	—	—	12	6,1	184	93,9	196
Гёклены долины Сумбара. Ошанин, 1929	1	0,7	7	4,7	140	94,6	148
Иомуды Казанджика. Ошанин, 1929	2	1,4	4	2,8	135	95,8	141
Иомуды Хорезма. Ярхо, 1931	—	—	15	14,8	86	85,2	101
Чаудоры Хорезма. Ярхо, 1931	6	3,2	51	27,1	131	69,7	188
Туркмены всех племен	9	1,16	89	11,5	676	87,34	774

Таблица 24

Туркмены-мужчины

Наклон лба

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I слабый		II средний		III сильный		N
				r	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,89	75	38,70	66	34,00	53	27,30	194
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	1,96	38	26,20	74	51,00	33	22,80	145
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,37	137	68,50	52	26,00	11	5,50	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,41	68	60,18	44	38,94	1	0,88	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,44	31	56,36	24	43,64	—	—	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	1,66	44	39,99	63	56,25	5	4,46	112
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	1,81	88	29,14	182	60,26	32	10,60	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	1,45	62	56,36	46	46,82	2	1,82	110
Туркмены всех племен			1,64	543	44,11	551	44,77	137	11,12	1231

Таблица 25

Туркмены-мужчины

Развитие надбровья

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I отсутствует		II слабое		III среднее		IV сильное		N
				p	%	p	%	p	%	p	%	
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,69	90	40,72	109	49,32	21	9,50	1	0,45	221
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,71	36	31,86	74	65,49	3	2,65	—	—	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,89	12	21,82	37	67,27	6	10,91	—	—	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	1,74	31	27,19	82	71,93	1	0,88	—	—	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	2,18	46	15,23	150	49,67	106	35,00	—	—	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	1,79	37	33,64	60	54,54	13	11,81	—	—	110
Туркмены всех племен			1,88	252	27,65	512	55,95	150	16,139	1	0,1	915

Таблица 26

Туркмены-мужчины

Выраженность лобных бугров

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I не выражены		II намечаются		III явно выражены		N
				p	%	p	%	p	%	
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,83	83	41,50	67	33,50	50	25,00	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,83	39	34,51	55	48,67	19	16,81	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,95	16	29,09	26	47,27	13	23,64	55
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	1,80	105	34,78	150	49,66	47	15,66	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	2,21	18	16,38	50	45,45	42	38,18	110
Туркмены всех племен			1,88	261	33,46	348	44,61	171	21,92	780

79

Туркмены-мужчины
Высота переносья

Таблица 27

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I низкое		II среднее		III высокое		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	2,13	19	11,59	104	63,41	41	25,00	164
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,26	6	3,00	135	67,50	59	29,50	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	2,23	7	4,52	106	68,40	42	27,10	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	2,15	9	6,00	110	73,30	31	20,70	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	2,13	4	9,30	29	67,41	10	23,26	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1930	2,17	8	7,48	73	68,22	26	24,30	107
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1930	1,77	56	28,30	131	66,20	11	5,50	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	2,12	5	2,50	166	83,00	29	14,50	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	2,03	1	0,88	107	91,69	5	4,42	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	2,07	—	—	50	92,59	4	7,41	54
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	2,10	1	0,88	100	87,72	13	11,40	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	2,09	6	1,99	264	87,42	32	10,59	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	2,08	—	—	101	91,82	9	8,18	110
Туркмены всех племен			2,09	122	6,32	1476	77,27	312	16,34	1910

Туркмены-мужчины
Высота крыльев носа

Таблица 28

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I низкие		II средние		III высокие		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,25	7	3,50	136	68,00	57	28,50	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	2,24	13	8,40	103	66,40	39	25,20	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	2,15	4	2,70	120	80,00	26	17,30	150
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	1,99	18	17,10	70	66,70	17	16,20	105
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	1,96	35	17,70	136	68,70	27	13,60	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,68	71	35,50	122	61,00	7	3,50	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,87	17	14,40	99	83,90	2	1,70	118
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,98	7	12,73	42	76,37	6	10,90	55
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	1,94	28	9,28	264	87,41	10	3,31	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	1,88	19	17,27	84	76,36	7	6,37	110
Туркмены всех племен			1,98	219	13,75	1176	73,82	198	12,43	1593

Таблица 29

Туркмены-мужчины

Выраженность крыльевых борозд

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I слабая		II средняя		III сильная		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,45	93	61,20	50	32,90	9	5,90	152
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,50	120	60,00	61	30,00	19	10,00	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	1,39	101	66,50	42	27,60	9	5,90	152
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	1,61	72	47,70	66	43,70	13	8,60	151
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,58	17	39,50	23	53,50	3	7,00	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	1,53	53	50,00	50	47,20	3	2,80	106
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	1,73	69	34,80	113	57,10	16	8,1	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,61	43	41,70	57	55,40	3	2,90	103
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,95	16	13,56	91	77,12	11	9,32	118
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	2,01	5	9,09	44	80,00	6	10,91	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	1,96	21	18,42	76	66,66	17	14,92	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	1,78	75	24,83	219	72,53	8	2,64	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	1,69	42	38,18	60	54,55	8	7,27	110
Туркмены всех племен			1,66	727	40,30	952	52,77	125	6,93	1804

Таблица 30

Туркмены-мужчины

Поперечный профиль спинки носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I плоский		II средний		III выдающийся		N
				p	%	p	%	p	%	
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	2,13	—	—	172	86,87	26	13,13	198
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	2,14	—	—	96	85,71	16	14,29	112
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	2,20	—	—	44	80,00	11	20,00	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	2,23	2	1,75	82	71,93	30	26,32	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	2,12	—	—	266	88,08	36	11,92	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	2,10	—	—	99	90,00	11	10,00	110
Туркмены всех племен			2,14	2	0,23	759	85,18	130	14,59	891

Таблица 31

Туркмены-мужчины
Общий профиль спинки носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I вогнутый		II прямой и извилистый		III выпуклый		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	2,00	24	14,60	117	70,90	24	14,50	165
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,11	18	9,00	142	71,00	40	20,00	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	2,26	18	11,60	79	51,00	58	37,40	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	2,25	8	5,30	96	64,00	46	30,70	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	2,18	3	7,00	29	67,40	11	25,60	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	2,24	3	2,00	75	70,10	29	27,10	107
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	2,12	17	8,60	140	70,70	41	20,70	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	2,11	6	3,00	164	82,40	29	14,60	199
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	2,11	1	0,90	98	87,50	13	11,60	112
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	2,05	2	3,60	48	87,30	5	9,10	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	2,10	8	7,02	86	75,43	20	17,54	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	2,17	9	2,98	244	80,79	49	16,23	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	2,14	—	—	95	86,36	15	13,64	110
Туркмены всех племен			2,13	117	6,12	1413	73,98	380	19,89	1910

Таблица 32

Туркмены-мужчины
Положение кончика носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I приподнятое		II прямое		III опущенное		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,91	33	20,10	113	68,90	18	11,00	164
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,03	28	15,80	116	65,50	33	18,70	177
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	2,20	18	11,60	88	56,80	49	31,60	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	2,27	9	6,00	92	61,30	49	32,70	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	2,06	5	11,60	30	69,80	8	18,60	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	1,85	39	36,40	45	42,10	23	21,50	107
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	1,89	67	33,80	86	43,50	45	22,70	198
Туркмены всех племен			2,03	199	20,00	570	57,40	225	22,60	994

Туркмены-мужчины
Положение основания носа

Таблица 33

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I приподнятое		II горизонтальное		III опущенное		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,97	11	9,40	99	84,60	7	6,00	117
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,01	30	15,10	136	68,70	32	16,20	198
Гёкден	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	2,19	18	11,60	90	58,10	47	30,30	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	2,23	9	6,00	97	64,70	44	20,30	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	2,00	3	10,30	23	79,30	3	10,40	29
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	1,77	46	43,00	39	36,40	22	20,60	107
Чаудов	Хорезм	Ярхо, 1931	1,75	87	43,90	73	36,90	38	19,20	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,93	28	14,00	158	79,00	14	7,00	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,94	11	9,32	102	86,44	5	4,24	118
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,87	11	20,00	40	92,72	4	7,28	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	1,85	25	21,93	80	70,17	9	7,90	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	2,02	55	18,21	183	60,60	64	21,19	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	1,82	40	36,36	49	44,54	21	19,10	110
Туркмены всех племен			1,96	374	20,18	1169	63,09	310	16,73	1853

Туркмены-мужчины
Положение стенок носа

Таблица 34

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I почти вертикальное		II среднее		III сильно наклонное		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,01	4	2,08	181	94,27	7	3,65	192
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	2,00	5	3,23	145	93,55	6	3,23	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	2,01	2	1,33	145	96,67	3	2,00	150
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,90	23	11,56	172	86,43	4	2,01	199
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,91	11	9,82	101	90,18	—	—	112
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,84	9	16,36	46	83,64	—	—	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	1,80	25	21,93	87	76,32	2	1,75	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	1,88	37	12,25	265	87,75	—	—	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	1,86	15	13,64	95	86,36	—	—	110
Туркмены всех племен			1,92	131	9,43	1237	89,05	21	1,51	1389

Таблица 35

Туркмены-мужчины
Положение осей носовых отверстий

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I горизонтальное		II среднее		III сагиттальное		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,98	4	3,00	128	95,50	2	1,50	134
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,02	4	2,00	183	93,40	9	4,60	196
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	2,09	—	—	135	91,20	13	8 80	148
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	2,07	1	0,70	135	91,20	12	8,10	148
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,93	2	6,90	27	93,10	—	—	29
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	2,21	8	7,50	68	64,20	30	28,30	106
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	1,95	37	18 90	131	66.80	28	14,30	196
Туркмены всех племен			2,04	56	5,90	807	84,30	94	9,80	957

Таблица 35

Туркмены-мужчины
Форма носовых отверстий

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	Округлая		Треугольная		Овальная		Прочие формы		N
			p	%	p	%	p	%	p	%	
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	—	—	11	8,30	121	91,70	—	—	132
Теке	Мары	Ошанин, 1929	3	1,50	26	13,10	169	85.40	—	—	198
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	6	3,80	9	5,70	142	90,50	—	—	157
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	1	0,70	18	12,00	131	87,30	—	—	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	—	—	3	10,30	26	89,70	—	—	29
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	1	0,90	2	1,90	101	95,40	2	1,80	106
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	5	2,60	9	4,60	179	91,30	3	1,50	196
Туркмены всех племен			16	1,60	78	8,10	869	89,80	5	0.50	968

Таблица 37

Туркмены-мужчины
Ширина глазной щели

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I узкая		II средняя		III широкая		
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,78	54	27,00	136	68,00	10	5,00	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	1,95	28	18,20	105	68,80	20	13,00	154
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	1,77	38	25,30	109	72,70	3	2,00	150
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,99	4	2,00	191	96,60	3	1,50	198
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,76	28	24,78	85	75,22	—	—	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,56	24	43,64	31	56,36	—	—	55
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	1,82	53	17,55	249	82,45	—	—	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	1,82	19	17,27	91	82,73	—	—	110
Туркмены всех племен			1,84	248	19,34	998	77,85	36	2,81	1282

Таблица 38

Туркмены-мужчины
Положение глазного яблока

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I глубокое		II среднее		III выпуклое		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,94	19	10,20	159	85,50	8	4,30	186
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	2,01	12	5,71	185	88,10	13	6,10	210
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	1,85	30	20,70	107	73,80	8	5,50	145
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,74	52	26,13	145	72,86	2	1,01	199
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,82	20	17,70	93	82,30	—	—	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,80	11	20,00	44	80,00	—	—	55
Сарык	Тахта-Базар, Ионотань	Наджимов, 1955	1,84	18	15,79	96	84,21	—	—	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	1,77	69	22,85	233	77,15	—	—	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	1,76	26	23,64	84	76,36	—	—	110
Туркмены всех племен			1,84	257	17,92	1146	79,91	31	2,16	1434

85

Туркмены-мужчины
Наличие эпикантуса

Таблица 39

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	p	%	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	11	6,88	160
Теке	Мары	Ошанин, 1929	38	19,00	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	8	5,16	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	24	16,00	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	3	7,32	41
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	7	6,60	106
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	5	2,53	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	6	3,00	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	7	6,19	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1	1,85	54
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	1	0,88	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	1	0,33	302
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	2	1,82	108
Туркмены всех племен			114	5,99	1901

Туркмены-мужчины
Толщина губ

Таблица 40

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I тонкие		II средние		III толстые		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,67	52	32,70	97	60,00	10	6,30	159
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,03	32	16,20	127	64,50	38	19,30	197
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	1,91	23	14,90	118	76,10	14	9,00	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	1,89	26	17,30	114	76,00	10	6,70	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,71	16	38,10	23	54,80	3	7,20	42
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	2,07	24	12,00	139	69,50	36	18,00	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	1,98	14	11,86	92	77,96	12	10,17	118
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,90	7	12,13	46	83,64	2	3,63	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	2,04	19	16,66	71	62,28	24	21,06	114
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	2,05	9	8,18	86	78,18	15	13,64	110
Туркмены всех племен			1,95	222	17,07	913	70,23	164	12,62	1300

Туркмены-мужчины

Таблица 41

Высота верхней губы

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I низкая		II средняя		III высокая		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,86	42	26,20	99	61,90	19	11,90	160
Теке	Мары	Ошанин, 1929	2,09	15	7,60	150	76,10	32	16,30	197
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	2,05	18	11,70	111	72,10	25	16,20	154
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	2,01	17	11,70	110	75,30	19	13,00	146
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	1,95	9	20,90	27	68,80	7	6,30	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	1,92	25	23,60	65	61,30	16	15,10	106
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	2,20	22	11,10	114	57,60	62	31,30	198
Туркмены всех племен			2,03	148	14,80	676	67,30	180	17,90	1004

Туркмены-мужчины

Таблица 42

Профиль верхней губы

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M	I прохейлия		II ортохейлия		III опистохейлия		N
				p	%	p	%	p	%	
Теке	Мары	Ошанин, 1929	1,36	134	67,00	61	30,50	5	2,50	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	1,47	87	56,20	63	40,60	5	3,20	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	1,44	84	56,80	63	42,60	1	0,60	148
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	1,90	20	18,90	77	72,60	9	8,50	106
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	1,57	88	44,50	106	53,50	4	2,00	198
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	1,83	16	8,00	167	83,50	17	8,50	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	2,06	—	—	110	93,22	8	6,78	118
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	2,05	1	1,81	50	90,91	4	7,28	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	2,05	—	—	108	94,73	6	5,27	114
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	2,05	2	1,82	100	90,90	8	7,28	110
Туркмены всех племен			1,74	432	30,77	905	64,46	67	4,77	1404

87

Туркмены-мужчины
Головной указатель

Таблица 43

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m (M)	σ ± m (σ)	V ± m (V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	76,33 ± 0,26	3,25 ± 0,18	4,27 ± 0,24	160
Теке	Мары	Ошанин, 1929	74,46 ± 0,20	2,81 ± 0,14	3,77 ± 0,17	199
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	75,85 ± 0,20	2,52 ± 0,14	3,32 ± 0,19	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	76,03 ± 0,19	2,35 ± 0,13	3,09 ± 0,18	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	76,16 ± 0,48	3,17 ± 0,34	4,16 ± 0,45	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	75,16 ± 0,27	2,80 ± 0,19	3,72 ± 0,26	107
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	77,24 ± 0,23	3,28 ± 0,16	4,25 ± 0,21	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	76,79 ± 0,22	3,01 ± 0,15	3,96 ± 0,20	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	76,76 ± 0,30	3,20 ± 0,21	4,19 ± 0,28	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	77,84 ± 0,38	2,81 ± 0,27	3,65 ± 0,35	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	74,30 ± 0,22	2,44 ± 0,16	3,28 ± 0,21	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	73,43 ± 0,17	2,93 ± 0,12	4,05 ± 0,16	288
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	76,18 ± 0,25	2,68 ± 0,18	3,51 ± 0,23	110
Туркмены всех племен			75,66 ± 0,07	3,18 ± 0,05	4,80 ± 0,07	1851

Туркмены-мужчины
Продольный диаметр головы

Таблица 44

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m (M)	σ ± m (σ)	V ± m (V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	193,21 ± 0,49	6,30 ± 0,35	3,26 ± 0,18	165
Теке	Мары	Ошанин, 1929	196,00 ± 0,40	5,66 ± 0,28	2,89 ± 0,14	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	193,00 ± 0,49	6,17 ± 0,35	3,21 ± 0,18	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	194,00 ± 0,47	5,62 ± 0,33	2,89 ± 0,17	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	195,65 ± 0,84	5,51 ± 0,60	2,82 ± 0,30	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	194,25 ± 0,60	6,30 ± 0,43	3,24 ± 0,22	107
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	193,16 ± 0,47	6,54 ± 0,33	3,39 ± 0,70	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	192,10 ± 0,40	5,70 ± 0,28	2,97 ± 0,15	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	193,22 ± 0,59	6,26 ± 0,55	3,20 ± 0,21	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	190,52 ± 0,86	6,42 ± 0,61	3,36 ± 0,32	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	194,18 ± 0,55	5,91 ± 0,58	3,04 ± 0,20	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	195,00 ± 0,36	6,21 ± 0,25	3,17 ± 0,13	288
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	194,40 ± 0,53	5,64 ± 0,38	2,91 ± 0,19	110
Туркмены всех племен			193,86 ± 0,15	6,25 ± 0,10	3,23 ± 0,05	1857

Туркмены-мужчины

Поперечный диаметр головы

Таблица 45

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m (M)	σ ± m (σ)	V ± m (V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	148,01 ± 0,44	5,69 ± 0,31	3,81 ± 0,21	164
Теке	Мары	Ошанин, 1929	147,00 ± 0,36	5,06 ± 0,25	3,45 ± 0,17	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	147,00 ± 0,36	4,51 ± 0,25	3,07 ± 0,18	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	149,00 ± 0,34	4,13 ± 0,24	2,78 ± 0,16	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	148,91 ± 0,89	5,81 ± 0,63	3,90 ± 0,42	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	145,70 ± 0,42	4,35 ± 0,30	2,98 ± 0,20	107
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	149,00 ± 0,36	4,98 ± 0,26	3,34 ± 0,17	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	147,41 ± 0,36	5,05 ± 0,25	3,43 ± 0,17	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	147,26 ± 0,48	5,10 ± 0,34	3,46 ± 0,23	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	148,13 ± 0,57	4,20 ± 0,40	2,83 ± 0,27	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	144,50 ± 0,40	4,32 ± 0,28	2,98 ± 0,19	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	143,72 ± 0,29	5,07 ± 0,21	3,45 ± 0,14	288
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	147,05 ± 0,50	5,25 ± 0,35	3,56 ± 0,24	110
Туркмены всех племен			146,81 ± 0,12	5,21 ± 0,09	3,55 ± 0,06	1856

Туркмены-мужчины

Указатель лица морфологический

Таблица 46

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m (M)	σ ± m (σ)	V ± m (V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	92,22 ± 0,42	5,35 ± 0,30	5,80 ± 0,32	162
Теке	Мары	Ошанин, 1929	90,72 ± 0,38	5,36 ± 0,27	5,91 ± 0,28	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	92,28 ± 0,39	4,96 ± 0,28	5,37 ± 0,31	161
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	96,71 ± 0,40	4,90 ± 0,28	5,40 ± 0,26	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	94,09 ± 0,82	5,39 ± 0,58	5,72 ± 0,62	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	94,57 ± 0,48	4,97 ± 0,34	5,26 ± 0,36	106
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	93,85 ± 0,34	4,75 ± 0,24	5,06 ± 0,25	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	91,77 ± 0,37	5,19 ± 0,26	5,65 ± 0,28	198
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	92,00 ± 0,44	4,71 ± 0,31	5,11 ± 0,31	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	92,81 ± 0,65	4,83 ± 0,46	5,20 ± 0,50	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	91,40 ± 0,51	5,49 ± 0,36	5,81 ± 0,38	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	90,08 ± 0,28	4,92 ± 0,20	5,43 ± 0,24	193
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	89,02 ± 0,43	4,98 ± 0,31	5,59 ± 0,38	107
Туркмены всех племен			91,86 ± 0,12	5,29 ± 0,09	5,75 ± 0,10	1845

Туркмены-мужчины
Высота лица морфологическая

Таблица 47

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m (M)	σ ± m (σ)	V ± m (V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	130,20 ± 0,54	6,87 ± 0,38	5,28 ± 0,29	163
Теке	Мары	Ошанин, 1929	126,00 ± 0,54	7,63 ± 0,38	6,11 ± 0,31	192
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	127,00 ± 0,55	6,82 ± 0,39	5,36 ± 0,31	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	127,00 ± 0,56	6,80 ± 0,39	0,36 ± 0,31	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	132,42 ± 1,06	6,99 ± 0,75	5,28 ± 0,57	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	130,42 ± 0,59	6,24 ± 0,42	4,78 ± 0,33	106
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	133,90 ± 0,48	6,72 ± 0,34	5,06 ± 0,25	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	128,70 ± 0,54	7,60 ± 0,38	5,90 ± 0,30	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	129,64 ± 0,66	7,05 ± 0,47	5,44 ± 0,36	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	130,33 ± 0,84	6,24 ± 0,59	4,79 ± 0,46	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	129,97 ± 0,64	6,90 ± 0,46	5,31 ± 0,35	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	125,71 ± 0,40	6,84 ± 0,28	5,44 ± 0,22	288
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	124,54 ± 0,70	7,35 ± 0,49	5,90 ± 0,40	110
Туркмены всех племен			128,32 ± 0,17	7,38 ± 0,12	5,75 ± 0,09	1854

Туркмены-мужчины
Скуловой диаметр

Таблица 48

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m (M)	σ ± m (σ)	V ± m (V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	141,19 ± 0,45	5,81 ± 0,32	4,12 ± 0,23	165
Теке	Мары	Ошанин, 1929	139,00 ± 0,38	5,33 ± 0,27	3,82 ± 0,19	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	138,00 ± 0,35	4,41 ± 0,25	3,19 ± 0,18	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	140,00 ± 0,43	5,25 ± 0,30	3,75 ± 0,21	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	140,81 ± 0,73	4,80 ± 0,52	3,40 ± 0,37	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	138,16 ± 0,44	4,65 ± 0,31	3,37 ± 0,23	106
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	141,82 ± 0,34	4,80 ± 0,21	3,38 ± 0,17	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	140,21 ± 0,38	5,35 ± 0,27	3,82 ± 0,19	199
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	141,16 ± 0,49	5,28 ± 0,35	3,74 ± 0,25	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	140,65 ± 0,53	3,96 ± 0,38	2,81 ± 0,27	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	138,04 ± 0,55	5,94 ± 0,39	4,30 ± 0,28	114
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	138,07 ± 0,29	5,07 ± 0,21	3,67 ± 0,15	289
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	139,18 ± 0,49	5,16 ± 0,34	3,70 ± 0,24	110
Туркмены всех племен			139,62 ± 0,12	5,26 ± 0,09	3,77 ± 0,06	1855

Туркмены-мужчины

Таблица 49

Наименьший лобный диаметр

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m (M)	σ ± m (σ)	V ± m (V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	106,85 ± 0,35	4,50 ± 0,25	4,21 ± 0,23	165
Теке	Мары	Ошанин, 1929	109,14 ± 0,30	4,30 ± 0,21	3,94 ± 0,20	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	108,95 ± 0,31	3,89 ± 0,22	3,57 ± 0,20	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	110,90 ± 0,37	4,54 ± 0,26	4,09 ± 0,24	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	105,88 ± 0,76	4,95 ± 0,54	4,68 ± 0,51	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	104,97 ± 0,38	3,97 ± 0,27	3,74 ± 0,26	105
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	107,30 ± 0,29	4,02 ± 0,21	3,75 ± 0,19	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	104,39 ± 0,33	4,61 ± 0,23	4,42 ± 0,22	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	105,26 ± 0,43	4,56 ± 0,30	4,33 ± 0,29	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	104,72 ± 0,51	3,81 ± 0,36	3,63 ± 0,34	55
Туркмены всех племен			107,18	—	—	1386

Туркмены-мужчины

Таблица 50

Нижнечелюстной диаметр

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m (M)	σ ± m (σ)	V ± m (V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	111,03 ± 0,46	5,92 ± 0,33	5,33 ± 0,30	164
Теке	Мары	Ошанин, 1929	109,84 ± 0,29	5,71 ± 0,41	5,20 ± 0,26	194
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	108,25 ± 0,51	6,04 ± 0,35	5,58 ± 0,33	140
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	108,10 ± 0,54	6,57 ± 0,38	6,08 ± 0,35	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	111,53 ± 1,01	6,62 ± 0,72	5,93 ± 0,63	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	107,89 ± 0,52	5,28 ± 0,37	4,89 ± 0,28	150
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	111,58 ± 0,40	5,65 ± 0,28	5,08 ± 0,26	200
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	108,80 ± 0,43	6,11 ± 0,31	5,62 ± 0,28	198
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	110,63 ± 0,55	5,91 ± 0,39	5,34 ± 0,36	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	112,28 ± 0,73	5,52 ± 0,52	4,91 ± 0,46	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	109,19 ± 0,61	6,57 ± 0,43	5,10 ± 0,33	114
Туркмены всех племен			109,70	—	—	1521

Туркмены-мужчины

Таблица 51

Носовой указатель (нос, точка по нижнему краю бровей)

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m (M)	σ ± m (σ)	V ± m(V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	60,49 ± 0,45	5,73 ± 0,32	9,47 ± 0,53	163
Теке	Мары	Ошанин, 1929	64,81 ± 0,48	6,57 ± 0,34	10,42 ± 0,52	199
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 19 9	61,47 ± 0,47	5,92 ± 0 31	9,63 ± 0,55	156
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	63,74 ± 0,48	5,97 ± 0,34	9,37 ± 0,54	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	62,72 ± 0,92	6,02 ± 0,65	9,91 ± 1,07	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	60,92 ± 0,61	6,34 ± 0,43	10,41 ± 0,71	107
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	60,43 ± 0,36	5,04 ± 0,26	8,34 ± 0,42	199
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	60,28 ± 0·39	5,46 ± 0,27	9,06 ± 0,46	198
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	63,02 ± 0,61	6,46 ± 0,43	10,25 ± 0,68	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	61,28 ± 0,80	6,68 ± 0,64	10,90 ± 0,01	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	60,94 ± 0,58	6,32 ± 0,41	10,37 ± 0,76	114
Туркмены всех племен			61,83	—	—	1497

Туркмены-мужчины

Таблица 52

Длина носа (нос, точка по нижнему краю бровей)

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m (M)	σ ± m (σ)	V ± m(V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	58,99 ± 0,31	3,98 ± 0,22	6,75 ± 0,37	165
Теке	Мары	Ошанин, 1929	55,67 ± 0,29	4,10 ± 0,21	7,36 ± 0,37	199
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	57,55 ± 0,36	4,39 ± 0,25	7,63 ± 0,44	153
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	56,68 ± 0,35	4,20 ± 0,25	7,41 ± 0,43	148
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	59,07 ± 0,61	4,02 ± 0,48	6,80 ± 0,74	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	59,51 ± 0,37	3,95 ± 0,26	6,55 ± 0,45	107
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	59,64 ± 0,28	3,87 ± 0,20	6,49 ± 0,33	199
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	60,96 ± 0,32	4,56 ± 0,23	7,48 ± 0,38	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	58,80 ± 0,37	3,92 ± 0,26	6,67 ± 0,44	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	60,52 ± 0,58	4,34 ± 0,41	7,23 ± 0,69	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	59,86 ± 0,47	5,10 ± 0,33	8,51 ± 0,56	114
Туркмены всех племен			58,67	—	—	1496

Туркмены-мужчины

Таблица 53

Ширина носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	35,94 ± 0,19	2,49 ± 0,13	7,02 ± 0,39	165
Теке	Мары	Ошанин, 1929	35,27 ± 0,19	2,64 ± 0,13	7,49 ± 0,38	199
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	35,12 ± 0,20	2,48 ± 0,14	7,08 ± 0,40	154
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	35,97 ± 0,24	2,89 ± 0,17	8,03 ± 0,47	149
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	35,74 ± 0,42	2,72 ± 0,30	7,61 ± 0,82	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	35,80 ± 0,39	2,98 ± 0,20	8,32 ± 0,57	107
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	35,85 ± 0,18	2,46 ± 0,13	6,86 ± 0,34	199
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	36,57 ± 0,20	2,81 ± 0,14	7,69 ± 0,39	200
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	37,08 ± 0,28	3,00 ± 0,19	8,09 ± 0,54	113
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	37,52 ± 0,57	4,24 ± 0,40	11,30 ± 1,09	55
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	36,28 ± 0,27	2,96 ± 0,19	7,33 ± 0,48	114
Туркмены всех племен			36,00	—	—	1492

Туркмены-мужчины

Таблица 54

Длина тела

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Теке	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	170,53 ± 0,51	6,50 ± 0,36	3,81 ± 0,21	163
Теке	Мары	Ошанин, 1929	169,66 ± 0,36	5,14 ± 0,25	3,02 ± 0,15	200
Гёклен	Долина Сумбара	Ошанин, 1929	168,50 ± 0,44	5,41 ± 0,31	3,21 ± 0,18	155
Иомуд	Казанджик	Ошанин, 1929	168,46 ± 0,54	6,66 ± 0,38	3,95 ± 0,23	150
Иомуд	Кара-Кумы	Елистратов и Шмаков, 1936	169,15 ± 1,20	7,88 ± 0,85	4,65 ± 0,50	43
Иомуд	Хорезм	Ярхо, 1931	166,37 ± 0,56	5,88 ± 0,40	5,53 ± 0,24	105
Чаудор	Хорезм	Ярхо, 1931	166,42 ± 0,40	5,55 ± 0,28	3,33 ± 0,17	208
Эрсари	Термез	Наджимов, 1952	166,83 ± 0,40	5,58 ± 0,29	3,35 ± 0,17	190
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	167,21 ± 0,61	6,69 ± 0,43	3,58 ± 0,25	101
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	165,50 ± 0,90	6,12 ± 0,64	3,69 ± 0,39	46
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	169,16 ± 0,61	6,63 ± 0,45	3,91 ± 0,26	106
Салыр	Серахс	Наджимов, 1955	167,75 ± 0,38	6,39 ± 0,27	3,81 ± 0,16	275
Ата	Серахс	Наджимов, 1956	167,63 ± 0,54	5,49 ± 0,38	3,27 ± 0,23	100
Туркмены всех племен			167,93 ± 0,14	6,08 ± 0,10	3,62 ± 0,06	1799

93

Таблица 55

Туркмены-женщины

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	Наличие эпикантуса в %	Горизонтальный профиль лица	Высота переносья	Поперечный профиль спинки носа	Общий профиль спинки носа	Положение стенок носа	Положение глазного яблока	Надбровья	Лобные бугры	Цвет глаз	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	27,0	1,80	2,01	—	1,80	2,02	2,00	—	—	1,04	100
Гёклен	Долина Сумбара	Ясевич, 1929	20,0	1,76	2,02	—	1,90	2,05	2,04	—	—	1,02	100
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	7,41	2,31	2,00	2,00	2,08	2,03	1,97	1,05	1,28	1,16	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	1,59	2,21	1,95	2,02	1,93	2,02	1,92	1,08	1,38	1,16	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	6,06	2,29	1,98	2,00	2,18	2,05	1,97	1,02	1,74	1,17	280
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	4,83	2,20	2,00	2,24	2,14	2,01	1,88	—	—	1,01	207
Туркменки всех племен			10,15	2,22	2,00	2,06	2,10	2,03	1,96	1,03	1,55	1,08	789

Таблица 56

Туркмены-женщины
Головной указатель

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	c ± m(c)	V ± m(V)	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	74,50 ± 0,28	2,80 ± 0,20	3,76 ± 0,27	100
Гёклен	Долина Сумбара	Ясевич, 1929	77,40 ± 0,28	2,80 ± 0,20	3,62 ± 0,26	100
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	77,48 ± 0,56	3,48 ± 0,39	4,49 ± 0,51	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	77,18 ± 0,33	2,60 ± 0,23	3,37 ± 0,30	62
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	75,06 ± 0,15	2,66 ± 0,11	3,41 ± 0,14	279
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	72,70 ± 0,19	2,67 ± 0,13	3,65 ± 0,18	194
Туркменки всех племен			74,88	—	—	774

Таблица 57

Туркмены—женщины
Продольный диаметр головы

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	(V ± m(V)	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	182,00 ± 0,60	6,00 ± 0,42	3,30 ± 0,23	100
Гёклен	Долина Сумбара	Ясевич, 1929	182,00 ± 0,66	6,60 ± 0,47	3,63 ± 0,26	100
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	185,15 ± 0,01	6,33 ± 0,72	3,42 ± 0,39	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	183,62 ± 0,58	4,59 ± 0,41	2,49 ± 0,22	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	186,26 ± 0,35	5,94 ± 0,25	3,18 ± 0,13	279
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	188,42 ± 0,40	5,58 ± 0,28	2,96 ± 0,15	194
Туркменки всех племен			185,25	—	—	775

Таблица 58

Поперечный диаметр головы

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	139,00 ± 0,51	5,10 ± 0,36	3,67 ± 0,26	100
Гёклен	Долина Сумбара	Ясевич, 1929	141,00 ± 0,48	4,80 ± 0,34	3,40 ± 0,24	100
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	142,94 ± 0,75	4,68 ± 0,53	3,27 ± 0,37	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	141,62 ± 0,98	7,80 ± 0,70	3,51 ± 0,49	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	139,70 ± 0,25	4,26 ± 0,17	3,04 ± 0,13	279
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	136,99 ± 0,33	4,70 ± 0,23	3,36 ± 0,17	194
Туркменки всех племен			139,48	—	—	775

Таблица 59

Туркмены—женщины
Указатель лица морфологический

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	90 47 ± 0,77	4,80 ± 0,54	5,30 ± 0,60	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	90,29 ± 0,67	5,31 ± 0,47	5,87 ± 0,52	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	92,09 ± 0,30	5,07 ± 0,21	5,50 ± 0,23	279
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	88,76 ± 0,31	4,47 ± 0,22	5,03 ± 0,24	194
Туркменки всех племен			90,25	—	—	374

Таблица 60

Высота лица морфологическая

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	120,55 ± 0,84	5,25 ± 0,59	4,35 ± 0,49	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	120,58 ± 0,81	6,42 ± 0,57	5,32 ± 0,47	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	120,00 ± 0,40	6,75 ± 0,28	5,62 ± 0,23	279
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	117,13 ± 0,43	6,03 ± 0,30	5,14 ± 0,26	194
Туркменки всех племен			119,14	—	—	575

Таблица 61

Скуловой диаметр

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	128,00 ± 0,67	6,70 ± 0,47	5,23 ± 0,37	100
Гёклен	Долина Сумбара	Ясевич, 1929	128,00 ± 0,54	5,40 ± 0,38	4,22 ± 0,30	100
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	133,00 ± 0,76	4,74 ± 0,54	3,56 ± 0,40	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	133,39 ± 0,57	4,50 ± 0,40	3,37 ± 0,30	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	131,23 ± 0,27	4,65 ± 0,19	3,54 + 0,14	279
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	131,22 ± 0,34	4,80 ± 0,24	3,65 ± 0,18	194
Туркменки всех племен			130,89	—	—	775

Таблица 62

Туркмены—женщины
Наименьший лобный диаметр

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	105,53 ± 0,68	4,23 ± 0,48	4,01 ± 0,46	39
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	105,83 ± 0,24	4,11 ± 0,17	3,88 ± 0,16	279
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	102,02 ± 0,34	4,83 ± 0,24	4,73 ± 0,23	194
						512
Туркменки всех племен			104,19	—	—	

Таблица 63

Нижнечелюстной диаметр

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	102,62 ± 0,73	4,59 ± 0,52	4,47 ± 0,51	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	102,17 ± 0,61	4,83 ± 0,43	4,73 ± 0,42	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	101,03 ± 0,26	4,47 ± 0,18	4,42 ± 0,18	279
Туркменки всех племен			101,38	—	—	381

Таблица 64

Длина носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	54,52 ± 0,68	4,26 ± 0,48	7,81 ± 0,88	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	54,78 ± 0,52	4,12 ± 0,37	7,52 ± 0,67	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	54,92 ± 0,26	4,38 ± 0,18	7,97 ± 0,33	279
Туркменки всех племен			54,86	—	—	381

Таблица 65

Туркмены—женщины
Ширина носа

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	33,64 ± 0,49	3,04 ± 0,34	9,03 ± 1,02	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	33,84 ± 0,36	2,90 ± 0,26	8,57 ± 0,76	63
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	32,58 ± 0,14	2,44 ± 0,10	7,48 ± 0,31	279
						381
Туркменки всех племен			32,90	—	—	

Таблица 66

Носовой указатель

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	63,14 ± 0,89	5,60 ± 0,63	8,87 ± 1,00	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	61,92 ± 0,78	6,18 ± 0,55	9,98 ± 0,90	62
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	59,71 ± 0,36	6,10 ± 0,15	1,02 ± 0,44	279
Туркменки всех племен			$60,4_2$	—	—	380

Таблица 67

Длина тела

Племена	Районы	Исследователи и год исследования	M ± m(M)	σ ± m(σ)	V ± m(V)	N
Теке	Мары	Ясевич, 1929	156,00 ± 0,58	5,70 ± 0,41	3,65 ± 0,26	98
Гёклен	Долина Сумбара	Ясевич, 1929	154,00 ± 0,56	5,50 ± 0,39	3,57 ± 0,26	97
Эрсари	Тахта-Базар, Чарджоу, Керки	Наджимов, 1955	154,37 ± 0,74	4,62 ± 0,52	2,99 ± 0,34	39
Баят	Чарджоу	Наджимов, 1955	154,57 ± 0,63	4,53 ± 0,44	2,93 ± 0,29	52
Сарык	Тахта-Базар, Иолотань	Наджимов, 1955	155,72 ± 0,31	5,28 ± 0,22	3,49 ± 0,14	274
Салыр	Серахс	Наджимов, 1956	154,22 ± 0,37	5,22 ± 0,26	3,38 ± 0,17	189
Туркменки всех племен			154,99	—	—	749

ЛИТЕРАТУРА

1) Абулгази Богадур-Хан. Родословная туркмен. Перевод А. Туманского. Ашхабад, 1897.

2) Аристов Н. А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей. Живая старина. Отдел этнографии. Русское географическое общество. Вып. III—IV. СПб., 1896.

3) Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Часть II. Исследование. СПб., 1900.

4) Бартольд В. В. История Туркестана. Труды Туркестанского государственного университета. Вып. II. Ташкент, 1922.

5) Бартольд В. В. Иран. Исторический обзор. Ташкент, 1926.

6) Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа. Отдельный оттиск из сборника «Туркмения». Т. 1, 1929.

7) Берг Л. С. История исследований Туркмении. Отдельный оттиск из сборника «Туркмения». Т. 1, 1929.

8) Бернштам А. Н. Некоторые данные к этногенезу туркмен. Советская этнография. 1947. № 3.

9) Богданов А. П. О могильниках скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов. Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Антропологическая выставка 1879 г. Т. III. Вып. 3, М., 1880.

10) Боде К. О туркменских поколениях: ямудах и гокленах. (Отдельный оттиск). 1842.

11) Веселовский Н. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб., 1877.

12) Гиппократ О воздухе, водах и местностях. Избранные книги. Перевод с греческого В. И. Руднева. М., 1936.

13) Гордлевский В. Государство сельджукидов в Малой Азии. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941.

14) Дарвин Ч. Происхождение человека и половой отбор. М., 1953.

15) Дебец Г. Ф. Данные о происхождении туркмен. «Советская этнография». Сборник статей VI—VII, 1947.

16) Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии АН СССР. Т. IV, 1948.

17) Древние авторы о Средней Азии. Хрестоматия под ред. Л. В. Баженова, Ташкент, 1940.

18) Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. и Лившиц В. А. Документы из древней Нисы (дешифровка и анализ). Материалы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Вып. 2 М.—Л., 1951.

19) Дьяконов И. М., Дьяконов М. М. и Лившиц В. А. Парфянский архив из древней Нисы «Вестник древней истории». 1954, № 4.

20) Зезенкова В. Я. К вопросу об антропологическом типе туркмен Самаркандской и Бухарской областей. Бюллетень АН УзССР, 1945, № 4.

21) Зезенкова В. Я. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. В сборнике: Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Институт истории АН УзССР. Ташкент, 1953.

22) Ивановский А. А. Черепа из могильников осетин. Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Т. XXI. Труды антропологического отдела. Т. III. Дневник антропологического отдела. Вып. 5. М., 1891.

23) Иностранцев К. А. О домусульманской культуре Хивинского оазиса «Журнал Министерства народного просвещения», 1911, февраль.

24) История СССР. Макет. Т. 1. Изд-во АН СССР, 1939.

25) История народов Узбекистана. Т. 1, Ташкент, 1950.

26) История Узбекской ССР, Т. 1. Книга первая. АН УзССР. Ташкент, 1955.

27) История Туркменской ССР. Макет. Т. 1. АН ТССР, Ашхабад, 1955.

28) Карпов Г. И. Туркмены-огузы. Изв. Туркменского филиала АН СССР, 1945, № 1.

29) Карпов Г. И. Родовые тамги у туркмен. Изв. Туркменского филиала АН СССР. 1945, № 3—4.

32) Косвен М. О. Омазонки. Советская этнография, 1947, № 1.
Т. 1. Туркмены племени баят. Изв. Туркменского филиала АН СССР, 1945, № 3—4.
31) Карпов Г. И. К истории туркмен-сарыков. Туркменский филиал АН СССР, Ашхабад, 1945.
32) Косвен М. О. Амазонки. Советская этнография, 1947, № 1.
33) Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1. Вып. 1. СПб., 1903.
34) Левин М. Г. Деформация голсвы у туркмен. «Советская этнография». Сборник статей, VI—VII. М.—Л., 1947.
35) Массон М. Е. О происхождении некоторых каменных намогильников Южного Туркменистана. Материалы Южно-Туркменистанской комплексной экспедиции. Вып. 1, Ашхабад, 1949.
36) Массон М. Е. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ). Т. 1, Ашхабад, 1949.
37) Массон М. Е. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. Труды ЮТАКЭ. Т. II. Ашхабад, 1951 (1953).
38) Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе Парфянского государства. Труды ЮТАКЭ. Т. V. Ашхабад, 1955.
39) Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. М.—Л., 1939.
40) Машулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез народов Средней Азии. Советская этнография. Сборник статей, VI—VII. М.—Л., 1947.
41) Мошкова В. Г. Туркмены Самаркандской и Бухарской областей. Бюллетень АН УзССР, 1945, № 4.
42) Наджимов К. Антропологический состав некоторых народов Сурхан-Дарьинской области и вопросы их этногенеза в свете данных антропологии. Диссертация. Рукопись. Опубликованный автореферат. Изд. САГУ, Ташкент, 1953.
43) Наджимов К. О черепах Зливкинского могильника. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, 1945, № 24.
44) Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее происхождения. Опыт обоснования теории скифо-сарматского происхождения туркменского народа. Известия Средазкомстариса. Вып. 1. Ташкент, 1926.
45) Ошанин Л. В. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Известия Средазкомстариса. Вып. III. Ташкент, 1928.
46) Ошанин Л. В. Узбеки Хорезма. Часть 1. Бюллетень Среднеазиатского государственного университета, № 16, Ташкент, 1928; Часть II. Бюллетень САГУ, № 17, Ташкент, 1929.
47) Ошанин Л. В. Иранские племена Западного Памира. Сравнительно-антропологическое исследование. Труды Узбекского института экспериментальной медицины. Т. 1. Ташкент, 1937.
48) Ошанин Л. В. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен Известия АН ТССР, № 4, Ашхабад, 1952.
49) Ошанин Л. В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. В сборнике Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии», АН УзССР, Ташкент, 1953.
50) Очерки из истории туркменского народа и Туркмении в VII—XIX вв. На правах рукописи. Материалы для обсуждения. АН ТССР, Ашхабад, 1954.
51) Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на юге России. П., 1918.
52) Середонин С. М. Историческая география. Лекции, читанные С. М. Середониным в Петроградском археологическом институте. Посмертное издание, П., 1916.
53) Толстов С. П. Города огузов. «Советская этнография», М.—Л., 1947, № 3.
54) Трофимова Т. А. Кривичи, вятичи и славянские племена Поднепровья по данным антропологии. «Советская этнография». М.—Л., 1946, № 1.
55) Чебоксаров Н. Н. Основные принципы антропологических классификаций. В сборнике «Происхождение человека и раннее расселение человечества». Труды Института этнографии АН СССР. Т. XVI, 1951.
56) Яровский И. Л. Антропологический и этнографический очерк туркмен. Краткий отчет о научной командировке в Среднюю Азию. Одесса, 1895.

57) Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—IX вв., В сборнике «Очерки истории туркменского народа и Туркмении в VIII—XIX вв.». На правах рукописи. Материалы для обсуждения. АН ТССР. Ашхабад, 1954. Та же статья в «Советской этнографии», 1947, № 3.

58) Ярхо А. И. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа. Антропологический журнал, 1933, № 1—2.

59) Ярхо А. И. Краткий обзор антропологического изучения турецких народностей СССР за 10 лет (1924—1934 гг.). Антропологический журнал, 1936, № 1.

60) Яцута К. З. Об искусственно деформированных черепах на юге России «Известия Донского университета». 1922. Отдельный оттиск.

61. Bunak V. The craniological Types of East Slavie Kurgans. Antropology. X, 1932.

62. Coon C. S. Tribes of the Rif Harvard African Studies. Vol. IX. Peabody Museum of Harvard University. Cambridge Mass., USA, 1931.

63. Coon C. S. The Races of Europe. New York, 1939.

64. Darwin Ch. The Descent of Man and selection on Relation to Sex. Vol. 11 London, 1871.

65. Monfanodon G. La race et les races. Paris, 1933.

66. Pumpelly R. Exploration in Turkestan. Expedition of 1904. The prehistoric civilisation of Anau. Vol. 11. Washington, 1905.

67. Scheidt W. Rassebforschung. Leipzig, 1947.

В. В. ГИНЗБУРГ

МАТЕРИАЛЫ К АНТРОПОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Антропология древнего населения Южной Туркмении разработана еще очень мало. После известных раскопок Пампелли в 1904 г. и изученных тогда Серджи несколько черепных крышек до последних лет ничего больше не было известно. Лишь с началом систематических работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции под общим руководством М. Е. Массона стали поступать для изучения и краниологические материалы.

Эти материалы представляют очень большой интерес для изучения этногенеза многих древних народов Средней Азии, не говоря уже о предках туркменов и их самих.

По историческим источникам Л. В. Ошанин еще в 20-х годах доказал древнюю долихоцефалию антропологического типа туркменов и привел убедительные доводы скифо-сарматского их происхождения[1].

В решении вопросов этногенеза туркменов антропологические материалы должны играть немалую роль. Поэтому сейчас важна публикация всех даже малых количественно материалов о древнем населении Туркмении.

Черепа бронзового времени, изученные Серджи, относятся к долихомезокранному типу[2]. К сожалению, от большинства из них сохранились только черепные коробки, или крышки. Многие из них детские.

Из экспедиций ЮТАКЭ 1949 и 1950 гг., осуществляющихся под руководством М. Е. Массона, при раскопках городища Намазга-депе, вблизи станции Каахка получено свыше десяти черепов, относящихся к позднему периоду бронзы II тысячелетия до н. э. Большинство из них детские. Лицевые части сохранились только на одном черепе взрослого и трех черепах детей первых годов жизни. Изучившие эти черепа В. Я. Зезенкова[3] и Л. В. Ошанин[4] пришли к выводу, что они относятся к европеоидному длинноголовому закаспийскому типу.

Мы изучили пять черепов из раскопок В. М. Массона в 1955 г. на поселении Тахирбай-3, в 12 км севернее колодца Новый Кишман (Марыйская область). Эти материалы относятся к культуре позднеанауского типа позднебронзового века (2-я половина II тысячелетия до н. э.)[5].

Из пяти черепов три (1 м., 2 ж.) в относительно хорошем состоянии. У них сохранилась не только мозговая коробка, но и лицевая часть. Два других черепа значительно разрушены.

Приводим характеристику каждого черепа.

1. Тахирбай 3. Раскоп 1, погребение 2.

Череп мужчины зрелого возраста; крупный, массивный. Черепная коробка долихокранного типа (ч. у. 68,6) с значительно выступающим затылком, покатым лбом и резко выраженными надпереносьем и надбровными дугами. Лицо широкое, средневысокое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости, с среднеглубинными клыковыми ямками, крупными, высокими глазницами и резко выступающим среднеширо-ким носом.

Череп европеоидный. Широкое, средневысокое лицо и особенности строения лобной части придают черепу черты протоевропеоидного типа несмотря на высокие глазницы.

2. Тахирбай 3. Раскоп 1, погребение 1.

Череп женщины старческого возраста, небольшой, грацильный. Черепная коробка мезобрахикранного типа (ч. у. 80,0) с прямым лбом со слаборазвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо низкое, узкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости с глубокими клыковыми ямками, высокими глазницами и значительно выступающим узким носом.

Череп европеоидного средиземноморского (каспийского) типа.

3. Тахирбай 3. Раскоп 1.

Череп женщины возмужалого возраста обожженный, особенно со стороны затылка. Лицевая часть разрушена.

Черепная коробка долихомезокранного типа (ч. у. 76,3) со средневыступающим затылком, средненаклонным лбом со слаборазвитым надпереносьем и средневыступающими надбровными дугами. Лицо, по-видимому, узкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости с глубокими клыковыми ямками.

Череп европеоидного типа.

4. Тахирбай 3. Раскоп 1, квадрат № 11, ярус III.

Черепная крышка черепа женщины зрелого возраста.

Черепная коробка долихо-мезокранного типа (ч. у. 74,4) с прямым лбом, слаборазвитым надпереносьем и средневыступающими надбровными дугами. Продольный диаметр черепа — 176 мм; поперечный — 131 мм.

5. Тахирбай 3. Шурф 1, ярус 5.

Череп женщины (?) возмужалого возраста.

Черепная коробка долихо-мезокранного типа (ч. у. 75,7) со значительно выступающим затылком, прямым лбом со слаборазвитыми надпереносьем и надбровными дугами. Лицо низкое, узкое, значительно выступающее в горизонтальной плоскости с малоуглубленными клыковыми ямками, низкими глазницами и резко выступающим, среднешироким носом.

Череп европеоидный, близкий к средиземноморскому типу. На всех черепах не видно каких-либо следов искусственной деформации.

Приведенная характеристика черепов, как и данные индивидуальных измерений, приведенные в таблице 1, показывают, что население периода поздней бронзы на юге Туркмении обладало хорошо выраженным европеоидным расовым типом. Небольшое количество черепов при их значительной вариации не дают возможности дать общую более детальную характеристику этой серии.

Таблица 1

№ черепа по порядку	1	2	3
Происхождение	т а х и р б а й 3		
	раскоп 1 погр. 2	раскоп 1 погр. 1	шурф 1 ярус V
Датировка	2-я половина II тыс. до н. э.		
Пол	М	Ж	Ж
Возраст	зрелый	старческий	возмужалый
1	2	3	4
1 Продольный диаметр черепа	207	175	181
8 Поперечный диаметр черепа	142	140	137
17 Высотный диаметр черепа (ba-br)	138	—	—
20 Высотный диаметр черепа (po-br)	118	—	123
11 Биаурикулярная ширина	133	—	121?
9 Наименьшая лобная ширина	105	94	100
10 Наибольшая ширина лобной кости	121	122	123
5 Длина основания черепа	120	—	—
40 Длина основания лица	114	—	—
47 Полная высота лица (n-gn)	124	107?	113
48 Верхняя высота лица (n-gn)	73	67	67
45 Скуловой диаметр	142	128?	125?
46 Ширина средней части лица (zm-zm)	101	90	92
Зигомаксиллярная ширина (по Абиндеру)	98	98	88
Выступание субспинальной точки	28,0	22,7	22,4
Зигомаксиллярный угол	120	130	126
43/1 Биорбитальная ширина (fmo-fmo)	101	95	98
Sub+Jow Выступание назиона над линией fmo+fmo	19,4?	13,0	19,4
Назо-малярный угол	138	149	137,
54 Ширина носа	27	22	25,
55 Высота носа	53	50	50,
49a Дакриальная ширина	22?	18,0	18,5?
DS Дакриальная высота	—	9,9	12,6?
Максиллофронтальная ширина (mf—mf)	—	14,7	16,8?
Максиллофронтальная высота	—	7,0	8,0?
SC Симотическая ширина	—	8,7	9,0
SS Симотическая высота	—	4,2	6,4
51 Ширина орбиты (mf—ek)	45 пр	41	44 пр
51a Ширина орбиты (d—ek)	42 пр	39	41 пр
52 Высота орбиты	38 пр	38	33 пр
62 Длина нёба	48	40	—
63 Ширина нёба	36	34	—
66 Бигониальный диаметр	112	78	—
23 Горизонтальная окружность черепа	570	—	512
32 Угол профиля лба (g—m)	69	—	85
Угол профиля лба (g—m)	53	—	80
72 Угол профиля лица	85	—	83
73 Угол профиля средней части лица	86	—	—
74 Угол профиля альвеолярной части лица	74	—	—
75 Угол носовых костей (к горизонтали)	48?	—	47
75 Угол носовых костей (к профилю лица)	37?	31	36

1	2	3	4
Указатели			
8:1 Черепной	68,60	80,0	75,69
17:1 Высотно-продольный	66,67	—	—
20:1 Высотно-продольный	57,0	—	67,96
17:8 Высотно-поперечный	97,18	—	—
20:8 Высотно-поперечный	83,10	—	89,78
9:8 Лобно-теменной	73,94	67,14	72,99
9:10 Лобный	86,78	77,05	81,30
9:45 Лобно-скуловой	73,94	73,44?	80,0?
48:45 Лицевой (верхней части лица)	51,41	52,34?	53,60?
54:55 Носовой	50,94	44,0	50,0
52:51 Орбитный (mf)	84,44 пр	92,68	75,0 пр
52:51a Орбитный (d)	90,48	97,44	80,49
40:5 Базальный краниофациальный	95,0	—	—
48:17 Вертикальный краниофациальный	52,90	—	—
45:8 Поперечный краниофациальный	100,0	91,43?	91,24?
Subt Jow:43 (1) Назомалярный	19,21	13,68	19,79
Зигомаксиллярный	28,57	23,16	25,45
Максиллофронтальный	—	47,62	47,62?
DS:DC Дакриальный	—	55,0	68,11?
SS:SC Симотический	—	48,28	71,11
63:62 Ширина нёба	75,0	85,0	—
Форма черепной коробки	эллипсоид	овоид	эллипсоид
Наклон лба (0—3)	3	1	1
Развитие надпереносья (1—6)	5	1	2
Развитие надбровья (1—3)	3	1	1
Глубина клыковой ямки (0—4)	2	3	1
Глубина клыковой ямки (по Дебецу пр/лев)	4,0?/5.2	7,1/7,2	3,3/—
Горизонтальный профиль лица (1—3)	3	3	3
Выступание скул (1—4)	2	1	1
Выступание носа (1—3)	3	3	3
Передненосовая ость (1—5)	5	2?	—
Нижний край носового отверстия	Ant.	Ant	Ant.
Форма затылка	круглая	круглая	круглая
Деформация черепа (искусственная)	0	0	0
Типологическая характеристика	протоевро-пеоидный	средиземно-морский	средиземно-морский

Черепной указатель черепов варьирует от значительной долихокрании до верхней границы мезокрании.

Два женских черепа из трех лучше сохранившихся черепов обладают средиземноморским расовым типом. Мужской череп характеризуется скорее протоевропеоидным типом (несмотря на высокие глазницы), сближающимся морфологически с типом черепов палеометаллической эпохи на территрии Поволжья[6]; Южной Сибири и Алтая[7]. Может быть эти различия являются резкими индивидуальными вариациями раннего европеоидного долихо-мезокранного типа. Но возможно и другое предположение, что различие антропологических типов отражает ранние связи населения Закаспия, обладавшего средиземноморским типом, как и население Передней Азии[8] и Закавказья[9], вплоть до Южного Памира на

Востоке[10] с населением более северных областей. Материалы о проникновении средиземноморского типа в эпоху бронзы, даже на территории Среднего Поволжья, проводила Т. А. Трофимова[11].

Дальнейшее накопление материала позволит разобраться в поставленных вопросах.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен. Изв. Средазкомстариса, I. Ташкент, 1926. Он же. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Изв. Средазкомстариса, III. Ташкент, 1928.

2. Pumpelly R. Exploration in Turkestan. Expedition of 1904. The prehistoric civilisation of Anau, II, Washington, 1905.

3. Зезенкова В. Я. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. См. Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова: «Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии». Сборник статей. Ташкент, 1953.

4. Ошанин Л. В. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. Известия АН Туркменской ССР, 1952, № 4.

5. Массон В. М. Древнемаргианское поселение Яз-депе. Известия АН ТССР, 1955, № 3.

6. Дебец Г. Ф. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Среднего Заволжья. Материалы и исследования по археологии СССР, 42, 1954.

7. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии АН СССР, IV, 1948.

8. Vallois H. Les ossements humains de Sialk. В кн. Ghirchman R., Fouilles de Sialk près de Richan. Vol. II. Paris, 1939. Krogman W. M. The peoples of early Iran and their ethnic affiliation. Am. J. Phys. Anthrop., vol. XXVI, March. 30, 1940.

9. Абдушелишвили М. Г. К палеоантропологии Самтаврского могильника. Труды Института экспериментальной морфологии АН Грузинской ССР. Тбилиси, 1954. Касимова Р. Антропологическое исследование черепов из Мингечаура. Автореферат диссертации. М.—Л., 1956.

10. Гинзбург В. В. Материалы к палеоантропологии восточных районов Средней Азии. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, XI, 1950.

11. Трофимова Т. А. К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры. Советская этнография, 1949, № 3.

В. Я. ЗЕЗЕНКОВА

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО МЕРВА

Палеоантропологические материалы, разрешающие сложные вопросы этногенеза туркмен, непрерывно пополняются благодаря планомерным и обширным раскопкам Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, руководимой проф. М. Е. Массоном. В данной работе использованы материалы раскопок 1953—1956 гг. включительно. В 1953 г. на кафедру антропологии САГУ был передан один череп из раскопок городища Гяур-кала. Краниологический материал 1954 г. доставлен из раскопок городища Гяур-кала и Яз-депе; в 1955 г. нами получен краниологический материал из некрополя Мерва; материал 1956 г. доставлен из некрополя древнего Мерва и квартала керамистов.

Эти материалы могут быть разделены на следующие группы:

I. Три деформированных черепа: а) из Яз-депе в районе древнего Мерва, датируемый V—IV вв. до н. э.; б) некрополя 1 юго-западной части рабада Султан-калы древнего Мерва, датируемый V—VII вв. н. э., в) из городища Гяур-кала древнего Мерва, датируемый VII в. В эту же группу включен не деформированный череп VII в. из того же городища Гяур-кала и фрагменты от двух черепов, датируемых II в. до н. э.

II. 7 черепов из зороастрийских погребений на территории некрополя древнего Мерва, датируемые V—VII вв. н. э.

III. 21 череп из некрополя 1 древнего Мерва (трупоположения), датируемый V—VIII вв. н. э.

IV. 2 черепа сельджукского времени, датируемых XI в., из некрополя у городища Гяур-кала и 2 черепа из квартала керамистов рабада средневекового Мерва.

1 группа. Наиболее древним по времени является череп из раскопок поселения Яз-депе, обнаруженный в 1954 г. и датируемый археологами V—VI в. до н. э. (с полевым шифром: № 3—54 Яз-депе, шурф 3, ярус IV). Череп юношеского возраста, по-видимому, мужской. Хорошо сохранилась черепная крышка, лицевой скелет был представлен в виде фрагментов, но его удалось частично склеить. Все измерения черепа даны в табл. 1 и 2, а описательные признаки — в табл. 3. Ввиду того, что носовые части были сломаны, все признаки, характеризующие морфологию носа, стоят в таблице под вопросом. Череп европеоидный долихокранный (табл. 2), с очень узким лицом, с узким средневыступающим носом. По общему облику он близок к средиземноморскому типу. Черепная крышка пентагоноидной формы, на которой отмечается асимметрия: правая сторона затылочной кости и правый теменной бугор смещены не-

сколько вперед. На черепе обнаруживается искусственная деформация кольцевого типа.

След кольцевой перетяжки имеется на затылочной, теменных и лобной костях и проходит по затылочной кости, через лямбдовидный шов, по задненижней части теменных костей, по нижней части лобной кости, касаясь верхнего края глазниц, через глабеллу. В результате такой деформации лоб стал выпуклым и слегка выдающимся вперед, а надпереносье смещено назад. След повязки хорошо виден на всех костях, кроме лобной, где он очень слабо выражен (рис. 1).

Искусственная деформация исследованного черепа отличается от деформации, отмеченной на черепах Кенкольского катакомбного могильника (1), на черепах из оссуариев Хорезма (7) и на черепах со станции Вревской (8) положением повязки на лобной кости.

Деформация черепа из поселения Яз-депе не является одиночной. Подобная деформация наблюдается и на черепной крышке из раскопок 1956 г. $\left(\text{с полевым шифром № 3—56 } \frac{\text{Н—12}}{11}\right)$. Эта черепная крышка юношеского возраста была обнаружена в некрополе 1 юго-западной части рабада Султан-кала древнего Мерва и датируется V—VII вв. н. э. Она имеет пентагоноидную форму. Как и у предыдущего черепа наблюдается правосторонняя асимметрия (правая сторона затылочной кости и правый теменной бугор смещены вперед).

По черепному указателю череп мезоцефальный. Деформация на нем выражена сравнительно ярче (рис. 2). След кольцевой повязки хорошо виден и на лобной кости. Лоб, по сравнению с черепом из Яз-депе, еще более выпуклый и сильнее выступает над лицевой частью черепа. Измерения и описания приведены в табл. 1, 2 и 3.

Рис. 1. Деформированная черепная крышка № 3—54 с поселения Яз-депе. Пунктиром обозначен след деформирующей повязки.

Рис. 2. Деформированная черепная крышка № 3—56 из некрополя древнего Мерва. Пунктиром обозначен след деформирующей повязки.

Черепа № 1—54 и № 2—54 получены с городища Гяур-кала при раскопках в 1954 г. здания Кешка, датируемого V—VI вв. н. э. Краниo-

логический материал относится к периоду разрушения здания и датируется VII в. н. э.

Череп № 1—54 (с полевым шифром МГК, р-3, комната 10, ярус II) относится к юношескому возрасту. Определить принадлежность к полу на юношеских черепах очень трудно, но мы склонны считать этот череп

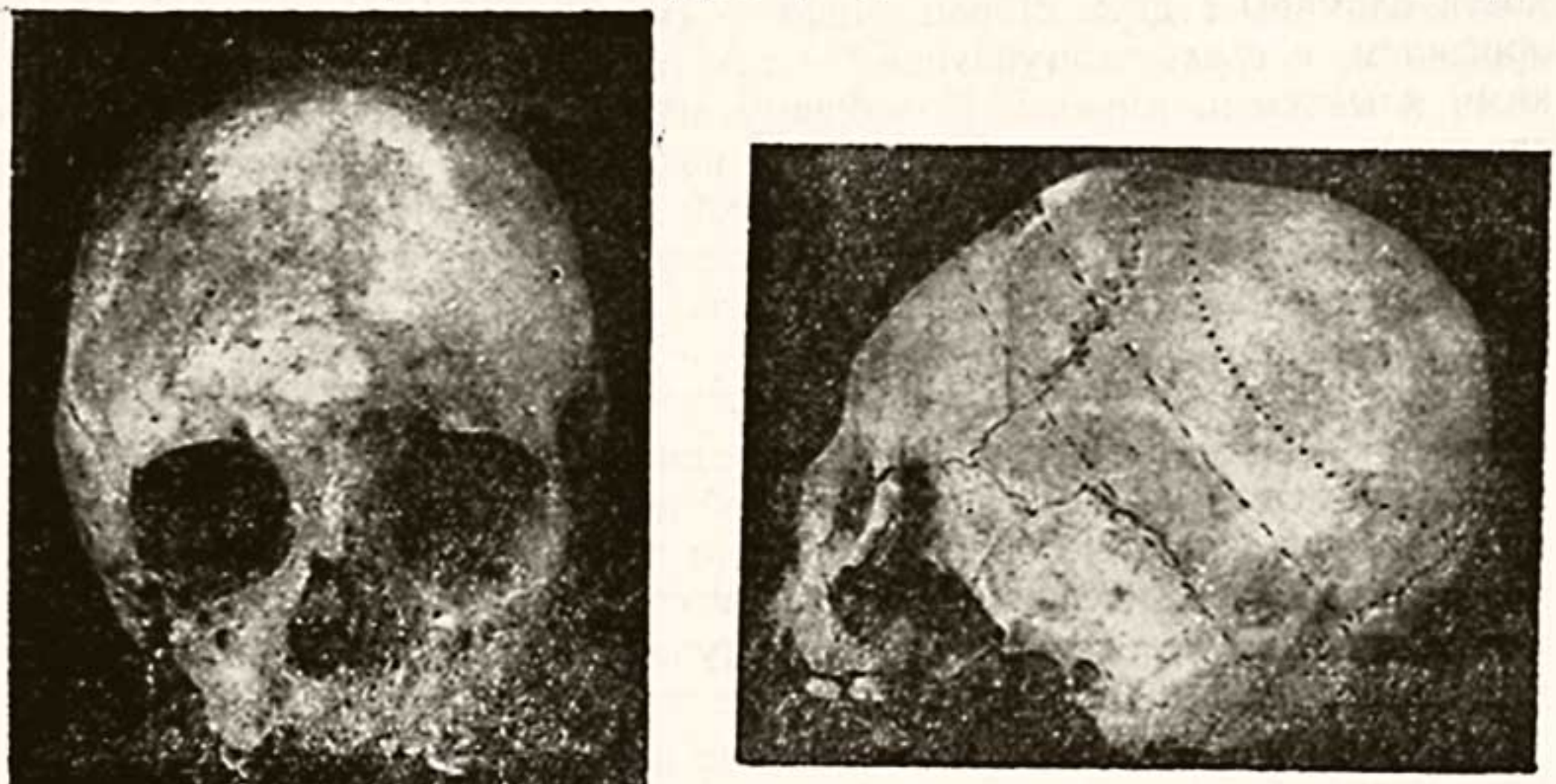

Рис. 3а, б. Деформированный череп № 1—54 из городища Гаур-кала. Точками обозначен след предполагаемой деформирующей тюбетейки, пунктиром—деформирующей повязки.

мужским. На нем отмечается хорошо выраженная искусственная деформация кольцевого типа (рис. 3 б). Кольцевая деформация этого черепа по расположению повязки отличается от кольцевой деформации двух вышеописанных черепов. Кольцевая перетяжка описываемого черепа проходила по лобной кости через лобные бугры, которые в результате перетяжки раздвоились. Лобная кость сильно наклонена назад, а лобная чешуя стала очень высокой. Тип деформации этого черепа очень близок к деформации, которую мы отмечали на черепах со станции Бревской (8, стр. 76, 78 и 84) и на черепах из оссуариев Хорезма (7, стр. 102—104). Благодаря кольцевой деформации такого типа череп кажется очень высоким, с высоким лбом, убегающим назад, с высокой затылочной костью. Передняя часть теменных костей в области венечного шва имеет вдавление.

В работах С. В. Жирова (4, 5) высказывалась мысль, что это вдавление является результатом кольцевой деформации. Возможна и другая причина вдавления. Ряд исследователей (10, 11, 12, 15) отмечает обычай деформирования голов у некоторых современных групп туркмен. Указывается и способ деформирования. Обычно используется для перевязки платок. М. Г. Левин указывает, что, кроме платка, детям одевается глубокая тюбетейка (10, стр. 187). Употребление такой тюбетейки мы встречали у туркмен селения Мурча Бахарденского района, у которых на голове в области теменных костей оставался след, идущий по краю тюбетейки (9 см в этом сборнике). Длительное сдавливание молодого растущего черепа узкой и глубокой тюбетейкой может явиться причиной вдавления, наблюдаемого на теменных костях черепа № 1—54.

Черепная крышка описываемого черепа сравнительно высокая, по черепному указателю мезокранная (78, 36). Все измерительные и описательные признаки приведены в табл. 1, 2 и 3. Лицевая часть этого черепа сохранилась неполностью. Нижняя челюсть отсутствует, а скуловые кости сломаны с двух сторон. Лицо узкое, со средним горизонтальным профилем, с среднезыступающим носом, низким переносьем и неглубокими клыкорыми ямками. По общему впечатлению череп относится к европеоидному типу. Трудно сказать, являются ли низкое переносье и неглубокие клыковые ямки монголоидной примесью, так как череп юношеский. На детских и юношеских черепах совершенно европеоидных, как известно, могут быть такие отклонения.

Череп № 2—54 (с полевым шифром МГК, Р-3 $\frac{\text{ком}-10}{\text{III}}$, завал) отличается от всех остальных. Хорошо сохранившийся мужской череп возмужалого возраста не имеет искусственной деформации. Черепная крышка высокая, широкая гипербрахикранная (с черепным указателем 85,56), с покатым лбом. Лицевая часть характеризуется средневыступающим носом, высоким переносьем, средневыступающими скулами, неглубокими клыковыми ямками, слабовыступающим горизонтальным профилем лица.

Череп сочетает в себе монголоидные признаки (по клыковым ямкам, горизонтальному профилю лица) и европеоидные (высокое переносье, средневыступающий нос). По общему впечатлению череп близок к типу среднеазиатского междуречья с монголоидной примесью (рис. 4 а, б).

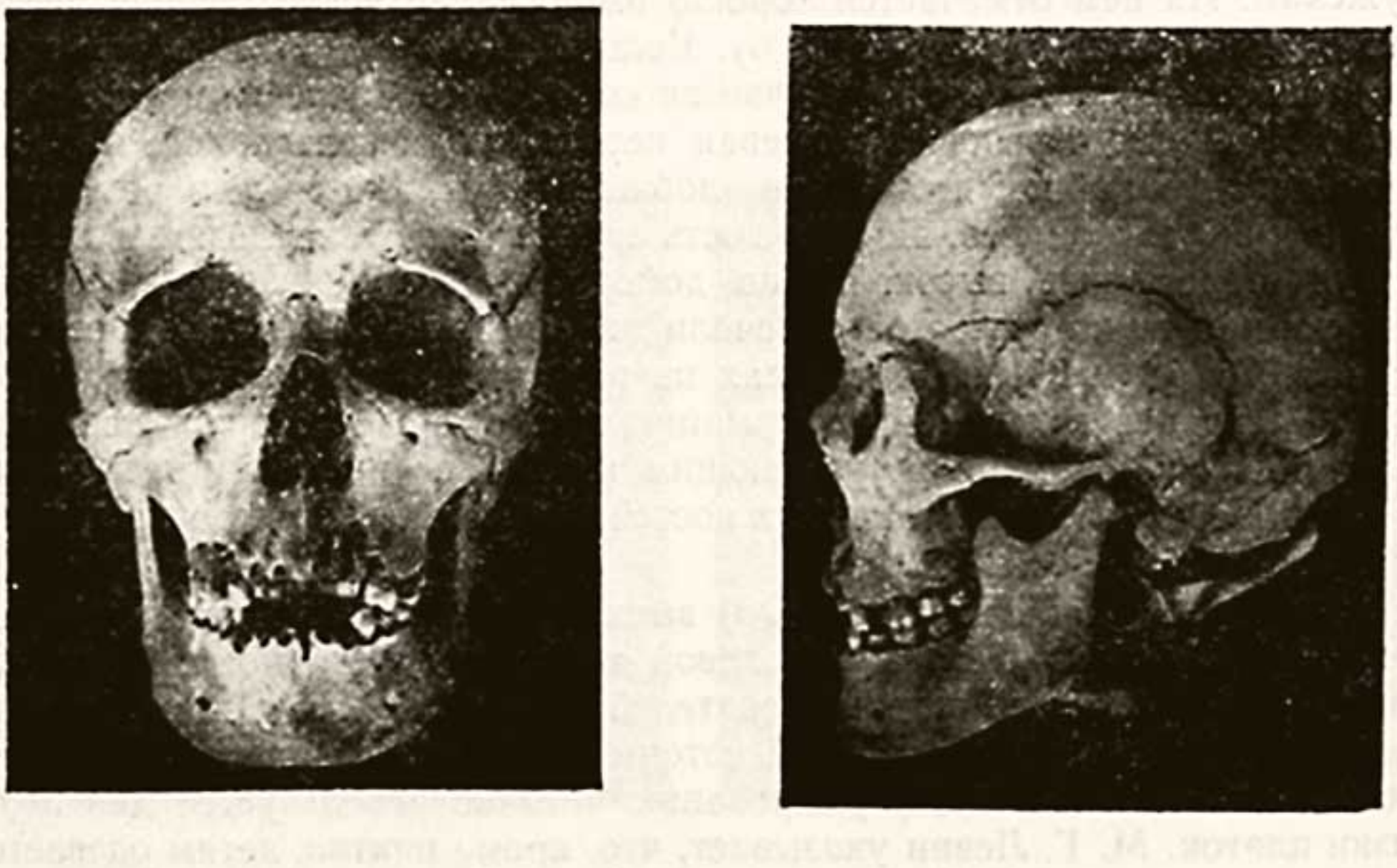

Рис. 4а, б. Череп № 2—54 из городища Гяур-кала.

Кроме перечисленных черепов, в 1954 г. было получено еще 40 фрагментов от черепов (с полевым шифром МГК—54, Р-2 шурф 3 $\frac{\text{V}-9}{\text{XIII}}$), судя по верхним челюстям и скуловым костям черепа, по-видимому, европео-

идные. Более точной диагностики этим фрагментам дать невозможно. Датируются эти черепа II в. до н. э.

Таким образом, исследованный материал показывает, что на территории Мерва с древнейших времен (V—IV вв. до н. э.) обитал, в основном, долихокранный европеоидный тип. С этого же периода наблюдается и деформирование голов. Деформация кольцевая, но по месту наложения повязки различна. Тип деформации, наблюдаемый на черепе из Яз-депе и на черепе № 3-56 с некрополя древнего Мерва, по указанию М. Е. Массона, живо напоминает деформацию, описанную Страбоном у сигинов, которые жили около дербиков, недалеко от Каспийского моря в западной части Северного Хорасана. По Страбону, некоторые лица (из сигинов) употребляют все усилия, чтобы сделаться как можно более длинноголовыми, а также с выдающимся вперед лбом так, чтоб лоб выдавался над подбородком (Страбон, книга XI, глава 11, §4). На исследованных черепах лоб действительно сильно выдается вперед и череп имеет удлиненную форму. Возникает вопрос — сильно ли могла изменить данная деформация продольный диаметр? Нам кажется на это можно ответить отрицательно по следующим причинам: во-первых, это кольцевая деформация, следовательно повязка проходила вокруг черепа и, если увеличивался продольный диаметр, то увеличивался и поперечный. Накладывалась одна кольцевая повязка и выше этой повязки череп мог расти вперед, назад и в стороны. Кроме этого, повязка проходила через глабеллу и, следовательно, сдавливала ее, не давая ей расти вперед, а лобная кость над ней разрасталась и сместила глабеллу несколько вниз и назад. При таком положении повязки трудно себе представить увеличение продольного диаметра, так как мы измерения берем как раз от глабеллы.

При втором типе кольцевой деформации повязка проходила через лобные бугры. Этот второй тип деформации не мог сильно изменить исходного типа, так как наблюдается как на долихокранных, так и на брахикранных черепах.

Если деформация действовала бы на увеличение продольного диаметра, то с усилением ее должен был бы увеличиваться и диаметр, что не наблюдается, как показал В. В. Гинзбург на серии кенкольских черепов (1).

В этой же серии, изученной В. В. Гинзбургом, среди мезоцефальных деформированных черепов имеются два мезоцефальных не деформированных. Среди исследованных нами черепов также есть деформированные и не деформированные долихо-мезоцефальные черепа.

Таким образом, предположение М. Г. Левина (10) о том, что долихоцефалия туркмен-теке стоит в непосредственной связи с практикующейся деформацией головы, не подтверждается имеющимися палеоантропологическими материалами.

II группа. Краниологический материал некрополя древнего Мервы разделен нами на 2 подгруппы: 1) черепа из зороастрийских погребений и 2) из трупоположений.

В зороастрийскую подгруппу входит 7 неполных черепов, добытых в 1955 г. Череп № 1—55 $\left(\text{с полевым шифром И—Т } \frac{\text{Н}-13}{\text{II}}\right)$ датируется

V—VII вв. н. э. Хорошо сохранившийся череп мужчины возмужалого возраста не имеет следов искусственной деформации. Черепная коробка пентагоноидной формы с округлым затылком, средненаклонным лбом и хорошо выраженным надпереносьем. По черепному указателю череп мезокранный (75, 96).

Лицевой отдел характеризуется средней шириной, ортогнатностью, сильно выступающими скулами, средним горизонтальным профилем лица, средневыступающим носом и глубокими клыковыми ямками. В целом череп относится к мезокранному европеоидному типу. Все измерения зороастрийских черепов приведены в табл. 4 и 4 а, а описательные признаки — в табл. 5.

Череп № 28—55 $\left(\text{с полевым шифром } \frac{11-8}{IV}\right)$ датируется археологами VI—VII вв. н. э. От черепа сохранилась только лицевая часть, которая характеризуется средними размерами лица. Выступание носовых костей среднее, нос средней величины. Глубина клыковой ямки средняя. Череп можно отнести к европеоидному типу.

Череп № 4—55 $\left(\text{с полевым шифром } \frac{\text{Н}-11}{IV}\right)$ датируется VI—VII вв н. э. Сохранилась только черепная крышка пентагоноидной формы. Лоб прямой, выпуклый, средней ширины. На лбу отмечается метопический шов.

По черепному указателю череп мезокранный (78, 57).

Череп № 27—55 $\left(\text{с полевым шифром } \frac{\text{Н}-8}{IV}\right)$ датируется V—VI вв. н. э. Мужской череп зрелого возраста имеет довольно плохую сохранность. Черепная крышка и лицевая часть сильно разрушены. Черепная крышка пентагоноидной формы, мезокранная, с черепным указателем 77,05. Искусственная деформация не обнаружена. Лицо характеризуется средней высотой, средневыступающим носом и неглубокими клыковыми ямками. Череп производит впечатление европеоидного типа.

Череп № 7—55 $\left(\text{с полевым шифром } \frac{\text{Н}-9}{IV}\right)$ датируется V—VII вв. н. э. Детский череп очень плохой сохранности. Черепная крышка сохранилась неполностью, а лицевой отдел совершенно отсутствует. Черепная крышка с прямым выпуклым лбом. На угловатом затылке отмечаются следы исскуственной деформации. Черепная крышка имеет пентагоноидную форму. По черепному указателю череп мезокранный (78,70).

Череп № 6—55 $\left(\text{с полевым шифром } \frac{\text{Н}-11}{IV}\right)$ датируется V—VII вв. н. э. От детского черепа сохранились неполная черепная крышка и верхние челюсти. Черепная крышка пентагоноидной формы. По черепному указателю череп мезокранный, с указателем 75,00. На верхних частях клыковые ямки глубокие. Нижний край грушевидного отверстия имеет инфантильную форму. По общему впечатлению череп относится к европеоидному типу.

Череп № 5—55 (с полевым шифром $\frac{H-11}{IV}$) датируется V—VII вв. н. э. Череп юношеского возраста сравнительно хорошей сохранности. Черепная коробка пентагоноидной формы, без следов деформации, имеет асимметрию (рис. 5 в). Правая сторона смещена вперед. По черепному указателю череп мезокранный (77,79). Лоб невысокий, прямой. Глабелла и надбровные дуги выражены слабо. Общий контур затылка округлый. Лицевой отдел без носовых костей и нижней челюсти. Лицо широкое, ортогнатное, со средневыступающими скулами и неглубокими клыковыми ямками. Орбиты высокие. Степень выступания носа определить трудно из-за отсутствия носовых костей. Судя по носовым отросткам верхних челюстей, выступание носа занимало промежуточное положение между плоским и средневыступающим носом. Общий вид черепа смешанный и включает в себе элементы европеоидного и монголоидного типа (рис. 7, 8, 9).

Таким образом, всю группу зороастрийских черепов можно отнести к мезокранному европеоидному типу.

II группа, 2 подгруппа. Во вторую подгруппу краниологического материала из некрополя древнего Мерва вошли черепа из раскопок 1955—1956 гг., которые датируются V—VII вв. н. э. Всего в эту группу вошел 21 череп, из них 11 мужских, 9 женских и 1 детский. Для мужских и женских черепов вычислены средние величины на основании которых и характеризуем всю группу. Детский и юношеские черепа в средние не включены.

Как видно из табл. 6, большая часть черепов как в мужской, так и в женской группах являются мезокранными. Исключением являются 3 гиперорахицефальных черепа: № 24—55 с указателем 87,36; № 9—55 с указателем 86,26 и № 14—55 с указателем 86,98. В противоположность брахицефальным в этой серии имеются и долихокранные черепа: № 17-55 и № 19-55 с указателем 74,87; № 23-55 с указателем 72, 34; № 22-55 с указателем 73,80 и № 21-55 с указателем 73,08. К долихокранному черепу относится и детский череп № 12-55 совершенно без всяких следов деформации;. с указателем 73,53. В среднем черепная коробка высокая как для мужской, так и для женской групп. Затылок большею частью округлый или угловатый, часто, как и вся черепная коробка, асимметричный (рис. 9 в, 10в, 11в). Обычно правая сторона смещена несколько вперед. Асимметрия, по-видимому, является результатом более длительного лежания на одной, преимущественно левой стороне. Лоб чаще встречается средненаклонный, реже прямой (см. табл. 7, где даны все описательные признаки).

Лицевой отдел мезогнатный средний как по высоте, так и по поперечному горизонтальному профилю для всей серии с глубокими клыковыми ямками. Скулы выступают незначительно. Надпереносье развито выше среднего, а надбровные дуги средне. Нос в мужских сериях выступает сильно, в женских — средне. Орбиты невысокие, со средним орбитным указателем.

Все вышеприведенные данные безусловно говорят о принадлежности черепов к европеоидному типу (рис. 6 по 11).

Рис. 5 а, б, в. Череп 5—55 из зороастрийских погребений некрополя древнего Мерва.

Рис. 6 а, б, в. Череп № 23—55 из некрополя древнего Мерва.

Рис 7 а. б, в. Череп № 22—55 из некрополя древнего Мерва.

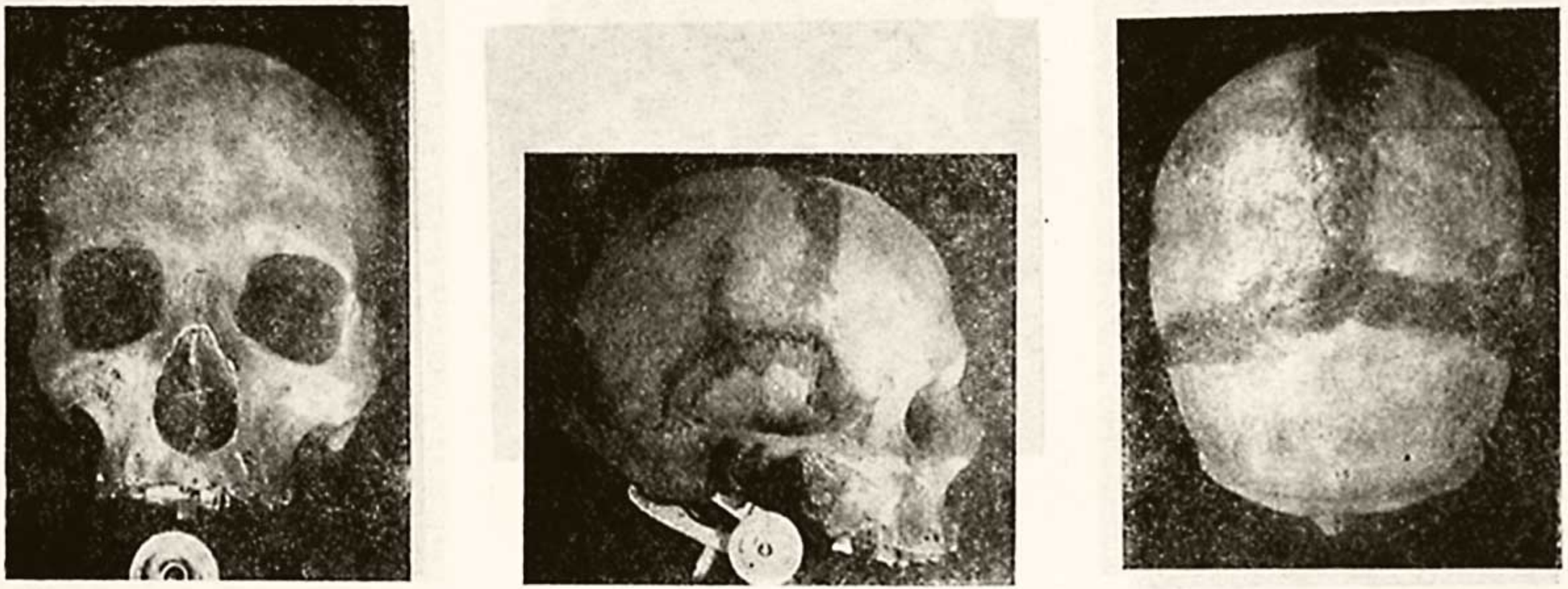

Рис. 8 а, б, в. Череп № 19—55 из некрополя древнего Мерва

Рис. 9 а, б, в. Череп № 21—55 из некрополя древнего Мерва.

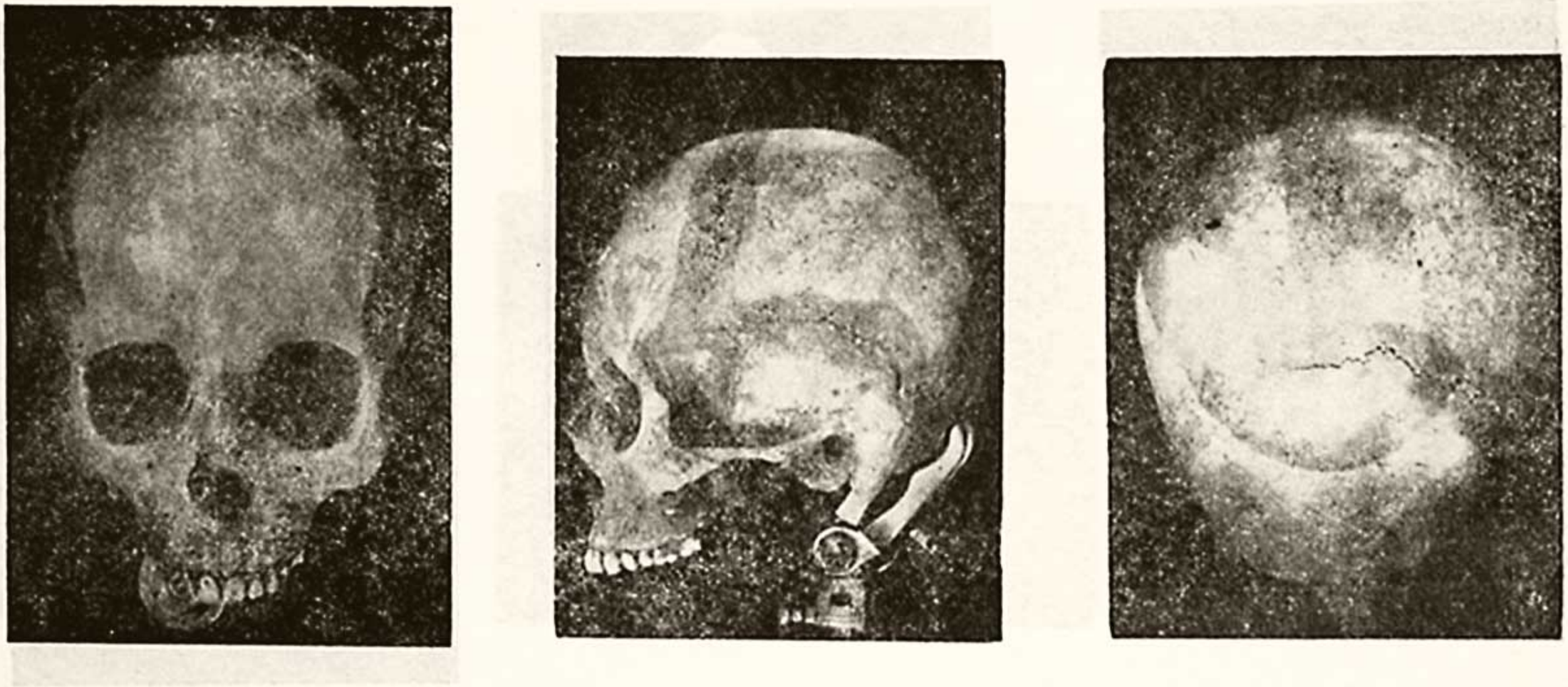

Рис. 10 а, б, в. Череп № 16—55 из некрополя древнего Мерва.

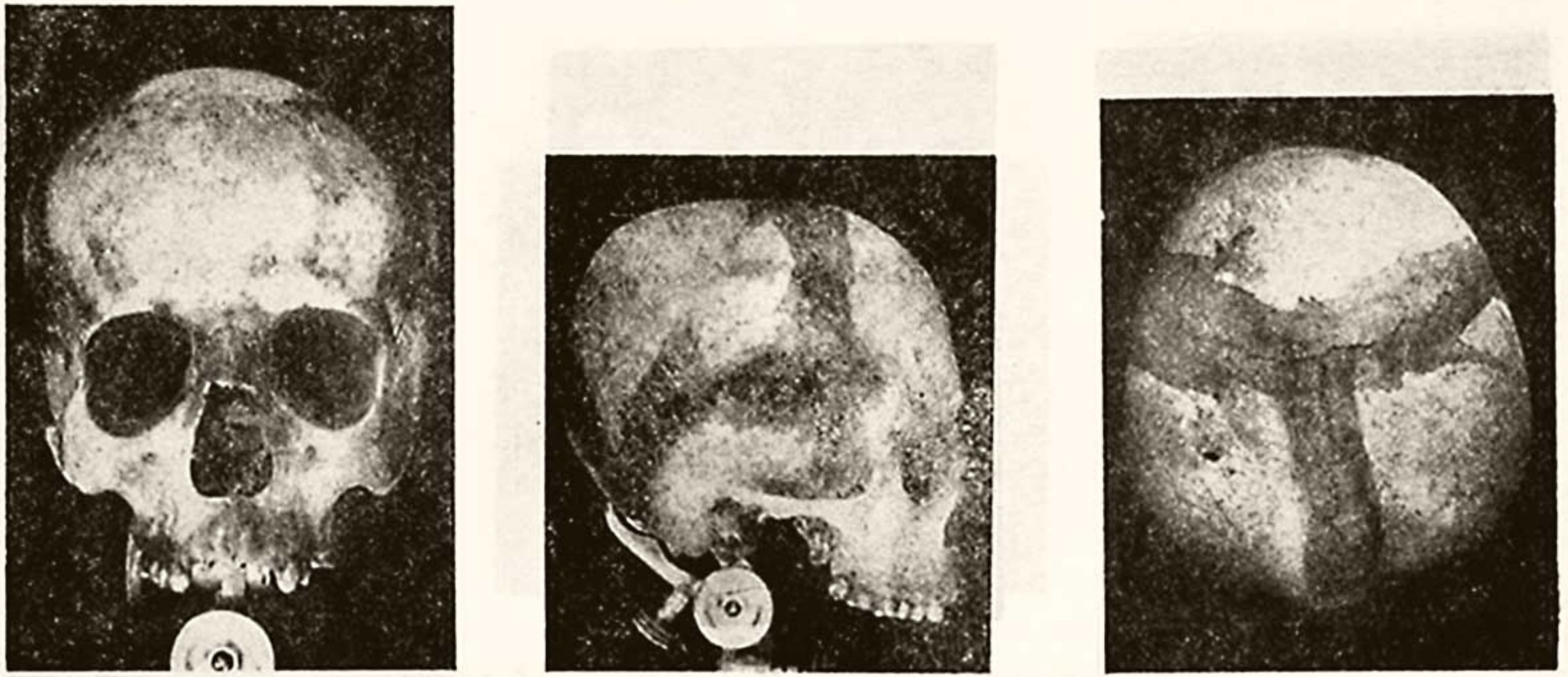

Рис. 11 а, б, в. Череп № 14—55 из некрополя древнего Мерва.

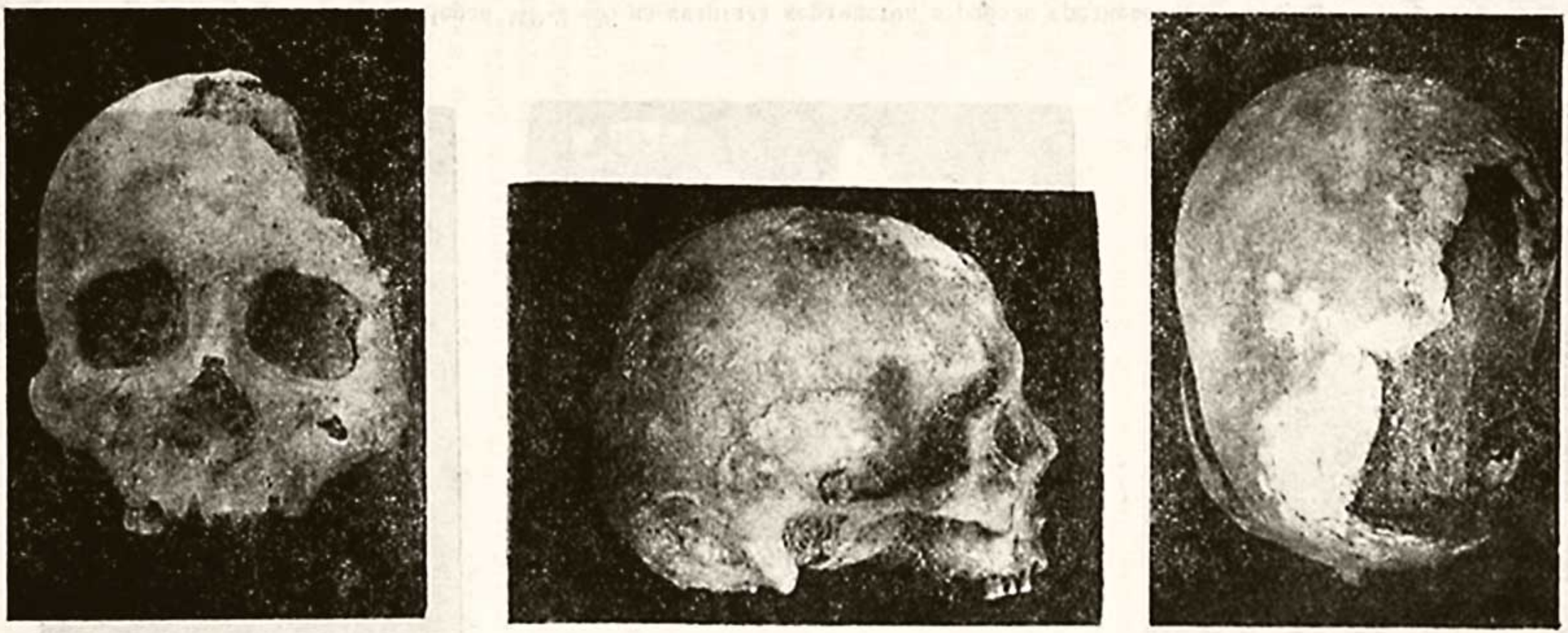

Рис. 12 а, б, в. Череп № 8—56 из средневекового погребения у городища Гяур-кала.

Рис. 13 а. б. в. Череп МР-2 –56 из квартала керамистов в рабаде средневекового Мерва.

Таким образом, весь краниологический материал относится к мезокранному европеоидному типу.

III группа. Более поздними по времени черепами являются 2 сельджукских по времени и черепа, добытые в квартале керамистов. Первые датируются XI в., а черепа с квартала керамистов—XV—XVII вв. н. э.

Черепа сельджукского времени по черепному указателю являются мезокранными. Женская черепная крышка с угловатым затылком (см. табл. 11, череп под № 1—53) имеет средненаклонный лоб. Лицо мезогнатное, средневысокое с суженным профилем лица и маловыступающими скулами. Нос средневыступающий, клыковые ямки глубокие. Лицо мезогнатное, средневысокое с суженным профилем лица и маловыступающими скулами. Нос средневыступающий. Клыковые ямки глубокие. Все эти данные говорят о принадлежности женского черепа к европеоидному типу.

Мужской череп № 8—56 весьма отличен от женского. Основное отличие наблюдается в лицевом отделе. Лицо ортогнатное, плоское, с сильновыступающими скулами и неглубокими клыковыми ямками. Выступание носа, глубина и высота переносья средние. Череп сочетает в себе монголоидные и европеоидные признаки (рис. 12 а, б). Черепная крышка бризойдная и асимметричная (левосторонняя асимметрия, рис. 12 в). Левая сторона как бы придавлена и несколько напоминает деформацию от бешика.

Таким образом, оба черепа мезокранны, но один по типу европеоидный, а другой — смешанный, с преобладанием монголоидных черт.

С кладбища в рабаде к западу от Султан-калы, на территории средневекового квартала керамистов в 1956 г. было добыто 2 черепа: мужской в табл. 9, 10 под № М—р — 2—56 и женский под № М—р — 1—56.

На женском черепе часть черепной крышки разрушена, поэтому поперечный диаметр взять нельзя, но без измерения видно, что череп долихомезокранный. Черепная крышка пентагоноидной формы с угловатым затылком и средненаклонным лбом. Лицо — мезогнатное со средним горизонтальным профилем лица и слабовыступающими скулами. Клыковые ямки средней величины. По общему типу череп европеоидный.

Мужской череп, по черепному указателю тоже мезокранный, с указателем 75,93. Черепная крышка сфеноидной формы с левосторонней асимметрией (рис. 13 в).

В отличие от предыдущих черепов на этом черепе отмечается сильная выраженность рельефа. Надпереносье и надбровье сильно выражены (табл. 11). Лицевой отдел со средним горизонтальным профилем, с глубокими клыковыми ямками, но с большим скуловым диаметром (141 мм). Выступание носа очень сильное. Вся эта характеристика показывает европеоидность черепа. Мезокранность черепа, сильновыраженный рельеф, сильновыступающий нос говорят за близость данного черепа к андроновскому типу (рис. 13 а, б, в).

* * *

Таким образом, весь исследованный материал с территории древнего и средневекового Мерва показывает, что начиная с V века до н. э.

основной тип населения был долихомезокранный, европеоидный, близкий к средиземноморскому.

Наличие монголоидных черт, в качестве примеси, отмечается с V века н. э. Об этом говорит зороастрийский череп № 5-55 и череп № 2-54.

Одновременно с долихомезокранным типом на территории древнего Мерва, начиная с VII века н. э., обитал брахицефальный европеоидный и брахицефальный смешанный тип (черепа №№ 2-55, 9-55, 14-55).

Черепа из зороастрийских погребений древнего Мерва относятся к мезоцефальному европеоидному типу и отличаются по головному указателю от зороастрийских черепов Фринкента, урочища Тиктурмас и Краснореченского городища в Чуйской долине, описанных Жировым Е. В. (6) и Гинзбургом В. В. (2), относящихся к европеоидным гипербрахицефальным и брахицефальным с резко выраженной затылочной деформацией (2, стр. 273—274 и 14, стр. 266). Следовательно, зороастрийские черепа, найденные на территории Узбекистана, Казахстана и Киргизии включили в свой состав местный брахицефальный пласт, а зороастрийские черепа Мерва включили местный долихомезокранный пласт.

Как известно, сельджуки участвовали в этногенезе туркмен. А. Ю. Якубовский связывает появление туркмен на территории Туркменской ССР с сельджукским движением (14). Л. В. Ошанин (11) говорит, что древнее долихоцефальное европеоидное население Закаспия было значительно монголизировано по типу и до конца тюркизировано по языку тюрками-сельджуками в XI в. Исследованные нами 2 черепа сельджукского времени, датированные XI веком, оказались смешанными в антропологическом отношении: они имеют монголоидные черты, но эти черты смягчены наличием европеоидных признаков. В отношении же черепного указателя сельджуки не могли внести каких-либо изменений, так как сами относились к мезокранам.

Исследованный нами краниологический материал говорит о наличии обычая деформировать головы с древних времен (с V в. до н. э.). Как нами уже отмечалось, существовало 2 вида кольцевой деформации, отличающихся по месту наложения деформирующей повязки.

Деформация не изменяла, по черепному указателю, исходный тип.

Из всей исследованной нами серии в 36 черепов деформация отмечена лишь на четырех черепах (№№ 3—54, 1—54, 3—56, 1—55). Вся серия долихомезокранная, за исключением трех брахикранных черепов.

Весь приведенный в настоящей работе палеоантропологический материал подтверждает, что исходным типом населения Туркмении был европеоидный долихомезокранный.

Таблица 1

Измерительные признаки черепов древнего Мерва

Признаки	№№ черепов и год раскопа	1—54	2—54 МГК р-з ком 10 (завал)	3—54 Яз-депе	3—56 МН-1
	Полевой шифр	МГК р-з ком. 10		шурф 3	Н—12
		яр. II	яр.III	яр. IV	II
	Датировка	VII в.н.э.	VII в.н.э.	VI—V в. до н.э.	V—VII в. н. э.
	Возраст	юноше-ский	возмуж.	юноше-ский	юноше-ский
	Пол	муж.(?)	муж.(?)	муж. (?)	жен.(?)
1	Продольный диаметр	171	180	177	167
8	Поперечный диаметр	134	154	130,5	130
17	Высотный д. базион-брегма	128	137	134	—
5	Длина основ. черепа	99	100	96(?)	—
9	Наименьшая ширина лба	95	101	86	86
10	Наибольшая ширина лба	110	134	—	113
11	Ушная ширина	116	136	107	96
12	Ширина затылка	105	118	100	94
45	Скуловой диаметр	—	142	—	—
40	Длина основ. лица	85	98	—	—
48	Верх. высота лица	57	77	64(?)	—
43	Верх. ширина лица	96	109	—	—
46	Средн. ширина лица	—	109	83(?)	—
55	Высота носа	42	52	45(?)	—
54	Ширина носа	25	25	20(?)	—
55	Ширина орбиты от mf	38	43	37	—
51-а	Ширина орбиты от d	37	40	36	—
52	Высота орбиты	34	34	32	—
50	Максиллофронт. хорда	20,35	19,00	—	—
	Максиллофронт. высота mf—mf	6,00	7,20	—	—
	Биорбитальная хорда	90,60	100,15	—	—
	Высота назиона над б/о хордой	16,00	14,20	—	—
	Зигомаксиллярная хорда (по Абиндеру)	—	108,25	—	—
	Высота субспинале над з/м хордой	—	22,20	—	—
DC	Дакриальная хорда	21,35	22,25	—	—
DS	Дакриальная высота	6,80	12,30	—	—
SC	Симотическая хорда	8,65	7,10	—	—
SS	Симотическая высота	1,90	4,00	—	—

Таблица 2

УКАЗАТЕЛИ
черепов древнего Мерва

Указатели		Черепа № 1—54	№ 2—54	№ 3—54	№ 3—50
8:1	Черепной	78,36	85,56	73,73	77,84
17:1	Высотно-продольный	74,85	76,11	75,71	—
17:8	Высотно-поперечный	95,52	88,96	102,68	—
9:10	Лобный	86,36	75,37	—	76,11
9:8	Лобно-теменной	70,90	65,58	65,90	66,15
12:8	Затылочно-теменной	78,36	76,62	76,63	72,31
11:8	Ушно-теменной	86,57	88,31	81,995	73,85

Продолжение таблицы 2

Указатели	Черепа			
	№ 1–54	№ 2–54	№ 3–54	№ 3–56
48 : 45 Верхне-лицевой	—	51,23	—	—
54 : 55 Носовой	59,52	48,08	44,44	—
52 : 51 Орбитный	89,47	79,07	85,49	—
52 : 51-а Орбитный II	91,89	85,00	88,89	—
Зигомаксиллярный	—	20,51	—	—
Дакриальный	31,85	55,28	—	—
Симотический	21,965	56,33	—	—
Максиллофронтальный	2[illegible],48	37,89	—	—
40 : 5 Указатель выступления лица	85,86	98,00	—	—
48 : 17 Вертикальный краниофациальный	44,53	56,20	47,76	—
45 : 8 Черепно-лицевой	—	92,21	—	—
9 : 45 Лобно-скуловой	—	71,13	—	—
Назо-малярный	17,66	14,17	—	—

Таблица 3

Описательные признаки черепов из древнего Мерва

Признаки	Черепа			
	№ 1–54	№ 2–54	№ 3–54	№ 3–56
Глубина переносья (1 не гл. 2–3)	1	2	2	1
Высота переносья (1–низ. 2–3)	1	3	2	—
Наклон лба (1–прям. 2–3)	3	2	1	1 выпукл.
Лобные бугры (1–слаб. 2–3)	2	3	3	2
Надпереносье (1–6)	2	3–4	2	—
Надбровье (1–3)	1	2	1–2	1
Горизонтальный профиль лица	2	1–2	2	—
Глубина клыковой ямки (0–4)	2	2	1–2	—
Выступание скул (1–мал. 2–3)	—	2–3	2	—
Нижний край грушевидного отверстия	эктроп ин фантильн.	прединосовые ямки	инфантильн.	—
Передне-носовая ость (1–5)	3	2	1–2	—
Выступание носа (1–слаб. 2–3)	1–2	2	2	—
Затылок (1–прям. 2–окр. 3–угл.)	2	2	3	3
Затылок, деформир. степень	2–след. иск. деф.	0	1	3
Типологическая характеристика	европеоид.	европеоид. монголиз.	европеоид.	европеоид.

Таблица 4

Измерительные признаки черепов в зороастрийских погребениях некрополя 1 древнего Мерва

Признаки	№ черепа	№ 1–55	№ 28–55	№ 4–55	№ 27–55	№ 7–55	№ 5–55	№ 6–55
	Полевой шифр	$\frac{Н-8}{IV}$	$\frac{Н-8}{IV}$	$\frac{Н-11}{IV}$	$\frac{Н-1\ Н-8}{IV}$	$\frac{Н-9}{IV}$	$\frac{Н-11}{IV}$	$\frac{Н-11}{IV}$
	Датировка	V–VII	VI–VII	VI–VII вв	V–VI вв.	V–VII	V–VI	V–VII
	Пол	мужской	женский	женский	мужской	—	мужской	—
	Возраст	возмужалый		возмужалый	зрелый	детский	юношеский	детский
1 Продольный диаметр		183	—	182	183	169	171	168
8 Поперечный диаметр		139	—	143	141	133	132	126
17 Высотный д. базион-брегма		139	—	—	—	—	134	—
5 Длина основания черепа		105	—	—	—	—	100	—
9 Наименьшая ширина лба		98	—	99	—	90	91	—
10 Наибольшая ширина лба		118	—	124	—	112	109	—
11 Ушная ширина		119	—	122	127	—	105	100
12 Ширина затылка		106	—	114	115	—	99	96
45 Скуловой диаметр		130	—	—	—	—	110	—
40 Длина основания лица		98,5	—	—	99	—	91	—
48 Верхняя высота лица		66	68	—	71	—	70	—
43 Верхняя ширина лица		109	103	—	—	—	93	—
46 Средняя ширина лица		98	94	—	—	—	82	—
55 Высота носа		49	50	—	51	—	50	—
54 Ширина носа		26	24	—	—	—	19	—
51 Ширина орбиты от mf		42	—	—	—	—	35	—
51-а Ширина орбиты от d		38	—	—	—	—	31	—
52 Высота орбиты		32	—	—	—	—	34	—
50 Максиллофронтальная хорда mf–mf		21,35	—	—	—	—	18,0	—
Максиллофронтальная высота		7,5	—	—	—	—	—	—
Биорбитальная хорда		100,3	94,40	—	—	—	85,1	—
Высота назиона над б/о хордой		21,1	15,7	—	—	—	17,0	—
Зигомаксиллярная хорда по Абиндеру		95,6	—	—	—	—	83,0	—
Высота субспинале над з/м хордой		24,5	—	—	—	—	23,0	—
DC Дакриальная хорда		23,85	23,50	—	—	—	—	—
DS Дакриальная высота		13,5	9,2	—	—	—	—	—
SC Симотическая хорда		6,9	7,30	—	—	—	—	—
SS Симотическая высота		2,0	2,2	—	—	—	—	—

Таблица 4-а

УКАЗАТЕЛИ
черепов из зороастрийских погребений

Указатели	1–55	28–55	4–55	27–55	7–55	5–55	6–55
8 : 1 Черепной	75,96	—	78,57	77,05	78,70	77,19	75,00
17 : 1 Высотно-продольный	76,50	—	—	—	—	78,36	—
17 : 8 Высотно-поперечный	100,71	—	—	—	—	101,52	—
9 : 8 Лобный	83,05	—	79,84	—	—	83,49	—
9 . 8 Лобно-теменной	70,50	—	69,23	—	—	68,94	—
12 : 8 Затылочно-теменной	76,26	—	79,72	81,56	—	75,00	—
11 : 8 Ушно-теменной	85,61	—	—	90,07	—	79,55	—
48 : 45 Верхне-лицевой	50,77	—	—	—	—	63,64	—
54 : 55 Носовой	53,06	48,0	—	—	—	38,00	—
52 : 51 Орбитный	76,19	—	—	—	—	97,14	—
52 : 51-а Орбитный II	84,21	—	—	—	—	100,00	—
Зигомаксиллярный	25,62	—	—	—	—	27,71	—
Дакриальный	56,60	39,15	—	—	—	—	—
Симотический	28,98	30,14	—	—	—	—	—
Максиллофронтальный	35,12	—	—	—	—	—	—
40 : 5 Указатель выступания лица	93,81	—	—	—	—	91,10	—
48 : 17 Вертикальный краниофациальный	47,14	—	—	—	—	52,24	—
45 : 8 Черепно-лицевой	93,53	—	—	—	—	83,33	—
9 : 45 Лобно-скуловой	75,38	—	—	—	—	82,73	—

Таблица 5

Описательные признаки черепов из зороастрийских погребений

Признаки	№ 1–55	№ 28–55	№ 4–55	№ 27–55	№ 7–55	№ 5–55	№ 6–55
Форма черепной коробки	пентаг.	—	пентаг.	пентаг.	пентаг.	пентаг.	пентаг.
Глубина переносья (1—не гл. 2–3)	3	2	—	—	—	1	—
Высота переносья (1—низ 2–3)	2	2	—	—	—	2	—
Наклон лба (1—прям. 2–3)	2	—	1	2	1	1	—
Лобные бугры (1—слаб. 2–3)	1	—	1	2	—	2	2
Надпереносье (1–7)	4	3	—	—	—	1	1
Надбровье (1–3)	3	2	1	2	—	1	1
Горизонт. проф. лица (1—пл. 2–3)	2	—	—	2	—	2	—
Выступание скул (1—мал. 2–3)	3	—	—	—	—	2	—
Глубина клыковой ямки (0–4)	3	2–3	—	2	—	1	3
Нижний край грушевидного отверстия	антроп.	антроп.	—	антроп, сглаж.	—	инфант.	инфант.
Передне-носовая ость (1–5)	3	3	—	—	—	2	2
Выступание носа (1—слаб. 2–3)	2	2	—	2	3	1–2	2
Затылок (1—прям. 2 ср. 3 уг.)	3	—	3	2	1	2	2
Затылок деформ степень	0	—	0	—	0	0	1
Общий тип	европеоид.	европеоид.	—	европеоид.	—	европеоид. монгол.	европеоид.

Измерительные признаки черепов из некрополя I древнего Мерва

№№ черепов и год раскопок	№ 3–55	17–55	23–55	22–55	19–55	11–55	21–55	24–55	18–55	9–55	2–56	Все муж.	Все жен.	8–55	16–55	10–55	14–55	29–55	15–55	20–55	1–56	4–56	12–55
Раскопочный шифр	к–11	п–9	р–8	р–8	п–9	п–10	р–8	р–7	п–8	п–9	д–12			п–11	п–9	м–10	п–9	п–8	п–9	р–8			0–11
	IV	IV	IV	IV	IV	IV	IV	IV	IV	IV	II			V	IV	IV	IV	IV	IV	IV			IV
Датировка	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	V–VII			VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII	VII–VIII
Пол	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	М	жен.	жен.	жен.	жен.	жен.	жен.	жен.	жен.	жен.	
Возраст / Признаки	зрел.	возмуж.	возмуж.	возмуж.	зрел.	возмуж.	возмуж.	возмуж.	возмуж.	возмуж.	возмуж.			возмуж.	возмуж.	возмуж.	возмуж.	возмуж.	возмуж.	возмуж.	возмуж.	возмуж.	детск.
1 Продольный диаметр	185	195	188	187	187	183	182	174	178	167	186	182,90	173,0	178	166	185	165	172	170	—	182	171	170
8 Поперечный диаметр	143	146	136	138	140	146	133	152	139	144	136	141,18	137,8	153	134	139	143,5	139	134	—	139	137	125
17 Высот. д. базион-брегма	—	—	130	—	143	—	144	143	137	146	135	139,71	137,0	—	137	—	137	135	—	—		139	129
5 Длина основ. черепа	—	—	106	—	104	—	104	104	101	97	107	103,25	94,0	—	95	—	95	96	—	—	90	—	90
9 Наименьшая ширина лба	95	105	—	98	100	95	94	97	93	92	95	96,40	92,5	98	89	90	93	92	93	—	93	92	86
10 Наибольшая ширина лба	—	134	113	115	129	122	118	130	115	119	—	121,66	116,75	120	111	110	122	115	118	—	121	117	105
11 Ушная ширина	—	—	121	—	122	124	115	130	120	117	123	121,50	118,16	—	116	117	118	119	—	—	120	119	102
12 Ширина затылка	—	—	105	106	109	116	—	114	103	106	104	107,87	107,33	—	104	113	104	108	106	—	—	109	94
45 Скуловой диаметр	—	134	134	121	133	134	126	—	—	134	134	131,25	125,8	—	122	130	122	—	—	126	128	127	106
	—	(по 1/2)	(по 1/2)				(по 1/2)			(по 1/2)						(по 1/2)				(по 1/2)			
40 Длина основания лица	73(?)	—	100	—	—	—	96	—	—	91	95	95,50	92,25	—	92	—	88	94	—	—	—	95	85
48 Верх. высота лица	103	—	65	63	76	76	65	—	68 (?)	73	73	69,88	69,37	—	69	71	72	66	63	68	75	71	65
43 Верх. ширина лица	100	111	—	101	110	103	—	—	100	102	103	104,12	100	—	96	97	99	101	101	100	101	105	90
46 Средняя ширина лица	54	—	94	87	99	94	—	—	—	91	97	95,00	90,57	—	91	—	92	96	84	87	93	91	82
55 Высота носа	25	56	52	48	61	56	50	—	40	55	52	53,30	50,50	—	50	55	50	46	48	50	52	53	46
54 Ширина носа	—	27	23	24	29	28	24	—	25	23	23	25,10	23,87	—	22	24	25	24	23	22	26	25	23
51 Ширина орбиты от mf	—	44	44	38	43	42	42	—	43	39	39	41,55	40,71	—	41	—	39	40	41	41	40	43	37
51-а Ширина орбиты от d	—	43	43	36	40	39	39	—	42	37	38	39,66	38,43	—	40	—	36	37	38	39	37	42	36
52 Высота орбиты	29,75	34	31	31	36	34	33	—	31	34	33	33,00	34,14	—	35	—	34	36	35	34	34	37	30
50 Максиллофронтальная хорда mf–mf	11,2	22,5	21,85	23,10	21,60	21,0	19,10	—	19,50	18,0	20,90	20,35	18,16	—	17,25	—	18,70	18,25	16,25	18,30	—	20,25	—
Максиллофронтальная высота	97,55	10,0	11,4	10,2	8,6	8,7	9,0	—	8,5	—	8,9	9,61	8,20	—	8,0	—	8,3	6,4	6,8	8,5	—	11,2	—
Вомбитальная хорда	18,0	104,35	—	93,30	103,45	97,65	—	—	94,0	93,90	96,60	97,85	92,91	—	91,30	88,90	90,15	91,95	92,90	94,25	95,80	98,05	—
Высота назион над б/о хордой	—	20,7	—	17,6	18,6	18,8	—	—	17,9	13,8	20,3	18,21	–1,35	—	17,6	15,5	16,1	16,2	15,0	14,5	17,6	18,3	—
Зигомаксил. хорда (по Абенгеру)	—	—	—	85,50	101,0	92,75	—	—	—	91,65	96,70	93,60	88,77	—	91,10	—	89,75	95,30	82,75	85,80	—	87,95	—
Высота субспинале над к/м хордой	—	—	—	22,0	30,8	21,4	—	—	—	23,5	23,60	24,26	22,41	—	23,80	—	24,50	22,3	20,0	20,70	—	23,20	—
DC Дакриальная хорда	—	22,80	23,25	—	24,50	23,30	23,9	—	20,50	—	22,30	22,94	19,31	—	18,00	—	19,75	21,75	18,20	19,70	—	18,50	—
DS Дакриальная высота	8,5	14,7	15,2	—	12,9	11,6	13	—	10,0	—	11,9	12,76	11,68	—	10,00	—	14,30	12,30	9,70	11,20	—	12,40	—
SC Симотическая хорда	4,2	8,6	13,3	10,4	9,15	—	8,5	—	12,85	—	10,70	10,50	88,50	—	9,25	—	10,30	7,40	9,10	9,80	—	7,25	—
SS Симотическая высота		5,3	6,6	4,2	5,2	—	5,1	—	4,5	—	5,00	5,04	43,66	—	4,20	—	4,60	3,40	4,00	4,50	—	5,50	—

УКАЗАТЕЛИ
черепов из некрополя I древнего Мерва

Указатели	№ 3–55	17–55	23–55	22–55	19–55	11–55	21–55	24–55	18–55	9–55	2–56	все муж. М	все жен. М	8–55	16–55	10–55	14–55	29–55	15–55	20–55	1–56	4–56	12–55
8:1 Черепной	77,30	74,87	72,34	73,80	74,87	79,78	73,08	787,36	78,09	86,23	73,12	77,34	79,85	85,96	80,72	75,14	86,97	88,81	78,82	—	76,37	80,12	73,53
17:1 Высотно-продольный	—	—	69,15	—	76,47	—	79,12	82,18	76,97	87,43	72,58	77,70	81,33	—	82,53	—	83,03	78,49	75,88	—	—	81,29	75,88
17:8 Высотно-поперечный	—	—	99,59	—	102,14	—	108,27	94,08	98,56	101,38	99,26	99,89	99,07	—	102,24	—	98,47	97,12	—	—	—	101,45	103,20
9:10 Лобный	—	78,39	—	85,92	77,52	77,87	79,66	74,62	80,57	77,91	—	78,93	78,92	81,67	80,18	81,82	76,23	80,00	78,81	—	76,86	78,53	81,90
9:8 Лобно-теменной	66,43	73,92	—	71,01	71,43	69,47	70,68	69,82	69,91	63,89	65,85	68,10	66,55	—	69,42	64,75	65,03	66,19	69,40	—	66,91	67,15	68,80
12:8 Затылочно-теменной	—	—	77,21	76,81	77,86	79,45	—	75,00	74,15	73,61	76,47	76,31	77,99	—	77,61	81,29	72,73	77,70	70,10	—	—	79,56	75,20
11:8 Ушно-теменной	—	—	88,97	—	87,14	84,53	86,47	85,53	86,33	81,21	90,44	86,38	85,34	—	86,87	84,17	82,52	85,61	—	—	86,33	86,86	81,60
18:15 Верхне-лицевой	—	—	48,51	52,07	54,89	56,72	51,59	—	—	54,48	54,48	53,25	56,44	—	56,56	54,62	59,02	—	—	53,97	58,59	55,91	61,32
24:5 Носовой	66,20	48,21	44,23	50,00	47,54	52,00	48,00	—	51,02	41,82	44,23	47,13	47,36	—	44,04	43,64	50,00	52,17	47,92	44,00	50,00	47,17	50,00
52:51 Орбитный	—	77,21	70,45	81,58	83,72	80,95	78,57	—	72,09	87,18	84,62	79,00	85,58	—	85,37	—	87,18	90,00	85,37	82,53	85,00	86,05	81,08
52:51-а Орбитный II	—	79,07	72,00	85,11	90,00	87,18	84,62	—	72,81	91,89	86,84	83,51	91,21	—	87,50	—	94,44	97,30	92,11	87,18	91,89	88,10	83,33
Дакриальный	—	64,47	65,33	—	52,65	49,38	54,79	—	48,78	—	53,36	55,24	60,28	—	55,56	—	72,40	56,55	53,30	56,85	—	67,03	—
Зигомаксиллярный	—	—	—	25,61	30,99	28,07	—	—	—	25,64	24,40	25,81	25,26	—	26,12	—	27,29	23,49	24,17	24,12	—	26,37	—
Симотический	39,41	61,62	47,11	40,38	56,83	—	—	—	35,02	—	46,73	47,87	50,29	—	45,40	—	44,66	05,55	43,96	45,81	—	75,86	—
Максиллофронт.	53,98	44,44	52,17	44,15	30,49	40,14	47,12	—	43,59	—	42,58	44,44	44,95	—	46,37	—	44,39	35,06	41,85	46,45	—	55,31	—
9:5 Указатель высот лица	—	—	94,34	—	—	—	92,31	—	—	93,81	85,79	92,31	95,84	—	96,84	—	92,63	97,92	—	—	—	95,56	94,44
48:17 Вертикально-краниофациальный	—	—	50,00	—	51,05	—	45,14	—	49,64	50,00	54,07	49,58	50,72	—	50,36	—	52,55	48,89	—	—	—	51,08	50,39
45:8 Черепно-лицевой	—	91,78	98,53	87,68	95,00	91,78	94,74	—	—	93,66	98,53	93,89	90,93	—	91,04	93,53	85,31	—	—	—	92,69	92,70	84,80
9:45 Лобно-скуловой	—	78,36	—	80,99	75,19	70,90	74,60	—	—	68,66	70,90	74,23	72,70	—	72,95	69,23	76,23	—	—	—	72,65	72,44	81,13

Описательные признаки черепов из некрополя I древнего Мерва

№№ п/п	Признаки	№ 3–55 муж.	17–55 муж.	23–55 муж.	22–55 муж.	19–55 муж.	11–55 муж.	21–55 муж.	24–55 муж.	18–55 муж.	9–55 муж.	2–56 муж.	Все муж. М	8–55 жен.	16–55 жен.	10–55 жен.	14–55 жен.	29–55 жен.	15–55 жен.	20–55 жен.	1–56 жен.	4–56 жен.	Все жен. М	12–55 детский
1	Форма черепной коробки	пентагон	эллипт.	овальный	пентаг.	пентаг.	пентаг. ассим.	эллипт.	сфероид.	пентаг.	округлая	пентаг.	—	брикс.	пентаг.	пентаг. ассим.	сфероид.	пентаг.	пентаг.	—	—	сфероид.	—	пентаг.
2	Глубина перен. (1—неглубокое 2—3)	3	2	3	2	2	3	3	1	2	2	2	2,4	—	2	—	2	2	1	2	1	2	1,71	—
3	Высота перен. (1—низк. 2–3)	2	2	2	2	2	2	2	1	2	2	2	2,0	—	2	—	2	2	2	2	2	2	2,00	—
4	Наклон лба (1 прям. 2–3)	2	1	2	2	2	2	1		2	2	2–3	1,8	1	2	2	2	1	2	—	1	2	1,50	1
5	Лобные бугры (1—слаб. 2–3)	2	2	1	1	2	1	1		2	1	1	1,4	1	2	2	2	2	2	—	2	2	1,87	1
6	Надпереносье (1–6)	4	3	3–4	3	4–5	3	3		2	3	4	3,3	—	2	—	3	2–3	2	2	2	2	2,28	—
7	Надбровье (1–3)	3	1–2	3	2	2	2	2		2	2	2	2,2	1	1	2	1	2	1	1	1	1	1,22	1
8	Горизонтальный профиль лица (1—плоск. 2–3)	2	2	2	2	2	2	3		2	2	2	2,1	2	3	2	2	3	1	3	2	2	2,22	2
9	Каковые ямки (0–4)	3	3	2	3	3	3	2–3		2	2	2–3	2,6	2–3	3	1–2	3	3	3	3	4	3	2,55	2
10	Выступание скул (1 мал. 2–3)	2	2	2	2	2	2	1		2	2	2	1,9	—	1	2	1	2	2	1	1	1	1,37	1
11	Нижний край грушевидн. отверстия	антр.	антр.	антр.	антр.	антр.	предност. ямки	антр.		антр.	антр.	антр.	антр. 90 %	антр.	антр.	антр.	антр.	антр.	нифан.	антроп.	предносовые ямки	антроп.	антр. 77,7 %	нифант.
12	Передне-носовая ость	—	3	2	4	3	2	3		3	3	4	3,0	—	3	3	3	2	2–3	3	—	2	2,71	2
13	Выступание носа (1—слаб. 2–3)	3	3	3	2	3	2–3	3		2	2	1	2,7	—	2	2	2	2	2	2	—	2	2,00	2
14	Затылок (1—прям. средн. 3 угл.)	3	3	3	2	3	2	2		2	2	2	2,4	2	2	3	3	2	2	—	2	2	2,22	3
15	Затылок деформиров. степень	0	0	0	0	0	0	0		0	0	0	—	0	1	0	0	0	0	—	0	0		0
16	Общий тип	европ.	европ.	европ.	европ.	европ.	европ.	европ.		европ.	сред	европ	—	европ.	европ.	европ.	европ.	европ.	европ.	европ.	европ.	европ.		европ.

Таблица 9

Измерительные признаки сельджукских черепов и черепов квартала керамистов

Признаки	Сельджукского времени черепа		Черепа квартала керамистов	
№№ черепов и год раскопа	№ 1–53	№ 8–56	№ м.р. 1–56	№ м.р. 2–56
Датировка	XI в. н. э.	XI в. н. э.	XV–XVII вв. н. э.	XV–XVII вв. н. э.
Пол	женск.	мужск.	женск.	мужск.
Возраст	возмуж.	возмуж.	возмуж.	возмуж.
1 Продольный диаметр	180	186	172	189
8 Поперечный диаметр	140	145	—	143,5
17 Высотный д. базион брегма	131	—	129	—
5 Длина основания черепа	102	111	93	—
9 Наименьшая ширина лба	93	92	86	102
10 Наибольшая ширина лба	113	—	—	125
11 Ушная ширина	115	128	—	128
12 Ширина затылка	107	—	—	119
45 Скуловой диаметр	119	143 (по 1/2)	124 (по 1/2)	141
40 Длина основания лица	103	99	95	—
48 Верхняя высота лица	63	76	67	74
43 Верхняя ширина лица	99	107	98	110
46 Средняя ширина лица	88	103	98	98
55 Высота носа	44	56	48	55
54 Ширина носа	22	26	25	25
51 Ширина орбиты от mf	38	42	39	42
51-а Ширина орбиты от d	36	41	38	40
52 Высота орбиты	30	31	29	36
50 Максиллофронтальная хорда mf-mf	21,35	20,0	17,65	21,25
Максиллофронтальная высота	9,5	9,2	6,3	10,5
Биорбитальная хорда	92,20	97,95	9[illegible],80	101,80
Высота назиона над б/о хордой	19,50	16,0	14,8	20,4
Зигомаксиллярная хорда (по Абиндеру)	86,85	104,75	95,45	95,3
Высота сибспинале над з/м хордой	25,8	20,2	24,9	26,3
DC Дакриальная хорда	22,10	20,75	17,55	20,25
DS Дакриальная высота	13,0	13,3	9,3	17,0
SC Симотическая хорда	8,30	7,65	8,95	10,00
SS Симотическая высота	6,8	5,0	3,0	5,0

Таблица 10

УКАЗАТЕЛИ
сельджукских черепов и черепов квартала керамистов

	Сельджукские черепа		Черепа квартала керамистов	
	№ 1–53	№ 8–55	№ м.р.-1-56	№ м.р.-2-56
1	2	3	4	5
8 : 1 Черепной	77,78	77,96	—	75,93
17 : 1 Высотно-продольный	72,78	—	75,00	—
17 : 8 Высотно-поперечный	93,57	—	—	—
9 : 10 Лобный	82,30	—	—	81,00
9 : 8 Лобно-теменной	66,43	63,45	—	71,33

Продолжение табл. 10

1	2	3	4	5
12 : 8 Затылочно-теменной	76,43	—	—	83,22
11 : 8 Ушно-теменной	82,14	88,28	—	89,51
48 : 45 Верхне-лицевой	52,94	53,15	54,03	52,48
54 : 55 Носовой	50,00	46,43	52,08	45,45
52 : 51 Орбитный	78,95	73,81	74,36	85,71
52 : 51-а Орбитный II	83,33	75,61	76,32	90,00
Зигомаксиллярный	29,82	18,33	26,12	27,55
Дакриальный	58,82	64,09	52,99	83,95
Симотический	81,93	65,36	33,52	50,00
Максиллофронтальный	44,49	46,00	35,70	49,41
40 : 5 Указатель выступания лица	100,98	89,19	102,15	—
48 : 17 Вертикальный-краниофациаль.	48,09	—	51,94	—
45 : 8 Черепно-лицевой	85,00	98,62	—	98,69
9 : 45 Лобно-скуловой	78,15	64,34	69,35	72,34

Таблица 11

Описательные признаки сельджукских черепов и черепов квартала керамистов

	Сельджукские черепа		Черепа квартала керамистов	
	№ 1—55	№ 8—56	№ мр-1—56	№ мр-2-56
Форма черепной коробки	пентагон	бризоидн.	пентагон	сфеноноид
Глубина переносья (1 не глуб. 2—3)	2	2	2	3
Высота переносья (1 низ. 2—3)	2	2	2	3
Наклон лба (1 прям. 2—3)	2	2	2	2
Лобные бугры (1 слаб. 2—3)	2	2	1	2
Надпереносье (1—7)	3	3	3	5
Надбровье (1—3)	1	2	1	3
Горизонт. проф. лица (1 плоск. 2—3)	3	1	2	2
Глубина клыковой ямки (0—4)	3	1	2	3
Выступание скул (1 мал. 2—3)	1	3	1	2
Нижний край грушевидного отверстия	антроп.	предносов. желоб	антроп.	антроп.
Передне-носовая ость по Брока (1—5)	2—3	3	2	5
Выступание носа (1 слаб. 2—3)	2	2	2	3
Затылок (1 прям. 2 сред. 3—угл.)	3	2	3	3
Затылок деформир. степень	0	1	0	0
Общий тип	европ.	смешан.	европ.	европ. сходен с андроновск.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург В. В. и Жиров Е. В. Антропологические материалы из Кекольского катакомбного могильника в долине р. Талас, Киргизской ССР. Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. X, 1949.

2. Гинзбург В. В. Черепа зороастрийского кладбища XIII в. в Фринкенте. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. X, 1949.

3. Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. Труды Института этнографии АН СССР. Т. IV, 1948.

4. Жиров Е. В. Об искусственной деформации головы. Краткие сообщения и доклады о полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 8, 1940.

5. Жиров Е. В. Разновидность брахицефалии. Краткие сообщения и доклады о полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 10, 1941.

6. Жиров Е. В. Черепа зороастрийских погребений в Средней Азии. Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. X, 1949.

7. Зезенкова В. Я. Материалы к палеоантропологии Узбекистана и Туркмении. Сборник — Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова, Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.

8. Зезенкова В. Я. Некоторые данные о скелетах из погребальных курганов возле станции Вревская. Труды Музея истории народов Узбекистана АН УзССР. Вып. 1, Ташкент, 1951.

9. Зезенкова В. Я. Антропологическая характеристика туркмен селения Мурча Бахарденского района (печатается в этом томе, в работе Д. М. Овезова «Племя мурчали»).

10. Левин М. Г. Деформация головы у туркмен. Советская этнография. 1947, № 6—7.

11. Ошанин Л. В. Антропологические материалы к проблеме этногенеза туркмен. Известия Академии наук ТССР. 1952, № 4.

12. Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен. Известия Средазкомстариса. Вып. 1, Ташкент, 1926.

13. Ошанин Л. В. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифо-сарматского происхождения туркмен. Известия Средазкомстариса. Вып. III, Ташкент, 1928.

14. Якубовский А. Ю. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. Советская этнография. 3, 1947, № 3.

15. Ярхо А. И. Туркмены Хорезма и Северного Кавказа. Антропологический журнал. 1933, № 1—2.

М. Е. МАССОН

ОБНАРУЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ВОЛОС ДВУХТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ДАВНОСТИ В КРЕПОСТИ ДРЕВНЕГО МЕРВА

В среднеазиатской археологической практике довольно быстро разрушающиеся человеческие волосы встречаются не так часто. Чтобы они сохранились нужны исключительно благоприятные условия пребывания в земле, как это имело место, например, в захоронении трупа Тимура у скелета которого при вскрытии его могилы в Самарканде в 1941 г. были обнаружены остатки небольшой, жесткой, довольно густой бороды; стриженых, толстых, прямых, темных с сединой волос на голове от полусантиметра до трех сантиметров длины; тонких закрученных бровей от 12 до 14 мм длины и длинных, не подстриженных над губой темных усов с редкими седыми волосами. В Средней Азии известны единичные случаи сохранения человеческих волос в погребениях, принадлежащих позднему средневековью (XIII—XIV вв.). Тем интереснее становится находка здесь волос человека античного времени.

Она была сделана археологом З. И. Усмановой в 1955 г. в Эрк-кале, огромной цитадели древнего Мерва («Антиохии Маргианской») при раскопках XVIII отрядом ЮТАКЭ комплекса помещений, расположенных несколько восточнее былых крепостных ворот и возведенных в среднюю пору рабовладельческого общества на гребне мощных стен южного фаса калы, даже в оплывшем состоянии достигающих сейчас 34 м высоты. К юго-востоку от так называемой «башни» в процессе расчистки одного из коридоров, забутованного мощной кладкой из крупных (от 42×42×12 см^3 до 44×44×12 см^3) сырцовых кирпичей парфянского типа, между их рядами был обнаружен пучек ныне матового оттенка волос, слегка порыжевших от времени и отстриженных с головы по длине до 3 см. Они явно были помещены сюда неслучайно, а с целью быть замурованными в огромных толщах кирпичной закладки, которая, как это установлено археологическим наблюдением и вещевыми находками, в частности монет, осуществлялась при реконструкции крепости в конце II—начале I вв. до н. э.

У многих народов древности существовал обычай прятать в укромных, по возможности трудно доступных местах свои остриженные или вычесанные с головы волосы. Это было связано с поверием, будто овладевшее ими лицо сможет путем совершения определенных ритуальных манипуляций приобрести магическую власть над их владельцем и полностью подчинить его своей воле. В Средней Азии это представление пережиточно бытует еще кое-где в наиболее отсталых слоях разных коренных национальностей, преимущественно среди женщин. Некоторые из них до сих пор, вычесав голову после мытья в бане, тщательно собирают в

бумажку выпавшие волосы и по возвращении домой затыкают их в какую-нибудь щель в стене и даже замазывают снаружи глиной. Место, где были найдены в Эрк-кале волосы, вполне удовлетворяло предъявляемым в таких случаях требованиям нужной «укромности»: забутовочные кладки, наглухо замуровавшие две тысячи лет назад дверные пролеты и сделавшие их практически недоступными, целиком заполняли все помещения от пола на всю их высоту, достигшую, как установлено раскопками, свыше 5 м до потолка.

После проверки условий стратиграфического залегания находки, сама она была препровождена в Ташкент возглавляющему историко-антропологические исследования по линии ЮТАКЭ профессору Л. В. Ошанину, который в свою очередь передал ее для микроскопического анализа гистологу профессору Г. Н. Терехову. После тщательно осуществленных срезов волос, произведенных безукоризненной техникой, в плоскости, строго перпендикулярной к стержню волос, полученные препараты были подвергнуты микроскопическому исследованию и соответствующему фотографированию. Согласно заключению профессора Г. Н. Терехова, на поперечных срезах волос несколько овальной формы виден отчетливо выделяющийся, довольно узкий осевой пигментированный, так называемый мозговой, слой. Он окружен более широким слоем коры, сохранившей пестрый характер от наличия рассеянных частиц пигмента, и, наконец, все покрыто тонким слоем катикулы. Толщина поперечника отдельных волос резко различна в зависимости от уровня, на котором пришелся разрез. Сделанные наблюдения позволили профессору Г. Н. Терехову прийти к выводу, что тип строения волос из раскопок на Эр-кале «приближается или соответствует типу строения волос европеоида».

Интересные дополнительные детали были высказаны затем по двум показанным мной микрофотоснимкам срезов волос московским антропологом профессором М. А. Гремяцким, любезно изложившим данную им ЮТАКЭ по этому поводу консультацию в письменной форме. Фиксируя внимание археологов на том, что с антропологической стороны представляют интерес форма волос, их цвет, наконец, физические свойства и толщина, М. А. Гремяцкий в отношении формы волос с Эрк-калы пришел к заключению, что их на основании вида поперечных срезов надо отнести к типу волнистых (длинно- и коротковолнистых). «Этого типа волосы,— по его словам,—свойственны европеоидной большой расе. Они характеризуются, кроме овальной формы поперечного разреза, наклонным направлением роста (по отношению к поверхности кожи) и мягкостью. Цвет волос при продолжительном пребывании в земле изменяется. Их «светло-рыжеватая» окраска не может считаться первоначальной. Судя по количеству пигментальных зерен в мозговой и корковой части, волосы были более или менее темноокрашенными. Обладали ли они первоначально блеском или были матовыми, сказать нельзя. Как сказано, волосы эти не были тугими, так как этот признак свойственен волосам прямым. (Тугие и прямые волосы — признак монголоидной расы)... Таким образом, исследуемые волосы были темноокрашенными, волнистыми, мягкими и принадлежали субъекту европеоидного типа».

Поскольку цитадель отвоеванной Аршакидами у Греко-Бактрийского царства «Антиохии Маргианской», согласно монетным находкам, ре-

конструировалась в пору правления Митридата II (124—87 г. до н. э.), легко может быть, что волосы с Эрк-калы принадлежали какому-нибудь парфянину. По свидетельству Плутарха, парфяне во второй половине I в. до н. э., чтобы казаться страшнее, носили, подобно скифам, длинные волосы, перехваченные кверху хохлом. Последний, по-видимому, не являлся повседневным, а принадлежал боевой прическе, делавшейся непосредственно перед сражением. Тип именно такой прически запечатлен в бюсте одного правителя на группе медных монет, ходивших в III в. и не позднее начала IV в. н. э. в Кашкадарьинском районе после падения Парфянского государства и выпускавшихся возможно каким-то представителем бокозой линии династии парфянских Аршакидов, обосновавшимся в одном из владений к северу от Аму-Дарьи. Портреты аршакидских царей на аверсах парфянских нумизматических объектов, а также большинство из известных скульптур и барельефов, изображающих парфян, передают нам облик людей с довольно длинными волнистыми волосами, иногда уложенными в сложные прически. Подавляющее большинство парфян было темноволосым, а особи со светлоокрашенными волосами встречались как редкое явление. Не исключена возможность, что волосы эрк-калинской находки принадлежали какому-нибудь из родственных парфян маргианцев. При этом заслуживает быть отмеченным, что характеристика пучка волос с Эрк-калы, данная профессором М. А. Гремяцким, по своим признакам вполне применима в отношении большинства современных туркмен.

Независимо от того, как в результате дальнейших изысканий будет решаться вопрос о племенной принадлежности лица, чьи волосы встречены в крепости древнего Мерва, их находка представляет определенный научный интерес для выяснения этногенеза населения Туркменской ССР. Значимость ее повышается в смысле открывающихся перспектив тем, что подобное открытие для периода рабовладельческого общества делается впервые не только на территории Южного Туркменистана, но вообще всей Средней Азии.

Д. М. ОВЕЗОВ

ТУРКМЕНЫ МУРЧАЛИ

ВВЕДЕНИЕ

Национальные объединения сложились исторически из разных племён и рас на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического уклада. Изучение различных племён и родов, их этнического состава и исторического развития является одним из звеньев в решении сложных вопросов этногенеза народов Туркмении, которым занимались и занимаются ряд советских исследователей.

Однако до сих пор некоторые племенные группы Туркмении ещё недостаточно исследованы с исторической и этнографической точек зрения, и изучение их является первостепенной задачей настоящего времени. Предметом данного исследования является племя мурчали—одно из древнейших оседло-земледельческих туркменских племён Южного Туркменистана.

О туркменах имеется достаточно сведений, опубликованных за последние два столетия в исторической и географической литературе, но о изучаемом племени мурчали имеются лишь скудные, в несколько строк, упоминания, существо высказываний некоторых из авторов сводится к тому, что мурчинцы не «чистые», а пришлые туркмены; некоторые авторы относят их к дотуркменским племенам.

После присоединения Закаспийского края к Российской империи отдельные вопросы, касающиеся истории туркменского народа и Туркмении, были освещены участниками похода в Ахал и лицами местной администрации. Попутно ими были высказаны замечания о мурчали и других малочисленных племенах, обитавших в Ахале до прихода текинцев.

Ссылаясь на устные предания, авторы признавали, что мурча или мурчали составляет отдельное от всех прочих туркмен племя. На основании расспросов местных жителей делалось заключение, что мурча одного происхождения с прежними обитателями Анау и Мехин, заселившими эти места раньше текинцев. По преданиям последних, их предки, заняв эту территорию, нашли уже заселенными местности Мурча, Нохур, Анау, Мехин. Из последних двух жители были вытеснены текинцами и удалились в Персию. Племена же мурча и нохур удержались на своих местах, подчинились текинцами и до занятия округа русскими платили им дань. Происхождение мурча считалось неизвестным[1].

Дурунский участковый пристав капитан Ф. А. Михайлов, интересовавшийся жизнью и бытом туркмен, писал: «Племена нохурцев (около

500 семей) и мурчалинцев (около 150 семей) живут с давних пор в аулах Нохур и Мурча Асхабадского уезда; после занятия края русскими, они заняли верхний Сумбар, где построили целый ряд аулов. Происхождение этих племён не установлено, но можно думать, что они родственны между собой; когда туркмены заняли Ахал, то племена эти они нашли на занимаемых ими ныне местах, но встретив с их стороны полную покорность, их не выгнали. Ни у того, ни у другого племени не осталось никаких воспоминаний о времени водворения их в Ахале. Очевидно, что они живут здесь очень давно»[2].

По словам А. И. Кияшко: «К туркменскому племени, кроме текинцев, принадлежат ещё: сарыки, салыры, иомуды, гёклены, алиели, шихи, сейди, ата, махтум, нохур, мурча, карадашли и некоторые другие»[3].

А. Боголюбов, описывая ковровые изделия Средней Азии отмечал, что «среди коренных туркмен следует выделить отуркменившиеся племена арабского происхождения, а также племена чисто тюркские, но не туркменские. К первым относятся: ших, сайди, махтум, ходжа и ата; ко вторым — алили, нохурли, мурчали, анаули и мехинли. Что касается тюркских племён, то есть основание полагать, что многие из них, если не все, были первоначальными обитателями страны, до туркмен, т. е. до X столетия; живут они преимущественно не в кибитках, а в глинобитных саклях, отличаясь от туркмен многими особенностями жизни»[4].

Изучавший и обследовавший Туркестанский край, В. И. Масальский писал о туркменах и, в частности, о племени мурчали, нохурли, анаули: «они представляют, по-видимому, частью остатки прежних обитателей страны, частью — смесь самых разнообразных элементов тюркско-иранского происхождения. В настоящее время они представляют смесь тюркских элементов с арийскими»[5].

А. А. Семёнов предположительно высказывался, что мурчали и нохурли семитического происхождения[6].

Примерно этого же мнения придерживались и другие авторы; так, например указывалось, что «поселение Мурча занято остатками арабов»[7] или, «нохурли и мурчали—народ с примесью иранского элемента»[8], «происхождение племени нохур и мурча неизвестно»[9] и т. д.

В советский период вопрос об этой этнической группе затрагивался некоторыми исследователями. Так, кое-какие отрывочные сведения об интересующем нас племени мы находим в работе покойного Г. И. Карпова, где мурчали упоминаются среди отуркменившихся народностей, без названия рода и племени[10]. В другой работе Г. И. Карпов описывает мурчинцев, как род мурча, живущий в ауле Мурча[11], причём перечисляет 7 колен: по линии юзбаши— дабаши и юзбаши, по линии авшар — арвап, копек, боягчи, гечи и похли. Описывая племя нохур, Г. И. Карпов отмечает, что оно живёт обособленно от окружающих туркмен-текинцев, поддерживая связь с родами: мурчали, сунчали, алили[12] и др. Из приведенных выше данных следует, что этническая группа из селения Мурча относится Г. И. Карповым к родовым названиям.

В работе С. П. Толстова «Города гузов»[13] приводится сравнительная таблица племенного состава туркмен с включением списка Г. И. Карпова, в котором Мурча-али упоминается как племя.

В. Г. Мошкова утверждала, что карадашли и мурчали из числа современных жителей Бахардена и Дуруна являются потомками наиболее древнего местного населения[14].

Как явствует из всего изложенного выше, племя мурчали почти не изучалось и мало привлекало к себе внимания исследователей. Этногенезом его никто не занимался ни до революции, ни в советское время.

Великая Октябрьская социалистическая революция освободила угнетённые колониальные окраины царской России от ига царского самодержавия. Благодаря мудрой национальной политике нашей партии туркменский народ, как и все народы былых отсталых окраин, стал полноправным хозяином своей страны. Отдельные малочисленные племена, входившие в состав туркменского народа, как например племя мурчали, вошли в единую туркменскую социалистическую нацию, став равноправными участниками строительства социализма в СССР.

В настоящее время созданы все условия для полноценного научного изучения происхождения этих племён. Это оказалось возможным сделать по линии Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ), состоящей в системе Академии наук Туркменской ССР. В план экспедиции включен ряд тем, разрабатываемых представителями различных дисциплин, в том числе этнографами. К ним относятся: археолого-топографическое обследование Языра-Дуруна и историко-этнографическое изучение племени карадашли; изучение поздних поселений и жилой архитектуры XVIII—XIX вв. различных туркменских племен и др.

В 1950 г. начальником ЮТАКЭ профессором М. Е. Массоном был выделен XXII отряд по историко-этнографическому изучению племени мурчали. Основным работником и одновременно начальником отряда стал автор данного исследования. В течение восьми лет он много раз выезжал в селение Мурча для изучения на месте данных о родоплеменной организации мурчинцев, их занятий (сельского хозяйства и ремесленного производства), быта, фольклора, верований, современного положения племени и т. д. Материал собирался в основном путем личных наблюдений и перекрестного опроса на месте, без помощи переводчика, а также выборкой сведений из ведомственных архивов и научной литературы, иногда с участием, или при консультации ряда специалистов[15].

Кропотливый, но вместе с тем благодарный труд по изучению мурчали в значительной степени первоисследователя отчасти стимулировался, и во всяком случае облегчался тем обстоятельством, что автор является представителем этого племени. Это делало для него особо увлекательной самую работу и более доступными такие детали, которые часто ускользают от внимания постороннего наблюдателя. На настоящей стадии исследования, с учетом историко-археологических данных, полученных за поледние годы по линии ЮТАКЭ, мы выдвигаем тезис, что изучаемое племя может рассматриваться как один из реликтов автохтонного оседлого населения Южного Туркменистана, всеми корнями связанного с культурой и прошлым Туркменской ССР, являющейся для мурчали их подлинной родиной.

ГЛАВА 1

К ИСТОРИИ ПЛЕМЕНИ МУРЧАЛИ

РАССЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ МУРЧАЛИ

Древняя крепость и современное селение Мурча находятся по современному административному делению в 4 км к юго-западу от железнодорожной станции Бахарден, Ашхабадской области. Селение Мурча с трёх сторон на расстоянии от 4 до 10 км окружено селениями, в которых, за исключением небольшого числа карадашлы, ходжа и сейт, основным и преобладающим населением является племя теке. С южной стороны в пределах одного километра тянутся горы Копет-Даг. В горах в 20—30 км от Мурча обособленно от окружающих туркмен-текинцев живет родственное мурчинцам племя нохурли, с которым мурчинцы издавна поддерживают связь.

До прихода в край русских мурчинцы из боязни своих многочисленных врагов (персов и более сильных туркменских племён) вынуждены были жить сконцентрированно в районе нынешнего аула Мурча, под защитой сильной крепости-кала. Только в конце XIX в., с присоединением края к России, положение мелких племён — коренных обитателей данного края изменилось в лучшую сторону. Жившие до того в земельной тесноте мурчинцы были в значительном количестве переселены в селения Дэв-кала и Дайна. Таким образом, появились новые мурчинские селения. Но основным местом обитания мурчинцев с незапамятных времен является селение Мурча.

Селение Дайна расположено в горной местности на речке верхнего Сумбара, на высоте около 1400—1500 м над уровнем моря, у границы Ирана. Дорога к селению Дайна от районного центра Карры-кала и аула Мурча была узкая, горная, проходила через ущелье Арваз и Тагаравский горный хребет, через который в зимнее время из-за больших снежных завалов сообщение было невозможным. В остальное время года связь осуществлялась вьючным транспортом, пешеходными тропами.

В советское время была налажена более благоустроенная связь, которая осуществляется в любое время года. Трудно переоценить огромное значение такого факта для жителей селений на верхнем Сумбаре — Дайна и Койне-Кесыр, для экономического и культурного подъема этого края, связанного теперь непосредственно с центром республики и с более развитыми в экономическом отношении районами Туркмении.

Вторым селением, занятым племенем мурчали, является село Дэв-кала. Оно находится в подгорной полосе в 20—30 км к западу от железнодорожной станции Бахарден.

По данным справочника Закаспийской области 1915 г., численность племени мурча составляла 344 кибитки и в них мужчин 444, женщин 532 человека. В советское время, по данным переписи 1939 г., численность мурчинцев в трёх аулах составляет 1500 хозяйств.

НЕКОТОРЫЕ ДАННЫЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЛЕМЕНИ МУРЧАЛИ

Само современное название племени мурчали (мурчинский, мурчинец) происходит от названия места их поселения. Сами мурчинцы называют себя Мурчали и так же называет их окружающее туркменское население племени теке. Слово мурча (مرچه) в переводе означает — бедный, слабый, небольшой, муравей и т. д.[16].

Археолого-этнографическое изучение племени мурчали приводит к выводам о его древней местной основе, что между прочим подтверждается и нарративными данными народных преданий. Район обитания мурчинцев был обжит уже в древнейшие времена. Предгорная полоса Копет-Дага хранит остатки многих поселений эпохи родового строя, возраст которых восходит к III тысячелетию до н. э. и даже ранее.

О происхождении туркменского племени мурчали имеется несколько преданий. Одно из них, сообщенное нам Ата Ходжа Назар-оглы (85 лет) гласит, что мурчинцы являются коренными оседлыми жителями этого края, о чём, якобы, свидетельствует и древняя Кала, основание которой относится к незапамятным временам. До прихода в наш край текинцев в нем жили, кроме мурчинцев, также нохурли, алили, мехинли, анаули, эмрели, занимавшие территорию по северному склону горы Копет-Дага, начиная от города Кизыл-Арвата до реки Джейхун (Аму-Дарья). Мурчинцы когда-то жили в низовьях какой-то реки (видимо речь идёт о Мургабе или Аму-Дарье), но по неизвестной причине переехали с востока сюда и обосновались в нынешнем селении Мурча.

По другому преданию, мурчинский род находился в Афганистане и было в нем четыре брата — Овшар (Афшар), Каркын, Кызак, Бегдин[17]. Старший Овшар, поссорившись со своими братьями, переехал из Афганистана в Ахал. От старшего брата Овшара и образовалось племя мурчали.

Оседлое туркменское племя мурчали (мурчели) в основном состоит из двух больших отделов: юзбаши и овшар (афшар). Юзбаши, в свою очередь, делятся на четыре отдельных рода: дабаши, гечили, наврайы, хивалы, а овшар на пять отдельных родов: похлы, копек (кяризген), боягчы (бегмэммет), эрвап, чакан (см. прилагаемую схему).

Подобное родовое название овшар (афшар) в пределах ТССР мы встречаем также в селе Чандыр Каракалинского района и в районе Бурдалык, а родовое название юзбаши имеется среди племени алили, живущего в основном у Каахка.

Относительно происхождения большинства этих групп существуют различные народные предания. Приведем краткое содержание некоторых из них.

Наиболее древними родовыми группами, с незапамятных времен осевшими в Мурча, о происхождении которых нет никаких сведений, считаются в народе два рода: овшар (афшар) — одно из 24 огузовских туркменских племен и арвап или эрвап, у современных мурчинцев в значении «кетхуда», т. е. старейшина, староста.

Относительно других групп, входящих в отдел мурчали, сообщения народных преданий значительно лаконичнее. Так, о юзбаши и дабаши рассказывают, что прежде таких групп не было. Они образовались во

Схема внутриплеменного деления мурчали

время переселения мурчали в Иран, где тех, на кого местной иранской знатью были возложены обязанности по сбору податей, надзора за выполнением трудовой повинности, стали называть юзбаши (командир сотни), дабаши (командир десятка). Впоследствии названия должностных чинов получили якобы своё отражение в наименованиях родовых групп. При опросе стариков выясняется, что из родовой группы юзбаши и дабаши в большинстве случаев избирались старосты аула. Очевидно, это была влиятельная верхушка племени мурчали, и в наименовании их нашли отражение социальные черты.

Хивалы (хивинец), как показывает само название, переселились из Хивы; прежде они находились в Дуруне и относились к эмрелинцам.

Название двух родов отдела авшар—«копек» обозначает «кобель», а похлы — «грязный, нечистоплотный» (в буквальном переводе), хотя современные мурчинцы утверждают, что этот род был назван именем «похлы» потому, что отличался сквернословием. Возможно, что эти презрительные названия как-то отражают классовое расслоение общины и выделение в ней бедноты.

Боягчы (красильщики) считаются коренными мурчинцами. Они занимались красильным производством, первыми овладев искусством окрашивания тканей. Вначале изготовление красок было сосредоточено в руках боягчы, но в дальнейшем этим стало заниматься всё население Мурча.

Гечиллер (козодержатели — имеющие коз) получили своё название вследствие того, что люди этой группы держали несколько десятков голов мелкого рогатого скота, в особенности коз. Мурчинцы мелкого рогатого скота не имели и ухаживать за ним не умели, поэтому незначительную группу людей, которая занималась его разведением, стали особо называть гечиллер.

Кроме упомянутых групп, среди мурчинцев имеется несколько семейств ших и ходжа, которые возводят свою генеалогию к самому Мухаммеду. Во главе последних стоял некогда Карагул Ходжа, почитаемая могила которого находится к югу от селения Мурча.

Язык мурчинцев несколько отличается от текинского и других туркменских племён. Здесь необходимо отметить, что если у родственного мурчинцами племени нохурли замечаются очень небольшие диалектальные отличия по сравнению с языком других соседних туркменских племён, то у племени мурчали мы таких отличий в языке почти не встречаем, хотя имеются случаи своеобразного произношения отдельных слов, как например:

говор мурчинский	говор текинский	перевод
атмыш	алтмыш	шестьдесят
ипек	йүпек	шёлк
куче	коче	улица
юмрук	юмурдык	кулак
ялык	яглык	платок
койне	коне	старый
эгси	эсги	тряпка
гоншы	гөншы	сосед
супсе	супурге	веник
ховли	ховлы	двор
серхет	серхент	граница

Далее, при склонении в единственном числе личных местоимений — мен, сен (я, ты) в дательном падеже единственного числа — мене, сене вместо текинского — мана, сана.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Закаспийский край с древних времен до присоединения к России был ареной столкновения различных народов, которые вытесняли и поглощали друг друга. Культура края то развивалась, то уничтожалась. Территория расселения мурчали входила в область наиболее интенсивной политической и культурной жизни народов Средней Азии.

Работы Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции выяснили картину формирования древнейших культур эпохи камня и бронзы на территории Южного Туркменистана. Если культуры эти были в основном известны по археологическим раскопкам бугров Анау, проведённым экспедицией Помпелли, обнаружившей здесь ряд культур, начиная с неолита, то теперь, на основании изучения многочисленных памятников предгорья Копет-Дага (Яссы-депе, Кара-депе, Джейтун, Намазга-депе и др.) установлено, что в эпоху позднего неолита, энеолита и бронзы во всех подгорных оазисах Копет-Дага существовала высокоразвитая культура оседлых земледельцев.

К середине I тысячелетия до н. э. в областях Южного Туркменистана слагается рабовладельческий строй. Территории эти подвергались нашествию иноземных завоевателей — персидского царя Дария, Александра Македонского, Селевкидов. В III в. до н. э. местные народы сбросили иноземное иго. Во главе движения стояло племя парфов или парфян, которые и основали здесь парфянское государство. Главным городом парфян была первоначально Ниса (в 18 км от Ашхабада). Парфянское царство было развитым рабовладельческим государством. Оазис предгорьев Копет-Дага был в ту пору в цветущем состоянии. Здесь было развито земледелие, хлебопашество, виноградарство, в городах процветали ремёсла, развивалась собственная парфянская письменность и культура.

Неподалеку от аула Мурча есть остатки парфянского поселения Бакинын-депеси. На его холме и вокруг лежат фрагменты высококачественной керамики парфянского времени и видны многочисленные корчаги-хумы, служившие для хранения вина, зерна, муки.

В III в. н. э., с падением Аршакидов, вся область Хорасан входит в состав иранской державы Сасанидов. В IV—V вв. страна переживает сложный процесс кризиса рабовладельческой системы и начала сложения раннефеодальных отношений. Остатки раннефеодальной (VI—VII вв.) усадьбы лежат в основании Калы селения Мурча.

Согласно полученным археологическим материалам, вокруг мурчинской Калы слагается в VI—VII вв. феодальное селение, в котором основным занятием жителей оставалась та же сельскохозяйственная деятельность, развивавшаяся при изменившемся общественном базисе, в условиях новой антагонистической формации — феодальной.

Как и в других раннефеодальных поселениях Южного Туркменистана Кала эта, видимо, первоначально существовала как замок мелкопо-

местного дихкана. Примерно прямоугольная в плане, приподнятая на искусственной насыпной платформе, обведенная по периметру глинобитными стенами, она служила в дни осад той крепостцой, за стенами которой находили убежище подвластные сюзерену крестьяне; жилища их располагались вокруг укрепления.

Рис. 1. Остаток парфянского поселения Бакынын-депеси.

Функцию такой крепостцы мурчинская Кала сохраняла вплоть до русского завоевания, утратив её лишь с изменением общественного строя жизни туркмен. Характерно, что если в старину мурчинцы регулярно ремонтировали свою Калу, подновляли стены, заделывали бреши и проч., то в советское время, когда отпала надобность в обороне, Кала лишь мешает планировке колхозного селения, постепенно раскапывается, причём отсеянная земля её идет на активизацию почвы садов и огородов.

Культурные толщи мурчинской Калы достигают 5—6 м. На высоте трёх метров от подошвы сохранились ремонтные кладки стен из сырца размером 29×29×6 см и жженого кирпича 21×21×3 см, 22×22×3 см. Материал этот типичен для построек IX—X—XI вв., когда, очевидно, Кала использовалась уже как крепостца-рабат раскинувшегося вокруг нее средневекового селения.

Развалины средневекового населенного пункта у сел. Мурча находятся в области, главным городом которой в средневековьи был Языр (ныне городище Шэхр-Ислам). Название своё область получила от племени языр.

Период закрепления возглавлявших туркменский союз языров на территории Южной Туркмении хронологически, видимо, совпал с разграблением гузами в 50—60 гг. XII в. некоторых крупных городов Хорасана. Возможно при этом пострадали и менее значительные города, предгорьев Копет-Дага — Ферава и Так. Однако в целом период X—XII вв. был для городов рассматриваемого района временем интенсивного развития городской жизни — торговли, ремесла, строительной деятельности[18].

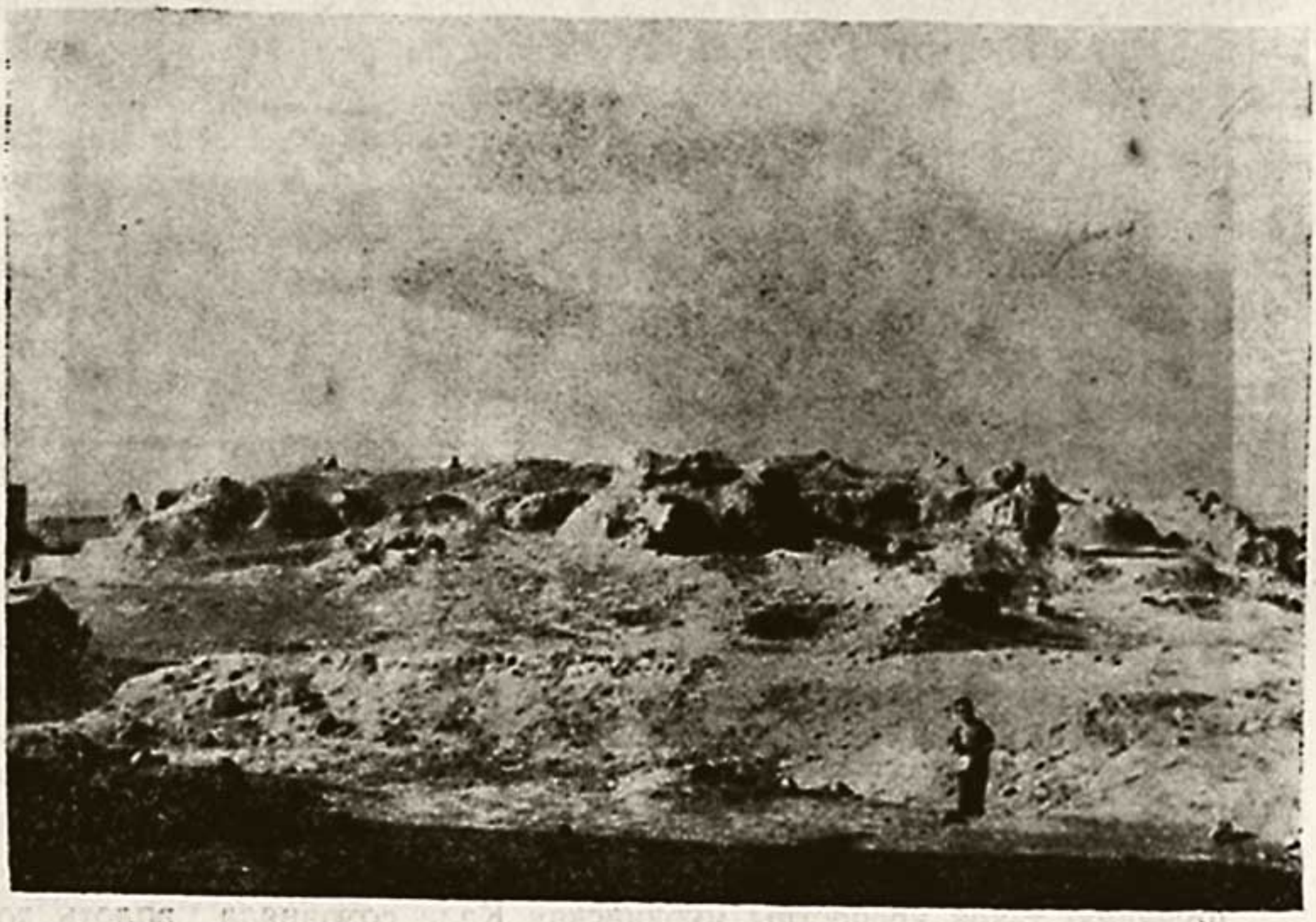

Рис. 2. Мурчинская крепость „Кала".

В. В. Бартольд в своём «Очерке по истории туркменского народа» привел ряд исторических фактов, относящихся частично к истории языров племени, в связи с его поселением в Хорасане, и отчасти к истории самого города Так-Языра и Дуруна и прилегающей к ним территории. Языр, как населённый пункт, впервые упоминается только авторами XIII в. в связи с описанием исторических событий того же XIII в. То обстоятельство, что в то время бытовали еще названия «Так» и «Так-Язырский» позволяет думать, что наименование Языр вошло в употребление, вероятно, в XII в. в связи с усилением язырского племени.

В начале 1161 г. огузы, соединившись с язырами, разбили Инака правителя Джурджана и Дахистана и его союзников и заняли Дахистан[19]. Затем огузы вернулись в Восточный Хорасан, а языры заняли города Ахала, в том числе Фераву и Шахристану[20].

Завоевание и заселение язырами предгорий Копет-Дага привело не только к сближению, но и к слиянию языров с местным населением и,

видимо, к созданию языровского государства, столицей которого стал город Языр (прежняя крепость Так). По имени его стала называться и вся область[21]. В этот период название города было уже перенесено на всю округу[22].

В XIII в. Языр составлял особое владение, где 11 лет правил Хинду-хан, устранивший от престола своего брата Омар-хана. Туркан-Хатун, мать хорезмшаха Мухаммеда после смерти Хинду-хана присоединила Языр к Хорезму, ссылаясь на брачное родство между последним ханом Языра и тем племенем, к которому принадлежала сама Туркан-Хатун[23].

Видимо у языров так же, как и у гузов, в конце XII в. создалась государственная организация, так как старые родоплеменные учреждения не могли обеспечить господства над многочисленным местным населением, лишь пережиточно сохранившим некоторые формы родоплеменной организации.

В период монгольского завоевания Хорасана Языр упоминается несколько раз. Взятие Языра в числе других второстепенных городов Хорасана было поручено отдельным монгольским отрядам. При вторичном наступлении монголов в 1280 г. Языр был среди городов, сдавшихся монголам частью добровольно, частью вынуждено[24].

Впервые селение Мурча упоминается в конце XV в. в сочинении историка Хафизи Абру, при перечислении местностей, входящих в области Абиверда, Нисы и Языра. Здесь, вместе с целым рядом населённых пунктов языровского округа, названо и селение Мурси (مرسی)[25]. Так как археологически установлено, что оно существовало еще в домонгольское время, можно думать, что тогда оно имело другое название.

В XIV в. после распадения монгольского государства в Иране, Языр попал во владение, образованное Аргун-шахом. Последний в это время завладел большей частью Хорасана[26]. В конце XIV в. вся территория северо-западного Хорасана, в том числе и области Нисы и Языра до пределов Дахистана принадлежала сыновьям Аргун-шаха — Эмиру-Мухаммед-беку и после него его брату Али-беку[27].

Тимур после длительной борьбы с последним представителем этой династии Али-беком в 1382 г. положил конец этому владению[28]. Значительная часть территории, в том числе и округ Языр, отошла после того к владетелю Мазандерана — Эмиру Вели.

В XV в. Языровский округ, в том числе Мурча, входил во владения Тимуридов. В начале XVI в. районы северного Хорасана от Мехне до Дуруна, согласно хивинским источникам, были подчинены узбеками Хорезма[29]. Это подтверждает также и Абуль-Гази[30].

Население Хорасана в тот период было смешанным. В эту пору упоминаются наименования многих туркменских племен (например — карадашлы, салыр, джелаиры, нохурли, эмрели и алили), в том числе и мурчали.

С конца XVI и начала XVII в. в Языровском округе увеличивается количество туркмен за счет алили, живших до того, по словам Абуль-Гази, на среднем Узбое и многочисленных туркмен сеинхани. Последние в XVI в. владели территорией Астрабадской провинции. Основным и ведущим племенем среди них были представители старого огузского

племени эмрели или эймуры; кроме них, в числе сеинхани входили гёклены, охлу (неизвестная группа) и салыры[31].

Периодом обитания этих племён, главным образом эмрели, в Ахале, видимо, надо считать время с 30-х годов XVII в. до захвата Ахала текинцами.

Согласно народному преданию, широко известному современным текинцам, непосредственными предшественниками последних в районах Дуруна и Бахардена были эмрели, мурчали, гёклен, карадашлы и алили.

Об истории завоевания Ахала текинцами существует несколько рассказов, записанных со слов знающих лиц в конце XIX в. Текинцы, согласно этим данным, начали своё наступательное движение в Ахал в период ослабления центральной власти в Иране при последних Сефевидах — в начале XVIII в. В 1717 г. текинцы заняли Кизыл-Арват, которым владели до этого иомуды. В дальнейшем Кизыл-Арват стал основным опорным пунктом текинцев в продвижении их по подгорной полосе Ахала. Действуя отсюда, текинцы заняли постепенно Бами, Беурме, Арчман[32].

Этих подробностей о завоевании текинцами Ахала в исторических письменных источниках нет, но хронологически они с последними не расходятся. Действительно, только со второго десятилетия XVIII в., в связи с событиями периода возвышения Надыр-шаха, текинцы, вместе с иомудами упоминаются в пределах Нисы и Дуруна[33]. До этого текинцы упоминались в Балханских горах уже начиная с XVI в.[34].

Согласно устному народному преданию, только после смерти Надыр-шаха, т. е. в середине XVIII в., началась интенсивная борьба текинцев за Ахал. Все города Ахала были в эту пору укреплены и имели постоянные военные гарнизоны. В районе Дуруна жил правитель Ахала — «персианин Искендер-хан». Заключив союз с племенем эмрели, обитавшим уже в Ахале, текинцы вступили в длительную борьбу за Ахал, которая продолжалась 13 лет. Туркмены взяли Дурун штурмом. Искендер-хан был убит. Иранские гарнизоны были вынуждены оставить постепенно все укрепления Ахала, которые перешли в руки туркмен. Однако ещё до окончательного изгнания иранцев из Ахала началась борьба между текинцами, эмрели и карадашлы. Наконец, эмрели и карадашлы были вытеснены текинцами из Ахала, не были тронуты лишь небольшие племена, которые обитали в горах; в числе их — мурчали и нохурли[35].

Народное предание гласит, что во времена дурунского правителя хана Искендера почти все мурчалинцы ушли в пределы Ирана из-за притеснений, чинимых им со стороны пришедшего в Дурун туркменского племени эмрели. В этот период мурчинцы посылают своих уполномоченных к вождю текинского племени Кеймир-Кёру, жившему тогда около гор Больших Балхан, с просьбой об оказании им помощи, дабы избавиться от эмрелинцев. Кеймир-Кёр посылает свои отряды на эмрелинцев; они, т. е. эмрелинцы не в силах были совладеть с текинцами и ушли через пески Кара-Кумы в сторону Хивы, после чего мурчинцы из Ирана вновь переселились на свои родные места.

С приходом в край текинцев положение мурчинцев не улучшилось. Недолго пришлось прожить им спокойно в Ахале. Текинцы то и дело

угоняли их скот, отбирали урожай. Мурчинцы снова были вынуждены бежать в горы и в Иран, где они поселились в местечке Порси Сув. До прихода в край текинцев и после того они несколько раз переходили то в Иран, то в Ахал. Если нажим был со стороны господствующего племени в Ахале, они бежали в Иран, а если со стороны персов, то в Ахал. Были случаи, когда они жили в нейтральных зонах, в горах между Ахалом и Ираном.

Несмотря на свою малочисленность мурчинцы, по-видимому, с давних времён хранили и хорошо осознавали своё племенное единство, не сливаясь с окружающей этнической средой. Ассимиляции препятствовали строго соблюдавшиеся даже до недавнего времени, эндогамные запреты — мурчинцы не выдавали своих девушек замуж в другие туркменские племена и не брали себе из них невест. Был случай, когда мурчинцы решили нарушить свой древний обычай и отдать замуж девушку-мурчинку одному влиятельному духовному лицу с целью уладить взаимоотношения с сильным туркменским племенем — текинцами. В дальнейшем они жили с текинцами мирно, лишь уплачивая им дань. Смешанных браков с иранцами не было.

До присоединения Закаспийского края к России мурчали из боязни своих многочисленных врагов (персов и сильного туркменского племени—теке) вынуждены были жить скученно в районе нынешнего аула Мурча под защитой упомянутой старинной крепости Кала.

С 1881 г. после присоединения Туркмении к Российской империи положение мелких туркменских племён, в том числе мурчали, совершенно изменилось и они стали жить в гораздо лучших условиях, чем раньше.

Вскоре после присоединения, вследствие особых местных условий, Закаспийская область, согласно приказу от 26 декабря 1890 г., была выделена из состава Кавказского военного округа. Был образован самостоятельный административный район, присоединенный к Туркестанскому генерал-губернаторству. Он был разделён на 5 уездов, среди них: Мангышлакский уезд и Красноводский с приставствами — Кара-кала, Чекишляр, Асхабад и Дурун. Таким образом, аул Мурча и Дэв-кала вошли в состав Дурунского приставства, а аул Дайна — Кара-калинского приставства[36].

При изучении вопроса о происхождении мурчали, с целью получения антропологической характеристики мурчинцев и выяснения их сходства или отличия от других туркменских племён, был привлечён антрополог, который принял участие в работе XXII отряда ЮТАКЭ. Весною 1953 г. антрополог САГУ—кандидат биологических наук В. Я. Зезенкова, совместно с автором данной работы, выехала в селение Мурча, где в течение 15 дней было обследовано 119 человек, из них 81 мужчина и 38 женщин.

Для антропологического обследования нами были выбраны и рекомендованы мурчинцы из следующих имеющихся подразделений: дабашы, эрвап, юзбашы, похлы, гечи, овшар, копек, боягчи. В двух случаях обнаружены (в поколении родителей) смешанные браки с текинками и один случай с персиянкой.

Предоставим слово антропологу В. Я. Зезенковой: «Весь собранный материал обработан методами вариационной статистики. Измерительные признаки, приведенные в табл. 1, а описательные признаки в табл. 2, даны в приложении.

По головному указателю мурчинцы являются типично долихо-мезоцефальной группой: средняя головного указателя мужчин — 76,46, при продольном диаметре — 194,07, и поперечном диаметре — 147,91; средняя головного указателя женщин—76,36, при продольном диаметре — 187,44 и поперечном диаметре — 141,48.

Рис. 3. Девочки-мурчинки.

У мурчинцев наблюдается обычай искусственного деформирования головы. Деформирование производится следующим образом: новорожденному младенцу одевается тюбетейка и, кроме этого, голова повязывается по способу, описанному Л. В. Ошаниным[37]. Тюбетейка не снимается и не меняется в течение продолжительного времени. Всё время растущая голова ребёнка находится (особенно часть головы, помещающаяся под тюбетейкой и платком) как бы в футляре. Взрослые тоже

носят очень тесные тюбетейки, оставляющие след на голове. Причем форма тюбетейки узкая и удлинённая, совершенно отличная от формы тюбетеек узбеков и таджиков.

Рис. 4. Женщина-мурчинка.

Рис. 5. Туркмен-мурчинец.

Рис. 6. Туркмен-мурчинец.

Рис. 7. Туркмен-мурчинец.

Женщины туго перетягивают голову платком, в результате чего граница волосяного покрова головы отклонена вверх назад и лоб кажется очень высоким. Благодаря такой перетяжке мы не имели возмож-

ности взять измерения высоты лица физиономической. У 27 из 38 обследованных женщин (т. е. 71.05%) головы были деформированы. В затылочной части головы у женщин были отмечены следы от повязок в 7 случаях из 38 (т. е. 18,42%). У мужчин следы от повязок отмечаются большею частью в затылочной и теменной областях (у 62 из 81 обследованных, т. е. 75,54%).

Для мурчинцев характерен очень узкий скуловой диаметр. У мужчин средняя скулового диаметра — 136,15, у женщин — 130,57. Высота лица морфологическая (от нижнего края бровей) относительно небольшая: у мужчин — 125,76, у женщин — 119,85. И мужчины и женщины мурчали являются типичными лептопрозопами: указатель лица морфологический у мужчин — 92,53, у женщин — 91,52.

Горизонтальный профиль лица средний или выдающийся (у мужчин M = 2,62; у женщин M = 2,34).

Плосколицых мы не встретили ни среди мужчин, ни среди женщин.

У большинства мурчинцев мужской группы отмечен сильно наклонный лоб (в 64,94%), в женской группе сильно наклонный лоб встречается реже (37,84%).

Поперечный профиль спинки носа у женщин средний (в 97,37%), у мужчин часто встречается выдающийся (в 46,91%). Положение боковых стенок носа в большинстве случаев средненаклонное (M=1,80 у мужчин и M=2,52 у женщин).

Для мужчин характерен обильный третичный волосяной покров (рост бороды 3,84).

Весьма важный диагностический признак — эпикантус — совершенно отсутствует у мужчин; в женской группе он отмечен в 7,89%. По нашим наблюдениям, этот признак вообще чаще встречается у женщин, чем у мужчин.

Подводя итоги, мы с уверенностью можем отнести мурчинцев к большой европеоидной расе. За европеоидность говорят скуловая ширина, суженный горизонтальный профиль лица, высота лица, выступающий нос с высоким переносьем, обильная растительность на лице, отсутствие эпикантуса у мужчин и крайне слабое его развитие у женщин.

Для определения положения мурчинцев в ряду других туркменских племён мы использовали материалы А. И. Ярхо, Л. В. Ошанина и наши[38].

Сравнение по количественным признакам показывает, что мурчинцы имеют более узкое и более низкое лицо, чем представители других туркменских племён (в мужских группах это ярко выражено, чего не наблюдается в женских группах, см. табл. 1 и 2).

В табл. 3 мы сравниваем мужскую группу мурчали с мужскими группами других туркменских племён.

В табл. 4 женщины-мурчали сравниваются с женщинами племён гёкленов и теке.

Как видно из табл. 3 и 4, мурчали являются наиболее европеоидными из всех туркменских племён. Эпикантус у мужчин (табл. 3) нами не отмечен ни разу, тогда как у других туркменских племён процент наличия эпикантуса колеблется от 5,2 (гёклены Кара-кала) до 24,6 (чау-

доры Хорезма). У женщин-мурчали (табл. 4) эпикантус отмечен гораздо реже (7,89%), чем у женщин-теке (27,0%) и гёкленок (20%). Средний балл горизонтального профиля лица выше у мужчин (табл. 3) и женщин (табл. 4), чем у других племён туркмен.

Рис. 8. Девушки-мурчинки.

Лишь у 19 исследованных мужчин удалось определить рост бороды, так как ныне широко распространен обычай брить бороду. У исследованных рост бороды более обильный, чем у других туркменских племён (табл. 4).

Остальные описательные признаки мурчали не выходят за пределы вариаций, характерных для других туркменских племён.

В населении Средней Азии Л. В. Ошаниным выделены две долихомезоцефальные европеоидные расы: закаспийская, характерная для туркмен, и хорасанская, характерная для персов и азербайджанцев. Хорасанская отличается от закаспийской переднеазиатскими чертами — более обильным волосяным покровом и арменоидной формой носа.

Для уточнения данных о племени мурчали, приводим сравнение их с представителями закаспийской расы — с туркменами различных племён и с представителями хорасанской расы — персами и азербайджанцами (табл. 5).

Как видно из этой таблицы, мурчинцы сходны с туркменами различных племён по следующим признакам: посадке глаз, общему профилю носа, головному указателю, продольному и поперечному диаметрам, высоте лица морфологической, морфологическому указателю лица. Но по некоторым признакам они близко стоят к представителям хорасан-

ской расы: по отсутствию эпикантуса, общему профилю спинки носа, высоте переносья, развитию бороды, скуловому диаметру, по носовому указателю и росту.

Таким образом, среди мурчали, как и среди других туркменских племён, преобладает долихо-мезоцефальный закаспийский европеоидный тип. Но среди них отмечается значительная примесь того комплекса, который характерен для долихоцефальной хорасанской расы.

В противоположность другим туркменским племенам, у мурчинцев не отмечается никакой примеси монголоидных признаков.

Таблица 1

Измерительные признаки у туркмен-мурчали

		N	M ± m(M)	σ ± m(σ)	C ± m(C)
Продольный диаметр головы	муж.	80	194,07 ± 0,66	5,94 ± 0,46	3,06 ± 0,24
	жен.	38	187,44 ± 0,75	4,65 ± 0,53	2,48 ± 0,28
Поперечный диаметр головы	муж.	81	147,91 ± 0,56	5,01 ± 0,39	3,11 ± 0,24
	жен.	38	141,48 ± 0,67	4,14 ± 0,47	2,92 ± 0,33
Головной указатель	муж.	80	76,46 ± 0,29	2,56 ± 0,20	3,34 ± 0,26
	жен.	38	76,86 ± 0,44	2,74 ± 0,31	3,57 ± 0,41
Скуловой диаметр	муж.	81	136,15 ± 0,56	5,07 ± 0,40	3,72 ± 0,29
	жен.	37	130,57 ± 0,68	4,17 ± 0,48	3,18 ± 0,37
Высота лица морфологическая	муж.	80	125,76 ± 0,77	6,86 ± 0,54	5,33 ± 0,42
	жен.	37	119,85 ± 1,02	6,24 ± 0,72	5,20 ± 0,60
Высота лица физиономическая	муж.	75	177,91 ± 1,12	9,75 ± 0,79	5,48 ± 0,45
	жен.	—	—	—	—
Указатель лица морфологический	муж.	80	92,53 ± 0,61	5,46 ± 0,43	5,91 ± 0,47
	жен.	36	91,52 ± 0,66	4,02 ± 0,47	4,39 ± 0,52
Наименьший лобный диаметр	муж.	80	105,72 ± 0,48	4,29 ± 0,34	4,05 ± 0,32
	жен.	37	103,71 ± 0,62	3,81 ± 0,44	3,67 ± 0,42
Ширина нижней челюсти	муж.	80	105,82 ± 0,62	5,61 ± 0,44	5,38 ± 0,42
	жен.	37	97,72 ± 1,06	6,45 ± 0,75	6,61 ± 0,77
Длина носа	муж.	81	55,98 ± 0,44	3,96 ± 0,31	6,86 ± 0,55
	жен.	37	52,46 ± 0,73	4,44 ± 0,51	8,45 ± 0,98
Ширина носа	муж.	81	37,38 ± 0,44	3,99 ± 0,31	10,67 ± 0,84
	жен.	37	33,72 ± 0,43	2,66 ± 0,30	7,88 ± 0,92
Носовой указатель	муж.	80	66,86 ± 0,67	6,03 ± 0,48	9,02 ± 0,71
	жен.	38	65,33 ± 0,99	6,15 ± 0,70	9,41 ± 1,07
Высота верхней губы	муж	80	16,62 ± 0,30	2,74 ± 0,21	16,48 ± 1,30
	жен.	36	15,56 ± 0,40	2,42 ± 0,28	16,18 ± 1,90
Рост	муж.	70	164,56 ± 0,64	5,36 ± 0,45	3,25 ± 0,28
	жен.	32	153,00 ± 1,03	5,84 ± 0,73	3,81 ± 0,48

Таблица 2

Описательные признаки туркмен Мурчали

		Баллы в процентах						
	Пол		M	I	II	III		
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Цвет глаз	муж.	81	1,06	93,83	6,17	—		
I темный (1—5)	жен.	38	1,07	92,11	7,89	—		
II смешанный (6—10)								
III светлый (11—16)							IV	V

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Рост бороды I—V	муж.	19	3,84	—	—	15,79	84,21	
Рост бровей	муж.	80	2.57	—	42,50	57,50		
	жен.	35	2,08	5,71	80,00	14,29		
Наклон лба	муж.	77	1,38	64,94	31,16	3,90		
I сильный	жен.	37	1,78	37,84	48,65	13,51		
II средний								
III прямой							IV	
Развитие надбровья								
I гр.	муж.	81	1.85	24,69	65,43	9,88	—	
II гр.	жен.	38	1.18	81,58	18,42	—	—	
III гр.								
IV гр.								
Вертикальный профиль лица								
I прямой	муж.	81	1,40	60,50	38,27	1,23		
II ср. выступ.	жен.	38	1,21	78,95	21,05	—		
III сильно выступ.								
Горизонтальный профиль лица								
I плоский	муж.	81	2,62	—	37,04	62,96		
II средний	жен.	38	2 34	—	65,79	34,21		
III выдающийся								
Высота переносья								
I низкое	муж.	81	2,66	—	33,33	66,67		
II среднее	жен.	38	2,52	—	47,37	52,63		
III высокое								
Высота крыльев носа								
I низкие	муж.	81	1,67	38,27	56,79	4,91		
II средние	жен.	37	1,43	56,76	43,24	—		
III высокие								
Поперечный профиль носа								
I плоский	муж.	81	2,46	—	53,09	46,91		
II средний	жен.	38	2,02	—	97,37	2,63		
III выдающийся								
Общий профиль носа								
I вогнутый	муж	81	2,22	—	77,78	22,22		
II прямой и извил.	жен.	38	1,97	5,26	92,11	2,63		
III выпуклый								
Положен. боковых стенок носа								
I сагиттальное	муж.	81	1,80	19,75	80,25	—		
II наклонное	жен.	37	1,99	2,70	90,30	—		
III уплощенное								
Высота верхней губы								
I низкая	муж.	79	1,79	30,38	60,76	8,86		
II средняя	жен.	38	1,97	10,53	81,58	7,99		
III высокая								
Посадка глаз								
I глубокая	муж.	81	1,93	6,17	93,83	—		
II средняя	жен.	38	1,92	7,89	92,11	—		
III выпуклая								
			% %					
Наличие эпикантуса в процентах	муж.	81	—					
	жен.	38	7,89					

ГЛАВА II

СВЕДЕНИЯ О ХОЗЯЙСТВЕ МУРЧИНЦЕВ

ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ

Территория, занимаемая мурчинцами, небольшая и по природным условиям делится на две части.

Мурчинцы, как уже сказано, в основном занимают три селения — Мурча, Дэв-кала и Дайна. Из них основные селения — Мурча и Дэв-

кала расположены при Копетдагской равнине, параллельно линии ныне существующей железной дороги: селение Мурча на расстоянии 4 км к западу от железнодорожной станции Бахарден, а Дэв-кала — на расстоянии 20 км к востоку от нее.

Только одно поселение Дайна, образовавшееся в 1897 г. за счет отделившихся, вследствие земельной тесноты, 17 семейств из аула Мурча[39], расположено в горной полосе на стыке границы с Ираном. Дайна лежит на значительной высоте над уровнем моря—1400—1500 м. Исходя из этого, территорию расселения мурчинцев можно разделить по климатическому районированию на два района[40].

Первый из них — аул Дайна расположен непосредственно на массиве Копет-Дага на высоте 1300 м над уровнем моря. Район горностепной, развито богарное земледелие, садоводство и овощеводство.

Ко второму району относятся селения Мурча и Дэв-кала, расположенные в подгорной полосе на высоте 400—100 м над уровнем моря. По климатическим признакам он относится к полупустынным, во многом сходен с пустынями Кара-Кум, но из-за соседства с Копет-Дагом температура несколько мягче. Средняя годовая температура этого района варьируется в пределах от 15 и 16,5°[41]. Количество осадков здесь незначительно и не обеспечивает устойчивых урожаев при неорошаемом земледелии. По всей Средней Азии и, в частности, в Туркмении, для всей жизни населения огромное значение имеет вода, орошение. Территория, занимаемая мурчинцами, благоприятствует оседлой земледельческой жизни.

Селение Дайна расположено на речке Верхний Сумбар, причем самое первое поселение на верхней точке у этой реки питается ее водой. Помимо этого, имеется несколько ручейков, которыми пользуются жители Дайна без всякой потери для орошения своих садов и огородов в летние месяцы.

На горной поверхности почва рыхлая, богата перегноем, где в основном высевают зерновые культуры (пшеница, ячмень), а в самой долине р. Сумбар почвы темно-каштановые, отличаются прекрасным урожаем картофеля, табака, кукурузы, лука и др.

На горном склоне, где расположено селение Дайна, встречается много видов древесной растительности: арчи, керкав[42], дикой груши и других пород низкорослых деревьев. В ущельях растительность богата и разнообразна, имеются заросли инжира, винограда, грецкого ореха, груши, лоха, джидда (игде), ежевики и много видов кустарников. У источников, по берегам ручьев, в долине Дайна, произрастают различные виды камыша, тополь, тутовые деревья; из них камыш и тополь населением употребляются в качестве строительного материала и топлива, а тутовые деревья для выкормки шелкопряда.

Долина, в которой расположена Дайна, богата растительностью; все плодоносящие деревья — абрикосы, груши, инжир, игде, слива, алча, вишня и др. тщательно обработаны и культивированы.

Таблица 3

Сравнение туркмен Мурчали с другими туркменскими племенами. Мужские группы

Родоплеменные группы Племена	Год и место исследования	Исследователь		Описательные признаки: наличие эпикантуса	цвет глаз	посадка глаз	общий профиль спинки носа	высота переносья	положение боковых стенок носа	высота крыльев носа	поперечный профиль спинки носа	рост бороды	рост бровей	наклон лба	горизонтальный профиль лица	Измерительные признаки: продольный диаметр головы	поперечный диаметр головы	головной указатель	скуловой диаметр	ширина нижней челюсти	наименьший лобный	морфологическая высота лица	морфологический указатель лица	носовой указатель	рост
Мурчали	1952, Бахарденский район	Зезенкова В. Я.	M	0,0	1,06	1,93	2,22	2,66	1,80	1,67	2,46	3,84	2,57	1,38	2,62	191,07	147,91	76,46	136	107	106	126	93		164,56
			N	81	81	81	81	81	81	81	81	59	80	77	81	80	80	80	81	80	80	80	80	80	70
Теке	1929, Мары	Ошанин Л. В.	M	19,0	1,01	1,91	2,11	2,26	2,01	2,25	—	3,23	—	1,89	1,69	194	147	74,46	139	110	109	126	90	65	169,66
			N	200	193	185	203	200	192	200	—	116	—	191	200	200	200	200	200	194	200	200	200	190	200
Теке	1936, Кара-Кумы	Елистратов И. Н., Шмаков А. А.	M	6,8	1,02	—	2,02	2,13	—	—	—	2,17	—	2,10	—	193,2	148,0	76,3	141	111	107	130	92	60,5	170
			N	165	159	—	165	165	—	—	—	100	—	165	—	165	165	165	165	165	165	165	165	165	165
Иомуды	1936, Кара-Кумы	Елистратов И. Н., Шмаков А. А.	M	7,3	—	—	2,18	2,13	—	—	—	2,31	—	2,04	—	195,6	148,9	76,2	141	111	106	132	94	60,8	169
			N	43	—	—	43	43	—	—	—	32	—	43	—	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43
Иомуды	1929, район Казанджика	Ошанин Л. В.	M	16,0	1,12	1,85	2,25	2,15	2,01	—	—	2,68	—	—	1,71	194	149	76,9	140	108	110	127	90	63,7	168
			N	150	—	—	—	—	—	—	—	108	—	—	—	150	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Иомуды	1931, Хорезм	Ярхо А. И.	M	6,6	1,65	—	2,21	2,17	—	1,99	2,44	3,38	2,03	2,03	2,14	194,25	145,70	75,16	138	108	105	139	94	67,65	166,37
			N	105	107	—	107	107	—	105	107	79	106	107	107	107	107	107	106	105	105	105	106	107	105
Чаудор	1931, Хорезм	Ярхо А. И.	M	24,6	1,79	—	2,12	1,77	—	1,96	2,15	2,49	1,73	2,01	1,77	193,16	149	77,24	142	111	107	134	94	68,99	166,42
			N	199	200	—	198	198	—	198	198	151	198	200	200	200	200	200	200	200	203	200	200	199	198
Гёклены	1929, Кара-кала	Ошанин Л. В.	M	5,2	1,11	2,01	2,26	2,23	2,00	—	—	2,77	—	—	1,77	193	147	75,8	138	108	109	127	92,3	61,5	168
			N	155	155	155	155	155	155	—	—	126	—	—	155	155	155	155	155	155	155	155	155	155	155

Таблица 4

Сравнение туркмен Мурчали с другими туркменскими племенами. Женская группа

Родоплеменные группы	Год и место исследования	Исследователь		Описательные признаки: наличие эпикантуса	цвет глаз	посадка глаз	общий профиль спинки носа	высота переносья	положение боковых стенок носа	высота крыльев носа	горизонтальный профиль лица	Измерительные признаки: продольный диаметр головы	поперечный диаметр головы	головной указатель	скуловой диаметр	морфологическая высота лица	морфологический указатель лица	носовой указатель	рост
Мурчали	1952, Бахарденский район	Зезенкова В. Я.	M	7,89	1,07	1,92	1,97	2,52	1,99	1,43	2,34	187,44	141,48	76,36	130,57	119,85	31,52	65,33	153
			N	38	38	38	38	38	37	37	38	38	38	38	37	37	36	38	32
Теке	1929, Район Мары	Ясевич	M	27,60	1,04	2,00	1,89	2,01	2,02	1,91	1,80	182	139,00	74,5	128,00	112,00	—	—	156
			N	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	98	—	—	98
Гёклены	1929, Район Кара-Кала	Ясевич	M	20,00	1,02	2,04	1,90	2,02	2,05	2,02	1,76	182,00	141,00	77,4	128,00	115,00	92,7	61,4	154
			N	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	96	97	100	98

Таблица 5

Сравнение туркмен Мурчали с представителями закаспийской и хорасанской рас

Антропологические типы	Родоплеменные группы, народы	Год и место исследования	Исследователь		Описательные признаки: наличие эпикантуса	посадка глаз	общий профиль спинки носа	высота переносья	положение боковых стенок носа	высота крыльев носа	горизонтальный профиль лица	развитие бороды	Измерительные признаки: продольный диаметр головы	поперечный диаметр головы	головной указатель	скуловой диаметр	высота лица морфологическая	указатель морфологический	носовой указатель	рост
Представители закаспийской расы	туркмены различных родов	Разные районы*) 1929—1952 гг.		M	9,3	1,93	2,15	2,11	2,01	2,12	1,79	2,93	192	147	75,8	140	129	92,3	62,4	168
				Mmin	5,2	1,85	2,00	1,77	2,03	1,96	1,69	2,49	192	146	74,4	138	126	90,7	60,4	166
				Mmax	24,6	2,01	2,26	2,26	2,01	2,25	2,14	3,38	196	149	77,2	142	133	94,6	64,8	170
				N	1020	505	1020	1020	505	820	812	480	1120	1120	1122	1020	1020	1020	812	020
	мурчали	Бахарденский район 1952 г.	Зезенкова В. Я.	M	0,0	1,93	2,22	2,26	1,80	1,67	2,62	3,81	194	148	76,5	131	126	92,3	66,8	165
				N	81	81	81	81	81	81	81	19	80	80	80	81	80	81	80	70
Представители хорасанской расы	азербайджанцы	Район Тавриза, 1929 г.	Ошанин Л. В.	M	1,9	1,86	2,25	2,40	1,90	2,03	2,30	3,70	194	146	74,8	137	125	91,9	65,4	166
				N	53	53	53	53	53	53	53	40	53	53	53	51	53	53	53	53
	персы	Хорасан, 1929 г.	Ошанин Л. В.	M	0,0	1,72	2,24	2,50	2,00	2,52	2,14	3,64	191	143	74,6	136	122	91,5	66,4	164
				N	56	56	56	56	56	56	56	56	45	56	56	56	56	56	56	56

*) Данные различных исследователей, суммированные Л. В. Ошанины (7)

По горным склонам у селения Дайна—многочисленные кустарники и полынь. Имеются прекрасные высокогорные пастбища, как, например, Еллигая — что означает ветряная скала, на этой возвышенности громадная прекрасная равнина покрыта почти все лето зеленой травой, куда в летнее время сгоняются колхозные стада.

В окрестностях и предгорной полосе селений Мурча и Дэв-кала растительный покров незначительный. Здесь произрастают — чайыр (кустарник из семейства злаков, с узкими и сочными листьями, растет на глинистой и песчано-глинистой почве, в свежем виде и в виде сена даёт превосходный корм для овец, охотно поедаемый лошадьми и рогатым скотом), кызган (колючий куст с листьями, имеющими ланцетовидную форму; колючие иглы его короче чем у верблюжьей колючки, но гуще насажены; идет в пищу только верблюдам), чопан телпек—в переводе «пастушья шапка», встречается всюду, вперемежку с маком и служит пищей баранам; сельме двух видов — ак-сельме и гара-сельме (сочная, многолистная трава, светло-желто-зеленого цвета, растет на песчано-глинистой почве, чаще близ воды, поедается охотно всякого рода скотом). Весною ак и гара-сельме идет в пищу, в рацион людей (об этом подробно будет описано в другом разделе. Род злака, названный так вследствие сходства своего с ячменем — «арпа», растущий на глинистой почве; корек (кустарниковая трава, не выше 1,5—2 см сочная и зеленая, растет на глинистой почве, преимущественно в водосборных местах, т. е. в оврагах и ямах, отличный корм для скота); гюлалек (мак) — общеизвестное растение с красным цветком (растет на глинистой почве и ранней весною покрывает ковром громадные пространства вокруг селения и всю равнину у подножья Копет-Дага); гыртыч (из породы злаковых, небольшого роста и выше 20—25 см, желто-зеленого цвета с кисточкой наверху, растет на глинистой почве, охотно поедается всякого рода скотом как в свежем виде, так и в виде сена, в дождливые весны обильно растет на всей целинной равнине Туркменистана, косится для сена). Койджерик и ярмалык (обе травки растут на глинистой почве и достигают высоты в 4 вершка, кустятся на земле и имеют водянистые красивые веточки и листья, похожие на листья клевера — «ерунжа»). Второе растение — мята отличается от первого тем, что его ствол, ветви и листья покрыты пушком и самые веточки несколько толще. Обе травки служат отличным кормом для скота, а мята применяется как лекарство.

В окрестностях селения и у подножья Копет-Дага обильно растет полынь. Благодаря сильным ветрам и суховеям многие травы выгорают к концу мая, а некоторые к началу этого месяца.

При условии искусственного орошения земли у селений Мурча и Дэв-кала дают прекрасные урожаи винограда, персиков, абрикосов, слив, вишен, гранатов, яблок и других плодов. По всем магистральным арыкам, вокруг усадьбы и клеверника посажены тутовые деревья (шелковица), как бы образуя защитные полосы от суховеев. Очень развиты тутовые плантации — тут-бакджа, т. к. мурчинцы издавна занимаются шелководством и шелкоткачеством.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Жители селения Мурча — народ исключительно земледельческий. Для племени мурчали, как для каждого туркмена, очень важным жизненным фактором служила вода. Недаром в народе издавна ходит такая поговорка: «Ниреде сув ол ерде дурмуш». «Где вода—там жизнь»). Мурчинцы с незапамятных времён пользуются водой кяризов. В селении Мурча функционировали четыре кяриза. Кяризы эти, по рассказам стариков, сооружены самими мурчинскими мастерами, т. е. их предками. Во все времена существования кяризы систематически ремонтировались и поддерживались. По словам стариков-мурчинцев, когда вследствие обвала кяризных галлерей совершенно прекращалась подача воды, каждый раз, с затратой больших сил, они восстанавливались.

Скотоводства мурчали совершенно не знают, поэтому мелкого скота они не имели и не умеют ухаживать за ним. В этом отношении достаточно указать, что даже в настоящее время, когда колхоз селения Мурча, согласно существующему положению, должен держать скот, колхозники предпочитают нанимать посторонних лиц из чужих племён для ухода за ним.

Мурчинцы — оседлые земледельцы. Земледелие в жизни мурчинцев издавна играет основную роль, поэтому по сей день старики мурчинцы по традиции отмечают как торжественное событие начало каждого полевого сезона. Накануне полевого сезона обращаются к отдельным опытным земледельцам за советом для точного выяснения дня начала работы, выбора участка земли, сроков обработки и дня начала посева. Опытные земледельцы—старики, наряду с полезными советами, часто напоминают о божественном происхождении земледелия. По преданию, первый плуг якобы был сделан из райского дерева туби (туби агач) архангелом Гавриилом, который, проведя первые несколько борозд сам, передал его в руки первого человека Адама; таким образом земледелие у мурчинцев считается самым благородным делом. Придавая огромное значение земледелию, вспоминают народные поговорки и загадки, связанные с земледелием. Так, например: «Ерден бир оглан чыкар улы илин солтаны», т. е. «Из земли выйдет парень, который станет султаном всей вселенной» (зерно).

Климатические и почвенные условия Южного Туркменистана подгорных равнин Ахальского оазиса очень благоприятны для сельского хозяйства; непродолжительная и мягкая зима, обилие солнца и тепла, при сухости воздуха — всё это превосходные качества для произрастания многих растений, поэтому земледелие в Ахальском оазисе, как показано выше, имеет очень древнее происхождение.

Несмотря на древность традиций и знакомство предков туркмен с земледелием, в XVIII и начале XIX вв., в силу ряда исторических причин, приведших к резкому упадку экономики края, в Ахальском оазисе оно не имело большого значения. Только после окончательного оседания текинцев в Ахальском оазисе и с присоединением Туркмении к Российской империи, были прекращены аламанство (военные набеги) и междуплеменные войны, после чего туркмены начали спокойно зани-

маться земледелием. В результате были произведены ирригационные работы и расширены посевные площади. Но у коренных оседлых туркменских племен, обитавших до прихода текинцев в оазис, к числу которых принадлежат мурчали, земледелие и раньше играло основную роль в их жизни. Родственные мурчинцам племена — нохурли, алили, эмрели, обитавшие до текинцев в Ахальском оазисе, также были земледельцами.

Скотоводства мурчинцы не знают и никогда им не занимались. В земледелии же мурчинцев главное место занимало полеводство, затем виноградарство, садоводство, а в советское время усилилось значение огородничества, продукты которого имеют большой спрос во вновь развившихся промышленных городах — Небит-Даге, Красноводске и др.

Мурчинские земли, как рассказывают старики-мурчинцы, издавна делятся на поливные — сувлы и богарные — думе.

Богарные посевы производятся на неорошаемых землях, в расчете на запас зимней влаги в почве и на выпадение дождей весной. В условиях Туркменистана богарные поля расположены на более прохладных предгорьях, на плодородной почве. На богарных полях, как правило, сеются яровые, быстро созревающие злаки, как например: пшеница, ячмень, успевающие закончить свой цикл развития до наступления летней жары. Под богарные посевы мурчинцы издавна используют высокогорную равнину в местности Хыс, занимающую площадь около 30 км² на высоте 1300—1400 м над уровнем моря. Этот район расположен в 30 км к юго-западу от сел. Мурча. Здесь весной выпадает достаточное количество осадков для вызревания засеваемых злаков. Богарными землями мурчинцы пользовались на правах санашика[43]. Земля эта ежегодно распределялась по жребию.

Поливные земли орошаются водою мурчинских кяризов (Куня-кяриз, Тэзе-кяриз, Джанабад), берущих начало у выхода Арвазского ущелья в оазис. Ввиду обилия воды в кяризах, хауданов (водоёмов) не требуется, так как вся вода идет непосредственно на земли мурчинцев.

Согласно издавна существующему обычному праву, распределение воды чередуется между жителями в 14 суток раз и каждый пользуется определенной долей воды на правах мюлька[44]. Всякий владеет своей долей воды без всяких изменений.

Заброшенными кяризами в настоящее время считаются Яка-тут и Чешме Дост-Багы. Все заботы и расходы по исправному содержанию мурчинских кяризов — Куня-кяриз, Тэзе-кяриз (Джанабат), Мелеви и Ахран лежали на водовладельцах, пропорционально доле каждого. Вследствие тяжелых, неумелых примитивных приемов работы случались аварии; так при очистке Куня-кяриза в 1910 г. произошел обвал, в результате чего погибло 4 человека.

Племя мурчали издавна орошает земли своими кяризами. Из них самым древним и непрерывно действующим является старый кяриз — Куне-Мурче-кяризи, берущий начало у выхода Арвазского ущелья. Текинцы, так же как затем и русские, застали при завоевании Ахала этот кяриз функционирующим. По словам чиновника особых поручений при начальнике Закаспийской области Я. Таирова, мурчинский кяриз состоял

из основной и трех боковых веток, из которых каждая имела по 30 колодцев, не вполне законченных. Как рассказывают старики-мурчинцы, разработка кяриза Куня-Мурче-кяризи была закончена до прихода в край туркменского племени теке, но когда под нажимом более сильных племен мурчинцы покидали аул, кяризы приходили в негодность, т. к. они требуют постоянного наблюдения. Поэтому и в советское время кяризы обслуживаются особыми бригадами кяризных мастеров (кяриз бригадасы), постоянно работающих в кяризе.

По данным Я. Таирова, кяриз Куне-Мурча в его время давал 36 литров воды в секунду[45], и им пользовались мурчинцы на правах мюлькие, по расчету 14 серкаров, по 4 су каждый, засевая на серкар около 40 пудов зерна. В советское время, благодаря применению техники ухода за кяризным строительством, мурчинскими кяризами орошается земля колхоза им. Жданова, площадью до 300 га; теперь, вследствие усовершенствованных способов ухода за кяризами, воды стало в 3,5 раза больше, чем до Великой Октябрьской социалистической революции.

Второй кяриз Тазе-Мурча или Джанабад (Я. Таиров называет его Джеген абад) начал восстанавливаться мурчинцами с конца 80-х годов прошлого столетия. По данным Я. Таирова, этот кяриз давал 13 литров воды в секунду, распределяя при орошении воду на 20 серкаров по 8 су в каждом[46]. На серкар засевали в среднем около 8 пудов зерна и этой водой пользовались жители Мурча на правах мюлькие. Кяриз этот функционирует и сейчас.

Третий кяриз Мелеви; старики считают правильным произношением Мал-аби — «вода для скота». Разработка этого кяриза начата, по рассказам стариков-мурчинцев и по данным Таирова, примерно, в 60-х годах XIX в.; всего он имеет 32 колодца. Количество воды равнялось 3 литрам в секунду. Вследствие малого количества воды в кяризе для орошения воду собирают в большой водоём — хаудан, причем один хаудан составляет 1 серкар, всего же считается 8 серкар; на каждый серкар засевали примерно 14 пудов зерна. Земля, орошаемая из этого кяриза, лежит у подножия гор и границы, отделяющей её от земли кяриза Ахран. Земля эта не была распределена, ею пользовались на праве санашик.

Четвертый кяриз Ахран принадлежал на правах мюлькие проживающим в ауле Мурча представителям духовенства — шихцам — Алла-Назару Захир шиху, Ата-ших Алла Назарову. Разработка этого кяриза начата, по словам стариков, еще до взятия русскими Геок-тепе. Количество воды находится в зависимости от осадков. По данным Я. Таирова, в 1902 г. оно равнялось 3 литрам воды в секуду, ввиду малого количества воды заполнялся хаудан, запас воды позволял наполнять хаудан два раза в сутки. Земля, орошаемая кяризом Ахран, хотя ее и было достаточно, была непригодна для распашки, так как в ней было много камней. Теперь кяризы Мелеви и Ахран, а также Куне-кяриз и Джанабад принадлежат колхозу имени Жданова с/с Мурча, где, применяя высокую агротехнику, выращивают разнообразные сельскохозяйственные культуры.

По данным Я. Таирова, за несколько лет до взятия русскими Геоктепе начата была разработка древних мурчинских маловодных кяризов, Ахран, и немного позже кяриза Малаби (Мелеви). Это очень старый кяриз. По словам кяризного мастера Мамедова и старика Оразмурадова, он был очень маловодным; сначала он принадлежал мурчинцу Аширову, продавшему его в царское время бахарденцу Аман-муллы, который при помощи мурчинских кяризных мастеров в 1913 г. углубил и начал бетонировать галлерею. В отношении этого кяриза в своём отчёте М. П. Иваницын[47] писал: «...как и когда сооружен кяриз Муалей— установить не удалось». Быть может М. П. Иваницын относил эти слова не к восстановлению кяриза, а времени его действительного возникновения.

На орошаемых водой кяриза землях, отведенных под посевы «ак». мурчинцы применяли трехпольную систему, пользуясь землей на правах санашик; все же участки, занятые под посевы «гок» и огородные культуры находились в мюльковом владении; здесь установилась двухпольная система.

По данным Я. Таирова, всего на 14 серкарах мурчинцы прежде сеяли 560 батманов (пудов) пшеницы.

Практикуя трехпольный севооборот, мурчинцы разделяли свои полевые земли на три полосы и распахивали каждую через два года на третий; перед каждой распашкой они делили очередную пашню на 14 участков и назначали каждый из них, по жребию, под распашку пайщикам каждого серкара. Перед каждою распашкою гок-экин первоочередному серкарству представлялась лишняя суточная очередь су. После получения по жребию пахотных участков начинали поливку с верхнего участка и, чередуясь посуточно, очередь переходила от одного участка к другому в порядке их расположения, сверху вниз по течению воды: в таком порядке вся вода оборачивалась между всеми участками в 14 суток раз.

Вследствие 14-суточного очередного оборота орошения земли в каждом серкарстве производили распашку в 4 тахта. «Тахт»—означает полить землю, привести её в готовность для сева, земля, содержащая нужную влагу к севу. На каждый тахт использовали по келеме (полусуточная доля воды); засевая по 5 батманов («батман»—мера веса в 53 фунта), а на 4 тахтах—20 батманов пшеницы, всего же 14 серкаров или 28 келеме сеяли 560 батманов (пудов) пшеницы[48]. По числу 14-суточных очередей вода мурчинского кяриза делилась на серкары, серкар же на 2 келеме или 4 очередные доли су; следовательно, вся вода делилась на 56 су, состоящих в пользовании отдельных семейств.

Как уже упоминалось, мурчинцы обрабатываемую поливную землю делят на «ак-ери» (зерновое или полевое) и «гёк-ери» (поле для овощных — огородных культур).

Полевая земля, находящаяся вдали от дома, предназначена под посев весьма разнообразных зерновых культур, как например, пшеницы, ячменя и др. А огородные (гёк-ери) земли находятся непосредственно вблизи от дома, в большинстве случаев обнесены глинобитной стеной

(хаят дувал) и засеваются овощами, дынями или засаживается плодовыми деревьями.

Наиболее распространенными зерновыми культурами были пшеница (бугдай), ячмень (арпа), кунжут (кунжи), джугара, сорго (акджовен), кукуруза (меккеджевен), просо (дары). Кроме зерновых, мурчинцы огромное внимание уделяли посеву хлопчатника и люцерны, а из огородных культур выращивали дыни, арбузы, моркозь, свеклу, картофель, фасоль, горох.

Рис. 9. Соха-азал.

Посевы озимых зерновых (ак экин) — пшеницы, ячменя, производятся примерно в сентябре, а яровых «язлык экини»—в феврале—марте. К овощным огородным (гёк экин) посевам приступают в марте.

Приемы и способы обработки земли до Великой Октябрьской социалистической революции, как и во всей Туркмении, у племени мурчали оставались весьма несовершенными. Посевы зерновых (пшеница, ячмень) производились так: на всех поливных землях каждый по очереди заливал водой свой участок земли, а через 3—4 дня, когда насыщенная влагой почва немного подсыхала, приступали к посеву. Сеяли вручную, зерно подвозили к месту посева в мешках. Затем отсыпали в специальные мешочки — торбы емкостью около 5 кг. Подвешивали их на шее и шагая по полю на ходу разбрасывали зерно рукой. После этого по участку проходили сохой, а затем бороной, чтобы сгладить по-

верхность земли. В период роста зерновых обычно успевали поливать три-четыре раза.

Обработка земли производилась обыкновенно лично её владельцами, но, как правило, при выходе на полевые работы по севу зерновых, чтобы быстро и в короткий установленный срок засеять участки, слабосильные хозяева при недостаточном инвентаре и рабочем скоте соединялись вместе, образуя кош (запряжку для обработки земли). Говори-

Рис. 10. Процесс пахоты азалом.

ли при этом так: «Мы завтра тремя кошами выйдем на поле» — «Биз эртир уч кош болуп мейдана чыкарс». А состоятельные хозяева на это время, а также на время жатвы нанимали посторонних дайхан, пользуясь наёмным трудом, который оплачивали зерном.

Самым характерным земледельческим орудием у племени мурчали, как и везде в Средней Азии, служил так называемый азал—деревянная соха без отвала, с чугунным или железным лемехом, взрывающая землю на глубину 30—40 см, но не переворачивающая пласты. Азал состоит из трех частей: из стального лемеха, деревянной части—куне, куда надевается этот лемех, ок-дышла и дессе—рукоятки. Широко применялся кетмень (кэтмен)—род мотыги с полукруглым лезвием, и, наконец, у мурчинцев широко использовалась овальная совковая лопата.

Пахали азалом при помощи пары быков, лошадей или верблюдов. Для упряжки применялось деревянное ярмо (боюн — турук), на краях которого, на расстоянии около 40—50 см один от другого, было вставлено по два колышка (гулак чопи). К их концам привязывалась овчунтасма, сделанная для прочности из сыромятной кожи, которая служила в качестве веревки для скрепления ярма под шеями быков. Соха соединяется с ярмом при помощи дышла (ок), на конце которого имелось

несколько отверстий для соединения с ярмом. Если такая соха и была приемлема для мелких участков, то она была очень неудовлетворительна в работе. Соха разрыхляла почву, но не переворачивала пластов, поэтому недостаточность вспашки восполнялась многократным разрыхлением почвы. Приходилось перепахивать вдоль и поперек, каждый раз меняя направление. Пахоту мог производить один человек, если в азал были впряжены быки, а если азал тянули лошадь или верблюд, то пахали двое — один держал рукоятку азала, а другой водил впряженных лошадей или верблюдов по борозде.

Боронование или заглаживание вспаханной земли производилось при помощи ровной тяжелой плоской доски без зубьев — мала, на которую для тяжести садился человек.

Кетменем и лопатой пользуются и по сей день. Кетмень употребляют для окучки полей под посевы овощных культур, хлопчатника, для очистки каналов. Своеобразные совковые лопаты с острым лезвием мурчинцы применяют для перепахивания земель под фруктовые деревья (яблони) и виноградники, для очистки арыков и каналов и во всех других земляных работах.

К уборке ячменя приступали в мае, а пшеницы — в июле-августе. Уборку зерновых культур до недавнего времени производили серпом (орак), им жали траву и люцерну. Серп по своему устройству отличен от русского: у мурчинского орака лезвие положено почти под прямым углом к ручке и не имеет зазубрин.

Во время уборки хлебов созывали на помощь родственников и соседей. Хлеб вязали в снопы, из 3—4 снопов складывали копны и оставляли в поле до полной уборки урожая. Убранный урожай на верблюдах перевозился на гумно (харман ери), специальное очищенное место близ селения, где каждый имел свой участок. В настоящее время уборка зерновых проводится сельскохозяйственными машинами МТС.

Прежде на гумно на это время нанималась специальная охрана от бродячей скотины и предохранения от случайного пожара. Оплата караульщиков согласовалась между хозяевами хармана. Вознаграждение оплачивалось зерном в зависимости от урожая: чем больше урожай, тем больше оплата. Каждый хозяин, имеющий харман, по окончании молотьбы оплату производил индивидуально; в редких случаях оплата осуществлялась деньгами. Молотьбу производили примитивно, с помощью лошадей. Для этой цели объединялись в артели по несколько человек (из-за недостатка в хозяйстве лошадей): Вокруг стога хлеба по расстеленным снопам гоняли лошадей парных, тройку иногда и больше, которые выбивали зерно из колосьев ногами. Выбитые таким образом колосья отодвигали в сторону, застилали следующий ряд и так продолжали до обмолота всего зерна. После окончания молотьбы приступали к просеиванию. Веяли обычно только в ветреный день, подбрасывая зерно с соломой на вилах или специально для этого сделанных деревянных лопатах (корек). Если отсутствовал ветер — его ждали несколько дней. В последний день провеивания зерна, когда определялось количество урожая, хозяина приходили поздравлять с сосед-

ших харманов. Этот день и поныне отмечается как праздник урожая — харман тойы.

У мурчинцев, как и у нохурли, очищенное зерно хранится в особых глинобитных амбарах (пархоу), или в земле—в яме, вырытой в несколько метров глубины. Строительство пархоу очень просто: маленькая мазанка, примерно 1,5×1,5 м при высоте в 2 м, имеет одно отверстие вверху, куда всыпают зерно, второе отверстие сбоку внизу — откуда в нужный момент берут необходимое количество зерна. Пархоу делается около дома во дворе, если дом земледельца огорожен дувалом, или в хозяйственном помещении.

На поле, отведенном для овощных — огородных культур, наравне с дынями и арбузами культивировали морковь, лук, свеклу, горох, фасоль, тыкву.

Большое распространение у мурчинцев получили посевы хлопка, кунжута (кунджи), джугары (акджевен) и люцерны (ерунджа). Культура хлопчатника в Туркмении, в частности у племени мурчали, ведется с незапамятных времен. Культивировался хлопчатник с нераскрывающейся коробочкой и грубым, коротким волокном. Некоторые авторы считают, что родиной этого сорта хлопка, получившего широкое распространение по всей Средней Азии, является Индия, откуда это растение, подвигаясь на север, достигло Ирана и затем появилось у берегов Мургаба, Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи[49].

Одним из наиболее важных злаковых растений в хозяйстве у мурчинцев была джугара (ак джевен). По внешнему виду она напоминает кукурузу, но листва джугары имеет сизоватый оттенок, а огромные стебли её, достигающие 2—2,5 м высоты, заканчиваются крупными поникшими головками. Джугара шла в пищу беднейшему населению, главным же образом на корм лошадям и частью — домашней птице. Стебли употребляются также на корм скоту, а иногда сушатся на топливо. Густо посеянная джугара, дающая массу зеленого корма, была очень распространена до революции у мурчинцев.

Люцерна (ерунджа) являлась основным зеленым кормом в течение лета и, можно сказать, единственным растением, из которого заготовляли сено (беде) на зиму. Посев люцерны держался несколько лет на корню и редко чередовался с другими полевыми растениями. Под посев люцерны, как правило, отводились одни и те же приусадебные, окруженные глинобитной стеной, участки. Близость люцернового поля к жилищу давала возможность мурчинцу-земледельцу использовать для скота зеленый корм во всякое время в таком количестве, в каком в данное время было нужно, а также имелись все возможности удобрять данный участок отбросами, накапливающимися вблизи дома. Участок под люцерной, после каждого покоса, поливался затоплением, для этого он тщательно разбивался на горизонтальные площадки, окруженные земляными валиками. Упомянутые обстоятельства, несмотря на прекрасно сознаваемую земледельцем пользу чередования люцерны с другими культурами, побуждали его засевать люцерну из года в год на одних и тех же участках. Люцерна мирится со всякой почвой, дает хороший укос, не требует удобрения и полива. Старики-мурчинцы показывают,

что при хорошем удобрении люцерна, посеянная на одном месте, может давать хороший урожай в течение 10—12 лет при 6—7 укосах за каждое лето. Как правило, после последнего за сезон укоса люцерновый участок обращается под выгон и затем удобряется. При заготовке люцерны на сено её вяжут в небольшие снопы и оставляют на несколько дней на скошенном участке. Высохшие снопы люцерны (беде) укладываются в помещение, где запасается корм для животных на зиму.

Кунжут (кунджи) — масляничное растение, засевается в марте—апреле. Под посевы кунжута земля может не вспахиваться, семена его высеваются прямо на затопленные места. Поспевает кунжут в сентябре. Из кунжутных семян выделывается масло, которое в свежем виде имеет молочно-белый цвет и очень вкусно. Из кунжутных семян приготавливается масло на маслобойнях (джуваз), которые будут описаны в разделе «Ремесла и домашние промыслы».

Мероприятиями Советской власти, проведенными в первые же годы ее существования, были созданы необходимые условия для крутого подъема отсталого в прошлом хозяйства мурчинцев.

В результате проведенной в Туркмении в 1925—1928 гг. земельно-водной реформы, безземельные туркмены, в том числе и мурчинцы, были наделены участками земли. В 1925 г. в Мурче и Дэв-кале, а в 1926 г. в Дайне были созданы первые товарищества по общественной обработке земли (ТОЗ)[50]. В Мурче первоначально были коллективизированы земли санашиковые, богарные и рабочий скот, а затем земли, находящиеся вблизи домов (исключая приусадебные меллеки).

С организацией ТОЗ мурчинские дайхане получили новые орудия — плуги, бороны, жатки-лобогрейки и др.

В настоящее время мурчинцы занимают три селения и три сельсовета: Мурча, Дэв-кала и Дайна. Все жители состоят в колхозах. Из них в Мурче находится колхоз им. Жданова; Дэв-кала, совместно с селениями Ак-депе, Келята, Хан Кяриз, входит в колхоз им. Сталина, а Дайна — в колхоз «Совет». Два первые колхоза — им. Жданова и Сталина, находятся в Бахарденском районе, а колхоз «Совет» сельсовета Дайна по ныне существующему административному делению относится к Каракалинскому району. Лучшим из них в течение нескольких лет считается колхоз им. Жданова, сельсовета Мурча. Этот колхоз с 1954 г. по постановлению Туркменской республики, наравне с другими колхозами Ашхабадской области, переведен на посевы огородных культур для обеспечения овощами как столицы ТССР города Ашхабада, так и промышленных районов ТССР—Небит-Дага, Красноводска и Кизыл-Арвата. До 1954 г. колхоз занимался выращиванием тонковолокнистого хлопка, из года в год перевыполняя правительственные задания; например, в 1952 г. план хлопкосдачи был выполнен на 140%, в 1953 г.—150% (в среднем было получено по 30—35 центнеров хлопка с каждого гектара).

Колхоз им. Жданова по праву принадлежал к первым по сдаче хлопка в Бахарденском районе Ашхабадской области, за что в 1952—1953 гг. получил 37 тысяч рублей премий-надбавок — 3 грузовых автомашины[51].

Колхоз им. Сталина с/с Дэв-кала также до 1954 г. занимался исключительно выращиванием тонковолокнистого хлопка, а с 1954 г. пере-

веден, в числе других колхозов района, на посевы овощных культур. Колхоз «Совет» с/с Дайна, находящийся на верхнем Сумбаре, занимается овощеводством, выращивает капусту, лук, морковь, горох, фасоль, картофель и другие. Кроме этого, начали выращивать совершенно новые для Туркмении технические культуры, как табак, чай. Помимо того, колхоз с успехом выращивает зерновые культуры—пшеницу, ячмень как на поливных, так на багарных землях, получая высокие урожаи.

Как и во всей Туркмении колхозники-мурчинцы владеют приусадебными участками (меллек) с виноградниками и яблонями (изредка у некоторых этот участок занят под озимую пшеницу), величина которых не превышает 0,15 га. Согласно установленной очередности, выделяют долю воды для полива приусадебного участка зимой, и в особенности в летнее время. В настоящее время в каждом колхозе есть специальное лицо, ведающее распределением воды (мираб), которое следит за орошением полей колхоза. Земли колхозов поливаются в первую очередь, после них поочередно получают воду приусадебные участки колхозников и служащих сельской местности, имеющих меллеки, както — учителей, врачей, агрономов и др.

Все колхозы мурчинского сельсовета выращивают пшеницу, ячмень, люцерну, горох, капусту, лук, тыкву, фасоль, маш, дыни, арбузы, огурцы, помидоры, картофель. Из вышеперечисленных культур капуста, огурцы, помидоры и картофель для Туркмении и, в частности для мурчинцев, являются новыми культурами. Старики-мурчинцы рассказывают, что «до прихода в наш край русских мы не выращивали ни капусту, ни помидоры, ни картофель, они появились с приходом русских в наш край».

В советское время эти культуры получили особенно широкое распространение. Благодаря благоприятным климатическим условиям и применению высокой агротехники получают два-три урожая картофеля и капусты в год. Картофель особенно хорошо вызревает на землях Верхнего Сумбара с/с Дайна. Весенняя посадка картофеля и капусты производится в марте, а вторая летняя—в июле.

Колхозники, помимо употребления овощей в пищу, в значительных количествах вывозят их на продажу в города Туркмении. В данное время земледелие оснащено высокой передовой техникой. Обработка земли колхозов и уборка урожая производится при помощи сельскохозяйственных машин. На полях колхозов работают тракторы, комбайны из районных машинно-тракторных станций, а в отдельных случаях, при незначительности размеров полей, земля обрабатывается с применением конных плугов.

Как описано выше, мурчинские земли орошались кяризами, поэтому количество засеваемых земельных площадей находилось в полной зависимости от количества воды, т. е. от того, сколько гектаров могла орошать имеющаяся доля воды того или иного земледельца. Селения Мурча и Дэв-кала имели достаточное количество земли для посевов, но недостаточно воды, и потому в этих селениях удобрения раньше вообще не применяли, а истощенные участки обычно покидали, засевая новые; таким образом, заброшенный участок мог отдыхать несколько лет. Участки, находившиеся вблизи домов, т. е. приусадебные, если

засевали зерновыми, то удобряли золой или селитроносной почвой заброшенной древней Калы. Конский навоз и мелкого рогатого скота в два-три года раз применялся для удобрения земли под виноградниками и яблонями. Частое применение навоза считалось нецелесообразным, так как при этом необходимы частые летние поливы, иначе можно только повредить деревьям.

Теперь, на колхозных полях для всех видов сельскохозяйственных культур применяются различные минеральные удобрения, а также проводятся многопольные севообороты.

У мурчинцев, как оседлого земледельческого племени, наряду с посевами полевых культур, в селе Мурча было очень развито виноградарство и садоводство. Почти каждый мурчинец имел вблизи своего дома садик, состоящий в большинстве из виноградника или яблонь и абрикосов, вокруг которого возведен был небольшой дувал из пахсы (хаят). Таким образом, село утопало в зелени. Сады, как и все сельскохозяйственные культуры на мурчинских землях, орошались. Для получения гарантированного высокого урожая в Туркмении основным условием является поливка.

Среди садовых культур совершенно особенное место занимало виноградарство. Виноград не может переносить сильные морозы, даже может замерзнуть при температуре —15°. Если в Узбекистане, а также в северной части Туркмении, в Ташаузской области, виноград закрывают на зиму, то в южной части Туркмении, в частности в Мурче, этого не практикуют—виноград на зиму никогда не закрывают, но в то же время получают хороший урожай и виноград не поддается обмораживанию. Садоводы-мурчинцы рассказывают, что для того, чтобы виноград сберечь от мороза и получить хороший урожай, его необходимо поливать 3—4 раза за год. Первый полив нужно делать глубокой осенью, он называется осенний полив (гуйз сувы); второй и основной полив—зимой (гыш сувы). Он осуществляется затоплением на несколько дней. Причем желательно поливать в морозные дни, чтобы в грядках, занятых под виноградником замерзала вода. Последний полив делается перед цветением. После этого можно с уверенностью ожидать хорошего урожая винограда. Мурчинцы испокон веков практикуют это в своих садах.

Для ухода за виноградниками, а также за яблонями и абрикосами мурчинцы применяли серп и ножовку для ежегодной подрезки виноградных лоз или ненужных засохших сучков плодовых деревьев; железная туркменская совковая лопата (пиль) с подставкой для ноги применяется для производства двухкратной ежегодной осенней и весенней перекопки как виноградника, так и яблоневых и абрикосовых деревьев. Старики-мурчинцы утверждают, что перекопка есть обязательное условие получения высокого урожая винограда, яблок и абрикосов.

Раньше основную массу урожая винограда, абрикоса и яблок сушили на солнце на крышах домов. Высушенные таким образом виноград (кишмиш), абрикосы (киште), яблоки (алмаки) долго сохранялись, употреблялись в пищу, а излишки продавались.

Изредка мурчинцы из винограда делали тошап—виноградное варенье. Последнее было особенно распространено у нохурцев[52].

После присоединения Туркмении к Российской империи, с появлением русских селений, образованием городов, проведением железной

дороги, увеличился спрос на свежий виноград, яблоки и другие фрукты; мурчинцы перестали сушить фрукты как прежде, предпочитая вывозить их на продажу в свежем виде. Приезжали купцы—персы из Баку, Красноводска, Ашхабада и покупали на месте у мурчинцев сады, нанимали сборщиков урожая винограда, яблоков, после чего сами до конца урожая отправляли фрукты в вышеперечисленные города. Так капитализм протягивал свои щупальцы даже к небольшим туркменским селениям. Не каждый мурчинец мог везти свой урожай в Ашхабад или Кизыл-Арват, не имея собственных средств передвижения, и в таких случаях урожай перекупался приезжими купцами-скупщиками.

Кроме перечисленных видов фруктовых деревьев, в селах Мурча, Дайна, Дэв-кала имеются и другие разнообразные плодовые деревья. В селе Дайна в верхнем Сумбаре растет грецкий орех (хоз), джидда[53] (игде), гранаты (нар), персики (шептали), абрикосы (эрик), сливы (гаралу), груши (армыт). В селе Мурча и Дэв-кала, кроме виноградника, абрикоса, яблок растут слива, гранат, вишня, урюк, персики, орех, миндаль (бадамджан), инжир.

Джидда, как правило, в большом количестве рассажена по краям магистрального арыка или на границах участков, образуя род изгороди. Плоды ее и сушеный виноград (кишмиш) в былое время заменяли сахар и подавались к чаю, взамен сладостей.

В старое время в неурожайные годы (ачлык йыл -голодный год) мурчинцы собирали дикий корнеплод — алвалы, который в большом количестве растет в горах. Из корней этого корнеплода делали муку и употребляли в пищу, смешав с пшеничной или ячменной мукой, а в случае отсутствия последней в хозяйстве, употребляли в чистом виде. Кроме того, собирали и сушили ежевику. Если нохурцы из сушеной ежевики делали муку[54], то мурчинцы ее употребляли как заварку, взамен чая, как лечебное потогонное средство.

Основное место в хозяйстве мурчинцев занимал рабочий скот — верблюды, лошади, ослы и крупный рогатый скот. Мурчинцы проводили основные сельскохозяйственные работы и перевозку грузов с помощью верблюдов: доставка хлеба с полей на гумно и сена с покосов производилась вьючным способом, только на верблюдах. Кроме того, мурчинцы в большинстве пахали свои земли на верблюдах, в редких случаях на быках. Топливо с гор для заготовки на зиму, строительный материал—арчу (бревна диаметром 30—40 см, длиною 6—7 м) доставлялись на верблюдах.

В советское время верблюдов разводят как рабочий скот, главным образом на колхозных фермах.

Каждый мурчинец в своем хозяйстве имел одного верблюда, а заживочные несколько штук, от двух до трех, но зато лошадей имел не каждый. Лошадей имел тот, кто участвовал в набегах—аламанах или, если он занимался торговлей с Ираном. Для мурчинцев, с незапамятных времен находящихся в близком соседстве с Ираном и живших в горной местности, конь играл исключительную роль, так как служил в горных условиях отличным транспортным вьючным и верховым животным. В быту туркмен и, в частности в быту мурчинцев, наблюдается много бытовых черт, подтверждающих давнюю и отчетливую оформленность высказанного положения. Мы имеем здесь прекрасные конюшни,

развитый конский инвентарь, любовное отношение к коню, большие навыки в его использовании, презрение к ишакам (ишак для мурчинца—признак бедности). Я думаю не будет лишним привести отраженное в фольклоре и у классиков туркменского народа отношение к лошади.

Рис. 11. Мурчинец на коне.

1. «Аты барың ганаты бар»—У кого есть лошадь. У того есть крылья.

2. «Атың барка мал газан, атың брака ат газан»—Пока есть отец—наживай добро (богатство), пока есть лошадь (конь)—заслужи себе имя (славу).

3. «Эшек гарыбың элинде гөч боланда пиле дөнер» — Бедняк кочевать направляется — его ишак слону уподобляется.

У мурчинцев лошади делятся на два разряда. Первый — это конь (ат), прекрасный скакун. Сам хозяин нанимает для него специального тренера (сейис), годами дрессирует коня для скачек на приз. Ко второму разряду относятся рабочие лошади (ябы), при помощи которых обмолачивают пшеницу, как уже описано выше, и которые могут быть также использованы подвьючно и для верховых выездов в дальние горные районы.

В условиях Средней Азии очень удобны ослы, которые очень выносливы, неразборчивы в пище и уходе и поэтому содержатся в каждом хозяйстве.

Наряду с этим в каждой колхозной семье имеются коровы, иногда по две; если у некоторых соседних туркменских племен за неимением коров их заменяют козами[55], то у мурчинцев этого явления нет.

Крупный скот большинство времени года содержат в самом селе. Иногда в свободное от работы время верблюдов пускают самостоятель-

но пастись в горы, проверяя время от времени; если они заходят очень далеко от села, то пригоняют ближе. Для крупного скота сооружаются летние и зимние помещения. Летним помещением служит загон (агыл)—изгородь, сделанная из хвороста, камыша или лозы. Зимнее—крытое подземное помещение, выстроенное глинобитным способом или из камня, либо подвальное и полуподвальное (куме).

Коров собирают в стада, и чабаны выгоняют их на пастбища все время года, за исключением редких отдельных морозных дней. За выпас чабану в прошлом оплачивали зерном—за каждую корову давали в год 1 батман или пуд пшеницы. В советское время пастьба крупного рогатого скота с наемным пастухом сохранилась только в отношении личного скота колхозников, из расчета 5 руб. в месяц за каждую голову. Пастухам же, пасущим колхозные стада, начисляются, согласно существующему порядку, трудодни.

Подготовку корма для коровы на зиму, как-то: косьбу и сушку сена производят мужчины, а все остальные работы: доение коровы, сбор и переработка молочных продуктов осуществляются женщинами. С давних времен, с целью заготовки молочных продуктов на зиму, особенно в летний период, создавались своеобразные женские артели, носившие название «алышык». В противоположность нохурцам, текинцам и другим племенам, у мурчинцев эти артели создаются в селе, а не на летовках, т. к. мурчинцы не имеют мелкого скота и не переезжают со скотом на летние пастбища.

Эти небольшие, исключительно женские артели в основном создаются в летний период с целью побольше заготовить на зиму молочных продуктов, так как от одной-двух коров, имеющихся в хозяйстве, при ежедневном незначительном удое молока, нельзя получить в большом количестве ни масла, ни брынзы. Обычно в «алышык» объединялись три-четыре женщины, имеющие по одной-две коровы, примерно одинаковых по удою и жирности. В течение определенного срока женщины, вошедшие в артель, по очереди сносили молоко сначала к одной из участниц этой организации, затем к другой, третьей и т. д. Участницы артели имели у себя специальную измерительную палочку «дэне чоп», чтобы дать столько молока, сколько она получила его от других участниц алышык. Таким образом, каждая участница артели могла заготовить нужное ей количество масла, брынзы и других молочных продуктов. Артели алышык составлялись из родственниц.

Подобные артели известны у родственного мурчинцам племени нохурли[56]; аналогичное явление мы находим у ягнобцев и других народов горного Таджикистана и Памира, где также существовали женские артели, называемые «наубат-и-шир» (очередь молока) или «шир-наубат»[57]. В Закавказье такого же рода артели по сбору молока встречались у грузин и назывались «ханулобя»[58].

РЕМЕСЛА И ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ

В досоветский период у туркмен-мурчали, как и у других туркменских племен, существовал полунатуральный характер хозяйства. Продукты производства мурчинской семьи удовлетворяли ее потребность. Но наряду с тем имелись ремесла, продукция которых выделывалась

для продажи. Ремесленники-профессионалы в Мурча существовали и существуют поныне: они заняты в кузнечном и столярном ремеслах. При небольшом количестве мурчинцев на каждый аул было по два-три кузнеца. В основном продукция, изготовляемая кузнецами, не выходила за пределы аула и находила сбыт среди его населения. По роду вырабатываемых изделий кузнецов можно разделить на три группы, а именно:

1) По выработке мелких изделий, как-то дверных цепей, подков, удил, гвоздей, скребков, колец для небольших колес и пр.

2) По выделке инструментов для каменщиков, плотников, землекопов и др.

3) По выделке ножей, ножниц, бритв, подпилков, шил и пр.

В одной и той же кузнице производились все виды работ по изготовлению всех трех групп изделий.

Помещение, в котором работает кузнец, небольшое и низкое. В кузнице имеется одно небольшое отверстие для окна, как правило, открытое, без стекла, и дверь. Около двери внутри помещения для приема клиентов делается скамеечка — суфа, где постоянно сидят односельчане, ждущие выполнения заказа, либо пришедшие заказать работу и договориться о дне прихода за ее получением. У кузнеца имеется помощник из его родни—сын или другой близкий родственник, нередко подросток. Он раздувает меха, помогает кузнецу, делает мелкие детали, а в дальнейшем осваивает профессию кузнеца. Иногда при изготовлении тяжелых деталей нанимается молотобоец.

У мурчинского кузнеца, как правило, имеется один горн. Горн — глинобитный, вышиною не более 80 см, имеет с одной стороны возвышающуюся стенку с отверстием для дутья, в которое вставляется железное кольцо. Меха приставляют с наружной стороны указанной стенки. Меха сделаны из козлиной кожи, очищенной от шерсти, так как в тесном помещении кузницы сыплющиеся при ковке искры могут воспламенить шерсть и испортить мех. Тут же, вблизи горна, ссыпается в кучу уголь, необходимый для выделки изделий. Наковальни укрепляются во вбитых в землю мастерской толстых, крепких обрубках тутового дерева. Наковален в кузнице обыкновенно имеется три. Из них одна большая имеет поверхность для ковки железа около 40—50 см. Она служит для первоначальной грубой ковки. Вторая наковальня—меньших размеров, на ней окончательно выковываются изделия, а третья—еще меньших размеров, служит для выправки подков, гвоздей и пр. Кроме этого, имеется еще небольшая формочка для выделки гвоздей.

Гвозди выделываются так: в коническое сквозное отверстие формы вставляется раскаленный железный стержень, который вбивают молотком до тех пор, пока стержень не дойдет до подставленной снизу формы железной полосы, тогда верхний конец гвоздя расклепывают в шляпку, а нижний отковывают на острие. Некоторые приготовленные кузнецами предметы, как, например: тиша (род топорика), орак (серп), пяки (бритва) и др. требуют еще закалки, поэтому в кузнице имеется котел с водой.

Ножи и бритвы выделываются следующим образом — кузнец берет кусок стали длиною в лезвие ножа, разогревает его на горне

докрасна, выковывает начерно форму ножа и по краю одного из ее длинных ребер насыпает буру, сваривает на горне с куском железа, равного ножу с ручкой, и потом уже окончательно выковывает нож. Во время ковки несколько раз закаливают лезвие. Когда лезвие уже совсем готово, его еще раз раскаливают и опускают в воду целиком, кроме части, входящей в костяную или деревянную ручку. Таким образом, весь нож закаливается один раз, а лезвие несколько раз.

Рис. 12 Кузнец в своей мастерской.

Ручки для ножей делаются из костей ног верблюдов и из дерева (чинар, дагдан[59], карагач и тут). Для выделки костяных ножевых ручек употребляются следующие инструменты: тиша, маленькая пила, напильник, шило и остальной гвоздь для пробивания дыр в железе ножа. При изготовлении ручки из кости, кустарь вытачивает две половинки; потом просверливает в них отверстия в 2—3 мм в диаметре, затем стальным гвоздем пробивает отверстие в соответствующих местах железной части ножа, входящей внутрь ручки. Соединив нож с обеими половинками ручки, вставляют в отверстия ручки проволоку толщиною в два миллиметра и концы ее осторожно расклепывают.

Мурчинский кузнец Керков Арназар-оглы может сделать в день ножей средней величины 5 штук, бритв 3—4 штуки. Кроме этих изделий, много приготавливается разных размеров цепочек, серпов, совковых лопат и другого сельскохозяйственного инвентаря. В прошлом, за каждый изготовляемый предмет кузнец получал зерном, иногда деньгами. Так, например: за один нож—1 фунт пшеницы; за одну лопату—1,5 фунта; за серп—1 фунт.

В наше время кузнецы работают в колхозе и по указанию председателя или колхозного бригадира выполняют задание своей артели.

Рис. 13. Кузнец за изготовлением серпа.

Они делают колхозникам серпы, лопаты, ремонтируют сельскохозяйственный инвентарь и др., за что им начисляют трудодни в колхозе.

Вторым ремеслом, имеющим профессиональный характер у мурчинцев, является столярно-плотничное дело. Древняя оседлая жизнь мурчинцев, обилие в горах леса способствовали развитию среди них столярного промысла—по изготовлению деревянных подпорок (палана) кяризных галлерей, станков для обработки шелка и шелкоткачества, выделке деревянных частей жилища (тама), устройству маслобойни (джуваз), а также изготовлению деревянных частей ружей (лож, цивья, подставок) и т. д. Если у европейского столяра имеется верстак, где он производит работу, то у мурчинского столяра верстак заменяется толстой доской на подставках, на которой он, сидя на кошме, обделывает дерево. Инструменты, употребляемые мурчинскими столярами, смешанного происхождения — местные и европейские. Как правило, полного набора инструментов найти нельзя ни у одного столяра. Последних у мурчинцев на каждый аул 3—4 человека, притом профессия столяра, как и кузнеца из поколения в поколение передавалась по родственной линии.

Рис. 14. Столяр за работой.

Обстругивание производится обыкновенными фуганками разных величин. Пилы (бычгы) употребляются мурчинскими столярами разные: русские и местные. У местных пил зубья идут от середины пилы в разные стороны, причем зубья от краев к середине постепенно уменьшаются. Мурчинские столяры употребляют также тише (род топорика), стамески, долота, подпилки, буравчики. Буравчики есть чисто русские, круглые в разрезе, и местные в форме четырехгранной пирамиды и др.

Столяры-мурчинцы из дерева арча и керков делали челноки и утки для шелкоткацких станков, из чинара изготавливали дверные коробки, двери, ворота, а также оси-джуваз окы для маслобойни, из орехового дерева стволы и цивье для ружей, деревянные части верблюжьих седел (хатап) и некоторые инструменты для первоначальной обработки шелка, как, например, самопрялки и др.

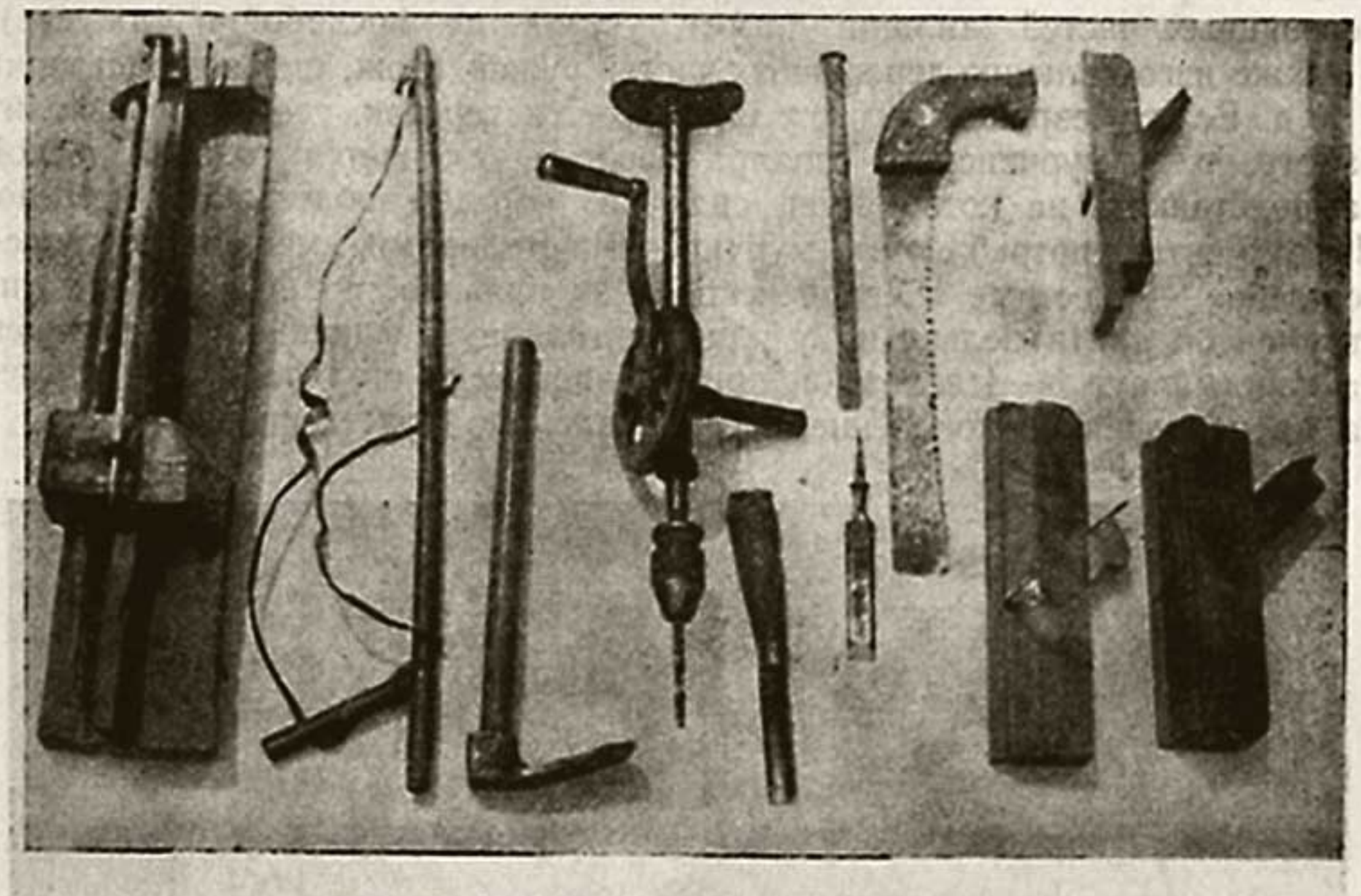

Рис. 15. Инструменты мурчинского столяра.

Древесина арчи , керков карадолан[60], ак совут (аксовут или ак тал — ива белая) в основном шла как строительный материал.

Мурчинцы занимались сапожным делом (ковушчи), шапочным (телпекчи), были среди них каменщики, (там уссасы), мастера по выделке кожи овчинных шуб (ичмекчи). Но большинство мастеров оставалось крестьянами-земледельцами, занимаясь той или иной профессией только как побочным, второстепенным делом.

Женщины-мурчинки с незапамятных времен занимались домашним промыслом — шелководством и шелкоткачеством и никогда раньше мурчинки не занимались другими видами домашних промыслов, характерных для соседних туркменских племен. В этой связи следует указать также, что мурчали совершенно не умеют делать, как другие туркменские племена, ковров, вязать узорчатые шерстяные чулки, выделывать войлок, т. е. не умеют обрабатывать шерсть. Но зато они издавна занимались шелководством и шелкоткачеством, являясь в этом искуснейшими мастерами.

У многих авторов XIX в. мы находим указания на занятие шелководством у мурчали и родственных им племен. По словам А. Боголюбова, «шелководство развито преимущественно у племен чисто тюркских, оседлых и отуркменившихся племен: мурчали, нохурли, алили и др.[61]». То же отмечает Ф. А. Михайлов[62]. В областях Туркменистана, в част-

ности, в районах древнего Мерва, Джурджана и Дахистана шелководство было известно еще до VI в.[63].

Мурчинский шелк всегда считался и считается одним из лучших в Туркмении до настоящего времени. За ним специально приезжают из других районов и из столицы Ашхабада. Поэтому добрая половина шелковых изделий мурчали шла на продажу[64], так как по качеству мурчинский шелк гораздо выше оценивался на рынке, чем нохурский или шихский, почему и был большой спрос на мурчинские шелковые изделия.

Шелководство и шелкоткачество сохранилось у мурчинцев до нашего времени. Сейчас шелководство во многих случаях является важным подспорьем в хозяйственном быту колхозных семейств. Этим ремеслом в основном всегда занимались женщины и оно остается по сей день чисто женским делом, в отличие от туркменского племени — ших[65], у которого этим ремеслом, наравне с женщинами, занимаются мужчины, как в Узбекистане.

Помимо домашней работы, все женщины, без исключения, занимались ситцеткачеством, шелководством и шелкоткачеством, но это не составляло для них профессии. Девушка перед выходом замуж обязана была научиться ткать и в процессе обучения она со своей матерью готовила себе приданое, состоявшее из женской одежды, сшитой из шелковой ткани собственной выработки.

Наличие большого количества тутовых насаждений по всем главным и вспомогательным магистральным арыкам, вокруг усадеб—клеверников, виноградников, насаждение особых тутовых плантаций (тут бакджа) свидетельствует о древней традиции развитого шелководства у племени мурчали.

Этот факт свидетельствует о давней оседлости мурчали и длительности пребывания их на одном месте, ибо шелководство невозможно при кочевом хозяйстве. Он же подтверждает предания мурчали о древнем автохтонном ядре их племени, сохранившем до наших дней искусство разведения шелковичных червей.

Самыми распространенными видами, культивируемых пород тутовых деревьев, являются:

1. Хассак тут — дикая шелковица; разводится при помощи посадки, посевом и служит потом для прививки на ней всех других видов. Сравнительно небольшое дерево с длинными переплетающимися ветвями и лапчатыми, большими листьями.

2. Балхи тут (видимо название получило от своей родины Балха)— очень большое дерево с овальными, далеко расходящимися ветвями и глянцевидными темно-зелеными листьями; одна из распространенных пород в селе Мурча. Имеет большие белые ягоды без косточек, употребляемые в пищу в сыром виде.

3. Ша-тут — небольшой высоты, со скученными шапкой ветвями и очень большими темно-зелеными грубыми широкими листьями. Ягоды длинные, большие, темно-красного почти черного цвета, употребляются в пищу в сыром виде, а высушенные завариваются как чай и применяются как потогонное средство. Ша-тут редко употребляется для кормления шелковичных червей, так как они неохотно едят его листья.

Мурчинцы несколько примитивным способом разводили шелковичных червей в своем ауле Мурча. Как рассказывают старики-мурчинцы, грена шелкопряда будто бы была когда-то, очень очень давно, завезена

поломниками из Аравии и Персии. В дальнейшем мурчинцы в процессе разведения шелковичных червей научились сами получать грену. Делалось это так: брали коконы, нанизывали их на нитку и вывешивали в прохладном месте в помещении, предохраняя их от попадания солнечных лучей; коконы ежедневно опрыскивались водой. Через 7—10 дней из этих коконов выводились шелковичные бабочки (йупек кебелеги)— самки и самцы. После периода осеменения отбирали самок, клали их в белый чистый бязевый мешочек, где они откладывали грену (оймак). Последняя клубочком завертывалась в несколько слоев тряпок и оставлялась до следующего сезона. Хранили грену тоже в прохладном месте, оберегая от прямого попадания солнечных лучей. Весной, когда на шелковице появляются почки и настает пора выхода червей, т. е. в конце марта — начале апреля, этот клубочек развертывался и из него извлекалось нужное количество грены. После этого женщины клали отобранное количество грены в небольшие, сшитые из хлопчатобумажной материи (бязь-биз) мешочки и привязывали у себя на голое тело на поясе или подмышками, ежедневно переворачивая их[66]. Мешочки с греной носили на теле около недели и дольше, так как черви начинают выводиться из яичек не сразу, а последовательно. Каждый день мешочки открывались, вышедшие черви отбирались и выкладывались на большое плоское блюдо (чанак). Поднос с червями также оберегается от солнечных лучей, для чего покрывается ситом (элек). Если дни или ночи становятся холодными, то нужно этот поднос ставить около печки или камина.

Таким образом, мурчинцы умели сами выводить грену. Шелковичные гусеницы в зависимости от породы линяют четыре-пять раз. Каждый период развития гусениц и линяния имеет свое особенное название. Последняя стадия развития (через сорок дней) шелковичного червя называется ин сонкы укысы гыркхор (последний сон) и пиле этмэге ятды (приступил к завивке коконов). В этот период привозится из окрестных гор специальный мягкий, легкий кустарник (ак чоп)[67], им накрывают шелковичных гусениц, которые завивают на его ветках коконы. Примерно через 5 дней завершается последняя стадия окукливания червя, после чего женщины приступают к сбору коконов (пиле йыгмак); как правило этим занимаются женщины.

Дальнейшая стадия работы — получение из коконов шелка. Для этого у мурчинцев складывается специальный неправильной кубической формы очаг с подтопкой в земле; высота очага делается соответственно размеру казана, в котором будет производиться запаривание коконов и их размотка. Разматывали коконы две женщины: у самого котла садилась мастерица (пиле чекйэн или пилекеш) — обычно опытная пожилая женщина, которая сматывала нити с коконов на келеп агаджы— моток, вторая перемешивала кипящую массу коконов в котле и подкладывала дрова в топку очага. Запаривание и размотка нитей коконов производилась каждой семьей отдельно простым и примитивным способом. Тот же процесс в Узбекистане производился совершенно иначе, с применением сложных крутильных станков и не двумя лицами, а пятью, из них: пилякеш (мастер—хозяин), чарыхкеш (вращающий колесо шелкомотального станка), наичакеш (сматывающий на самопрялке шелк с больших катушек на малые), чарыхтона (работающий на крутильном

станке) и даурекеш (сновальщик)[68]. Такого способа размотки шелка в Туркмении не встречается.

По статистическим данным, еще в начале нашего столетия Дурунское приставство, включавшее в частности и аул Мурча, обеспечивало около половины всех коконов по Закаспийскому краю[69].

В наше время мурчинцы по-прежнему занимаются шелководством, но в гораздо большем, невиданном ранее масштабе. В десять раз расширена кормовая база для шелкопряда и сбзданы тутовые плантации с новыми высокосортными породами шелковицы. Теперь применяют несравненно более совершенные методы разведения шелкопряда, чем это

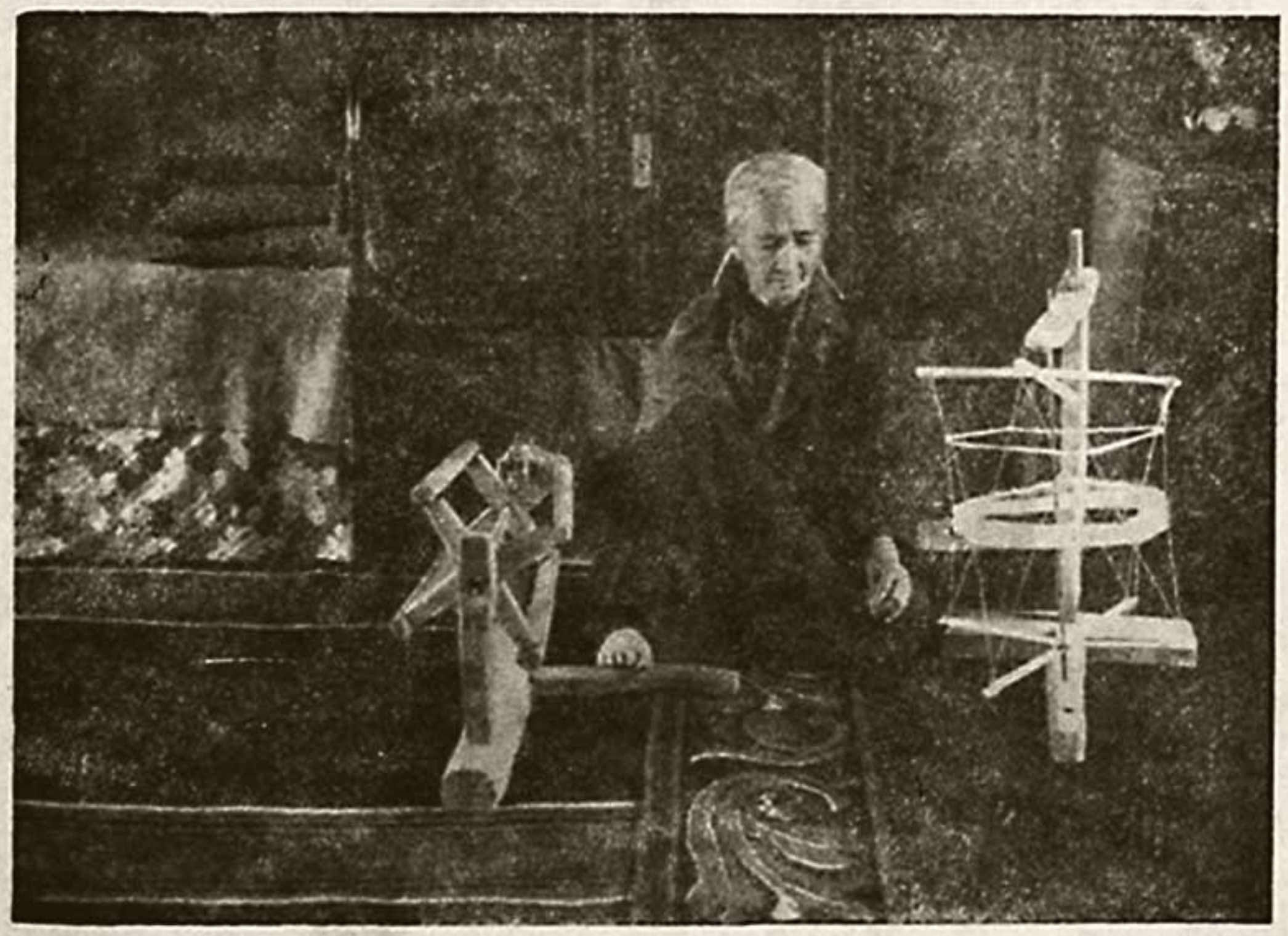

Рис. 16. Первая стадия обработки шёлка.

было до революции. Для выведения и выкармливания шелковичных червей отведены специальные помещения побеленные, очищенные и дезинфицированные, с большой кубатурой, где постоянно поддерживается соответствующая температура, с хорошими стелажами; созданы особые колхозные шелководческие (йупекчилик) бригады, членами которых в преобладающем большинстве являются местные знатоки — специалисты-шелководы.

Все эти прекрасные условия позволяют перевыполнять планы сдачи коконов и получать высококачественный шелк. Из года в год увеличивается количество получаемых коконов: в 1953 г. план был выполнен на 120%, в 1954 — на 140%, в 1955 — на 155%.

В советское время запаривание и размотка коконов кустарным способом в ауле не производится. Теперь шелководы-колхозники весь уро-

жай коконов по сортам сдают государству; в Ашхабаде на прядильно-ткацкой фабрике им. Дзержинского производится запаривание и размотка коконов. В настоящее время колхозники-мурчинцы получают шелк с фабрики в мотках. Дальнейшая же обработка шелка ведется способами, выработанными мастерами прошлых поколений.

У всех туркменских племен, занимающихся шелководством, процесс первоначальной обработки шелка почти одинаков—имеются лишь очень незначительные расхождения в названиях применяемых станков, употребляемых для обработки шелка и в последовательности работ.

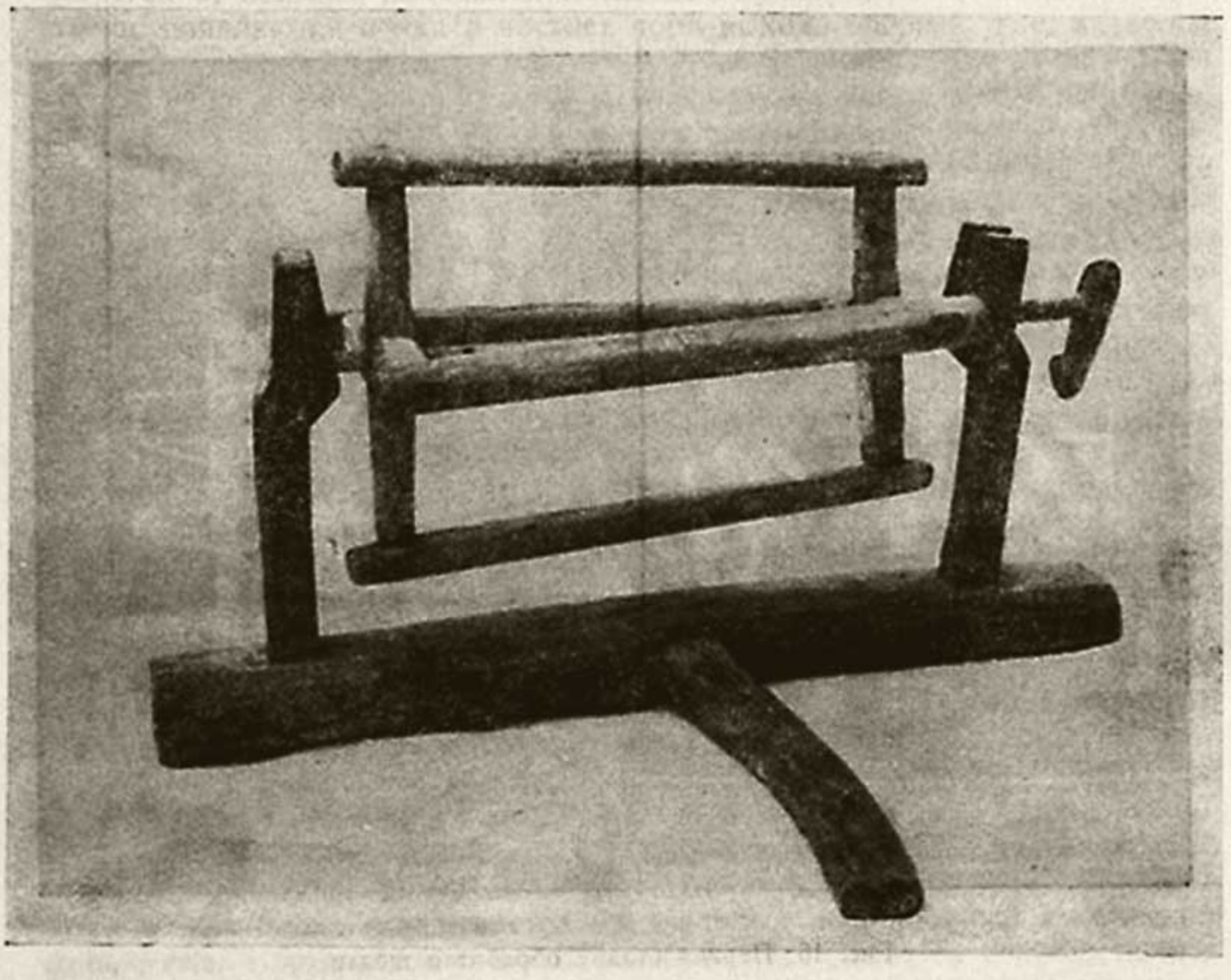

Рис. 17. Инструменты для первоначальной обработки шелка—„чархыза".

Первая стадия процесса обработки шелка — это предварительная очистка шелковых нитей от неровной поверхности и шероховатости (йупек сапламак — «очистить шелк»). Производится она двумя инструментами: чархыза-перрык и чархыза[70]. Вторая стадия — перемотка шелковых нитей с мотков на катушки. Для этого используется станок чархыза-перрык и известная по всей Туркмении самопрялка («чарх»). Перематывание нитей с первого станка — «чархыза-перрык» на катушку—ик, помещенную на оси самопрялки чарх, поручается второстепенным лицам, обучающимся ткацкому делу. У мурчинцев это делают девочки, у шихцев—мальчики. Когда весь шелк перемотан на катушки «ик»,

наступает третий этап работы — скручивание шелка и выделка нити пригодной для тканья[71].

Рис. 18. Инструмент для обработки шелка „перрик".

Следующая стадия — подготовительные работы к крашению шелка. Для этого шелк снова сматывают в мотки. Это производится также с помощью чархыза-перрик и чарха. Прежде чем красить шелк мурчинцы его кипятят (йупек агартмак). Для кипячения шелка используется чугунный казан, вмазанный в глиняный очаг. Шелк варится с углекислой щелочью местного приготовления, называемой ашкар.

Для приготовления ашкара мурчинцы с незапамятных времен применяют золу керкова, растущего в горах Копет-Дага (считается очень хорошим топливом, по калорийности не уступает саксаулу и каменному углю) и золу хлопчатника. Для этого на пять частей воды берут одну часть золы, кипятят и дают отстояться. Получается жидкость желто-лимонного цвета. В этой жидкости в другом чугунном казане кипятят шелк несколько часов. После кипячения шелк, не выжимая, переносят в плос-

кую деревянную посуду, сверху настилают смоченные высушенные дынные семячки и оставляют на несколько часов. Вслед за тем шелк прополаскивают в холодной воде комнатной температуры и сушат на солнце. Кипячение шелка в щелоче (ашкар) до крашения делается для очистки от посторонних примесей и грязи, покрытие же его дынными семячками и сушка на солнышке — для получения большего глянца. В результате такой обработки шелк делается чистым, белым и блестящим

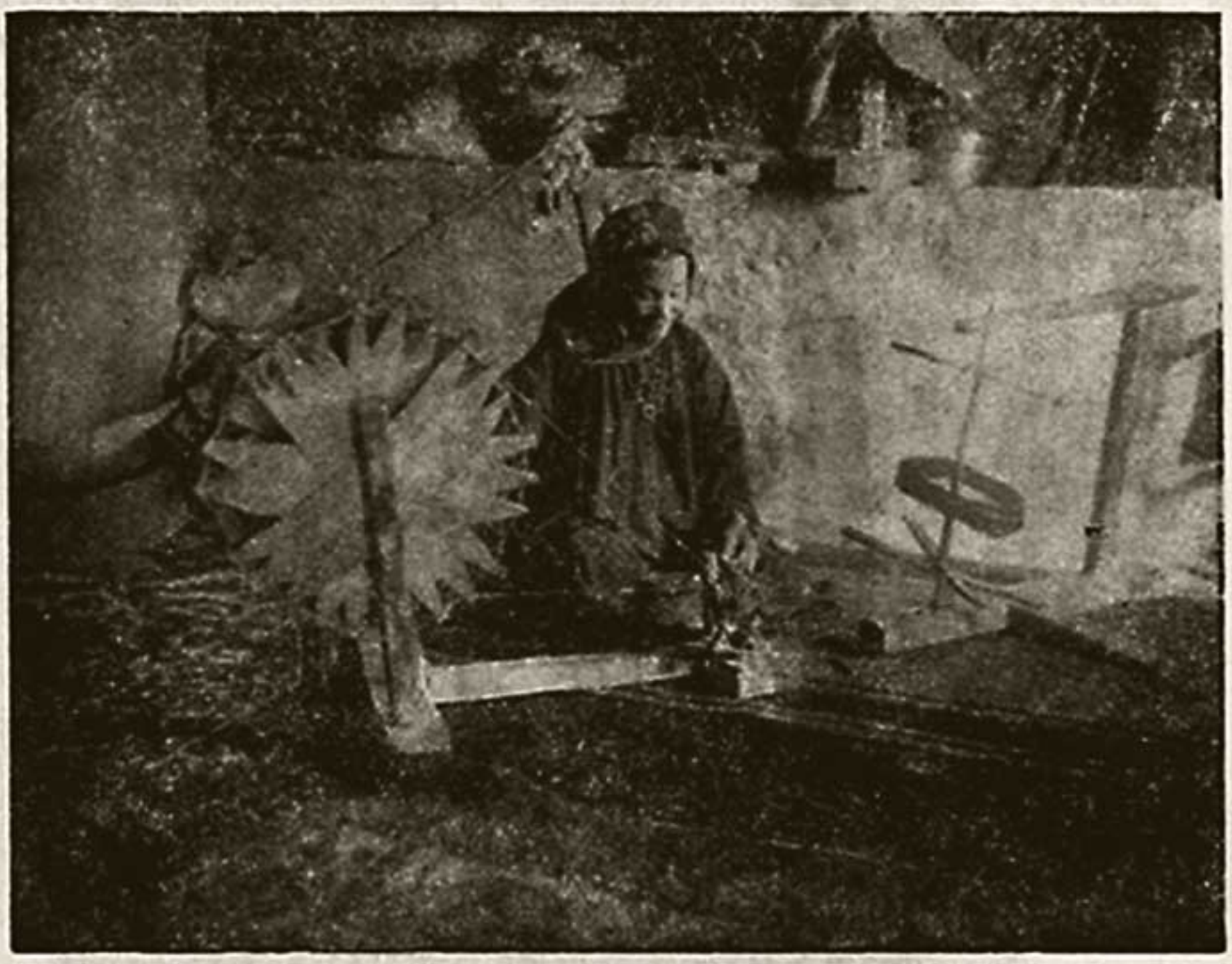

Рис. 19. Вторая стадия обработки шелка.

В Узбекистане очистка шелка делается иначе: к деревянному столбу, вбитому в землю мастерской, прикрепляется горизонтально совершенно гладкий и круглый деревянный валик. После промывки шелка в холодной воде, моток надевают на валик и туго несколько раз скручивают руками. Таким образом шелк отжимают и вытягивают его нити, причем внутренняя часть мотка, соприкасающаяся с гладкой поверхностью валика отглаживается. Моток передвигают по валику несколько раз, пока он весь не отгладится. Затем шелк гладится и глянцуется[72].

Шелк красят преимущественно в красный, желтый, зеленый, черный и синий цвета. Крашение шелка производится в медной посуде (мис). Мурчинцы употребляют растительные краски (корни, стручки и прочее), преимущественно местного приготовления. В старое время часть красок приобреталась в Иране и Хиве[73].

Местные растительные краски сначала кипятят с водой, потом раствор процеживают и наливают в красильный котел (мис.) Многие из растительных красок требуют протрав для лучшего закрепления их на шелковом волокне. Протравой во всех случаях служат квасцы (зэк), добываемые на месте, в горах.

На восемь весовых частей шелка берется одна часть квасцов. Вскипятив воду и растворив квасцы их опускают в казан с горячей водой. Когда вода в котле сделается теплой, в ней на несколько часов (от 2 до 6) замачивают шелк. Если шелк красят искусственными красками, то вымачивают его в растворе с квасцами 2 часа, если растительными красками — шесть часов. Крашение шелка как искусственными, так и растительными красками производится в горячих растворах красок в мед-

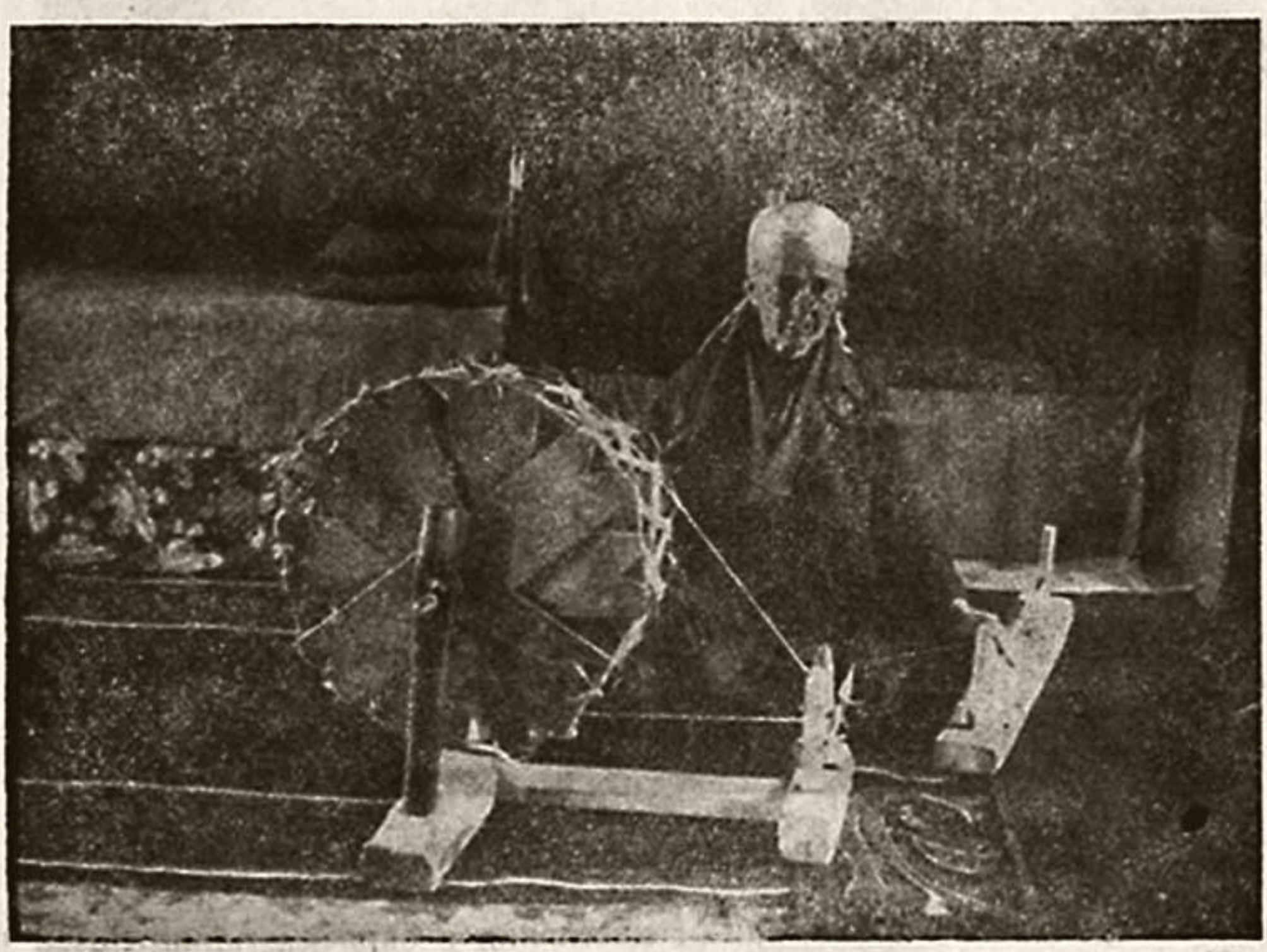

Рис. 20. Третья стадия обработки шелка.

ной посуде (мис) с постепенным перемешиванием мотков шелка деревянной палочкой. При крашении искусственными красками кипятят шелк около 1,5 часов, а растительными красками от 2 до 3 часов. Во всех случаях крашение шелка производилось с применением протрав. Протравой у мурчинцев служили гранатная корка и железные опилки. Гранатную корку вместе с железными опилками кипятят в воде несколько часов (примерно от 4 до 7), полученный настой процеживают и в нем красят шелк в черный цвет. При окраске в красный цвет в котел-мис вместе с краской опускают одни гранатные корки.

Мурчинцы краски добывали из специальных красильных растений. Так, например, желтую краску изготовляли из растения «сарычоп» или из листьев шелковицы, алую из корня растения «ер-боясы», красную краску из марены (ораян), в изобилии дико растущую у подножья Копет-Дага, в частности в окрестностях селения Мурча. Готовую зернистую красную краску, считающуюся самой лучшей (гырмыза боя), привозили из Ирана или из Хивы. Синюю краску получали из индиго (нил), приво-

зимого из Ирана. Индиго имеет огромное применение в красильном искусстве как для окрашивания шелка во все оттенки голубых тонов, так в зеленый цвет. Последний получается при обмакивании материала или нитки желтого цвета в раствор индиго. Из-за трудности доставки индиго и его дороговизны, среди мурчинцев были специалисты-красильщики (боягчылар), которые умели сохранять индиго долгое время в

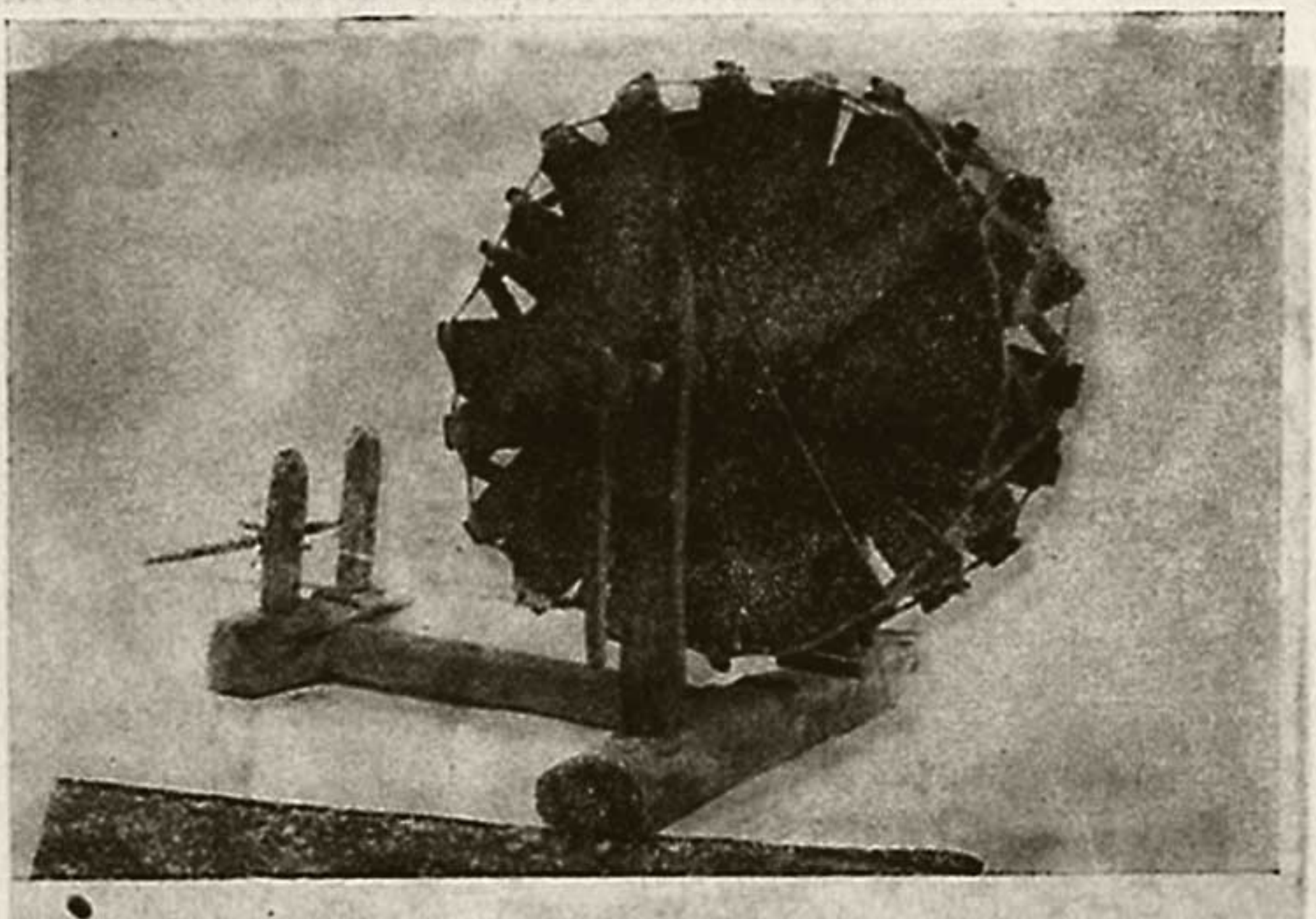

Рис. 21. Самопрялка.

больших хумах. Они принимали от населения в окраску ткани, нитки и пр. Имеются сведения, что они держали в отдельных комнатах десятки хумов с краской, особенно «гок нил». Группу людей, которые занимались красильным делом стали называть красильщиками (боягчылар). Возникла родовая группа красильщиков, которая и по сей день называется боягчылар.

В изучаемый период, согласно устным данным, все боягчылар занимались в основном красильным делом.

В советское время при крашении шелка не употребляют протрав (квасцов, гранатной корки); для крашения ткани или нитей пользуются готовыми анилиновыми красками, которые свободно продаются как в сельских, так и в районных магазинах. К сожалению, это сказалось на ухудшении качества окраски, т. к. анилиновые красители нестойки и быстро выцветают.

По окончании крашения перед подготовкой основы для ткацкого станка шелковые нити вторично обрабатываются при помощи станка чархыза-перрик для окончательной очистки их от посторонних примесей и грязи.

Приготовление основы для ткацкого станка у мурчинцев производится следующим образом. В отличие от других туркменских племен

мурчинские мастера-плотники изготавливали сами специальные станки «тара йувирден» — станок для подготовки основы, который состоит из четырехугольного деревянного остова длиною 180 см, шириною 80—90 см. В ширину по обе противолежащие стороны вбиваются обтесанные деревянные колышки на расстоянии 5—6 см один от другого. Всего их вбивается на каждой стороне по 16 штук. На таком станке можно подготовить основу для 28 м материи. Используя 8 колышков названного станка, можно приготовить основу для одного мужского халата.

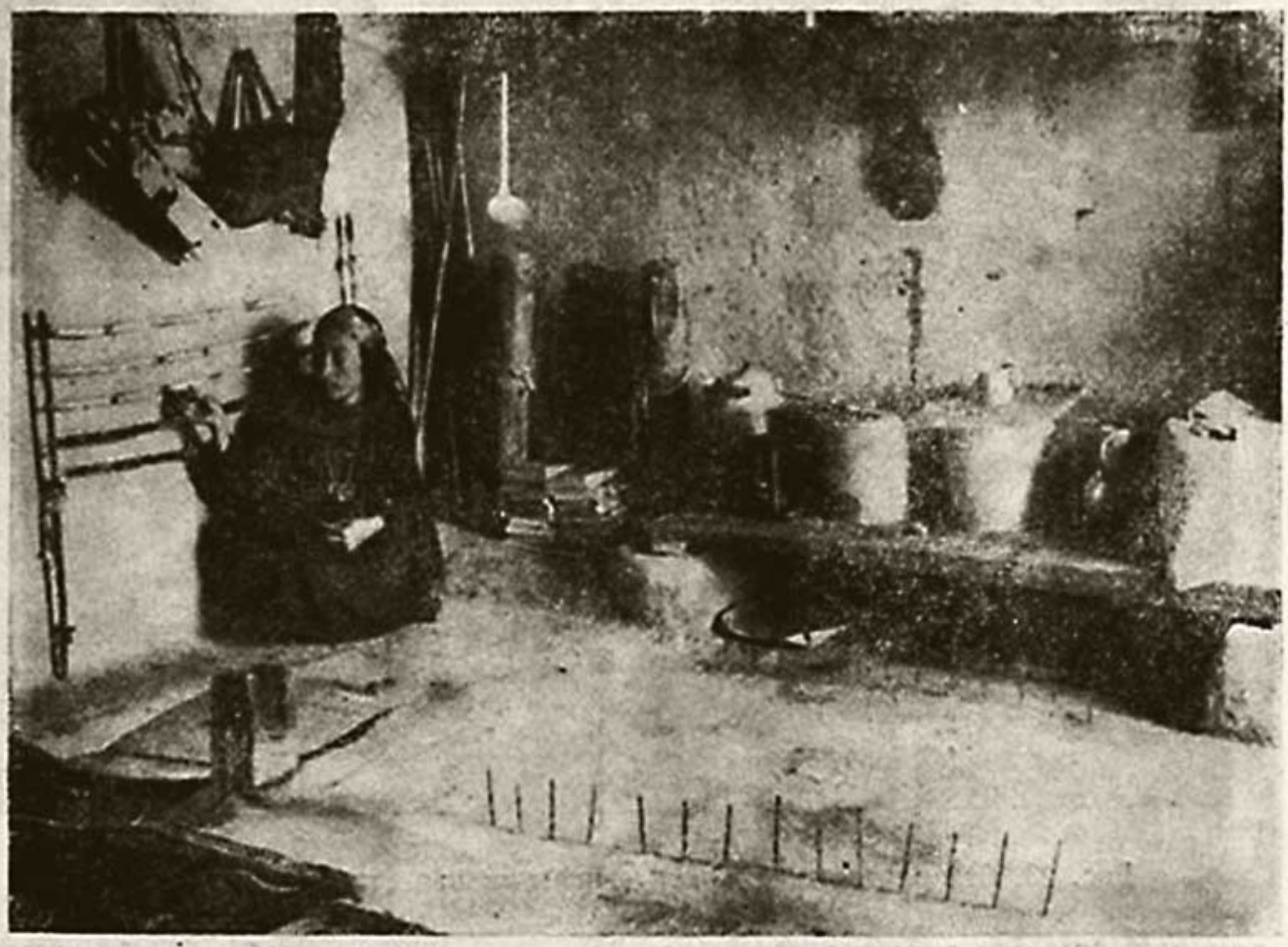

Рис. 22. Процесс подготовки станка „тара-йувирден" для изготовления основы тканья.

Основа навивается следующим образом: на стене параллельно станку «тара йувирден» забивают 4 колышка на расстоянии около метра один от другого, по 2 колышка с обеих сторон, между этими колышками протягивают шнур, а на него одевают шпульки — на каждый шнур по 10 штук (всего 20 штук). Одновременно со всех шпулек женщина берет нити и, сидя на корточках, начинает навивать основу от первого колышка до последнего, забрасывая нити то на левый, то на правый соответствующий колышек, дойдя до последнего забрасывает нити на свободный не парный колышек, образуя с его помощью петлю. Затем возвращается к первоначальному колышку тем же путем.

Подготовленная основа снимается и связывается в нескольких местах узлами, чтобы не путалась. Навивает основу обычно одна женщина. В настоящее время, у некоторых туркменских племен—гёкленов, нохурцев[74] для подготовки основы пользуются гвоздями, вбивая их непосредственно в землю.

По сей день в каждом доме у мурчинцев имеется простой ткацкий станок. Станок у всех туркмен, в частности у мурчинцев, — горизонтальный; ставится он в каждом доме у окна, чтобы ткачиха не испытывала недостатка в свете. Делается для станка специальное место — кергай (у нохурцев «каргай»). У мурчинцев кергай как в зимних, так и в летних помещениях, устраивается в виде небольшого углубления в полу

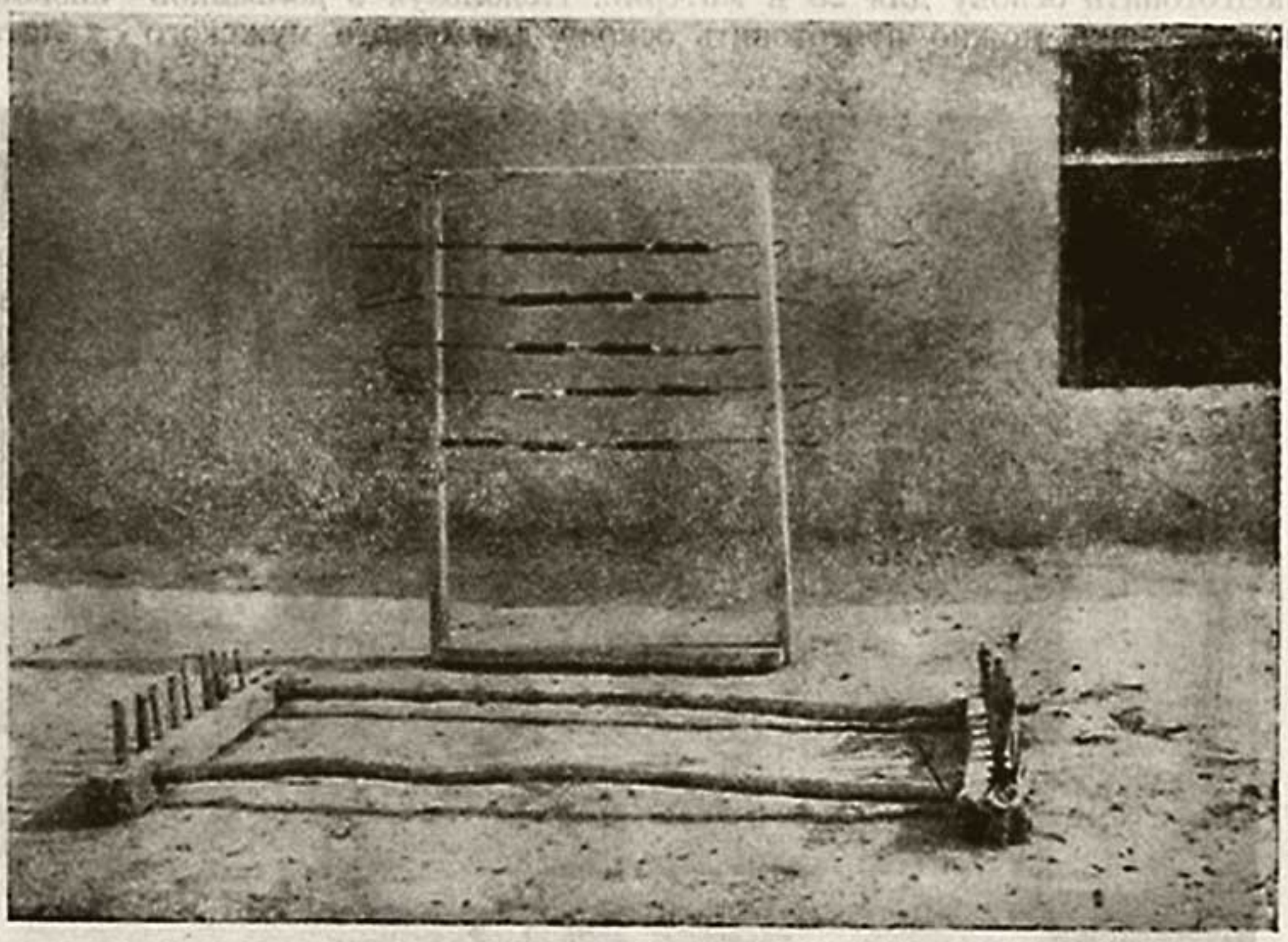

Рис. 23. Станок для подготовки основы тканья „тара-йувирден".

для ног, так как ткачиха сидит на земле, подстелив небольшой кусок войлока или коврик. Процесс работы на ткацком станке у мурчинцев тот же, что и у других туркмен.

Ткачиха садится за рабочее место в кергае, ноги ее упираются в петли ремизы (гулле), специально сделанные для ног, спускающиеся с потолка на двойных шерстяных веревках (гулле йупи). Параллельно к «гулле йупи» с потолка на деревянных блоках спускается на таких же шерстяных веревках «дестик» — рама прибивающая своими частыми зубьями нитку, через которую пропускают в два ряда основу, закрепляется она на толстых веревках, идущих от потолка. Перед ткачихой на двух развилках (он агаджи) укрепляется ноуверт[75], на который наматывается готовая ткань. Ноуверт вращается на развилках, имеет на правой стороне отверстие, при помощи которого ткачиха закрепляет колышки во время работы. По мере готовности ткани для следующей подачи основы служит третий род толстых шерстяных веревок «арчын йупи», тоже спускающихся с потолка и закрепляющихся справа от ткачихи. В противоположной стороне от ткачихи у стены на таких же развилках укрепляется «арт-агаджи» заднее бревно, через которое проходят нити основы,

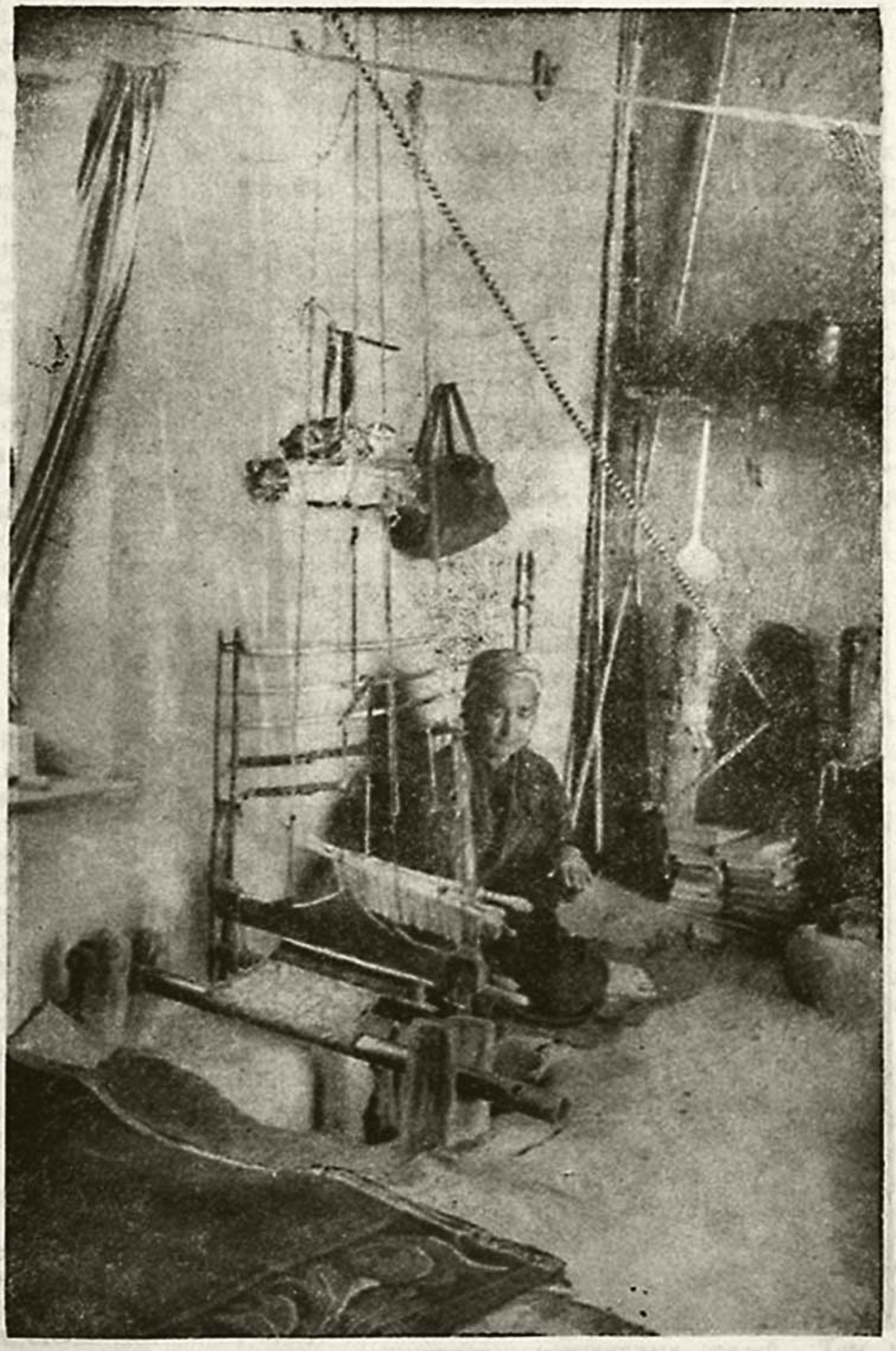

Рис. 24. Ткацкий станок „кергай".

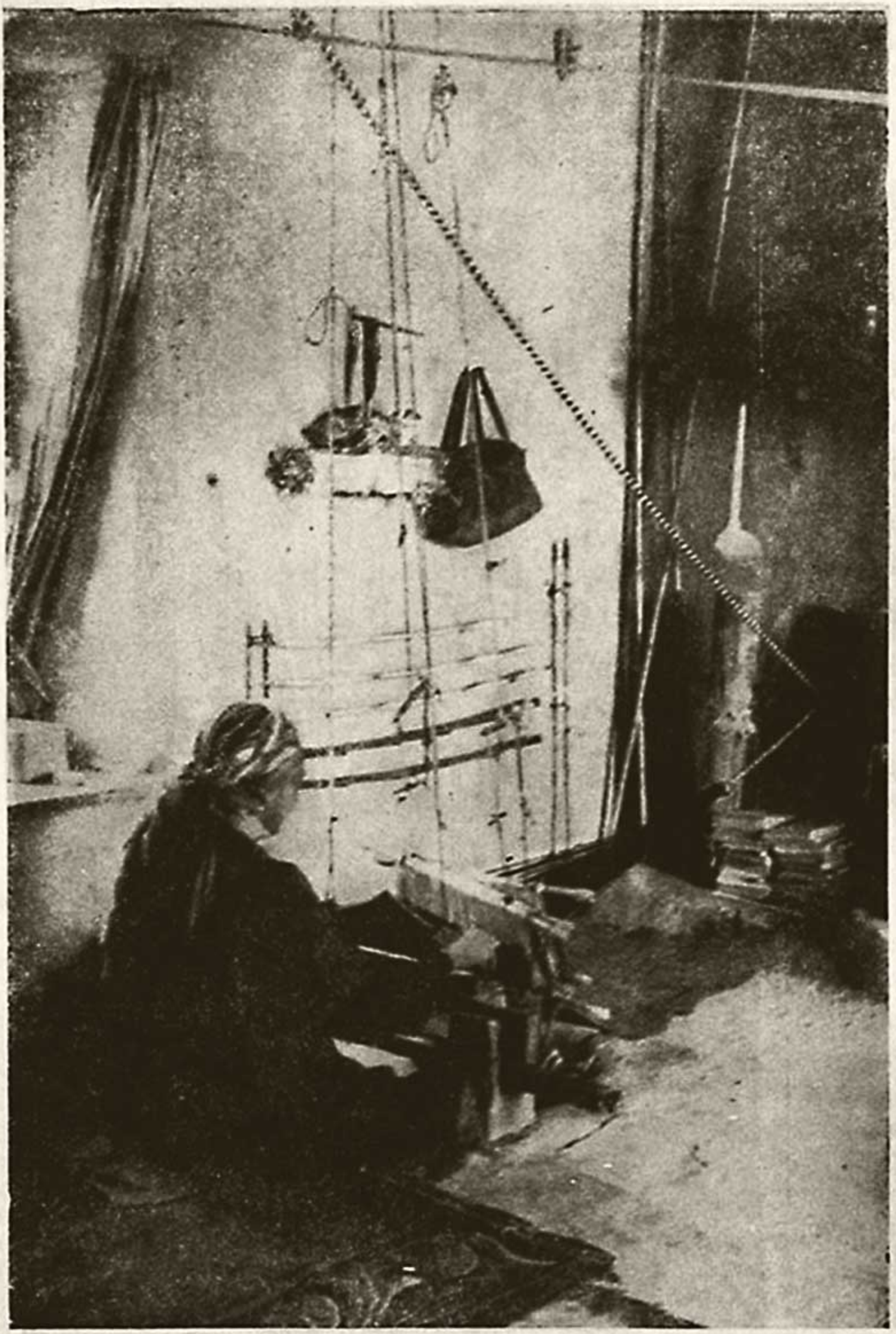

Рис. 25. Процесс работы на ткацком станке.

после чего прикрепляется второй конец к «арчын йупи». В момент тканья ткачиха нажимает ногою на ту или иную петли ремизы, образуя пространство между верхними и нижними рядами ниток, через которые пропускается челнок с утком, после чего ткачиха дестик притягивает к себе, прибивая нить к готовому полотну. Хорошая ткачиха может соткать в день до 8 м ткани шириной в 35 см.

Кроме шелкоткачества, женщины-мурчинки занимались тканьем ситца. Культура хлопчатника у мурчали, как уже сказано выше, была столь же древней, как и шелководство. Мурчинцы издавна занимались ситцеткачеством. Получаемый хлопок имел исключительно местное значение: хлопок шел на выделку ваты для одеял, подушек и халатов, а также на пряжу, из которой изготовлялись грубые ткани (мата, алача и др.) для мужской и женской одежды.

В длинные зимние вечера хлопок очищался от коробочек вручную членами семьи, и освобождался от семян примитивным способом, чыкриком — деревянной машинкой для очистки хлопкового волокна от семян.

Выработка ситца производится на тех же станках и теми же способами, что и обработка шелка. Ткали ситец (биз, алача), который шел в основном на мужскую одежду; ситец для женской одежды — алача, красили в красный (гырмызы), синий (гок) и черный (гара) цвета. Окрашивали и пряжу и ткани.

ТОРГОВЛЯ И ПУТИ СООБЩЕНИЯ

В хозяйстве мурчинцев производство в основном было рассчитано на свои собственные нужды, за исключением частичного небольшого обмена продуктов и товаров, производимого в пределах своего аула с соседними туркменскими племенами. Поэтому хозяйство мурчинцев в значительной мере носило полунатуральный характер. Мурчинцы славились своими хлебами. Недаром до последних дней говорят: «Лучший хлеб в Мурче и Арчмане»[76] — «Онат чорек Мурчеде ве Арчманда». Если на базаре видят добротную пшеницу, говорят: «Мурченин бугдайы ялы ак бугдай»—«пшеница белая, добротная, как мурчинская» и т. д. Продавая или обменивая излишки зерна, кунжута, окрашенные шелковые и хлопчатобумажные нитки, самотканные материи соседним текинским аулам, мурчинцы приобретали у них рабочий скот, кошмы, ковры, женские украшения и прочее.

Мурчинские кузнецы искусно по тому времени изготовляли сельскохозяйственный инвентарь — лемехи, лопаты, вилы, серпы, топоры, всевозможные подковы, которые охотно брались в соседних аулах. Мастера по дереву брали заказы на изготовление деревянных частей для ружей, дверей, деталей для маслобойни-джуваз.

Один из существующих издавна караванных торговых путей между среднеазиатскими ханствами и Ираном проходил в средние века через древнюю стоянку Языров (Шехр-ислам), которая находится на расстоянии 18 км от древнего поселения Мурча. Но в XVIII—XIX вв. военные столкновения и раздоры между отдельными туркменскими племенами сильно препятствовали налаживанию регулярных связей. Тем не менее мурчинцы ездили в Хиву за хивинскими товарами. Из Хивы мурчинцы привозили ватные халаты (хыва дон), халаты из верблюжьей

шерсти (чэкмен), заменяющие у туркмен непромокаемые плащи и одеваемые поверх ватных халатов, различную посуду, котлы (казаны), самовары (Хыва самовары), кумганы (кундук). Из Ирана привозили краски, в особенности зернистую красную краску «гырмызы боя» для окрашивания шелковых и хлопчатобумажных ниток и тканей, чай, оружие и персидскую медную посуду (мис, кундук[77] и др.) для воды. Мурчинцы, выезжавшие в Иран и Хиву, в основном приобретали те товары первой необходимости, которые на месте не производились и пользовались большим спросом.

В Хиву, а также в Иран с целью торговых операций ездили в основном зажиточные, состоятельные мурчинцы, их всего было несколько семейств; хозяйство беднейших слоев сохраняло в значительной мере натуральный характер.

После присоединения Средней Азии к Российской империи произошли большие изменения в экономической и культурной жизни туркмен, особенно у маленьких туркменских племен, как племя мурчали и др., для которых поездки в Хиву и Иран прежде были опасны и связаны с множеством лишений и бедствий. После присоединения Закаспийского края к Российской империи, с появлением железной дороги, станций и русских поселков, особенно усилился спрос на продукты садоводства и овощеводства, вследствие чего мурчинцы значительно увеличили площади под виноградники и яблони и, переняв опыт у русских переселенцев, начали выращивать помидоры и картофель (ер алмасы). Таким образом, близлежащие аулы были втянуты в торговлю с русскими.

С приходом русских начали прокладываться шоссейные дороги для колесных повозок, что давало возможность мурчинцам вывозить виноград, яблоки, абрикосы в города и поселки с русским населением—Кизыл-Арват, Геок-тепе, Ашхабад и др.

Наравне с продуктами садоводства, мурчинцы везли для продажи в Ашхабад шелковые ткани на женские платья и мужские халаты. В Ашхабаде, где был сосредоточен административный центр царского правительства, была организована как русскими торговцами, так и местными перекупщиками продажа необходимых предметов домашнего обихода — самоваров, чайников, печек чугунных и железных, пиал, всевозможных анилиновых красок для шелка и шерсти и т. д. В результате в дальнейшем отпала надобность выезда за этими товарами в Хиву и Иран.

Торговлей занимались многие мурчинцы в свободное от полевых работ время. Профессиональных торговцев, имевших свои лавки и регулярно ввозящих и перепродающих товары, у мурчинцев было всего несколько человек; некогда они совершали поездки в Иран и Хиву, после же присоединения Туркмении к России, с появлением среднеазиатской железной дороги, они стали выезжать за шелком в Самарканд, Коканд и другие города Узбекистана.

Мурчинцы, в свою очередь, шелковые ткани для женских платьев и мужских халатов начали реализовать на рынках в городах Мары и Ашхабаде. До сих пор на рынках этих городов большим спросом пользуются шелковые ткани мурчинских мастериц, а продукты сельского хозяйства — фрукты, овощи на колхозных автомашинах вывозят во вновь рожденные промышленные города Туркмении — Красноводск, Небит-Даг, Кизыл-Арват и в столицу Ашхабад.

В последние годы, с переходом целиком Бахарденского района, в том числе колхоза им. Жданова сельсовета Мурча и колхоза им. Сталина сельсовета Дэв-кала, на посев овощных культур—капусты, картофеля, помидор, свеклы, огурцов, лука и бахчевых — дынь, арбузов, получила широкое распространение колхозная торговля овощами, имеются специальные колхозные ларьки в городах — Небит-Даге, Ашхабаде, в районном центре Бахарден, куда колхозниками-мурчинцами постоянно доставляются свежие овощи и фрукты. В самом селе Мурча также имеется ларек со свежими овощами и фруктами для продажи их членам артели и аульной интеллигенции. В ауле Мурча, а также в Дэв-кала имеется магазин потребкооперации в котором можно купить все необходимое, как-то: мануфактуру, посуду, чай, сахар, соль и т. д. Колхоз «Совет» с/с Дайна, находящийся в Верхнем Сумбаре, вывозит свои продукты на прекрасных колхозных машинах в районный центр — Каракала, ближайший город Кизыл-Арват, а иногда и в Ашхабад. В сельсовете Дайна также имеется магазин потребкооперации, в котором колхозники в любое время могут купить все необходимое.

ГЛАВА III

БЫТ МУРЧИНЦЕВ. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

ПОСЕЛЕНИЕ, ЖИЛИЩЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ПОСТРОЙКИ[78]

Мурчинцы, как уже описано, занимают три селения, из них одно селение Дайна[79] расположено в горной местности у реки Верхний Сумбар, а селение Мурча и Дэв-кала находятся в Прикопетдагской равнине, т. е. в Ахальском оазисе. Эти два селения пользуются водой кяриза, проложенного вдоль домов. Продольная планировка селения в значительной мере была обусловлена линиями магистральных арыков, так как вода в селения поступала из кяризов и каждый старался расположить свое жилище и усадьбу так, чтобы потеря воды при отводе ее из арыка на участок была минимальной.

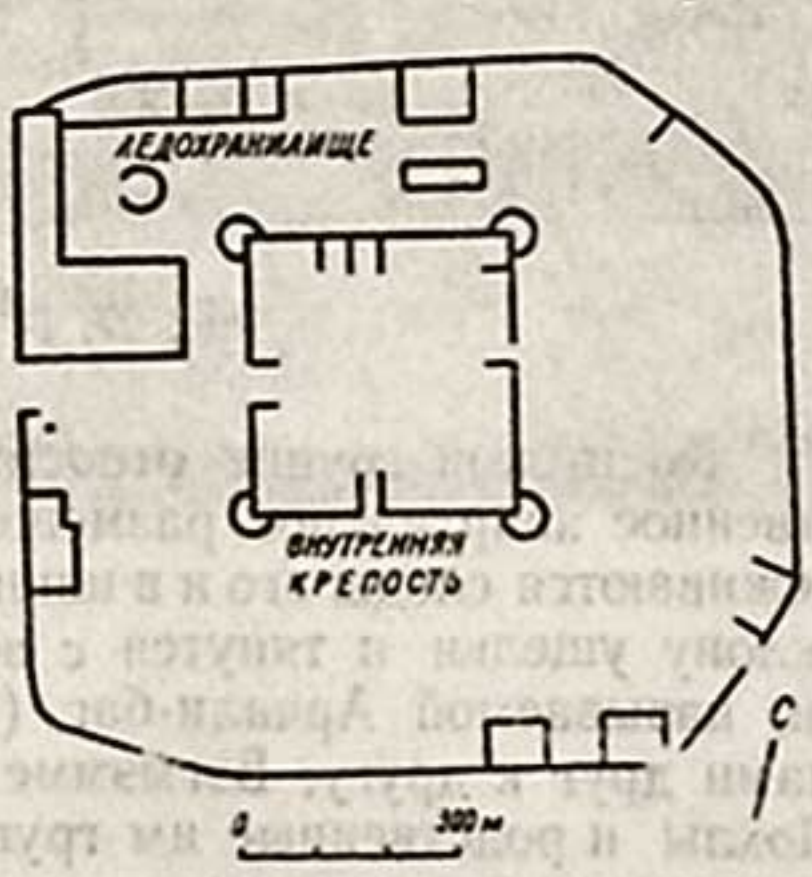

Рис. 26. План с. Дев-кала.

Обязательным элементом многих селений вплоть до присоединения Туркмении к России служила крепость-кала. В селении Мурча для нее была использована твердыня старого средневекового тепе, которое находится в центре современного селения Мурча, а в местечке, расположенном на территории колхоза имени Сталина, была построена в свое время Дэв-кала. О планировке первой трудно судить, так как земля ее уже много лет вывозится для активизации полей; планировка же Дэв-кала весьма своеобразна. Она имеет двойной ряд стен с расположенным в середине квадратом основной крепости, с трехчетвертными округ-

лыми башнями по углам (площадь ее до 0,2 га). Внешняя стена охватывает территорию в 1 га. На развалинах старого селения Дэв-кала сохранились остатки многочисленных строений. Стены пахсовые, высокие, с бойницами. Ворота обоих крепостей обращены в сторону селения.

Селения, в которых живут мурчинцы, по типу планировки делятся на две группы. Первый тип — аулы, где живут потомки нескольких родов и поселение делится на кварталы. К ним относятся аулы Дайна и Дэв-кала. В ауле Дайна живут в основном роды Бегмэммет (боягчылар) и Похлы, а в Дэв-кала — Хывалы и Похлы или близкие родственники указанных родовых групп.

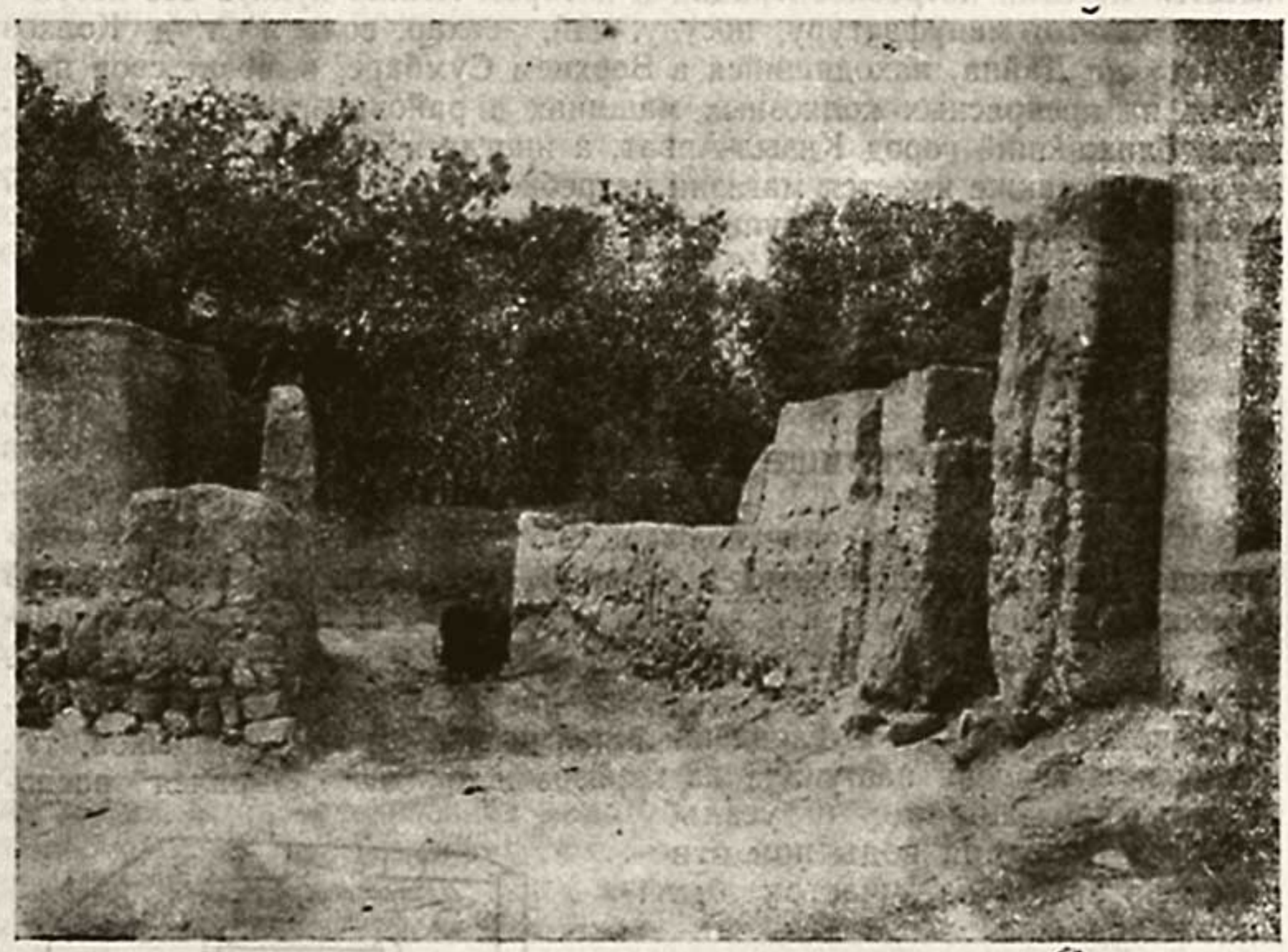

Рис. 27. Главная улица села Мурча.

Ко второй группе относится аул Мурча, где первоначальное родственное квартальное размещение несколько нарушено, но все же прослеживаются следы его и в наши дни. В ауле Дайна дома расположены по склону ущелья и тянутся с востока на юго-запад. В юго-западной части, называемой Арчали-баг (арчевый сад), поселились, примыкая домами друг к другу, Бэгмэммет, а в противоположной восточной части — Похлы и родственные им группы. В ауле Дайна дворов нет, дома очень простые, в большинстве однокомнатные. Основание строений сделано из камня, стены из сырцового кирпича и пахсы. Хозяйственные постройки расположены сзади дома или сбоку от него. Сады, виноградники и огороды, как во всех горных поселениях, тянутся цепью по ущелью.

Селение второго типа — аул Мурча. С самого начала по середине аула в направлении с востока на юг проходит неширокая, кривая глав-

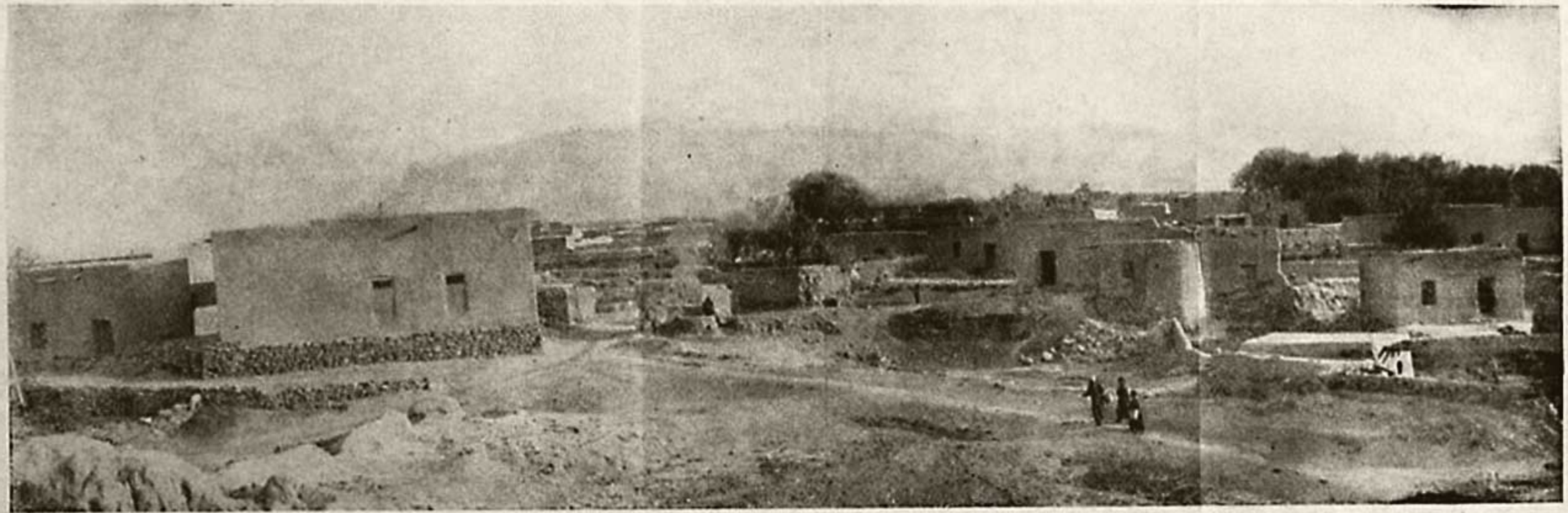

Рис. 28. Квартальная улица с. Мурча с показом отдельного уголка с. Мурча.

ная улица, по которой вполне может пройти колесный транспорт, а также автомашина. На планировку селения Мурча обратили внимание в 1899 г. А. А. Олсуфьев и В. П. Панаев; по их словам: «Здесь, в ауле Мурча, уже видна некоторая система в распределении глинобитных мазанок, имеются улицы, хотя кривые, узкие и плохо содержимые, но все же улицы, по которым можно передвигаться даже в экипажах»[80].

В южной части селения, в конце улицы, примерно в 2—3 км начинаются мурчинские кяризы—Куня и Тазэ. Мурчинцы издавна орошают свои посевы водой этих кяризов. Почти параллельно улице тянется магистральный арык с водой, который перерезает аул пополам, выходит в восточной части в конце аула и попадает на орошаемые поля мурчинцев.

Поливные земли мурчинцев в восточной и северной части примыкают к аулу. Вдоль арыка от самого верха (южная сторона) до самого низа (восточная и северо-восточная стороны) идет каменистая, кривая улица, имеющая в нижней, средней и верхней части несколько разветвлений, т. е. узенькие переулки. Дома расположены по обеим сторанам улицы, причем большинство этих домов замыкает небольшими садами, огородами и двориками. Вся усадьба обнесена глинобитными или каменными стенами. Сады и дворики при домах изобилуют фруктовыми деревьями — яблонями, вишнями, абрикосами, тутовыми деревьями и виноградниками.

Местность, окружающая селение, весной зеленеет низкорослыми травами и расцвечена маками, а в остальное время года покрыта полынью. Наряду с этим в окрестностях аула очень много камня (даш) и гальки (чагыл), принесенных сверху с гор периодическими весенними послеливневыми дождями и силевыми (сил) потоками. Камень является строительным материалом, используется для забутовки фундаментов, выкладки цоколей домов, ступеней лестниц, невысоких заборов в некоторых случаях и стен. Кладка таких домов производится преимущественно из плитняка, при размерах плит 24—40 см по длине и 10—12 см по высоте, с забутовкой промежутков мелкой галькой на земляном растворе.

Единообразия в расположении помещений и различных угодий внутри каждого дома не наблюдается. У мурчинцев обычно у самого дома растут абрикосовые или тутовые деревья, за ними огороды и клеверники, а дальше, за домом, виноградники и т. д. Хозяйственные постройки в большинстве случаев строят во дворе (например усадьба Довлет Юзбаши), в некотором отдалении от дома расположены службы. Есть дома, где дворов вовсе нет, но таких мало.

В ауле два кладбища: одно из них общее, непосредственно примыкает к аулу и находится в центральной западной части селения; второе расположено в южной части аула на расстоянии 1,5—2 км. Оно принадлежит роду Ходжа. Во главе последних стоял Карагул Ходжа, прах которого покоится на этом кладбище до настоящего времени.

В самом центре аула Мурча рядом с остатками древней калы стоит мечеть; немного выше, на расстоянии около 400 — 500 м имеется древний памятник — мазар Зенги-Баба. Он сложен из жженого кирпича раннесредневекового стандарта 21×21×4 см, видимо, взятого с развалин другого, более древнего сооружения; кладка стен и арок на глиняном растворе. Размер мазара снаружи 6,65×7,00 м; внутри — квадратное помещение (3,85 м в стороне). Вход расположен на северо-

восточной стороне и подчеркнут сводчатым айваном, несколько выступающим относительно основного объема стен. Входная часть выделена невысокой глинобитной оградой. Внутри мавзолея прямоугольное надгробие 2,00 × 1,35 м при высоте 90 см.

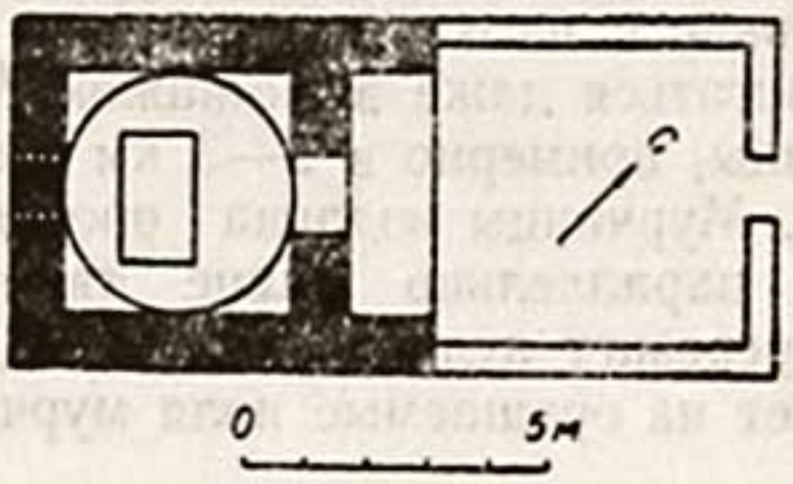

Рис. 29. Мазар Зенги-Баба (план).

Вероятная дата возведения мазара X—XI вв., а перестройки его —XIII—XIV вв. На фасаде сохранились следы ремонта, когда мавзолей был украшен поливными изразцами; среди них—голубые фигурные кирпичики, плитки резной и штампованной терракоты. Орнамент последних растительный и эпиграфический, голубых и синих тонов; дату этих изразцов можно отнести к первой половине XIV в.

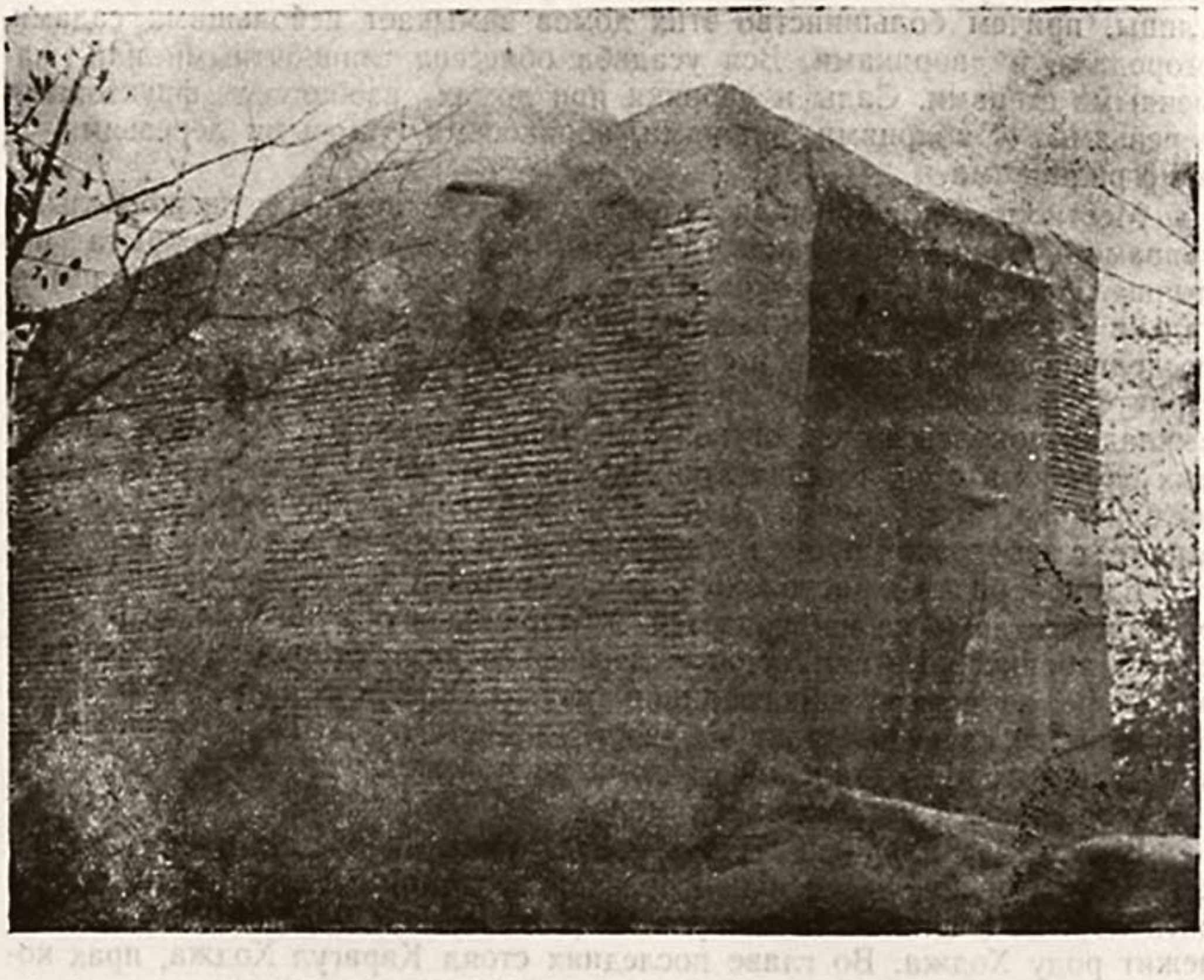

Рис. 30. Мазар Зенги-баба.

Культ мазара Зенги-Баба существовал до недавнего времени. Близ него устроены особые ямы для сливания крови жертвенных животных. Возле самого мазара и этих ям собрано множество шаровидных окатанных булыг (диаметром от 17 до 30 см). Еще сравнительно недавно сюда приходили юноши селения и поднимая их испытывали свою силу[81]. Собраны здесь также крупные окаменелости—аммониты.

За последнее время в восточной части аула появились отдельные дома и дворы с домами. Они принадлежат семьям, выделившимся после женитьбы из большой семьи и поселившимся здесь из-за отсутствия площади в своем квартале.

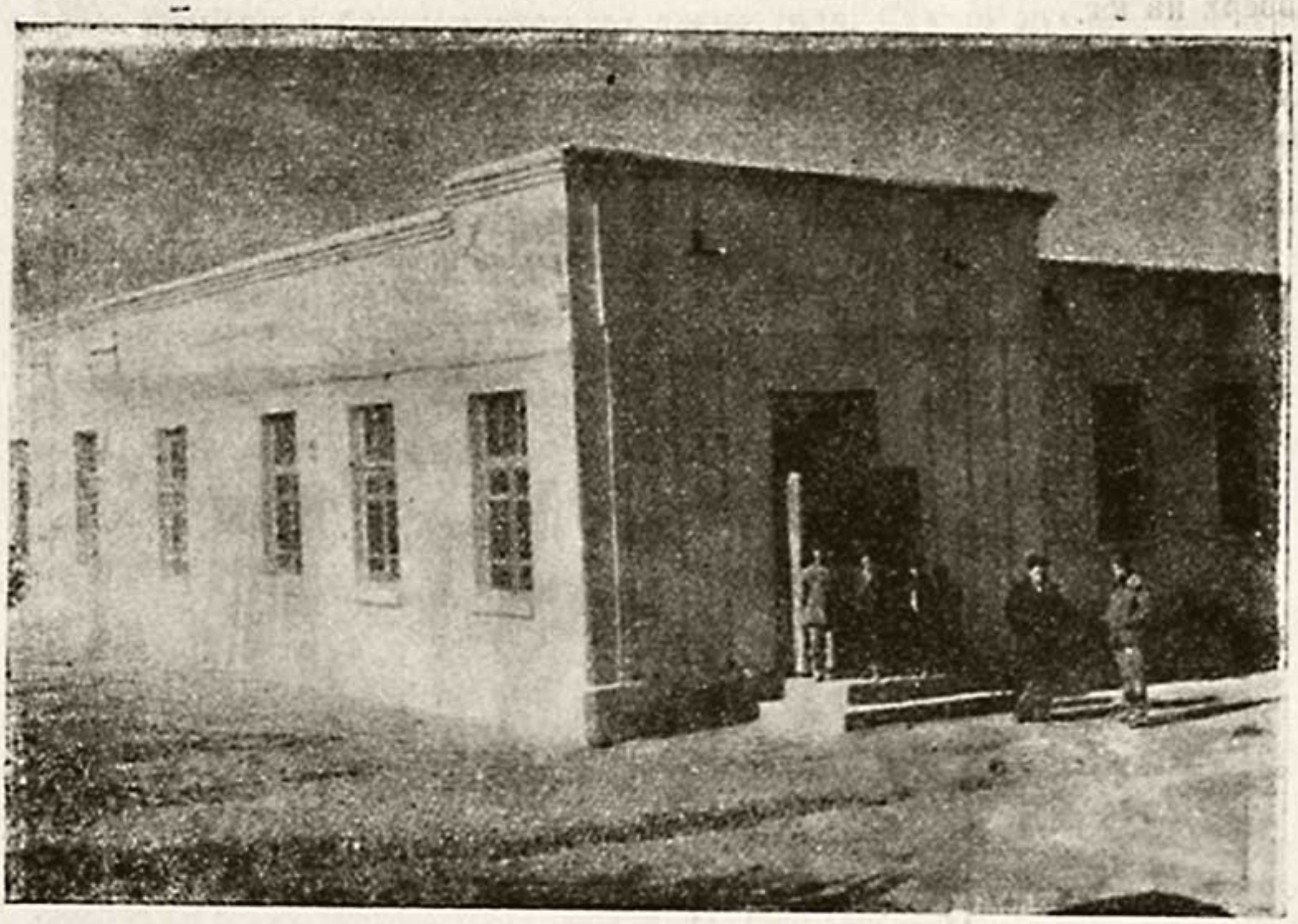

Рис. 31. Семилетняя школа в селении Мурча

В центре современного колхозного села теперь имеется 7-летняя школа, утопающая в садах, со своими школьными огородными участками, а южнее на расстоянии около 400—500 м — правление колхоза, сельсовет, магазин сельпо, сельский медицинский пункт и ткацкая артель.

Центральная улица с. Мурча идет с самого начала селения с восточной стороны, и тянется примерно на километр. Затем поворачивает прямо на юг около древней Калы и мечети и тянется до конца селения. На этом повороте возле старой Калы идет на расстоянии примерно 1—1,5 км такая же улица, где по настоящее время живут семьи одного рода — гечи. Дальше от центральной улицы, выше к югу, отходят маленькие переулочки, где жили отдельные роды дабаши, похлы, а в самой центральной части большинство участков заселено родами юзбаши, овшар, эрвап.

По окраинам аула живут те, которые сравнительно недавно влились в состав мурчали, как, например, хивалы. Также на окраинах аула живет компактно род ходжа. По старой планировке отчетливо видно, как недавно каждый род компактной группой занимал те или иные участки. Постепенно описанный порядок нарушался, т. к. некоторые из вновь прибывших занимали иногда заброшенные или пустующие дома в центральных кварталах аула, которые прежде целиком принадлежали одному какому-нибудь роду мурчинцев.

В ауле Мурча каждая семья имела свою усадьбу, сад и виноградник вблизи дома. Все жители селения стремились устроить свое жилище и усадьбу как можно ближе к магистральному арыку, поэтому аул длинной нитью тянется на несколько километров по обеим сторонам улицы вверх на юг.

Рис. 32. Магазин сельпо в с. Мурча.

Планировка усадеб мурчали отражает особенности быта этого оседлого туркменского племени. Высокая земледельческая культура накладывала отпечаток на план усадьбы, на распределение жилых и хозяйственных построек.

Очень характерна в этом отношении усадьба Довлет-Юзбашиоглы[82]. Перед воротами (дарваза) у самого въезда помещался открытый загон для скота (мал ятак), где собирался для удобрения навоз, затем небольшие закрытые стойла (мал ятак), склад фуража (саман-хана), закром (пархов) и т. д. В глубине обширного двора — четырехкомнатный дом с айваном: одна из комнат служит для приема гостей, две смежные являются основным жилищем семьи, а четвертая используется для хранения продуктов. Айван является местом отдыха в летнее время и ориентирован на север (как и в других домах селения Мурча). Во всех комнатах имеются камины (пухар) для отопления. За домом расположен фруктовый сад, за ним — виноградник и клеверник. Вокруг последних посажены деревья шелковицы, образующие защитную полосу от жарких ветров. Усадьбу характеризует компактность размещения построек и сада, взаимодействие зелени и архитектуры, забота об уюте. Общая конфигурация усадьбы вытянутая, прямоугольная.

Дома мурчинцев в основном построены из сырцового кирпича и камня. Стены почти во всех домах выложены из сырца, цоколи и ступень-

ки — из камня. Кроме этого камень используется для забутовки фундамента.

Мурчинцы, как и другие родственные им туркменские племена, строительством дома начинают заниматься, когда имеют больше свободного времени и благоприятствует время года. Самым лучшим временем года для строительства считается начало осени. Перед началом строительства идет заготовка материала, в том числе лесоматериала для перекрытий, который привозится из окрестных гор. Больше всего време-

ЖИЛОЙ ДОМ

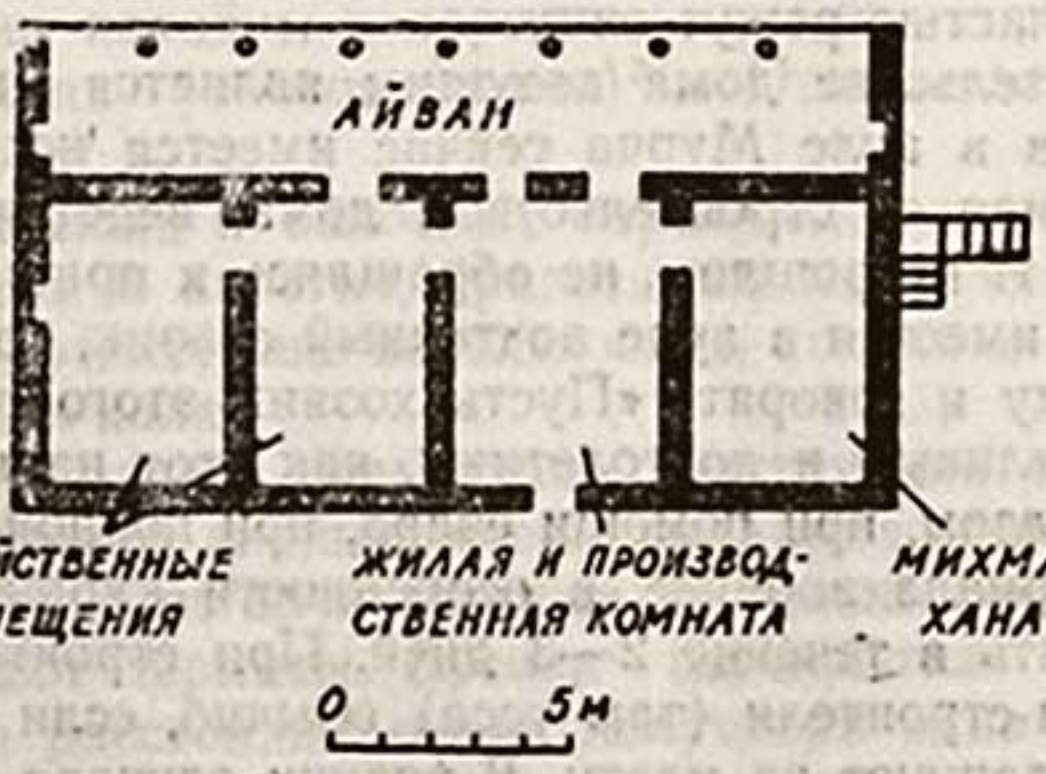

Рис. 32. Усадьба Девлет Юзбаши Оглы. План.

ни требует заготовка сырцового кирпича (для одной комнаты размером в длину 4 м, в ширину 3 м и высотою в 4 м, требуется до 12000 штук). Самым лучшим временем подготовки сырца считаются летние месяцы, т. к. в это время он очень быстро высыхает и уже на второй день кирпич

собирают с площади и укладывают ближе к строительству в специально отведенном месте.

К заготовке кирпича приступают так. Недалеко от участка, где должен строиться дом, хозяин делает яму, куда пускает воду. Когда глинистая почва размокнет, хозяин с членами своей семьи хорошенько размешивает глину, чтобы не было комков; затем она выкладывается из ямы на очищенную ровную площадку и тогда начинают делать кирпич. Для этой цели существует особая деревянная форма (галып), состоящая из четырех отделений и с двумя ручками. Размер кирпича у мурчинцев почти стандартен, он равен 25×13×7 см. Для того, чтобы глина лучше отставала от формы, последнюю посыпают барханным песком или золой, а затем, заполнив глиной, переворачивают на землю. Кирпичи остаются на земле, а форму снова посыпают барханным песком, наполняют глиной и т. д.

Таким образом, хороший кирпичедел может в течение дня сделать до двух тысяч кирпичей. По мере высыхания их собирают и укладывают в штабеля. Работа эта считается чисто мужской; кирпичи делают рано утром и к вечеру, а в середине дня всегда отдыхают.

По окончании заготовки материала для строительства намечаемого дома, перед началом работ хозяин делает небольшое угощение и приглашает своих родственников и соседей. На этом угощении договариваются о дне начала строительства, так как, по поверию туркмен, дом нужно закладывать в счастливый день (сэхет гун[83]). В этот день родственники и соседи, свободные от своих работ, которые могут принять участие, рано утром собираются у площадки, предназначенной для постройки и приступают к работе. Как правило, при постройке дома, а также при сборе урожая и других хозяйственных работах мурчинцы всегда делают «ёвар» — родовую или соседскую взаимопомощь. Количество участников бывает разное; особенно большое количество участников в ёваре бывает первый день при закладке дома и иногда доходит до десяти человек. В первый день работ хозяин особенно заботится о том, чтобы накормить участников строительства дома самым лучшим; в таких случаях большей частью режут овцу.

При строительстве дома ведущим является мастер (там усса). Таких мастеров в ауле Мурча сейчас имеется несколько человек. Вся работа, связанная со строительством дома, ведется под руководством этого мастера. И в прошлом, не обращаясь к пришлым мастерам, строили сами. Если имеется в ауле почтенный старик, то дают положить первый кирпич ему и говорят: «Пусть хозяин этого нового дома будет таким же счастливым и долголетним, как этот наш почтенный дед».

Таким образом, при помощи ёвара, при полной заготовке всего необходимого материала заранее, в особенности кирпича, небольшой дом можно закончить в течение 2—3 дней. При строительстве такого дома только мастера-строителя (там усса) обычно, если он не близкий родственник, приглашают за плату. В редких случаях нанимается также за плату мастер по дереву (агач усса) для выделки балок (пурс), потолочных перекрытий (перваз), а также навески оконных и дверных рам и др.

Орудием производства местных плотников служит железный продолговатый топорик — теше[84] на длинной рукоятке. Обтесывая бревна, мастер становится так, чтобы бревно находилось у него между ногами и действует «тешой» по направлению к себе. Работа с помощью «теше»

подвигается крайне медленно, причем поверхность бревна (перваз) после обтесывания остается довольно неровной. Дощечки потолка, укладываемые на бревна, обтесываются также этим инструментом. В качестве строительного материала употребляются арча и карагач.

Стены кладутся большей частью в два кирпича на глиняном растворе мастером (усса), остальные участники ёвара замешивают и подносят глину, кирпич. При кладке стен, для проверки правильности кладки, мурчинские мастера используют шпагат с гирями или привязывают к шпагату камешек, а линию стены намечают протянутой по земле веревкой. Стены возводят высотой — в прошлом до 4—5 м, в наши дни стали делать 3—4 м. Остальные мелкие работы, связанные со строительством дома—смазка, штукатурка и побелка, выполняются хозяином дома. Побелка в прошлом производилась из светлой глины тоюн.

В селении Мурча сохранились еще от прошлого столетия некоторые жилые дома мурчинцев. Как оседлое племя, мурчинцы никогда не имели юрт и всегда жили в глинобитных домах своеобразной архитектуры[85].

Такой тип жилища именуется «там». Дома были прямоугольной формы, заключая от двух до четырех комнат. В стенах имелись оконные проемы, куда навешивались ставни, которые в летнее время оставались открытыми, а зимой закрывались даже днем.

Внутри таких больших комнат имелось до трех высоких стройных деревянных колонн без баз. На этих колоннах иногда вешали рога горного козла или другие какие-либо украшения и эмблемы (амулеты из дагдана, перья филина), имеющие скорее всего магическое значение. Зарубками на них отмечались различные события в жизни обитателей дома, требующие запоминания или счета.

Вверху дома (там), в двух противоположных стенах, ниже потолка, на расстояниях 20—30 см, оставлялись специальные вентиляционные отверстия. В стенах дома устраивались углубления — ниши, которые служили полками для разной утвари, а иногда на деревянных клиньях, забитых в стены, устраивались специальные полочки. Все вышеперечисленное у мурчинцев носит название «таг» или «тагджа». В этом отношении близкие аналогии находим в народном жилище горных таджиков[86] киргизов и ферганских узбеков (токча)[87]. Отапливались помещения каминами.

В конструкции колонн и балочных перекрытий применялось дерево, главным образом арча и карагач, привозимые из окрестных гор. Купольные перекрытия редки, они использованы только в худжре — сырцовой постройке в Дэв-кала.

В основном преобладает следующая конструкция перекрытий. На возведенные из сырцового кирпича стены укладывают поперечные балки (пурс) преимущественно из арчи, которая не только очень прочна, но ее никогда не разрушают термиты. Бревна перекрытия укладывают по ширине комнаты на расстоянии около полуметра одно от другого. Так как длина ствола арчи равна 4—5 м, то в большинстве домов, где отсутствует айван, с фасадной стороны видны выступающие части бревен; они используются для всякой хозяйственной надобности. В промежутках между бревнами арчи в верхней части нашивается чистый потолок из тщательно отесанных небольших дощечек из арчи (перваз); последние расположены или поперек балок, или вкось (гапырга гоюлыш). Сверху всего на балки и дощечки (пурс и перваз) укладывается толстый слой

местного растения «сыза» или «сыпал», поверх которого крыша обмазывается глиной с саманом. Крыши эти не только водонепроницаемы, но очень прочны, многие из них в летнее время используются как прохладное место для ночного отдыха и сна. Этот тип крыши (учек) в условиях местного климата превосходно предохраняет здание от перегрева. Летом в сухую и жаркую погоду обмазка крыши дает трещины, которые во время дождя протекают, поэтому ежегодно перед осенними дождями в начале осени кровля вновь смазывается глиной с саманом.

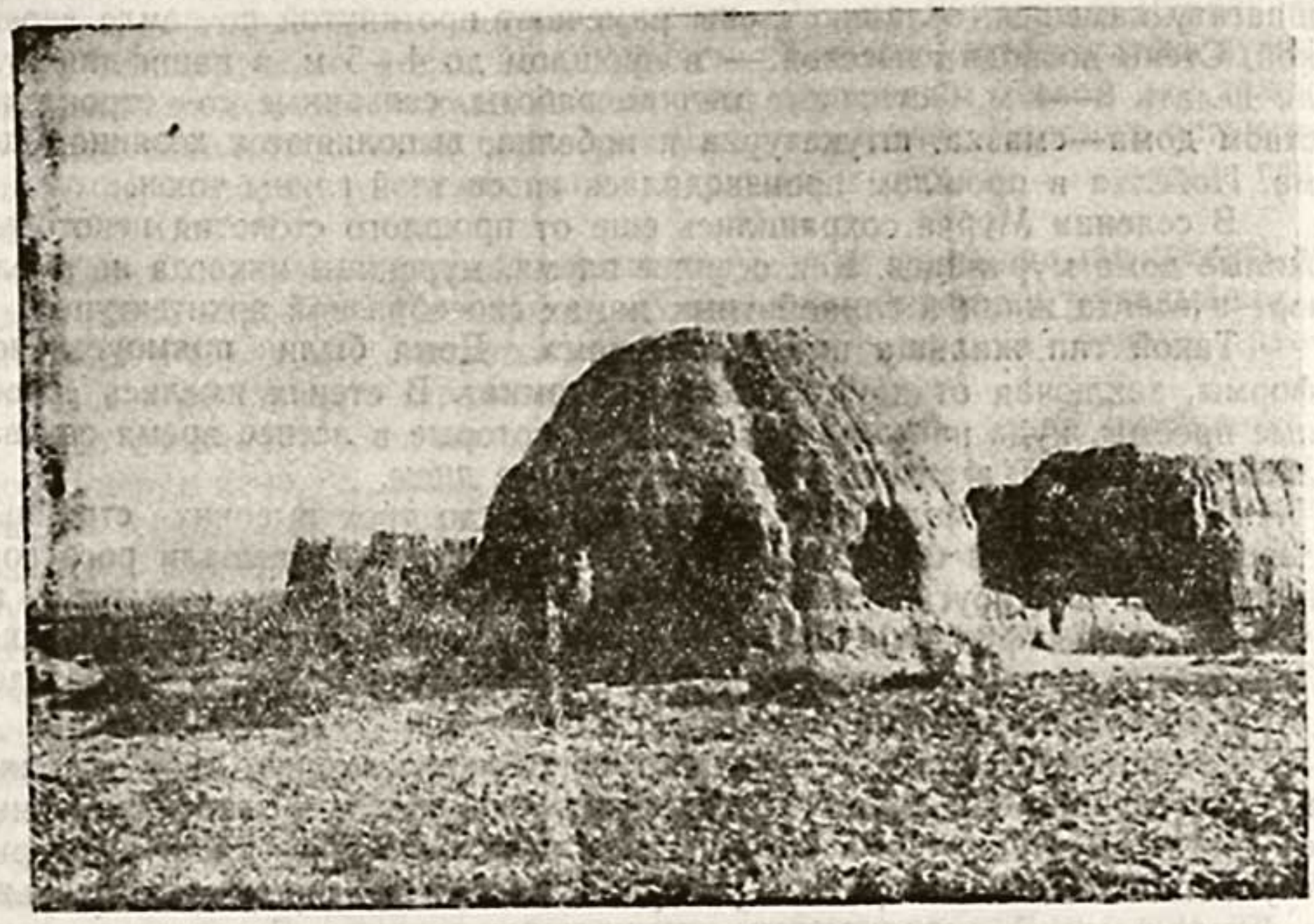

Рис. 34. Купальное перекрытие худжры Дев-кала.

Посредине потолка оставляют отверстие для выхода дыма (думлык). После прихода русских в наш край помещение начали отапливать железными или чугунными печками, которые ставят на зиму посредине комнаты, а трубы выводят в думлык. На лето печку убирают, а последнее колено трубы, вмазанное в думлык, оставляют и этим предохраняют от попадания дождевой воды в комнату в осенне-весенний период. Прежде мурчинцы помещения свои отапливали каминами, поэтому почти во всех мурчинских домах прошлого столетия можно заметить оригинальные своеобразные камины, над которыми устраивается иногда чирагхана—нишка для светильника, оформленная в виде крупного крепостного зубца. Мотив этот генетически восходит еще к старой парфянской традиции, когда он имел значение магического оберега[85].

Эта деталь дает лишний штрих к высказанному нами соображению о культурной связи предков мурчинцев с древними обитателями данного края, о его давнем оседлом образе жизни.

В жилищах мурчинцев, как нами описано выше, в прошлом не было окон. Только после присоединения Туркмении к России появились

окна. Прежде их называли «пенджире», т. е. «решетка»)[89], а после появления окон со стеклом начали называть «айна» (стекло). Окна делают произвольной величины, пробивают, как правило, на фасадной стене дома, на высоте от пола не больше 30—40 см и до метра. Больше двух окон в одной комнате не бывает.

Рис. 35. Камин с нишкой для светильника.

Двери (гапы) в прошлом были одностворчатые и делали их на шипах, из толстой, грубо обтесанной арчи. Современные двери двухстворчатые, навешены на петлях[90]. Полы заравнивают, засыпают землей и тщательно смазывают глиной. Стены дома снаружи и с внутренней стороны сначала смазывают глиной с саманом, а внутренняя часть стены

вторично штукатурилась в прошлом светлой глиной (тоюн), теперь же в большинстве производят побелку известковым раствором.

После окончания отделки дома хозяин в «счастливый день» (сэхет гун) вселяется в новый дом и этот день отмечают новосельем. Хозяин дома режет овцу, родственники и другие односельчане, а также гости из соседних аулов, кто желает счастья и добра хозяину в новом доме, должны придти, сказать: «Тэзе (өйүңиз гутлы болсын»—«Пусть Вам будет счастье в новом доме»; или «Узак яшамак несип этсин»—«Пусть Вам будет обеспечена долгая жизнь в новом доме» и т. д.

Каждый приходящий поздравить с новосельем должен принести что-нибудь — с пустыми руками никто не должен приходить. Женщины, как правило, приносят полные сачак (скатерти) лепешек: ромбовидных пишме и чапаты — особого рода лепешек, жареных на бараньем сале. Мужчины несут сладости—сахар, конфеты, чтобы жизнь в новом доме была сладкая и т. д. Поздравление по случаю новоселья может продолжаться в течение нескольких месяцев, так что родственники,

Рис. 36. Крытый айван—передняя часть дома.

друзья или знакомые, находящиеся вдали от этого селения, могут приехать через месяц, когда найдут возможным. При каждом появлении нового гостя хозяин нового дома должен его торжественно встречать и угощать. Более состоятельный хозяин в новоселье приглашает певца-бахши петь радостные песни и музыканта «гыжакчи». Хозяин дома договаривается с бахши об оплате и дает ему определенную сумму денег. Помимо этого, родственники и другие односельчане, находящиеся в этот вечер на новоселье и уважающие хозяина, со своей стороны дают бахши

тоже определенную сумму за каждую свою заказанную песню. Таким образом, по окончании песен бахши каждый уходящий гость приносит свою благодарность и хозяину дома и бахши.

В большинстве мурчинских домов к фасадной стене дома примыкает крытая терраса (эйван), поддерживаемая столбами без баз. Пол террасы и дома делается на одном уровне, т. е. на 0,5 м выше земли. Поэтому в передней части террасы имеется барьер, возвышающийся на 0,5 м выше земли. Крыша над террасой сооружается таким же способом, как и над домом. Айван является местом отдыха и сна в летнее время и потому ориентирован на север. В айване на боковой стене имеется также камин, где приготавливают пищу в летнее время. При отсутствии камина, во дворе сооружают глинобитный очаг, представляющий собой конусообразное возвышение из глины, срезанное сверху на высоте примерно 35—50 см от земли, с отверстием на одной стороне, в которое подкладывают дрова. Сверху ставится котел, в котором варят пищу.

Для выпечки хлеба мурчинцы пользуются специальной печью (тамдыр), которая распространена как среди туркмен, так и среди многих других народов Средней Азии. Для топки тамдыра мурчинцы употребляют полынь, в изобилии растущую в окрестностях села Мурча. Полынь заранее собирается и доставляется в аул на ослах или верблюдах. Тамдыр как правило топят с утра, иногда ради экономии топлива женщины топят тамдыр сообща; в таких случаях каждая приносит немного топлива, по очереди пекут лепешки, подтапливая друг за другом.

Внутреннее убранство и обстановка комнаты мурчинцев просты. В стенах как правило имеется несколько нишек (такджа или таг), которые описаны выше; здесь ставят всевозможные мелкие вещи и посуду. У стены, противоположной входу, устраивается помост — «душек йыгналяи ери» — место для складывания постельных принадлежностей семьи. Помост делается из бревен, укрепленных в двух параллельных стенах на высоте около 1—1,5 м. На бревнах расстилают войлок, состоятельные люди — ковер и палас, спускающийся до полу. Сначала на него кладут вещи, которыми не пользуются повседневно, к ним относятся ковры (халы) и кошмы (кече), а затем одеяла (ёрган) и подушки (яссык). У мурчинцев, как и у других туркменских племен, одеяла и подушки делаются из цветного хлопчатобумажного материала. Иногда постельные принадлежности вместо описанного выше помоста укладываются на деревянные ящики или сундуки.

Жилища мурчинцев в прошлом освещались светильниками, представляющими собой медную, железную или из обожженной глины формочку, куда наливается кунжутное масло, а иногда бараний жир. Фитиль делается из хлопка. Эти светильники (пелтели чыра) ставились в специально приспособленном для них месте — нишке в камине, о которой было сказано выше.

После прихода в край русских туркмены заимствовали железные и деревянные сундуки. Вначале они появились у более зажиточных людей, затем у многих. В сундуках хранят одежду и украшения, а для складывания постельных принадлежностей русскими столярами изготавливались шкафы с нанесенным масляной краской орнаментом. Размеры их: ширина — 1,5 м, длина — 2,5—3 м и высота — 1,5 м. Вскоре такие шкафы, украшенные своеобразным местным орнаментом, выучились делать также мурчинские мастера по дереву (агач усса) как Хыдыр Му-

хоммед Сувхан Кули-оглы, покойный Ата Кара-хан-оглы — работы последнего славятся по сей день.

Для хранения мелких вещей служит специальная сумочка-букжа. сделанная в виде конверта-треугольника. Ее шьют из разных кусочков материала и вышивают шелком.

Пол комнаты почти у всех туркмен покрыт войлоком, а более состоятельные на войлок постилают ковер. Как и каждый туркмен, мурчинец должен иметь в запасе хоть одну кошму или ковер, сложенные в стороне. Их расстилают только в случае прихода или приезда гостей или близкого родственника из другого аула.

Рис. 37. Современная комнатная обстановка мурчинской семьи.

Однако все это до Октябрьской социалистической революции не было доступно для основного бедняцкого населения села. В наши дни в каждом доме имеются кровати, столы, стулья, а лампы давно вытеснили былые коптилки. Во многих колхозах Туркменистана уже работают свои колхозные электростанции. Недалек тот день, когда и в селе Мурча тоже будет гореть лампочка Ильича.

Современные дома мурчинцев в большинстве состоят из двух комнат, в середине разделяются коридором. Одна из этих комнат считается гостиной (мыхманхана). В мурчинских комнатах нет отдельной женской половины. При наличии второй комнаты женщины и мужчины всей семьей живут в одной комнате. Во время праздников, при приеме гостей, если это происходит в одной комнате, мужчины и женщины рассаживаются в разных углах. Если же количество гостей не позволяет поместиться в одной комнате, то при наличии у хозяина мыхманхана-гостиной мужчин помещали туда.

При рассмотрении старых жилищ мурчинцев очень легко проследить существование в Мурче в недавнем прошлом типа многокомнатных домов, связанных со стадиями развития семьи. Имеются, например, трехкамерный, четырехкамерный дома; первый состоит из 2-х комнат, коридора и хозяйственной комнаты, второй из 3-х комнат и четвертой хозяйственной комнаты. В последней готовилась пища и здесь имеется очаг. К таким домам относится, например, дом Надир Ораз-оглы. Здесь в одном доме у всех был один выход в хозяйственную комнату, где имелся общий очаг для приготовления пищи. Таков же дом Оразали-оглы села Дэв-кала, семья которого состояла из семи сыновей. До смерти главы семьи пища готовилась в одном очаге и все ели под одной крышей. Недаром по сей день бытует среди народа такая поговорка: «Довлетли маш

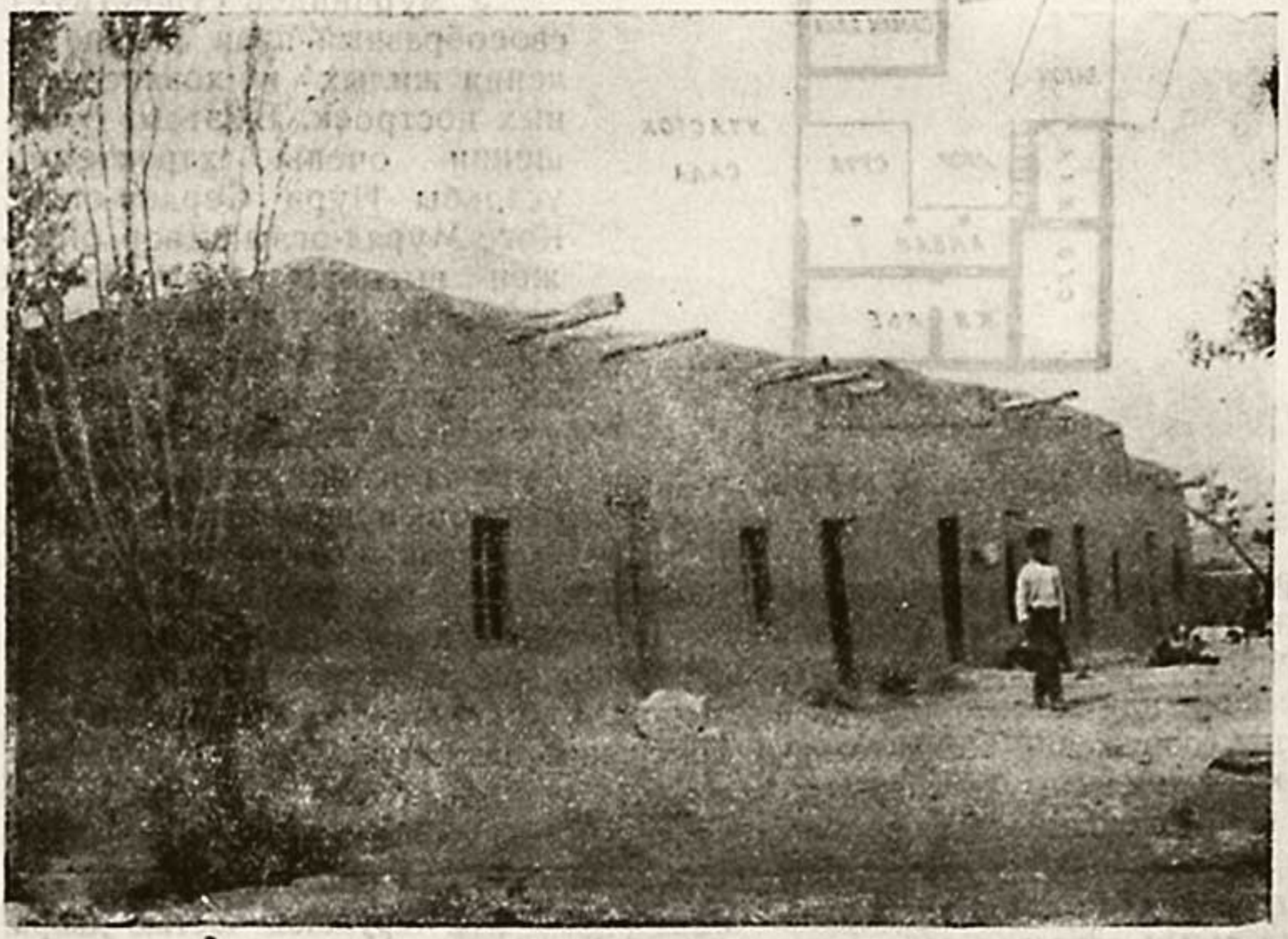

Рис. 38. Дом Нияз Мурад Овез-оглы (дом нескольких разделившихся семей).

гала бир очагдан нахар ийип бир капыдан чыкар» — («Хлебосольная семья принимала пищу, приготовленную в одном очаге, выходила из одной двери»). Этим хотят показать спаянную дружную семью. Только после смерти главы семьи Оразали-оглы семья распалась. Это, по всей вероятности, — остатки той большой патриархальной семьи, которая бытовала в прошлом в селении Мурча. Сейчас прослеживаемые следы развалин этих жилищ свидетельствуют о существовании в прошлом больших, но неделенных семей.

Обязательным фактором при разделении семьи является появление второго очага. Постепенно распад больших семей отразился и на жилище мурчинцев. Так например, комнаты уже расположены в один ряд

вокруг двора и отделены друг от друга глухими стенами. Все они выходят своими дверями и окнами на одну сторону во дворе, а иногда могут своими окнами и дверями выходить на айван. Здесь комнаты расположены в один ряд, имеют свои очаги для приготовления пищи, в них живут родственные семьи, ведущие самостоятельно свои хозяйства. К ним относятся в селе Мурча дома Аннамамед Овез-оглы, Нияз Мурад Овез-оглы, Мамед хан Юсуп-оглы, в которых живут потомки трех поколений.

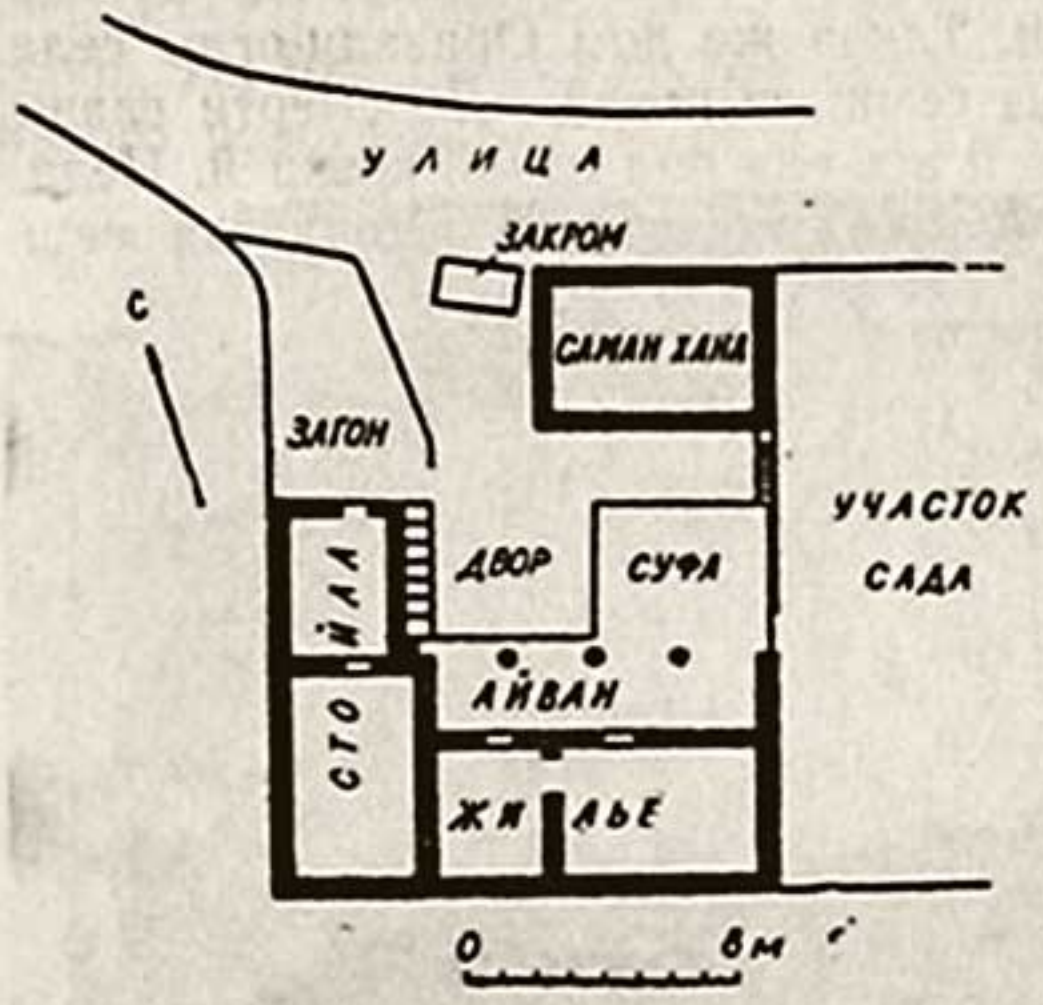

Рис. 40. Дом Косе Мурад-оглы. План

Такой тип жилища вполне соответствует поселению нескольких индивидуальных разделившихся родственных семей.

У мурчинцев существует своеобразный план распределения жилых и хозяйственных построек. В этом отношении очень характерны усадьбы Нури Сердар-оглы, Косе Мурад-оглы. Двор окружен высоким глинобитным забором, в глубине двора имеется две комнаты, впереди айван, у самого выезда несколько комнат для склада фуража (саман хана), закрома (пархов) и небольшие закрытые стойла (мал ятак), на втором этаже выше хозяйственных построек в виде шалаша делаются стойла (гоюн ятак), где откармливают до осени несколько овец на мясо. Хозяйственные постройки обычно окружают дом, вплотную прилегая к его стенам или же находясь на некотором расстоянии от него. Материалом для сооружения хозяйственных помещений служат камень и глина; снаружи дома оштукатурены.

В хозяйственных помещениях, предназначенных для скота и животных, оставляют в стенах небольшое отверстие для притока свежего воздуха, а если стена граничит с одной стороны с наружной частью двора, то внизу делается небольшое отверстие, через которое выбрасывают навоз на улицу и собирают его в определенном месте. Весной этот навоз употребляют как удобрение под виноградники. Помещения, устраиваемые для животных, имеют одинаковый тип. Названия их различны, в зависимости от назначения: помещение для лошадей — «ат ятак», для верблюдов — «дуе ятак», летнее называется «дуе агыл», коровник — «сыгыр ятак». Во всех этих помещениях делаются кормушки для животных (ахыр). Делают их из камня или из глины и смазывают на высоте около 0,5 м от земли, в зависимости от породы животных.

У мурчинцев для каждой скотины имеется специальное помещение хозяйственного типа. Изредка встречается полуподвальное помещение, называемое «куме», предназначенное, во время холодной зимы, для отелившихся коров. Кладовые для хранения фуража (самана—т. е. мякины) тоже не имеют окошек и не отличаются от помещений для живот-

Рис. 39. Дом Мамедхан Юсуп-оглы (дом разделившихся индивидуальных семей).

ных. Двери их одностворчатые, держатся на шипах, запором обычно служит цепочка (зынжыр), прикрепленная к двери.

Для хранения зерна у мурчинцев служит пархов. Пархов делается во дворе, возле дома. Пархов представляет собой конусообразное или прямоугольное глинобитное сооружение, поставленное на земле, выстланное по дну с внутренней стороны соломой. Высота его от 1,5 до 2,5 м, диаметр дна или ширина—1,0—1,5 м; в него засыпается пшеница, а сверху зернохранилище закладывают глиной, обеспечивая таким образом хранение зерна. Пархов с одной стороны, примерно на 20—30 см над землей, имеет отверстие, которое закладывается камнем и смазывается; когда возникает необходимость из этого отверстия берут нужное количество пшеницы.

Если в хозяйстве имеются большие запасы, которые хотят сохранить в течение нескольких лет, то для этого у мурчинцев существуют особые ямы — «гуйы». Эти ямы делаются среди хозяйственных строений, внутри обкладываются камнем, а в нижней части устилаются саманом. Часто они устраиваются так, что присутствия этих ям посторонний не обнаруживает. Такие ямы служат только для хранения зерна.

В советское время выстроены по последнему слову техники специальные колхозные зернохранилища со специальными вентиляционными отверстиями для притока воздуха снизу. Имеются громадные благоустроенные колхозные скотные дворы для каждой породы скота, с обильными запасами кормов. В данное время колхоз им. Жданова с/с Мурча разводит мелкий рогатый скот, часть его пасется в горах, а часть в песках, где для него выстроены специальные зимние помещения, куда загоняют скотину во время сильных холодов и окота.

Рассматривая жилища и хозяйственные постройки оседлого земледельческого племени мурчали, необходимо отметить, что в корне ошибочны высказывания ряда авторов, будто бы мурчали не имели своей собственной архитектуры, а все имеющиеся в аулах сооружения (укрепления, водопроводы) были будто бы созданы в прежнее время руками пленных персов. Также неверно мнение, что до последнего времени для проведения этих работ, а также очистки старых или сооружения новых кяризов туркмены якобы прибегали за помощью к тем же персам[91].

Мурчали имели свою народную архитектуру, своих собственных мастеров-строителей, мастеров по обработке дерева и кяризных мастеров, о чем свидетельствует наличие у этого племени даже особой родовой группы, именующейся кяризниками (юсуп кяризгенлер), члены которой занимались издавна сооружением кяризов. Наглядным примером может служить следующее. Как могло случиться, что такое маленькое племя еще до прихода русских могло поселиться в селе Дэв-кала, тогда как уже в село Дайна 17 хозяйств были переселены русской администрацией, ввиду земельной тесноты, из села Мурча[92]. Оказывается, как мне рассказывали старики, кяриз, принадлежащий Нурберды Хану (современное название — Ханский кяриз, Хан-кяризи), вырыли мурчинские мастера, после чего для поддержания постоянного наблюдения за кяризом из числа жителей села Мурча Нурберды-хан поселил несколько семей из Мурча близ аула Хан-кяриз в местечке Дэв-кала, находящемся на расстоянии 1—1,5 км от Хан-кяриза.

Из архитектурных деталей заслуживает большого внимания оформление колонн (сутун), которые употребляются в оформлениях террас--

айванов и для поддержки прогонов (хаммал) внутри больших помещений, например мечетей. Колонны стройные, без баз. Очень оригинальны их капители. Это удлиненные фигурные подбалки, оформление которых имеет два основных варианта.

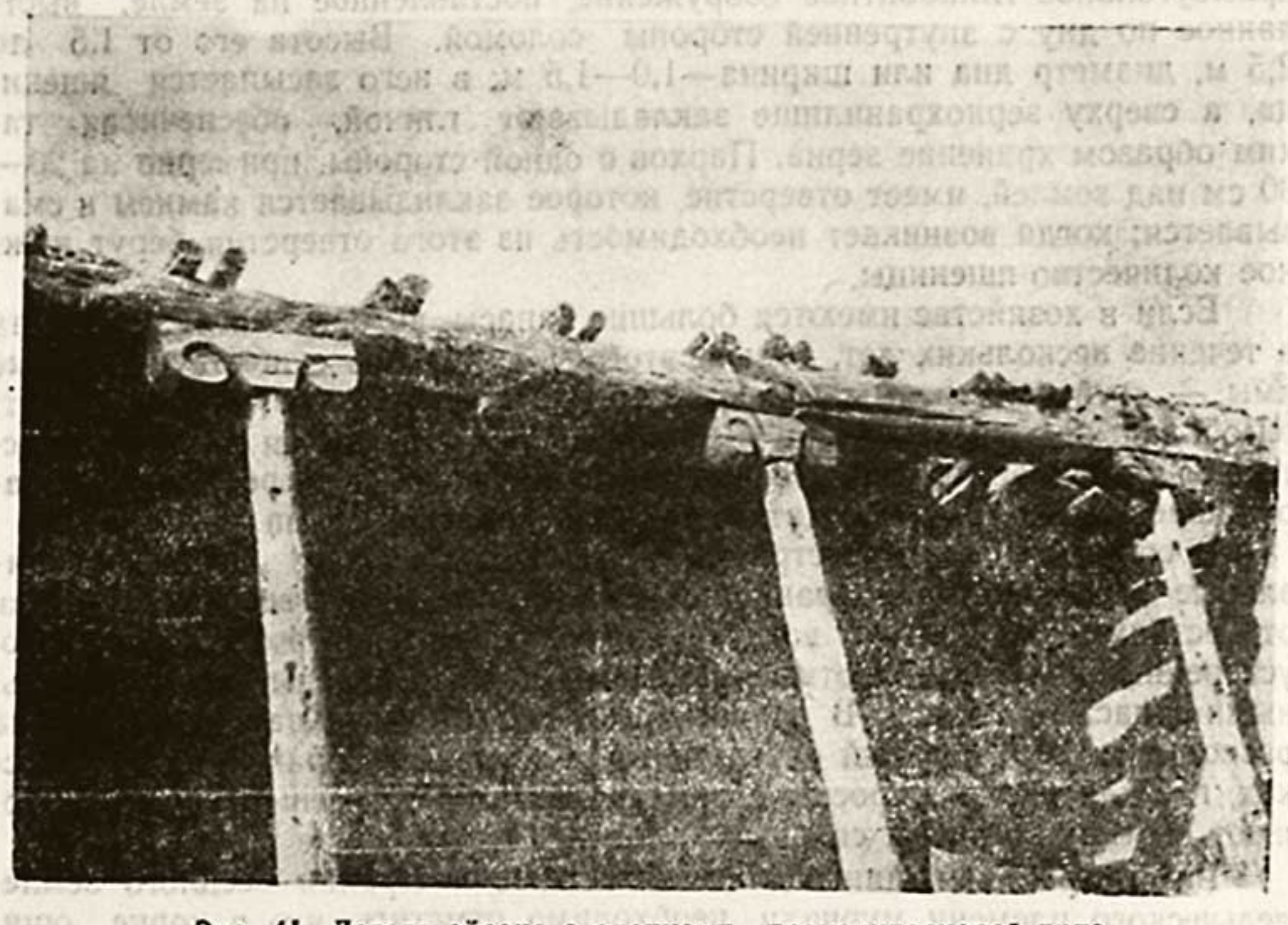

Рис. 41. Деталь айвана с колоннами „праконического" типа.

а) Концы подбалки оформлены волютами с правильным разворотом спиралей, плавно переходящих к округлому стволу (называется по местной терминологии «гоч буйныз»—бараньи рога). По общему облику своему они поразительно напоминают капители парфянских колонн III—II вв. до н. э., в частности, терракотовые капители из Новой Нисы[21].

б) Концы подбалки оформлены тремя выпуклыми фестонами (сутун келле). Прием этот также своеобразен, так как, например, подбалки в народной узбекской архитектуре имеют, как правило, выемчатые фестоны. Аналогичный прием прослеживается еще в формах сасанидского зодчества (Таки-Бустан).

Эти виды капителей, в особенности гоч-буйныз, являются древними и весьма распространенными, что еще раз доказывает наличие у туркмен мурчали своих старых местных архитектурных традиций. Капители и элементы перекрытий домов изготовлялись из местного дерева — арчи или керкава мурчинскими мастерами-плотниками.

Из отдельных элементов архитектурного оформления жилых помещений заслуживает внимания украшение стен рельефными «лопатками» и нишками с фестончатым завершением поверху, как бы имитирующим настенную систему колоннад. По мнению стариков-мурчинцев, источником этого вида архитектурного оформления является форма букета цветов.

Весьма интересны в мурчинском зодчестве мечети. Они невелики и состоят из прямоугольного зимнего помещения и летнего айвана. Зимняя мечеть расчленена надвое колоннадой из трех колонн; этот прием совершенно необычен для квартальных мечетей не только Туркменистана, но

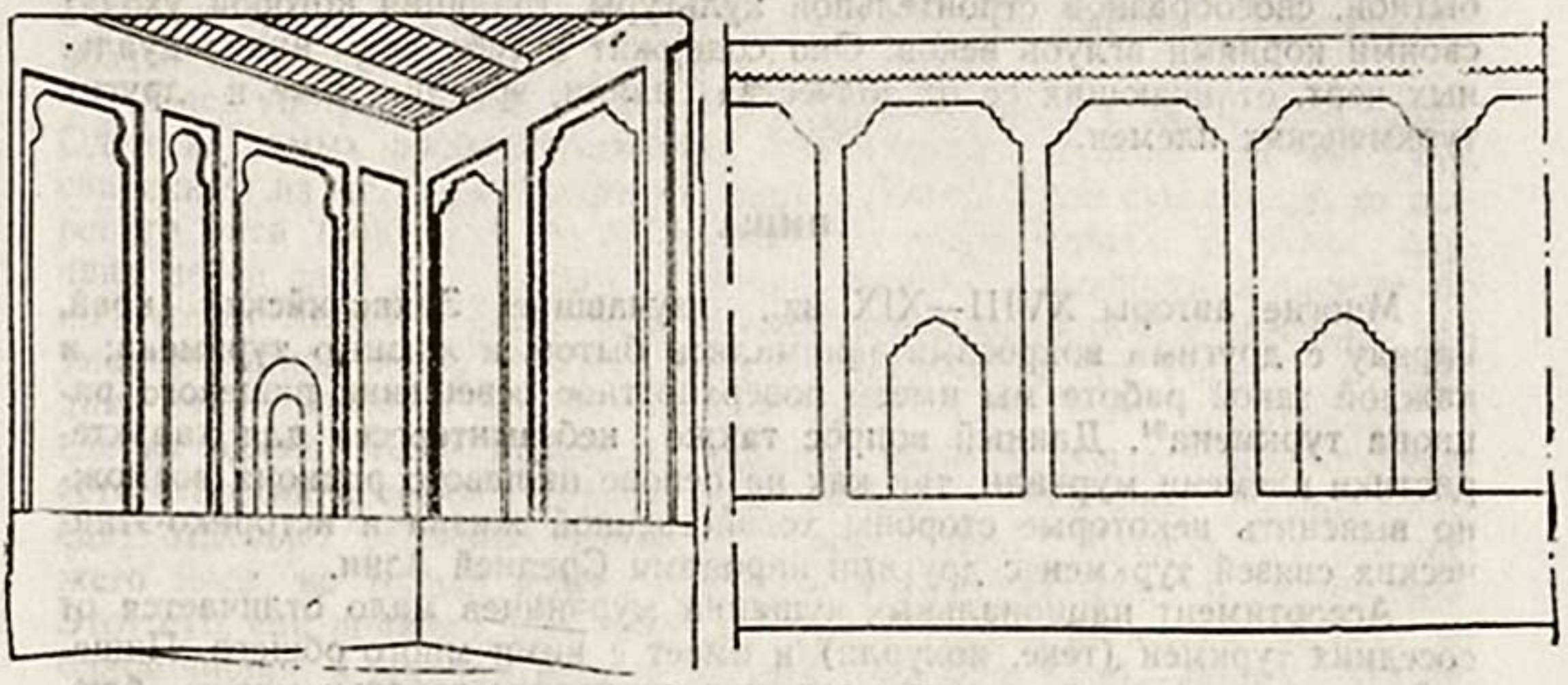

Рис. 42-а, б. Приемы оформления стен михман-ханы.

и всей Средней Азии. Строительство подобных типов жилищ и других видов сооружений, а также разработка архитектурных деталей осуществлялись по традиции местными мастерами-строителями с давних времен. И поныне хорошо известны имена народных зодчих—«там усса»—Карры

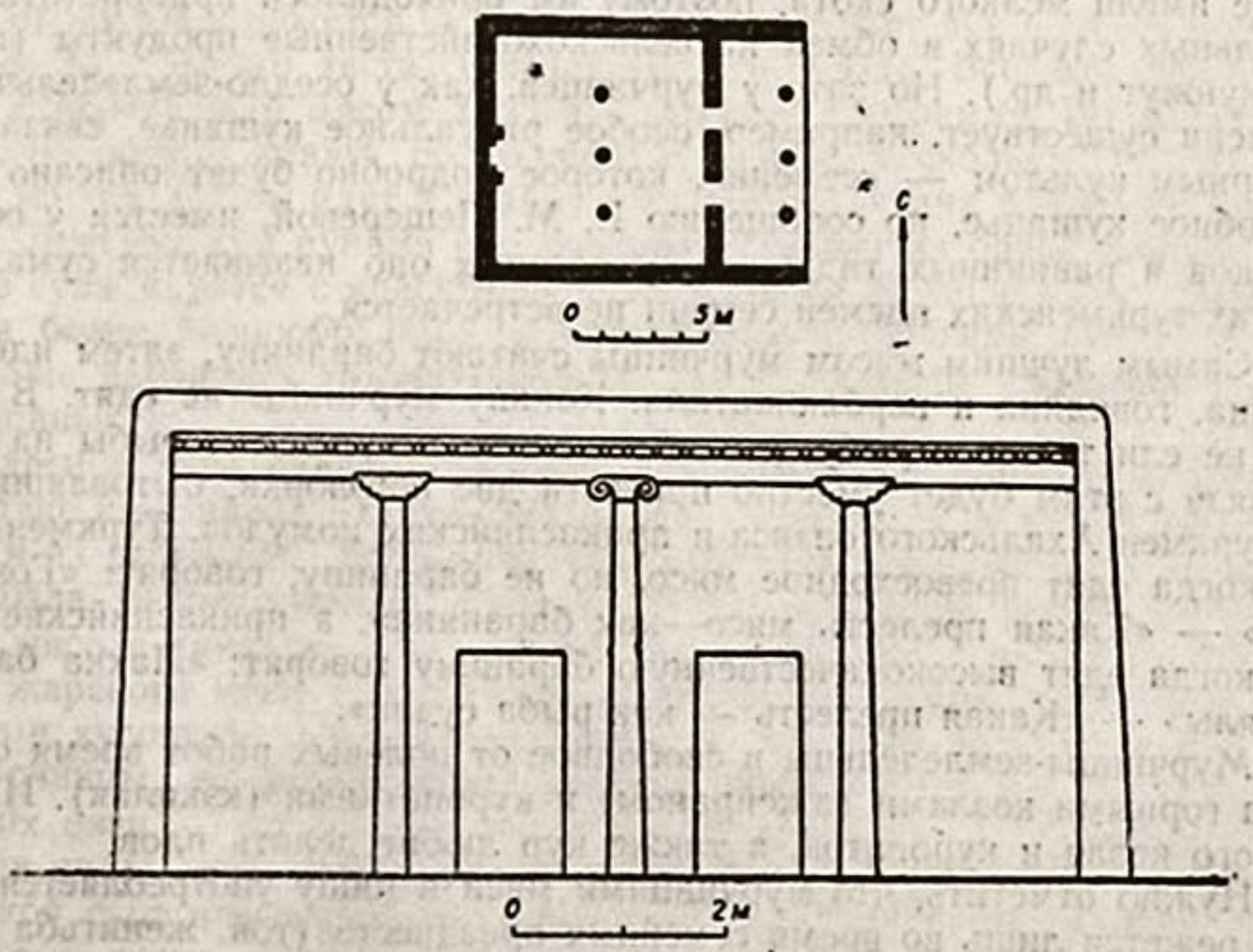

Рис. 43. Мечеть села Мурча. План и разрез.

Анна Дурды-оглы, Ходжа Ахмед Ата-Мамед-оглы, Ораз Мухаммед Баймухаммед-оглы и др. Мастерство передавалось из поколения в поколение, от отца к сыну.

Архитектура племени мурчали предстает как проявление самобытной, своеобразной строительной культуры, традиции которой уходят своими корнями вглубь веков. Она содержит в себе ряд индивидуальных черт, отличающих ее от зодчества алили, эрсари, теке и других туркменских племен.

ПИЩА

Многие авторы XVIII—XIX вв., изучавшие Закаспийский край, наряду с другими вопросами занимались бытом и жизнью туркмена; в каждой такой работе мы имеем поверхностное освещение пищевого рациона туркмена[94]. Данный вопрос также небезынтересен для характеристики племени мурчали, так как на основе пищевого рациона возможно выяснить некоторые стороны хозяйственной жизни и историко-этнических связей туркмен с другими народами Средней Азии.

Ассортимент национальных кушаний мурчинцев мало отличается от соседних туркмен (теке, нохурли) и имеет с ними много общего. Пищевой рацион мурчинцев можно разделить на четыре группы: мясные блюда, мучные, молочные и растительные; последние состоят из разнообразных трав, ягод, фруктов и т. д.

Самым ценным продуктом по всей Туркмении считается мясо; среди текинцев, занимающихся всю жизнь скотоводством, люди говорят, что они как монголы — природные мясоеды. Такого мнения мурчинцы не придерживаются. Как земледельческое племя мурчинцы в прошлом почти не имели мелкого скота, поэтому им приходилось приобретать его в отдельных случаях в обмен на сельскохозяйственные продукты (пшеницу, кунжут и др.). Но зато у мурчинцев, как у оседло-земледельческого племени существует, например, особое ритуальное кушанье, связанное с аграрным культом — «семени», которое подробно будет описано ниже. Подобное кушанье, по сообщению Е. М. Пещеревой, имеется у оседлых узбеков и равнинных таджиков, у которых оно называется сумалак. У других туркменских племен семени не встречается.

Самым лучшим мясом мурчинцы считают баранину, затем идет козлятина, говядина и верблюжатина. Конину мурчинцы не едят. В прошлом не ели также и рыбу, что объясняется отсутствием рыбы на месте. В связи с этим будет уместно привести две поговорки, бытовавшие среди туркмен Ахальского оазиса и прикаспийских иомудов. Туркмены Ахала, когда едят превосходное мясо, но не баранину, говорят: «Гоюн эти ялы» — «Какая прелесть мясо—как баранина», а прикаспийские иомуды, когда едят высококачественную баранину говорят: «Лакка балыгын эти ялы» — «Какая прелесть — как рыба судак».

Мурчинцы-земледельцы в свободное от полевых работ время охотятся за горными козлами (джейраном) и куропатками (кэкилик). Из мяса горного козла и куропаток, а также кур любят делать плов.

Нужно отметить, что мурчинцами мяса в пищу употребляется мало, скот режется лишь во время семейных празднеств (той, женитьба сына, рождение мальчика), или в особо важных случаях, как например, по случаю приезда дорогого гостя и т. д. Режут скотину в специально отве-

денном для этого месте, в стороне от дома, под деревом. Выполняет это только мужчина. Когда скотину зарежут — в ямке, вырытой для стекания крови, разводится маленький костер, чтобы обезвредить это место, так как, по поверию, проходить через него особенно опасно для женщин в ночное время, так как, по понятию туркмен, они быстрее подвергаются воздействию злых духов.

Мясо употребляется в жареном и пареном виде, в различных супах. Один из самых распространенных супов-чорпа (густой мясной суп), сваренный из мелконарубленного мяса и костей. Если суп сделан из жареного мяса (говурма), то он называется «гара чорпа». В обоих случаях перед едой хлеб (чорек) крошат мелкими кусочками и кладут по количеству людей в отдельной плоской деревянной посуде (чанак) или эмалированной миске (табак); потом подливается суп (чорпа), в середине накладываются кусочки мяса и кости, после чего приступают к еде из одной чашки несколько человек. Первым обязательно начинает есть старший в семье. Если в доме гости, то мужчины и женщины едят отдельно. Обычно семья ест вся вместе. Мясной суп из свежего мяса, но только немного гуще и крепче, называется «гайнатма». Этот суп, как правило, едят деревянными ложками несколько человек из одной чашки, в жидком виде, и не крошат в него хлеб,—поэтому он называется «гайнатма» (мясной отвар). Деревянные ложки делали мурчинские мастера, а иногда их покупали в городе.

Третий вид мясного супа готовится на больших торжествах, свадьбах и в других случаях, когда угощают большое количество гостей не только из своего аула, но и из соседних. Такой суп называют «дограма» (от слова дограмак—крошить). В больших казанах варится суп из больших кусков мяса. По мере готовности вынимается все мясо, отделяется от костей и режется на мелкие куски. Крошат лук и петир чорек—лепешки из пресного теста, испеченные в тамдыре. Все это перемешивается с нарезанным мясом. Отсюда название «дограма». Во время еды в каждую посуду кладут по количеству едоков несколько горстей дограма и костей. Потом идут к повару, который из казана подливает в чашку суп. Дограма суп руками ест несколько человек из одной посуды. Все мясные супы варятся с красным перцем и луком. В наше время супы готовятся более разнообразные—с картофелем и другими овощами. Теперь даже научились готовить борщи, соусы, голубцы (долама) и другие кушанья.

Жареное мясо приготовляется в виде шашлыка (кебап), жарят его на вертеле и на палочках, как узбеки. Кебап делается не только из мякоти, но и из ребрышек. Мурчинцы для шашлыка предпочитают мясо горного козла (кейик-джерен). Помимо этого, мурчинцы кусочками пекут чистое мясо в тамдыре; оно напоминает гуляш без гарнира. Основным видом жареного мяса у мурчинцев является «говурма»: нарезанное маленькими кусочками мясо, прожаренное в сале того же животного.

Мурчинцы, не разводившие мелкого скота, покупали весной нескольких овец — от двух до шести, в зависимости от состоятельности того или иного лица, откармливали их до глубокой осени и резали на зиму. Такой скот назывался «бага бакмак» или «баг гоюн»—«садовые овцы», т. е. овцы, которые держатся и кормятся в саду под деревом. Прежде это так и практиковалось. Старик или старуха, сидя в своем саду, привязывали возле себя овцу, кормили ее всякими садовыми тра-

вами и листьями. В дальнейшем, с увеличением количества содержавшихся овец, стали делать специальное место для овец, называемое «гоюн чукур» — яма для овец. Впоследствие гоюн чукур стали делать на крышах хозяйственных построек, чтобы обеспечить скоту большой доступ свежего воздуха. Глубокой осенью откормленных овец режут, затем, отделяя мясо от костей, жарят «говурма» и таким образом заготовляют мясо впрок. «Говурма» может храниться, не портясь, в течение года. Подают «говурма» как застывшую, так в растопленном виде. Из говурма варят суп-гара чорпа. Название это происходит от того, что мясо для супа берется жареное—темное, отсюда—гара чорпа (черный суп). Подобный откорм мелкого рогатого скота для заготовки мяса практиковался только у мурчинцев. У других туркменских племен он отсутствовал, а также не был известен узбекам и таджикам—оседлым народностям.

Лучшим жиром туркмены, в том числе мурчинцы, считают бараний, особенно курдючный. По сей день существует среди туркмен такая поговорка: «Эртирки гуйрыкдан бу гунки «өйкен ягшы», т. е. «Чем завтрашнее курдючное сало лучше сегодняшние потроха».

Рис. 44. Маслобойня (джуваз) в с. Мурча.

В большом количестве употребляется растительное масло, добываемое из маслянистого растения кунжут (кунжи), которое у мурчинцев шло для приготовления разнообразной пищи — плова, каш, разных мучных лепешек. Для выжимки растительного масла по сей день у мурчинцев существуют примитивные маслобойни (джуваз), приводимые в движение при помощи верблюда или лошади. Мурчинцы очень редко употребляют для приготовления пищи сливочное и топленое масло.

Рассмотрим мучные пищевые продукты. Прежде всего из муки пшеничной, в редких случаях кукурузной и ячменной, пекут всякого рода лепешки. Кукурузный хлеб называется «тотек», хлеб из ячменной муки — «арпа чорек». Употребление ячменной муки показывает бедность семьи, поэтому при брачной церемонии — мулла благословляет жениха следующим напутствием: «Ак-гок гейдирме — Арпа чорек идирме»—«Белое-синее не одевай на нее, ячменным хлебом не корми ее», т. е. пусть твоя жена никогда не оденет платья из белой или из синей ткани, а пускай она всегда одевает платье из любимой туркменской красной шелковой гырмызы кетени и никогда не корми её ячменным хлебом. Такая церемония принята у всех туркмен. Белое платье женщина не надевает никогда, если не считать гынач для старух. Синее платье—признак бедности; во время траура одевается старое платье темного цвета (синее, черное).

Тесто бывает пресное (петир хамир) и кислое (мая хамыр). В основном все мучные изделия готовятся из кислого теста.

Закваской вместо дрожжей служит оставленный кусок теста. Лишь в некоторых случаях применяют пресное тесто, например, если нужно быстро испечь хлеб на дорогу отправляющимся за дровами в горы.

Хлеб выпекают по всей Туркмении, в частности и в Мурча, в виде плоской лепешки (чорек) в тамдырах. Тамдыр делается из особой глины конусообразной формы и ставится на поверхности земли или немного врывается в землю. Иногда пресные лепешки в виде лаваша-гыздырма пекут на раскаленной железной или чугунной печке.

Хлеб держат завернутым в скатерть небольшого размера (сачак), на которой и подают его во время еды.

Из кислого теста делают различного рода слоеные печенья без начинки. Чапаты из крутого замешанного кислого теста; пишме — в виде пирожков ромбовидной формы, жареное на любом масле. Пишме, как правило, делается для угощения на праздниках, свадьбах (той) и других пышных торжествах. Гатлама (от глагола «гатламак» — складывать слоями)—слоеные пресные лепешки также жарят на масле в праздники. Челпек (блин)—особое ритуальное свадебное печенье, делают при приезде невесты к мужу. Аналогичное ритуальное блюдо — челпек у таджиков и узбеков делается во время первой весенней пахоты и на поминках. Все эти печенья жарят на масле в котле.

К мучной пище относятся пельмени (борек). Их готовят из мелко изрубленной баранины с добавлением черного перца. В прошлом мясо перемалывали ножами или тешой, а теперь делают это на мясорубке.

Любимой жидкой пищей у мурчинцев, как почти у всех туркмен, считается «унаш» — мучная лапша (ун — мука, аш — лапша). Из пресного теста делают лапшу, опускают её в казан с определенной порцией воды и кипятят, иногда еще добавляют фасоль, маш, большое количество красного перца, а весной прибавляют съедобные травы — ак ве гара сельме, щавель и ысманак, обильно растущие у подошвы Копет-Дага. После того как унаш сварился, его наливают в посуду и сверху подливают по вкусу сузме (вид творога) или гатык (кислое молоко). Едят унаш деревянными ложками—чемче.

В отличие от других туркменских племен в прошлом мурчинцы употребляли для питания и изготовления различного рода молочных продуктов только молоко коровы. Из коровьего молока изготовляли масло (яг), кислое жидкое молоко (гатык), особый вид творога (сузме) и сыр (пейнир). В летнее время мурчинцы больше всего употребляют молочные продукты, как, например, чал. Последний бывает двух видов: дуе чал — верблюжий (который мурчинцы начали употреблять в последнее время) и сузьме чал — из любого кислого молока. Этот чал делается из сузьмы с добавлением воды, соли и лука и напоминает окрошку с квасом. Едят также в чистом виде катык — жидкое кислое молоко с хлебом и зеленым луком.

Из горячей молочной пищи очень любят «суйтли аш» (рисовая каша на молоке). Она, по понятию туркмен, считается очень полезной и святой пищей, так как рисовую кашу при беременности вкушала жена пророка Бипатма (Биби Фатима).

Молоко в чистом виде почти у всех туркмен и у мурчали употребляется неохотно, особенно в летний период, т. к. считается, что после питья молока человек делается вялым, тяжелым и т. д. Также не было принято в прошлом поить младенцев молоком. Поэтому молоко целиком идёт на изготовление молочных продуктов.

Мурчинцы сбивают масло в особых бурдюках из выделанной, очищенной кожи (яллык), притом масло сбивают не из сливок, а из кислого молока — катык[95].

Делается это так: молоко с вечера в чугунном котле нагревается до кипения (около 80—90°, т. к. на поверхности появляются пенки)[99]. Затем оно остуживается и заквашивается небольшим количеством старого кислого молока (катык); через 5—6 часов из этого молока получают кислое молоко. Многие авторы слово катык переводят как «простокваша». Это — неверно, т. к. простокваша получается только из сырого молока. Катык чем дольше стоит, тем становится кислее. Из этого катыка с добавлением воды сбивают масло. После отделения масла вся вода с пахтаньем — айран переливается в другой бурдюк, называемый «сузме дери». В нём приготавливают обезжиренную сузму. Точно таким же способом получают сузму из катыка неснятого. Такая сузма ценится гораздо дороже, идёт как приправа к различным жидким кушаньям (ун ашы и др.). Из катыка еще делают «курт» — род сыра. Для получения его катык выливается в мешок, сыворотка стекает и в мешке остается компактная масса, которая солится, высушивается в виде небольших комков на солнце, и заготавливается впрок. В дальнейшем в зимнее время курт, разведенный в воде, идёт на приготовление различных молочных кушаний.

Куриные яйца мурчинцы, а также другие туркменские племена едят крутыми или в виде яичницы (хайганак). Делают её так: нужное количество яиц разбивается и взбалтывается, добавляют по вкусу соль, после того опускают в казан в кипящее масло или сало и жарят. Едят хайганак руками.

В наиболее торжественных случаях, в честь рождения сына, приезда далекого родственника или почетных гостей делают плов (палов). Го-

товится плов, так же как во всей Средней Азии, по-узбекски. Очевидно, заимствован у узбеков.

У мурчинцев, в отличие от других туркменских племен, весной из последнего остатка урожая готовят особое ритуальное кушанье — «семени»[97]. По рассказам стариков-мурчинцев, якобы «семени» впервые вкушала жена пророка в момент беременности, как молочную кашу. Но по второму варианту это делает земледельческий народ, встречая весну, последним своим остатком зерна отмечая весенний праздник. Мурчинцы до недавнего времени ежегодно отмечали праздник весны приготовлением семени.

При приготовлении семени участвуют женщины нескольких хозяйств, обычно родственницы или соседки. Приготовление семени таково: на два пуда муки берут 125 фунтов пшеницы или 32 кг муки на 50 кг пшеницы. Пшеница, намоченная во влажной тряпке, зарывается в саман на один день, потом пересыпается в деревянное корыто (керсен) и кладется у окна на солнышке; время от времени её ежедневно смачивают теплой водой до появления ростков. Затем ростки срезаются, а оставшаяся масса кладется в каменную зернотерку и ступкой измельчается. Образовавшуюся жидкую сладкую массу сцеживают, а жмых отдается скотине. После этого часть сладкой жидкости наливают в большой чугунный котел, засыпают муку и кипятят примерно час, систематически перемешивая массу железной лопаточкой (кепкир). Когда, масса начинает густеть, добавляют еще жидкости и продолжают кипятить до полной готовности. В готовом виде семени имеет вид халвы. Семени распределяется между участницами пропорционально вложенной доле муки и пшеницы.

У мурчинцев, так же как и у многих туркменских племен, к лечебно-диетическому питанию относится рисовый отвар (ай йуврик). Рис кипятят в воде, затем к хорошо проваренному рису добавляют кислое молоко. Получается кисловатый суп, который дают больным. При отсутствии аппетита, при желудочно-кишечных заболеваниях, дают пельмени из листьев и стеблей мяты, которая обильно растет у ручейков в горах. Мята имеет хорошее лечебное свойство, пока она свежая, поэтому старики рекомендуют есть ее до мая месяца. Мяту также сушат, растирают в порошок, посыпают им круто сваренное яйцо и дают есть больному натощак. Сушеную ежевику заваривают как чай и пьют как потогонное средство во время гриппа и простудных заболеваниях. Унаш относится также к диетическому питанию при простудных гриппозных заболеваниях. При отсутствии аппетита первое средство у туркмен — кормить лапшой «унаш», которая вызывает аппетит и считается потогонным средством. При желудочном заболевании гайнак рекомендуют есть очень много дынь, поэтому больных этой болезнью оставляют на бахче. За сезон они очень поправляются. Слабым больным рекомендуется есть тыкву. Летом мурчинцы употребляют много винограда и яблок, которые в изобилии имеются в их садах.

Напитки, употребляемые мурчинцами, как и другими туркменскими племенами не отличаются разнообразием. К прохладительным относится «чал», о котором уже упоминалось. Хмельных напитков в прош-

лом мурчинцы не употребляли, теперь же пьют, в основном молодежь и мужчины средних лет. У мурчинцев, как и у всех народов Средней Азии, основным любимым напитком является зеленый чай (гок чай). Зеленый чай особенно много пьют летом, при том без сахара, чтобы лучше утолить жажду. В прошлом сладости к чаю заменял сушеный виноград (кишмиш), джида (игде), яблоки сушеные или сушеные дыни (алма ве гавун какы). Чай каждому подается в отдельных фарфоровых чайниках вместе с пиалой (кэсе). В прошлом чай привозили из Ирана. В бедных семьях вместо чая заваривали иногда сушеную ежевику (бовруслен) или буян — корень травы, по цвету напоминающей морковь, который в изобилии растет у подножья Копет-Дага.

В советское время у мурчинцев в пищевом рационе появилось много привозных продуктов (сахар, конфеты, манная, перловая и гречневая крупа) и овощей (картофель, капуста, помидоры и др.), выращиваемых, благодаря новейшей советской агрономии и неизвестных в прошлом.

В наше время у туркмен обильное угощение бывает в праздники 1 Мая и 7—8 Ноября. В эти дни в колхозе режут овец, готовят для колхозников разнообразные мясные кушанья, в том числе плов, пекут всякие мучные изделия[98]. Во всех этих угощениях как в праздники, так при семейных торжествах — рождении сына, свадьбах и пр., самое почетное место в доме (тор) предоставляется дорогому гостю. Гостей очень уважают. Гостеприимство вошло в традицию туркмен издавна, поэтому неслучайно по сей день у мурчинцев бытует такая поговорка «Мыхман атандан улы» — «Гость старше (дороже) отца».

Во время многолюдных торжеств гости и старики сидят на почетных местах (тор) в глубине комнаты. Пищу подают на 3—4 человека по возрастному признаку, пожилым в один круг, молодежи в другой. В обычные дни в небольшой семье едят все вместе, если семья большая, то взрослые мужчины, вместе со стариками, едят отдельно. Пищу принимают три раза в день — утром, среди дня и вечером. Каждый раз во время еды на полу растилается скатерть (сачак) с лепешками. Рано утром все члены семьи завтракают чаем с лепешками, в середине дня едят горячий мясной суп (чорба), а вечером опять чай с лепешками. В летние месяцы после сытного мясного обеда едят сладкие дыни или виноград. Иногда дыни или виноград заменяют обед и ужин, едят их с хлебом.

Основной посудой для приготовления пищи служит чугунный котел разного объема. Чай кипятят в хивинских самоварах (хыва самовары) или в кувшинах-кумганах (куннук). Последний ставится на огонь очага. Теперь повсеместно широко распространены самовары. Воду для пищи и питья приносят в кумганах, тыквенной посуде (кэди), глиняных кувшинах (куйзе), медной посуде (мис); в советское время эта посуда в основном заменена ведрами (бедре).

При приготовлении пищи применяют друшлак (чолпы). Делается он из прутьев тутовника или тала; при помощи чолпы вынимают из котла пельмени. Для приготовления плова применяют железную шумовку (кепгир) с сетчатым закругленным дном. К столовой посуде мурчинцев относятся небольшие деревянные чашки, называемые «чанак», боль-

шие деревянные чашки (керсен), где месят тесто. Деревянная посуда и деревянные ложки (чемче) изготовлялись мурчинскими мастерами.

В прошлом жареное мясо, горячие супы, всевозможные каши, чал, сладости, виноград подавали в деревянной посуде. Весь кухонный и столовый инвентарь хранился в нишах (таг) и на полу вдоль стен помещения. В советское время кухонная столовая посуда разнообразна. Теперь, помимо указанного, имеются алюминиевые и эмалированные кастрюли больших и малых размеров, сковородки. А из кухонной посуды у мурчинцев в обиходе появились мелкие и глубокие тарелки, алюминиевые ложки; во многих семьях появляются постепенно и вилки. Все это приобретается в сельском магазине Сейчас в обиходе мурчинцев для приготовления пищи получили широкое распространение примусы, керосинки, заменившие коптящие и дымящие очаги.

На основании вышеизложенного можно придти к выводу, что в пищевом рационе мурчинцев, в отличие от других туркменских племен, имеются элементы, поражающие земледельческую специфику этого племени, как, например: кушанье семени, лекарственно-растительная пища — мята, ежевика, гузы-гулак — трава, напоминающая уши барашка (гузы — барашек, гулак — ухо), растущая в гористых местностях.

Правила приема пищи, а также кухонный и столовый инвентарь у всех туркменских групп почти одинаков, но у мурчали встречаются различные названия как в части инвентаря, так и в части названий блюд, например: мурчинцы и текинцы Ахальского оазиса кумган для воды называют «куннук», а марыйцы—«танка». Пирожки из кислого теста с начинкой из зелени мурчинцы называют «кутап», а марыйцы — «сомсолы нан». У первых ложка «чемче», а у иомудов и марыйцев «гашык» и т. д. Подобная разница в терминологии, видимо, во многом зависит от исторических и от местных хозяйственных условий и требует специального лингвистическо-филологического анализа.

ОДЕЖДА

По своему костюму мурчинцы мало отличаются от другого туркменского племени — текинцев. Тем не менее необходимо отметить некоторые отличия в общепринятой одежде мурчинцев. Сходство одежды мурчинцев с соседними туркменскими племенами, видимо, появилось в последнее время вследствие территориальной близости, а зачастую и проживания в одном ауле. Так, например, в поселении Дэв-кала мурчинцы живут вместе с текинцами. Сказывается также влияние города через районный центр Бахарден, находящийся на расстоянии 4 км от основного селения Мурча.

В подтверждение того, что в ряде случаев местные отличия в одежде некоторых туркменских племен зависят во многом от их общения с соседним народом, можно привести немало примеров. Так, например, у племен-эрсаринцев некоторое сходство в одежде с узбеками, с которыми они вместе живут на берегах Аму-Дарьи, у туркмен-иомудов Северо-Западной Туркмении — с казахами, у туркмен северной части — с кара-калпаками и узбеками.

Как уже упоминалось, мурчинцы одевались в ткани собственной выделки (шелковые и хлопчатобумажные).

Туркмены Ахальского оазиса в прошлом красный цвет предпочитали всем другим, а мурчинцы отличались особенной приверженностью к этому цвету. Недаром по сей день текинцы окружающих Мурча аулов говорят — «Гызыл балаклы мурчали» — «красноштанные мурчинцы».

До недавнего времени мурчинцы, за исключением стариков, даже мужчины пожилого возраста, надевали шелковые красные рубахи (гырмызы койнек) и красные шаровары (гырмызы балак). Аналогичные красные рубахи одевали лишь родственные мурчинцам племена—нохурли, алили. Текинцы лишь в последнее время стали изредка шить красные рубахи. Ношение же красных штанов (гырмызы балак) не встречалось нигде в Туркмении.

Согласно местным представлениям, из белого материала можно и нужно было делать верхнюю одежду для стариков (рубахи и штаны), головные платки (гынач) для старух, а также саваны (кепин)[99]. Платок из белого материала одевают невесте, и она носит его в течение суток до одевания ей женского головного убора (баш данмак).

Для шитья женского платья идёт «гырмызы кетени» — красная ткань с желто-черно-белыми полосками по краям, а для женского халата чебетов или чабыт идет ткань оранжевого оттенка с продольными полосами. Для старых женщин ткут двуцветную шелковую материю, основа которой красная, а уток синий. Для мужского халата используется красная ткань с черными полосками (гырмызы дон), а для пожилых мужчин делается тон более темного цвета.

Платки для головного убора «гынач» делаются из того же красного шелка; по краям пришивается бахрома (сечек). В настоящее время эти платки заменяются фабричными шерстяными платками ярких расцветок, имеющими растительный рисунок.

Женская одежда отделывается вышивкой и серебряными украшениями.

Покрой одежды, как и у всех туркмен, у мурчинцев туникообразный. Одежда мурчинцев последнего столетия почти не отличается от костюма текинцев Ахальского оазиса. По словам мурчинцев, ряд элементов женской одежды, как, например, роскошно вышитый чырпы (текинский женский халат, накидываемый на голову), богатые шитые шелком головные платки (гынач), многие виды серебряных украшений заимствованы у текинцев.

Покрой женских и мужских рубах (койнек) одинаков, только женские рубахи шьются длиннее. По классификации Б. А. Куфтина, они принадлежат ко второму подтипу туникообразной одежды[100]. К обоим половинам (передней и задней) пришивают с двух боков срезанные клином (ян) боковые вставки, верхние узкие концы которых приходятся подмышками и при помощи ластовицы (бегейик) соединяются с рукавами (ен). Рукава (ен) делаются прямые из поперечного полотна, и пришиваются к основному полотну. Боковые полотнища (ян) в мужских рубахах менее широки, чем женские, поэтому в первом случае они приближаются к форме треугольника, а во втором напоминают форму трапе-

ции. В каждой семье одежду шьют сами женщины, и лишь для шитья больших громоздких вещей, как, например, ватных одеял, приглашаются женщины-родственницы. Это так называется родственная помощь. (ёвар).

В прошлом мужчины-мурчинцы носили повседневный костюм, состоящий из хлопчатобумажной рубахи и широких штанов, верхней одеждой являлся халат (дон). Иногда халаты носили по несколько штук сразу, одетыми один на другой; в таких случаях нижний халат подпоясывался кушаком, рубаха не стягивалась и выпускалась поверх штанов. В зависимости от возраста мужчин рубахи «эркек койнек» шились цветные или из белой материи. Для молодого и среднего возраста рубахи делали из красной (гырмызы) шелковой материи. Из этого же материала шили и платья для женщин. Ношение подобных красных шелковых рубах у текинцев не практиковалось. Такие рубахи, как уже выше сказано, одевают среди мурчинцев юноши и мужчины средних лет. У мужской рубахи делают вместо воротника стойку и два разреза: один — большой, на правой стороне груди для надевания рубахи, другой — маленький на левой стороне для кармана. Стороны разрезов украшают скромной вышивкой. Края разрезов, стойки карманов и рукавов обшиваются красной, синей или черной плетеной тесьмой, называемой «жэхек»; сверху к стойке пришивается цветной шнурок (багжык), скрученный из нескольких ниток. При помощи этой тесемки завязывается ворот рубахи. Карман, сделанный из другого цветного материала, пришивается с внутренней стороны разреза. Рукава рубахи не скашиваются, иногда они вышиваются у запястья.

Старики носили рубахи такого же покроя, сшитые из белой хлопчатобумажной материи. У стариков рубахи шились без ворота, с горизонтальными разрезами на плечах, которые закреплялись тесемками (багжык) из белых ниток. Ворота с такими разрезами молодые люди не носили и встречались они изредка лишь у молодых служителей культа, сыновей духовенства. Для стариков рубахи не вышивали, вырез у шеи и края рукавов обшивались белой ниткой, но нигде к краям ворота и рукавам в прошлом не пришивали черной тесьмы — «жэхек»[101]. Карманы такие же, как на рубахах у молодых. Пришивные карманы с левой внутренней стороны из материала этого же цвета можно было встретить лишь у отдельных стариков. К рубахам мужским и женским пришивали до половины длины подкладку из материала любого цвета — ягырын ишлык (спинная подкладка: ягырын — спина, ишлык — подкладка). Делалось это из экономических соображений, так как подкладка приходилась на голые части тела и обеспечивала более долгий срок носки рубахи. Когда подкладка снашивалась, ее заменяли новой. Ластовицы (бегейик) делали из любого имеющегося кусочка ткани. К рукавам рубахи подкладку не делали.

Раньше, если видели старика в вышитой или цветной рубахе, считали, что этот человек ненормальный, вспоминали туркменскую поговорку: «Гарры ойнаса гай болар» — «Если старик заиграется будет перемена погоды». Старики всегда, шутя, приговаривали, что им к старости нужно очистить себя от грехов, допущенных в молодости «душа и серд-

це должны быть чистыми-белыми», поэтому и на себя нужно одеть все белое. «Наш последний долг на этом свете состоит в 10 м белого материала (имеется в виду кепин-саван, в который заворачивают покойника), к этому мы приближаемся» и т. д.

В прошлом мужские штаны (эркек балагы) шили для стариков из того же белого материала, что и рубахи. Молодым и среднего возраста мужчинам делали штаны из хлопчатобумажной материи синего, зеленого, черного и из шелка красного цвета. Штаны из красного (гырмызы) шелка, как уже упоминалось, носили молодые мурчинцы, в основном молодежь 17—25 лет. «Гырмызы» имели с двух сторон вшивные карманы, разрез карманов и края штанин обшивались черной тесемкой (жэхек), на которой делалась скромная вышивка.

По покрою штаны для мужчин и женщин, как и рубахи у всех туркмен, а также у мурчинцев, одинаковы. Полотнища штанов делали из целого прямого куска материи, в середине внутренней части с двух сторон пришивалась вставка из того же материала в форме треугольника, называемая «балак агы». По всей вероятности, этот термин происходит от названия мотни женских штанов, которая в большинстве случаев делается из белого материала; отсюда термин балак агы (балак—штаны, ак — белый).

По рассказам местных жителей, в прошлом мужские штаны были еще шире и они шились из нескольких полос домотканной материи, имеющей ширину 32 см. Подобная ширина штанов характерна для многих туркменских племен[102].

В старом покрое штанов пояс делали из рубца той же материи (чермеклик)[103], через который пропущена тесемка (учгур), завязывающаяся спереди. Закрепляются штаны на бедрах.

В советское время все мужчины, за исключением стариков-староверов, рубах и штанов старого покроя почти не носят. Сейчас в быту распространен городской костюм, состоящий из рубахи, брюк и пиджака, и больше не соблюдаются возрастные различия в одежде. В последнее время молодежь из Мурча взяла пример с городских и сельских интеллигентов, стала носить рубахи из белого и зеленоватого шелка, который ткут в самом ауле. При изготовлении для этого шелка берут зеленую основу и красный уток; материал носит название по-местному «гиджегундиз» («день и ночь»).

Из белого, неокрашенного домотканного шелкового полотна начали шить летние брюки европейского покроя. Многие мурчинцы, участвовавшие в Великой Отечественной войне, по возвращении на родину стали носить китель и галифе защитного или синего цвета. По сей день среди жителей аула лучшей одеждой считается одежда военного образца, ее носят как служившие ранее в армии, так и те, кто никогда в армии не был. Это объясняется тем, что материал для военной формы хорошего качества, прочен в носке, удобен для местных условий. И в наши дни многие сельские жители предпочитают носить китель военного образца, а не пиджак, так как по выражению туркмен сельских местностей: «Туркмену попроще, да попрочнее».

Одной из основных важных частей одежды мурчинцев, как и у всех

Рис. 45. Мужской красный шелковый халат—дон.

туркмен, является халат (дон). Туркменский халат относится к числу прямоспинных одежд, т. е. в туркменских халатах из целого куска материала делают спину и грудь. Как и на рубахах, рукава пришиваются к халатам прямые. Под мышками вшиваются ластовицы из другого материала. С боков вставляются полотнища. По бокам внизу халата делаются разрезы длиною около 20—30 см. С обеих сторон имеются прорезы для вшивного кармана. Воротник сзади стоячий, невысокий, примерно 3—5 см. Подкладка делается обязательно из другого материала (черного, синего цвета). Вместо застежек пришиваются с обеих сторон черные тесемки или шнурочки из скрученного шелка. В холодную погоду „дон" запахивают и подпоясывают кушаком.

Рис. 46. Молодой туркмен-мурчинец в красном шелковом халате.

По своему назначению халаты бывают разные и делаются они из различных сортов ткани; покрой всех этих халатов одинаков не только у мурчинцев, но в основном у всех туркмен. В прошлом халаты носили летом и зимой; в наши дни, за исключением престарелых мужчин, основная масса населения халатов не носит, хотя почти у каждого они имеются.

Общепринятым и распространенным типом халатов у мурчинцев считались два следующих: халат из красной шелковой материи с черными и белыми продольными полосами („гырмызы дон") и халат из красной шелковой материи с черными и желтыми полосами («сарлы дон»). Такие халаты считаются самыми нарядными. Гырмызы дон шьются исключительно для молодежи, а сарлы дон — для среднего возраста. Для повседневной носки и для любого возраста делают халаты несколько худшего качества из полушелковой ткани «гокаргач» темного цвета. Старики, как правило, красных шелковых халатов в будние дни не носят.

У шелковых халатов боковые разрезы внизу и карманы украшены вышивкой; края рукавов и оторочка воротника у халата «гырмызы дон»

отделывается другой хорошей материей — сукном, атласом или бархатом.

Помимо легких шелковых халатов, носили теплые, стеганные на вате; раньше мурчинцы покупали их в Хиве, поэтому они и по сей день. не только у мурчинцев, но и у всех туркмен носят название «хыва дон» (хивинский халат). В основном хивинские халаты были в полоску красно-сине-белые или зелено-сине-красные.

Мурчинцы охотно носили также чэкмен — халат светло-коричневого цвета, сотканный из тонкой верблюжьей шерсти. Сами они чэкмены не изготовляли и покупали у текинцев. Чэкмен одевается поверх всех халатов зимой, особенно при осадках, т. к. они не пропускают влагу.

Раньше халаты носили все мужчины зимой и летом. В наши дни молодежь и мужчины средних лет халаты носят редко, одевая их лишь в двух случаях: шелковые нарядные во время праздников и свадебных тоев, полушелковые темные халаты — в дни траура и на похоронные

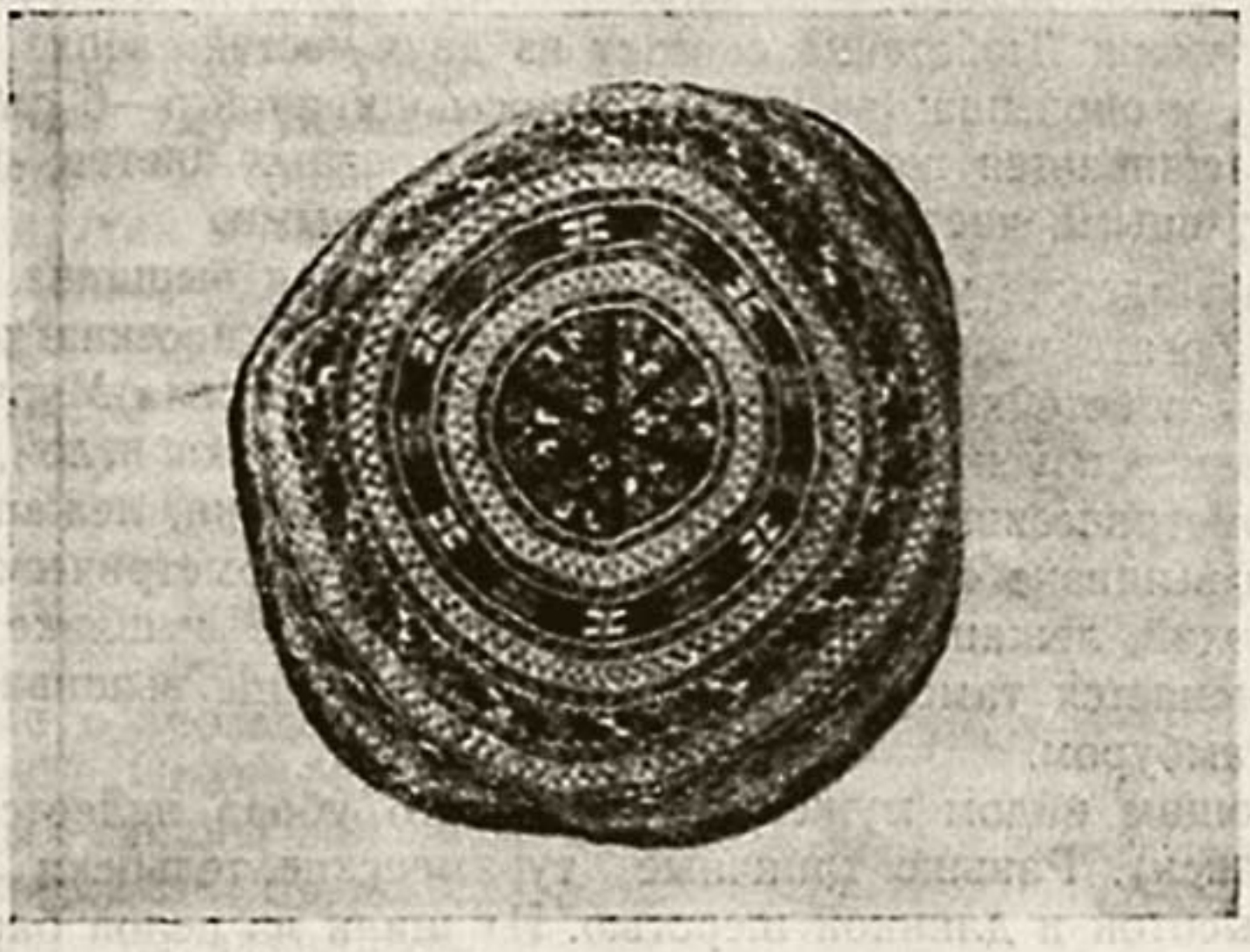

Рис. 47. Шелковая вышитая тюбетейка (тахья).

процессии, т. к. согласно ритуала, в похоронных процессиях все участвующие должны быть в халатах и головных уборах. Поэтому по сей день у многих аульных жителей имеются традиционные халаты.

Халат носят нараспашку. Во время поездок и зимой его подпоясывают кушаком, на котором укрепляется в ножнах нож. Кушак делали из красного шелка, имеющего форму треугольника или четырехугольника, оба конца обшивали бахромой (сечек). Иногда кушак заменялся длинным кожаным поясом (кемер).

Кроме описанных выше частей верхней мужской одежды туркмен, существует еще специально зимняя овчинная шуба (ичмек). Шьётся из обработанных овечьих шкур, распространена у всех туркмен и особенно ее носят старики зимой. Мурчинцы и текинцы Ахальского оазиса называют ее «ичмек», а марыйцы «поссун».

В наше время вышеописанная летняя и зимняя верхняя одежда туркмен племени мурчали постепенно выходит из употребления. Повсеместно мужчины всех возрастов стали носить европейские пальто, шинели военного образца, брезентовые и прорезиненные плащи, ватные телогрейки и др.

Головные уборы мурчинцев почти те же, что у текинцев Ахальского оазиса. Под шапкой всегда носят тюбетейку тахья, которую не снимают никогда. Тюбетейку надевают мальчику через несколько дней после рождения и она остается у него на голове до старости и смерти, сменяясь лишь с увеличением размера головы и по мере износа. По существующим обычаям, туркмен должен постоянно носить головной убор. Во время еды, если голова почему-либо не покрыта, набрасывают хотя бы платок или что-нибудь другое. При снятии головного убора, хотя бы на короткий срок человек чувствует себя крайне неловко и стесненно.

По форме тюбетейки полусферические, одинаковые по всей Туркмении. Тюбетейку шьют из остатков красного шелкового материала. Подкладка к ней делалась из самотканной бязи, а в дальнейшем из фабричной ткани. Тюбетейка состоит из двух частей: верха в виде круга (депеси) и околыша (этеги) — полосы шириной 5—6 см. Тюбетейка целиком расшивается шелковыми нитками разных цветов, поэтому швы между составными частями делаются незаметными.

Если на одежде у мурчинцев была скромная вышивка, то мужские тюбетейки богато расшивались узорами ак гайма и секиз кешде. Такая вышивка на тюбетейках характерна не только для села Мурча, она имеется у текинцев и у нохурли[104]. Вышивают тюбетейки иглой, узор очень мелкий геометрический, напоминающий треугольники, лежащие в одной линии; при вышивке «секиз кешде» узор также геометрический, но в виде полукружий, лежащих на одной линии. Если в вышивке «ак гайма» редко применяется тамбурный шов, то секиз кешде вышивается исключительно тамбуром.

Следующим видом мужского головного убора является баранья шапка (телпек). Раньше типичные туркменские тельпеки отличались большой высотой и длинной шерстью. Их шили из целой бараньей шкуры с одним вертикальным швом сбоку. Шапки делали на подкладке из белого войлока, чтобы форма шапки была устойчивее, не перегибалась и не мялась при носке.

Телпек у мурчинцев и текинцев Ахальского оазиса, а также у марыйцев почти одинаков; он цилиндрической формы, немного расширяющийся кверху. Шапки эти бывают главным образом двух цветов: черные, носимые в любое время года, и белые — летние. Изредка попадаются и серые; их тоже носят в любое время года пожилые мужчины и старики.

В наши дни повсеместно в Туркмении молодежь и мужчины средних лет предпочитают носить низкие шапки, напоминающие шапку дагестанцев Кавказа или кубанки. Их шьют из каракулевых шкурок. Особенно модной считается шапка из серого каракуля с суконным красным или синим верхом, разделенным на четыре части черным шнурком. Сель-

ская молодежь в летние месяцы вместо меховых шапок носит кепки и фуражки, но обязательно под ними одевают тюбетейку.

Последним видом головного убора, распространенным среди духовенства Туркмении, является чалма — «селле»[105]. Этот вид головного убора у туркмен, и, в частности, у мурчинцев, надевается духовным лицом — имамом во время совершения пятикратной молитвы (намаз). Поэтому „селле" по окончании молитвы имам оставлял в мечети в специально отведенном для нее месте у ниши—мэхрабе. Носить селле мог тот, кто окончил высшее духовное учебное заведение —медресе или те, кто по рождению относились к духовному сословию. Поэтому во многих источниках мужская чалма (селле) рассматривается как специфический убор „представителей мусульманской учености", которые в Бухаре XII в. так и назывались „люди чалмы"[106]. Недаром по сей день среди туркмен бытует такая поговорка: „Хер нэче окасанда селле геймерсин" (Сколько ни учись, чалмы не оденешь). Говорят эту поговорку по отношению неспособных к учебе и женщин, которые в прошлом были бесправны. „Инди бес эт билипсин агы—гараны аял — гыздан бармы селле ораны". —„Достаточно ты научилась читать, писать, все равно из женщин и девушек никто не одел чалму»[107].

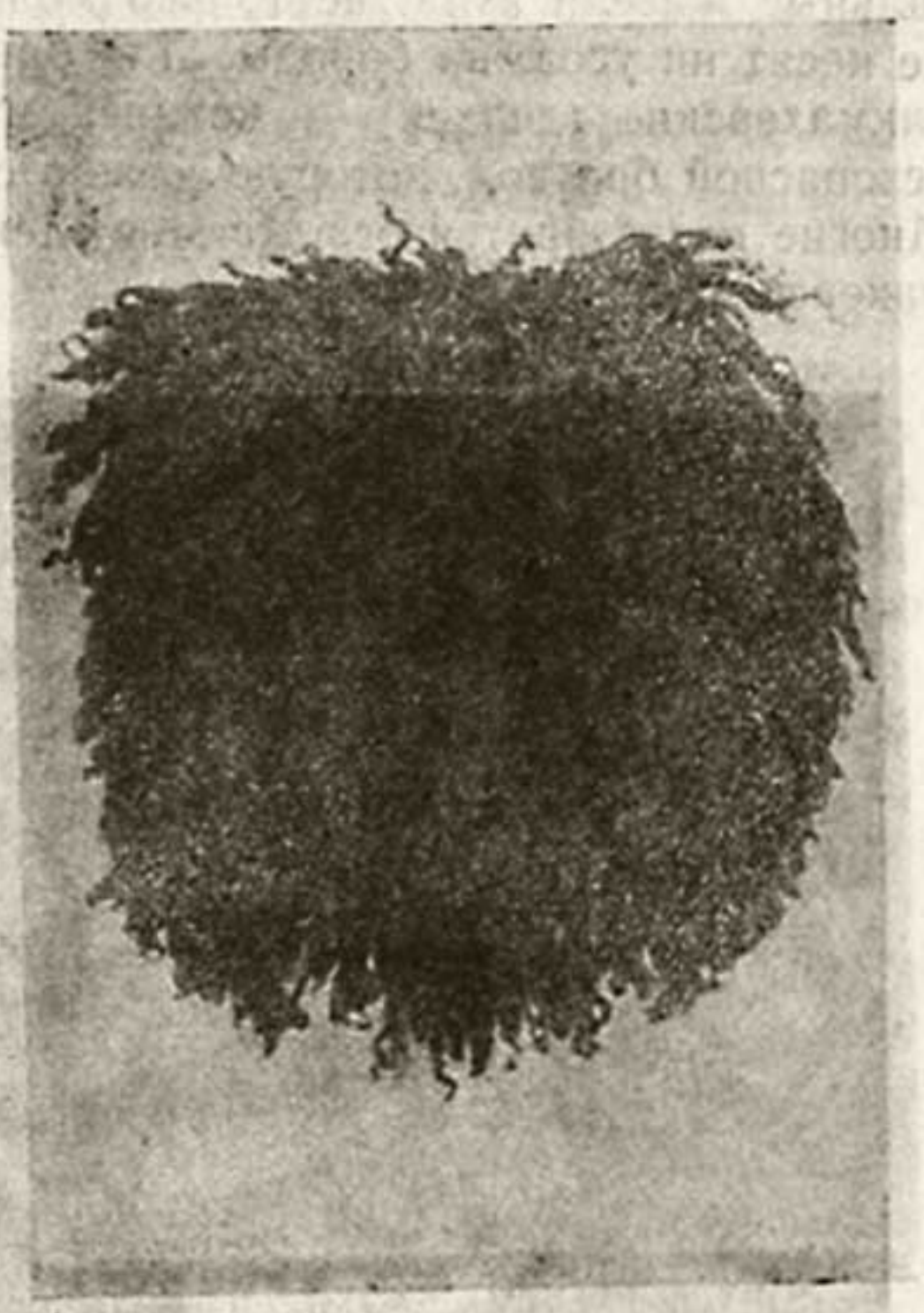

Рис. 48. Баранья шапка—тюльпек.

Нужно думать, что появление и распространение в туркменской среде чалмы тесно связано с исламом.

Раньше мужчины-туркмены всех возрастов наголо брили голову, как и другие народы Средней Азии, носили бороду и усы. Но в отличие от других среднеазиатских народов туркмены выщипывают или сбривают бороду так, что она остается лишь по контуру щёк. Этот тип бороды чужд узбекам, таджикам и другим народностям Средней Азии.

Мужчины средних лет в верхней части подбородка и со щёк волосы тщательно сбривают, а иногда даже выщипывают, усы также сбривают, оставляя узенькую полоску над губой. По представлению туркмен, волосы считаются большим злом — они негигиеничны и при приеме пищи не должны попадать в рот.

Цырюльником—«деллек» в ауле может быть любой, кто владеет бритвой и щипчиками и таких людей в каждом ауле достаточно. Такая

походная цырюльня всегда устраивается возле арыка, где без применения мыла, смачивая волосы или бороду водой даллек бреет своих клиентов. Бреют бритвой (пэки) местного изготовления.

В наше время, под влиянием сельской интеллигенции и приезжающих в отпуск студентов-односельчан, аульная молодежь начала нарушать старые обычаи, отпускать небольшую шевелюру и брить лицо. Теперь бороду и усы оставляют только пожилые люди и старики, а остальные жители аула, не только молодежь, но и мужчины средних лет не носят ни усов, ни бороды. Для бритья больше не нужны аульные парикмахерские (деллек) — каждый мужчина может бриться сам, своей безопасной бритвой, которую можно свободно купить в любом магазине. Многие после бритья освежаются одеколоном, как это делается в парикмахерских.

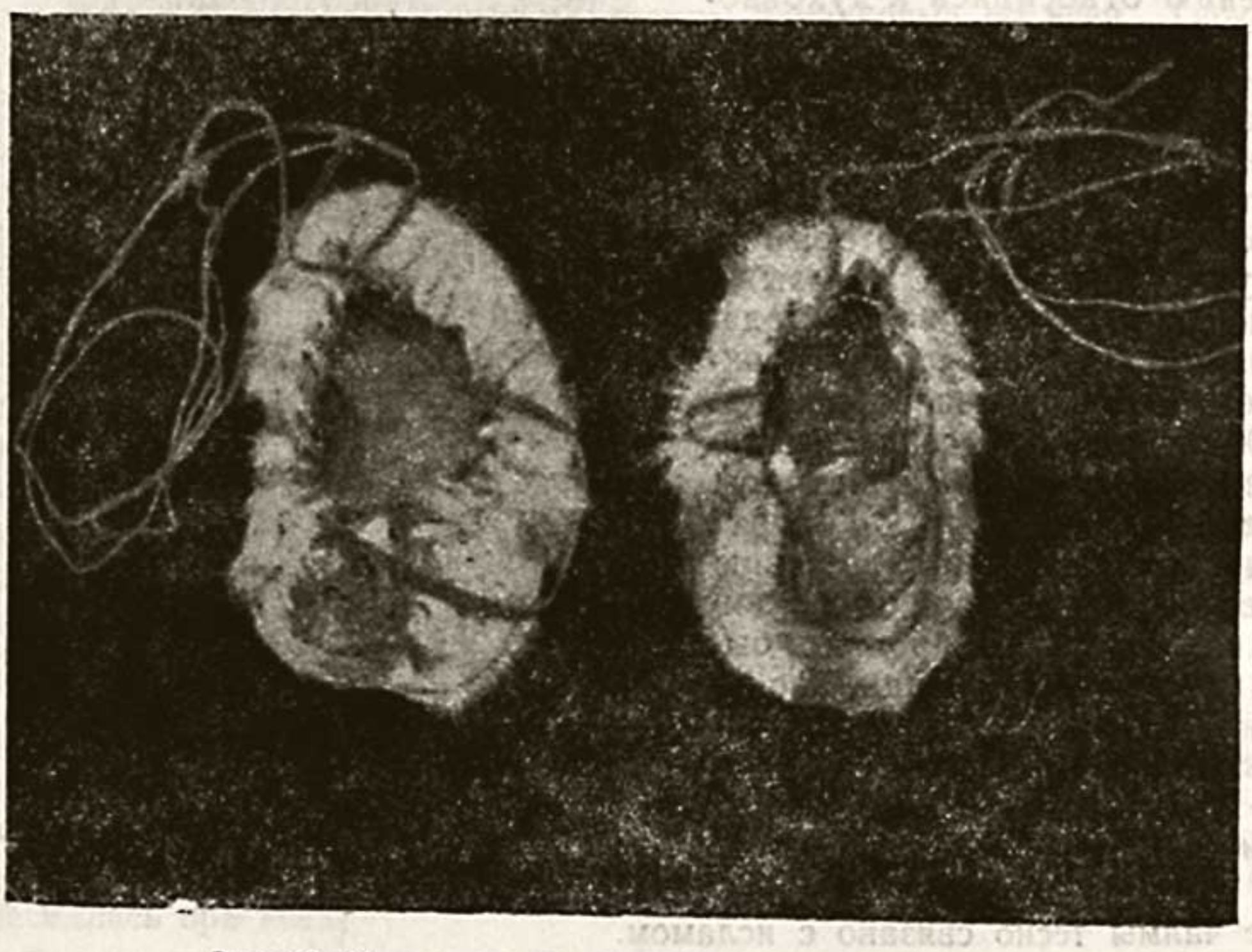

Рис. 49. Мужская рабочая обувь мурчинца—чарык.

Детей до года вообще не стригут. До шестилетнего возраста по прическе нельзя определить, мальчик это или девочка. Мальчикам после первой стрижки оставляют на висках пряди волос (гулпак); девочкам перестают сбривать затылок с 7 лет, а иногда с 9 лет.

Обувь у мурчинцев была трех видов: мужская рабочая — «чарык» и «чокай» и нарядная — «ковуш». «Чарык» шьется до настоящего времени и делается из целого куска сыромятной, необработанной коровьей или верблюжьей кожи, с укрепляющим ремешком (тасма) того же материала, который охватывает ногу несколько раз и затем завязывается. С чарыками носят белые шерстяные портянки (долак). Для работы и

ходьбы по горным и пересеченным местностям «чарык» считается самым удобным и незаменимым, т. к. держит ноги в тепле, предохраняя их от сырости. При длительном употреблении кожа «чарыка» сохнет, поэтому крестьяне-земледельцы всегда за день перед работой увлажняют «чарык» и закрывают их в сырую землю, после чего обувь делается мягкой. При ежедневной носке нет необходимости смачивать чарык. Неслучайно, что в настоящее время бывшие коренные жители Мурча, живущие и работающие в Ашхабаде, приезжая в отпуск в родное село и отправляясь на охоту, одевают «чарык». Мурчинские мастера сапожники «чарыкчи» славились изготовлением прекрасных «чарыков».

Второй вид обуви «чокай» подобен «чарык», но шьются они из полуобработанной кожи. Этот вид обуви менее употребителен среди мурчинцев.

Третьим видом мужской обуви — нарядным, употребляемым только для носки в самом ауле, служили «ковуш» или «гырмызы ковуш». Это— тип танкетки без задников, на высоких каблуках. Ковуш носили мужчины всех возрастов в теплое время года, на босую ногу, а зимой поверх цветных шерстяных носков; последние покупали у текинцев или привозили из Ирана. Ковуш шили сапожники-мурчинцы. Так, например, до сих пор вспоминают и хвалят работу мастера Анна уста ковушчи, который до последних дней своей жизни шил ковуш, продавая их односельчанам и в соседние аулы. Привозили ковуш также из Хивы.

Рис. 50. Нарядная мужская обувь мурчинца—ковуш.

Женской обувью в прошлом были «ковуш» — туфли без задников на высоких каблуках такие же, как у мужчин. Духовенство предпочитало носить ичиги с калошами. Подобного рода обувь «ковуш» встречается и среди других туркменских племен, так, например, у приатрекских иомудов.

Обследовавший Приатречье доктор Рубин писал: «Обычным башма-

ком служил ковуш—подошва на высоком каблуке с передком — все из красиво отделанной кожи — кустарное изделие»[108]. Этот вид обуви мурчинскими мастерами (ковушчи) изготовлялся на месте, особенно славился вышеупомянутый Анна усса ковушчи; частично она привозилась из Хивы. Одевали на босую ногу, зимой на шерстяные носки. Такой вид обуви в прошлом являлся основным у женщин и девушек и воспевался в девичьих песнях леле (гырма ковуш).

Из перечисленных выше видов обуви, только «чарык» носится изредка тружениками колхозных полей и в настоящее время.

Теперь повсеместно, особенно мужчины, стали носить городскую европейскую обувь — сапоги, галоши, туфли и т. д. Даже появились собственные мастера, изготовляющие тапочки, напоминающие чувяки кавказского типа.

Женская одежда имеет больше разновидностей среди отдельных туркменских групп, чем мужская. Последнее объясняется тем, что женская одежда является наиболее устойчивым элементом материальной культуры. Если мурчинки и текинки носят довольно широкие рубахи, то иомудки более узкие, сшитые в талию, и более узкие штаны. Женщины-эрсаринки носят рубаху еще свободнее.

Как выше было уже описано, покрой женских и мужских рубах одинаков, отличаясь лишь длиною и формой ворота, а также женские рубахи «аял койнек» оформляются более ажурными вышивками и серебряными украшениями.

Рубахи мурчинских женщин шьются из красной домотканной шелковой материи «гырмызы-кетени». Этот материал одноцветный, только по бокам имеет каёмку из узеньких желтой и черной или желтой и белой полос. Все рубахи шьются по одному стандарту. К основному полотнищу, перебрасываемому через голову, вставляется как спереди, так и сзади клин с желтыми или белыми полосами. Ластовицы (бегейик) делают из другого материала. В женской рубахе ворот (яка) разрезается спереди посредине; вместо застежек имеются завязочки.

В женских платьях воротник имеет вид стоечки, шириной примерно 2—3 см, сделанной из другого материала, чего нет в мужских рубахах. Женские рубахи так же, как мужские, имеют на груди и спине подкладку (ягырын ишлик), пришитую до пояса. К женским рубахам нашивается снаружи на спине четырехугольник (ягырын урна) — вставка к спине, чтобы не пачкать платья косами, чего не делается у девичьих платьев, т. к. девушка носит косы впереди. Подкладка и нашивка на спине подшивается из другого материала. Девичья рубаха имеет разрез спереди меньше, чем у женщин. По длине женская рубаха спускается до щиколоток. Воротник и концы рукавов вышиты геометрическим узором. У девичьего платья вышивается задняя часть воротника, чего не делается в женских платьях, т. к. у женщин эта часть закрывается головным платком «гынач» и не видна.

Грудь на рубахах у молодых женщин и девушек украшается серебряными бляхами (япрак); если раньше у ворота имелись завязочки из скрученного шелка, то в последнее время у большинства туркменских

Рис. 51. Женская и девичья рубаха у мурчинок без украшения.

племен распространена гуляка, заимствованная у прикаспийских иомудок.

В прошлом бедные семьи для женских платьев выделывали ткань из смеси шелка и хлопчатобумажных нитей; к таким материалам относилась алача, совсаны, ковдери. Из последних видов ткани также делали платья для пожилых и старух.

Второй частью женской одежды являются штаны — балак. Штаны по покрою ничем не отличаются от мужских. Женские штаны шьются из нескольких кусков хлопчатобумажной материи разных как по качеству, так и по цвету. Только нижняя часть, которая видна из-под платья, делается на высоте 20—30 см из красного шелка, а выше колен

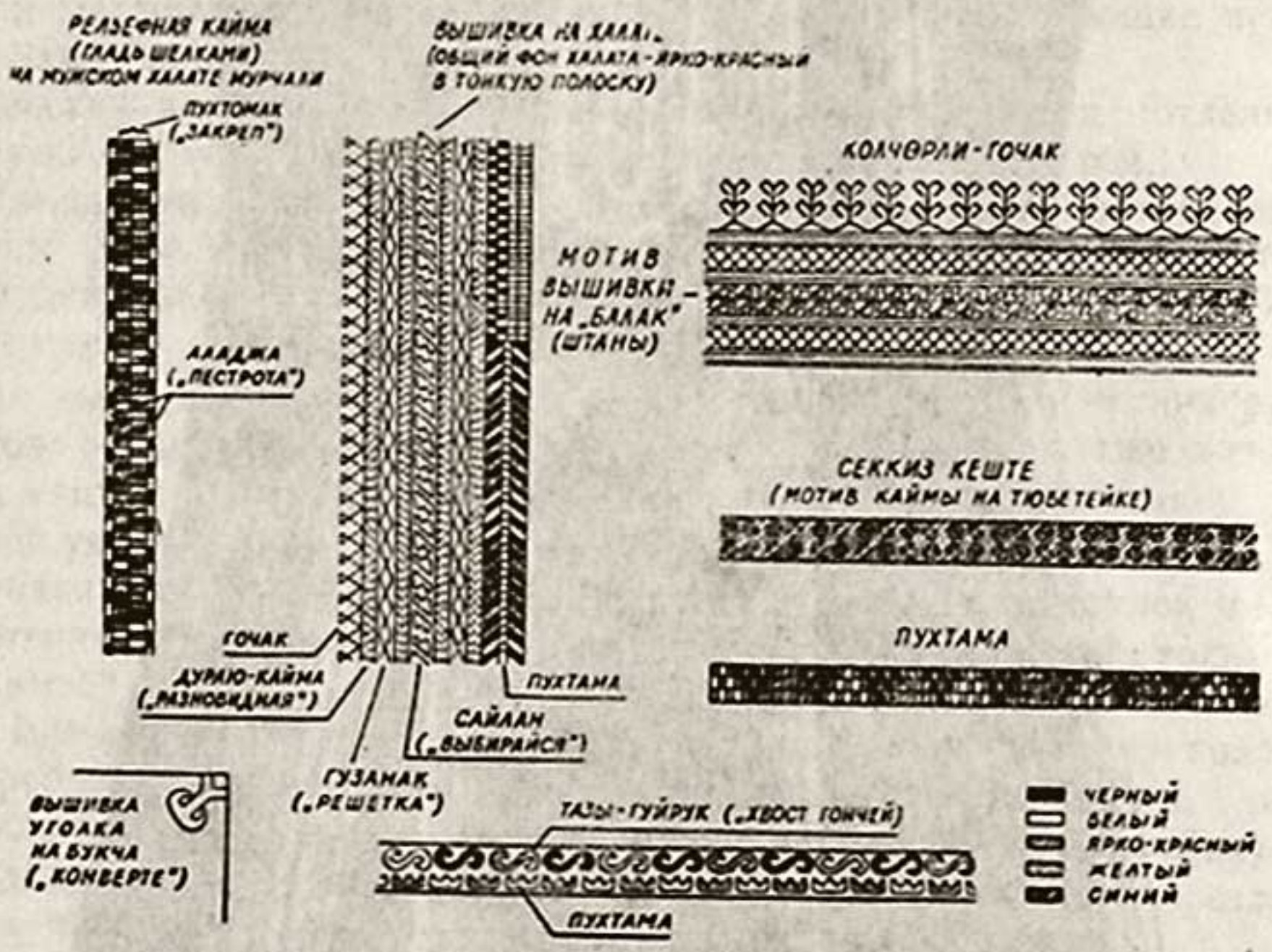

Рис. 52. Мотивы вышивок к одежде у мурчинцев.

штаны шьют из простой белой или какой-нибудь другой материи. Внизу у щиколотки штаны украшаются вышивкой. Вышивка бывает ручная и машинная. Узор вышивки на балак называется «колчорли гочак» (см. рис. 44). Внизу к краям штанов подшивается черного цвета шерстяная тесемка «балак йупи». Женские штаны, как и мужские, держатся на бедрах, на поясе (учгур). У большинства туркмен женские штаны очень узкие у щиколотки, с трудом снимаются, а вверху, в месте соединения со вставкой расширяются, достигая в ширину в зависимости от объёма талии от 30 до 50 см.

Женские балаки в отличие от мужских обязательно шьются на подкладке и простегиваются по всей длине: ниже колен стежка чаще, а выше колена реже. Балак также является обязательной частью нательной одежды женщины; их, как и рубаху, она не снимает даже ночью. В этом сказывается влияние ислама, согласно которому тело женщины считается «азрет» или «оврат» (постыдным, запретным, нечистым) и

Рис. 53. Чабыт с серебряными украшениями у мурчинских женщин и девушек.

разрешается открывать только ноги ниже щиколотки, кисти рук и лицо в его верхней части.

Штаны женщин, девочек и девушек имеют общий покрой и шьются из материала одного цвета; только старухам рубахи и штаны делают из более темного материала с очень скромной вышивкой.

Одной из верхних одежд женщин служит халат. Халаты были доступны только состоятельным лицам. Согласно существующему обычаю, сверху халата непременно должен был одеваться один из видов покрывал. Женщины бедняцких слоев имели по одному халату, а поэтому набрасывали на голову его. Женский халат имеет совершенно одинаковый покрой с мужским, но отличен количеством вышивок, серебряными украшениями и сортом шелковой ткани.

У мурчали бытует несколько видов халатов. Первый из них. «чабыт», делается из красного шелкового материала, отличаясь от мужских красных шелковых «гырмызы дон» халатов расцветкой: у мужских халатов продольные полосы бывают черными и белыми, у женских «чабыт» — желтыми. Отсюда название «сарлы дон», т. е. халат с желтыми полосками; из красной ткани с желтыми полосками делали только женские «чабыт», в последнее время, изредка, из такого же материала с желтыми полосами шьют халаты для пожилых мужчин.

Передняя часть халата, начиная от разреза ворота, с обеих сторон украшается. На чабыт делается нашивка из черного материала, к которому пришивают серебряное украшение, называемое «чапраз». Ниже его на груди халат застегивается на пуговицу, сделанную из серебряных монет; петля — из тесьмы. Карманы и боковые разрезы в нижней части халата расшиваются цветным шелком или на них нашивают серебряные монеты. У мурчинских женщин этот халат имеет разрез только на груди, обшитый тесьмой «жэхек». Благодаря указанному разрезу этот халат можно набрасывать на голову и он может устойчиво держаться на женском головном уборе. Чабыт носят также девушки. Возможно, что «чабыт» в прошлом только накидывался на голову поверх головного убора. У мурчинцев, а также у текинцев «чабыт» носят молодые и средних лет женщины и девушки, в то время как нохурские девушки «чабыт» не носят[109].

Второй вид халата — «чепбетов чабыт» отличается от первого материалом и более скромными украшениями. Шьется он из самотканной шелковой материи, у которой основа красная, а уток желтый, поэтому в ней преобладает желтый тон. Разрезы на груди обшиваются красной тесьмой «жэхек». «Чепбетов чабыт» носят женщины пожилого возраста.

Третий вид халата — «Махмал чабыт», такого же покроя, делается из красного (бордового), синего и зеленого бурхата. Этот вид халата не имеет разреза на груди, т. е. не приспособлен для набрасывания на голову. Карманы и боковые разрезы внизу украшаются вышивками из разноцветных шелковых ниток и обшиваются тесемками (жэхек) другого цвета, чем халат. Иногда концы рукавов примерно на 10—15 см делаются из материала другого цвета. Такие халаты носят женщины средних лет и девушки. У последних передняя часть халата украшается серебром и более богатой вышивкой.

Рис. 54-а. Пуренжек-курте, женская одежда мурчинок, накидывавшаяся на голову. Вид спереди.

Четвертый вид женских халатов — ватные халаты из лощеной материи. Они покупались в Хиве, поэтому они были доступны только состоятельным туркменским семьям. Такие ватные халаты носили пожилые женщины и старухи. Женщины средних лет и девушки ватных халатов не носили. Все перечисленные выше халаты шились на подкладке.

В большинстве случаев женщины и девушки в прошлом не имели теплой верхней одежды. Это объяснялось тем, что женщины были заняты только домашними работами и редко выезжали. Если по необходимости в зимнее время женщине приходилось отправиться в дальний путь, она надевала шубу (ичмек) мужа или укрывалась одеялом.

Выходной одеждой мурчинок служил халат, накидываемый на голову «пуренжек» (от слова «пуренмек» — закрываться, укутываться; современное текинское название «курте»). Пуренжек бывает двух цветов: кызыл—красный и яшыл—зеленый. Шьют его из домотканной красной или зеленой шелковой материи с узкими черными продольными полосками. Пуренжек у мурчинских женщин, а также у гёкленок Карыкалинского района ТССР употребляется в качестве накидки на голову. У мурчинских женщин «пуренжек» заменяет текинские чырпы и отличается от них лишь меньшим количеством вышивок. В прошлом, как рассказывают старики, мурчинские женщины не носили «чырпы». Этот вид женской одежды заимствован мурчинцами от текинцев. В туркменском костюме чырпы, видимо, появился под влиянием узбекско-таджикской паранджи.

Мурчинские пуренжек (курте) украшают вышивки на груди, по краям рукавов, на вороте и боковых разрезах. Иногда пуренжек делается с меньшим количеством вышивки или совершенно без вышивки, в таких случаях края его обшивают тесьмой другого цвета. Пуренжек шьется без подкладки. Этот вид халата носят женщины всех возрастов. У молодых он имеет более богатую вышивку, у пожилых женщин вышивки меньше и шьется он из темного материала. При выходе на улицу или при посторонних мужчинах женщина должна этот халат обязательно набросить на голову. Девушки-мурчинки пуренжек не надевают, так как до выхода замуж лицо свое не закрывают. Мурчинки носят также текинские «чырпы», которые шьют из желтого, белого или красного шелка с длинными ложными рукавами. Материал на чырпы всегда гладкий одноцветный, но благодаря обилию вышивки цвет его трудно определить. Чырпы делается на подкладке.

Все виды халатов, набрасываемых на голову (чабыт, пуренжек-чырпы), в прошлом носили только женщины, чтобы закрыть себя от посторонних и прикрыть голову. По сей день некоторые люди старого поколения запрещают женщинам выходить на улицу без головных покрывал, мотивируя это тем, что их может настигнуть нечистый дух (ал-арвахджин урар). Невольно вспоминается на этот счет указание О. А. Сухаревой, что по всей Средней Азии ношение женщинами головных покрывал, закрывающих волосы, связано было с древним обычаем предохранять женщину от возможности магически вредить ей через волосы во время беременности, родов и кормления ребенка[110].

Типичным головным убором мурчинской женщины является борук,

Рис 54-б. Вид сзади.

Рис. 55. Чырпы—женская одежда, накидывавшаяся на голову

который ничем не отличается от борука текинок Ахальского оазиса[111]. Он имеет цилиндрическую форму. Остов борука сплетается из веток веников или делается из картона и обшивается тканью; диаметр борука 27 см, высота 30—40 см. Поверх борука женщина надевает платок (гынач), имеющий форму треугольника с кистями по краям. На одном конце этого платка, именуемого яшмак, имеется серебряный крючок «ченне», благодаря ему женщина, перекидывая этот конец справа налево, закрывала нижнюю часть лица и рот от посторонних мужчин и родственников мужа как мужчин, так и женщин. Два другие конца свисали сзади по спине, закрывая косы.

Поверх платка (гынач) мурчинские женщины надевают меньшего размера платки или ленты из шелковой материи, называемые «алын дэны» и к ним нашивают серебряные украшения. Платок или лента с серебряным крючком прикрепляется к платку на лобной части, поэтому эта часть украшения мурчинок носит название „алын ченне" (алын — лоб, ченне — крючек). Мурчинский ченне, как и текинский, состоит из серебряного украшения, прикрепленного к ленте или платку. У нохурцев эта часть головного убора носит название „алкым чанна"[112] (алкым — нижняя часть подбородка) и состоит из комплекта украшений, подобного которому нет ни у мурчинцев, ни у других туркменских племен.

Рис. 56-а. Женский головной убор—борук с платком „гынач" и украшением „алынченне". Вид спереди.

Женский платок (гынач) делается из домотканной красной шелковой ткани, края украшаются кистями и вышивкой. В последнее время большое распространение получили среди туркменок (и считаются самыми любимыми) шерстяные фабричные платки красного или бордового цвета с крупными цветами, которые ими охотно покупаются в магазинах столицы Туркменистана—Ашхабаде.

Борук в Туркмении женщины надевали после выхода замуж. Он постоянно носился, снимали его лишь при мытье головы и на ночь. Борук старух-мурчинок отличается меньшим размером и отсутствием серебряных украшений. Девушка, не вышедшая замуж, всю жизнь должна носить девичью тюбетейку и не имеет права надевать женский головной убор[113].

Девушки носят на голове вышитые тюбетейки (тахья), которые

имеют своеобразные вышивки, «кешде» и «чигме». «Гультахья» — цветочная тюбетейка, где орнамент вышивки состоит из отдельных небольших рисунков, которые напоминают в отдельности ромбики, лежащие в квадратах. Вышивка делается из разноцветных ярких шелковых ниток. На девичьи тахья нашиваются серебряные украшения. Если девушки нохурские и гёкленские Каракалинского района, просватанные с детского возраста (адаглы) и достигшие возраста 16—17 лет, при выходе из дома набрасывают на голову треугольный с кистями платок, то мурчинки набрасывают платок в тот день, когда их увозят как невест из родительского дома к мужу.

Рис. 56-б. Вид сзади.

Прическа мурчинской женщины не отличается от причесок прочих туркменских племен. Женщины носят две косы (сач) с прямым пробором. Косы носят сзади и скрепляют между собой серебряными украшениями (бусы, монеты) или шелковой тесемкой — „сач багы". Богатые женщины вместо „сач багы" прикрепляли к косам массивные серебряные украшения „асык".

Девушки - мурчинки, как и у других туркменских племен, заплетают четыре косы и носят их спереди, по две с каждой стороны, связывая их шнурочками с нанизанными на них монетами и бусами.

В наше время женщины-мурчинки носят купленные в городе туфли или ботинки, а также калоши азиатской формы. Дети также носят обувь, купленную в городе.

Детскую одежду у мурчинцев шьют по образцу одежды взрослых

соответствующего пола. Более состоятельные мурчинцы в прошлом шили особую детскую одежду «елек-курте» — по покрою она не отличалась от детской рубашки, но делалась из домотканной красной шелковой ткани, на груди и на спине навешивались серебряные украшения с погремушками (дугме) и прикреплялся на спине пучек пуха филина, якобы предохраняющего ребенка от дурного глаза[114].

Девочки начинают носить штаны с 3—4 лет, а мальчики с 5– 6 лет.

Украшения мурчинских женщин аналогичны украшениям других туркменских племен (теке, нохурли) и состоят из позолоченных серебряных вещей различных видов и форм. Чисто золотые украшения встречаются очень редко.

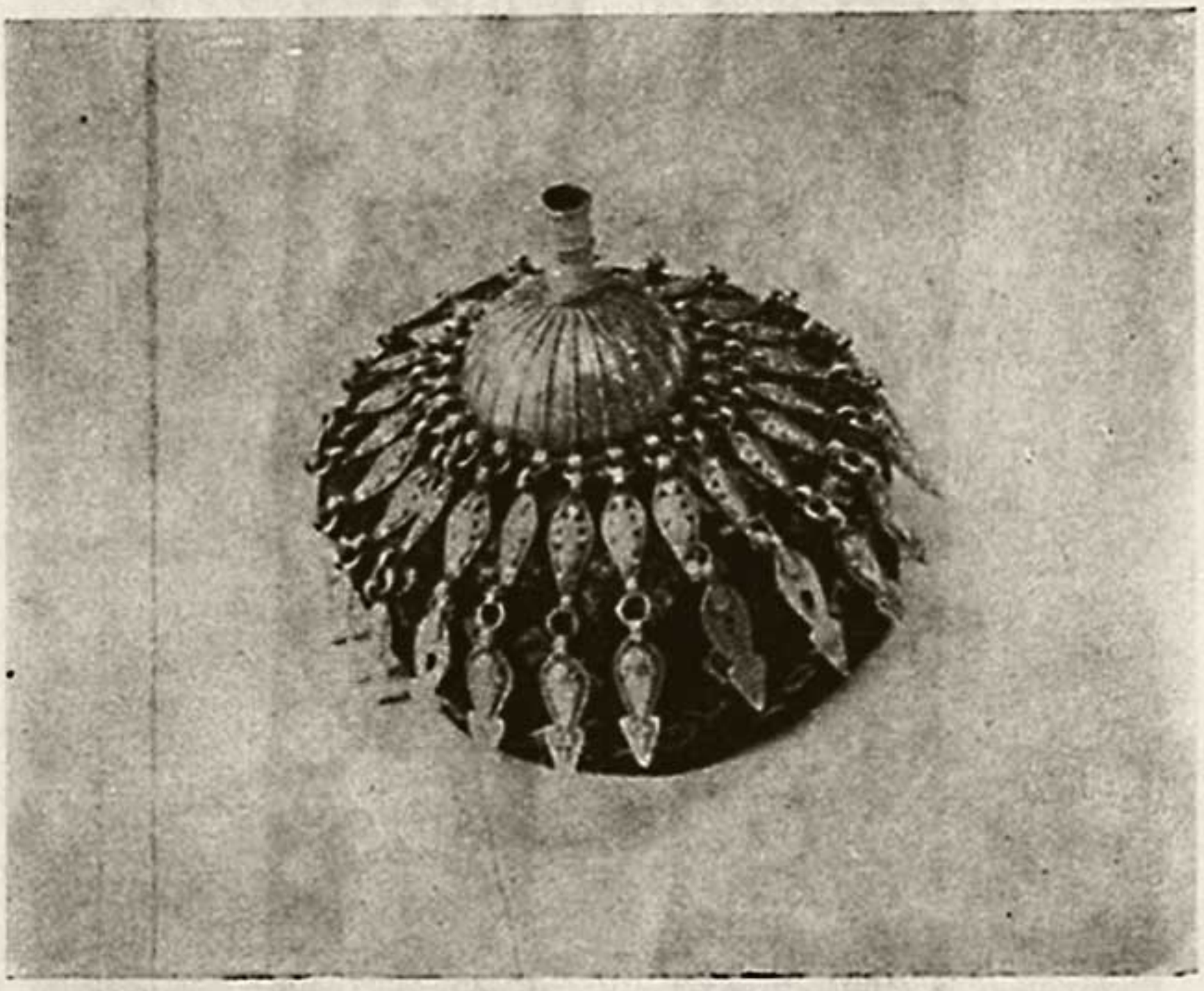

Рис. 57. Девичья тахья у мурчинок с серебряными украшениями.

Мужчины-мурчинцы украшений не носят; серебром и драгоценными камнями украшались только рукоятка туркменской сабли—глыч и ножны туркменского ножа — пычак, с которым в прошлом туркмен никогда не расставался и всегда носил его при себе. Часть конской сбруи украшалась серебряными пластинками и благородными камнями.

Оружие и большинство женских украшений отделывались сердоликом и бирюзой. Старики говорят, что, по поверию туркмен, сердолик обладает чудодейственной силой, заключенной в них аллахом, а бирюза укрепляет зрение и охраняет от падения с коня. Поэтому мужское оружие и многие детали конского снаряжения украшаются бирюзой и сердоликом, которые являлись любимыми камнями по всей Средней Азии.

Женское грудное украшение «чапраз чанна», прикрепляемое к халату

Рис. 58. Женское нагрудное украшение у мурчинок „чапраз чанна".

Рис. 59. Женское нагрудное украшение япрак на платье.

«чабыт», состоит из двух частей. Верхняя часть называется «чанна», она состоит из трех рядов выпуклых серебряных кружков, соединяемых между собой цепью (зынжыр), а нижняя часть, называемая «чапраз», состоит из серебряных ромбиков с сердоликовыми глазками на его плоскости и полыми серебряными привесками по нижним сторонам. Помимо этого, по краям чабыта прикрепляются дутые выпуклые украшения с погремушками (дугме) и плоский кружок серебра япрак («листок»); иногда в середине бывает вставка из сердолика или бирюзы.

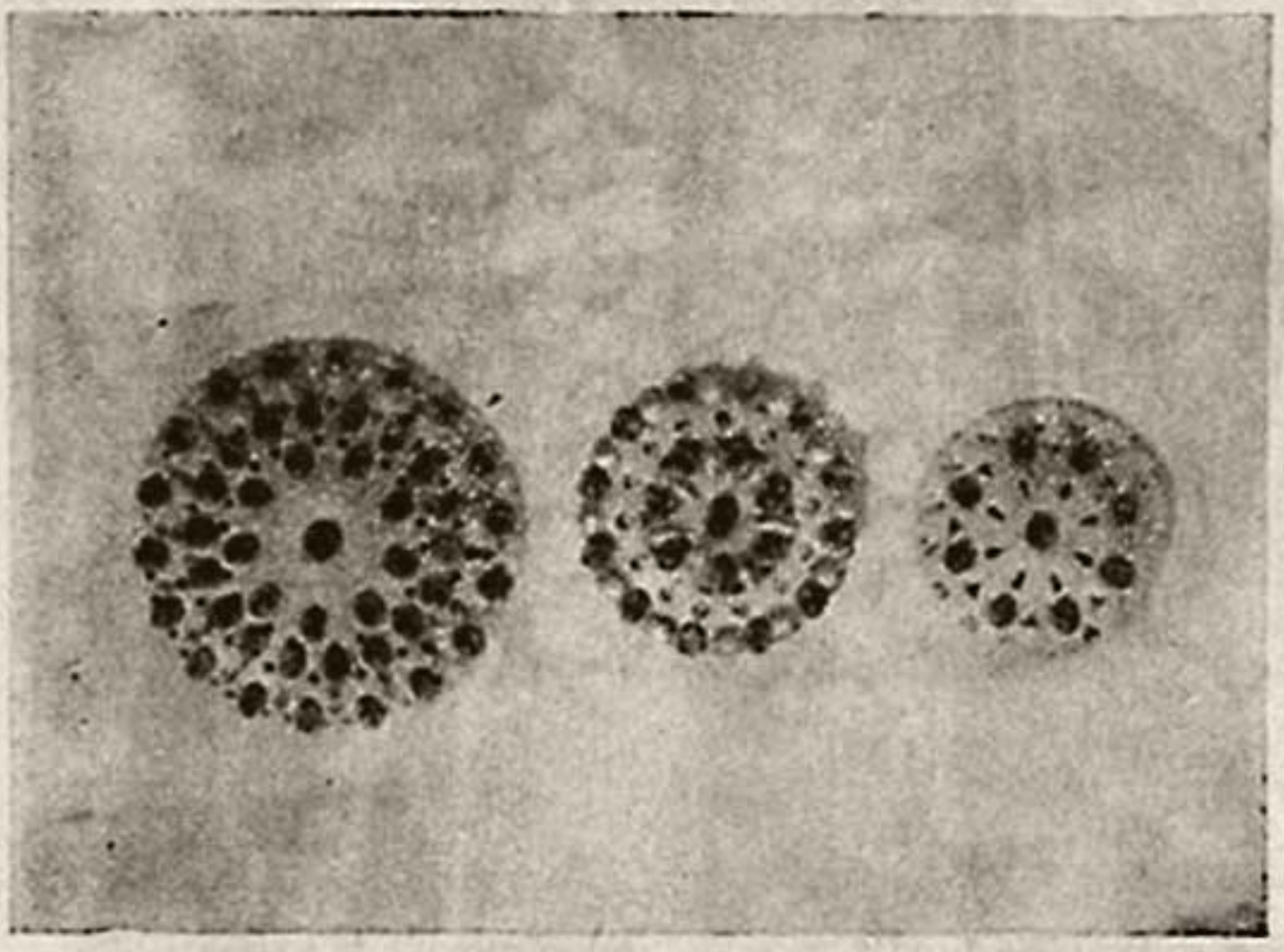

Рис. 60. Женское и девичье нагрудное украшение „гуляка".

Вторым видом нагрудного украшения, прикрепляемого к платью, является япрак — плоский чистый серебряный листок. 50—60 япраков, нашитых на грудь платья молодой женщины или девушки, составляет целый ансамбль украшений.

Третьим видом нагрудного украшения, которое получило большое распространение в последнее время, является «гуляка» (гуль — цветок, яка—воротник). Это — большая позолоченная серебряная, а иногда бронзовая круглая пластина, напоминающая цветок, инкрустированная вставками из сердолика и других самоцветов. Гуляка в прошлом отсутствовала. Она заимствована мурчинками у иомудок и гёкленок. Раньше на рубахе у шеи были просто завязочки. Все вышеперечисленные нагрудные украшения у мурчинцев носят как молодые женщины, так и девушки, а последние два украшения «япрак» и «гуляка» носят даже девочки.

Из головных украшений мурчинские женщины носят «алын ченче», «эгм». Последнее дугообразной формы, закрывающее всю переднюю часть головного убора «борук», прикрепляемого через имеющееся в передней части отверстие «эгме» с помощью тесемок. Женщины подвешивают к косам «асык».

Девушки и женщины в косах и на шее носят также разноцветные

бусы (монжук). Бусы нанизывают на нитку и приплетают к косам или носят на шее. Бусы покупают в городах; они сделаны из окрашенного стекла. Очень ценятся бусы из жемчуга (жовхер), но они встречаются редко, и обычно стараются подобрать бусы, напоминающие жемчуг, так как настоящий жемчуг дорог и мало доступен. По понятиям туркмен, „джоьхер", „жевхер" — один из благородных камней, ему приписывается сверхестественная сила.

Рис. 61. Женское головное украшение „чепе".

Мурчинские женщины в молодом и среднем возрасте носят серьги[115]. Неимущие мурчалинки продергивали сквозь уши шелковую ниточку с мелкими бусинками красного или иных цветов. Прокалывание ушей для ношения сережек является непременным условием, так как считается, что если не проколоть уши в детском возрасте, то потом в загробной жизни их будут прокалывать не иголкой, а бревном. Девочкам это внушается с детства. Ношение серег из благородных металлов с драгоценными камнями имеет еще значение магического оберега, предохраняющего женщин от дурного глаза, отвращающего зло и пр.

Пожилые женщины и старухи серег не носят.

Руки женщин и девушек-мурчинок украшаются большим количеством колец (йузук) из позолоченного серебра и перстнями с сердоликом. Золотых колец почти не бывает. Медные кольца носят редко. Женщины мурчинки, как и женщины соседних туркменских племен, носят массивные браслеты (билезик, билерзик) из дутого серебра, которые одевают на руки выше кистей, закрывая внешнюю сторону руки. Браслеты бывают раличной величины, обычный размер — 2—2,5 см ширины. Но встречаются огромные браслеты, закрывающие руку от кистей до локтя[116]. Браслеты (билезик) обязательно должны быть парные и одеваются на обе руки женщин на праздничные торжества во время свадеб (той).

Раньше свадебным украшением невесты у мурчинцев и некоторых других туркменских племен (теке, нохурли) было, наряду с «чапраз» чанна» и «япрак», массивное серебряное украшение «буков-гонжук», состоящее из двух частей. Верхняя часть «буков» и нижняя «гонужек» соединялись между собою шелковой или шерстяной тесемкой. Надевались

они на шею невесты при помощи серебряного обруча и прикреплялись к крючкам — «буков» нагрудной части.

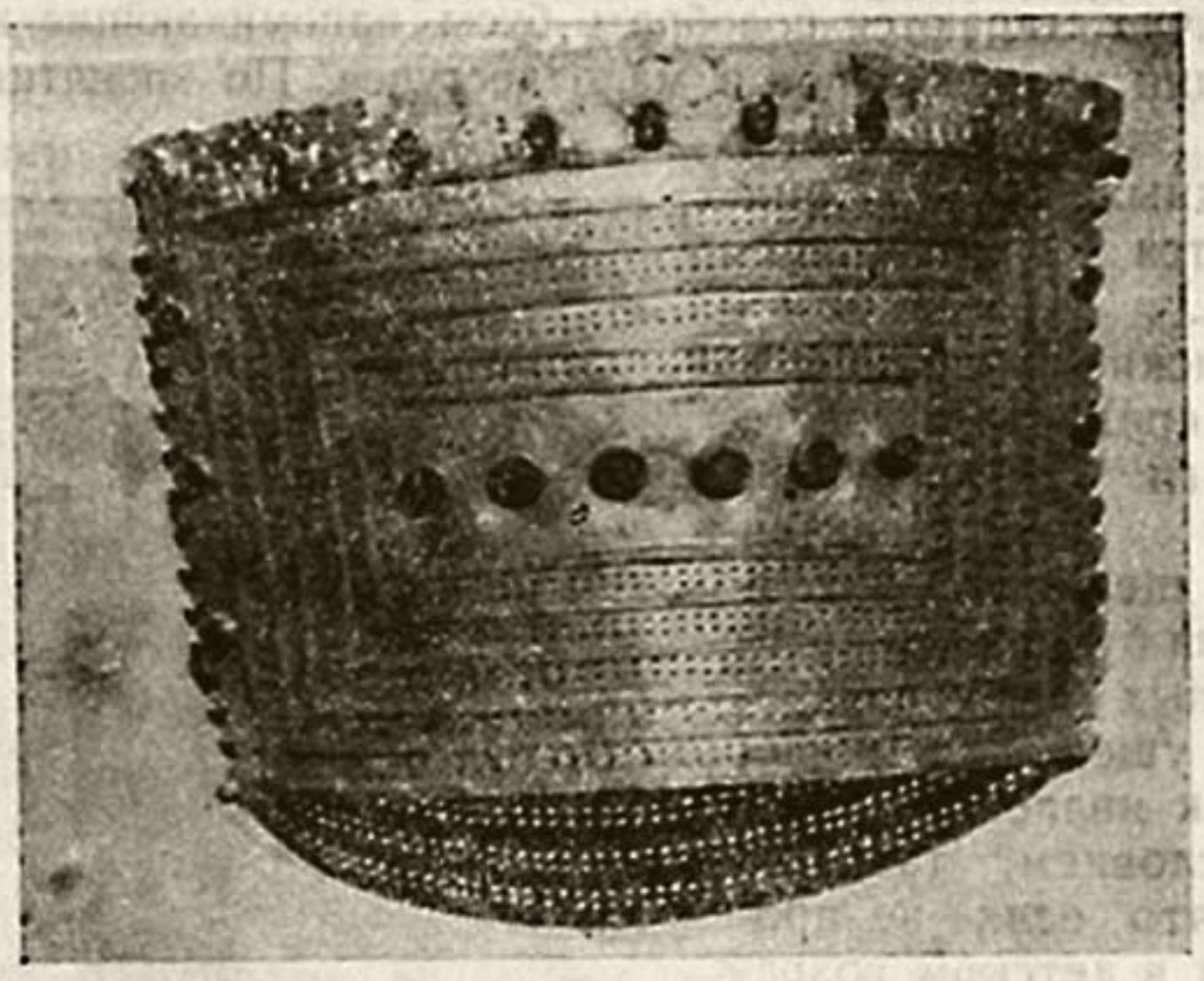

Рис. 62. Женское головное украшение „эгме".

Одним из женских украшений у мурчали и других туркменских племен был серебряный «тумар» в виде треугольной сумочки. Его носили дети и женщины молодых и средних лет на шее. Этот вид украшения играл роль амулета, так как во внутрь тумара клали написанную муллой бумажку-амулет. По поверию туркмен, тумар с амулетом охраняет от дурного глаза и болезней. Вот что пишет народный шахир, разоблачая священников и мулл: «Тумардога берип халкы аллайып». — «Отдавая людям тумары, обманывая народ...»

Рис. 63 Женское украшение для рук—„йузук" [кольца].

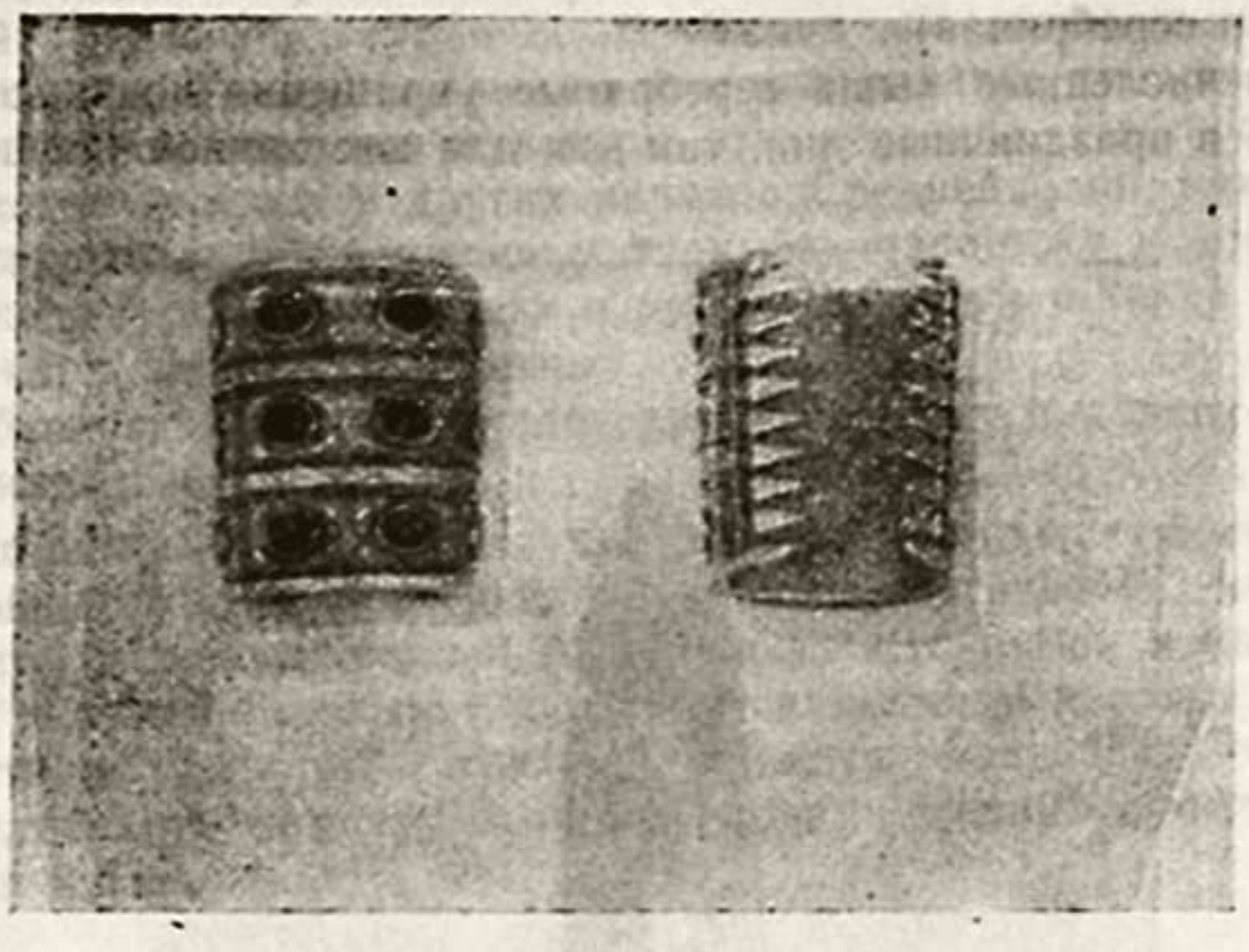

Рис. 64. Женское украшение для рук „билезик" (браслет).

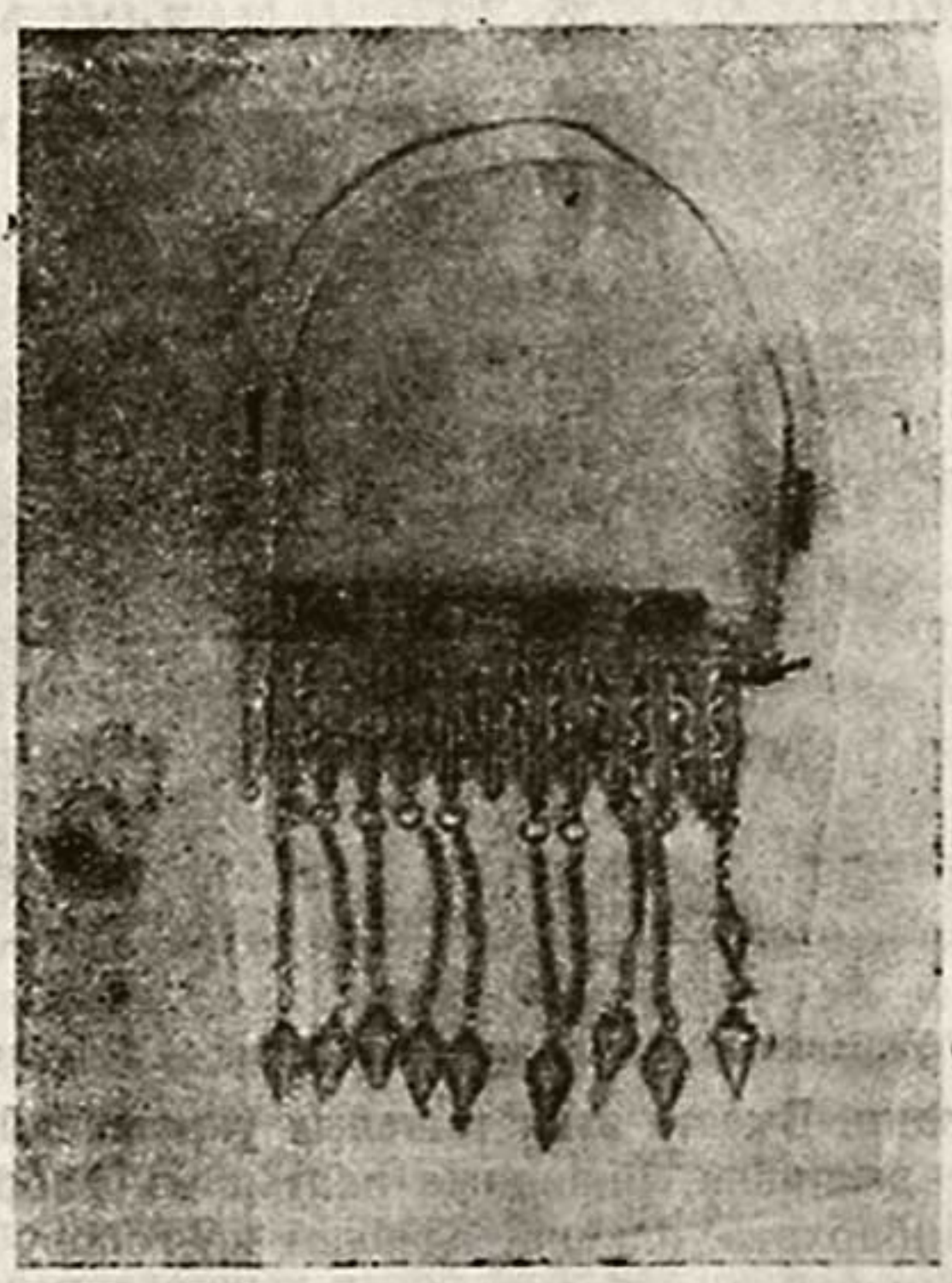

Рис. 65. Свадебное женское украшение, подвешиваемое к шее—„буков-гонджук".

Для пожилых женщин и старух серебряный «тумар» заменяется обычно кожаной сумочкой «хейкел», носимой через плечо (изредка встречается и серебряная).

Все перечисленные выше серебряные украшения носились женщинами только в праздничные дни, так как для постоянной носки они бы-

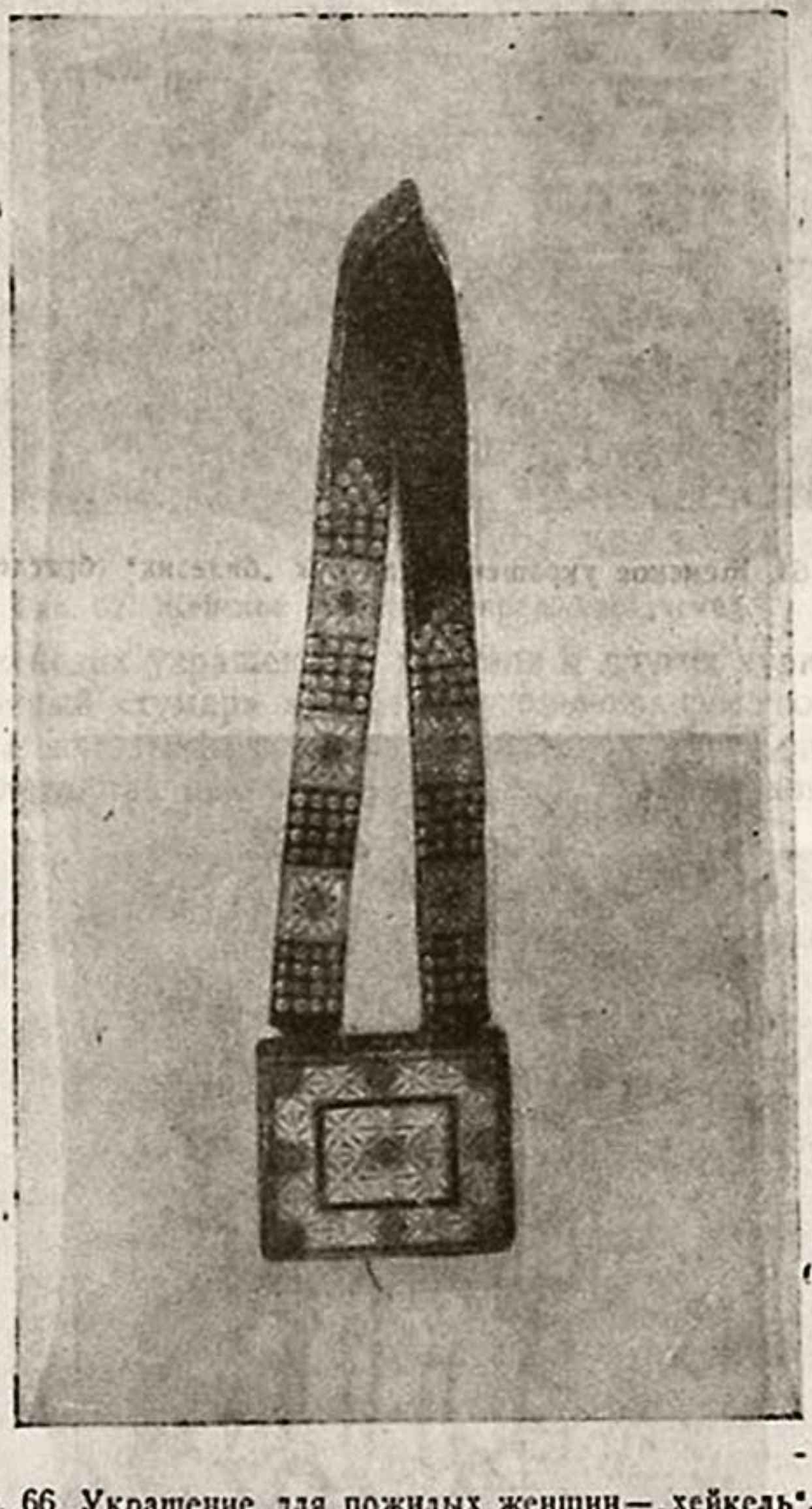

Рис. 66. Украшение для пожилых женщин—„хейкель".

ли слишком громоздки. Вместо этих тяжелых украшений сейчас предпочитают прекрасные вышивки, нарядные платья из фабричного шелка, бархата, атласа, панбархата, плюша; одевают на голову цветастые шерстяные платки фабричной выработки.

Постепенно серебряные украшения выходят из моды. В дни Великой Отечественной войны советские патриотки-туркменки сдали огромное количество их в фонд обороны.

На основе изложенного можно установить, что при наличии ряда локальных особенностей, одежда туркменского племени мурчали сходна с одеждой ряда других туркменских племен, в особенности с теке и нохурли, имеет один покрой и стиль, как несомненное свидетельство общности развития и единства культуры этих народов. Наблюдается сходство в одежде туркмен и других народов Средней Азии, как, например, халаты, покрывала «пуренжек» у туркмен—паранджа у узбеков; мужская шапка у туркмен—«телпек» и рубаха «койнек» и такая же шапка и рубаха у каракалпаков и узбеков.

Подобное сходство в одежде свидетельствует о давних взаимосвязях этих народов.

Необходимо еще отметить, что некоторые виды туркменских женских головных уборов, как девичья шапочка—«тахья»[117], имеющаяся у большинства народов Средней Азии—казахов, туркмен и каракалпаков, у горных таджиков «төкы»[118], встречается также у народов Поволжья, в частности, у удмуртов и также называется «тахья»[119]. Это дает нам право подтвердить гипотезу С. П. Толстова о древних этнических связях Туркмении и Поволжья[120].

ГЛАВА IV

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МУРЧАЛИ. СЕМЬЯ. ИДЕОЛОГИЯ. ВЕРОВАНИЯ.

РОДОПЛЕМЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И ВОДОЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА У МУРЧАЛИ

Туркмения до вхождения в состав Российской империи в силу ряда исторических причин не имела своего государства. В результате основная часть туркменского населения подвергалась жестокой эксплуатации и находилась под двойным гнетом — своей феодально-клерикальной знати и феодальных правителей Ирана, Хивы и Бухары. Экономическая отсталость, племенная раздробленность, междоусобная вражда отдельных туркменских племен и устойчивое сохранение родоплеменной организации зависели в основном от отсутствия в прошлом в Туркмении государственной власти. Как для защиты от внешнего врага, так и во внутренних раздорах между отдельными племенами, туркмены, чтобы дать отпор, всегда объединялись в родоплеменные организации.

Для выполнения некоторых видов сельскохозяйственных работ в прошлом у мурчинцев пользование ирригационной сетью для орошения полей, возведение искусственных ирригационных сооружений, каналов, арыков и чистка этих каналов, рытье новых кяризов и их чистка, ремонт в начальной стадии носили общинный характер, но затем функции коллективного производства перешли в руки родоплеменной организации. Во всех перечисленных выше родоплеменных объединениях эксплуатация бедных членов рода богатыми и знатными сородичами маскировалась пережитками родовых отношений. В Мурча крупные земельные участки принадлежали отдельной части родовой знати, но наряду с тем

в этом же роде имелись малоземельные и бедные хозяйства. Отношения между зажиточным и бедным членом рода носили очень сложный характер патриархально-феодальных отношений, прикрытых родоплеменными обычаями, маскировавшими их классовую сущность.

Одной из таких форм эксплуатации в прошлом была родовая взаимопомощь ёвар: члены рода по зову родовой знати собирались к ней на помощь в уборке хлебов, заготовке дров и сена, постройке нового дома и других видов работ[121]. Эксплуатация осуществлялась и в других более сложных формах, в силу чего бедный член рода всегда был зависим от состоятельного сородича и в любых трудных условиях мог только надеяться на его помощь. Если первый хотел обработать свой мизерный земельный участок, или заготовить дров на зиму, он обращался за рабочим скотом к богатому члену рода. В результате, будучи вынужденным обращаться за помощью, он одновременно обрабатывал землю и заготовлял дрова богатому сородичу. Таким образом, последний получал бесплатную рабочую силу. Отдельные элементы пережитков родового строя сохранялись в Мурча вплоть до коллективизации сельского хозяйства.

Рассматривая родоплеменную организацию мурчинцев, необходимо отметить, что к моменту Октябрьской социалистической революции племя мурчали состояло из десяти родов—«тире». Род в свою очередь членился на разделы.

Обязательным условием формирования родовой ячейки у мурчинцев, как и у большинства других туркменских племен, считали всех близких родственников по отцовской линии с дальнейшими мелкими подразделениями: якын гарындаш — близкий кровный родственник и даш гарындаш — дальний кровный родственник, ведущий свое происхождение от общего памятного предка. Названия эти становились впоследствии фамилиями или прозвищем, а также названиями поселений. Эта группа семей, т. е.. родственные группы, образовавшиеся в результате сегментации одной большой семьи, были, по выражению туркмена-мурчинца «бир ожакдан дарган», т. е. «от одного очага разошедшиеся».

М. О. Косвен в своей работе, посвященной этнографии Кавказа, пишет: «Основную ячейку родового строя составляет большая семья. Вполне реальный в экономических, общественных и идеологических отношениях коллектив, свойственный патриархальному родовому строю, составляет группировку, которую называют патрономией»[122].

Аналогичную патрономию мы можем наблюдать у большинства туркменских племен[123], и в частности в изучаемом племени мурчинцев. Эти патрономии легко прослеживаются. Например, в роде эрвап был родоначальником этой группы Непес Ата-оглы. Эту группу называют Непес эрваплар—Непес Эрвабовых, хотя самого его уже давно нет. Сейчас это имя Непес эрвап носит четвертое поколение. При воспоминании о комнибудь из этой группы обязательно скажут: «Непес эрваплардан» — т. е. из группы Непес Эрваповых. На кладбищах мурчинцев еще до недавних дней соблюдалось правило—хоронить по родственным группам, т. е. на кладбище каждая патрономия имела свой участок: например, в с. Мурча южная часть принадлежит роду юзбаши и добашы, северная—

овшарцам и др.; вновь умерших, принадлежащих к той или иной патрономии, клали возле них. Во многих других случаях, например, при выборе невесты, отец собирал близких родственников, членов своей патрономии. Члены патрономии в прежнее время помогали выплачивать калым, если у жениха не хватало средств. При таких серьезных обстоятельствах, как кровная месть, обязательно собирались члены данной патрономии и обсуждали целесообразность убийства, намечали, когда, как и кто из данной патрономии должен осуществить этот тяжкий поступок и т. д.

«В деле защиты своей безопасности индивид полагался на род и мог это делать; тот, кто оскорблял его, оскорблял весь род. Отсюда, из кровных уз рода, возникла обязанность кровной мести»[124].

Таким образом, в целом ряде отношений родственные семьи у мурчинцев сохраняли хозяйственное, общественное и идеологическое единство, хотя каждая семья и представляла собой самостоятельную единицу.

У мурчали все мелкие подразделения родов действительно являются патрономиями, т. к. все они — близкие родственные группы. Как и у других небольших племен туркмен (нохурли, алили и др.) у мурчинцев, в силу их малочисленности и замкнуто изолированного образа жизни, родоплеменная организация оказалась более устойчивой, чем у других больших туркменских племен. В результате, разложение родового строя происходило более медленным темпом, а некоторые пережитки родового строя держались вплоть до коллективизации сельского хозяйства в Туркменистане.

Внешне род сохранял своё единство, но внутри его социальное неравенство было значительным. Для примера необходимо рассмотреть политическую организацию племени мурчали накануне присоединения Туркмении к России. Политическая организация племени мурчали этого периода несколько отличалась от таких туркменских племен, как теке, иомуд, где во главе которых стояли ханы, которых господствующая верхушка племени выбирала на своем маслахате — общественном собрании.

По данным этнографических опросных материалов, собранных мною в течение нескольких лет, в ауле Мурча с незапамятных времен племенем мурчали управляли четыре аксакала или кетхуда[125], которых выбирали на общем собрании племени от наиболее древних родов—авшар, эрвап, юзбаши и добашы. Роды, не имевшие своих представителей в совете, были зависимы от сильных родовых групп, которые пользовались правом представительства. Зависимость эта определялась: во-первых, близостью по происхождению родовых групп (так, например, боягчылар зависели от рода авшар), а во-вторых, экономическими причинами и малочисленностью рода (например, гечи, хивалы экономически зависели от рода юзбаши). Аналогию в политической организации мы находим у родственного мурчинцам племени нохурли: во главе нохурской общины также стоял совет старейшин из двенадцати кетхуда или аксакалов, в иные годы из тринадцати выборных представителей от наиболее влиятельных родовых групп. Их выбирали на общем сходе всего племени[126].

Согласно полученным нами сведениям, выяснилось, что из родовой группы юзбаши и добаши в большинстве случаев избирались старосты аула; очевидно, эта была влиятельная верхушка племени мурчали[127].

В подтверждение данной мысли можно привести несколько примеров. После присоединения Закаспийского края к России существовавший до этого в Мурча совет аксакалов прекратил своё существование, как и по всей Туркмении. В дальнейшем во главе племени стал арчын. Его избирали на общих собраниях племени из влиятельных аксакалов, но они были подчинены царской администрации, во главе которой стоял в Дуруне пристав — капитан Ф. А. Михайлов. Борьба происходила между тремя группами юзбаши, овшар и добашы, каждая сторона хотела провести своего кандидата. Поэтому, чтобы иметь больше голосов, старались привести на эти выборы больных, стариков и старух; споры порою доходили до драки. Наиболее влиятельным был род юзбаши. Так, например, Довлет Вели из рода юзбаши был арчином 14 лет, Овез Довлет из того же рода 7 лет.

Вторым важным элементом, характеризующим социальный строй мурчинцев, была водоземельная община.

Источником, необходимым для ее характеристики, нам послужили «Материалы по водопользованию у туркмен Закаспийской области», ч. I, собранные чиновником Я. Таировым, изданные в Петербурге в 1904 г., и опросные материалы, собранные мною на местах.

В конце XIX в. мурчинские земли делились на поливные — зерновые «ак-экин», занятые посевами пшеницы и ячменя, и гок экин — овоще-бахчевые, занятые под сады, бахчи, огородные культуры и частью под посевы люцерны. Кроме этого, имелись незначительные богарные земли, они были расположены на горном плато в местечке Хыс, издавна принадлежащем мурчинцам.

Согласно материалам Я. Таирова, к концу XIX в. все освоенные и орошаемые земли, а также вода находились в частном владении отдельных лиц на правах мюлька, и каждый владел своей долей воды без всяких изменений. В случае смерти водовладельца воду наследуют нисходящие наследники — мужчины. Наследницы пользуются отцовскою водою лишь до выхода замуж, после чего вода переходит во владение родственников мужского пола по боковой или восходящей линии. Если же дочь претендует на отцовскую воду, то родственники по отцовской линии удовлетворяют ее незначительной суммой денег или чем-либо другим; женщины никоим образом не должны допускаться к постоянному, на правах мюлька, владению водою, которая может быть только во временном пользовании вдов, дочерей, внучек или сестер водовладельца. Вдова бездетного наследователя временно пользуется водою мужа до своей смерти или выхода замуж. Вдова до смерти или до выхода вновь замуж пользуется водою умершего мужа отдельно или совместно с детьми мужа, если у него останутся таковые.

По существующему обычному праву, каждый мурчинец мог продать свою долю воды только мурчинцу, имеющему воду или неимеющему и ни в коем случае постороннему лицу, не принадлежащему к племени мурчали. Все заботы и расходы по исправному содержанию кяриза лежали на водовладельцах, пропорционально доле каждого. Земля в отдельности не составляла предмета купли и продажи.

У мурчинцев, а также у большинства туркмен рассматриваемого периода, сохранялась еще общинная собственность на воду и землю (или часть её), причем род являлся первичной единицей в организации водопользования; обработка земли производилась отдельными семьями, урожай присваивался обладателями наделов единолично.

Земельно-водная община у туркмен этого периода коренным образом отличается по своей сущности от общины бесклассового общества. К. Маркс в черновых набросках его письма к В. Засулич писал: «В земледельческих общинах пахотная земля, являясь неотчуждаемой общей собственностью, периодически переделяется между членами земледельческой общины, так что каждый собственными силами обрабатывает отведённые ему поля и урожай присваивает единолично»[128]. Это относится к индивидуальной обработке земли единоличного присвоения полученного урожая со своего надела.

«Сельская община, по словам К. Маркса, встречается также в Азии, у афганцев и др., но она повсюду представляет собой самый новый тип общины и, так сказать, последнее слово архаической формации»[129].

«В рассматриваемый период в Туркмении коллективной обработки земли общиною или родом не существовало»[130]. У отдельных туркменских племен и, в частности, у мурчинцев—община состояла из нескольких родов, каждый из которых первоначально являлся носителем прав на неотчуждаемую родовую землю и воду. «Эти общины создались со времени поселения родов в данной местности, возникли на основе земельно-водных отношений. Постепенно развивалась водоземельная община»[131].

Во-первых, в связи с тем, что община состояла из кровнородственных подразделений (тире) водоземельная община у туркмен очень осложнялась. Во-вторых, община состояла из смешанных по родовому составу групп, каждая из них являлась хозяином неотчуждаемой земли, но внутри родов проводились свои переделы земли и воды.

Мурчинцы, применяя трехпольную систему, распахивали свои поливные земли, отведенные под посевы ак, через два года на третий. Перед распашкою очередную пашню делили на 14 участков и по жребию назначали каждый из них под распашку пайщикам каждого серкара. Земли под посевы гок, огородные участки, сады и виноградники находились в мюльковом владении.

В данном случае в Ахальском и Мургабском оазисах была санашиковая форма землепользования, согласно которой мужчина, достигший совершеннолетия, могущий защищать интересы своего родового подразделения и выполнять общественные работы по ирригационным сооружениям, мог получить землю и воду под запашку. Впоследствии, под влиянием родовой знати, этот вид землепользования заменился другим — «ника»[132], когда могли получить землю и воду только мужчины женатые[133].

В противовес этому мурчинские земля и вода находятся на мюльковом владении, и не подлежат никакому переделу; размер их оставался постоянным.

Появление мюлька непосредственно связано с распространением интенсивных культур — хлопка, люцерны, а также виноградарства, садоводства и тутоводства, игравших значительную роль в занятиях мурчинцев; все это не давало возможности для частых переделов земли и способствовало наследственности мюльков. Для гёк экин устанавливается двухпольная система.

Выращивание многолетних культур виноградников, плодовых деревьев, а также тутовых насаждений, требующих интенсивного ухода за этими культурами, — все это вызвало закрепление частной собственности подлежащих под эти культуры участков земли гораздо раньше, чем у текинцев и задолго до присоединения Туркмении к России.

Владельцы мюльковых земель вкладывали максимальную энергию, стремясь получить высокий урожай.

Большое влияние на разложение земельно-водной общины оказало присоединение Туркмении к России. С появлением в Туркмении русского населения повысился спрос на продукты садоводства, а проведение Закаспийской железной дороги и развивающаяся текстильная промышленность России, остро испытывавшая нужду в хлопке-сырце, не могла не вызвать резкого подъема цен на хлопок и расширения его посевных площадей. Сельское хозяйство туркмен, в том числе мурчинцев, втягивалось в сферу действия капитализма. Именно в этот период в мурчинской среде купля-продажа земли и воды разрешается даже не мурчинцам, наблюдается концентрация земли у баев и появление обезземеленных крестьян. В самом ауле Мурча крупные баи, как Карахан-Агахан-оглы, Мухаммеднияз-Ходжанияз-оглы и другие, владели большими земельными угодиями: до 2-х серкаров воды и до 3—5 танапов земли; кроме этого, они имели свои лавки на железнодорожной станции Бахарден. Из среды аульной бедноты многие из-за неимения воды и земли вынуждены были идти на работы на железнодорожную станцию и в города. Ныне эти бывшие железнодорожные рабочие-мурчинцы получают пенсию по старости, а некоторые и сейчас работают в качестве рабочих, путевых объездчиков и т. д.

Как уже было сказано выше, ввиду малого количества воды и недостатка земли из аула Мурча в 1887 г. выселилось 17 хозяйств в местечко Дайна Верхнего Сумбара, входившего административно в Каракалинское приставство[134]. Переселенцы образовали новый аул, с новой системой землепользования. Некоторые выселившиеся оставались владельцами надела земли и воды в Мурча, другие продавали их.

В новом месте аульные привилегированные представители родовой верхушки—аксакалы с самого начала раздела земли получили земельные участки сверх нормы; социальное неравенство на новых местах продолжалось и было узаконено властью.

Таким образом, у мурчинцев разрушение общинной собственности на землю и воду произошло гораздо раньше, чем у других туркменских племен. В конце XIX в. все поливные земли в Мурча были частной собственностью.

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции у туркмен, в том числе у мурчинцев, сохранились элементы феодальных

отношений и пережитков родового строя. В период коллективизации сельского хозяйства эти пережитки серьезно тормозили переход на социалистическую систему сельского хозяйства. Воспользовавшись этим, кулацкая часть населения вела борьбу против коллективизации и Советской власти. Пережитки эти ослабляли классовую борьбу в ауле. Коммунистическая партия и советская власть, ведя решительную борьбу с этими явлениями, укрепляли и развивали колхозный строй и это явилось великим переломом в истории туркменского аула. В колхозы вступают не только отдельные группы бедноты, в колхоз пошел в своей массе и середняк. В результате колхозное движение превратилось из движения отдельных групп и прослоек трудящихся крестьян в движение всех основных масс крестьянства.

Широкий размах колхозного движения сметал на своем пути классовое сопротивление байства и духовенства. Таким образом, после создания колхозов все члены данного колхоза становились в одинаковой степени тружениками новых социалистических полей. Навсегда была уничтожена эксплуатация человека человеком, а имеющиеся пережитки родовых отношений были постепенно изжиты. Издавна существующая родовая помощь «ёвар» в новых социалистических условиях приняла совершенно новую форму организуемых колхозами субботников.

СЕМЬЯ И БРАК У МУРЧИНЦЕВ

В прошлом в семейной общине большая неразделившаяся патриархальная семья, живя под одной крышей, имела единое хозяйство и общий котел. Все имеющиеся запасы продуктов питания не делились между индивидуальными семьями. Управление такой большой семьей находилось в руках старшего мужчины — отца семейства. Все члены семьи находились в беспрекословном у него подчинении. Во главе женщин стояла жена главы семьи, или старшая жена его сына. Она ведала всем хозяйством, давала распоряжения младшим женщинам семьи и распределяла работу между ними. Они по её указанию выполняли подсобные домашние работы, как-то: собирали дрова, ухаживали за детьми, носили воду, занимались вышивкой, обработкой шелка и ткачеством. Старшая женщина в семье, имея большой опыт, готовила пищу для всех; в её распоряжении находились продукты питания.

Не так давно можно было наблюдать остатки большесемейной организации в Мурча. Приведем несколько примеров. Так, семья Надыр-Ораз-оглы состояла из 12 человек: из главы семьи — Недир-Ораз-оглы, его жены, четырех сыновей, их жен и детей, внуков и внучек. Семья Ниязмурад Сейт-оглы состояла из 11 человек: главы семьи, старшего сына Шири-Нияз-Мурад-оглы, его жены, трех женатых младших братьев, одного неженатого брата, а также двух детей умершей сестры. Все вышеизложенное наводит на мысль, что в недавнем прошлом повсеместно существовали большие семьи. Аналогию мы находим у родственного племени нохурли[135].

Таким образом, к моменту Великой Октябрьской социалистической революции у мурчинцев наблюдалась неразделившаяся большая семья.

Эти большие семьи состояли из семей неразделившихся братьев и ряда поколений родственников. В Туркменской ССР после коллективизации сельского хозяйства такие семьи стали встречаться все меньше и меньше. В наши дни семьи в основном индивидуальные, состоящие из супругов и их детей.

У мурчинцев, как и у других туркмен, существовало многоженство. В семьях, где было две или три жены, старшая признавалась хозяйкой дома, а младшие жены под ее руководством занимались домашними делами, уходом за детьми, шелкоткачеством. Но дети от всех жен были на одинаковом положении.

Многоженство среди мурчинцев было распространено только среди богачей, которые имели двух-трех жен.

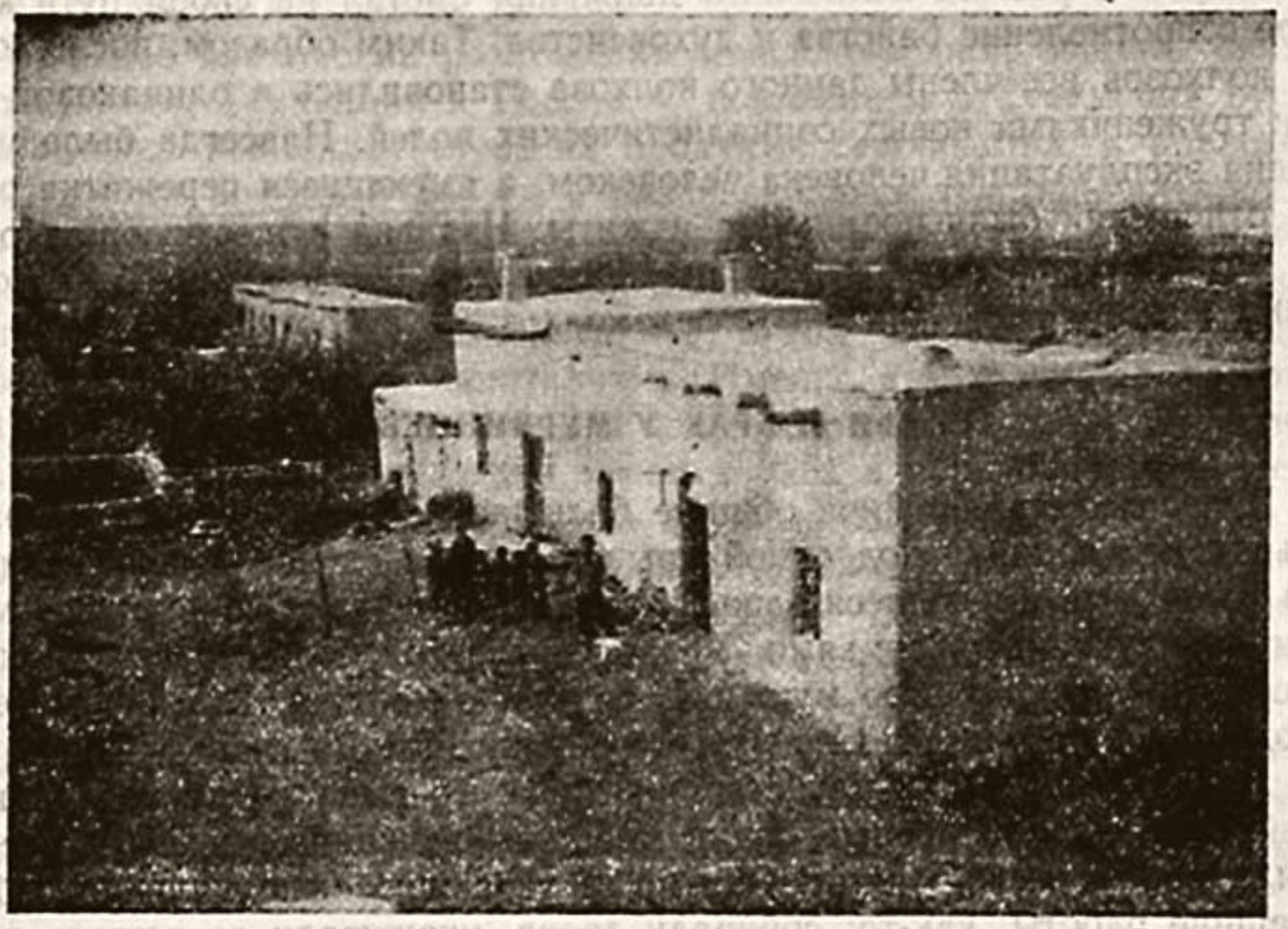

Рис. 67. Дом, где жила большая семья Шйри Ниязмурад-оглы.

Ф. Энгельс писал: «В действительности многоженство одного мужчины было, очевидно, продуктом рабства и было доступным отдельным лицам, занимавшим исключительное положение. В семитической патриархальной семье в многоженстве живет только сам патриарх, и самое большее, некоторые из его сыновей, остальные должны довольствоваться одной женой. Так обстоит дело еще в настоящее время по всему Востоку; многоженство — привилегия богатых и знатных, и жены достаются, главным образом, путем покупки рабынь; большинство народа живет в моногамии»[136].

Такое положение наблюдалось по всей Туркмении. По сведениям В. И. Масальского, в дореволюционное время «вследствие недостатка женщин и высоты калыма, возросшего за последнее время в несколько раз, многоженство встречается только у богатых. Громадное большинст-

во туркмен имеет по одной жене»[137]. Однако у туркмен существовал левират, по которому вдова становилась второй женой брата или другого родственника покойного мужа. Если первая жена не рожала детей, она сама упрашивала, чтобы муж еще раз женился, т. к. отсутствие детей для женщины-туркменки большое горе. Недаром гласит народная пословица: «Чагалы ой базар, чагасыз ой мазар» — «Полон дом детей — базар, без детей — кладбище».

Женщина у туркмена считалась низшим существом — начар (неравноправная или бессильное, слабое существо). Она не принимала никакого участия в общественных делах, находилась в вечной зависимости от мужчины. Однако женщина-туркменка и, в частности мурчинка, была более свободна и находилась в несколько лучших условиях, чем у других оседлых народов Средней Азии, как например, у узбеков и таджиков.

Приниженное положение женщин наблюдалось всюду. При посторонних мужчинах они закрывали лицо краем халата, накидываемого на голову, или постоянно носили яшмак (конец платка, закрывающий рот). Женщина не должна была видеть лицо другого мужчины, и он не должен был видеть её. В молодые годы женщины прикрывают лицо и фигуру халатом (курте), иомудки набрасывают огромную шаль поверх головного убора.

При посторонних мужчинах женщина должна быть изолирована в отдельные комнаты, если таковые имеются. При приеме пищи в помещении, где находятся гости-мужчины, может подать обед только пожилая, т. е. самая старшая женщина в этой семье. Если таковой не окажется, обслуживание мужской комнаты (принести чай, обед и т. д.) возлагается на младшего мужчину данного дома. Женщины в таких случаях принимают пищу вместе с детьми отдельно, после того как поели мужчины.

Необходимо отметить, что приниженность положения туркменской женщины отчасти зависела от возраста. Пожилые женщины и средних лет были менее принижены, чем молодые, которым было особенно тяжело в большой семье, т. к. они были подчинены старшим по возрасту женщинам, выполняя их поручения.

После выхода замуж женщина-туркменка сразу попадала в очень тяжелые условия. Она до рождения ребенка сидела целые дни молча в хозяйственном женском углу у стенки спиной к присутствующим, закрывая себя халатом и занимаясь какой-нибудь работой: вышиванием, разматыванием шелковых ниток или другим делом. Зимой она сидела далеко от печки и ей приходилось мерзнуть, летом она все равно должна была сидеть в душной комнате и закрывать лицо халатом от всех мужчин и старших женщин — родственников мужа. На улицу выходила редко в сопровождении девушек или женщин. Она не должна была разговаривать, даже если в комнате находятся одни женщины. На вопросы женщин она могла ответить только кивком головы.

Только при появлении первого ребенка, она освобождалась от закрывания халатом от старших женщин, но в присутствии их обязана была носить яшмак. Разговаривать ей не разрешалось, она могла только отве-

чать на вопросы старших в семье шопотом и кивком головы. О нарушениях этих правил приличия говорят с осуждением: «Гелин яшынар, сеси даг ашар» — «Невестка закрывается, а голос её за гору пройдет». На вопросы свекра и свекрови она могла отвечать через младших членов семьи и детей шёпотом и кивком головы.

В присутствии старших членов семьи или посторонних молодой невестке даже не разрешалось разговаривать со своим мужем. В первые дни муж не дает жене непосредственно никаких поручнеий, а все, что ему необходимо, он может передать через сестру или мать. Жена также со своей стороны не может открыто проявить свое внимание и заботу о муже. Молодые супруги никуда вместе не ходят. Только после отделения от родителей они могут ходить в гости вместе, притом муж шагает на несколько шагов впереди; если сыну лет 5—6 он может шагать с ним, а жена идет в нескольких шагах сзади.

Как уже упоминалось, у мурчинцев в недалеком прошлом существовала патриархальная большая семья, где семь-восемь сыновей находилось под властью старшего в семье отца, а женщины — под властью свекрови. Следовательно, приниженное положение туркменки и, в частности мурчинки, в семье объяснялось, главным образом патриархальной властью главы семьи. Эта власть частично распространялась и на младших в семье мужчин. Младшие мужчины в семье в присутствии старшего не имели права разговаривать, смеяться, сидеть. Они не имели права вступать в разговоры со старшими и могли только отвечать на их вопросы.

Поэтому молодая женщина после замужества всячески старалась уговорить мужа отделиться от общей семьи, т. к. ей в индивидуальной семье было намного легче, чем в общей большой семье. Здесь она сама занималась в своем хозяйстве, становилась единственной хозяйкой, никто ею не распоряжался и она подчинялась только своему мужу.

Пожилая женщина пользовалась большой самостоятельностью. В Мурче характерна, например, большая семья Мамедхан Юсуп-оглы, состоявшая из 16 человек: главы семьи, его жены, восьми сыновей, из которых 6 женатых, двое холостых. До смерти главы семьи Мамедхан Юсуп-оглы все были подчинены ему, после его смерти главой семьи осталась его вдова, т. е. мать семейства. Она имела значительный вес в семье, её слушались не только женщины, но и мужчины. Несмотря на то, что сыновья её вели самостоятельный образ жизни, они при любых условиях обращались к матери за советами и указаниями. Таким образом возрастное положение женщины играло в туркменской жизни большую роль, и в пожилом возрасте она становилась более самостоятельной.

Женщины-туркменки и, в частности мурчинки, в прошлом занимались только домашним хозяйством (выпечкой хлеба, приготовлением обеда, уходом за детьми, стиркой, заготовкой молочных продуктов). Кроме этого, мурчинские женщины занимались и занимаются шелководством и шелкоткачеством. Все полевые работы выполняли мужчины, т. к. согласно бытовавшим порядкам туркменской женщине запрещалось находиться с посторонними мужчинами.

В первое время после образования колхозов женщины под всякими предлогами не выходили на работу. Этому значительно содействовали остатки духовенства и байские элементы аула, а отчасти некоторые мужья. Благодаря культурно-массовой и разъяснительной работе среди колхозников, повышению культурного уровня и возросшей сознательности основной массы мурчинцев, женщины постепенно начали втягиваться в колхозную работу. В дни Великой Отечественной войны, когда по зову партии и правительства все силы были мобилизованы для нужд фронта, многие женщины сразу пошли в поле для участия в полевых работах колхоза, заменив ушедших мужей, братьев и отцов на колхозных полях.

Таким образом, активность самих аульных масс изжила все эти пережитки. Теперь женщина-туркменка работает вместе с мужчиной на колхозных полях. Она сегодня — большая сила в колхозе.

В особо приниженном положении находилась в прошлом женщина, которая не рожала детей: её всячески упрекали, сравнивая с сухим, неплодоносящим деревом, в то время как женщины, имеющие детей, особенно мальчиков, пользовались большим уважением.

Мурчинцы, как все туркмены, очень любят детей.

В былое смутное время важно было иметь побольше сыновей — защитников интересов родителей и рода. Недаром гласит народная поговорка: «Чаган огул болса аркайын ят» — «Спокойно спи, когда ребенок-мальчик».

Мурчинцы в силу своей малочисленности были в зависимом и униженном положении перед сильными туркменскими племенами и иранскими феодалами и излагали свои желания и мечты в песнях. Одна из них песня «Биримиз» пелась только мурчинскими бахши — народными певцами и не была известна другим туркменским племенам.

Кадыр алла бизе кысмат эйлесе,
Гелсе бизин намыс билен арымыз.
Бир атадан алтмыш огул доресе
Гол узатсак бир торбеге барымыз.
14-мыз дайханчылык эйлесек,
15-даг—дашларыны авласак,
30-ага ёлын сейлесек,
Ара ерде Солтан болсын биримиз.

Да будет на то позволенье аллаха,
Чтобы была чиста совесть наша и честь
От одного бы отца родились 60 сыновей,
С одной бы скатерти нам пищу есть.
14 из нас занимались бы земледелием
15 из нас охотились бы в горах и просторах,
30 бы из нас познали отраду в путешествиях,
Один бы среди нас объединял всех нас воедино.

В этой песне отражены исконное занятие населения и его мечты о земледелии, охоте, о сыновьях-защитниках и кормильцах, о думах-чаяниях этого оседлого племени. Содержание данной старинной песни еще раз подтверждает древнюю земледельческую основу мурчинцев.

Несмотря на большую любовь туркмен к детям, женщина перед родами никакими привилегиями не пользовалась. Она до самых последних дней беременности не освобождалась от всяких домашних работ. Если она была в семье одна, ей очень трудно было управляться с хозяйственной работой в доме. О приближении родов она могла говорить, лишь когда в семье была женщина, а при её отсутствии соседке.

В момент ожидания родов, туркменки приглашали одну или двух бабок. При одной бабке могла оказать помощь родственница мужа, родственницы же по женской линии при родах не помогали. Муж должен, если имеются дети, уходить с ними куда-нибудь к родным или соседям. В каждом туркменском ауле имеется несколько повивальных бабок — «гобек эне» (буквальный перевод «мать пуповины»). Их в данном ауле знает каждый. Среди повивальных бабок есть якобы «имеющие легкую руку» и «счастливые» (эли енил, багтлы), т. к. принимают будто бы только мальчиков. Стараются приглашать непременно их в надежде, что родится мальчик.

Рождение мальчика в семье туркмена—великое счастье, особенно, если в семье нет представителя мужского пола или ожидаемый ребенок первенец. Результаты родов всегда ожидаются с большим волнением и тревогой. Родные и близкие с нетерпением ждут появления мужского пополнения в семье, а еще в большем напряжении находится беременная женщина, желающая оправдать надежды мужа и всех родных. Родился мальчик. О радостном событии каждый спешит оповестить прежде всего отца ребенка и всех родных. Первый, передавший отцу весть о рождении сына—«бушлук-оглун болды»—(оповещаю сын родился)—получал подарок деньгами или другими ценными вещами. Этот обычай связан с распространенным по всей Средней Азии «суюнчи»—оповещением о радостном событии. Рождение мальчика, в зависимости от состоятельности семьи, торжественно отмечалось.

Первый признак рождения мальчика отмечается тем, что у дома новорожденного мулла или какое-нибудь духовное лицо произносит призыв к молитве — азан. По этому азану окружающие уже знают о рождении мальчика. Азанчи получает от родителей новорожденного деньги, материю или белый ситцевый платок. В бедной семье ограничиваются азаном и небольшим угощением близких родственников. Женщина, принявшая мальчика и перевязавшая ему пуповину, получала обычно кусок мыла (по поверию туркмен этим она должна смыть все нечистоты и оградить новорожденного от всего дурного), платок сатиновый и ткань на платье, а вторая, помогавшая, получала только один ситцевый платок.

Родня и знакомые спешат с поздравлениями в счастливую семью. Каждая женщина, идущая поздравить, приносит с собой полную скатерть (сачак) печенья (пишме), что-нибудь из детской одежды для новорожденного или ситцевый платок. Каждая старается провести несколько раз руками по лицу ребенка и потом по своему (йузини сыпаламак) лицу. Таким образом, они надеются перенести на себя счастье матери, родившей мальчика. Такое поздравительное шествие может продолжаться несколько дней. При рождении первого ребенка родные со стороны матери в числе поздравляющих не участвуют. На другой день после рождения мальчика устраивается праздник. Большинство туркменских племен это событие в богатой семье отмечали устройством конных скачек, состязанием борцов, а мурчинцы еще стрельбой из ружей. На вечер приглашается бахши, который исполняет радостные народные песни в честь рождения мальчика.

Рождение девочки не отмечают. Первые признаки рождения девочки—молчит мулла и не произносит азан, у дома родителей ново-

рожденной нет толпы, спешащей поздравить родственников, никто не оповещает отца и родственников словами «бушлук».

Повитуху, принявшую мальчика, одаривали гораздо богаче, чем принявшую девочку. Женщина, родившая девочку, лежит с виноватым огорченным видом, словно совершила преступление. Неслучайно у туркмен до недавнего времени существовало такое выражение: «Гыз догыран ялы гамгын болярсын»—«Что ты такая грустная, словно девочку родила?».

Отношение к девочке, как к нежеланной, к временной гостье в семье, нашло свое отражение в туркменском фольклоре. Таковы пословицы: «Огул ийер орэ гидер-гыз ийер гыра гидер»—«Сын поест—на выгоду пойдет, дочь поест—на сторону пойдет», или «Огул довлет, гыз мэхнет»—«Сын—богатство, дочь—обуза».

При рождении девочки поздравляющих бывает очень мало, они приносят подарков меньше и недорогих.

При приеме гостей в честь рождения мальчика более состоятельные должны заколоть овцу, угощают чаем с жареными на масле слоеными лепешками-катлама и печеньем-пишме. Каждому приходящему подают сушеный урюк и виноград (кишмиш), джиду. Все эти угощения подаются на скатерти с чаем.

Младенца после рождения, завернув в чистые старые тряпки, ложили рядом с матерью на кошме. Роженица лежала после родов около семи дней, и если помимо нее кто-нибудь управлялся с хозяйством; в случае отсутствия помощников в доме со второго-третьего дня она приступала ко всем своим домашним делам.

Как и большинство туркмен, мурчинцы с первого же дня начинают думать, какое имя дать новорожденному мальчику. Как правило, на второй день после рождения ребенку дают имя. Если это мальчик, то предоставляется право в выборе имени почетному родственнику отца а девочке имя может дать отец или же мать. Мальчику имя давали в честь мусульманских святых, к нему добавляли второе имя, распространенное и обычное в данной семье. Так например, бывают такие имена—Анна Мухомед, Бай-Мухомед или Алланур, Мэметнур.

У мурчинцев, а также у других туркмен существует еще обычай давать сыну имя умершего деда или брата, а девочке имя бабушки или сестры; в дальнейшем ребенка отец называет «кака»—отец, «эже»—мать. Но иногда избегают называть ребенка именами умерших, опасаясь, что ребенок, получивший имя умерших родственников, не будет жить.

Если женщина не рожает, она обращалась к ишану или ходже, который давал ей амулет, заверяя, что бог одарит ее ребенком. Если после этого рождался мальчик, новорожденному давали такое имя, как Ишангулы (раб ишана), Ходжа гельды (ходжа пришел) и т. д. Соседнее текинское племя нередко дает своим мальчикам смысловые имена: Гундогды — взошло солнце, Аннаберды — пятница дала, Евшан—полынь и пр.

Женские имена у мурчинцев, как и у других туркменских племен, в основном имеют поэтический характер. Например: Тезегуль—новый цветок, Арзыгуль—желанный цветок, Джерен (газель) и т. д. Но если в семье рождаются только девочки, то дают смысловое имя, веря, что оно окажет магическое воздействие, как например: Бесдир (доволь-

но), Дойдык (насытились), Гызсоны (последняя девочка), Огулгерек (мальчика надо).

У мурчинцев на второй день новорожденному надевали рубашку. Если у роженицы до этого дети умирали, то (рым эдип) брали для новорожденного старую рубашку от многодетной матери, считая, что ее счастье перейдет к роженице.

На второй или третий день новорожденному надевают на голову тюбетейку (тахья), которая была заранее сшита, если ждут первенца. А иногда эта тюбетейка у многодетной матери считается счастливой. В таких случаях тюбетейка хранится в семье, переходит по наследству, и каждый раз новорожденному одевают эту старую тюбетейку. Чтобы тюбетейка не падала с головы, ее подвязывали сверху платком или специальными тесемочками.

Роженице и ребенку, по поверию туркмен, в первые дни угрожала опасность от злых духов, поэтому ребенка ни в коем случае нельзя было оставлять одного в доме, а матери после заката солнца нельзя одной находиться на улице, проходить под деревом джидды, мимо высыпанных отбросов, золы, особенно мимо тех мест, куда выливаются помои.

У мурчинцев для предохранения ребенка от злых духов Ал-арвах в течение семи дней под подушку новорожденному кладут джовхер пычак—нож с жемчугом, книгу, написанную на арабском языке, хлеб или соль. Матери разрешалось управляться с хозяйственными делами лишь до заката солнца.

У мурчинцев, а также большинства туркменских племен, считается, что в первые дни рождения ребенок может быть подвержен заклинаниям злых духов, которые вызывают у него страх и плач. А в отношении кормящей матери опасаются, что духи могут вызвать прекращение молока, заболевание груди или общее заболевание организма.

У мурчинцев ребенка клали в специально сделанную колыбель (салланчак) только после сорока дней после рождения. Этот срок уменьшается в том случае, если ребенок окажется неспокойным, постоянно плачущим[138]. Колыбель по своему устройству одинакова почти у всех туркмен. На двух параллельных толстых шерстяных веревках, укрепленных в двух противоположных стенах и в центре с помощью деревянных распорок, прикрепляли войлок или палас, куда клали ребенка. При укачивании, чтобы ребенок не выпал, его подвязывали к люльке платком или любой длинной тряпкой. В дальнейшем ребенок большую часть времени находился в колыбели. Мать, занимаясь хозяйством. с помощью специальной веревки постоянно укачивала его. Иногда, если у нее были заняты руки, она веревку от колыбели привязывала к большому пальцу ноги и укачивала ребенка, одновременно работая. Если в семье имелись дети, то эту работу возлагали на них.

Специальной детской пищи у туркмен не было. Ребенок питался тем же, чем и взрослые, поэтому туркменских детей кормили грудью очень долгое время (если следующего ребенка не было, то до трех лет).

У мурчинцев мальчика остригают в первый раз только после появления за ним второго ребенка. Исключение делалось лишь при серьезной болезни ребенка. Первая стрижка волос мальчика поручалась брату его матери, дайы, как это делается у эрсари на Аму-Дарье[139], и гёкленов, в Каракалинском районе. У нохурцев первые волосы мальчика стри-

жет пожилой мужчина, находящийся в хороших отношениях с данной семьей[140]. За первую стрижку мальчика дядя дайы получает вознаграждение — ситцевый платок и деньги. У нохурцев при первой стрижке обсыпали ребенка горохом или кукурузой для счастья, а у мурчинцев это делается только при появлении первых зубов у ребенка.

Рис. 68. Занимаясь рукоделием, мурчинка укачивает ребенка в колыбели.

Если ребенок заболевал и сильно плакал, родители, в особенности мать, непременно обращались к мулле, а мулла давал амулет (дога). Амулет представляет собою бумажку, свернутую в треугольник с написанной молитвой на арабском языке. Эти амулеты привешивали и пришивали на спине, под мышками, на шее и сверху на тюбетейке. Амулеты еще предпочитали делать из особого дерева дагдан (каркас). По понятию туркмен, все эти амулеты имели одинаковое значение и предохраняли ребенка от опасности, дурного глаза, болезней и якобы приносили счастье. Амулеты одевали как мальчикам, так и девочкам.

Как только ребенок начинал ходить, ему шили новое платье и новую тюбетейку, вышивая их разноцветными шелковыми нитками. Примерно с четырех-пяти лет ребенок самостоятельно принимает участие в играх со своими одногодками. Распространены среди мальчиков-мурчинцев игра в альчики (ашык ойны), и игра с мячом (топ ойны). Мячи сделаны из тряпок, а сверху наносится вышивка из шерстяных ниток. Дети играют также в «прятки» (парк-пурк), в «лошадки». Лошадку изображала камышинка или камака — легкое, напоминающее камыш растение, растущее в горах. Каждый отец при поездке за дровами в горы старался привезти своему сыну такую палку—лошадку. Девочки, как правило, находятся возле своих матерей, делают куколки (гуржак) из тряпок и палочек. Девочки с ранних лет, т. е. с 7—8 лет, начинают помогать в хозяйстве матери, они ухаживают за ребенком, подносят дро-

ва в печку, приносят воду из арыка и т. д., а в дальнейшем, примерно с 10—12 лет, начинают вырабатывать шелк и заниматься вышивкой.

Мальчикам с 7—10 лет производят обрезание (суннет той), отмечаемое как праздник. У состоятельных людей суннет-той проходит более торжественно. Согласно правилам мусульманского ученья, суннет-той следует делать до 7 лет перед тем, как мальчику идти в школу-мектеп, куда отдавали с семи лет. Об этом написано немало у классиков туркменской литературы. Так, например, достигшие семилетнего возраста Зохре и Тахир, Лейли и Меджнун, познакомились в стенах мектепа.

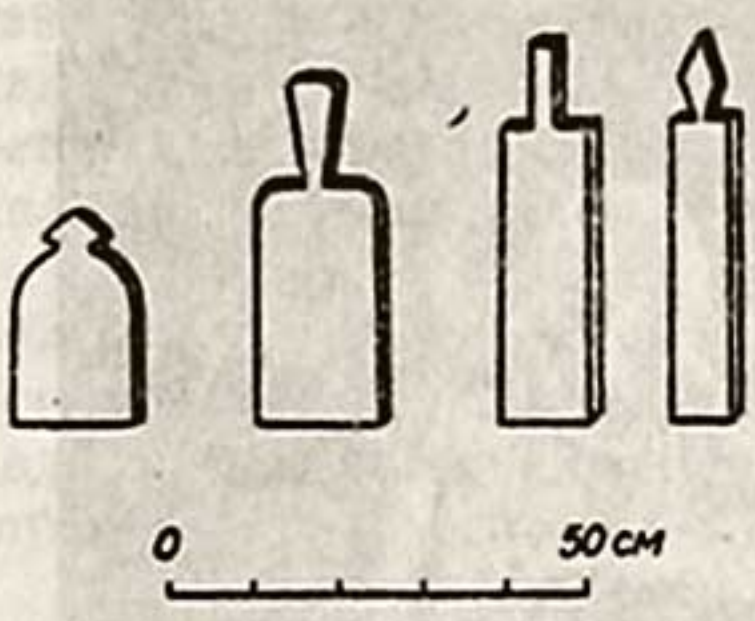

Рис. 69. Деревянные дощечки для прописей.

Обучение в мектепе происходило везде в Туркмении путем механического зазубривания арабских текстов и молитв, написанных для первого и второго года обучения на ровной деревянной дощечке-элипби тахтасы. В зависимости от состоятельности родителей и способности того или иного ученика мальчики обучались в мектепе около 5—7 лет. По окончании школы только сыновья богатых и состоятельных продолжали учебу в высшем духовном училище—медресе. Мальчики в бедной семье с 10—12 лет начинали помогать в семье, а с 15 лет по настоящему выполняли все работы, возложенные на них родителями. Медресе оканчивали только сыновья богатых людей.

Когда юноша достигал 17—18 лет, родители подыскивали ему невесту. В большинстве у туркмен брачный возраст считается 17—18 лет. Но основоположник туркменской классической поэзии Махтум Кули и другие классики XVIII—XIX вв. считали брачный возраст с 15 лет. Например, Махтум Кули в стихотворении «Адам» (человек)[141] пишет:

Онбеш яша етсе салы
Галкар гонул хыялы
Осер жахыллык если,
Жуван горинер дүйшүнде.

Лет к пятнадцати взрослеет
Ветер молодости веет;
Он влюбляется, он млеет.
Ночью снится милый лик.

При выборе невесты руководствовались экономическими соображениями, т. е. состоятельностью семьи. Невеста обязательно выбиралась из своего племени. В этом отношении в маленьких племенах (мурчали, нохурли и др.) до недавнего времени наблюдалось полнейшее сохранение эндогамии и нарушение ее осуждалось почетными стариками аула и сородичами. Об этом справедливо пишет Г. П. Васильева: «Вследствие немногочисленности нохурцев, с одной стороны, и далеко зашедшего процесса классового расслоения, — с другой, частыми были браки с двоюродными сестрами по отцу, т. е. между близкими родственниками». Такая характеристика вполне соответствует племени мурчали, которое по численности еще меньше племени нохурли. Здесь можно встретить браки между детьми двух сестер, брак с двоюродной сестрой отца, с вдовой брата отца и т. д. Запрещения брака внутри рода — экзогамии у мурчинцев давно не существует. У мурчинцев, как у всех туркменских племен, был распространен перекрестный брак (гаршы)—двух

дочерей и двух сыновей близких родственников; заключался гаршы также с девушками далеких родственников или же с хорошо знакомыми односельчанами. Вследствие такого обмена детьми обе семьи освобождались от уплаты калыма.

Как у мурчинцев осуществляется выбор невесты?—Для этого наиболее почетные близкие родственники жениха приглашались на совет и обсуждение. В этом совете играла большую роль мать жениха. Она характеризует девушку как будущую хозяйку, жену и мать, т. к. она, заблаговременно общаясь с данной семьей, выясняла и определяла качества будущей своей невесты. Когда совет родственников окончательно решал выбор невесты, тут же намечали сватов. По правилу, сватами отправляли пожилых мужчин. Очень желательно в числе их иметь самого почетного человека из рода, так как это заранее гарантирует успешное решение вопроса, потому что такому почетному свату не решались отказывать. Сватать шли к вечеру, когда становилось темно. Это делалось из следующих соображений: во-первых, до сватовства выбор невесты нужно держать в секрете, чтобы не было стыдно перед другими односельчанами в случае отказа и, во-вторых, если возникает необходимость идти свататься к другой девушке, чтобы полученный отказ не повлиял на последующее сватовство. Если сваты получали согласие родителей девушки, сразу же договаривались о размере калыма и дне свадьбы.

Калым у мурчинцев был несколько отличен от других туркменских племен—теке, иомуд и пр. По сведениям, сообщенным стариками, размер калыма у мурчинцев к концу XIX в. равнялся 40 туманам [42], 2,5 танапам[143] земли и 2-х часовой доле воды; у текинцев — 2000 – 4000 кран[144], у гёкленов — 2000—3500 кран; у иомудов размер калыма равнялся 5—12 верблюдам; у сарыков 1600—2000 кран[145]. Величина калыма была неопределенная и зависела от внешности (красоты) девушки, возраста, умения хозяйничать, а у мурчинцев от владения мастерством шелкоткачества и принадлежности к хорошей, спокойной, дружной и хлебосольной семье. Размер калыма несколько уменьшался за девушку с каким-нибудь физическим недостатком и за вдову.

Недаром есть такая поговорка: «Мал коп бер гозел ал»—«Заплати (товара) много, бери (купи) красавицу».

У мурчинцев, как у оседло-земледельческого племени, вода и земля являлись основным и решающим фактором в экономической жизни, что не могло не найти своего отражения и в оплате калыма за девушку. Мурчинцы отразили в своем свадебном цикле социальный строй земледельческих народов выделением в счет калыма земли и воды; последнее не встречается ни в одном туркменском племени.

После установления размера калыма у мурчинцев на второй день часть его оплачивалась. По возвращении сватов в дом жениха, готовят подсахаренную воду (ширин), сладости и дают выпить всем присутствующим в этот момент в доме жениха. Этим как бы отмечается пожелание новобрачным «сладкой», счастливой жизни в семье.

На второй день родственники жениха собираются на «смотрины» девушки (гыз гормек), для чего специально пекут «пишме». После окончания всех приготовлений женщины, родственницы жениха, шли в дом невесты, все принесенные угощения передавали хозяйке дома. Она, в

свою очередь, угощала ими всех присутствующих и еще готовила что-нибудь вкусное для гостей.

Обычай «смотрин», кроме мурчинцев, зафиксирован у нохурли[146], а также, с некоторым своеобразием, наблюдается у азербайджанцев, персов и турков[147]. У мурчинцев в день «смотрин» договариваются о дне свадьбы. Последняя назначается примерно через 20—30 дней, т. к. к этому сроку выплачивается также часть калыма.

В день свадьбы девушку переводят в дом ее родственников (к брату отца или к сестре по матери). Утром в день свадьбы (той) родственники жениха а также другие односельчане мужчины и женщины отправляются за девушкой. Если она живет в другом ауле, то мужчины, отправляются на конях, а женщины на верблюдах, причем верблюд, предназначенный для невесты, украшается разноцветным материалом с бахромой, сложенным в виде накидки (дуебашлык). Всадники, отправляющиеся за невестой, обвязывают шеи своих коней материей в несколько метров. Эти всадники называются «он атлы»—передовые всадники, а материал, подвязываемый к шее лошади, называют «ат гулак»—конские уши. Этот вид подарка каждый участник торжества покупает сам, в знак дружбы жениху и его родителям. Все эти подарки по приезде передаются матери и другим родственницам девушки. В свою очередь мать эти подарки раздает своим родственницам. Если девушка и жених живут в одном ауле, то за ней отправляются мужчины и женщины пешком, захватив с собой большой ковер.

У мурчинцев, а также многих других туркменских племен, в доме, где находится просватанная девушка, окруженная родственницами, дверь наглухо закрывают и не открывают до тех пор, пока всех родственниц девушки, находящихся с ней в этот момент не одарят щедрыми подарками (деньгами или отрезом на платье). Далее после открытия двери идет шуточная борьба между двумя группами, сторонами жениха и невесты. В борьбе участвуют исключительно женщины и оканчивается она победой партии жениха.

После того девушку выводят из дома и сажают на ковер. Мать обвязывает девушку белым платком и, целуя, говорит: «Бар балам манлайын ак болсын»—«Отправляйся дочка моя—будь счастлива!» Дальше она не идет. С этого момента у мурчинцев девушка считалась гелин—невестой[148]. На ковер с девушкой садится ее замужняя родственница—сестра отца или жена ее родного брата, или двоюродного брата по отцу (енне)[149]. Но она по получении денежного вознаграждения сходит с ковра, после чего мужчины несут ковер с невестой к дому жениха.

Во всех случаях при увозе невесты родственники и родственницы последней нападают на тех, кто увозит невесту, их забрасывают камнями, глиной, иногда палками. Здесь, очевидно, пережиточно сохранен древний обычай умыкания невесты, который со временем превратился в условный обряд.

В доме жениха невесту помещали вместе с женщинами в отдельную комнату; если у жениха таковой не окажется, то помещают в комнату его родственника. В этот день жених с самого утра до позднего вечера уходит из своего дома к друзьям. Вечером к возвращению жениха в дом приглашается мулла и еще два человека (по одному человеку от каждой

стороны). Последние были свидетелями при оформлении брака («ника»). Мулла, читая молитву, спрашивает свидетелей о согласии на брак: сначала свидетеля невесты, который в свою очередь спрашивает у невесты, она шопотом отвечает положительно три раза; свидетель ее согласие сообщает мулле. Затем свидетель жениха спрашивает согласие последнего и также сообщает его согласие мулле. При этом никаких молитв не читается. После того свидетели и присутствующие пьют по глотку приготовленной заранее подсахаренной воды («ника сувы») и таким образом брак считается узаконенным[150].

По окончании бракосочетания в этот же вечер молодежь одевает на жениха тугие сапоги и подпоясывает талию в несколько узлов шелковым кушаком так, чтобы трудно было развязать. Далее тащит его к девушке, которая должна снять с жениха сапоги и развязать кушак. Этим как бы определяют ее зрелость. После того жених берет нагайку, бьет ею всех находящихся в доме, освобождает дом от посторонних и остается наедине с невестой.

День свадьбы каждый туркмен стремился сделать богаче. В этот день каждый близкий родственник старался помочь родителям жениха, чтобы свадьба была торжественной: приглашали участников свадьбы и в свой дом, угощали гостей всем, чем могли. Наиболее богатые в этот день устраивали конные скачки, в которых участвовали лучшие кони и наездники (ат чапышыгы), соревнование борцов-силачей (гореш тутмак), соревнование охотников на специальных местах-стрельбищах. На этих соревнованиях победители получали призы. Об особенно ценных призах, чтобы заинтересовать участников торжества, заранее оповещал джарчи (глашатай). Кроме того, приглашали народных певцов-музыкантов (бахшы), которые пели веселые, радостные народные песни. За каждую песенку слушатели в знак дружбы родителям и жениху давали бахшы ценные подарки (шелковый халат и отрез на платье, иногда деньги).

На третий день после свадьбы молодухе в доме мужа одевают женский головной убор. Этот обряд носил наименование «баш данмак»—дословно—«завязать голову». У нохурцев девушка-невеста облекается в женское платье в доме отца[151], а у иомудов молодой заплетали косы по-женски на второй день после свадьбы в доме мужа[152].

Свадебные обряды мурчинцев не отличаются от обрядов других туркменских племен. Прожив в доме мужа около одного месяца, молодая, сопровождаемая матерью мужа или его родственницей, возвращается на один или два года в дом отца. Это носит название у мурчинцев так же, как у текинцев и иомудов, «гайтарма» или «чувалгыз»—возвращенная.

В это время она занимается приготовлением себе приданного и тканьем шелковых материй для платьев. Этот период у мурчинцев длится от одного до двух лет, а у текинцев и иомудов он длится от 1—2 лет и до 10—15 лет! В это время муж не имеет права ее видеть, но обязательно тайком должен со своей женой встречаться. Однако, если мужа заставали в доме жены, его могли убить, избить, затравить собаками и т. д.

Молодой муж избегает родных жены в течение некоторого времени: у мурчинцев до рождения первого ребенка, у соседних текинцев

еще дольше, у иомудов запрет зятю показываться на глаза родным жены длится семь лет; у эрсаринцев три месяца[153]. Этот обычай избегания, существовал не только у туркмен, но и у других народов Средней Азии. Он наблюдался, например, у казахов «цабырымы бору»[154]. Явление это Д. Г. Брюллова-Шаскольская рассматривает, как «какое-то странное «табу», запреты; табу не только невесты для жениха, но даже жены для мужа[155]. Но по мнению Г. И. Карпова, этот обычай (гайтарма) связан с материальной заинтересованностью сторон[156].

Согласно существующим порядкам у туркмен, пока полностью не внесен калым, жена не переходит в дом мужа. А если муж изловчился бывать у жены и если жена забеременеет, то муж получает жену за полцены, т. к. иначе она родит ребенка в доме родителей, что считалось позором. В результате, вполне понятно, что отец, заинтересованный в получении калыма, оберегает дочь от доступа к ней мужа, дабы не лишиться права на получение остатка калыма и, по мнению Г. И. Карпова, на первом плане ставится материальная сторона. Но бывали случаи, когда родственники жениха или сам жених после обручения выплачивали сразу калым полностью и, несмотря на это невеста все же задерживалась в доме родителей года на два-три для того, чтобы приготовить полностью приданое за счет получения калыма. В данном случае права Г. П. Васильева, считающая, что «необходимость пребывания замужней дочери в доме родителей в течение года даже в том случае, если весь калым был сполна уплачен к моменту свадьбы, являет собой пережиток переходного периода распространения форм брачного поселения, т. е. от матрилокального к патриолокальному поселению»[157].

Причины закрывания лица молодой женщины в семье мужа до рождения первого ребенка и избегания молодой женщиной родни мужа, по мнению М. О. Косвена, объясняется тем, что женщина в семье мужа являлась чужеродной и сторонилась поэтому всех членов рода мужа. Но женщина после рождения первого ребенка уже переставала быть посторонней роду мужа; в лице ребенка появлялась кровная связь с этим родом. Но это действительно соответствовало периоду экзогамии, а в Туркмении господствовала форма брака племенной эндогамии.

Одним из существующих пережитков ранней формы брака у мурчинцев, как и других туркменских племен, является обычай левирата (дакылма).

После смерти мужа на вдове должен жениться самый близкий родственник в данной семье. Так, например, в случае смерти старшего брата на жене его должен жениться младший брат или другой родственник покойного мужа, т. к. в таких случаях калым не уплачивается, а также женщина остается в этом роде. В этом случае, согласно шариату, разрешалась женитьба племянника (по отцу) на тетке (вдове брата отца). В таких случаях женщины, особенно женщина-мать, имеющая детей, чтобы не разлучаться со своими детьми, соглашались на это, т. к. вдова, вышедшая замуж в другой раз, лишалась права на детей, и они оставались в роде отца[158].

Деверь мог быть женатым, но бывало, что женились на вдовах и холостые. Жизнь вдовы по выходе за женатого деверя обычно была очень неприглядной из-за ссор с первой женой, недовольной женитьбой мужа, несмотря на распространение левирата у туркмен. К жене-да-

кылма относились с некоторым презрением. Недаром среди туркмен бытует такая поговорка: «Дакыландан хелей болмаз, бабадашдан-гарындаш»—«Из сноха не выйдет жены (настоящей), из прадедов (по женской линии)—родни». Холостой человек, женившийся на вдове брата или родственника, мог собирать деньги на калым, чтобы жениться еще раз, т. к. брак по левирату для него считался не настоящим. М. О. Косвен левират относит к пережитку группового брака.

У мурчинцев и других туркменских племен существовал еще брак умыканием. Этот вид брака совершался в тех случаях, если девушка полюбила молодого человека, а родители невесты не были согласны на брак. В этих случаях молодой человек через старуху соседку сговаривался с девушкой и с помощью своих друзей увозил ее; родители и родственники молодого человека, конечно, были им заранее предупреждены.

Основным фактором для совершения брака умыканием является любовь девушки и молодого человека, согласие родителей и рода жениха. Умыкание совершалось в тех случаях, когда весь род в данном племени был сильнее, чем род девушки в экономическом отношении и численно превосходил его. Девушку, увезенную без разрешения родителей, помещали в доме самого почетного родственника жениха; там же заключался брачный контракт (ника гыйыляр). Судя по обстоятельствам, на второй или третий день почтенные родственники жениха отправлялись к родителям невесты с целью урегулирования инцидента мирно, а также установления размера калыма. У мурчинцев иногда бывало так: если у невесты окажется брат в возрасте 17—18 лет, а у жениха сестра брачного возраста, то стороны договариваются на вынужденный перекрестный брак.

Редко встречается еще одна форма брака у туркмен и, в частности, у мурчинцев — переход мужчины на жительство к родителям жены. Это имело место лишь в тех случаях, когда в семье девушки не было мужчин, а молодой человек, как правило, потерявший родителей и не имевший своих близких родственников, был круглым сиротой. Если при этом жених являлся хорошим работником, был скромен и не испорчен, он не уплачивая калыма, женился и поселялся в доме жены. Явление редкое, но у мурчинцев оно имело место.

Все вышеперечисленные формы бракосочетания и пережитки древних брачных форм доказывают существование в прошлом ранних форм брака у мурчинцев.

У мурчинцев, как и у других туркмен, родственники делятся на отцовскую и материнскую линии. Мурчинские термины родства имеют некоторое сходство с нохурским племенем[159]. Так, например, у мурчинцев и нохурцев называется брат «гардаш», а для обозначения сестры употребляется слово «баджы» — сестра, тогда как текинцы называют брата и сестру доган (доган оглан—брат, гыз доган—сестра).

На первом плане ставится система родства по отцовской линии, поэтому родственников со стороны отца считают близкими родственниками (якын гарындаш); согласно возрасту называют их по-разному.

Родственники со стороны матери стоят на втором плане и всех мужских родственников матери и брата матери называют одним термином «дядя» (дайы). Система родства мурчинцев в основном не отли-

чается от системы родства соседних туркмен племени теке. У нохурцев одинаково обозначаются деды и бабки как отцовской, так и материнской стороны[160], но у мурчинцев, как и у других туркменских племен, материнские и отцовские предки строго разграничиваются. Например: с отцовской стороны дед — «ата», бабка—«эне», а с материнской стороны—дед «бава», бабка—«мама».

Рассмотренные нами брачные формы цикла свадебных обрядов, несомненно, свидетельствуют о пережитках перехода от матриархата к патриархату, от матрилокального поселения к патрилокальному поселению (рождение ребенка в доме родителей в период гайтарма). В мурчинской свадьбе, как у текинцев и иомудов[161], имели место черты очень развитого патриархата — после окончания бракосочетания соединяют руки молодых, вслед за тем жених получает нагайку и бьет ею всех находящихся в доме и на дворе, как бы демонстрируя этим свое новое право — право властелина в семье.

Как явствует из вышеизложенного, обряды свадебного цикла мурчинцев в основных чертах аналогичны обрядам соседнего туркменского племени текинцев, что еще раз подтверждает тезис о их общности и этническом единстве.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции произошли коренные изменения в семейном быту туркменского народа, которые сразу же изменили положение женщины, в прошлом бесправной и бессильной рабыни своего мужа. В. И. Ленин говорил: «Задача советской республики—в первую голову уничтожить все ограничения прав женщин... Положение женщины до сих пор оставалось таковым, что его называли рабским; женщина задавлена своим домашним хозяйством, и от этого положения ее может спасти только социализм. Только тогда, когда мы от мелких хозяйств перейдем к общему и к общей обработке земли, только тогда будет полное освобождение и раскрепощение женщин»[162].

И действительно с первых дней Советской власти женщина юридически была уравнена в правах с мужчиной. Дальнейший путь раскрепощения туркменской и, в частности мурчинской женщины, был осуществлен в значительной мере через колхозное строительство и организацию шелкоткацких артелей.

Фактическое равенство женщин с мужчиной пришло только после укрепления колхозного строя в Туркменистане, когда она стала экономически самостоятельным и полноправным членом своей семьи и труженицей колхоза.

Как описано выше, во время Великой Отечественной войны женщины как во всем Советском Союзе, так и по Туркмении, заменили ушедших на фронт своих мужей, братьев, отцов; именно с этого периода женщина стала большой силой на колхозном поле, выполняя наравне с мужчинами все виды работ по сельскому хозяйству и животноводству. Многие женщины-мурчинки работают колхозными бригадирами, как, например: Гулек Аманова, Огульбиби Овезова, Атаева Нурсолтан, Герек Атамурадова и др.

Женщина принимает активное участие в общественной работе. На выборах в местные районные Советы депутатов трудящихся избраны женщины-мурчинки, в числе их Гулек Нохурова. В данное время председателем сельсовета является Арзыгуль Ходжамурадова.

Если девушки в прошлом не видели школы, то теперь они учатся, оканчивают семилетку в родном ауле, десятилетку в Бахардене, а некоторые учатся в высших учебных заведениях в Ашхабаде.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ВЕРОВАНИЯ И ОБРЯДЫ

Основное население Средней Азии, в том числе вся Туркмения, за последнее столетие по религиозным верованиям относится к мусульманам-суннитам. Мурчинцы, как и все туркмены, о мусульманском вероучении, о коране, о сущности ислама имеют весьма скудные и поверхностные понятия, ограничиваясь лишь выполнением некоторых обрядов. По степени внедрения и распространения ислама Средняя Азия, согласно классификации С. П. Толстова, делится на три области; из них третья—самая большая по величине область степного скотоводческого хозяйства — Туркмения, Казахстан, Киргизия, в которой ислам укрепился наименее прочно, не сумев вытеснить древнюю шаманистскую религию степных кочевников[163]. Но рассматриваемое нами племя мурча, находясь в южной части Туркмении, принадлежало издавна к оседлым земледельцам; а через них-то первых и началось проникновение ислама в Среднюю Азию. Поэтому в районе Южной Туркмении ислам укрепился гораздо сильнее, чем у полукочевых туркменских племен (например, текинцев). Но несмотря на это ислам в этом районе, т. е. к южной части, не смог окончательно уничтожить древние религиозные напластования, остатки которых, переплетаясь с мусульманством, сохранялись до недавних времен, а частично и в наши дни.

Еще в парфянское время и позже в иранском государстве Сасанидов зороастризм был господствующей, широко распространенной религией среди населения Средней Азии и Ирана. В основе её лежало дуалистическое представление о существовании во всем мире светлого и темного начала, олицетворявшихся в виде мифических образов бога добра Ормузда и бога зла Аримана и постоянной борьбы между ними. Широко было распространено религиозное почитание стихийных сил природы, особенно огня.

Не так давно, чтобы оградить себя и детей от всяких болезней, мурчинские женщины в конце года в день «чаршенбе» (среда), после заката солнца, раскладывали костер на середине дороги, перепрыгивая через него, иногда с детьми. Считалось, что этим они избавляли себя и детей своих от всяких болезней. Если женщина не рожала детей, то также прыгала через огонь в надежде иметь детей. Такая церемония поклонения огню была и в других южных районах Туркменской ССР. Так, например иомуды, жители Гасан-Кули, справляют один раз в год день «гара чаршенбе» (черная среда); прыгающие в этот вечер через костер якобы получают избавление от всех болезней и недугов. Справляют праздник огня в Каахка алилинцы, в Иолотане—сарыки. У алилинцев он справлялся в среду под новый год; этот день называется «ахыр чаршенбе» (последняя среда). Все прыгающие в этот день через костры получают как бы омовение огнем и тем самым избавляются от грехов, накопившихся за год[164].

Таким образом, в южной части Туркмении, среди древних земледельческих народов, мы, несомненно, наталкиваемся на сохранившиеся сложные комплексы древних религиозных верований.

Мурчинцы, как и большинство мусульман Средней Азии, совершали пятикратную молитву — дан (заутреня), ойлэн (обденя, средина дня), икиннин (перед вечерней), агшам (вечерня) и яссын (ночью около 10 часов). Молитвы читались на арабском языке. За исключением образованных мулл, никто в основном из населения не понимал их смысла.

Молитвы совершались всем населением, особенно пожилыми людьми и женщинами. Особенно торжественные молитвы в мечетях производились в пост «ораза» в месяц ремезан. Но, как правило, у большинства туркменских племен мечеть не играла особой роли, как специальное место для совершения молитвы: каждый туркмен мог совершать молитву в одиночестве, у себя дома, в кибитке или прямо в поле.

Молитвы заучивались наизусть. Мало-мальски грамотных людей называли муллой — он оканчивал мектеп в ауле. Окончивших высшее духовное училище — медресе в Мурча было один или два человека, ибо обучаться в медресе могли только сыновья состоятельных людей, а из бедной семьи, как правило, многие даже не обучались в начальном мектепе. В мектепе обучали арабской азбуке; учебниками служила сначала деревянная оттесанная дощечка, на которой крупным шрифтом нанесены арабские буквы, далее переходили к чтению корана на арабском языке без перевода. По окончании этой мектеп получали звание муллы.

Туркменское духовенство делится на две основные группы: 1) духовенство, представляющее ортоксальный ислам и 2) ишаны—представители суфизма.

Ортодоксальное духовенство различается по степени образованности: муллы и ахуны. Первым термином туркмены обыкновенно называли всех грамотных людей, окончивших начальную школу-мектеп, причем многие из них фактически не являются служителями культа, и представляют обыкновенно грамотных дайхан. Звание ахуна в Туркмении носит всякий, получивший высшее образование в медресе.

Для присуждения звания ахуна, помимо знаний, играло важную роль богатство, что подтверждает отмеченный факт,—в медресе обучались только сыновья богатых и состоятельных людей.

Вторая категория духовных лиц — ишаны, наследственные и получившие звание ишана при жизни. Звание ишана передается по наследству даже в том случае, если сын, брат, племянник или другой близкий родственник ишана не имеет никакого образования.

Как по всей Средней Азии, так и по Туркмении, во главе последователей суфизма стоял ишан или пир; имелось множество мелких орденов, насчитывавшихся около 35[165]. Ишаны, пиры, ахуны и другие духовные лица пользовались большим уважением у местных жителей, хотя многие из них были даже неграмотны. Основное население они держали в своих руках; возникновение народных движений равно их устранение во многом зависело от них, поэтому многие из ишанов, пиров были в свое время видными деятелями.

Рядовыми членами ордена являлись мюриды. Каждый мюрид, читая наизусть «зикр», признавая какого-либо ишана своим пиром, отрешается от своей воли, руководствуясь волей пира и делает все по его указанию. Ишаны через своих мюридов влияли на все население, т. к. последние были во всех аулах.

Мюриды до недавних дней встречались по всей Туркмении и в частности в Мурча. В Мурча еще недавно были кары (слепые, читающие коран наизусть), участвующие на поминках и похоронных процессиях.

У мурчинцев, как и среди иного туркменского населения, имеются роды Ходжа и Ших, которых в Туркмении причисляли к числу «овлят» (святых племен) — потомков арабов. Они до недавних времен строго сохраняли эндогамные запреты — бракосочетание производилось только внутри своего рода, а кладбище Ходжа по сей день изолировано от общего кладбища мурчинцев и находится в южной части селения Мурча, где покоится прах чтимого Карагул-Ходжа. Род Ходжа почитался как «святое» племя. К ним шли во всех случаях жизни и щедро их одаривали. Они пользовались большим уважением. Их никогда не обижали. Их усадьбы никогда не охранялись (если кто осмеливался сорвать в их саду фрукты, ягоды и т. д., тех якобы бог наказывал). Они, наравне с духовенством, получали ушюр и зякат.

По рассказам стариков, одна десятая часть урожая, согласно мусульманскому вероучению, должна была отдаваться в пользу вдов, сирот, калек и неспособных к труду, (зякет или ушюр). Но это никогда не выполнялось, т. к. все шло в пользу духовенства, фактически попадая в руки тех духовных лиц, которые были наиболее влиятельны.

В прошлом зякет взимался с недвижимой собственности, в дальнейшем появился налог со скота, а позже зякет взимался со всех товаров в размере 1/40 базарной стоимости[166].

Мюльк ушюр — обложение подати в размере 1/10 части урожая взимался деньгами или товарами[167].

При официальном господстве мусульманства у мурчинцев сохранялся целый ряд доисламских верований. Так, например по понятию туркмен; имеются духи-покровители земледелия и скотоводства и от них зависит состояние хозяйства: урожай, приплод скота, болезни. Покровителем коневодства является Дюль-Дюль—лошадь Али, сподвижника Мухаммеда; верблюдоводства—Вейс-Баба; покровителем земледелия — Баба-Дайхан.

В этой связи небезынтересно отметить, что у туркмен испокон веков на особом месте ставится лошадь белой масти. В народном туркменском эпосе богатыри-герои являются часто обладателями прекрасных скакунов светлосоловой масти «гыйр». Владельцем гыйр-ат был легендарный «Гороглы». Лошади этих мастей ценились в Туркмении.

Славились лошади в древней области Южного Туркменистана—в Парфии. Одну из особенностей нисийских лошадей составляли белые особи. Небезынтересно, что в Апокалипсисе, написанном в конце 1 в. н. э., Парфия олицетворена в виде всадника с луком на белом коне в сопровождении парфянских вассальных владетелей, а Рим — в виде всадника на рыжем коне с большим мечом[168].

Обряды мурчинцев, связанные с поклонением огню и коню,—это сохранившиеся элементы еще доисламских религиозных представлений, которые, может быть, восходят к зароастризму, широко распространенному в этих районах задолго до ислама.

День пятницы (анна-джума) считался особым. Этот день является рабочим, но отмечается праздничной пищей, особой молитвой и воспоминанием близких умерших, т. к., по поверьям, под вечер в день пятницы дух (рух) умерших навещает свой дом.

У туркмен, в частности у мурчинцев, праздников в году было мало, из них главными являются курбан байрам и ораза.

Мурчинцы празднуют курбан (гурбан) байрам в месяц гурбан (арабский зуль-хиджа). Празднуют его первые три дня нового месяца. В этот праздник, как правило, режут овцу или какое-нибудь животное. Этот обычай распространен у всех мусульман. Такое жертвоприношение должен сделать каждый, кто живет самостоятельным хозяйством. У мурчинцев в этот день девушки и юноши, и даже пожилые люди, качаются на качелях, подвешенных к дереву или к специально вкопанным двум столбам. При катании на качелях говорят: «Дердим белам докулсин» — «Пусть от меня удалятся все мои болезни и горе!». У мурчинцев в этот день на рассвете делают грубан шор—очищение, омовение, для чего, какое бы ни было время, купаются в арыке в холодной воде; этим они, как бы очищая себя, удаляя грехи, встречают курбан-байрам.

Второй, известный всему населению праздник у туркмен ораза байрам бывает в конце поста (ораза), который длится в течение месяца рамазан. Ночь на 27 месяца рамазана называлась у туркмен «гадыр гижеси» — ночь всемогущества. С этой ночи и три последующие дня население аула от мала до велика проводит ночи в молитве. Читается особая молитва (тараба) с обязательным посещением мечети всеми представителями мужского пола, начиная с 15-летнего возраста и кончая стариками. В ночь гадыр гиже никто не должен спать, проводя побольше времени в молитве, т. к. в этот день может придти к счастливым людям Хыдыр (Хыдыр-баба—Хыдыр-ата)—бессмертный, невидимый, странствующий святой. У кого Хыдыр появится—того он осчастливит. До сих пор многие старики помнят и говорят: «Хыдыр горен гара гум чолинин малынын саны ёк» — «Каракумская пустыня, увидевшая Хыдыра, не имеет счета скота». Поэтому в народе говорят, что Хыдыр больше всего оказывает милость скотоводам, в особенности пастухам.

Следующий, малоизвестный для народа праздник у туркмен — ашир-байрам, празднуют в первый день месяца ашира (мухарамма) — в день убийства имамов (ымамларын олдурлен гуни), как говорят мурчинцы, т. е. в день убийства детей Али—Хасана и Хусейна. У мурчинцев в этом месяце устраивают поминки умершим. В этом месяце поминки стараются делать в день пятницы.

У мурчинцев, оседло-земледельческого племени, наряду с мусульманским праздником, не так давно праздновали доисламский праздник Нового года—Чилле-байрам (так называют его иногда мурчинцы и некоторые другие туркменские племена). Этот праздник соответствует персидскому Новрузу. Время празднования относится к середине или второй половине марта. В этом празднике видим целый ряд доисламских обрядов. По рассказам стариков, в дни их молодости в празднике Новруз-байрам участвовала вся молодежь аула, в том числе и девушки. Девушки и юноши перед сумерками ходят по дворам, собирают муку в тыквенную посуду. Из собранной муки сами девушки пекут лепешки, раздают всем, кто им попадется, а вечером разводят большой костер. Вокруг костра устраивают хороводы и прыгают через костер, разбивая собранную тыквенную посуду. Этим, как бы, демонстрируется благополучная встреча Нового года и весны, проводы минувшего старого года. При

хождении по дворам и вокруг костра хороводом исполняют шуточные песенки.

Со временем этот праздник перестали праздновать, т. к. были часто несчастные случаи при играх у большого костра. Но главное — духовенству и влиятельным аксакалам племени не нравилась совместная игра парней и девушек, а родители в свою очередь запрещали девушкам участвовать в этих праздниках[169].

Погребальные обычаи мурчинцев не отличаются от обычаев других туркменских племен. Если кто-нибудь из семьи заболевал, все близкие родственники выполняли все желания больного, оказывали соответствующую помощь по указке аульных табибов — лекарей. Если состояние больного было тяжелое, приглашали муллу и всех родных. Мулла громко читал определенные суры из корана, т. к. перед смертью больной прощается со своими родственниками. После наступления смерти все близкие родственники, особенно женщины, начинали громко оплакивать умершего. На похороны собирался весь аул и старались как можно быстрее похоронить его. Если больной умер в поздний вечер, то откладывали на следующее утро, а в других случаях старались похоронить немедленно.

После наступления смерти несколько человек отправляется на кладбище, где роется могила в 1,5—2 м глубиною, с боковым подбоем, Из числа близких стариков 2—3 человека, если умер мужчина, обмывают покойного, а если умерла женщина, обмывает женщина-старуха. После того покойного облачают в саван (кепин), сделанный из белой материи — для мужчин из трех частей, а для женщин из пяти частей. Также и глубина могилы для мужчин делается 1,5—2 м, а для женщин делается на 0,5 м глубже, т. к. по понятию туркмен, женщина грешнее и скупее. Саван покойника завязывается в трех местах: у головы, колен и щиколоток. После этого покойника клали на специальные носилки (табыт) в доме, где читали соответствующие суры из корана. Затем табыт с покойником поднимают и несут на кладбище одни мужчины, так как женщинам ходить туда запрещено.

У мурчинцев в этот особенно тяжелый момент громко оплакивают умершего все его близкие родственники, даже мужчины. Труп в боковое отверстие могилы кладут головой на север, лицом к западу; развязав тесемки савана; закладывают боковой подбой кирпичом или камнем и засыпают землей. Над могилой образуется небольшое возвышение—насыпная земля. У головы ставят большой камень или небольшой кусок дерева. Затем все участники похорон усаживаются на землю, мулла читает «жыназа»—заупокойную молитву, близкий родственник умершего раздает присутствующим небольшие куски материи, деньги. Ценные подарки давались тем, кто обмывал покойного и читал молитву на кладбище.

По возвращении с кладбища, подходя к дому умершего на расстоянии 5—10 м, мужчины, близкие, покойного, начинают громко его оплакивать, их успокаивают старики-односельчане. В этот день устраиваются первые поминки и далее поминки делаются через 3, 7, 40 дней и в годовщину смерти. Во всех этих поминках оплакивали женщины; был специальный горестный, жалобный плач (агы), т. е. оплакивание заунывным голосом. Плакали близкие родственницы умершего, а также

другие односельчанки, у которых тоже было большое горе или не так давно они потеряли своего близкого. Каждая из них, вспоминая своего умершего, говорила горестные слова и причитала. Считалось, что тем самым душа усопшего как бы получала немного облегчения. Специальных плакальщиц у мурчинцев не было, как об этом пишут некоторые авторы[170].

По понятию всех туркмен и также мурчинцев, после смерти в первую ночь в могилу приходит «соракчы» (буквальный перевод—«допрашивающий» подразумевается «ангел смерти» (Мункир-Некир); человек оживает, и, если он вел праведную жизнь, то на все вопросы ангела дает правильный ответ, после чего его душа переселяется в рай.

В погребальных обычаях есть элементы доисламских представлений. Таков допрос покойного Мункир-Некиром, для чего перед спуском покойного в могилу развязывают тесемки[171], сбор всех близких родных для прощания перед смертью и т. д.

В силу большой веры в духов (рук) считалось, что, если все поминки (пата) проводились через 3, 7, 40 дней и в годовщину своевременно и богато, с большим количеством людей, дух этого предка будет доволен. По поверию туркмен, дух умерших навещает своих родственников в подпятничный вечер, т. к. у мусульман день начинается с вечера (вечер четверга—начало пятницы). В этот вечер мурчинцы всегда готовят зкусную пищу, приглашают муллу, чтобы он читал молитву, а также дотемна двери в комнату держат открытыми даже зимой, чтобы дух умершего мог убедиться, что его не забыли и думают о нем. Такие угощения у туркмен непременно знаменуются закланием овцы и называются «худай ёлы» (божья дорога). Они делаются и в других случаях — при рождении сына, в случае избавления от тяжелой беды, по выздоровлению после болезни, при обрезаниях мальчика, при постройке дома, для избавления от дурного глаза и т. д.[172]. При том угощение «худай ёлы» необходимо делать только в счастливые дни, число которых оканчивается на 7.

По поверию туркмен, всякое дело следует начать в счастливый месяц и день, т. к. есть месяцы «счастливые» (сэхет) и «тяжелые» (агыр). К счастливым месяцам относят рамазан, курбан и др., а к несчастным агыр ай (буквальный перевод «тяжелый месяц»)—сафар. Как рассказывают некоторые старики, раньше в месяце сафара—в тяжелый месяц повсеместно резали овцу, делали худай ёлы, все сидели в молитве, чтобы бог не послал в этом месяце горе и беды.

Была также вера в звезды. Если в намеченный день сватовства увидели без различия какую звезду (манлайында—буквальный перевод—«на лбу»), то не ходили в том направлении, куда следовало идти. Точно также отказывались от поездки в дальний путь, если звезда «манлайында» окажется в том направлении, куда намечено выехать.

Туркмены считали, что большое горе к человеку приходит от дурного глаза и верили этому. Поэтому по сей день бытует такая поговорка—«Гоз-дил беласындан худай сакласын»—«Пусть бог спасет от беды глаза». Самые страшные болезни якобы приносят дурные глаза. Завистливых «с дурным глазом» людей «знают» в каждой местности и им стараются не показывать ничего хорошего. Особенно боялись воздействия дурного глаза на человека, главным образом, на ребенка. Считалось, что воздействие дурного глаза распространялось также на животных и

на все виды сельскохозяйственных растений, поэтому в садах, на огородах, среди посевов зерновых культур выставляли на палках в середине бараний череп или бараньи рога. Для предохранения от дурного глаза брали у муллы амулеты или же некоторые матери заворачивали в тряпочку собачью шерсть и соль, зашивали треугольником как амулет-тумар и вешали ребенку на тюбетейку или на спине рубашки, а женщине на косы или подмышками на рубахе.

Одним из постоянных тумаров для детей считался дагдан. Он делается из дерева дагдан (каракас) и имеет ромбовидную форму. Такой амулет вешается на шею ребенка, который носит его очень долго. Амулеты вешали на шею животным, особенно коровам.

Мурчинцы, так же как и другие туркменские племена, почитали могилы ишанов и ходжей. Для таких святых (овлият) над могилой делается мавзолей (кумбез) и вокруг них затем возникает кладбище. В центре аула Мурча имеется такая гробница (овлия)—мазар Зенги-баба, о котором было подробно описано в главе II. По сообщению стариков-мурчинцев, они эту местность не покидали из-за овлия Зенги-баба, который служил хранителем селения. В южной части с. Мурча находится чтимая могила Карагул-Ходжа.

Кроме «святых могил», почитались также отдельные предметы (камни, деревья), связанные с каким-нибудь святым. В северной части селения Мурча на большом камне есть углубление, похожее на след копыта; по представлению мурчинцев, это след знаменитого коня Дюль-Дюль, покровителя коневодства. Если заболевала лошадь, ее обязательно вели к камню и три раза обводили вокруг этого камня со следом копыта Дюль-Дюля.

Всякое дело, по понятию туркмен, необходимо повторить три раза, полагая, что три—число роковое. Недаром народная поговорка гласит: «Эр оглы уче ченли»—«Истинный мужчина или настоящий сын своего отца берется за дело трижды».

На юго-западной стороне аула, на расстоянии 10 км в горах расположен дагданлы Овлия, где растет «святое» дерево дагдан. Ни один мурчинец из этой лощины ничего не унесет, т. к. его постигнет якобы кара. По рассказу стариков, один прохожий, не зная этого, поднял в указанной лощине несколько засохших палочек, чтобы вскипятить чай, и через некоторое время у него искривился рот.

По понятиям мурчали, многие заболевания связываются с различными явлениями природы. Так, например, если в темную ночь пастуху встречается красивая женщина, это пери, она превращается в огонь или в блуждающие огни, говорящие человеческой речью. Все это туркмены считают делом злых духов «арвах джин».

Для излечивания болезней приглашали порхан и прибегали к магии. Порханы — категория людей, имеющая некоторые познания по излечиванию больных, другими словами фальбини (гипнотезеры), прорицатели и заклинатели. В недавнем прошлом они были в Мурче. В основном лечили психобольных, т. к. по понятию туркмена многие болезни причиняются человеку злыми духами, а порханы, пользуясь властью над джинами — «злыми духами», могут их изгнать.

При лечении психобольных порхан, читая что-то священное из корана, кнутом бил окружающие предметы и самого больного. Этот процесс

продолжался около недели. Знахари и лекари (табибы) лечили больных, применяя разные лекарственные растения и их корни, квасцы воск, мумию, желток яичный, сушеные овощи, мясо змеиное, ящерицы; дикобраза и т. д.

При переломах и ушибах костоправы применяли мумию и яичный желток. При заболевании желудка табибы давали больным квасцы и опиум. При малярии прибегали к заклинаниям, для чего из верблюжьей шерсти делали священную повязку, которой повязывали кисти рук («гыздырма багламак); гыздырма—лихорадка, багламак—остановить, завязать, т. е. остановить лихорадку).

Разные раны и нарывы лечили прикладыванием листьев траз, инжирного сока, кислого теста и т. д.

За годы Советской власти в области медицины и здравоохранения произошли огромные изменения. В каждом ауле имеется медицинский пункт. В случае болезни каждый мурчинец получает бесплатную медицинскую помощь. Навсегда ликвидирована такая страшная инфекционная болезнь, уносящая из жизни или навсегда калечащая многих людей, как оспа; ликвидирована окончательно малярия, а также ведется успешная борьба с трахомой. Систематически проводятся противоэпидемические прививки против тифа и других болезней.

Теперь уже давно позабыли думать о невежественных лекарях и знахарях. В районных центрах и во многих аулах работают родильные дома, которые обслуживают опытные врачи и акушерки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Легенды и предания, касающиеся племени мурчали, записанные нами от самих мурчинцев, показывают, что в народе глубоко укоренилось представление о древности их обитания в предгорных оазисах Копет-Дага.

Но эти данные народного мифотворчества получают широкую базу научного обоснования лишь при разностороннем этнографическом изучении различных сторон материальной и духовной жизни племени мурчали. Такое изучение позволяет раскрыть многие неписанные страницы истории, идеологии и быта мурчали — одной из интереснейших автохтонных групп туркменского народа.

Приведенный выше материал позволяет заключить, что племя мурчали складывалось в течение длительного этногенетического процесса на основе древнего коренного населения предгорных оазисов Копет-Дага, места обитания которого, очевидно, издавна принадлежали их предкам.

В вопросе этногенеза мурчали следует рассматривать это племя не как единое целое, которое оставалось неизменным на протяжении многих веков, но как конгломерат различных этнических групп, накапливающихся на протяжении целого ряда веков вокруг какого-то основного ядра.

Природные условия оазиса Ахала уже с древнейших времен благоприятствовали, главным образом, занятию жителей земледелием.

Археологическими исследованиями ЮТАКЭ установлено, что в эпоху неолита и бронзы в пору рабовладельческого строя и феодализма

здесь развивалась культура оседлых земледельцев. Традиции этих оседло-земледельческих народностей были сохранены вплоть до последних столетий местными реликтовыми племенными группами, к числу которых принадлежит и племя мурчали.

Рассматривая материальную культуру мурчинцев, мы приходим к выводу, что мурчинцы являются потомками древних земледельцев, а собранный нами материал о прошлом мурчинцев безусловно дает нам основание сказать, что мурчали издавна занимались земледелием и продолжали заниматься им в течение многих столетий.

Подтверждением этой мысли служит то, что мурчинцам присущи древние традиции оседло-земледельческой культуры, навыки в крестьянском труде, развитие шелководства, шелкоткачества и ситцеткачества, садоводства и виноградарства, наличие своей народной архитектуры, своих собственных мастеров-строителей, деревообделочников и кяризных мастеров. О том же свидетельствуют пережитки цикла аграрных праздников, как коллективное приготовление «семени», праздник урожая и и др. Такого же порядка показателем является широкое применение в пищевом рационе растительной пищи и лекарственных растений — мяты, ежевики и др. Наконец, мурчинцы, как земледельческое племя, отразили в своем свадебном цикле социальный строй земледельческих народов—выделение в счет калыма земли и воды, чего не встречается ни в одном другом туркменском племени.

Одной из ярких сторон духовной культуры, дополняющей предания самих мурчинцев, является фольклорный материал, в частности народные мурчинские песни, в которых говорится о земледелии, как исконном занятии мурчинцев.

Исходя из вышеизложенного о происхождении племени мурчали, можно высказать соображения следующего характера.

Во-первых, ядро племени формировалось безусловно из представителей коренного населения при копетдагском оазисе, которые вошли в состав имеющихся родовых групп в Мурча. Наиболее древними родами в Мурча считаются в народе овшар (афшар) и эрвап, о происхождении которых в исторических источниках нет никаких сведений; возможно, что предки этих двух родов и являются старейшими местными родовыми группами.

Во-вторых, появление таких родовых групп, как похлы, копек, боягчы, кяризген, гечи, видимо, относится к периоду классового расслоения общины, выделения из нее бедноты и ремесленников.

В-третьих, появление среди мурча таких родовых групп, как хывалы, юзбашы, дабашы, относится к периоду передвижения туркменских племен и занятия текинцами Ахала, т. е. к концу XVIII в. В этот период мог осесть в Мурче род хывалы, относящийся к имрелинцам, ушедшим под натиском текинцев из Хорезма. Именно в этот период под натиском сильных племен мурчинцы не раз переходят в Иран и для защиты от врагов образовывают отряды под командованием сотников юзбашы и десятников дабашы, причем впоследствии название должностных чинов получило свое отражение в названии родовых групп.

Очевидно уже с IX в., но главным образом в XI—XII вв., в пору широкого проникновения в области Южного Туркменистана тюркских этнических массивов (гузы, огузы, сельджуки) происходит общий для

этих областей процесс отуречивания местного хорасанского населения. Процесс этот захватил и жителей предгорий Копет-Дага. Однако многие коренные народности ревниво сохраняли свою этническую самостоятельность, избегая смешанных браков, сберегая традиционные народные обычаи и обряды. То же имело место и в пору монгольского владычества в XIII—XIV вв. Вот почему антропологический анализ мурчинского населения указывает на почти полное отсутствие в его среде тюркских и монгольских признаков, с одной стороны, и сходстве черепных показателей мурчинцев с черепами древнейших погребений эпохи бронзы, добытых при археологических исследованиях ЮТАКЭ в предгорьях Копет-Дага.

Мурчали с давних пор — неразрывная часть туркменского народа. Некоторые особенности, имеющиеся как в быту, так и в культуре, отражают оседлый земледельческий образ жизни мурчинцев, как например: шелководство, шелкоткачество, садоводство, виноградарство, своя местная архитектура, жилые и хозяйственные постройки и т. д. Наряду с этим, во многих сторонах духовной культуры, включая язык, отмечается большая общность с основным туркменским племенем—текинцами. Все вместе взятое позволяет рассматривать племя мурчали как один из реликтов автохтонного оседлого населения Южного Туркменистана, всеми корнями связанного с культурой и прошлым Туркменской ССР, являющейся для мурчали их подлинной родиной.

До Великой Октябрьской социалистической революции Туркмения была отсталой колониальной страной. Среди туркмен и, в частности у мурчинцев, грамотных людей были единицы. За время существования советской власти осуществлено всеобщее обучение; в каждом мурчинском ауле имеется семилетняя школа, где работают учителя-мурчинцы, окончившие Педагогический институт или Государственный университет им. А. М. Горького в Ашхабаде; таковы, например, работающие в ауле Мурча Клычев Дабашы, Ходжахметов, Мергенов и др. Разве не удивительно, что в ауле, где несколько десятков лет назад не было ни одного человека со средним образованием, теперь имеются десятки людей с высшим образованием — педагогов, врачей, агрономов, выросла своя аульная интеллигенция. Первый президент Академии наук Туркменской ССР, действительный член АН ТССР, доктор педагогических наук, профессор Таган Бердыев—выходец из аула Мурча; мурчинец и первый полковник из туркмен, бывший начальник дивизии 4-го Украинского фронта Б. Атаев и другие.

Немало мурчинцев сейчас учится во многих городах Советского Союза. В нашей стране имеются все возможности для получения знаний. Для всех открыты двери учебных заведений нашей необъятной Родины.

За сравнительно короткий период времени существования Советской власти произошли огромные преобразования жизни села. В результате социалистической колхозной экономики в корне изменилось материальное положение былых дайхан, а ныне колхозников, улучшилось их благосостояние. Тяжелая и нищенская жизнь туркмен, в частности дайхан-мурчинцев, стала далеким прошлым.

Огромные изменения, происшедшие за годы советской власти в хозяйстве, быту и культуре во всех туркменских аулах и, в частности в

ауле Мурча, требуют специального исследования и написания особой монографии. Приведенные в нашем исследовании некоторые факты и цифры дают все же возможность понять резкий контраст между тяжелым прошлым и светлым настоящим.

В результате глубоких преобразований, происшедших в хозяйстве, культуре и быту туркмен, в том числе мурчинцев, за время Советской власти, под руководством Коммунистической партии Советского Союза сложилась туркменская социалистическая нация — полноправный член великих братских социалистических наций нашей Родины.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) См. К. М. Федоров. Закаспийская область. Асхабад, 1904, стр. 27. Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 гг. Изд. II. Асхабад, 1897, стр. 17—18.

2) Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Асхабад, 1900, стр. 39.

3) А. И. Кияшко. Очерки Закаспийской области (статья 3-я). Военный сборник, 1897, Октябрь, стр. 363.

4) А. Боголюбов. Ковровые изделия Средней Азии. Вып. I, СПб., 1883. стр. 5.

5) В. И. Масальский. Туркменский край. Россия. Т. XIX. СПб., 1913, стр. 385.

6) А. А. Семенов. К проблеме национального размежевания Средней Азии (историко-этнографический очерк). Ташкент, 1925, стр. 15.

7) Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, Т. I, СПб., 1883, стр. 34.

8) Е. Штейнберг. Очерки по истории Туркмении. Ашхабад, 1934, стр. 5.

9) Обзор Закаспийской области с 1882 по 1896 гг. Изд. II. Асхабад, 1897, стр. 17—18.

10) Г. И. Карпов. Туркмения и туркмены. Историко-этнографический очерк. «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 17.

11) Г. И. Карпов. Родословная туркмен. «Туркменоведение», 1929, № 1.

12) Г. И. Карпов. Отуркменившееся племя нохур, «Туркменоведение», 1930, № 8—9.

13) С. П. Толстов. Города гузов. «Советская этнография», 1947, № 3.

14) В. Г. Мошкова. Отчет о работе этнографической группы V отряда ЮТАКЭ за 1947 г. в Бахарденском районе ТССР, Труды ЮТАКЭ. Т. II, Ашхабад, 1953, стр. 325.

15) В работе отряда приняли участие: кандидат биологических наук В. Я. Зезенкова, проведшая антропологическое исследование мурчали и кандидат архитектуры Г. А. Пугаченкова по изучению архитектуры села Мурча. К работе по фотофискации был привлечен фотограф ЮТАКЭ Е. Н. Юдицкий. По ряду общих и частных вопросов автор пользовался консультациями профессора М. Е. Массона, доктора исторических наук А. Л. Троицкой, кандидата исторических наук Г. П. Васильевой, профессора Б. А. Куфтина, кандидата исторических наук Е. М. Пещеровой, старшего научного сотрудника Музея Краеведения ТССР С. Н. Иомудского, профессора Б А. Каррыева и других лиц.

16) И. Ягелло. Персидско-арабский словарь. Ташкент, 1910, стр. 1615.

17) У Абуль-Гази-Бохадур-хана (Родословная туркмен) и в переводах Махмуда Кашгарского упоминаются аушар, кызык, бекдели, каркын из 24-х огузовских туркменских племен. (Взято из «Шеджерини Теракеме» Абуль-Гази-Бохадур-хана «Родословная туркмен» по переводу Туманского, Асхабад, 1937, стр. 29—30).

18) Расцвет города Языра в X—XII вв. подтверждается исследованиями V отряда ЮТАКЭ на городище Шехр-Ислам, осуществленными в 1947—1948 гг. Б. А. Литвинский и В. Г. Мошкова. «Изучение Така-Языка, Дуруна». Труды ЮТАКЭ, Т. I, Ашхабад, 1949, Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, Т. II, Ашхабад, 1953.

19) История Туркменской ССР. Т. I, Ашхабад, 1957, стр. 274.

20) Бекран, Джахан-Нэме. МИТТ, I, стр. 949.

21) Ага Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Н. Наносов, А. Ю. Якубовский. Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954, стр. 126.

22) Б. А. Литвинский, В. Г. Мошкова. Цит. соч., стр. 284.
23) Там же, стр. 286.
24) Там же, стр. 287.
25) Хафизи-Абру. МИТТ. Т. I, стр. 529.
26) В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа. Сб. Туркмения. Т. I, Л., 1929, стр. 42.
27) Хафиз-и Абру. Извлечения из географического сочинения. Перевод С. Волина. МИТТ. Т. I, стр. 529 и И. П. Петрушевский. Труд Сейфи, как источник по истории Восточного Хорасана, Труды ЮТАКЭ, Т. V, Ашхабад, 1956.
28) В. В. Бартольд. Цит. соч., стр. 42.
29) Мунис-и Агехи. Фирдаус-уль-Икбаль. Перевод П. П. Иванова. МИТТ. Т. II, стр. 323.
30) Абуль-Гази-Бохадур-хан. стр. 201, МИТТ. Т. II, стр. 215—216.
31) Искандер Мунши, Тахир-и-Алям-Ара-и-Аббаси, МИТТ, Т. II, стр. 94.
32) Н. И. Гродеков. Война в Туркмении, Т. I, СПб., 1883, стр. 67. (Об истории текинского племени. См. Обзор Закаспийской области за 1882—1890 гг. Асхабад, 1892, срт. 12—16).
33) Мирза Мехди-хан. Тарихи-Надири. МИТТ. Т. II, М.—Л., 1938, стр. 121.
34) Мунис-и Агехи. Цит. соч., стр. 324, 347. Искандер Мунши. Цит. соч., стр. 87.
35) Обзор Закаспийской области, за 1882—1890 гг. Асхабад. 1892, стр. 13—16.
36) К. М. Федоров. Закаспийская область. Асхабад, 1901, стр. 15.
37) Л. В. Ошанин. Некоторые дополнительные данные к гипотезе скифосарматского происхождения туркмен. Известия Средазкомстариса, III. Ташкент, 1928.
38) А. И. Ярхо. Антропологический состав турецких народностей Средней Азии. «Антропологический журнал», 1923, № 1—2 и В. Я. Зезенкова. Антропологическая характеристика туркменского населения Мурча Бахарденского района. Рукопись фонда ЮТАКЭ.
39) Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 гг. Изд. II. Асхабад, 1897, стр. 17—18.
40) М. П. Петров. Климатическое районирование Туркменистана. «Известия ТуркменФАН СССР», 1946, № I, стр. 31—35.
41) М. П. Петров. Цит. статья, стр. 31—35.
42) Керкав—клен туркменский.
43) Санашик — система землепользования в дореволюционной Туркмении, при которой землей имели право пользоваться только мужчины, состоящие в браке.
44) Мюльк—поместье, владение, имение, недвижимое имущество (главным образом земля и вода), которое без всяких изменений переходит по наследству по мужской линии.
45) Я. Таиров. Тедженский и Мервский уезды и кяризы в Асхабадском и Тедженском уездах. Ч. II, СПб., 1904, стр. 349.
46) Я. Таиров. Цит. соч., стр. 349.
47) М. П. Иваницын. Отчет. Архив Министерства водного хозяйства ТССР, №№ 251—70.
48) Серкар—суточная доля воды.
49) В. И. Масальский. Туркестанский край. Цит. соч., стр. 456.
50) ЦГА Туркменской ССР, ф. 340, д. 55.
51) Архив Райземотдела. Бахарден, 1952—1953 г., стр. 27.
52) Г. П. Васильева. Туркмены-иохурли. Среднеазиатский этнографический сборник, СЭ, Т. XXI, М., 1954, стр. 113.
53) Лох восточный, джида, игде.
54) Г. П. Васильева. Туркмены-иохурли. Цит. соч., стр. 115.
55) То же, стр. 114.
56) То же, стр. 116.
57) Е. М. Пещерова. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые, связанные с ним обычаи. Сб. «По Таджикистану». Вып. I, Ташкент, 1927, стр. 50.
58) «Ханулобя»—обычай соучастия в молоке у грузинских крестьянок. «Этнографическое обозрение», 1898, № 1.
59) Каркас кавказский, железное дерево (дагдан).
60) Вишня мелкоплодная дикая.
61) А. Боголюбов. Ковровые изделия Средней Азии. Вып. I, СПб., 1908, стр. 5.
62) Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области. Цит. соч., стр. 74.

Обзор Закаспийской области за 1899 г., стр. 134. Обзор Закаспийской области за 1911 г., стр. 156—157.

63) М. Е. Массон. Фрагмент из истории распространения в древности шелкопряда «Белек». С. Е. Малову. Сборник статей. Фрунзе, 1946, стр. 47—51.

64) На продажу производился главным образом шелк «гырмызы койнеклик» на женские платья, «гырмызы донлык» на мужские халаты, «гырмызы чабытлык» на женские покрывала и др.

65) Шихи, занимающиеся шелководством, живут в Бахарденском районе Туркменской ССР.

66) Н. Петровский. Шелководство и шелкоткачество в Средней Азии. СПб., 1874, стр 60—61. «Этот способ выводки шелковичных червей посредством натуральной и легкой теплоты человеческого тела, прекрасно заменяющий, просто и удобно, все искусственные выводки червей в Европе, но люди, более опытные в этом деле признают такой способ даже в Италии, где чистоплотность в нескол.ко раз больше, чем в Средней Азии, очень вредным потому, что яички при этом бывают скученные и притом свежего воздуха к ним весьма незначителен, тогда как потребность в кислороде очень велика».

67) Акчоп — растет в изобилии у подножья и в ущелье Копет-Дага. Мелкий кустарник имеет мягкие длинные стебли.

68) Н. Петровский. Шелководство и шелкоткачество в Средней Азии. СПб., 1874, стр. 117.

69) В. И. Иванов. Состояние шелководства в Закаспийской области и Туркестане в 1900 г. Изв. Кавказской шелководческой станции за 1900 г., Вып. I, Тифлис, 1900, стр. 4.

70) У мурчинцев «чархыза перрик», у нохурцев «келеп перрик», у текинцев «келеп агаджи», у шихцев леклеки.

71) То же у нохурцев ср. Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. Цит. соч., стр. 118—120, на стр. 120—рисунки станков для размотки шелка.

72) А. Кирпичников. Краткий очерк некоторых туземных промыслов Самаркандской области, «Справочная книжка Самаркандской области». Вып. V, Самарканд, 1897, стр. 155—162.

73) Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 гг. Асхабад, 1897, стр. 80.

74) Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 120.

75) Ноуверт — деревянный брус гладкой поверхности; справа имеет отверстие для закрепления при наматывании готовой ткани. Диаметр его 7—8 см.

76) В. Г. Мошкова. Труды ЮТАКЭ, Т. II. Ашхабад, 1953, стр. 324.

77) Кундук — род посуды, напоминающий кавказские кувшины. Завозились из Ирана.

78) В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища. «Труды ЮТАКЭ». Т. III, М., 1953, стр. 11. Ст. Д. М. Овезов. К истории селения Мурча. Известия АН ТССР, 1953, № 5, стр. 9.

79) В 1887 г. из-за земельной тесноты было выселено 17 хозяйств.

80) А. А. Олсуфьев и В. П. Панаев. По Закаспийской военной железной дороге. Путевые впечатления. СПб., 1899, стр. 45.

81) Д. М. Овезов. К истории селения Мурча. Известия АН ТССР, 1953, № 5, стр. 10—12.

82) Труды ЮТАКЭ. Т. III. Цит. соч., стр. 12.

83) Сэхет гун считаются дни анна-жума (пятница), душембе (понедельник), чаршенбе (среда) и пешенбе (четверг).

84) Этим же инструментом теше, по-таджикски теша, работают мастера-плотники горного Таджикистана, (см. Н. Н. Кисляков, Жилище горного Таджикистана бассейна реки Хингоу. «Советская этнография», 1939, № 2, стр. 155).

85) О том, что мурчинцы не употребляли юрт, по литературным данным известно с конца прошлого столетия, когда однако ошибочно считалось, что они пользовались «саклями персидского типа». См. напр. Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь, Асхабад, 1900, стр. 40. Наличие у мурчинцев, как и у других туркменских племен, своей народной жилой архитектуры впервые выявлено и доказано работами ЮТАКЭ. См. М. Е. Массон. Некоторые итоги работ ЮТАКЭ и перспективы археологического изучения Южного Туркменистана «Известия Академии наук Туркменской ССР», 1951, № 1, стр. 97; В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Цит. соч., стр. 11.

86) Н. А. Кисляков. Цит. соч., стр. 159.

87) В. Л. Воронина. Старые жилые дома в Фергане. «Архитектура СССР» 1940, № 3, стр. 42.

88) Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949, стр. 223.

89) В прошлом оседлые туркменские племена, не имея стекла в оконных проемах, навешивали ставни, а в теплое время года, когда спали в комнате, для доступа воздуха открывали эти ставни, но, чтобы предохранить комнаты от бродячих кошек и собак, делали решетки, отсюда название «пенжере».

90) Мурчинцы и текинцы Ахала называют «двери»—«гапы», Мервские текинцы—«ишик», нохурли—«эшик».

91) Обзор Закаспийской области за 1890—1896 гг. Асхабад, 1897, стр. 27.

92) Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 гг. Изд. II. Асхабад, 1897, стр. 17—18.

93) См. Труды ЮТАКЭ. Т. I, Ашхабад, 1949, стр. 158.

94) Н. Муравьев. Путешествие в Туркмению и Хиву. 1819—1820 гг. Ч. II. М., 1822, стр. 126—128; А. А. Ольсуфьев и В. П. Панаев. По Закаспийской военной железной дороге, стр. 44—45; В. И. Масальский. Туркестанский край, стр. 388; М. И. Рубин. Вопросы оздоровления Туркменистана. Ашхабад, 1929, стр. 67.

95) Таким же методом получают масло киргизы. См. В. И. Масальский. Туркестанский, край, стр. 500.

96) Туркмены вообще молока не кипятят; как только появляется на поверхности пенка, считают молоко вполне готовым к употреблению.

97) Подобная пища у горных таджиков называется «семену», у туркмен «семени», у равнинных и оседлых узбеков оно известно под названием сумалак.

98) Религиозные праздники «ораза», «курбан байрам» мурчинцы теперь почти не отмечают, за исключением некоторых стариков.

99) Старики, достигшие возраста пророка Мухаммеда—62-х лет, заранее заготавливают необходимое количество белого материала себе на саван.

100) Б. А. Куфтин. Материальная культура русской Мещеры. М., 1926, стр. 22—23.

101) У нохурцев рубахи стариков... иногда края ворота и рукавов обшивались черной тесьмой». «Г. П. Васильева». Цит. соч., стр. 155.

102) А. И. Кияшко. Цит. соч., стр. 277; Ф. А. Михайлов. Цит. соч., стр. 45. Доктор М. Рубин пишет: «Одежда иомудов Приатречья несколько отличается от одежды других туркмен широчайшими шароварами из суровой бязи и бязевой же рубахи». См. М. Рубин. Вопросы оздоровления Туркменистана. Ашхабад, 1929, стр. 72.

103) Чермеклик—рубец, через который пропускают учгур (тесьму).

104) Г. П. Васильева. Туркмены нохурли.. Цит. соч., стр. 167.

105) Для обозначения как мужской, так и женской чалмы, в Средней Азии употребляется термин «салля». О. А. Сухарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954, стр. 326. Туркменское произношение «селле».

106) В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1927, стр. 78.

107) Учебник по литературе для 7-х классов, Ашхабад, 1954, стр. 28. (стихотворение народного шахира Ата Копек Мерген).

108) М. И. Рубин. Цит. соч., стр. 72.

109) Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 161.

110) О. А. Сухарева. К истории костюма населения Самарканда. Бюлл. АН Уз.ССР, 1945, №№ 11—12, стр. 40—41.

111) Борук марыйских женщин в верхней части расширяется, образуя конусообразную форму.

112) Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 169.

113) У нохурцев незамужняя женщина также носит девичью тюбетейку. См. Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 170.

114) Подобная детская одежда есть у текинцев «ала-елек курте» и у хивинских иомудов «елек».

115) Серьги носят также иомудки и текинки.

116) Такой браслет в 1954 г. приобретен Музеем истории АН ТССР в составе вещей, принадлежавших супруге Махтумкули-хана.

117) Туркменская девичья тахья отличается от тахья других среднеазиатских народностей своими нашивными серебряными украшениями.

118) О. А. Сухарева. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии. Среднеазиатский этнографический сборник, М., 1954, стр. 311.

119) В. Н. Белицер. Народная одежда удмуртов. Труды Института этнографии Новая Серия. Т. X. М., 1951, стр. 57.

120) С. П. Толстов. Основные вопросы древней истории Средней Азии. «Вестник древней истории», 1938, № 1. Новогодний праздник «Каландас» хорезмских христиан начала XI в. СЭ, 1946, № 2.

121) Автор в одной своей поездке беседовал со стариком, строющим дом в новых условиях и оказывающим соседскую помощь женщине-вдове. Он сообщил следующее. Если прежде евар делал в Мурча Карахан Агахан-оглы или Мухамеднияз Сейтнияз-оглы, то ходили всем аулом, мне помнится один раз на 50 верблюдах привозили дров с гор. Оба они были раскулачены во время коллективизации.

122) М. А. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа. СЭ, 1946, № 2, стр. 119.

123) Ср. Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 178.

124) Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 89.

125) По сей день в народе о человеке, который хочет диктовать свою волю, говорят: «Кетхудачылык этме», т. е. диктаторствовать. Четыре аксакала составляли совет старейших, выбираемых из четырех древних родов.

126) А. П. Поцелуевский. Племя нохурли. Туркменоведение, 1931, № 5—6, стр. 30—34.

127) Д. М. Овезов. К истории племени мурчали. Труды ЮТАКЭ, Т. V. Ашхабад, 1955, стр. 183.

128) К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 694.

129) Там же.

130) Г. П. Васильева, Цит. соч., стр. 180.

131) С. П. Толстов. Родовое деление туркмен. Рукоп. фонд АН ТССР, рук. № 607, стр. 46.

131) Слово «ника» означает брак, женитьба.

133) Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области ТССР. Среднеазиатский этнографический сборник, М., 1954, стр. 11.

134) Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 гг. Изд. второе. Асхабад, 1897, стр. 17—18.

135) Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 187.

136) Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 11.

137) В. И. Масальский. «Туркестанский край», Цит. соч., стр. 389.

138) У нохурцев ребенка клали в колыбель после того, как мать поднималась с постели, Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 192.

139) Н. В. Брюллова-Шаскольская. На Аму-Дарье. «Новый Восток», 1927, № 16—17, стр. 302.

140) Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 192.

141) Махтумкули. Антология туркменской поэзии. М., 1949, стр. 93.

142) Туман равнялся до революции 1 рублю 75 копеек.

143) Танап равняется 400 метрам.

144) Кран равнялся до революции 18 копейкам.

145) Довлетшин. Народный суд в Закаспийской области. Закаспийское обозрение, 1902, № 153.

146) Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 196.

147) П. Н. Огородников. Очерки Персии. СПб., 1878, стр. 300.

148) У нохурцев девушка считалась гелин-невестой с момента «ширин». Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 196.

149) Енне—жена старшего брата или двоюродного брата, а в дальнейшем жена старшего брата мужа считается енне и по отношению к невесте:

150) У нохурцев эта церемония оформления происходила в доме родственника. Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 197.

151) Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 198.

152) Д. Г. Иомудская-Бурунова. Женщина старой Туркмении, М.—Ташкент, 1931 (1933), стр. 28.

153) Н. В. Брюллова-Шаскольская, Пережитки древних форм семьи и брака у туркмен. Известия Средазкомстариса, вып. III, Ташкент, 1928, стр. 212:

154) Д. Г. Иомудская-Бурунова. Цит. соч., стр. 29.

155) Н. В. Брюллова-Шаскольская. Цит. соч., стр. 208.

156) Г. И. Карпов. Критика и библиография. Туркменоведение, № 1, 1929.
157) Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 201.
158) А. Ломакин. Обычное право туркмен. Асхабад, 1897, стр. 15.
159) Г. П. Васильева. Цит. соч., стр. 201.
160) Там же.
161) Д. Г. Иомудская-Бурунова. Цит. соч., стр. 27.
162) В. И. Ленин. Речь на 1-м Всероссийском съезде работниц 19 ноября 1918 г.
163) С. П. Толстов. Религия народов Средней Азии. Сб. Религиозные верования народов СССР. Т. I, М.—Л., 1931, стр. 242.
164) Х. Г. Бахтиаров. Остатки огнепоклонства у туркмен. Туркменоведение, Ашхабад, 1928, № 9, стр. 15.
165) Н. Д. Логафет. Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. II, СПб., 1911, стр. 21.
166) Н. Д. Логафет. Цит. соч., стр. 43.
167) Там же, стр. 47.
168) М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение. Труды ЮТАКЭ. Т. I. Ашхабад, 1949, стр. 21.
169) По мнению доктора исторических наук А. Л. Троицкой, а так же М. С. Андреева, С. П. Толстова и др., катание на качелях, омовение (очищение) водой, бытовавшие не так давно среди мурчинцев в дни курбан байрама, приготовление из последнего урожая в начале весны семени, прыганье через костер в среду—все это остатки доисламских новогодних обрядов, приуроченных к мусульманским праздникам.
170) Б. Каррыев. Туркмен фольклорындакы агылар. Известия ТФАН СССР, Ашхабад, 1946, № 2, стр. 15.
171) В. В. Бартольд. Ислам. ч. II, 1918, стр. 75.
172) Ср. Ф. А. Михайлов. Религиозные воззрения туркмен Закаспийской области. Сборник материалов по мусульманству. Т II. СПб., 1899, стр. 90.
173) Вероятно отнесение племени авшар к древнему возникло в представлении народа позже в связи с приходом в край текинцев с целью доказать свою принадлежность к туркменам, т. е. огузам.

В. А. ЛЕВИНА

К ВОПРОСУ О ГЕНЕЗИСЕ И ТИПАХ ПОЗДНИХ ПОСЕЛЕНИЙ ЮЖНОЙ ТУРКМЕНИИ

(по данным археологии)

Вопрос о развитии города в Средней Азии, его социально-экономической жизни и историко-топографическом облике давно уже является кардинальным вопросом для советской исторической науки. Однако до недавнего времени советские ориенталисты обращались главным образом к античности и средневековью и сосредотачивали свой интерес на истории только крупных городов, известных как резиденции правителей отдельных областей, или как столицы государства, не интересуясь рядовыми городами, которые иногда дают больше материала для понимания социальных проблем.

Систематическое и планомерное обследование средневековых и античных поселений Средней Азии было проведено в различных районах лишь в недавнее время. Археологические исследования А. Н. Бернштама в Киргизии, С. П. Толстова в Хорезме, А. Ю. Якубовского в Таджикистане, М. Е. Массона в УзССР, КирССР, КазССР и ТССР, А. Х. Маргулана в Казахстане привели к очень важным наблюдениям, позволили сделать обобщения, углубить вопрос о развитии городов и осветить важные разделы в социальной и политической истории Средней Азии[1]. Однако комплексного обследования и анализа поселений XVIII—XIX вв. не производилось; по крайней мере в имеющейся научной литературе сведений об этом нет. Справедливость требует отметить, что этот вопрос не был оставлен без внимания советскими учеными, и что изучение отдельных городов ими предпринималось; так, например, Я. Г. Гулямов исследовал г. Хиву[2], а в 1926 году по инициативе СредАзбюро ЦК ВКП(б) было проведено изучение современного кишлака Средней Азии в целях установления его социально-экономической характеристики[3]. Коллектив исследователей, проделавших эту работу, не задавался вопросами архитектуры и градостроительства, которые нашли отражение в специальных исследованиях, проводимых архитекторами по линии Средазкомстариса, а позднее Комитета по делам строительства и архитектуры при Совете Министров УзССР.

Таким образом, вопросы изучения народной архитектуры и поздних поселений Узбекистана в какой-то мере нашли отражение в литературе.

Но еще до самого недавнего времени этого нельзя было сказать о Туркмении, в отношении которой эта чрезвычайно важная для изучения сложения туркменской культуры проблема совершенно не освещалась. Вот почему в программу работ Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, с первых же лет М. Е. Массоном было поставлено массовое обследование и комплексное изучение поселений Южной Туркмении для получения материалов о наличии (или же отсутствии?) самобытной городской культуры у туркмен. Разрешение этой проблемы имеет чрезвычайно важное значение не только для истории культуры туркменского народа, но и для истории его общественного развития, поскольку жилье и в особенности поселение отражают условия материальной жизни данного общества. При этом автор считает необходимым подчеркнуть, что к всестороннему изучению позднего туркменского поселения должны быть привлечены данные как истории и этнографии, так и археологии, так как некоторые вопросы могут быть решены лишь на основании тех фактов, которые может дать их археологическое изучение.

В период полевых работ 1946—49 гг., произведенных ЮТАКЭ в отдельных районах Южной Туркмении, автором настоящей работы были обследованы нижеследующие поселения: Анау и Багир в Ахале, Пештак и Хивеабад в Атеке, Байрам-Али, в Мервском оазисе, Бурдалык, Астана-Баба, Хатаб, Бассага в оазисах среднего течения Аму-Дарьи[4].

Предполагаемая работа не может претендовать на исчерпывающее решение вопроса о градостроительной культуре туркменского народа, она является только началом исследования этого большого вопроса. Однако работы, проведенные в ЮТАКЭ, позволяют с полным основанием опровергнуть общераспространенное до сих пор мнение об отсутствии городов и стационарного жилья у туркмен. Обследование позволило выявить совершенно оригинальные архитектурно-планировочные принципы, имеющие черты отличные от зодчества сопредельных республик Средней Азии и тем более от архитектуры Ирана и Афганистана.

Изучение городов и сельских поселений не могло ограничиться формально-типологическим описанием планировки и типов жилья. Важно было вскрыть социально-экономическое и политическое содержание поселения, чтобы понять его планировочную структуру и архитектурный облик. Такая постановка повлекла за собой привлечение автором материалов, освещающих вопросы социально-экономической жизни туркмен в рассматриваемый период, так как тема поселения и жилья не может рассматриваться изолированно от его материальной основы. Разработка этого круга вопросов, не имея в виду решения проблем этногенеза туркмен или развития у них экономической и политической жизни в XVIII—XIX вв., была направлена на всестороннее освещение основной темы работы.

Настоящее исследование, основанное на частичном охвате археологического материала, не отражает всех локальных типов жилья Туркмении и всех возможных типов поселений; оно является первым этапом в изучении поздних поселений туркмен.

ОЧЕРК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ У ТУРКМЕН В XVII—XIX вв.

Вопрос о характере поздних поселений и жилья в Южной Туркмении естественно привел к необходимости освещения существовавших у туркмен в этот период социально-экономических отношений, так как поселения представляют собой явление социально-экономического порядка и не могут быть абстрагированы от своей материальной основы.

При изучении поселений и их характеристике мы должны исходить из того основного положения, что тип и форма поселений зависели от степени развития призводительных сил и от характера производственных отношений.

Градообразующие факторы, т. е. естественно-географические условия, пути сообщения, состав населения, торговля, ремесло, земледелие, в совокупности влияли на формирование и рост поселений, на их характеристику. В условиях Туркмении и в этом отношении большую роль играла ирригация, так как без воды нет жизни, «где кончается вода, там кончается и земля», — говорит туркменская пословица.

Прежде всего необходимо решить вопрос о том, имелись ли на территории Туркмении в XVIII—XIX вв. предпосылки для возникновения и развития городских поселений и городов. Известно, что город впервые слагается при переходе к рабовладельческой формации в результате отделения ремесла от сельского хозяйства. К. Маркс говорит, что с переходом от племенного строя к государству, от местной ограниченности к нации, начинается противоположность между городом и деревней и тянется через всю историю цивилизации[5].

В XVIII—XIX вв. туркмены, несомненно, находились уже на стадии феодальных отношений, хотя они и были осложнены всевозможными патриархальными пережитками. Эта форма полупатриархального полуфеодального быта не являлась какой-то особой формой общественного строя, а развивалась на основе общих экономических законов феодализма[6]. Конкретный анализ социально-экономического строя поздней Туркмении представляет определенные трудности, поскольку почти нет печатных трудов, освещающих этот вопрос с марксистских позиций. Разрозненные сведения, имеющиеся в различных первоисточниках и работах, отражают только некоторые стороны экономики туркменского хозяйства, главным образом, земледелие и скотоводство. Действительно эти последние занятия преобладали в туркменском народном хозяйстве. Однако было бы ошибочно не замечать постепенного р а з в и т и я других отраслей экономики, которое влекло отделение ремесла от сельского хозяйства, к складыванию товарно-денежных отношений, к образованию различных социальных групп. Теперь уже никто не сомневается в том, что туркменское общество в целом было феодальным, а следовательно и классовым;

Кроме основных двух классов — феодалов и эксплуатируемого мелкособственнического крестьянства — были торговцы и ростовщики, батраки и рабы. Как установлено работами советских историков[7], миф о сохранившемся родовом бесклассовом обществе у туркмен XVIII—XIX вв. не имел под собой никаких реальных оснований.

Следовательно, поскольку, как указывалось выше, земледелие и скотоводство имели большой удельный вес в экономике Туркмении XVIII—XIX вв., то мы и начнем наш обзор с этих основных занятий населения.

В жизни земледельческого оседлого населения Туркмении большое место занимала обработка земли, тогда как в жизни кочевого скотоводческого первенствовало животноводство. Среди земледельческого населения оазисов длительное время сохранялся культ «покровителя» земледелия Баба-Дайхана, восходящий к глубокой древности, как пережиточное явление; отголоски его отмечаются этнографами и сейчас[8]. Археологические остатки в некоторых районах Туркмении (Анау, Багир, Пештак) свидетельствуют о занятии древних насельников Туркмении виноградарством, садоводством и огородничеством, что еще лишний раз доказывает древность земледельческой культуры у туркмен[9].

Низкий уровень культуры земледелия, примитивные орудия труда и техника обработки земли в XVIII—XIX вв. влекли за собой низкую урожайность и как следствие полуголодное существование дехкан. В связи с недостаточностью оросительной воды везде применялась переложная система хозяйства.

Скотоводство в оазисах в основном было отгонным; разводили крупный и мелкий рогатый скот: верблюдов, ослов и лошадей. Обширные степные пространства Туркмении способствовали развитию животноводства, которое особенно значительную роль играло в районах восточного побережья Каспийского моря и на просторах Кара-Кумской пустыни, где пастьба скота производилась возле колодцев.

Среди кочевников также уже шло классовое расслоение и определенно выраженное имущественное неравенство. Средством эксплуатации служили не только скот, но и пастбища и колодцы, в основном находившиеся во владении феодально-родовой верхушки общины или даже отдельных феодалов, которые, владея основными средствами производства и опираясь на пережитки родовых отношений, эксплуатировали бедноту[10]. Мы не останавливаемся на детальной характеристике отношений среди кочевого населения, так как целью нашего исследования является оседлое население оазисов, для которого животноводство являлось подсобным занятием. В хозяйственной деятельности целого ряда туркменских племен, как например, нохурли, анаули, мурчали и др., животноводство имело такой незначительный удельный вес, что у них не выработалось даже специальной связанной со скотоводством терминологии[11], как это имело место у теке, иомудов и др., у которых животноводство преобладало.

Поскольку земледелие в оазисах Туркмении возможно было только при условии искусственного орошения, которое требовало колоссальной затраты организованного человеческого труда, постольку, как указывал К. Маркс, большое значение приобретала община, область или центральная власть, которая организовывала и упорядочивала все земельно-водные отношения[12].

В досоветский период изучение земельно-водных отношений у туркмен не шло дальше регистрации фактов, причем и земельно-водные от-

ношения и община рассматривались, как нечто статичное и неизменное, застывшее в рамках родовых отношений. Заслугой советских ученых явилось то, что они подошли к этим фактам с позиций диалектического материализма, рассматривая их в развитии и взаимосвязи, и совершенно правильно отметив, что в XVIII—начале XIX вв. регулирование земельно-водных отношений у туркмен было далеко .не уравнительным и отнюдь не походило на то справедливое родовое право и равенство членов родовой общины, воспоминания о которых являлись скорее преданиями о «добром старом времени», хранившимися в памяти стариков.

Нельзя не обратить внимания на то, что в этот период уже обозначилось довольно продвинутое классовое расслоение; в некогда уравнительной общине наравне с санашиковыми, т. е. построенными по принципу общинного владения, встречаются мюльковые отношения, в которых ярко проявляется частнособственнический принцип владения землей и водой.

Чаще всего в Туркмении XIX—XX вв. встречались общины со смешанным типом земельно-водных отношений, что свидетельствовало о незавершенном процессе классового расслоения. Этот процесс полностью не завершился даже к моменту Великой Октябрьской социалистической революции. Поэтому туркмены XIX—XX вв. являют собой яркую иллюстрацию правильности ленинского тезиса о возможности перехода от феодализма к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, при условии братской помощи со стороны более развитого победившего пролетариата[13], каким по отношению к туркменам явился русский пролетариат.

Земельно-водные отношения у туркмен описаны в литературе уже не раз, поэтому в детальном изложении здесь нет надобности; напомним только те положения, которые необходимы нам для уяснения степени подвинутости разложения туркменской общины. Земля и вода в принципе являлась собственностью общины, т. е. «санашик». Собственностью общины являлись все естественно орошенные земли, а также вся необработанная и неорошенная земля в пределах территории общины — «мавот». После того как земля «мавот» была орошена, т. е. на нее был затрачен труд, она становилась собственностью того, кто этот труд затратил. Если землю «мавот» оросила община в целом, то земля переходила в разряд «санашик».

Земля и вода, принадлежавшие роду, ежегодно перераспределялись между членами общины.

Наряду с общинным существовало и частновладельческое (мюльковое) землевладение. Пути образования мюльковых земель были следующие:

1. Земля становилась «мюльковой» в тех случаях, когда община, переселившись на новые земли и захватив уже орошенные участки изгнаных прежних насельников, распределяла захваченную добычу между общинниками поровну (при дележе лучшие участки естественно забирала себе феодально-родовая верхушка).

2. Земля становилась частновладельческой, если была орошена кем-нибудь из общинников своими силами, тогда она переходила в его

собственность со всеми вытекающими отсюда последствиями: её могли продавать, дарить, завещать. Обозначалась такая земля термином «мюльк», которым и в среднеазиатских ханствах, да и на всем Востоке обозначалось частное владение землей. Земля переходила в разряд «мюльк» также и в тех случаях, когда орошение её одним или группой общинников[14] осуществлялось с помощью кяризов. В обоих этих случаях мы имеем все основания предполагать, учитывая физико-географические условия Средней Азии, что такое освоение земельного участка могло быть под силу какому-нибудь хану, сардару, аксакалу и др.[15]. Следовательно, этот общинник еще до освоения земли имел какие-то преимущества перед своими соседями, что указывало на первоначальные элементы социального неравенства.

Помимо этого основного условия перехода земли в разряд «мюльк»— орошения собственными силами мертволежащей земли — адат предусматривал еще некоторые случаи (раздел захваченных земель), которые также позволяют нам сделать заключение о социальных процессах, происходивших в недрах той общины, которая дореволюционным, да и некоторым советским исследователям, продолжала казаться «уравнительной» и «родовой».

Как известно, во главе общины давно уже стояла общинная администрация — аксакал, мираб, кази — первоначально выборная, а к концу XVIII — началу XIX в. уже наследственная[16]. Эта общинная администрация имела право на получение лучших участков, как при ежегодных переделах «санашиковой» земли (причем им, как и во всякой восточной общине полагался дополнительный надел за выполнение своих административных функций), а также когда община, переселившись на новые земли и захватив уже орошенные участки изгнанных прежних насельников, распределяла добычу между общинниками. Надел этой, рассматривавшейся в виде военной добычи, земли, полученной общинником, считался уже его мюльком, т. е. частным владением. Эти земли, по установившемуся обычаю, становились собственностью общинника, использовались каждым из них как приусадебные участки под сады и виноградники и переделу не подлежали. Особенное значение мюльковое владение получило в конце XIX—начале XX в. в связи с присоединением к России и широким распространением таких трудоемких и доходных культур, как хлопок, люцерна, виноград и др.

Как в «санашиковой», так и в «мюльковой» общине единица доли оросительной воды, приходившаяся на каждого общинника, носила название «су»[17].

Члены общины, пользующиеся «су», т. е. долей воды и земли, несли все повинности, связанные с очисткой каналов, возведением дамб и плотин, а также по вооруженной охране земель, водных источников и посевов, которые часто становились объектом нападения[18]. Полноправным членом общины, т. е. имевшим право на получение «су», считался только «никах», т. е. женатый член общины. Это на первый взгляд «уравнительное» положение, на самом деле являлось одним из средств, способствовавших укреплению позиций все более феодализирующейся общинной верхушки, поскольку феодалы и богатые владельцы мюльков

для увеличения своих наделов использовали представлявшееся шариатом право женить своих малолетних сыновей, внеся установленный ададом калым. В то же время бедные общинники сплошь и рядом не могли получить земли, поскольку для этого требовалось предварительное вступление в брак, что было связано с уплатой калыма за невесту. Таким образом, это на первый взгляд совершенно невинное условие получения «су», основанное на естественном стремлении каждого человека иметь семью, явилось средством, ускорявшим социальное расслоение в туркменской общине и одновременно создавшем условия для эксплуатации имущими общинниками неимущих, поскольку последние, чтобы стать никахами поневоле должны были прибегать к займам (с последующей отработкой) для уплаты калыма или к «каренде», т. е. аренде «су» у общины или владельца «мюлька».

Довольно распространенное наличие в XVIII—нач. XIX вв. в туркменской общине безземельных, пользовавшихся «су» на правах «каренда»[19], говорит о том, насколько подвинулся к этому времени процесс расслоения туркменской общины и её феодализации. Все попытки бедноты найти выход из этого положения путем создания институтов «кайтарма» и «каршалык»[20] не снижали остроты вопроса о браке и калыме, как условии для получения «су», так как анализ судебных процессов, рассмотренных в период 1894—1898 гг., показал, что более $^1/_3$ этих процессов касалось регулирования выплаты калыма[21]. В результате невозможности осуществить право на воду и землю, беднейшие члены общины становились арендаторами и батраками.

Постоянным источником пополнения контингента безземельных бедняков была еще и группа отбившихся от своей общины новоселов, прибывших на территорию данной общины без приглашения последней. Эта группа, не получая от общины ни земли, ни воды, увеличивала число батраков и арендаторов[22], естественно подвергавшихся еще более безжалостной эксплуатации, чем безземельные члены общины.

Кроме общинной земли (санашик) и частновладельческой (мюльк), эта безземельная беднота могла арендовать землю на правах феодальной издольной аренды также и на вакуфных землях (вакуф — су, добровольно отчуждавшееся общиной в пользу культовых учреждений)[23], или на землях «силах—су»[24], добровольно подаренных общиной духовным и почетным лицам в их наследственное пользование.

Все эти формы землеводопользования, не исключая и «санашик» (вспомним, что «су» мог получить только «никах»), вели к концентрации воды и земли в руках феодально-родовой знати и тем самым к её господству в общине[25].

В туркменской общине в рассматриваемый период была и еще одна, социально совершенно бесправная группа рабов — «кул» (военнопленный или купленный) и «кырнак» (рожденный от рабыни). Контингент рабов создавался в результате захвата пленных во время военных действий. Заключение в 1873 г. договора России с Хивой — главным рынком работорговли, положило конец торговле рабами, но в среде туркмен институт рабства сохранялся довольно долго.

В связи с обезземеливанием, вызванным эксплуататорским характером распределения «су», в недрах общины множилась прослойка производителей, отделенных от средств производства, что давало простор для самой широкой их эксплуатации феодально-родовой верхушкой под сенью «адата», в рамках феодально-патриархальных отношений.

Картина социально-экономических отношений в туркменской общине не будет полной, если не упомянуть о самом страшном биче крестьянства в период феодализма, каким являлось ростовщичество — в особенности в Средней Азии[26].

Таковыми приблизительно представляются нам земельно-водные отношения в XVIII—начале XIX вв. в значительной части Южной Туркмении (как мы увидим ниже, в приамударьинских оазисах, подчиненных Бухаре, эти отношения регулировались в соответствии с феодальной практикой ханства); функции общины фактически перешли к бывшей родоплеменной, теперь феодальной её верхушке.

Процесс социальной дифференциации уже в XVIII в. привел к образованию различных социальных групп внутри общины. О таком расслоении можно судить на основании официальных придворных хроник, в которых мы под терминами «влиятельные лица племени» и противопоставляемого им «простого народа» видим основное деление на эксплуататоров и эксплуатируемых. Хивинские хроники весьма подробно расшифровывают нам социальное содержание этих двух основных групп. Так, например, неоднократно упоминается о ханах, сердарах, векилях, аталыках, онбегиях, шейхах, токсабах, купцах; встречаются и такие термины как военачальники и предводители или знатные люди племени[27]. Все это представители класса эксплуататоров. «Простой народ», т. е. рядовые члены общины, носят также название «фукара». Этот термин покрывает собой не только мелких собственников воды и земли, ремесленников, но и батраков и безземельных арендаторов[28].

Краткий обзор социальных отношений в основных отраслях экономики Туркмении XVIII—XIX вв. — земледелии и скотоводстве — свидетельствует о наличии частной собственности на средства производства — землю, пастбища, скот и колодцы. Общинная собственность находилась в стадии довольно далеко продвинутого разложения, подвергаясь серьёзным ограничениям со стороны феодально-родовой знати, которая сама занималась распределением земли и воды[29]. Все более и более резким становилось имущественное неравенство, реминисценции родовых связей использовались как средство скрытой эксплуатации общинников[30].

К концу XVIII—нач. XIX вв. в оазисах Туркмении ощущалась значительная теснота из-за недостатка оросительной воды, с одной стороны, концентрации земли в руках феодальной верхушки, с другой. Эта земельная теснота имела своим последствием начавшееся отделение ремесла, до того являвшегося составной частью натурального хозяйства туркменского общинника.

Все более часто община, в которой не хватало воды для орошения посевов всех ее членов, переходила к практике чередования посевов; одна часть населения засевала свои участки, а другая уходила на отхожие промыслы, причем роли ежегодно менялись. Имели место и худшие

условия; так, например, община Берсен в Мервском оазисе постоянно находилась в состоянии водного голода — дневное «су» дехканина равнялось всего 1½ минутам. Члены этой общины сдавали свои доли «су» в аренду и занимались ремеслом (изготовляли каркасы для юрт) и отхожими промыслами[31].

Таким образом, ремесло начало играть немаловажную роль в народном хозяйстве Туркмении XVIII—XIX вв., выходя уже в какой-то мере за рамки домашнего ремесла, превращаясь периодически в источник существования. Изделия туркменского ремесла уже давно превратились в предмет не только натурального обмена, но и торговли, как между оазисами и степью, так и за пределами Туркмении. Широкую известность имели текинские ковры и различные ковровые изделия, шерстяные халаты из верблюжьей шерсти, которыми особенно славились сарыки, ковры иомудов и эрсари; текинцы разводили особую породу скакунов, славившихся далеко за пределами Туркмении и даже Средней Азии. Местное распространение имели нохурские и мурчинские шелковые ткани, седла, каркасы для юрт, изделия туркменских ювелиров, оружейников, кожевников, гончаров и других ремесленников[32] и носили характер товара.

В связи с растущим обезземеливанием населения оседлых оазисов Туркмении ремесло, как средство существования, получало все более широкое распространение. В. Л. Петров, обследовавший Теджено-Мургабский район в 1909 г., приводит перечень специальностей и количество лиц, для которых то или иное ремесло являлось постоянным занятием; больше всего оказалось сапожников (245 ч.), кибиточников (162 ч.), шапошников (114 ч.), ковровщиков (111 ч.), ювелиров (81 ч.). Меньшую по количеству, но все же значительную группу составили специалисты-строители, в том числе плотники 63 ч., кирпичники 35 ч., столяры 21 ч., каменщики 5 ч. Тот же исследователь отмечает наличие кузнецов, слесарей, лудильщиков, жестянщиков[33]. Перечень таких специальностей весьма показателен, поскольку он говорит нам не только о наличии ремесленников, по роду своей деятельности совершенно оторванных от земли, но и весьма подвинутой специализации внутри профессии. Такие ремесленники со своими немудреными инструментами бродили по Туркмении; в поисках работы они заходили даже в Бухару. С. Айни в своих мемуарах отмечает эпизод с туркменами-строителями, несправедливо обиженными бухарским феодалом[34]. Автору настоящей работы при обследовании Кизыл-Аякского района тоже пришлось слышать от старожилов о бродячих ремесленниках[35]. Такие ремесленники могли бродить по стране в поисках заработка только при условии наметившегося отделения их от сельского хозяйства. Хотя ремесло, как таковое, еще полностью не отделилось от сельского хозяйства, однако такая тенденция уже наметилась, а в некоторых поселениях городского типа (Анау, Пештак) произведенные ЮТАКЭ археологические исследования с несомненностью позволяют установить наличие специализированных кварталов ремесленников — гончаров, ювелиров, кузнецов и оружейников, имевших, вероятно, свои мастерские; среди таких ремесленников, несомненно, были и мастера—усто.

Если в XVIII в. у оседлого населения земледельческих оазисов Туркмении мы отмечаем значительно подвинутый процесс выделения ремесла из натурального хозяйства, продукты которого стали предметами иногда весьма оживленной торговли, то у прикаспийских полукочевых туркмен этот же самый процесс отмечается в отношении занятия рядом промыслов, связанных с охотой, рыболовством и добычей ископаемых— нефти, соли и озокерита. Уже и раньше рыба, соль, ковры, лебяжий пух, меха, нефть, озокерит являлись предметами торговли с Бухарой, Хивой, Афганистаном, Ираном и Россией[36], но тогда превращение всех этих продуктов полунатурального хозяйства в товар носило случайный характер. В конце же XVIII в. в особенности в XIX в. мы видим и здесь развитие феодальных отношений — на одной стороне были владельцы средств производства: нефтепромыслов, рыбных промыслов, а на другой—эксплуатируемая беднота—испольщики, а иногда и наёмные рабочие[37]; и хотя все это прикрывалось формами общинных отношений,—эксплуатация носила самый беззастенчивый характер.

На базарах туркменских городов и городских поселений, под которые отводились специальные площади с гостиничными и торговыми помещениями (Анау, Пештак, Астана-Баба, Байрам-Али)[38], с древнейших времен продукты скотоводства обменивались на ремесленные изделия и продукты сельского хозяйства.

При всей слабости товарно-денежных отношений на внутреннем рынке, туркмены, однако, имели довольно развитую торговлю[39]; помимо внутренней торговли между степью и оазисами шла меновая, а затем и на деньги торговля с Россией и сопредельными государствами — Бухарой, Хивой, Афганистаном и Ираном. Так, например, Боде упоминает о торговле иомудов с Гиляном и Мазендараном солью и нефтью, а с Россией — соленой рыбой и пухом водоплавающих птиц; то же самое отмечал и М. Венюков, хотя скептически отказывался считать торговлей поставку в Россию этих продуктов[40].

Усиление концентрации земли в руках общинной верхушки, и, в связи с этим, растущее обезземеливание неимущей части общинников, развитие товарно-денежных отношений, рост ростовщичества — углубляли пропасть между имущими и неимущими, усиливали вес общинно-феодальной верхушки, в руках которой сосредотачивались богатство и власть. Все более резко проявлявшаяся социальная дифференциация и усложнявшаяся структура туркменского общества были новыми явлениями в социальной жизни Туркмении XVIII—XIX вв., и они создавали предпосылки для возникновения и развития поселений городского типа и городов, отражаясь в планировке поселений, в характере жилья. Довольно четко прослеживается специализация кварталов, размещение усадеб на территории поселения. Величина усадеб и наличные хозяйственные строения, планировка и отделка жилья — все это позволяет сделать заключение о социальном положении владельца — жителя данного поселения.

Поздние туркменские города — это, конечно, не Ташкент и не Бухара по величине и значению, но тоже центры — пусть местного значения — городской жизни. Нам кажется, что представление о туркменах только как о кочевниках с перманентно сохранившимся родовым бытом

настолько же ошибочны, как и убеждение в том, что туркмены если и имели поселения, то только аульного типа (Г. И. Карпов, П. И. Иванов, Е. Штейнберг, В. А. Лавров, В. Л. Воронина). Эти глубоко ошибочные на наш взгляд положения созданы были именно тем, что с понятием о «городе» были связаны представления о крупных поселениях типа Бухары или Мерва.

Исследуя вопрос о типах поселений туркмен, нельзя не отметить, что тип и форма их находились в прямой зависимости не только от сложившихся социальных отношений, но и от своеобразия оросительных условий тех или иных районов. Для Ахала и Атека, где орошение осуществлялось посредством мелких речек и ручьев, характерна принадлежность орошаемой территории в основном одной общине. В Ахале и Атеке водоземельная община была в состоянии более или менее подвинутого разложения уравнительных отношений, частично заменявшихся наследственным мюльковым землевладением. В планировке населенных пунктов упомянутые районы характеризовались относительной компактностью поселений на строго определенной площади, орошаемой одним общим источником; усадьбы мюльковых наделов концентрировались здесь у самого источника, с окружавшими пятно селитьбы полевыми землями «санашик».

Иная картина наблюдалась в Теджено-Мургабском районе, где возникала проблема распределения воды между большим числом мелких земельных участков. Кроме того, эксплуатация более многоводных Теджена и Мургаба требовала устройства на значительном протяжении подпорных плотин, магистральных каналов и разводящей сети, а эти работы могли быть осуществлены только при участии большого коллектива, что и обусловило более длительное сохранение здесь «уравнительной» общины[41].

Многочисленное племя теке, заселившее Мервский оазис, подошло к разверстке земли по принципу уравнительного раздела между всеми группами участников освоения земли; при этом неизбежно возникала проблема наделения общинников равноценными участками, состоящими из равного количества хорошей и плохой земли, находящейся в различных, зачастую далеко отстоящих друг от друга районах[42]. Получалась чрезвычайная чересполосица, которая затрудняла обработку участков, почему владельцы обычно сдавали их в аренду, чтобы в свою очередь заарендовать более удобный участок, находившийся поблизости от его усадьбы. Такая чересполосица касалась как «мюльковых», так и «санашиковых» участков: однако нужно отметить, что «мюльковые» участки были все же сосредоточены в лучше орошенных районах, возле магистральных арыков.

Социально-экономические отношения в Теджено-Мургабском районе, в соединении с его физико-географическими особенностями, приведшие к отмеченной чересполосице, наложили отпечаток и на характер поселений. Мы не встречаем здесь компактных, более или менее крупных поселений; по всему оазису разбросаны «оба»—аулы, населенные различными общинными группами. Планировка этих поселений приблизительно одинакова. Поселения обычно расположены вдоль магистраль-

ной оросительной сети; в этом центре были сосредоточены мюльковые владения. Здесь жильё носило постоянный характер, а поселение имело определенное географическое название. «Санашиковые» земли лежали на окраинах, здесь «оба» состояли из юрт, которые вслед за своими владельцами перемещались ежегодно при каждом перераспределении земли, входя в состав то одного, то другого основного «оба». Характер расселения в Теджено-Мургабском районе, как можно заключить из этого описания, резко отличался от расселения в Ахал-текинском и Атекском оазисах.

Совершенно отличную от обоих этих типов расселения группу представляли собой оазисы среднего течения Аму-Дарьи. Поскольку эти оазисы входили в состав Бухарского ханства, землеводопользование в этих районах покоилось на четко выраженных феодальных отношениях, представлявших собой весьма сложную систему. В Бухарском ханстве с его относительно устойчивой феодальной централизацией вся земля, как известно, делилась на следующие категории:

1. Земли хараджные (замини-хараджи). Эти земли издавна принадлежали их владельцам; в период арабского завоевания они были обложены хараджем—налогом, в два раза большим, чем земли правоверных арабов, плативших ушр в размере $^1/_{10}$ урожая. Впоследствии, несмотря на распространение ислама, налог этот стал обычным и собирался деньгами и натурой в размере от $^1/_5$ до $^1/_3$ урожая. С хараджных земель налог брался, якобы, только за воду.

2. Земли государственные (амляковые): собираемый с них налог—амляк — был вдвое больше хараджа, так как в этом случае брался налог (безотносительно к тому была ли она орошена обществом или отдельным лицом) и за землю, и за воду. Амляковые или государственные земли были фондом, из которого эмир производил пожалования и вознаграждение за службу.

В приамударьинских оазисах, в отличие от Ахала, Атека и Мервского оазисов, существовало государственное землевладение, исключавшее общинное землевладение, что в свою очередь влекло за собой уплату государству налога за право пользования землей в какой бы то ни было форме (мюльковая, арендная и т. д.). Обложение земли и воды налогом неизбежно было связано с созданием аппарата для его взимания, и мы видим, что в приамударьинских оазисах верхушка общины постепенно превращается в аппарат фиска.

Налоговое обложение понижало для землепользователя доходность его земельного надела — в особенности это было ощутимо для непосредственных производителей. А поскольку у туркменского дехканина были только примитивные средства сельскохозяйственного производства, что не позволяло ему интенсифицировать свое хозяйство, то в результате доля крестьянина в урожае едва сводилась к прожиточному минимуму[43]. Это в свою очередь вызывало обезземеливание крестьянства и способствовало концентрации земли в руках туркменской феодально-родовой верхушки.

Система землеводопользования феодального типа отразилась и на типе застройки в оазисах эрсари. Поскольку земля и вода принадлежали

государству, организация землеводопользования и наблюдение за сохранностью ирригационной сети также входили в его обязанности, а функции общины сводились только к сбору налогов, к ремонту оросительной сети по указаниям государства; поскольку при этом общинные связи слабели и распадались, каждый член общины чувствовал себя в первую очередь налогоплательщиком государства. Если же учесть, что налог уплачивался государству в денежном исчислении, то индивидуальное пользование землей вело к утрате связи с общиной и открывало широкое поле для классового расслоения, которое и не замедлило проявиться в росте экономической мощности байских хозяйств.

Для поселений долины Аму-Дарьи был характерен хуторский тип расселения. Центрами тяготения для этих бессистемно разбросанных усадеб-крепостей являлись арыки. И. Магидович, участвовавший в обследовании оазисов Хорезма и Аму-Дарьи, отмечает, что отдельные усадьбы объединились по признаку общности водопользования и общинным связям в низовые административные ячейки, так и называвшиеся «арыками». Подобные аульные общества, по его мнению, являлись переменной величиной так же, как и сами арыки, то высыхавшие, то переполнявшиеся водой; число обществ и количество хозяйств в каждом из них постоянно менялось[44].

При анализе порядка землеводопользования у туркмен во всех рассматриваемых районах обращают на себя внимание детально разработанные установления, предусматривавшие все положения, могущие возникнуть в связи с основным вопросом — распределением воды. Вопрос этот был настолько ответственным, что для регулирования водопользования в Амударьинских оазисах назначалась (эмирской властью), а в оазисах Ахала, Атека, Теджено-Мургабском выбиралась (общиной) ирригационная администрация, следившая за строгим выполнением всех правил. Доля воды и время пользования ее были строго регламентированы, выработались специальная терминология и целый ряд технических приемов для регулирования и распределения воды.

Обращение к данным археологии и к письменным источникам убеждает нас в том, что Южная Туркмения с древних времен была покрыта сетью каналов и кяризов с регулировочными гидротехническими сооружениями, где создание и управление ими представляли собой сложившуюся веками систему правил и расчетов.

Восторженное описание ирригационных сооружений Мерва, дошедшее до нас в отрывках Истахри и Макдиси, говорит о том, насколько они были совершенны для тогдашнего уровня технического развития средневекового Хорасана[45].

На основании всего изложенного можно определенно говорить о специфических туркменских традициях землеводопользования и о давности земледельческой культуры в Туркмении.

Характер поселений находился в зависимости от сложившихся социальных условий и определяемых ими отношений землеводопользования. Вместе с тем, населенные пункты Туркмении складывались в период сложной политической обстановки, когда постоянные военные напа-

дения и грабительские набеги диктовали необходимость защиты населения и жилья.

Отклонения локального типа закономерны, поскольку они вызывались или специфичностью физико-географических условий района, как это отмечено в Мервском оазисе, или общинными традициями, что отразилось на типе жилья в Ахалтекинском оазисе, или соображениями стратегического порядка, которые повели к созданию военных поселений.

Произведенные ЮТАКЭ при участии автора настоящей работы исследования позволяют установить в южных районах Туркмении три следующих основных типа поселений:

1. Компактные поселения Ахалтекинского и Атекского оазисов, где на мелких источниках обосновались отдельные небольшие общины, из которых однако уже выделилось частное мюльковое землевладение.

2. Рассредоточенные мелкие поселения Мервского оазиса, в котором принцип «уравнительного» пользования водой и землей сохранился долее и где характер источников водоснабжения привел к территориальной чересполосице расселения его отделений, заселивших оазис мелкими самостоятельными «оба».

3. Хуторские поселения в районе среднего течения Аму-Драьи, вызванные к жизни феодальной системой землеводопользования.

Компактные поселения, характерные в основном для Ахалтекинского и Атекского оазисов, рассредоточенные мелкие поселения Мервского оазиса и хуторские поселения в районе среднего течения Аму-Дарьи — являются наиболее распространенными для Южной Туркмении типами поселения.

До комплексных исследований, произведенных ЮТАКЭ, о типе и характере туркменского поселения судили только по мимолетным впечатлениям и суждениям военных инженеров, налоговых и судебных чиновников, статистиков и путешественников, посещавших Южную Туркмению с теми или иными целями, но во всяком случае весьма далекими от тех задач, которые мы ставили себе в настоящем исследовании. Только данные, полученные во время работ, произведенных ЮТАКЭ, позволили обнаружить в поселениях, хотя и давно известных по письменным источникам, однако никем еще не исследованных, все признаки довольно развитой городской жизни. Мы имеем в виду не только наличие базара, на котором производился обмен между оазисами и степью, но и явные следы наличия ремесленных кварталов, культовых сооружений, караван-сараев, крытых рынков и других зданий общего пользования, которые встречаются только в городах. Почти всегда на архитектурный облик жилья и города накладывало свой отпечаток то обстоятельство, что они служили задаче защиты населения данного района от грабительских нападений врага.

Все вышеизложенное позволяет нам считать, что наряду с поселениями сельского типа в Туркмении XVIII—XIX вв. возникли и развивались поселения определенно городского типа со всеми присущими городу элементами. Возникновение и тех и других было обусловлено предпосылками социально-экономического характера в соответствии с общими законами развития общества и с учетом специфических исторических условий Южной Туркмении.

Равнина, где расположены холм крепости и развалины города Анау — северный и южный бугры Анау — образована третичными породами. Селитебные пятна находятся на конусе выноса ручья Кельтечинар, который берет свое начало в источниках, выходящих с северо-западного склона перевала Гёк-Гедык[46]. Район этот лежит в области, где идет процесс геологического преобразования и подвержен частым землетрясениям. Площадь конуса выноса ручья очень давно представляла благоприятные условия для примитивного земледелия и потому была обжита с древнейших времен, как об этом свидетельствуют бугры Анау[47].

В сухом и знойном климате Туркмении вода была первым условием жизни, и потому мы видим, как перемещалось селитебное пятно Анау все ближе и ближе к истокам. Последовательное перемещение идет от бугров Анау и холма крепости, которые расположены на краю конуса выноса, через город XVIII—XIX вв., лежащий уже в среднем течении источника, к аулу Анау XIX—XX вв. и оторвавшейся от него части, которая расположилась еще выше, еще ближе к истокам ручья.

Таким образом, намечаются четыре этапа в освоении водных ресурсов в районе Анау. Любопытно, что площадь селитебных пятен небольшая в древности и в средневековый период, в XVIII—XIX вв. увеличивается до 500 гектар, считая здесь и площади запашек. Может быть, это обстоятельство связано с повышением дебита ручья.

Площадь посевов, как рассказывают жители, то увеличивалась, то уменьшалась в прямой зависимости от количества воды в ручье Кельтечинар. Старожилы уверяют, что лет 80 тому назад сады и виноградники Анау расстилались далеко за пределами бугров. Следовательно, и питание этой территории водой было регулярным, допускавшим не только богарное земледелие, но и садовые культуры, правда, в пределах, допускаемых естественным дебитом воды.

Крепость Анау расположена на холме и окружена кольцом уже обвалившихся и оплывших стен.

За крепостью, в юго-западном направлении, раскинулся город XVIII—XIX вв. Здесь и сейчас четко прослеживаются уличные магистрали, кварталы, усадьбы, отдельные жилые ячейки, русла арыков, когда-то питавших поля и сады. Для изучения топографии города, его улиц и ирригационной системы, был предпринят последовательный обход территории. Фиксация этого материала представлялась настоятельно необходимой, так как город с его постройками из кирпича-сырца разрушается из года в год, как от деятельности человека, так и от воздействия природных факторов.

Данные исторических источников не идут далее первой половины XIX века; они донесли до нас название города, которое сохранилось за ним и современным аулом и до сих пор[48].

В свете этих данных Анау начала XIX в. рисуется перед нами, как город, славившийся садами и виноградниками с развитыми торговыми связями (в составе представителей города, пришедших к Рахим-хану с

изъявлением покорности, отмечается наличие купеческой группы). Известно также, что в 1862 г. в крепости Анау поселились туркмены племени теке[49].

Из обрывочных сведений письменных источников можно составить представление об Анау начала XIX в., как о поселении городского ти-

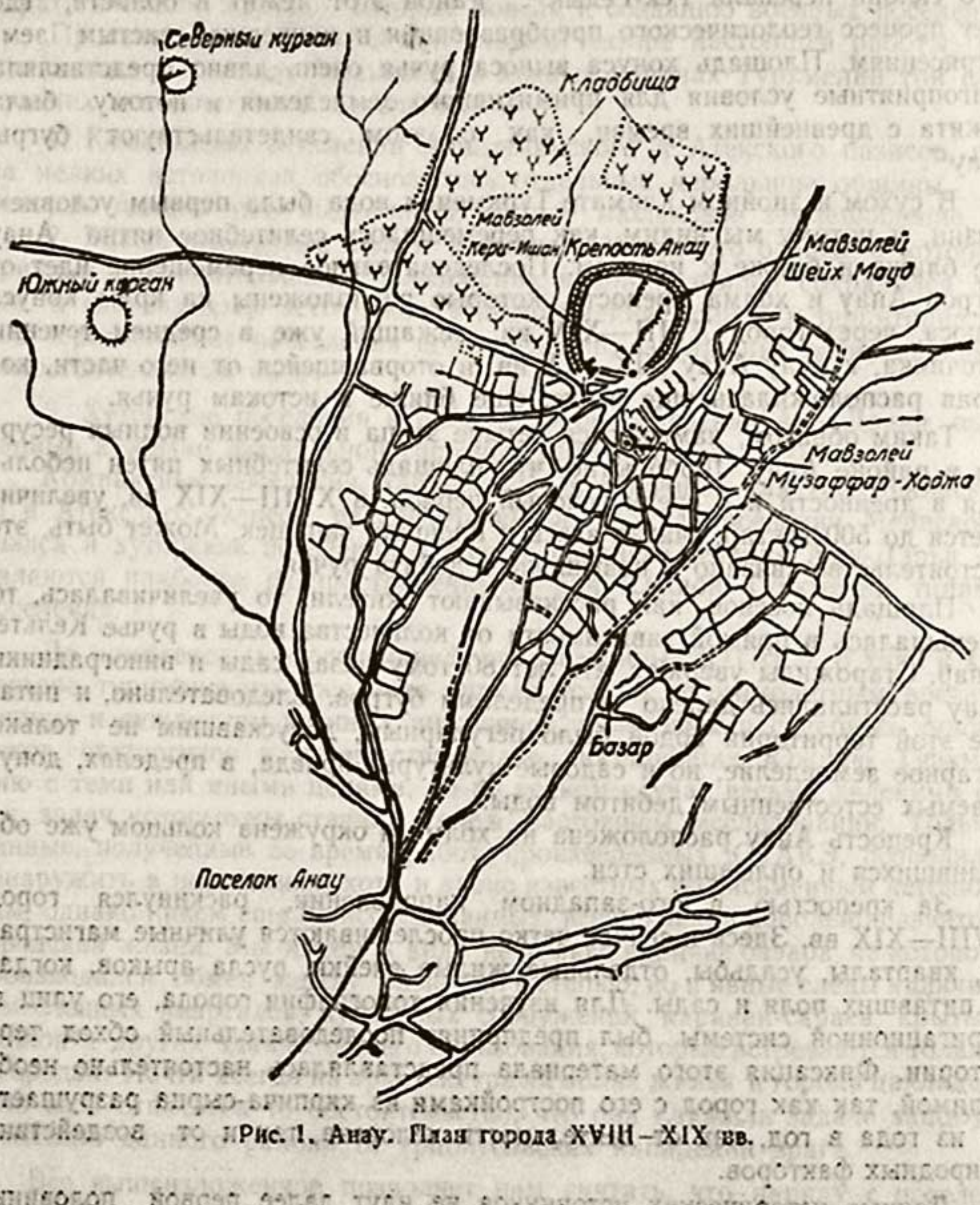

Рис. 1. Анау. План города XVIII—XIX вв.

па с торговыми интересами, лежащими в области животноводства и в основном садоводства. Это положение наглядно подтверждается результатами исследований планировки города и его топографии. Любопытно, что привилегированная верхушка Анау вела себя с завоевателями очень покорно, высылая представителей с дарами, чтобы умилостивить их и оградить себя от разорения. Такое поведение свидетельствует о том, что

знать, обладавшая, очевидно, большим количеством земель, опасалась потерять свое добро. Их богатство заключалось в тех полях и садах, которые они не хотели подвергать превратностям войны.

Город Анау XVIII—XIX вв. расположен на краю конуса речки Кельтечинар и его территория определялась направлением питающих его арыков. Основные улицы города шли вдоль главных арыков, здесь же концентрировались и усадебные участки. Таким образом, естественно получался как бы веер улиц, расходящихся у крепости и ограниченных там дорогой, идущей с северо-запада на юго-восток. Исходная точка этого веера на юге у ручья Кельтечинар или Анау-су, как его называли в равнине, откуда брали начало и питавшие город арыки. Ядро города располагалось на территории между крепостью и современным селением Анау, населенным туркменами-теке, и имело вид сильно вытянутой трапеции (высота которой, т. е. протяжение города с севера на юг, равняется примерно 2,5 км), примыкающей верхним основанием (на юге) к аулу Анау и нижним (на севере) к крепости. Площадь этой трапеции была относительно густо застроена и пересекалась тремя магистральными арыками.

Примерные подсчеты дают нам площадь наиболее обжитой части города в 132 гектара, если же учесть еще и участки, сохранившие некоторые признаки дувалов и строений и раскинувшиеся по обе стороны от основного ядра города, то площадь его можно считать до 250 гектар. При подсчете населения пришлось ориентироваться на наличное количество усадеб, средний размер которых находится в пределах 0,53 гектара. Более или менее ясно выраженных участков насчитывается до 300, если допустить, что состав семьи на усадьбе был 12—15 человек, то количество живущих будет исчисляться в 3600—4500 человек. Таким образом, плотность населения в наиболее обжитой части города будет составлять 27—34 человека на гектар при плотности застройки в 0,2%.

По характеру своей планировки и усадеб, по плотности населения Анау—небольшой периферийный городок с сельскохозяйственным профилем. Торговля, которая была в нем, связывалась, конечно, с продуктами земледелия и животноводства.

Элементами, слагающими этот город XVIII—XIX вв., являются: усадьба, как его рядовая ячейка, базар — средоточие экономической и общественной жизни города, культовые комплексы, располагающиеся возле крепости, производственные кварталы гончаров и металлистов, сосредоточенные на юге и юго-западе городища, неподалеку от холма крепости. Былые «кварталы» гончаров сейчас представляют собой оплывы разрушенных хумданных печей со множеством шлаков, их окружающих. Места металлообрабатывающих производств отмечаются скоплениями железных крицы.

При обследовании юго-восточной части города в вилке двух улиц был обнаружен комплекс построек, периметрально расположенных вокруг большого участка, к которому примыкал второй, еще больший по размерам. Вынесенный на окраину города, но примыкающий к одной из его основных транспортных артерий, большой по территории участок этот мог быть использован как базарная площадь для торговли скотом

и сельскохозяйственными продуктами, для общественных сборищ и празднеств.

Поздний город получил развитие в южном направлении, а не расположился вокруг крепости; таким образом, крепостной холм занял эксцентричное положение относительно города, а городское пятно распласталось на веере водной системы Кельтечинара, окружив ее со всех сторон усадьбами и полями и вытянувшись на юг к голове арыка, чтобы иметь возможность регулировать водоснабжение.

При анализе планировки Анау выясняется, что большое влияние на эту планировку оказывало своеобразие локальных физико-географических условий в сочетании с порядком землеводопользования. На самом деле, речка Кельтечинар или Анау-су имеет такие незначительные водные ресурсы, что могла обеспечить только численно небольшое население. Эту речку закрепляло за собой вплоть до 1860 г. племя анаули[50], которое и разместилось вдоль ее течения. Распределение воды между членами одной общины позволяло регламентировать использование воды и земли даже при мюльковой системе землеводопользования, а ограниченность водного источника властно диктовала необходимость компактного расположения селитебного пятна с максимальным приближением жилых усадеб к ирригационной сети.

Мюльковые участки жителей, как это видно при ближайшем ознакомлении с городом, лежали в непосредственной близости к оросительной сети и составляли организованные жилые массивы. Участки же, которыми пользовались на праве «санашик», как обычно, находились на окраинах города.

Племя анаули, владевшее источником Кельтечинар, расселилось вверх по течению, причем переместился и общественный центр городской жизни, поскольку удельный вес южной части города оказался выше. Прежний центр города превратился в средоточие культовых зданий и кладбищ. В настоящее время юго-западная окраина городища занята текинским аулом, где живут туркмены-теке, вытеснившие исконных насельников этих мест.

Начало завоевания Ахала текинцами можно установить на том основании, что оно связано с именем Кеймир-Кёра — современника Надир-шаха (1736—1747)[51]. Волна текинцев, вытесненных с Мангышлака и в течение ста лет мечом завоевывавших себе право на земли Ахала[52], захлестнула и Анау. Народное предание говорит, как храбро анаулинцы отстаивали каждый дом, каждую пядь земли своего города, и что только увидев бесполезность своих усилий анаули заперлись в крепости, где долгое время выдерживали осаду текинцев, будучи отрезанными как от самого города, так и от источника водоснабжения, пользуясь, очевидно, колодцами и сардобами[53]. Ожесточенная борьба закончилась выселением текинцами основной массы анаули, которые ушли в котловину Кельтечинара и заключили соглашение с ханом Дерегеза, по которому обязались стать заслоном против набегов теке за разрешение поселиться на землях ханства[54]. На основании рассказов старожилов Анау можно судить о том, что завоеванный город пришел в запустение, так как завоеватели поселились к югу от прежнего города[55]. Подтверждением факта

занятия города туркменами-теке являются свидетельства источников второй половины XIX в., которые отмечают наличие туркмен-теке в крепости Анау.

Как показывает анализ археологического материала и планировочной структуры города, анаули—издревле оседлые земледельцы, занимавшиеся, по преимуществу, виноградарством и садоводством (находки в кладках старинных домов персиковых косточек, разбивка усадебных участков на высокие гряды под виноградные лозы), являющихся отраслями сельского хозяйства, требующими наибольшей затраты труда и времени, что возможно только при условии оседлости. Это же подтверждается фольклорным материалом и данными письменных источников[56]. Высказанное предположение становится еще более реальным, как только мы обращаемся к анализу жилых и хозяйственных построек городища XVIII—XIX вв.[57].

Усадьба Анау при всем стремлении к изолированности (высокие заборы, ворота и т. д.) являлась клеточкой единого планировочного организма. Жители городского населения были членами одной общины, связанные общностью интересов земле- и водопользования и необходимостью защиты. Общее пользование землей, пастбищами, а главное водой, ставило каждого жителя в зависимость от коллектива, от общины.

Анау XVIII—XIX вв. — городское поселение с явно выраженной в его планировке садово-огородной основой, слагавшейся из территориально определившихся единиц—усадеб. Последние имели постоянные жилища с довольно развитой конструктивно-технической основой и с некоторыми попытками декоративного убранства интерьера (ниши, роспись, ковры), что характерно для давно оседлого населения. Хозяйственные постройки усадьбы были привязаны к месту многолетней и трудоёмкой садово-огородной культуры. Усадебные участки распадались на две части — хозяйственно-жилую и сад. Сельское хозяйство города находилось в пределах обжитой территории, а не было вытеснено за пределы стен, как это наблюдалось в крупных среднеазиатских торгово-ремесленных центрах того времени. На территории города разместились и производственные комплексы и торговые центры с жильем ремесленников. Планировка Анау не была связана предшествовавшей планировкой, т. к. город разместился на территории, свободной от застройки. Крепостной холм вошел в комплекс культовых сооружений на северной окраине города. В данном случае перед нами пример планировочного решения, продиктованного насущными потребностями водоснабжения, а не какими-либо традиционными приемами планировки, которые, по мнению В. В. Бартольда, легли в основу среднеазиатских и иранских городов и с XI в. не подвергались существенным изменениям[58].

Жилье Анау тоже отражает традиции оседлости. Здесь налицо развитое строительное искусство, позволявшее применять различные конструктивные методы при решении перекрытий, наличие определившихся принципов планировки, как жилой ячейки, так и участка. Различные варианты совмещения жилья и башни-динга на участке—прием, оригинальный для Ахала, выделяющий Анау из числа других поселений.

Сводя воедино весь материал, который нам удалось собрать, мы

можем сделать следующие выводы: на территории Анау в XVIII—XIX вв. размещалась оседлая земледельческая община, среди населения которой уже произошла социальная дифференциация; выделился класс более крупных землевладельцев, что можно предположить по наличию более крупных усадеб с большим количеством всевозможных построек. Возможно, что уже выделилась и ремесленная прослойка; находки печей для обжига, кирпича и керамики, железных криц—все это позволяет предположить наличие ремесла в городе. Интересы торговой купеческой прослойки, существование которой отмечается источниками, лежали в области сельского хозяйства, так как город славился своими садами и виноградниками. Городские базары служили связующим звеном между земледельческим населением города и скотоводческой степью.

Текинцы, вытеснившие в XIX в. анаули с их территории, не жили в городе, а поселились южнее, однако, аул, созданный ими, и поныне носит название Анау.

В заключение хочется отметить, что подобного рода городское поселение не является единственным. На территории Туркмении есть и другие поселения этого типа в Ахале, так можно указать на Мехин-кала, Нохур-кала, Дурун, Бахарден, которые компактны по пятну и имеют ясно выраженную сходную планировочную идею. Многочисленные жители этих поселений занимались садоводством, огородничеством, шелководством и другими ремеслами, причем не только для внутреннего потребления, но и на рынок[59].

Полусельский характер туркменских городских поселений не должен вызывать недоумения, так как и для других городов Средней Азии характерно внедрение сельского хозяйства в городское. Особенно четко это прослеживается в Ферганской долине, но даже и в столь крупных городах Средней Азии как Ташкент, Самарканд, Бухара еще недавно можно было наблюдать, что горажанин летом становился крестьянином и выезжал в свой «баг» — сад, а зимой вновь возвращался в город. Последний не отличался, таким образом, от средневековых городов Средней Азии и вообще Востока, конторые носили полуаграрный характер[60].

СЕЛЕНИЕ БАГИР

Селение Багир, расположенное в 18 км к северо-западу от Ашхабада, живописными террасами спускается от предгорий Копет-Дага к шоссе, ведущему в Ашхабад. Поля и сады селения в момент изучения были закреплены за колхозами им. Ленина, «Коммунизм» и «Захмет» и орошаются источниками, родниками и кяризами, хотя и малого дебита, но вполне обеспечивающими нужды колхозников в ирригационной воде. В настоящее время население Багира ведет весьма интенсивное огородничество, снабжая продуктами своего труда Ашхабад.

Историей этого селения времен XIX в. так же, как и историей других поздних поселений Туркмении, никто всерьёз не интересовался, если и встречались упоминания о Багире, то только в связи с изучением Нисы — столицы Парфянского государства, расположенной на его территории; чаще же всего Багир фиксировался как текинский аул.

Новым этапом в истории изучения поселения явились работы ЮТАКЭ. В 1946 г. при историко-топографическом исследовании городищ древней и средневековой Нисы был поднят материал, касающийся истории позднего селения Багир[61]. Опрос населения помог восстановить неписаную историю селения Багир, возникшего, видимо, в конце первой половины XIX века. Его возникновение, очевидно, можно поставить в

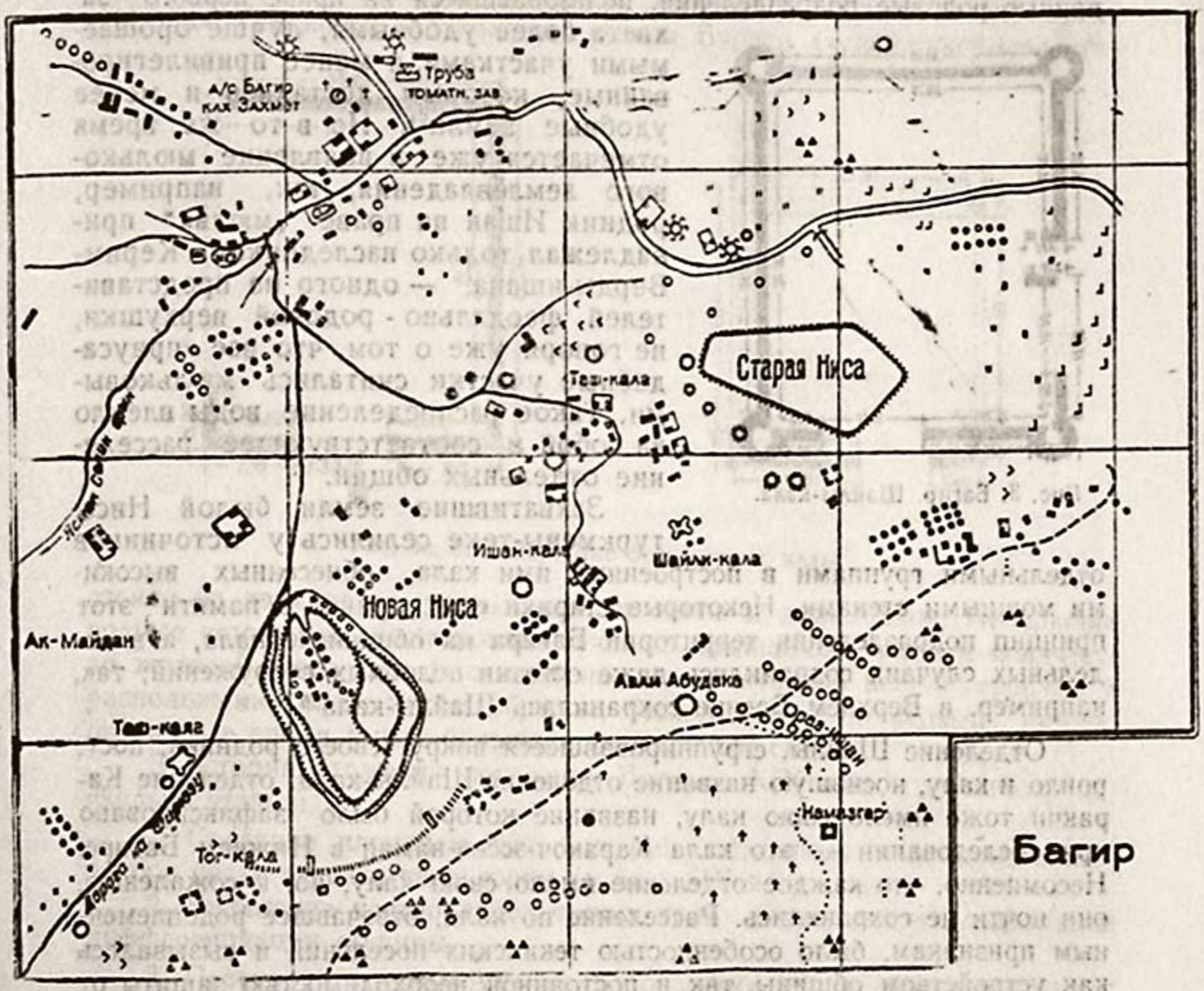

Рис. 2. Багир. План размещения усадеб (до землетрясения 1948).

связь с поступательным движением туркмен-теке, вытеснивших в начале XIX в. из Ахала туркменские племена имрели, алили, анаули. Заселение шло вверх по течению водного источника, т. е. вначале была освоена нижняя терраса, где селение получило название Нижний Багир, а позже верхняя терраса, т. е. Верхний Багир[62].

В Багире поселились теке рода Каракча колена Тарланг отделений Шайлы, Талаблю, Каракчи, Кузи ханлар, которые группировались вокруг источников Паясар и Падшах и родников Карахан или Шайлы. Овлиялы и Ишан[63].

Среди теке, по-видимому, в связи с тем, что это многочисленное племя позднее всех переселилось с Мангышлака и поэтому дольше со-

храняло родоплеменные традиции—имущественная и социальная дифференциация еще не зашла так далеко, как у вытесненных ими племен. Здесь в принципе сохранилось пользование водой на праве «санашик», а также принцип уравнительного землеводопользования, проявлявшейся в том, что право на получение су имел каждый женатый общинник. В то же время мы наблюдаем принцип разделения на более привилегированные родовые подразделения, пользовавшиеся на праве первого захвата более удобными, лучше орошаемыми участками, и менее привилегированные, которым достались и менее удобные земли[64]. Но в то же время отмечается уже и появление мюлькового землевладения, так, например, родник Ишан на праве „мюльк" принадлежал только наследникам Керим-Верды-ишана[65] — одного из представителей феодально-родовой верхушки, не говоря уже о том, что все приусадебные участки считались мюльковыми. Такое распределение воды влекло за собой и соответствующее расселение отдельных общин.

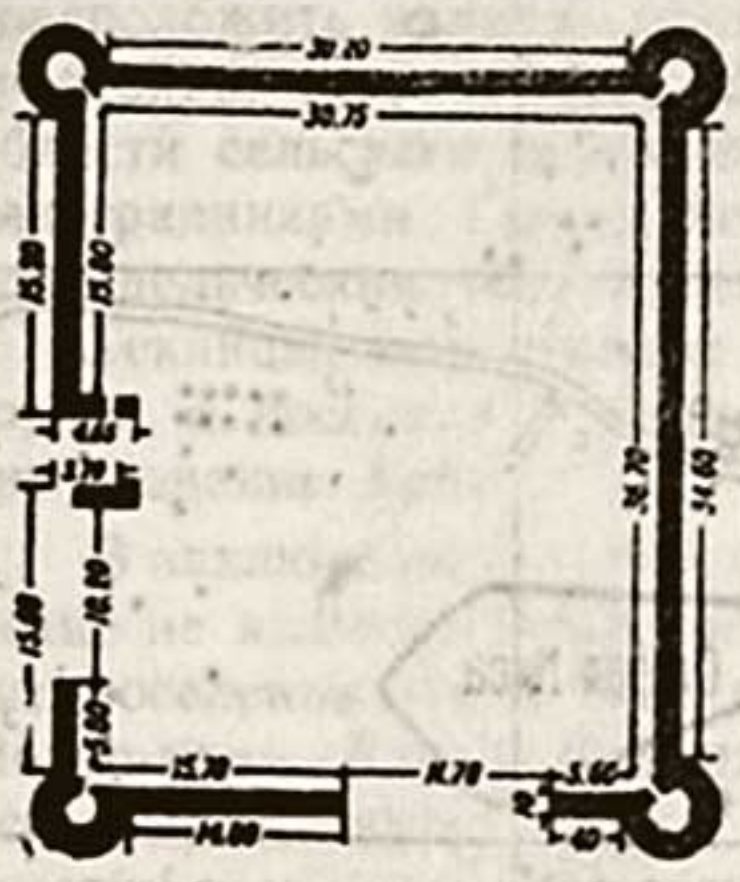

Рис. 3. Багир. Шайлы-кала.

Захватившие земли былой Нисы туркмены-теке селились у источников отдельными группами в построенных ими кала, обнесенных высокими мощными стенами. Некоторые старики еще хранят в памяти этот принцип подразделения территории Багира на общинные кала, а в отдельных случаях сохранились даже остатки подобных сооружений; так, например, в Верхнем Багире сохранилась Шайлы-кала[66].

Отделение Шайлы, сгруппировавшееся вокруг своего родника, построило и калу, носившую название отделения Шайлы-кала; отделение Каракчи тоже имело свою калу, название которой было зафиксировано при обследовании — это кала Каракоч-эссен-наман в Нижнем Багире. Несомненно, что каждое отделение имело свою калу, но, к сожалению, они почти не сохранились. Расселение по кала, отвечавшее родоплеменным признакам, было особенностью текинских поселений и вызывалось как устройством общины, так и постоянной необходимостью защиты от набегов: тревожное время вынуждало недавних завоевателей постоянно держаться настороже, потому что соседи считали их стада и поля «законной добычей»; так старики рассказывают о частых набегах на Багир со стороны иранского гарнизона в Фирюзе, о постоянных поборах кучанских правителей[67].

В дальнейшем в общинах Багира в процессе социальной дифференциации выделился зажиточный слой населения; кала стали получать названия по имени своих строителей и владельцев (Куль-Мерген-кала, Тимурринг-каласи, Клыч-Мурад-кала и др.) и значительно уменьшились в размерах[68]. Однако стены общинных кала долго еще сохранялись и являлись организующим началом — вокруг них или возле них концентрировались орошаемые участки той или иной группы; так, например,

Я. Таиров, регистрируя источники Багира и земельные площади, орошаемые ими, уточняя местоположения участков, отмечает, что участок такой-то лежит между аульной оградой ишана или шайлинцев[69] и т. д.

Принцип распределения земли и воды отразился и на планировочной структуре селения Багир; его кала были сосредоточены в полосе садово-огородных участков, которыми жители пользовались на праве «мюльк». Общинные же пахотные земли Багира («санашиковые») со-

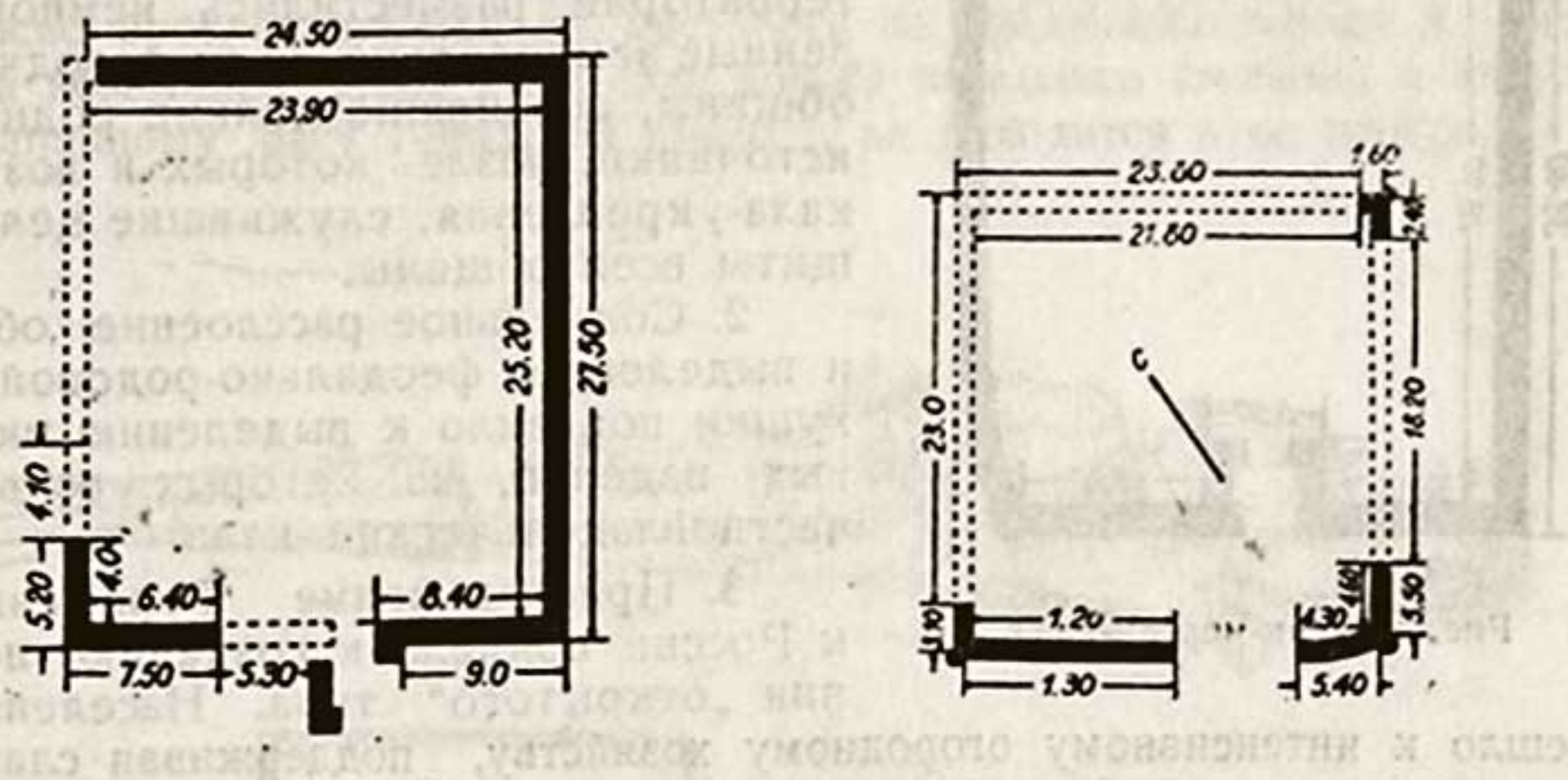

Рис. 4а, б. Багир. Две безымянных кала.

стояли из двух полос, расположенных выше и ниже садов. Небольшие водные источники лимитировали площадь орошаемой земли и количество жителей возле них. Расположение же источников координировало и расположение кала; таким образом, беспорядочное на первый взгляд, оно в свое время имело большой практический смысл.

В истории сложения поселения Багир в XIX веке отмечается несколько этапов:

1. Создание племенем теке больших общинных кала-укреплений вскоре после захвата территории (в нач. XIX в.).

2. Выделение частновладельческих кала в результате социальной дифференциации общины.

3. Переход к «открытому» типу поселения после присоединения к России, обеспечившей безопасность населения.

Багир, таким образом, является своеобразной иллюстрацией эволюции поселения туркмен-теке на протяжении XIX столетия.

Кала не являются специфической особенностью только Багира, они характерны вообще для Ахалтекинского оазиса, где туркмены-теке строили для себя подобные миниатюрные укрепления. Но необходимо отметить, что в тех случаях, когда население обитало в городах, оно укрывалось в больших крепостях с двойными стенами и с постоянным гарнизоном, имея постоянное местожительство за стенами крепости близ своих полей и огородов в обычных жилищах, а не в кала. Из этого следует, что у туркмен-теке различались поселения хуторского типа, где население проживало в отдельных укрепленных усадьбах, и поселения «открытого типа», при которых имеется крепость[70].

Сопоставляя доступные нам сведения по истории поселения Багира с теми данными, которые были получены в результате анализа усадеб Багира, мы можем сделать некоторые выводы:

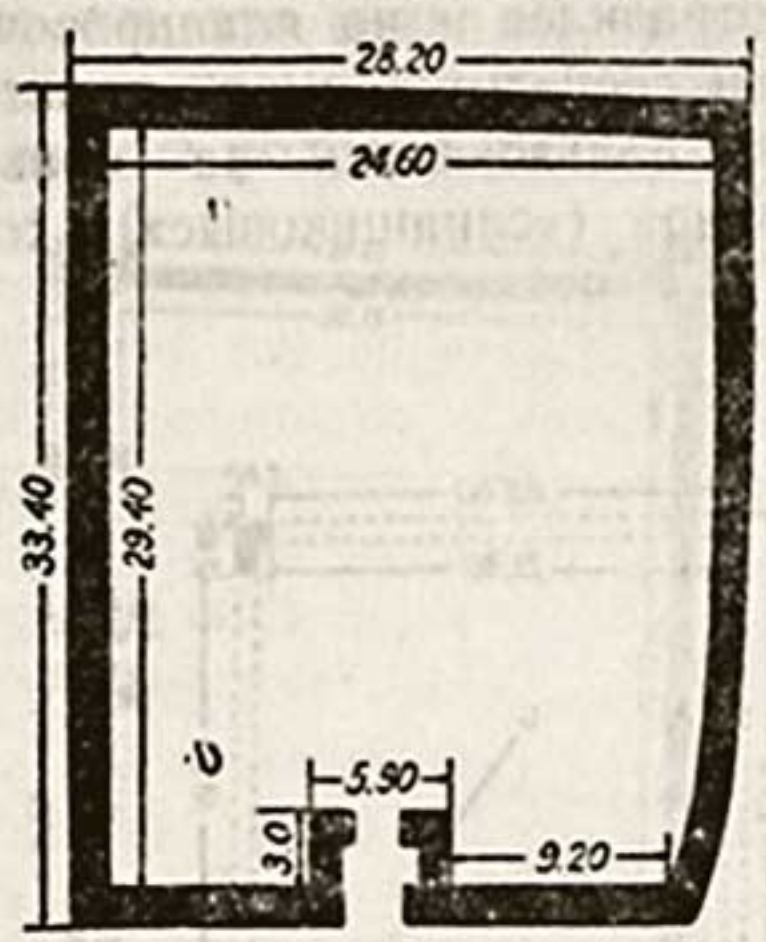

Рис. 5. Куль-мерген-кала.

1. Багир, заселенный племенем теке в начале XIX века, являлся типичным поселением оседлой земледельческо-скотоводческой общины. На его территории разместились немногочисленные земледельческо-скотоводческие общины, освоившие мелкие родники и источники, возле которых и возникли кала-укрепления, служившие целям защиты всей общины.

2. Социальное расслоение общины и выделение феодально-родовой верхушки повлекло к выделению мюлько-ых наделов, на которых возводили частновладельческие кала.

3. Присоединение Туркменистана к России привело к созданию поселения „открытого" типа. Население перешло к интенсивному огородному хозяйству, поддерживая славу Багира—одного из районов древнего земледелия.

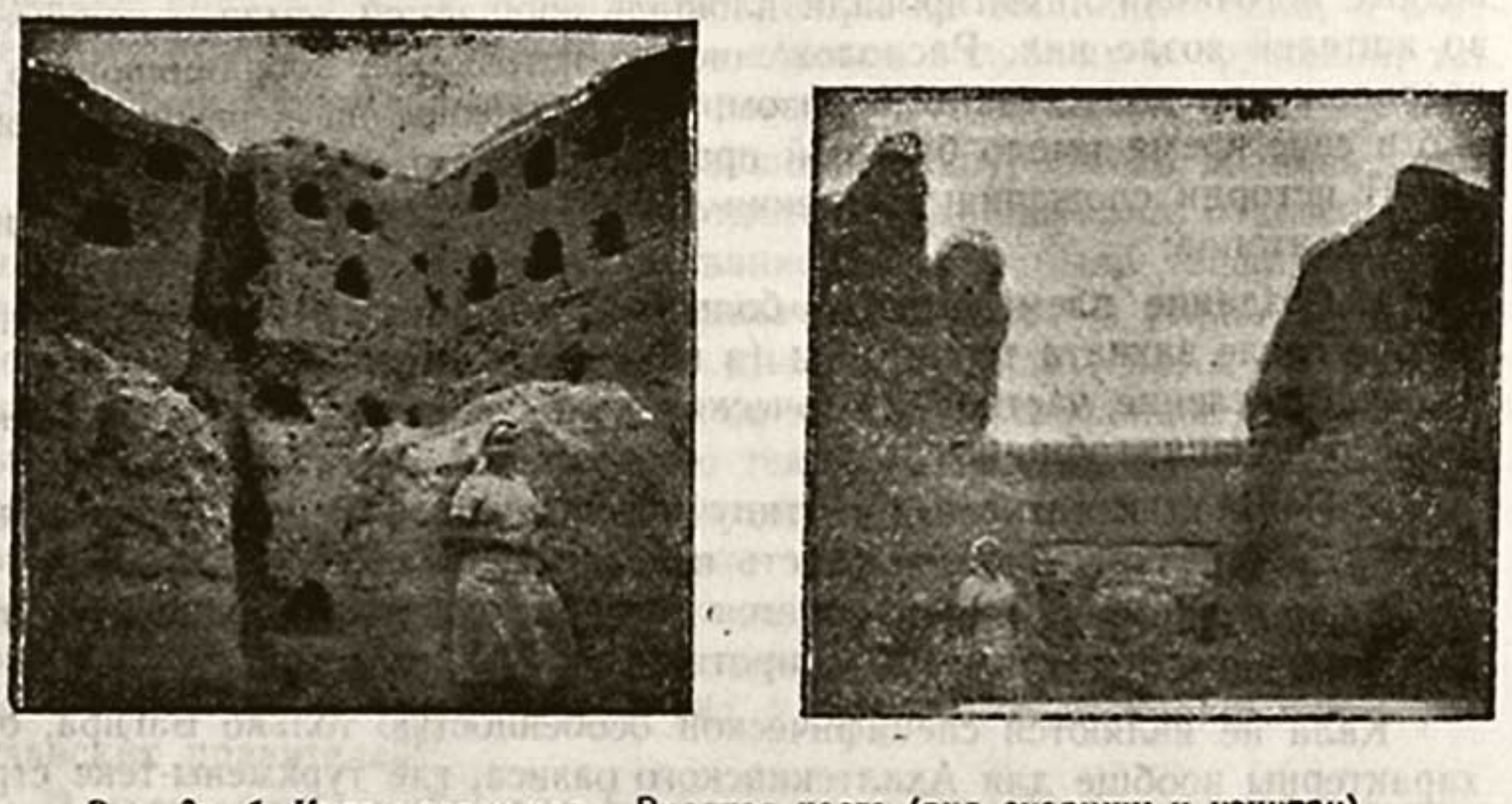

Рис. 6а, б. Куль-мерген-кала. Входная часть (вид снаружи и изнутри).

Как Анау, так и Багир являются поселениями, созданными земледельческо-скотоводческими общинами: однако в то время как Багир представляет собой тип настоящего сельского поселения, Анау являет все черты перехода к типу провинциального городского центра.

Развалины Пештака находятся на землях колхоза «Комсомол» Каахкинского района. Поля этого колхоза примыкают к городищу с северо-востока и юго-востока. К Пештаку подводит проселочная дорога, связывающая Каахка с селением Кизылджа-Ходжа и проходящая через колхоз «Комсомол». Она пересекает Пештак с юго-запада на северо-восток. Из центральных ворот средневековой крепости, как можно судить по некоторым признакам, раньше выходила дорога, ведущая через Кайна-Баверд на Келат, но она уже давно бездействует. Её сменила другая, ясно прослеживаемая на местности за пределами города в виде слегка возвышающегося вала. Эта дорога несколько смещена к югу по юго-западному фасу городской стены и не находится в ее центре.

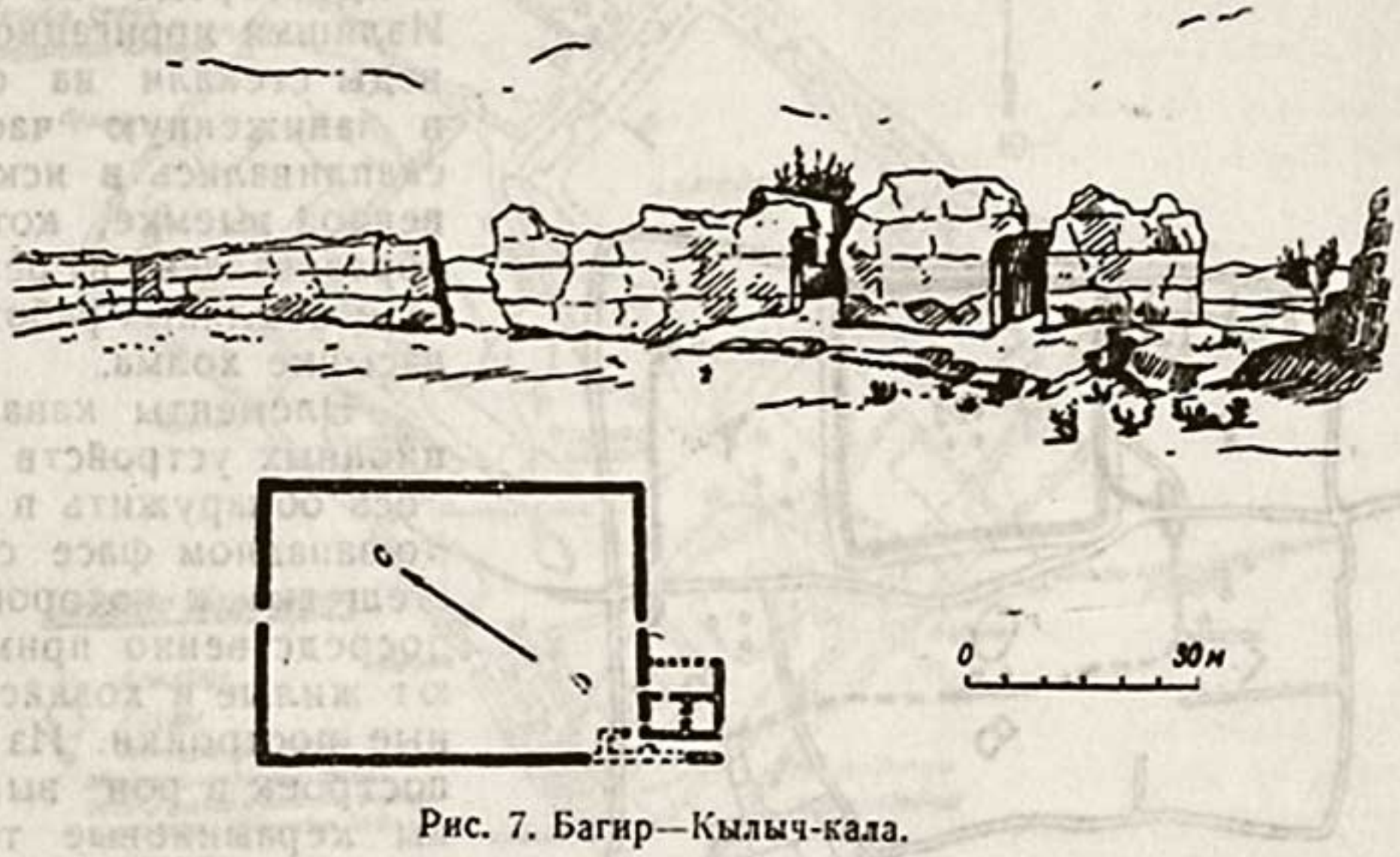

Рис. 7. Багир—Кылыч-кала.

ПЕШТАК-АБИВЕРД

Факт расположения Абиверда-Пештака на двух магистралях, двух крупных торговых артериях, связывающих Абиверд-Пештак с Мервом, Нисой, Серахсом и городами Келата, очень важен. Он сыграл в его жизни немалую роль, способствуя расцвету городского ремесла и торговли.

Район Пештака-Абиверда с давних пор известен обилием воды. Источники IX—X вв. и XVI в. сообщают о больших протоках, нездоровом и влажном климате Абиверда[71].

В XIX в. Мунис-Агехи указывают, что «Ахалом» в туркменском языке называются сырые и изобилующие водами земли. Эта страна относится к округу Ниса и Баверда...[72].

Таким образом, раннесредневековые и более поздние исторические сведения подтверждают обеспеченность района водой.

Густая сеть старых, заброшенных арыков покрывает земли Пештака на западе, юго-западе, юго-востоке, востоке и севере, являясь зримым доказательством наличия поливных культур, которые нуждались в большом количестве воды[73]. Сам город снабжался водой из этих же источников, на что указывает наличие гончарных труб, выходящих в ров

в юго-восточном и северо-западном углах города[74]. По всей вероятности труба в юго-восточном углу была вводной, а северо-западная служила для сброса вод. Это тем более вероятно, что общее падение рельефа и направление арыков идет на северо-восток.

Кроме этих источников водоснабжения, в пределах города имеется 3 больших хауза и 4 колодца, которые в случае перебоя могли восполнить недостаток воды для непосредственных бытовых нужд населения. Сбросных арыков, в современном понимании, в городе не было. Излишки ирригационной воды стекали на север в заниженную часть и скапливались в искусственной выемке, которая образовалась в результате земляных работ при насыпке холма.

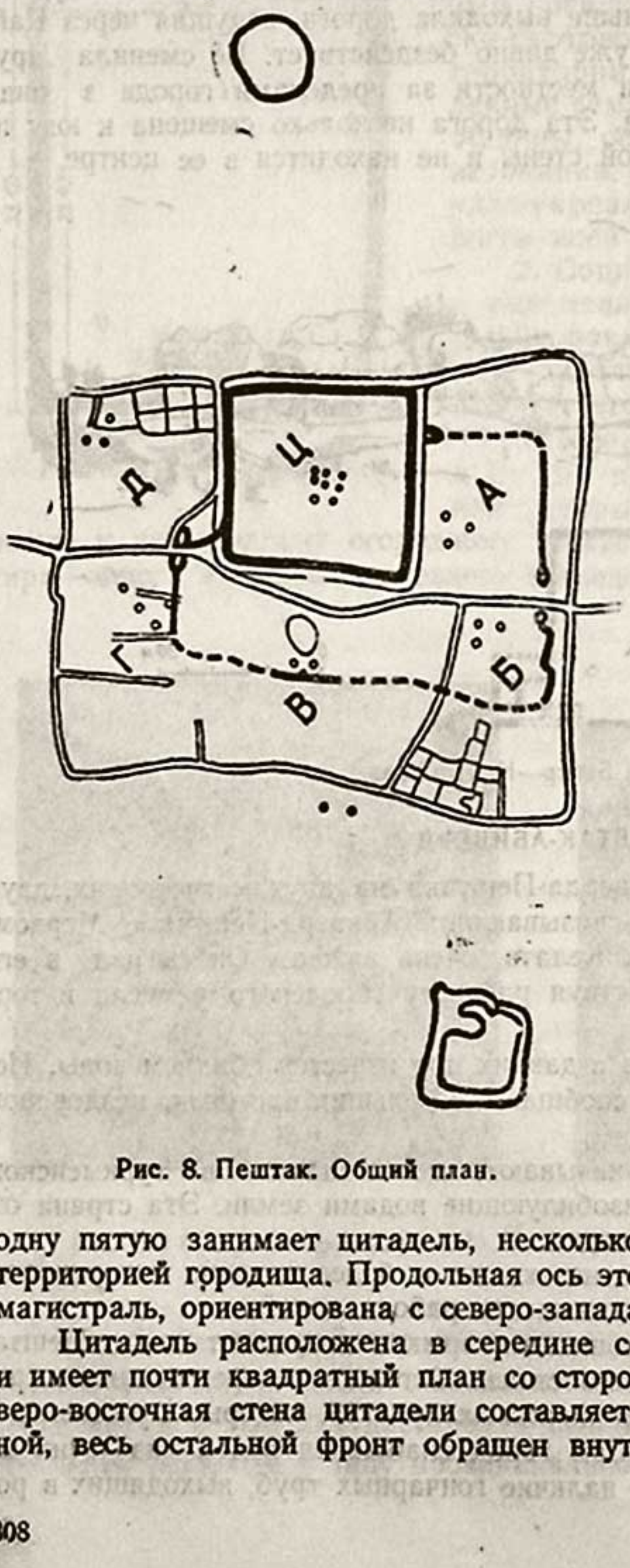

Рис. 8. Пештак. Общий план.

Элементы канализационных устройств удалось обнаружить в северо-западном фасе стены Пештака, к которой непосредственно примыкают жилые и хозяйственные постройки. Из этих построек в ров выведены керамиковые трубы сечением 10—15 см для стока нечистот или хозяйственных вод. Очевидно, такого рода бытовые устройства были не единичны.

Пештак представляет собой замкнутый стенами довольно правильный четырехугольник со сторонами 700 — 650—550 м. Площадь его равна 42 га, из которых почти одну пятую занимает цитадель, несколько возвышающаяся над общей территорией городища. Продольная ось этого городища, она же главная магистраль, ориентирована с северо-запада на юго-восток.

Цитадель расположена в середине северо-восточной стены города и имеет почти квадратный план со сторонами 300×350 м². Только северо-восточная стена цитадели составляет одно целое с городской стеной, весь остальной фронт обращен внутрь города. Ворота цитадели

расположены на юго-западном фасе. Стены ее представляют собой мощный оплыв слегка намечающимися выступами башен. Ширина стены в оплыве 9,5 м. Всего по периметру 20 башен, причем наибольшее число их приходится на северо-западную и восточную стены. Широкая берма (10—11 м) и глубокий ров (4,5—5 м) шириной до 12 м

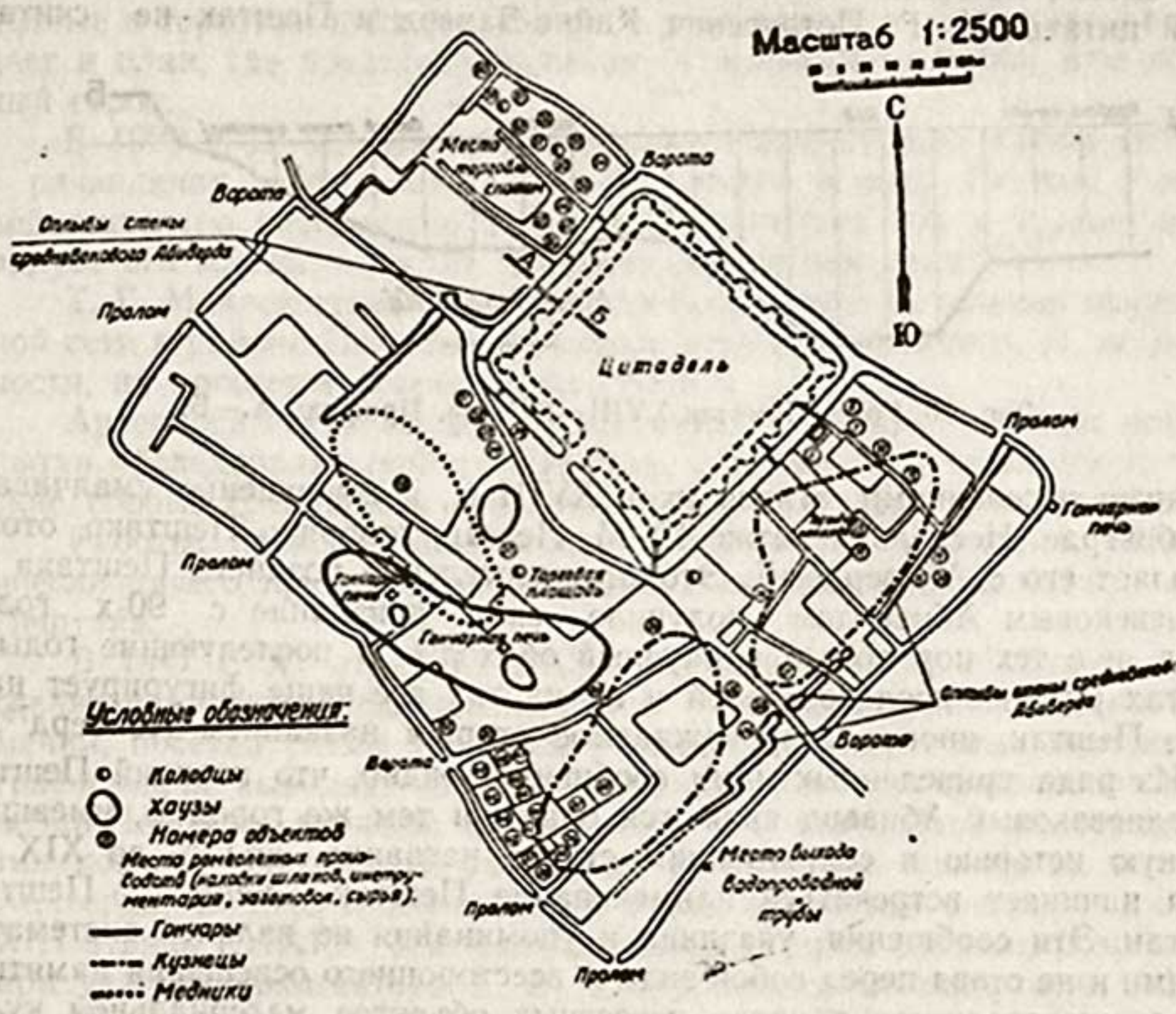

Рис. 9. План города Пештак XVIII—XIX вв.

отделяют цитадель от города, уровень которого ниже цитадели на 4,5—5 м.

Сам город, буквой «П» охватывающий цитадель, окружен тонкой (0,80—1,00 м) и невысокой стеной, сложенной из самых разнообразных строительных материалов. Вся кладка носит следы поспешности и небрежности. Стена снабжена бойницами очень примитивного характера. Очевидно само собой, что ни о какой одновременности стен города и цитадели не может быть и речи. Тонкие стены города примыкают к оплывам стен цитадели и отделяют внутренние части рва от северо-восточной стены, которая входит в общую линию укрепления. Глубина рва, окружающего город, не превышает 1,5—2 м. Городской ров в четырех местах прерывается дорожными насыпями. Ничего похожего на ворота не сохранилось, только в северо-восточном фасе стены остались предвратные устои из кирпича-сырца. В остальных случаях местонахождение ворот определяется направлениями двух главных магистралей города.

Название Пештак не встречается в письменных источниках. Вплоть до 1836 г. речь идет об Абиверде и его округе, Баверде или Баверд-Тепеси[75]. Впервые такое название появляется в работе Н. Г. Петрусевича в 1880 г., который пишет следующее: «Первый Бауард был большим городом во времена Надир-шаха, а Пештак был населен туркменами алили, которые населяют теперь Каахку»[76]. Как видно из приводимой цитаты, Н. Г. Петрусевич Кайне-Баверд и Пештак не считает

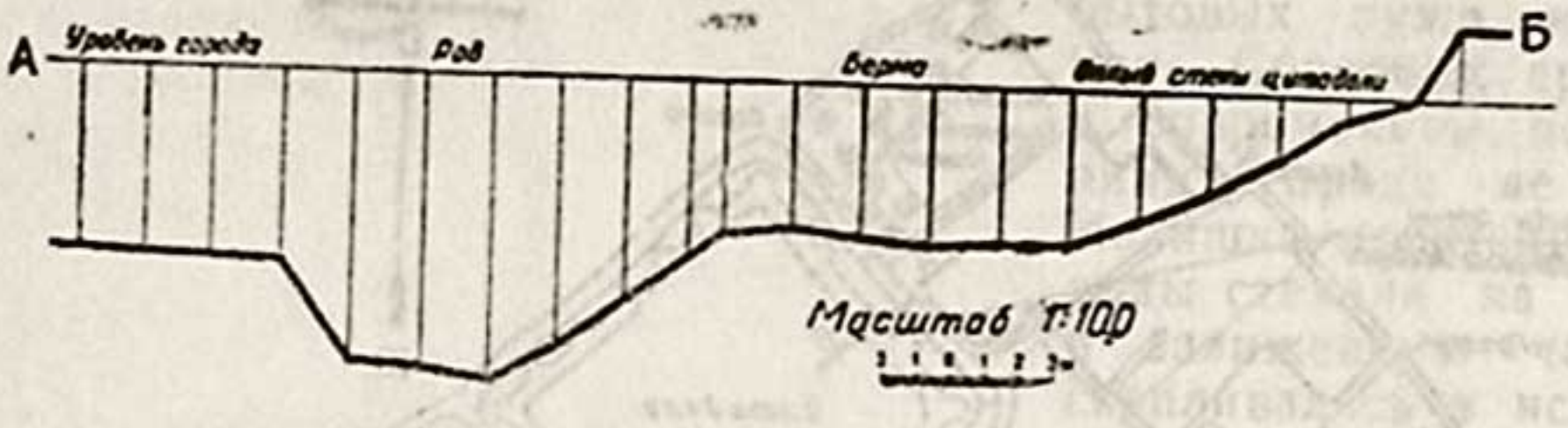

Рис. 10. Город Пештак XVIII—XIX вв. Профиль А.—Б.

древними поселениями, относя их к XVIII в., и совершенно умалчивает об Абиверде. Несколько позже П. М. Лессар, говоря о Пештаке, отождествляет его с Абивердом[77]. Это отождествление позднего Пештака со средневековым Абивердом получило свое признание с 90-х годов XIX в. и с тех пор вошло в научный обиход[78]. В последующие годы в работах русских исследователей и на картах все чаще фигурирует название Пештак, иногда сопровождаемое старым названием Абиверд[79].

Из ряда приведенных нами сообщений видно, что поздний Пештак и средневековый Абиверд являются одним и тем же городом, имевшим длинную историю и сохранявшим старое название вплоть до XIX в., когда начинает встречаться наименование Пештак, Бешдаг, Пештаг, Пештан. Эти сообщения, указания и упоминания не являясь систематическими и не ставя перед собой задачи всестороннего освещения памятника, все же ввели его в число известных объектов материальной культуры Закаспия.

В советский период развернулось краеведческое движение, которое было возглавлено в Туркмении Ашхабадским археологическим кружком. В мае 1928 г. этот кружок для предварительных описаний и сборов сделал ряд выездов; ими был охвачен и район Пештака[80]. Тогда же были собраны предания о древних крепостях Каахкинского района[81].

Начало археологическому изучению городища Пештак было положено Хаверанской экспедицией 1928 г. Института туркменской культуры, которая по предложению А. А. Семенова была создана советом Средазкомстариса (при участии В. В. Бартольда). Экспедицию возглавил А. А. Семенов, предусматривавший на этот год только регистрацию и описание памятников Хаверана, в число которых входил и Абиверд-Пештак[82].

Отряд Хаверанской экспедиции произвел осмотр всей совокупности развалин, которые составляют округ Абиверда. Таким образом, сюда вошли развалины Койне-Баверда, Намазга-депе, Пештака, крепость на юго-запад от него и курган на северо-востоке. В результате обследования собственно Пештака, экспедиция дала следующий материал: план старо-

го городища Пештак Каахкинского района ТССР; описание цитадели, ее стен и остатков пилона; описание сохранившихся построек позднего города; характеристику археологического материала, собранного на территории цитадели городища; описание мазара и надгробия Сандуклиовлия; расшифровку надписи последнего.

Однако работами Хаверанской экспедиции не была намечена хронологическая канва жизни города и недостаточно выявлены его ремесленные и торговые центры. Неверное представление о планировке города дает и план, где представлена какая-то отвлеченная схема, а не конкретный город.

В 1929 г. Д. Д. Букинич, описывая Намазга-депе, также упоминает о развалинах города. Он, очевидно, имеет в виду Пештак, который действительно расположен в полосе затухающих вод и хорошо иллюстрирует его мысль о местах древнего расселения людей[83].

Т. Г. Мачнев ставил вопрос о необходимости выявления ирригационной сети в районе Пештака и Каахка, чтобы использовать ее, по возможности, на орошение современных полей[84].

Археологическая секция Туркменкульта в 1930 г. делает новые попытки обследования района Пештака, следами чего являются керамические сборы, хранящиеся в фондах музея краеведения в Ашхабаде[85].

Работы, проводившиеся после Хаверанской экспедиции 1928 г., не внесли ничего принципиально нового в вопросе о хронологии и истории Пештака.

В 1947 г. XI отряд ЮТАКЭ, во главе с М. Е. Массоном, осуществляя план рекогносцировки древних культурных районов Южной Туркмении, посетил район Пештака и пришел к ряду новых историко-топографических выводов, наметив историю сложения средневекового Абиверда-Пештака, периоды его расцвета и спада[86]. Этот же отряд отметил позднее городище и развалины туркменских жилищ на территории Абиверда. В 1948 г. изучение их стало предметом специальных работ XIII отряда ЮТАКЭ, осуществляющихся автором настоящей публикации, при участии архитектора Б. В. Дмитровского, на территории Абиверда.

При рассмотрении поселения Абиверда-Пештака необходимо остановиться на вопросе, кто и когда населял его, какое племя и по какой причине оставило свое жильё почти нетронутым и куда оно переселилось? Постройки в Пештаке, как утверждают жители Каахка, принадлежали алилинцам и построены ими лет сто—сто пятьдесят тому назад[87].

Алилинцы — давние обитатели районов Ахала и Атека; исторические источники указывают места их обитания в XVI в. в Мерве и его области, в областях Нисы, Дуруна, Багабада[88].

Абул-Гази отмечает, что до XVI в. они имели свои селения и занимались земледелием на берегах Аму-Дарьи. При описании налогов, взимаемых с туркмен, в главе «История Суфиян-хана» он пишет: «На берегах реки Аму жили три поколения туркмен, занимавшихся земледелием, которых называли Учь-Иль (три поколения), именно: Хызр-или, Адак-или и Али-или. С их земледельческих промыслов брали десятину»[89]. Они платили налоги скотом и десятину с земли. Историк отмечает нивы, виноградники и деревья в их селах. Это обстоятельство говорит о факте вполне оседлого состояния алили к этому времени. Оседлый быт туркмен—явление достаточно древнее; совершенно неудивительно

поэтому, что племя алили, уже давно полностью перешедшее на оседлость, не сохранило в комплексе своих построек юрты—элемента полукочевого хозяйства[90].

Легенда гласит, что алилинцы ведут свое происхождение от раба, принадлежавшего Мама-бике — дочери Эрсари-баба. Название их племени говорит об этнической пестроте состава, что подтверждается и историческими данными и исследованиями этнографа Г. И. Карпова, который в своей работе «К истории туркмен алили» указывает, что состав их племен пополнялся в XII—XVII вв. туркменскими племенами огузской группы, с которыми они приходили в соприкосновение. То же явление отмечается и в XVII—XIX вв.[91]. В настоящее время алилинцы живут в Каахкинском районе и делятся на 2 основных рода: Он-беги и Юз-баши. Каждый из этих родов делится на четыре колена.

Предки современных алилинцев населяли когда-то Абиверд, упорно сохраняя свое старое пепелище, несмотря на все невзгоды, связанные с политическими изменениями в жизни края. Сообщения исследователей подтверждают это обстоятельство и дают точную дату ухода алилинцев из Абиверда, подчиненного Аллаяр-хану Дерегезскому, в Каахка. Это — 1876 год[92]. П. М. Лессар указывает, что элилинцы, жившие в Каахка, явились в Атек из Хивы после её завоевания русскими (1873 г.). Сначала они поселились в Абиверде и Коушуте и платили подать Аллаяр-хану, потом из-за притеснений последнего переселились в Каахка. куда для полива своих полей отвели речку Лоин, прежде орошавшую их посевы в Абиверде[93]. Это было далеко не первое переселение племени алили. Бурный XIX в., полный борьбой Хивы с Ираном за обладание областями Ахала и Атека, соединенный с наступательным движением туркмен-теке, оказался тяжелым для алилинцев. В 1829 г. Алла-Кули-хан хивинский воевал с Ираном, и, разбив туркмен Ахала и Атека (апрель 1830 г.), часть их отвел в Хиву—среди них были и абиверд-ские алилинцы[94]. В 1855 г. они вернулись, воспользовавшись гибелью Мамед-Эмина в битве с туркменами-теке. Под натиском Дерегезского хана алилинцы в 1869 г. вновь ушли в Хиву, которую покинули после 1873 г., не желая платить контрибуции, наложенной на хивинских туркмен Россией[95].

Город, лишенный жителей и воды, постепенно превратился в груду развалин и получил свое новое название Пештак, наряду с которым долго еще сосуществовало его старое наименование—Абиверд. В связи с вопросом о частых переселениях племени алили и его богатой событиями истории до XIX в., интересно отметить наличие легенд, пытающихся найти объяснение и обоснование многочисленным переселениям, которым подвергалось это племя. Г. И. Карпов в цитированной выше работе приводит легенду, переданную ему Нури-кара-оглы, в которой имеется указание на наличие определенного предписания племени алили переселяться каждые 7 лет. Если же переселение по какой-либо причине невозможно, то предписывалось хотя бы переместить входную дверь в доме — этот обряд обозначает символическое переселение. Несомненно, что такая легенда родилась как попытка придать своего рода закономерность и даже фатальность происходившим перипетиям. Любопытно, что при обследовании колхоза «Комсомол» приходилось наблюдать немало заброшенных участков с развалившимися домами. Жители кол-

хозяйственные еще помнят кто там жил и куда переселился, так как перемещения происходили уже в пределах этого селения.

Пештак отличается компактностью селитебного пятна и большой плотностью застройки. Перед нами прямоугольник с ядром цитадели, рассеченный главной осевой магистралью, идущей с северо-востока на юго-запад, почти на две равные половины. Прямые узкие улички пересекают жилые массивы, соединяя их с торговыми центрами и с основной магистралью. Планировочная схема города отлична от той, которую мы проследили в Анау, где веерная сетка магистралей соответствовала направлению питающих арыков, где город расплывался в своих очертаниях, незаметно переходя в пригород. Здесь перед нами ограниченное городское пятно с четкой планировкой и функциональным разграничением кварталов.

Правда в какой-то период жизни город перехлестнул за свои стены, за пределами которых наблюдается большое количество оплывших построек и подъемного археологического материала. Сосредоточенность застройки в окрестностях города говорит за то, что это не отдельные ховлы-усадьбы, а самый город, которому стало тесно в пределах стен. Это обстоятельство подтверждают и свидетельства письменных источников XVIII в., в которых имеются указания на то, что дома даже чиновников шаха находились в окрестностях Абиверда[96].

При обследовании города мы располагали более полным и современным графическим материалом, который подвергали еще корректировке на местности. При этом удалось установить, что на плане П. С. Бугро, сопровождающем работу А. А. Семенова «Древности Абивердского района», имеются неточности; так, например, прямолинейная сетка кварталов города совершенно не соответствует действительности. Прямые отрезки, конечно, есть, но их не так много и они не подчинены жесткой схеме. Автор плана, нанося осевую улицу пересекающую город в направлении с юго-запада на северо-восток и слабо прослеживающуюся на местности как в черте города, так и вне его, совершенно игнорировал ясно выраженную улицу в юго-западной части города. Улица эта выходит за его пределы, доходит до промежуточной крепостцы и вливается в дорогу на Кайне-Баверд.

Переходя к деталям плана, хочется прежде всего остановиться на торговых центрах, которые выявились при обследовании. Первый из них расположен в юго-восточной части города на стыке дорог, идущих одна по направлению к Келату через Кайне-Баверд и Хивеабад, другая — вдоль предгорий на границе смыкания оазиса со степью. Второй центр отмечен в северо-западной части города, на что обратил внимание Т. Г. Мачнев при обследовании в 1928 г. Здесь находится довольно большая площадь, на которую можно было попасть из северных и северо-западных ворот. По всей вероятности она служила для торговли скотом— положение площади между воротами, обращенными в сторону степей, и ее масштабы оправдывают такое предположение. Кроме того, есть детали, которые еще больше подкрепляют эту мысль; кругом площади расположены участки с большим количеством кормушек, загонов и стойл-землянок. Размеры участков значительно больше, нежели в остальных частях города и, как будто, предназначены для содержания большого количества скота в период торговли. Интересно и то обстоятельство, что на пло-

щадь выведен рукав из общего городского рва—соблазнительно видеть в этом заботу о водопое скота. Кроме того, возле этой площади отмечено два колодца.

Туркмены-скотоводы, кочевавшие в степях, конечно, вступали в торговые сношения с жителями цветущего оазиса, где они продавали свой скот и покупали все необходимое. Не лишено вероятности предположение о местонахождении третьего торгового центра на территории, расположенной у центральных ворот цитадели, где сосредоточено жилье и мастерские медников-ювелиров.

Жилые массивы, прилегающие к торговому центру в юго-восточной части города, в основном, были заселены ремесленниками. Перед нами привычная картина мастерских — лавок, где продавец одновременно является и производителем своих товаров. Перед центральным въездом в цитадель за хаузом, ближе к городской стене, в низинах опять отмечены производственные кварталы. Наиболее плотная застройка жилых массивов наблюдается в юго-восточной, северо-восточной и юго-западной частях, прилегающих к стенам цитадели. Удалось проследить, что рельеф этих частей города несколько выше и ограничен оплывами когда-то бывших здесь городских стен, которые более четко прослеживаются на юго-востоке, северо-западе и частично на юго-западе, где наблюдается сильное падение рельефа.

Места ворот средневекового Абиверда отмечаются мощными буграми оплывших башен. Двое ворот расположены были на той же оси северо-запад — юго-восток, где находятся и современные въезды. Третьи ворота были, очевидно, против въезда в цитадель. На месте от них не осталось никакого следа и предположение о существовании третьих ворот основано на направлении магистрали Кайне-Баверд — Пештак.

Археологическое обследование в 1947 г. позволило выявить места с наибольшей насыщенностью остатками материальной культуры в черте города и вне его. Они лежат на юге, частично на юго-востоке, северо-западе и на территории цитадели. В юго-восточной части располагаются в настоящее время посевы колхозов Каахкинского района, в частности колхоза «Комсомол». На территории полей археологический материал представлен слабо. Таким образом, можно констатировать, что наибольший процент остатков материальной культуры падает на район между Намазга-депе и юго-восточной стеной Пештака.

Рассматривая подъемный материал в хронологической последовательности, нужно отметить, что небольшая часть керамики в виде мелких фрагментов относится к раннефеодальному периоду. Она отличается тонким черепком из тщательно отмученной глины и хорошей отделкой поверхности. Обильнее представлена керамика IX—X и XI—XII вв. Эпоха конца XIII—XIV вв. дает большое количество керамики, что подтверждает лишний раз наблюдения ЮТАКЭ над рядом городищ, где и подъемный материал, и раскопки указывают на некоторый подъем жизни в период, наступивший после преодоления последствий монгольского завоевания. Материалы для периода XV—XVI вв. невелики по объему, но дают представление о наличии жизни в эту эпоху. Нумизматические данные также дают материал XV—начала XVI вв. Во время обследования территории города было найдено некоторое количество

медных монет. Две из них, по определению Е. А. Давидович, чеканены в Абиверде и относятся к концу XV—началу XVI вв. Наличие чекана достаточно веский аргумент, подтверждающий развитую экономическую жизнь города в этот период. Подъемный материал дополняется еще и надгробием Сандукли-овлия, относящимся к 1518 г. Очевидно, этот период не выпал из истории города, а был таким же полноценным, как и другие, что подтверждается как археологическими данными, так и историческими свидетельствами. Хафизи Абру—автор XV в. указывает, что булюк города Абиверда и подчиненные ему местности имели 15 селений и деревень[97]. В период междуусобных распрей Хусейна Мирзы и его сыновей часто упоминается Абиверд с окрестностями[98]. В начале XVI в., когда на территории Туркмении разыгрывается борьба иранцев и узбеков за власть в Хорасане, Абиверд неоднократно становится ареной военных столкновений[99]. Интересно, что Искандер Мунши, описывая поход шаха Аббаса в 1524 г. в области Абиверда и Мерва против узбеков, специально останавливается на осаде хорошо укрепленного Абиверда. Потребовалось создание заслона, подкопов, насыпей, чтобы начать действие против сильной крепости[100]. Эти свидетельства дают основание полагать, что Абиверд не только в начале XVI в., но уже в XV в. имел стены, был большим городом и немаловажным стратегическим пунктом, к овладению которым стремились враждующие стороны. Период XV—XVI вв. представлен также известной по комплексам из Нисы группой керамики на твердом кашине с росписью кобальтом, фиолетово-синей и черной красками по белому фону. Интересен фрагмент с изображением какого-то насекомого, может быть бабочки. Часто встречается керамика стекловидной поливы в красновато-коричневой и желтой гамме с вкраплениями зеленых пятен и разводов.

Керамика XVIII—XIX вв. выявлена рядом неполивных сосудов, наиболее сохранившиеся из них — кувшины для воды и хумча. Форма таких сосудов бытует и теперь. Поливная керамика этого времени фрагментарна и не дает представления о формах. Цветовая гамма довольно разнообразна: встречается зеленовато-коричневая с голубым, красновато-коричневая, светло-зеленая с кирпично-красным. Контур рисунка дан толстой черной линией.

Как указывалось выше, в Пештаке удалось выявить места ремесленного производства, так, например, в северо-западной части большое количество находимых железных криц, ладошкообразной и полусферической формы высотой 7 см, диаметром 12—13 см и шлаков позволяет заключить о наличии здесь мастерских кузнецов и, может быть, оружейников.

В центральной части городища, в 150 м от главного въезда в цитадель, располагались мастерские медников и ювелиров. Здесь особенно много было находок слитков меди, заготовок, поделок из бронзы и меди (перстни, серьги, бубенчики для сбруи, пряжки, женские украшения, ножки от бокалов, зубья от медных гребней, кольца большие и малые—может быть детали сбруи, круглые пуговицы из двух половинок с рубчатой поверхностью). На юго-восточной и западной окраинах близ городской стены найдено большое количество керамических штырей, сипая. конусов, хумданных шлаков. На юго-западной окраине были обнаружены две гончарные печи прямоугольных очертаний, сохранившиеся только в

своих нижних частях. Печи эти расположены на берегу высохших теперь хаузов.

Небезынтересно указать на находки вставок для перстней из стеклянной пасты, пуговиц и бус; очевидно, керамисты занимались и более тонкой работой по изготовлению имитаций, так как этого требовало наличие ювелирного производства в городе.

Повсеместно на территории города обнаружен жженый плоскопли-точный кирпич, использованный недавними жителями при возведении своих домов в наиболее ответственных местах — фундаментах, печах, арках, гидроизоляционных прокладках и т. д. Размеры кирпича следующие: 20×20×3; 24×14×6; 25×25×5; 30×30×6. Этот кирпич получен был, очевидно, в результате разборки зданий древнего Абиверда. Неоднократны были находки и облицовочных плиток прямоугольной и шестигранной формы с голубой поливой. Конечно, по этим разрозненным остаткам трудно представить себе размеры и вид бывших когда-то построек средневекового Пештака, но, судя по этим деталям, они были достаточно богаты.

На территории города подобраны три жернова ручных мельниц, сделанные из песчаника.

Рис. 11. Пештак. Планировка квартала.

Жилые и хозяйственные постройки, расположенные на территории самого города, сравнительно хорошо сохранились, не хватает только деревянных частей, которые были взяты, очевидно, самими хозяевами домов и перенесены на новое место. Планы участков, расположение элементов застройки, планы домов хорошо прослеживаются во всех частях города; сохранились даже некоторые архитектурные детали.

Рассматривая планы отдельных усадеб, можно констатировать, что ввиду большого процента застройки (в некоторых случаях 20, 30 и даже 50%) конфигурация участка была различной, хотя наилучшей считалась прямоугольная. Часто встречаются усадьбы Г-образной формы. Поражает большой общий процент застройки участков; в южных и юго-восточных частях города он достигает 17%[101]. Показательно, что в этих-то районах и живут ремесленники в своих маленьких скученных усадьбах с минимальной застройкой. Размеры этих усадеб не превышают 200—250 кв. м. Они принадлежали ремесленникам, которые не имели скота и пахотной земли и жили заработком от своего ремесла. У них не было необходимости в огромных хранилищах для зерна—их хозяйственные запасы умещались в доме.

Рис. 12. Пештак. Планировка квартала.

Часть населения была связана и с земледелием и со скотоводством, как это можно заключить по назначению построек на хозяйственном дворе каждой данной усадьбы. Особенно это выявляется в северо-западной и западной частях города. Участки здесь имеют площадь от 600 до 2500 кв. м, что говорит о значительной социальной дифференциации[102].

План усадьбы довольно четко подразделяется на хозяйственную и жилую часть, причем, очевидно, что владельцы некоторых усадеб имели скот в большом количестве, так как почти каждый двор большой усадьбы снабжен кормушками, загонами, хлевами и т. д. На территории усадьбы часто встречаются особого рода хранилища, вмещавшие большое количество зерна, самана и проч.

На основании изучения застройки города, решений планов жилых домов, планировки города и организации его пространства, можно прийти к следующим выводам:

Q.C.L. N.Ver

1. Поздний город Пештак-Абиверд, в XVIII в. населенный оседлым земледельческим племенем алили, продолжал развиваться на старом месте, имея в основе планировку средневекового Абиверда, характерную для многих городов Средней Азии (цитадель и шахристан). Выгодное

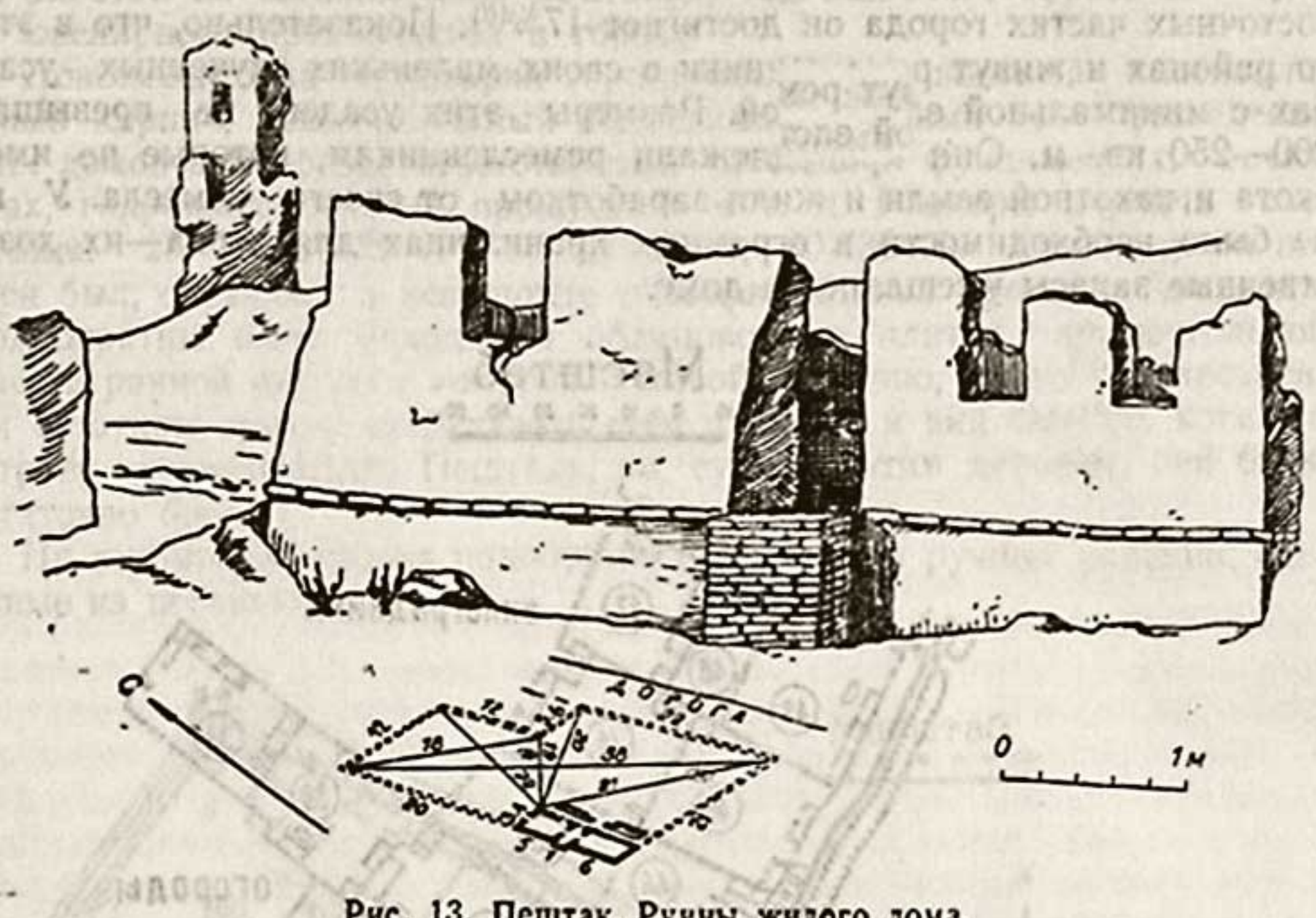

Рис. 13. Пештак. Руины жилого дома.

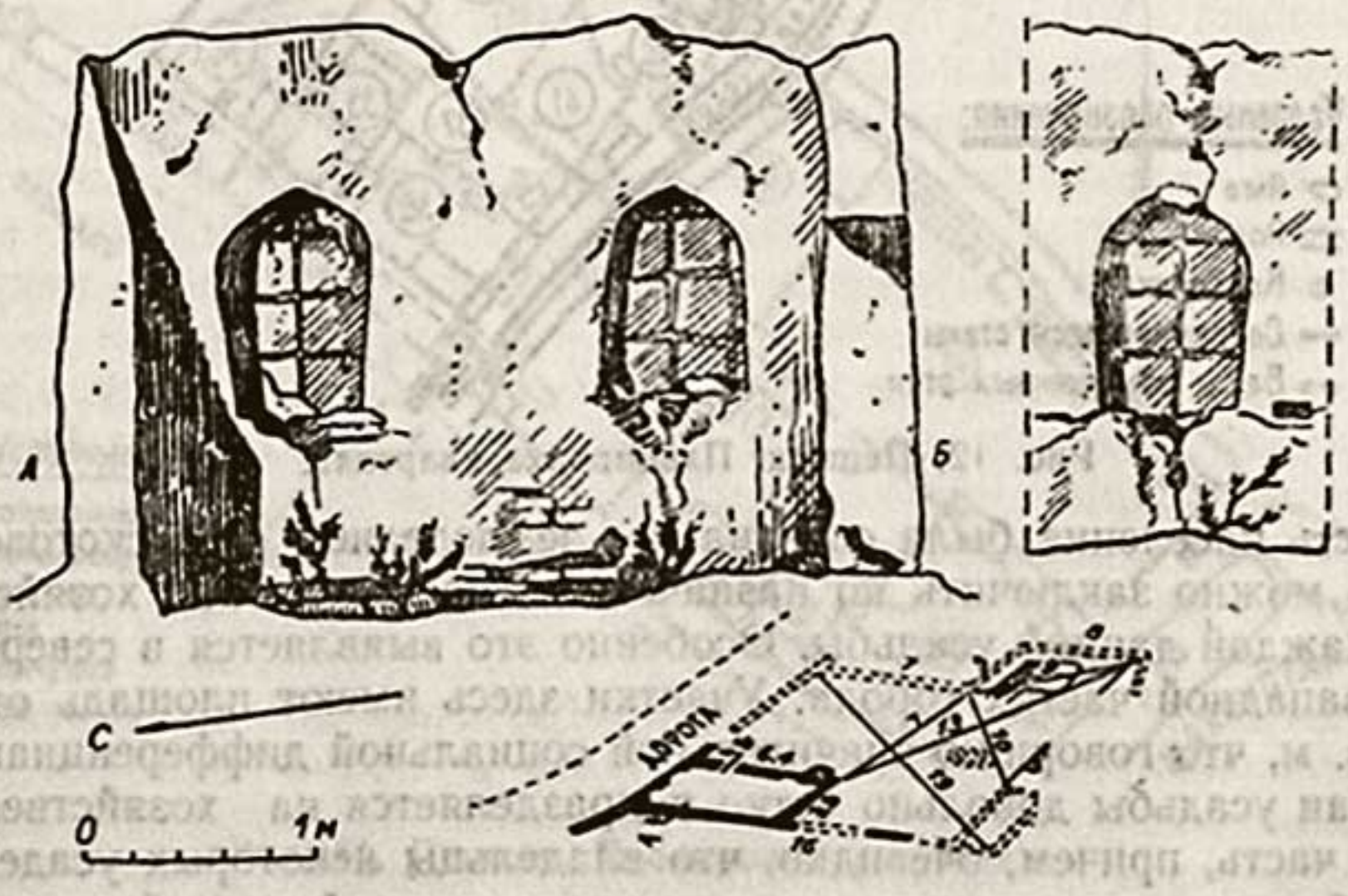
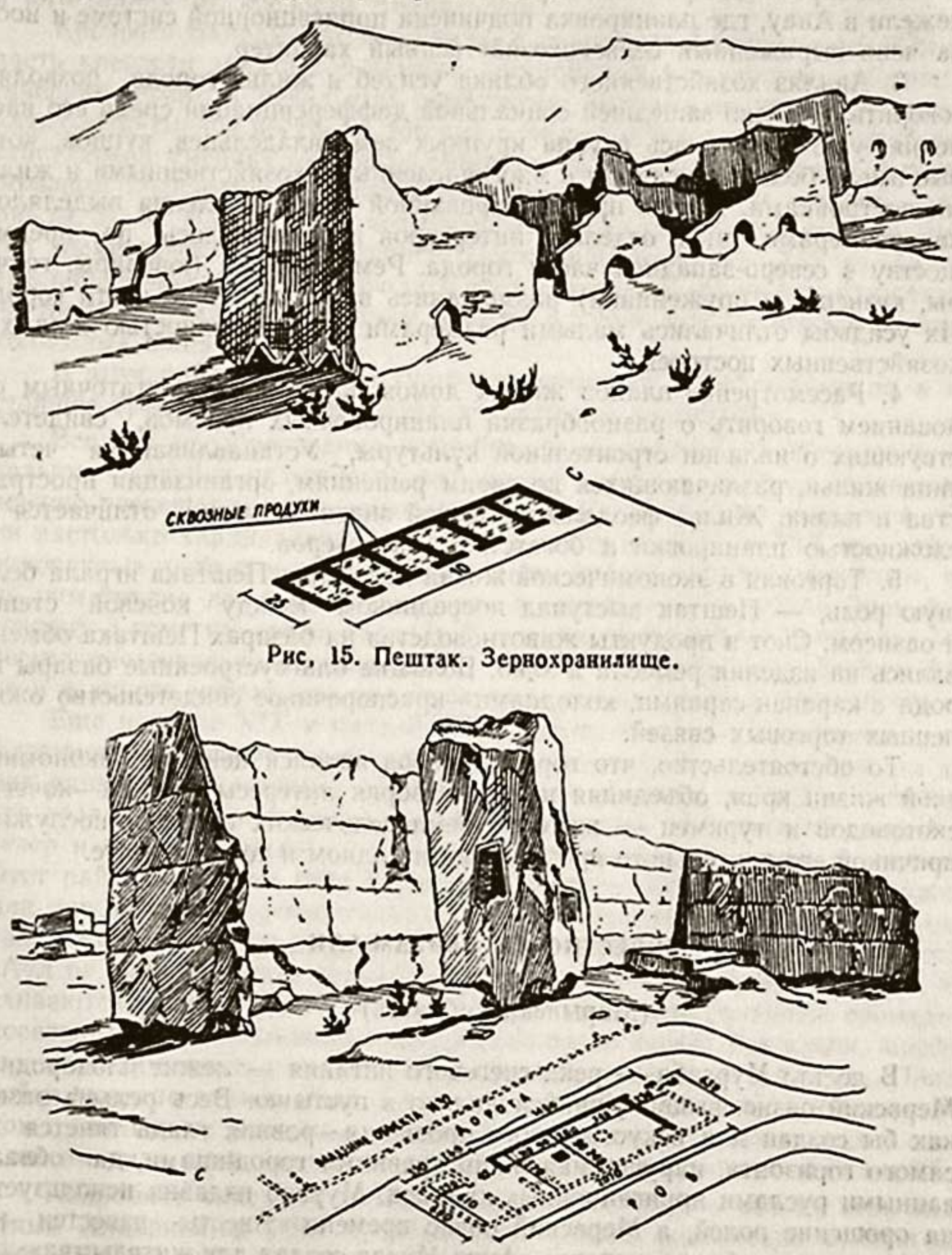

Рис. 14. Пештак. Интерьер жилого дома.

местоположение на торговых путях, хорошее водоснабжение, связи со степью, как с потребителем изделий городского ремесла—все это удерживало жителей на одном месте. Планировка средневекового Абиверда отразилась и на планировке позднего города, который развивался по

той же схеме магистралей и сохранил прямоугольные очертания. Какова была планировка в окрестностях Абиверда сказать трудно, так как прилегающая к стенам территория распахана.

Рис, 15. Пештак. Зернохранилище.

Рис. 16. Пештак. Руины здания общественного назначения.

2. Абиверд XVIII—XIX вв. представлял собой довольно развитый городской комплекс, — крупный центр этого района со всеми элементами городского организма, с определенной исторически сложившейся планировочной структурой; здесь ясно прослеживаются ремесленно-торговые

центры, городская стена с воротами, четко выраженное пятно селитьбы с очень высокой плотностью застройки.

Планировочное решение городского пятна Абиверда совершенно иное, нежели в Анау, где планировка подчинена ирригационной системе и носила ясно выраженный сельскохозяйственный характер.

3. Анализ хозяйственного облика усадеб и жилья города позволяет говорить о далеко зашедшей социальной дифференциации среди его населения; уже выделилась группа крупных землевладельцев, купцов, которые имели большие усадьбы с многочисленными хозяйственными и жилыми постройками. Жилье привилегированной части населения выделялось как размерами, так и отделкой интерьеров и размещалось по преимуществу в северо-западной части города. Ремесленники (ювелиры, гончары, кузнецы, и оружейники) размещались в юго-западной части города. Их усадьбы отличались малыми размерами и примитивностью жилых и хозяйственных построек.

4. Рассмотрение планов жилых домов позволяет с достаточным основанием говорить о разнообразии планировочных приемов, свидетельствующих о наличии строительной культуры. Устанавливаются четыре типа жилья, различающихся по своим решениям, организации пространства и плана. Жилье феодально-родовой знати заметно отличается и сложностью планировки и богатством интерьеров.

5. Торговля в экономической жизни населения Пештака играла большую роль, — Пештак выступал посредником между кочевой степью и оазисом. Скот и продукты животноводства на базарах Пештака обменивались на изделия ремесла и хлеб. Большие благоустроенные базары города с караван-сараями, колодцами—красноречивое свидетельство оживленных торговых связей.

То обстоятельство, что город Абиверд являлся центром экономической жизни края, объединяя и удовлетворяя интересы туркмен—кочевых скотоводов и туркмен — жителей земледельческих оазисов, послужило причиной его длительного процветания на одном и том же месте.

ОКРЕСТНОСТИ БАЙРАМ-АЛИ

(Марыйская область)

В дельте Мургаба — реки снегового питания — лежит плодородный Мервский оазис, выдвинувшийся далеко в пустыню. Весь рельеф оазиса как бы создан для искусственного орошения—ровная гладь тянется до самого горизонта, нарушаемая лишь древними городищами, да обвалованными руслами ирригационных каналов. Мургаб издавна используется на орошение полей, а Мервский оазис времени Авесты известен как третье место изобилия, которое «Аура-Мазда создал для жительства».

Город Байрам-Али, он же и станция железной дороги, лежит на восточной окраине оазиса и является районным центром Марыйской области. Масса зелени, благоустроенные улицы и дома составляют его главное достоинство, а наличие некоторой промышленности с перспективой дальнейшего развития и непосредственная близость железной дороги сулят ему прекрасное будущее. Развивающийся город соседствует с раз-

валинами Старого Мерва, где в 1949 г. XIII отрядом ЮТАКЭ (автором при участии Б. В. Дмитровского) были обследованы развалины поселения XVIII—XIX вв., расположенные в основной своей массе к западу и юго-западу от крепости Байрам-Али.

Крепость Байрам-Али смыкается с крепостью Абдулла-хана. Южная часть крепости занята городскими постройками и колхозным рынком, а северная лежит в печальном запустении. Территория крепости лишена каких-либо следов построек, так как в период строительства Мургабского «государева имения» она была обречена на роль камнеломни и оттуда в большом количестве вывозился строительный кирпич и прочие материалы. В. А. Жуковский с возмущением писал об уничтожении построек без элементарной их фиксации[103]. Постройки же XVIII—XIX вв. на территории, прилегающей с запада и юго-запада к Байрам-Али-хан-кала, в настоящее время представляют жалкие остатки, кое-где торчащие среди колхозных полей.

В этом районе, издавна густо заселенном и обрабатываемом, в настоящее время ведется интенсивное колхозное земледелие.

Все эти преобразования потребовали разрушения и перепашки отдельных усадеб и целых массивов жилых построек, которые мешали освоению посевных и орошаемых площадей. Происшедшие изменения были настолько кардинальны, что остатки построек XVIII—XIX вв., зафиксированные нами при обследовании, были иногда так незначительны, что по ним трудно даже было составить представление о целом. Этот факт говорит о том, что своевременная фиксация памятников народного зодчества настоятельно необходима не только в окрестностях Байрам-Али, но и в других местах, где эти памятники имеют лучшую сохранность.

Еще в конце XIX и начале XX в. исследователи и путешественники фискировали наличие многочисленных «оба»—аулов с характерными для них дингами и глиняными саклями. Так, О. Донован в 1882 г. отмечал, что развалины стен и домов тянулись на 5 миль непрерывной линией на север и юг, перемежаясь с кое-где сохранившейся зеленью садов[104]. Этот район в том же году посетил Е. Марков, который сделал важное для нас замечание относительно плотности заселения оазиса и дал описание жилья, которое не разнится от описаний других путешественников. «Аул от аула отличить нельзя». Они так часто сидят вокруг Мерва, что сливаются своими садами и виноградниками в одно сплошное громадное поселение. Все это глиняные четырехугольные ящики без крыш, массивные и почти слепые, с крошечной дверочкой, с одиноким окошком. Пристройка повыше играет роль башни на случай нападения и защиты. Рядом с глиняными домами, в перемежку с ними и отдельно от них в садах и на выгонах аула, целые становища круглых войлочных кибиток»[105].

Подробное описание поселений Мервского оазиса сделал небезызвестный Алиханов, в 1883 г. «Население оазиса разбросано аулами или «оба»; по окраинам это кибиточные подвижные аулы. Аулы в центре оазиса имеют несколько глиняных сакель, вокруг которых группируются кибитки. Поля и сады разгорожены стенками. Население ютится возле своих посевов у полевых башен или глиняных сакель. Калы, такие обязательные в Ахале, здесь не встречаются»[106]. В. А. Жуковский, посетивший Байрам-Али-хан-калу в 1890 г., описывает ее окрестности, отмечая, что все пришло в еще больший упадок. На юге и юго-западе,—говорит

он,—«руины тянутся до видимого горизонта в виде остатков сырцовых и глинобитных дворов, жилья, оросительных канав, насыпанных возвышений для посадки виноградной лозы, остатков столь однообразных и жалких, бесформенных, что глазу не на чем остановиться»[107]. По мере удаления от городища, сообщает В. А. Жуковский, все чаще встречаются типичные дворы со сторожевыми башнями из сырца. Он отмечает их четырехугольный план и многоэтажность при отсутствии «ходов»[108]. В своей работе В. А. Жуковский приводит карту мервских развалин, составленную в 50 гг. XIX в. персидским инженером, и дающую некоторое представление о характере построек. На этом аксонометрическом плане видны динги, юрты и купольные постройки мавзолеев.

Однако, как мы видим из этих описаний, все вышеупомянутые исследователи не ставили перед собой цели изучения полуразрушенных поздних поселений, покинутых обитателями. Только в годы советской власти появился ряд работ, в которых авторы отводили некоторое место рассмотрению жилья и поселений туркменских племен. Однако все это делалось между прочим, а специальных исследований, дающих представление о жилье и поселениях туркмен-теке, почти нет, если не считать трех статей П. Иванова, опубликованных в журнале «Туркменоведение» за 1930 г., и работы В. Г. Мошковой «Дехканские жилища в низовьях Мургаба», написанной в 1939 г., но неопубликованной[109]. Эти работы посвящены рассмотрению типов жилья туркмен-теке, причем П. Иванов определенно полагает, что кочевые традиции присущи туркменскому быту, и признает юрту национальным типом жилья туркмен. В. Г. Мошкова, анализируя свои наблюдения высказала очень верную мысль о том, что жилье туркмен нужно изучать в его развитии, с учетом характера и истории исследуемого населенного пункта, имея в виду социально-экономические условия его развития. В других публикациях имеются беглые упоминания или дается лишь краткая характеристика жилья, и то не всегда. В последней по времени работе Я. Р. Винникова дана характеристика «старого аула» Мервского оазиса, которая однако не вскрывает ни характера, ни типа поселения XVIII—XIX вв.[110].

Таким образом, проблема изучения жилья и поселений туркмен-теке не была решена окончательно; и в данном случае ЮТАКЭ пришлось осваивать новый фактический материал, почти не затронутый предшественниками[111].

Как уже указывалось, никаких специальных исследований, посвященных поселениям Мервского оазиса нет, и для того, чтобы получить представление о том, как складывались социально-экономические отношения, обусловившие типы поселений и жилья, мы должны обратиться к фактам политической истории оазиса и его населения. История Мервского оазиса в период XVIII—XIX вв. как политическая, так и социальная представляет большой интерес для истории туркменского народа — она полна событиями, не раз приводившими к запустению оазиса и к переселению его жителей. Соперничество Ирана, Бухары и Хивы не прошло бесследно для экономического состояния края—была разрушена ирригационная сеть и сократилась посевная площадь, население оазиса терпело бедствия.

В начале XVIII в. Мервский оазис в числе других провинций Северного Хорасана подчинялся и платил дань Хиве[112]. Это положение измени-

лось при Тахмаспе II (1722—1731), который присоединил Мерв к Хорасану. Оазис был опустошен, плотина разрушена, земледелие потерпело большой урон. В 1738 г. Надир-шах (1736—1747) решил восстановить сельское хозяйство оазиса, в котором к тому времени было не больше 100 семейств населения, занимавшегося на хуторах земледелием. Мерв лежал в развалинах[113]. Переселенцы из Ирана и гарнизон города занялись гидротехническими мероприятиями и земледелием[114]. Однако эти меры не могли дать быстрого эффекта и налоги для шахской казны собирались с помощью побоев и истязаний несчастных жителей, что вызывало вспышки возмущения[115].

После смерти Надир-шаха (1747) усилились феодальные смуты. Время правления каджара Байрам-Али-хана, который дал имя крепости[116], падает на 80-е годы XVIII в., когда особенно обострилось соперничество Бухары и Хивы в Мерве. Шах-Мурад (1785—1800) — правитель Бухары последовательно совершил два похода на Мерв и во время второго похода, овладев Султанбентской плотиной, подчинил себе город и оазис. Произошло новое переселение населения Мерва, теперь уже в Бухару. В этот период начинает возрастать значение туркмен в Мерве. Известно, что братья Шах-Мурада, поставленные наместниками, взбунтовались и обратились к помощи туркмен, чтобы противодействовать Шах-Мураду[117], который, не сумев подавить восстание, вновь разрушил Султанбентскую плотину и обрек жителей на голод. Отношения наместников и жителей обострились, чем воспользовался Шах-Мурад и подчинил себе Мерв, передав управление областью своему сыну Дин-Насиру. В период этих феодальных смут все возрастало значение туркменского населения в оазисе.

После смерти Шах-Мурада в 1779 г. туркмены пытались захватить Мерв. Враждебная политика эмира Хайдара (1800—1826), вступившего на бухарский престол после Шах-Мурада, по отношению к Дин-Насиру повела к его сближению с мервскими туркменами и Хивой, таким образом Мерв—снова яблоко раздора между Бухарой и Хивой. Это соперничество закончилось победой Бухары; эмир Хайдар сделал Мерв местом ссылки и искусственно поддерживал запустение оазиса, запрещая восстановление ирригационной системы[118]. Однако население оазиса все же восстанавливало земледелие края, хотя и в меньших масштабах. Туркмены все в большем и большем числе проникали в оазис и в царствование Хайдара в Мерве были уже, кроме салыров, текинцы и сарыки, численность которых все увеличивалась. Вскоре туркмены заселили весь оазис; в 1857 г. сюда двинулись туркмены-теке после захвата Ахала, в 1858 г.— теке из Серахса во главе с Коушут-ханом[119].

Вышеизложенные события политической истории Мерва дают ясную картину соперничества Ирана, Хивы и Бухары за обладание этой областью и, прежде всего, ее крепостями и Султанбентской плотиной—ключом к ее водоснабжению. Постоянные военные столкновения вели к разорению населения, к гибели ирригационной системы—этому главному условию жизни в засушливом климате Средней Азии, к гибели земледельческой культуры, поселений и городов.

Как уже указывалось, население Мерва, т. е., главным образом городское, неоднократно насильственно переселялось, что вело к изменению этнического состава. Однако это положение не может быть распрост-

ранено на весь Мервский оазис вообще, который начиная с XVIII в., по-видимому, заселялся туркменами независимо от того, кому принадлежал сам город Мерв и его крепости.

В период завоевания Туркменистана Надир-шах везде имел дело с упорным сопротивлением туркмен, отстаивавших свою независимость. В борьбе за Мервский оазис ему пришлось столкнуться с местным туркменским населением, которое в тот момент боролось с каджарами, владевшими Мервом[120].

Этот факт позволяет сделать вывод, что уже в первой половине XVIII в. Мервский оазис в значительной мере был населен туркменами. В «Истории Средней Азии» Мир Абдуль Керима бухарского опять-таки указывается на наличие туркмен в Мерве в XVIII в., без уточнения их племенной принадлежности[121]. Совершенно определенные указания на поселения туркмен-теке и сарыков в Мерве относятся к началу XIX в. В Хивинской хронике «Фирдаус-ул-Икбаль» Муниса при описании событий третьего и пятого годов царствования Мухаммед Рахим-хана (1810 г.) сообщается о возмущении мервских теке и сарыков, о случае нападения мервских теке на Хорасан под руководством Мухаммед Нияз-тархана—главы мятежных мервских теке[122], При описании событий шестого года (1811 г.) еще не раз упоминается о мятежниках из племени теке, избравших местом своего жительства Мерв[123]. Там же упомянуты и сарыки в числе племен, населявших Теджен, Мургаб и Серахс. Абдаль Ходжа Бек-абадский был отправлен с известием о победе хана «к туркменам Теджена, Мургаба и Серахса, состоявшим из теке, сарыков и салыров, хотя и находившихся в подчинении хану, но вместе с тем начинавших проявлять признаки непокорности, что особенно относится к мервским теке»[124]. Та же хроника при описании посольств, направленных к Мухаммед Рахим-хану в 1812 г., отмечает в их составе мервских сарыков: «Также и мервские сарыки для выражения своей преданности и покорности прислали своих знатных людей»[125].

В 1819 г. (в четырнадцатый год царствования Мухаммед Рахим-хана) в набег на Мерв отправился Соин-бий, который разорил и ограбил его окрестности. После этого «похода» к хану явилась делегация мервских теке и сарыков с изъявлениями покорности[126]. Все последующие события политической жизни Мерва связаны с этими племенами, вступившими в определенные взаимоотношения с Хивой, Бухарой и Ираном.

Сведения хивинских и иранских источников, упоминающие в качестве насельников Мерва теке и сарыков, относятся к самому началу XIX в., что дает основание полагать наличие более раннего расселения этих племен в Мервском оазисе. Здесь уместно вспомнить туркменские предания, в которых сообщается о переселении сарыков из Чарджуя при Байрам-Али-хане, т. е. во второй половине XVIII в.[127]

Таким образом, анализ источников позволяет отодвинуть дату заселения Мервского оазиса туркменами к началу XVIII в.[128]

Теке и остатки вытесняемых ими сарыков, густо населявшие орошаемые земли Мерва, занимались земледелием и селились аулами или «оба» вдоль каналов, причем наиболее значительным родам принадлежали и большие оросительные каналы. Дележ земли и воды произошел после завоевания оазиса[129].

Как уже указывалось в главе IV для Мервского оазиса была характерна чересполосица, вызванная «уравнительным» распределением земли и воды среди туркмен-теке, поделивших ее поровну между двумя родами Отамыш и Тохтамыш независимо от их численности. Эта чересполосица в конце концов вместо укрепления родовых связей привела к их ослаблению. Я. Р. Винников, подробно изучавший социально-экономические отношения у мургабских текинцев, составил очень показательную схему, в которой ясно отражено несоответствие между количеством хозяйств и количеством наделов у отамышцев и тохтамышцев: если у отамышцев количество земельных наделов превышало количество хозяйств, то у тохтамышцев соотношение было обратным[130]. Он же отмечает сооружение параллельных отводящих каналов каждым родовым подразделением, что вызывало нецелесообразную затрату сил как на строительство, так и на последующее обслуживание ирригационной сети[131].

Неравномерное распределение земли и воды приводило к избытку поливной земли в одних родовых подразделениях и к острой нехватке в других[132]. Доли воды и земли были формально равными только внутри родовых подразделений[133]. Непосредственным результатом этого раздела были холостые пробеги воды, так как каждое родовое подразделение выводило свой канал, и чересполосица доходила до абсурда: одно крестьянское хозяйство пользовалось землей и водой подчас в восьми местах. Аренда в этих условиях становилась совершенно необходимой, но была крайне невыгодна для рядового дехканина-арендатора, который вынужден был отдавать до трети урожая в пользу землевладельца[134].

В Мервском оазисе существовали общины двух типов: 1) община, составленная одним родовым подразделением, 2) община со смешанным родовым составом[135]. Последний был более распространен, так как этому способствовали: чересполосное владение землей и необходимость объединения трудовых усилий коллектива при эксплуатации ирригационной системы, независимо от родовой принадлежности участников.

В Мервском оазисе, как и в Багире, у расселившихся здесь туркмен-теке, мы наблюдаем более длительное сохранение родовых пережитков, чем у других туркменских племен, ранее осевших на землю, однако и здесь давно уже началось разложение принципов землепользования, основанных на родоплеменных отношениях, и появление мюльков. По мере углубления социального расслоения внутри общины, возникала и развивалась мюльковая система землепользования, которая еще больше укрепилась с распространением во второй половине XIX в. трудоемких культур — хлопка, люцерны, а также садовых культур. Земля под этими культурами становилась индивидуально-подворным владением, и их владельцы, добиваясь высоких урожаев, не жалели труда и средств для улучшения почвы[136]. Происходила концентрация лучших посевных площадей в руках феодально-патриархальной верхушки и обезземеливание широких масс крестьянства, вынужденного арендовать участки, заниматься ремеслом или уходить на заработки (извоз, выжигание угля и др.). О большом развитии ремесла в Мервском оазисе и его довольно дробной дифференциации свидетельствует исследование В. Л. Петрова, приводящего список специальностей и количество ремесленников; то же отмечается в работах А. Н. Кияшко и М. Алиханова[137].

Поселения Мервского оазиса второй половины XIX в., состоявшие из санашиковых и мюльковых наделов, располагались вдоль каналов настолько плотно, что составляли как бы одно огромное поселение. Это явление неоднократно отмечалось путешественниками и исследователями. Вспомним приведенное выше описание Е. Маркова. В центре оазиса были сосредоточены глинобитные домики с прилегающими к ним полями, разгороженными заборами, а на окраинах—скученные группы юрт. Причем, Алиханов специально отмечает, что население разбросано мелкими группами. Подобный тип расселения диктовался характером землеводопользования прежде всего[138].

В целях пассивной защиты от набегов на полях Мервского оазиса и, особенно, на его окраинах было построено множество дингов, и на случай длительной осады—Коушут-хан-кала. Возле нее складывался и центр политической и экономической жизни оазиса в конце XIX в. У стен Коушут-хан-калы располагались многолюдные оживленные базары, куда съезжались купцы из Бухары, Хивы и Ирана со своими товарами и сходилось местное население с изделиями своего ремесла. Возле Коушут-хан-калы жили ханы Мервского оазиса и уже выделившаяся купеческая прослойка[139].

При анализе поселений и жилья в Мервском оазисе необходимо учитывать сосуществование двух племен: сарыков, осевших в XVIII в., и теке, пришедших в основной массе во второй половине XIX в. Это обстоятельство нашло свое отражение в характере жилья и поселений[140], некоторая часть фундаментальных построек связана с именем сарыков, которые частично оставались на местах своей старой оседлости. Однако большая часть аулов—«оба», где сосредотачивались постройки стационарного и временного типа, принадлежала туркменам-теке.

Обследованием сохранившихся памятников жилой архитектуры устанавливается два типа жилья, различающихся по перекрытиям: первый тип с перекрытием по балкам и второй тип со сводчато-купольным перекрытием. Как удалось установить путем опроса старожилов, постройки с плоскими перекрытиями типичны для теке, а сводчато-купольные возводились по преимуществу сарыками и джемшидами. В начале XX в. Э. Р. Барц отметил эту особенность мервской архитектуры: «Туземные постройки постоянного типа состоят из глинобитных стен и почти горизонтальной смазанной глиной крыши. Стропила и потолок заменяются у них жердями (2—4 вершка) местного кривого леса, на который насажают слой земли со смазкой—глиной. Весьма распространены также куполообразные глинобитные крыши, имеющие то преимущество, что образуют высокое помещение, в котором, ввиду плохой теплопроводности глинобитного свода и стен даже в самое жаркое время сравнительно прохладно[141].

В составе усадеб, расположенных в центре Мервского оазиса, как обязательный элемент присутствует ограда, окружающая как двор со всеми постройками, так и посевы. Жилые и хозяйственные постройки чаще сконцентрированы в одном из углов двора.

Усадьбы мервских теке и сарыков в какой-то мере напоминают усадьбу Анау, но есть и существенные отличия, вносящие определенную специфику в характеристику облика жилья: большая распространенность купольных перекрытий и преимущественное применение ароч-

ных проемов являются особенностью Мервского оазиса. Однако характер поселений совершенно другой: рассредоточенные мервские «оба»— аулы даже отдаленно не напоминают ни Анау, ни, тем более, Пештак. Перед нами тип сельских поселений, принадлежащих мелким водоземельным общинам (чересполосица). Оседлое земледельческое население этих общин занималось и скотоводством. Наличие мюлькового землевладения свидетельствует о значительном социальном расслоении в общине, о подвинутости феодальных отношений.

Население Мервского оазиса обслуживалось ремесленниками-профессионалами; ремесло не только выделилось, но и дифференцировалось. Выделилось и купечество, которое вело торговлю как со среднеазиатскими ханствами, так и с Ираном. Как уже указывалось, экономическим и политическим центром района была Коушут-хан-кала.

В Мервском оазисе к концу XIX в. сложились уже все условия для возникновения городских поселений: 1) сильно развитое дифференцированное ремесло, 2) политический и экономический центр, 3) экономические связи с внешним миром.

ПОСЕЛЕНИЯ ПРИАМУДАРЬИНСКИХ ОАЗИСОВ

Вдоль западного берега Аму-Дарьи тянется узкой полосой прибрежная долина, издавна заселенная и обработанная человеком. Эта прибрежная полоса, некогда входившая в состав владений Бухарского ханства, ныне входит составной частью в Туркменскую Советскую Социалистическую Республику. Туркмены-эрсари заселяют Бурдалыкский (14 893 чел.), Карабекаульский (22 767), Саятский (15 853), Керкинский (16 069) и Кизылаякской (8361) районы[142]. В Бурдалыкском и Карабекаульском районах живут туркмены-эрсари отделений Кара и Бекаул, в Керкинском и Кизылаякском районах преобладают туркмены-эрсари отделений Улуг-тепе и Гуняш, в Кизылаякском районе живут туркмены-мукры. Население этих районов оседлое и его основным занятием является земледелие и скотоводство, но, наряду с этим, немалую роль играют шелководство и садоводство, ковроткачество и другие ремесла. Состав занятий позволяет сделать заключение о древнем оседании этого племени — ни шелководство, ни земледелие, а тем более садоводство не позволяют вести кочевой образ жизни, требуя неусыпных наблюдений.

Письменные источники сообщают, что в XVI в. эрсари в числе некоторых других племен еще жили на Мангышлаке и подчинялись хивинским ханам[143]. В конце XVI в. эрсари, как и прочие племена, были вытеснены с Мангышлака узбеками-мангытами[144]. В первой половине XVII в. туркмены, вернувшиеся на свои старые пепелища на Мангышлаке, были вновь вытеснены калмыками (1630 г.)[145]. Как свидетельствует Абулгази, разоренных и обнищавших эрсари он видел в Мейхене, куда он бежал из Персии. По его словам, эрсари только в год его прихода смогли обзавестись юртами[146].

К середине XVII в. относится сообщение Мухаммеда Казима об эрсари, живущих по Аму-Дарье. На новых местах поселения им жилось лучше и к середине XVIII в. они превратились в достаточно многочисленное и сильное племя, которое не задумывалось оказать сопротивление

иранским войскам. При перечислении имен туркменских предводителей, упоминается Рустам-бек Кара—правитель Керков[147]. Очевидно, к этому периоду эрсари, осевшие в приамударьинских оазисах, прочно обосновались и в какой-то мере объединились. В приводимом сообщении указывается, что эрсари собрали 30 000 копейщиков, которые должны были помешать переправе иранского отряда.

Все эти факты красноречиво говорят о том, что туркмены-эрсари, изгнанные с Мангышлака в 1630 г., на новых местах расселились достаточно прочно и успели обзавестись имуществом и полями, которые надо было защищать от врагов. Тот же историк сообщает, что эрсари совершали ответные набеги на Мерв, который находился в руках иранцев[148]. Однако эрсари вынуждены были отступить перед Надир-шахом, двинувшимся в 1740 г. на Бухару, и вновь откочевали в большом числе на Мангышлак. Правда, их пребывание на Мангышлаке длилось недолго; как только Надир-шах ушел из Бухары, эрсари вернулись на Аму-Дарью[149]. В самом начале XIX в. (1817—1818 гг.) Мир Абдул Керим бухарский сообщает, что среди ряда других племен на Аму-Дарье жили эрсари. «На той стороне, где находится Чарджуй, на протяжении пятидневного пути на берегу реки сплошь проживают туркмены. Наименование племен туркмен следующие: эрсари, сарык, бакан, салыр, теке, имрели, чоудор; ходри; мангыт...»[150].

Переселение туркмен-эрсари с Мангышлака на Аму-Дарью происходило длительное время. Переселяясь, они, очевидно, пытались как-то закрепиться в проходимых ими местах; свидетельством этих попыток является присутствие части эрсари в Пенджэ[151]. Таким образом, в Мервской области оказались туркмены-эрсари. Часть этого племени была вытеснена в Шибирган и Балх салырами, которые осели на среднем течении Мургаба после разгрома Серахса Аббасом-Мирзой (1832 г.)—сыном Фатх-Али-шаха Каджара (1797—1834)[152]. Но основная масса племени освоила территорию приамударьинской долины.

Известия конца XIX в. единодушно отмечают в качестве насельников этой территории эрсари, причем В. Комаров приводит наименования основных отделений и их подразделений с указанием населенных ими пунктов. Эрсаринцы,—пишет он,—подразделяются на 4 отделения: Улугтепе и Гунеш заселяют Керкинское бекство; Кара и Бекаул—Чарджуйское. Кроме того, эрсари, главным образом кара, проживают в Афганском Туркестане в Андхое, Шибиргане. Ахче и Мазар-и-Мерифе[153].

Поселения и жилье туркмен-эрсари до работ ЮТАКЭ не подвергались изучению, хотя подобное изучение существенно необходимо в связи с вопросами их оседания. В дореволюционной географической литературе имеются лишь эпизодические упоминания, которые ограничиваются фиксацией фактов (отмечались, например, замкнутость и изолированность усадеб, а также хуторской характер поселений, похожих на поселения Хивинского ханства) без попытки их осмысления[154]. Только советские исследователи, занимаясь вопросами социально-экономической жизни Средней Азии, правильно решили вопрос об общине у туркмен-эрсари[155], но вопрос о поселениях так и не был понят, почему Магидович и говорит, что поселения туркмен-эрсари также неустойчивы и временны, как арыки, то пересыхающие, то наполняющиеся[156].

В рассматриваемую нами эпоху оазисы Аму-Дарьи делились на

два бекства: Керкинское и Чарджоуское, подчиненные Бухарскому ханству. Керкинское бекство начиналось от пограничного с Афганистаном селения Боссага и тянулось на 148 верст вниз по реке до кургана Гек-тюбе, а дальше на протяжении 180 версты вдоль Аму-Дарьи шли владения Чарджуйского бекства[157]. Экономический кризис XVIII в., феодальная раздробленность и связанное с нею ослабление центральной власти повлекли за собой целую серию междоусобных столкновений и опустошительных набегов. Правители областей держались независимо и беспощадно грабили население. Правители Хивы предпринимали неоднократно грабительские походы на Бухарские владения. В годы царствования Мухаммед Рахима (1806—1825 гг.), как отмечает Мунис-Агехи, им было произведено несколько походов на Чарджуй. Отмечаются также набеги иомудов, производившиеся с молчаливого согласия хивинских ханов[158]. Напряженные отношения между Хивинским и Бухарским ханствами отмечены Мир Абдул Керимом Бухарским, который сообщает «...Население Ургенча не единодушно с Бухарой. Иногда Мухаммед Рахим-хан приказывает туркменам, чтобы они совершали набеги на бухарские караваны»[159]. На жителей Керкинского бекства совершали набеги (аламаны) эрсари племени Кара из Чарджуйского бекства[160]. Иранские наместники посылали карательные отряды в ответ на нападение туркмен, проживающих на берегах Джейхуна, т. е. Аму-Дарьи; так наместник Мерва Кальб-Али-хан послал отряд, который взял в плен тысячу человек из племени «кунеш и ату тепе»[161] (речь идет о туркменах-эрсари рода Гунеш и Улуг-тепе, и поныне живущих в Керкинском районе).

Экономический кризис, феодальные усобицы и грабительские набеги—все это не создавало никакой уверенности в завтрашнем дне у земледельческого населения этих районов. Население в равной степени должно было охранять семью и имущество, как от набегов Хивы и Ирана, так и от насилий своего бека. Постоянная тревога, необходимость защиты обусловили создание домов-крепостей с толстыми и высокими стенами, массивными воротами, надвратными оборонительными устройствами, башнями для наблюдений и своеобразными двухэтажными «цитаделями» на случай осады. Весь этот комплекс построек носит название «ховлы». Современное население не живет уже в этих «ховлы» и не строит подобного рода сооружений, требующих непомерной ничем теперь не оправданной затраты труда. Новые социалистические формы сельского хозяйства вызвали к жизни компактные колхозные поселки с домами нового типа, отвечающие растущим бытовым требованиям комфорта, отражающие в своем устройстве культурные запросы советского колхозника, его новый семейный уклад.

«Ховлы», бессистемно разбросанные на обширных колхозных полях—это символ ушедшего прошлого, олицетворение поговорки: «человек человеку—волк». Давно покинутые своими обитателями полуразрушенные, они являются помехой при распашке колхозных полей. Остатки этих усадеб специально разрушаются и развозятся на поля для удобрений. Обстоятельство, которое должно ускорить исследование этого типа жилья, представляющего интерес, как образец народного зодчества, отразившего в себе особенности социально-экономического уклада, быта и климатических условий, как единица, входящая сла-

гаемым в комплекс поселения своеобразного типа — характерного только для приамударьинских районов.

Поселения эрсаринцев носили рассредоточенный характер и размещались в прибрежной полосе по тугаям. Штабс-капитан Быков, посетивший эти места в конце прошлого столетия, так передает свои впечатления; все виденные здесь поселения могут быть вызваны чисто фермерскими: это целый ряд отдельных поселков даже домов, раскинутых среди принадлежащих домохозяевам участков. Означенные на картах места селений дают местоположения базара, иногда с гробницей святого[162]. Городом Быков соглашается назвать только Чарджуй, как «совокупное место жительства значительного числа людей без полей между домами. Остальные же затем города: Келиф, Керки, Бурдалык, Наразым суть маленькие крепостцы с жилищем бека и служащих при нем лиц и маленьким около каждого базаром, а кругом пашни, сады и разбросанные по ним отдельные дома, так что их правильнее было бы назвать укреплениями чем городами»[163].

А. Галкин, обследовавший Бухарское ханство в тот же период, подтверждает, что в долине Аму-Дарьи сельские жители (главным образом эрсари) живут отдельными фермами, разбросанными на всем пространстве культурной полосы[164]. Эти «фермы»-ховлы безусловно входили в какие-то административные единицы, так как это было необходимо при эксплуатации каналов, которые постоянно заиливались или разрушались Аму-Дарьей. Административной единицей, в которую входили ховлы, и являлась община, объединявшая определенное количество семей, живших на одном или нескольких (2—3) арыках. Такой принцип объединения застал еще И. Магидович, обследовавший Бухару в 20-х гг. XX в.[165].

В рассматриваемый нами период (XVIII—XIX вв.) община у туркмен-эрсари была только оболочкой, внутри которой давно уже происходило выделение феодально-родовой знати и социальная дифференциация. Источники отмечают у эрсари уже выделившуюся феодально-родовую знать, перечисляя их титулы. Многие из этих знатных лиц состояли на службе бухарского хана[166]. Сведения конца XIX в. единодушно отмечают продвинутое социальное расслоение среди туркмен-эрсари; наличие байских хозяйств, малоземелье среди основной массы населения (размеры наделов колебались от 2 до 6 танапов), выделение группы безземельных хозяйств. При большой численности населения площадь поливных земель была мала и использовалась очень интенсивно[167]. В. Комаров отмечал, что вся полоса вдоль Аму-Дарьи была покрыта фруктовыми деревьями, посевами пшеницы, ячменя, джугары и, главным образом, хлопка[168].

Как нами уже упоминалось выше, отношения в землеводопользовании регулировались порядками, существовавшими в Бухарском ханстве, которому в рассматриваемый период подчинялись проживавшие в оазисах Аму-Дарьи туркмены-эрсари. Эти порядки коренным образом отличались от принципов землеводопользования, распространенных в остальных туркменских землях. Основная разница заключалась в том, что на всей территории заселенная туркменами земля и вода составляли собственность общины или мюльковладельцев при дальнейшем расслоении общины. В Бухарском же ханстве, как и в остальных среднеазиатских

ханствах, земля являлась государственной собственностью, якобы принадлежала богу и его «тени на земле»—эмиру. Поскольку земля и вода принадлежала эмиру, то и забота о строительстве и поддержаний ирригационных сооружений лежала на центральной власти, которая должна была мобилизовать для этого большие массы людей. Отмеченное Марксом значение искусственного орошения для земледелия на Востоке и роль в нем общины, областной и центральной власти, в полной мере относится и к Бухарскому ханству[169]. Здесь всегда остро стоял вопрос о состоянии ирригации, так как от этого зависело и поступление налогов в ханскую казну. Все население, в том числе и туркмены, облагалось налогами и несло многочисленные повинности. Земледельческое население, помимо хараджа—поземельной подати, в размере 1/5—1/3 урожая, платило еще налог за каждый танап садовой земли, клеверников--так называемые потанапные сборы, и налоги с рабочего скота — як-сары. Кроме того, был установлен закят—налог с имущества в пользу бедных, который из добровольного превращался в обязательный поимущественный налог.

Сложная система налогового обложения вызвала к жизни целую административную иерархию. Бухарское ханство делилось на бекства, возглавляемые беками с их придворным штатом. Бекства делились на амлякдарства во главе с амлякдарами и их чиновниками. Амлякдары, ведавшие поземельно-податными участками, производили сбор налогов через аксакалов. Власть местных чиновников носила характер кормлений, поскольку чиновники не получали содержания от казны и считали себя вправе жить за счет населения, что давало им широкие возможности для незаконных поборов[170]. Произвольное налоговое обложение было причиной разорения и обнищания крестьян.

В приамударьинских оазисах, где жили туркмены-эрсари, царили те же принципы владения землей и водой[171], что и во всем ханстве. Однако в отношении налогового обложения эрсари были поставлены в несколько иное положение. Эрсари платили налог не в доле урожая натурой, как население ханства, а твердо установленный поземельный налог в денежном исчислении. Об этом говорят дореволюционные источники и это же подтвердили исследования советских ученых.

На первый взгляд положение эрсари в Бухарском ханстве могло показаться более привилегированным по сравнению с остальным населением ханства. Как писал туркестанский генерал-губернатор Н. О. Розенбах в своем сообщении к статс-секретарю Гирсу 24 октября 1885 г. «...привилегии эти заключаются в том, что эрсаринцы, взамен уплаты хараджа (земельного сбора) натурой, подобно узбекам, в размере 1/5 и до 1/3 урожая, платят лишь 1—1/2 теньги с танапа (около 1 руб. 50 коп. с десятины) в год деньгами, что они управляются аксакалами (старшинами) и для поддерживания порядка поставляют по найму ханских милиционеров Керкинскому и Чарджуйскому бекам... Эмир Саид-Музаффар относится с большой заботливостью к своим владениям на левом берегу Аму-Дарьи и ревниво оберегает права свои на эту территорию»[172]. Штабс-капитан Быков, посетивший амударьинские оазисы в 1880 г., в своем очерке еще более уточняет положение туркмен-эрсари, указывая, что, кроме поземельной подати, которую они уплачивают в размере не 1—0,5 теньги, как указывает Розенбах, а в размере

2 тенег в год, эрсари платят еще закят—общая сумма которого разверстывается на все общины и взимается своими старшинами. Автор очерка исчисляет доход семьи эрсари в 40 руб. за вычетом налогов, а семьи не эрсари—в 36 руб., исходя из того, что эрсари платили поземельный налог, а узбеки—харадж (1/5 часть урожая) и кафсан[173]. Он, однако, не учитывает незаконных поборов, которые широко применялись бухарской администрацией и сводили долю крестьянина в урожае только к прожиточному минимуму и о которых упоминают другие дореволюционные очевидцы.

Капитан Комаров, собиравший сведения о населении левобережья Аму-Дарьи, 6 лет спустя, т. е. в 1886 г., дает подробные цифры об обложении налогами поселений левобережья; так, например, в Керкинском бекстве селения Боссага, Мирза-Бег и Борджаклы, Кара-Арык, Мукры, Сулейман платят налоги: харадж, зякет, аминана—все в денежном выражении; поселение Хатаб от поземельного налога освобождено, но выставляло 50 всадников на службу беку. Селения Куракбан, Ташлык-Базар, Ортакум, Омер-Арык, Батыр, Бахшели, Коынлы, Оок, Ходжа-Хаиранкеикчи, Чакыр, Кава-Сахал, Авыш и Курчанге, Чакыр, Кара-Коынли, Каркин, Сурк, Омер, Андере, Афни, Кологосты, Кабырде; Чатрак, Эсен-Менгли, Кизыл-Аяк, Тушамбе-Чакыр, Кариджа и Этбаш, Гок-тепе, Ламба, Чекидж, Тогачи, Сирли, Ерли, Чал, Чокмак, Тазыган платили налог с земли в денежном выражении. В. Комаров указывает, что эрсари, кроме поземельного налога, платили зякет и аминана[174]. Таким образом, эти данные позволяют говорить об ином исчислении налогового обложения, но не об освобождении от налога. А. А. Росляков, который производил в наши дни опрос населения, также установил, что эрсари платили поземельный налог деньгами, а не натурой.

Для объяснения такого положения эрсаринцев, являющегося исключением из общих правил, установленных в ханстве, рассмотрим, как сложились взаимоотношения между туркменами-эрсари и Бухарским ханством. Вся территория, где проживали туркмены-эрсари, в адмистративном отношении была поделена на шесть бекств: Келифское, Керкинское, Бурдалыкское, Наразымское, Чарджуйское и Кабаклинское. Керкинское бекство охватывало территорию по левому берегу реки Кара-Арыка до холмов Кук-тюбе, по правому берегу от г. Кундалян-тау до селения Макан у песочных высот Макан. Резиденция бека—г. Керки.

Бурдалыкское бекство лежало на правом берегу и занимало площадь от песков Казан до селения Ак-Бурун. Резидецния бека—г. Бурдалык[175].

Туркмены-эрсари, населявшие Керкинское бекство, исчислялись в 16 450 душ, а Бурдалыкское—в 3 200 душ и принадлежали к различным подразделениям четырех родов Улуг-тепе, Гунеш, Кара-Бек-аул[176].

Налоговой единицей считалась водная община. Эта община объединяла туркмен только в налоговом отношении; внутри общины санашиковое землеводопользование не сохранилось, владение землей было наследственным, выделилось кулачество, владевшее большими количествами земли, феодально-родовая верхушка сделала наследственными все административные должности в общине[177].

Посредником между бухарской администрацией и населением являлся староста общины, пользовавшийся некоторой самостоятельностью

при решении внутренних хозяйственных вопросов. В известной мере покровительственное отношение Бухары к феодально-родовой верхушке туркменских племен, невмешательство во внутренние дела их общин приводят на мысль блестящую характеристику испанской монархии, данную К. Марксом: «...При всем своем деспотизме, правительство не помешало сохранить их различные законы и обычаи, различные монеты, военные знамена разнообразных цветов и особые системы налогового сбложения. Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот регулярного управления[178]. Такой политики придерживалось и Бухарское ханство по отношению к туркменам, следя только за аккуратным поступлением налогов и выполнением повинностей. Подобное отношение находит свое объяснение и в том, что туркмены, будучи на южной окраине Бухарского ханства, являлись своеобразным кордоном против нападений извне.

Общины эрсари объединялись необходимостью: 1) поддерживать ирригационную сеть, 2) устанавливать очередность и долю времени пользования водою, 3) избирать и содержать мелкую водную администрацию, 4) распределять между ее членами ирригационные повинности[179].

Как отмечает И. Магидович, ховлы размещались на ирригационных каналах, а общины так и назывались «арыками»[180]. Однако этот исследователь отказывается видеть в них селения, считая, что они представляют величины переменные, как и сами арыки, то высыхающие, то наполняющиеся водой. Эта неправильная точка зрения приводит его и к другому, глубоко ошибочному, выводу о том, что в Туркменистане существовали только русско-персидско-армянские города, которых не знали и не желали знать туркмены, считая их «безобразными наростами на теле страны»[181].

При обследовании Бурдалыкского, Керкинского и Кизылаякского районов мы убедились, что эрсаринские ховлы, несмотря на разбросанность и изолированность, были объединены в поселения. Эти поселения имели свои мечети и носили их названия. В некоторых поселениях, как, например, в Астана-баба, Хатаб, Кизыл-Аяк, были базары; где торговля происходила в определенные дни недели, а в Астана-баба было и медресе. Города Бурдалык и Керки являлись для всех окружающих селений торговыми и политическими центрами, где были резиденции беков и большие базары, на которых эрсари могли продавать продукты сельского хозяйства и произведения своего ремесла (ковры, кошмы, вышивки, ткани, посуду и др.). Многие путешественники отмечают выгодное местоположение этих городов, расположенных и на водном пути и на соединении старых караванных дорог[182].

Земледельческое население оазисов, жившее в поселениях сельского типа, не было однородным по своему имущественному положению; малоземелье и преимущественное положение феодально-родовой верхушки приводило к социальной дифференциации. Как уже указывалось, в эрсаринской общине выделились баи, середняки и малоземельные и безземельные бедняки, которые занимались ремеслом или батрачили у баев. Путем опросов удалось установить, что в обследованных районах име-

лись ремесленники следующих специальностей: кузнецы, оружейники, гончары, колоннотесы, резчики, строители и др.[183].

Социальное расслоение нашло свое отражение и в облике жилья: маленькие дворы, лишенные декора стены, одно-два помещения внутри— вот и все элементы ховлы бедняка. Байские ховлы обширны, делятся они на четыре двора, стены обильно декорированы, жилые и хозяйственные помещения в них многочисленны. Очень часто в байских ховлы отмечается наличие маслобоен и мельниц[184].

Поселение Бурдалык, районный центр Чарджоуской области, было заселено туркменами-эрсари отделения Кара. Ховлы, разбросанные среди колхозных жилых и хозяйственных построек, сохранились лишь в тех случаях, когда они использованы для нужд колхозов—под правления, фермы, склады, конюшни. Усадьбы-ховлы Бурдалыкского района представляют собой, прямоугольные участки, охваченные высокими глухими стенами, с единственным входом, вызывая представление о крепостных сооружениях.

В Бурдалыкском районе преобладают ховлы небольшого размера, которые или вовсе не делятся или делятся только на две части. Южный отрезок исследованного района включает в себя следующие населенные пункты, начиная от селения Астана-баба на юг в Хатабском селении: Аушар, Чумаклы-Хатаб, Калалы-Хатаб, объединенные в МТС и колхоз имени Ворошилова; в Мукринском селении: Чиш-тепе и Мукры, объединенные в колхозы им. Ленина и «Бирляшик»; в Кувакском селении: Данаджи, Кара-Башлы, Сурх и Кувак, объединенные в колхозе им. Сталина; в Мирзабакском районе селения: Беш-булюк, Боссага, Мирза-бек, объединенные в колхоз им. Карла Маркса. Селение Астана-баба с прилегающими к нему колхозами: «Пахтачи», «Коммунизм», «Ак-Майдан» и «Туркмен-полк» раскинулось вдоль шоссе, ведущее из города Керки и Чарджоу и далее в Хорезмский оазис.

Современный поселок имеет часто выраженный центр, где сосредоточены школа, сельский магазин, почта, медицинский пункт со стационаром, аулсовет, клубное помещение и чайхана. Жилые современные постройки компактной массой окружают этот культурный и административный центр.

Селение Астана-баба до революции было небольшим центром, со своей «святыней» в виде группы разновременных сооружений мазара Астана-баба, довольно большим базаром, медресе на 12 худжр и гончарным производством. Здесь же группировалась часть племени «ших», имевшая отношение к обслуживанию мазара.

Основное земледельческое население района — туркмены-эрсари расселились на большом пространстве вдоль дороги. По обе стороны ее там и сям виднеются усадьбы-ховлы, то обширные и импозантные по своей архитектуре, то маленькие и невзрачные—в зависимости от состоятельности владельцев. Ховлы баев, как правило, располагались ближе к водным магистралям. Селение, имевшее большую протяженность, было снабжено несколькими мечетями квартального типа с колонными айванами.

Для жилищ туркмен-эрсари Керкинского района также характерна замкнутая планировка участка, предусматривающая полную изоляцию от внешнего мира.

Последним обследованным нами пунктом был пограничный кишлак

Боссага. Географическое положение кишлака, очевидно, и послужило причиной его наименования («боссага» значит «порог»).

Вдоль дороги то скрытые зеленью деревьев, то стоящие на открытом пространстве близ дороги, виднеются повсюду разбросанные ховлы эрсаринцев. Характер поселения тот же самый—отдельные хутора, расположенные вдоль дороги, которая является как бы организующим началом, причем застройка более плотная у дороги и менее плотная дальше от нее. Старожилы указывают место базарной площади, представлявшее собой большой ничем незастроенный участок. Вдоль дороги же отмечается комплекс из четырех медресе и мечети с тремя «священными» деревьями.

Ховлы Боссаги с их планировкой и архитектурными решениями не дают ничего принципиально отличного от усадеб предыдущих селений и позволяют говорить об общности типа поселения и жилья, принадлежащих племени эрсари, расположенных вверх по Аму-Дарье[185].

Одинаковый принцип планировки и архитектурного оформления с некоторыми отклонениями индивидуального порядка выявляет тип жилья, издавна сложившийся, отвечающий вкусам и потребностям его обитателей. При сопоставлении ховлы приамударьинских оазисов с калой Багира второго периода, выступает их общность, которая объясняется тем, что те и другие возникают в одинаковых условиях подвинутого социального расслоения и в одинаковых внешних условиях, которые диктовали необходимость защиты от нападений. Таким образом, мы еще раз должны подчеркнуть, что различия и общность в облике поселений и жилья диктовались не племенными и родовыми особенностями, а социально-экономическими условиями, в которых они возникали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящей работе мы постарались изложить результаты археологических обследований, произведенных XIII отрядом ЮТАКЭ в 1947—1949 гг. Эти наблюдения позволяют сделать ряд первоначальных выводов, касающихся не только планировки поздних туркменских поселений, но и социальной истории туркменского народа. Прежде всего отметим полученные факты.

1. Обследованиями установлено, что на территории Южной Туркмении имеются стационарные поселения XVIII—XIX вв., причем некоторые из них носят явно выраженный городской характер—в них фиксируются ремесленные кварталы, базары, здания общественного назначения,

2. Создавались эти поселения самими туркменами, независимо от того, что территория, на которой они находились, временами подпадала под власть того или иного из соседних государств.

3. Обследованные на территории Южной Туркмении поселения весьма разнообразны по типу и характеру и позволяют проследить некоторые стороны развития общественной жизни туркмен в XVII—XIX вв.

Уже сейчас можно предварительно выделить следующие типы:

а) городские поселения полуаграрного типа;

б) городские поселения ремесленно-торгового профиля;

в) поселения сельского типа с компактной застройкой;

г) поселения сельского типа с рассредоточенной хуторской застройкой.

4. Туркмены-теке, проживая в различных условиях, создали различные типы поселения—начиная от поселения-крепости ранней общины (примером которой могут служить Куня-Ахал, упоминаемый А. А. Росляковым и А. З. Розенфельд) до открытых аулов (Байрам-Али), как поселения переходного типа, отражавшего разложение общины, и односемейных кала (Багир), в которых уже ярко проявлялось подвинутое социальное расслоение[186].

С другой стороны, мы наблюдаем, как аналогичные социально-экономические условия способствовали появлению ховлы у эрсари в Приамударьинских районах, в односемейных кала у туркмен-теке в Багире. Они могут рассматриваться, как тип поселения, свойственный определенной стадии общественного развития, а не как тип поселения, свойственный только туркменам-эрсари или туркменам-теке. Мы имеем в виду, конечно, только социальное содержание этих поселений, поскольку архитектурно-планировочное оформление у эрсари было более сложным, отражая более подвинутое классовое расслоение и более развитые навыки старой строительной культуры.

Следовательно, тип и характер поселений был обусловлен не принадлежностью их тому или иному племени, а социально-экономическим условиям жизни общества, создавшего данные поселения.

5. В планировке поселений Южной Туркмении, как это удалось отметить при их обследовании, не наблюдается никакого стандарта (исключением являются поселения-крепости). Поселения развиваются в соответствии с социально-экономическими отношениями, отражая в основном своеобразие условий орошения. Отсюда разнообразие планировочных решений, что явно противоречит якобы раз навсегда созданной и застывшей схеме, отражение которой В. В. Бартольд видел в планировке городов Средней Азии, начиная с XI в.[187].

6. Исследования ЮТАКЭ, проводимые на территории Южной Туркмении, показали наличие у туркмен богатых строительных и архитектурных традиций. Истоки этих традиций, по-видимому, весьма глубоки, и, по мнению исследователей, специально занимавшихся историей архитектуры Туркмении, прослеживаются в раннесредневековой и античной архитектуре Южной Туркмении[188]. Они были обусловлены всей жизнью туркменского народа и тесно увязаны с ней; это позволяет нам заключить, что указанные традиции не привнесены извне, а созданы творческими усилиями самого туркменского народа.

Факты, отмеченные нами, дают возможность сделать следующие обобщения:

Анау и Абиверд долгое время считались иранскими городами, однако их комплексное изучение показало, что они были созданы туркменами и, что гипотеза об их иранском происхождении несостоятельна. Сейчас можно считать установленным, что это туркменские города.

Наличие стационарных поселений городского и сельского типа, а также развитая оросительная система, с несомненностью говорят о наличии оседлости у туркмен, так как все это могло быть создано только народом с развитыми традициями оседлой жизни. Эти данные с большой, на наш взгляд, убедительностью указывают на несостоятельность

предположения о том, что туркменам не свойственна была оседлость, что они были кочевниками и чуждались городов, считая их «безобразными наростами» на теле страны. Разнообразие типов поселений и жилья, зафиксированных нами, свидетельствует о все более усложнявшейся общественной жизни и многообразии форм материальной культуры у туркмен, которая могла быть создана оседлым населением.

Сопоставление результатов, произведенных археологических обследований с данными письменных источников и литературы, позволяет сделать ряд выводов о развитии общественных отношений у туркмен в XVIII—XIX вв., полностью совпадающих с выводами научной сессии по истории народов Средней Азии в досоветский период, которые окончательно разрушили ненаучную гипотезу об извечных родоплеменных отношениях у туркмен и доказали наличие у них феодальных отношений. Эти феодальные отношения проявлялись достаточно четко. Так, например, при внимательном рассмотрении земельно-водных отношений, которые на Востоке являются мерилом общественных отношений, мы видим почти повсеместное сосуществование мюлькового и санашикового землевладения, причем мюльки постепенно вытесняют отношения «санашика», вплоть до того, что местами самый термин «санашик» не знаком даже старикам. Это позволяет нам считать, что общественные отношения у туркмен в XVIII—XIX вв. были феодальными в своей основе, хотя, с одной стороны, и осложнялись множеством патриархально-родовых пережитков.

Развитие феодализма и усиление его позиций проявлялось в усиливавшейся социальной дифференциации, в усложнявшейся структуре туркменского общества, в выделении крупных феодальных землевладельцев, что способствовало возникновению новых поселений городского типа. Вот почему в XVIII в., т. е. в период экономического упадка, оказавшегося катастрофическим для многих крупных городов Средней Азии, в маленьких туркменских городах районного значения, создававшихся крупными феодалами, традиции городской жизни сохранились; именно в этот период, как можно заключить на основании имеющихся археологических материалов, даже возникли некоторые из обследованных ЮТАКЭ и рассмотренных здесь городов. Это позволяет предположить, что несмотря на всю сложность политической обстановки (вторжения, завоевания), традиции городской жизни у туркмен не только не были утрачены, но даже развивались.

Наши наблюдения показывают, что поселения туркмен и их жилье не развивались изолированно от общей культуры Средней Азии, примером могут служить ховлы эрсари, в которых можно проследить определенные аналогии с курганча Самарканда и хоули Хивинского оазиса. В деталях декора мы часто видим сходство с реальными элементами сооружений не только Парфии, но и Хорезма и Пянджикента, что, видимо, дает основание говорить о более древней культурной общности. Этому вопросу следует уделить соответствующее внимание, так как общность культуры туркменского народа со всей культурой Средней Азии еще раз покажет, что туркмены не являются пришельцами на территории Туркмении, а входят давним компонентом в этногенез народов Средней Азии. Традиционные воззрения на туркмен, как на полукочевой народ, во многом затемнили изучение истории материальной культуры

туркменского народа; исследователи уделяли и нередко продолжают уделять большое внимание скотоводству и сельскому хозяйству, почти не освещая других вопросов хозяйственной жизни туркмен. Нам кажется, что необходимо усилить изучение ремесла, торговли и других элементов, влиявших на сложение и развитие городских поселений в областях расселения туркменских племен. Вопросы землеводопользования, очень важные сами по себе, при изучении общественных отношений у туркмен не должны заслонять и других не менее важных проблем истории туркменского народа, в частности проблему развития его материальной культуры.

Дальнейшее изучение поселений, наряду с исследованиями, производимыми с широким охватом территории Туркменской республики, потребует и более углубленного исследования каждого населенного пункта и его истории, позволив установить окончательную классификацию поселений. Примеры археологического исследования Анау и Пештака-Абиверда показывают какие результаты в смысле восстановления исторической правды дает такое комплексное изучение. Это диктует нам необходимость подобного изучения для всех покинутых поселений XVIII—XIX вв., чтобы полнее раскрыть картину общественного развития туркменского общества от феодально-патриархальной общины к разложению феодальных отношений, чтобы выявить недостающие звенья социально-экономической истории туркменского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) А. Н. Бернштам, Памятники старины Таласской долины. Алма-ата, 1941; его же, Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941; С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948; его же, По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948; А. Ю. Якубовский, Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии, Труды ФАН Таджикской ССР, XXIX; М. Е. Массон, Городища старого Термеза и их изучение, Труды УзФАН, сер. 1, в. 2, ТАКЭ, Ташкент, 1941; его же, «Историческая топография городов Средней Азии», курс, читаемый на кафедре археологии Средней Азии; его же, Городище Нисы в селении Багир и их изучение, Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949 г.; Б. А. Литвинский, Средневековые поселения Нисы, [диссертация, защищенная в 1950 г. и основанная на материалах ЮТАКЭ]; А. Х. Маргулан, Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана, Алма-Ата, 1950.

2) Я. Г. Гулямов, Памятники города Хивы, Труды УзФАН, Ташкент, 1941.

3) Современный кишлак Средней Азии, вып. I—XI, Ташкент, 1927.

4) Некоторые данные о других поселениях в указанных оазисах можно почерпнуть в работах следующих авторов: Б. А. Литвинский и В. Г. Мошкова, обследуя в 1946 г. древний Дурун, обратили внимание на развалины позднего Дуруна, похожего, по их мнению, и в архитектурном и в планировочном отношении на Анау. Внимание В. Г. Мошковой останавливает и поселение Мурча, характеристика которого дана в настоящем томе «Трудов ЮТАКЭ» Д. М. Овезовым; В. Г. Мошкова поселение Мурча относит к позднетуркменским поселениям городского типа. Планировку и архитектуру Нухура освещает в своей монографии Г. П. Васильева. См. Б. А. Литвинский, В. Г. Мошкова, Изучение Така-Языра—Дуруна. Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949, стр. 294; В. Г. Мошкова, Цит. соч., стр. 330; Д. М. Овезов, Цит. соч.; Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954; стр. 126—144; Г. А. Пугаченковой были обследованы Чарджоу, Саккар Лямбе, Халач и в Мервском оазисе — Байрам-Али. Результаты исследований сотрудниками ЮТАКЭ народной архитектуры туркмен вошли в кн. В. А. Левиной, Д. М. Овезова и Г. А. Пугаченковой, «Архитектура туркменского народного жилища», «Труды ЮТАКЭ», т. III, М., 1953, стр. 28-35.

5) К. Маркс, Ф. Энгельс, Соч., т. IV, изд. 1, стр. 40.

6) Как показали итоги работы научной сессии по истории народов Средней Азии и Казахстана, проводившейся в янв.—февр. 1954 г. в городе Ташкенте, советским историкам удалось доказать, что кочевым народам свойственны общие закономерности общественно-экономического развития, а зарождение феодальных отношений у народов Средней Азии относится примерно к VI в. См. Решение объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, Ташкент, 1954, стр. 4.

7) См. Материалы сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период, доклад Л. П. Потапова, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана; содоклад А. А. Рослякова, Периодизация народов Средней Азии (в частности Туркменистана) в досоветскую эпоху; его же, Общественный строй туркмен в XVIII—XIX вв. ТГУ, тезисы докладов профессорско-преподавательского состава на второй научной конференции, Ашхабад, 1954, стр. 8—10.

8) О культе Баба-дайхана среди туркмен мне любезно сообщил А. А. Росляков; Г. П. Васильева указывает, что этот культ существовал у нохурцев. См Туркмены-нохурли, Цит. соч., стр. 210.

9) О нохурли смотри: Г. П. Васильева, Цит., соч., стр. 108, 112—114. Остальные упомянутые районы обследованы автором этой статьи.

10) Типичную картину подобной эксплуатации рисует Я. Р. Винников в своей работе «Социалистическое переустройство быта дайхан Марыйской области», Среднеазиатский этнографический сборник, М., 1954, стр. 15—16.

11) Г. П. Васильева, Цит. соч., стр. 108; Д. М. Овезов, К истории селения Мурча, Известия АН Туркменской ССР, 1953, № 5, стр. 12; В. Г. Мошкова, О работе этнографической группы V отряда ЮТАКЭ 1947 г. в Бахарденском районе ТССР, Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 324.

12) К. Маркс и Ф. Энгельс, Переписка, Соч., т. XXI, М.—Л., 1929, стр. 493—494.

13) В. И. Ленин, II Конгресс Коммунистического Интернационала, Соч., т. 31, стр. 219.

14) А. Ломакин, Обычное право туркмен («адат»), Асхабад, 1897, стр. 107; И. Шевченко-Красногорский, От Каспия до Аму-Дарьи, СПб., 1897, стр. 46; Я. Таиров, Цит. соч., ч. 1; Н. И. Гродеков, Война в Туркмении 1880—1881 гг., СПб., 1883, стр. 72.

15) Так, например, самым крупным земле- и водовладельцем в Ахале считался Нур-Верды-хан, а после его смерти его сыновья. См. Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России, Сборник документов, Ашхабад, 1946, стр. 193.

16) А. Каррыев, В. Г. Мошкова, А. Ю. Якубовский, Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в XVIII—XIX вв., Ашхабад, 1954, стр. 286; Г. П. Васильева, Цит. соч., стр. 185.

17) «Су»—количество ирригационной воды, приходившейся на каждого члена общины. Размер «су» не был постоянным, так как зависел от общего количества воды, приходившейся на общину и от числа членов общины. А. Ломакин, Обычное право туркмен, Цит. соч., стр. 109; В мюльковой общине «су» было наследственным. Я. Таиров, Материалы по водопользованию туркмен Закаспийской области, ч. 1, СПб., 1904.

18) Я. Таиров, Цит. соч., тт. I, II; А. И. Акатова, Туркменские племена накануне их присоединения к России, Известия ФАН Туркменской ССР, 1950, № 6, стр. 4; МИТТ, т. II, стр. 374.

19) «Каренда» носила все признаки феодальной издольной аренды.

20) Кайтарма — кража невесты. Каршалык — взаимный обмен двух семейств невестами, своего рода «безналичный расчет». См. Сборник решений чрезвычайного съезда народных судей Закаспийской области 1898—1902 гг., Асхабад, 1903; Н. И. Гродеков, Война в Туркмении 1880—81 гг., т. I—IV, СПб., 1883, стр. 72; О. М. Джумаев, Краткий очерк орошаемого земледелия в Туркменистане, Ашхабад, 1949, стр. 19; В. Белова, Женотделы в Туркмении, Туркменоведение, 1928, № 12, стр. 34; Е. (Л.) Штейнберг, Туркменская земля, М., 1930, стр. 28; Я. Р. Винников, Новый быт туркменских колхозов Марыйской области, «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 82; В. В. Русинов, Водоземельные отношения и община у туркмен, Ташкент, 1918, стр. 26 и др.

21) Сборник процессов чрезвычайного суда..., Цит. соч., Из 142 гражданских дел, рассмотренных в этот период 56 касалось вопроса о калыме.

22) Я. Таиров, Цит. соч., ч. 1. Во всех таблицах распределения «су» по жителям фигурирует группа лиц, не имеющих наделов; В. В. Русинов, Водоземельные отношения и община у туркмен, Ташкент, 1918, стр 3.; Из новейших исследователей Я. Р. Винников, анализируя земельноводные отношения в Мервском оазисе, приходит к выводу что 50% земельной площади оазиса сдавалось в аренду. Я. Р. Винников, Новый быт туркменских колхозов Марыйской области, «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 82

23) В оазисах Копетдагской и Теджено-Мургабской группы вакуфы почти отсутствовали. Вакуфные земли — основной источник дохода духовенства — существовали в Чарджуйском и Керкинском районах, где духовенство насаждалось и поддерживалось Бухарским ханством. См. Заметки о туркменском духовенстве, Туркменоведение, 1928, 3—4, стр. 12.

24) По данным всех исследованных нами источников, как «вакуфы», так и «силах» отчуждались только общинами; случаев дарения владельцами мюльков не встречалось.

25) К. К. Пален в начале XX в. указывал, что мирабы раздавали участки земли сородичам и близким людям, делая им всевозможные поблажки. Они бесконтрольно управляли водой, считаясь при ее распределении только со своими интересами; дехкане, страдавшие от всех этих притеснений, не осмеливались пожаловаться на злоупотребления. К. К. Пален, Отчет по ревизии Туркестанского края, СПб., 1910, стр. 318; Цит. по статье Я. Р. Винникова, Социалистическое переустройство быта дайхан Марыйской области, стр. 11.

26) О. А. Шкапский, Аму-Дарьинские очерки, Ташкент, 1900, стр. 193; Его же, Аму-дарьинские кулаки перед судом шариата и казиев, Ташкент, 1900, стр. 229; Я. Р. Винников, Цит. соч., стр. 22.

27) МИТТ, т. II, стр. 421, 435, 440, 447, 450—451, 454—455, 460 и т. д.

28) МИТТ, т. II, стр. 409, 499—511. Здесь необходимо отметить, что тенденциозно настроенные придворные хивинские хроники, отражая классовое отношение господствующей верхушки к бедноте, избегают называть туркмен иначе как «негодяями», «лиходеями», «разбойниками, «мятежниками». Эти прозвища стали для них как бы нарицательными и потому термин «фукара» встречается очень редко.

29) П. Ф. Преображенский, Разложение родового строя и феодализационный процесс у туркмен-йомудов, Этнография, 1930, № 4, стр. 14; И. И. Крыльцов, Государственное управление и суд в среднеазиатских ханствах накануне завоевания царской Россией. Ученые записки Свердловского юридического института, т. II, Свердловск, 1947, стр. 37.

30) Резолюция IV съезда КП(б)Т. Ашхабад, 1929, стр. 38.

31) И. Шевченко-Красногорский, От Каспия до Аму-Дарьи, СПб. 1897, стр. 47; В. В. Русинов, Водоземельные отношения и община у туркмен, Труды Туркестанского статистического экономического общества, в. 1, Ташкент, 1918, стр. 23, 29—31; В. Г. Мошкова, Цит. соч., стр. 322—323. В своем отчете В. Г. Мошкова указывает, что обезземеленные карадашлы занимались издольным извозом, нанимались в пастухи, заготавливали дрова и пр.

32) Г. П. Васильева, Цит. соч., стр. 117; П. П. Лессар, Сарыки и салоры, Отечествоведение, т. VI, Туркестанский край, М., 1887, стр. 171—172; Занятия прикаспийских и приатрекских туркмен, Отечествоведение, т. VI, стр. 157—160; Алиханов, Мервский оазис и дороги, ведущие к нему, СПб., 1887, 37. А. И. Кияшко, Военный обзор Закаспийской области, Асхабад, 1896, стр. 288.

33) В. Л. Петров, Теджено-Мургабский район, Ташкент, 1914, стр. 146; Те же сведения уже даны и у Алиханова в описании Мервского оазиса, Алиханов, Цит. соч., стр. 37.

34) С. Айни, Бухара (воспоминания), Сталинабад, 1949, ч. II, стр. 144.

35) Опросы туркмен Кизылаякского района в 1949 г.; по словам старожилов среди ремесленников особое место занимали кяризники, деятельность которых была связана с кяризным орошением; они прокладывали подземные галереи, укрепляя их специальными керамическими трубами — голями. Труд кяризников высоко ценился, а представители этого тяжелого ремесла пользовались почетом среди населения.

36) Занятия прикаспийских и приатрекских туркмен. Отечествоведение, т. VI, стр. 157—160.

37) Б. А. Литвинский, специально занимавшийся вопросом разработки полезных ископаемых на Челекене, пришел к выводу, что здесь начиналось отделение непосредственного производителя от средств производства, а промыслы постепенно

приобретали мануфактурный характер. Б. А. Литвинский, К истории добычи полезных ископаемых на Челекене. Материалы ЮТАКЭ, в. 1, Ашхабад, 1949, стр. 111.

38) Картину оживленного базарного торга нарисовал Алиханов, описывая Мервский оазис. Алиханов, Цит. соч.

39) М. Е. Массон в курсе лекций по нумизматике, читаемых на кафедре археологии Средней Азии САГУ, отмечает наличие в поздних поселениях Южной Туркмении медной разменной монеты собственного чекана, что указывает на факт денежных расчетов.

40) К. Боде, Очерки туркменской земли и юго-восточного побережья, СПб., 1856, стр. 105; М. Венюков, Опыт военного обозрения русских границ, СПб., 1873, стр. 472.

41) В конце XIX и нач. XX вв. разложение общины и социальная дифференциация в Мервском оазисе зашли уже довольно далеко. Это отмечает в своей работе О. М. Джумаев, который подчеркивает, что в руках баев, которые составляли всего 11,3% по отношению к остальным социальным группам, было сосредоточено 34% всей культурной площади оазиса (О. М. Джумаев, Краткий очерк истории орошаемого земледелия в Туркменистане, Ашхабад, 1949, стр. 18). Тот же автор дает яркую картину обезземеливания дехкан, сопоставляя соотношение землевладения и социального состава населения Мургабского оазиса в 1914 г.

Социальный состав		Земельная площадь
Батраки	10,8%	0%
Бедняки	50 %	26%
Середняки	27,9%	40%
Баи	11,3%	34%

Хотя эти сведения относятся к 1914 г., но надо полагать, что подобное соотношение мало изменилось по сравнению с XIX в.

42) По жребию правая сторона Мургаба досталась Тохтамышскому роду, а левая Отамышскому. В пределах рода каждого колено получило участок земли и отдельный арык. Внутри родовых групп земля была разбита на участки по качеству и степени орошаемости, и все родовые подразделения получали по жребию наделы из каждого участка.

По тому же принципу была разделена и вода, хотя это было большой несправедливостью по отношению к более многочисленному Тохтамышскому роду. Очень подробно освещает этот вопрос Винников в цит. соч., стр. 6—10.

43) Быков, Очерк долины Аму-Дарьи. Сборник материалов по Азии, в. IX, 1884, стр. 69—70—71.

44) И. Магидович, Цит. соч., кн. 1, ч. 1, Бухара, IV. Административное деление, стр. 74.

45) Работы ЮТАКЭ в Дахистане и Мервском оазисе.

46) Кузьмин-Короваев, Российско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, в. X, СПб., 1889, стр. 67.

47) Шурфы, заложенные Туркменводхозом в 1926 г. в пределах выноса и на курганах, показали, что культурные слои на курганах залегают на глубине свыше 7 м; Д. Д. Букинич, Некоторые новые данные об Анау и Намазга-тепе, Туркменоведение, 1929, № 5, стр. 32—33.

48) В. В. Бартольд, Анау, Туркменоведение, 1928, № 9, стр. 50.

49) Мухаммед Риза-мираб Агехи, Гульшен и Девлет, МИТТ, т. II, стр. 605; Историю исследования, описание города и анализ археологических материалов см. в статье В. А. Левиной «Городище Анау», Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953.

50) Народные предания отмечают, что накануне текинского завоевания в Ахальском районе «... проживали имрели, карадашлы, али-элийцы и анаулийцы...», См. И. А. Беляев, Из истории туркмен Закаспийской области, ПЗКЛАИВ, вып. 2, Асхабад, 1916, стр. 3.

51) И. А. Беляев, Цит. соч., стр. 3; Ф. А. Михайлов, Сказание о завоевании Ахала. ПЗКЛАИВ, Асхабад, в. 1, 1914—15, стр. 9.

52) И. А. Беляев, Цит. соч., стр. 10; А. Самойлович, Книга рассказов о битвах текинцев, ЗВО, т. XVI, в. 1, СПб., 1904, стр. 203; П. М. Лессар, Пути из Асхабада к Герату (1882), Сборник материалов по Азии, в. VI, СПб., 1883, стр. 4.

53) Устное сообщение В. Г. Мошковой (опрос стариков в 1928 г.) и Д. М. Овезова (опросы населения Анау в 1947 г.).

54) Кузьмин-Короваев, Цит. соч., стр. 67.

55) Устное сообщение В. Г. Мошковой (опросы 1928 г.) и Д. М. Овезова (опросы местного населения в 1947 г.).

56) Г. И. Карпов. Родословная, Цит. соч., стр. 58, «5. Емрели, сунча, нухур, анаули, мурча, мехинли—15000 ч.».

57) Спутник Туркестан-Персия, 1915—1916, Асхабад. Стихи поэтессы Саиб, где рефреном служит восклицание: «...Я разлучилась с садами и цветниками родины дорогой!»; Мухаммед Риза-мираб Агехи, Гульшен и Девлет, МИТТ, т. 2, стр. 605; О жилищной архитектуре Анау см. В. А. Левина, жилище Анау, Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953), стр. 379; ее же, Труды ЮТАКЭ, т. III.

58) В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, Л., 1927, стр. 77.

59) В. И. Масальский, Туркестанский край, Россия, т. XIX. СПб., 1913, стр. 627. См. о Дуруне и Бахардене; Д. Н. Логофет, На границах Средней Азии, кн. 1, СПб., 1909, стр. 112; О Нохуре Г. П. Васильева, Цит. соч:, стр. 116—117.

60) Б. Н. Заходер, Хорасан и образование государства сельджуков, «Вопросы истории», 1945, № 5—6, стр. 124.

61) Н. И. Гродеков, Война в Туркмении 1880—1881 гг., стр. 36. Автор указывает, что деревни текинцев представляют собой укрепленные пункты, расположенные по течению ручьев. Тейле, Э. Э. ПЗКЛА, в. 1, Асхабад, 1915, стр. 40 и др.

62) В. Д. Жуков, Изучение пригорода Нисы в 1946 г., Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1949, стр. 170—190; М. Е. Массон, Городища Нисы в селении Багир и их изучение; там же, стр. 94—98.

63) М. Е. Массон, Цит., соч., стр. 94.

64) Я. Таиров, Цит. соч., стр. 237.

65) Отделение Шайлы колена Тарланг пользовалось водой из родника того же имени; отделения же Талаблы, Каракчи, Кузи, Ханлар пользовались водой родника Овлиялы на праве «санашик», см. Я. Таиров, Цит. соч., стр. 238.

66) В. Д. Жуков в своей работе «Изучение пригорода Нисы...» отмечает, что название «кала» соответствует по смыслу понятию «махалля». Подобное сопоставление правомерно только для Багира самого конца XIX в., когда имела значение территориальная община.

67) М. Е. Массон, Цит. соч., стр. 95, 107, прим. 201.

68) Описание и анализ багирских кала даны В. А. Левиной, в III томе Трудов ЮТАКЭ. стр. 8—11, рис. 1, 2.

69) Я. Таиров, Цит. соч., стр. 238.

70) По А. З. Розенфельду, Kala (кала) — тип укрепленного иранского поселения. Советская этнография, 1951, № 1, стр. 26—27.

71) Макдиси, МИТТ, т. 1, стр. 201; Худуд-алл-алем, МИТТ, т. 1, стр. 212; Хасан-бек Румлю, МИТТ, т. II, стр. 64.

72) Мунис-Агехи, МИТТ, т. II, стр. 359.

73) Если приближенно принять орошаемую площадь за 300—350 гектар, то для разового полива этой площади необходимо 300—350 тысяч кубометров воды.

74) Северо-западная гончарная труба неизвестного сечения была обнаружена Хаверанской экспедицией в 1927 г. Юго-восточная труба зафиксирована в 1948 г. в период работ ЮТАКЭ. Она расположена в 158 м от южного угла городской стены и состоит из двойного ряда гёлей толщиной в 3 см, имеющих малый диаметр 0,46, а большой диаметр 0,69 м. Гёли перемежаются кладкой из жженого кирпича. Для прозводства обмеров нами была сделана археологическая зачистка.

75) Хафизи Абру, МИТТ, т. 1, стр. 527, Хондемир, МИТТ, т. II, стр. 40, 47; Хасан-бек Румлю, МИТТ, т. II, 53. 59, 64 Искандер Мунши, МИТТ, т. II, стр. 66, 75, 90, 95, 100, 103; Мехдихан Астрабадский, МИТТ, т. II, стр. 118, 133; Мухаммед Казим, МИТТ, т. II, стр. 163, 165—167, 174; Иранские источники по истории туркмен XIX в., МИТТ, т. II, стр. 207, 208, 221, 222; Мунис-Агехи, МИТТ, т .II, стр. 333, 359, 384, 387; Мухаммед Риза мираб Агехи, МИТТ, т. II, стр. 447, 454, 456, 457, 469.

76) Н. Г. Петрусевич. Северо-восточные провинции Хорасана, Записки Кавказского РГО, т. XI, в. 1, Тифлис, 1880, стр. 100.

77) П. М. Лессар, Поездка в Серахс, Известия РГО, т. XVIII, в. 2, 1882, стр. 128.

78) Туркестанские ведомости, № 25, 1888, Извлечение из доклада В. Комарова; В. А. Жуковский, Отчет ИАК за 1896 год, СПб., 1898, стр. 104—105; В. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, СПб., 1914, стр. 41.

79) Кузьмин-Короваев, Российско-персидская граница между Закаспийской областью и Хорасаном. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, в. X, СПб., 1889, стр. 137; В. Прасалов, Мургабский поход 1885 г., СПб., 1910, приложение; А. А. Семёнов, Древности Абивердского района. Труды САГУ, серия 2, в. 3, Ташкент, 1931, стр. 18—19, упоминание о карте 1885 г. [Б] [Литвинов], О старине в Закаспии, Туркестанские ведомости, № 186, 1912.

80) С. А. Ершов, От случая к плану, Туркменоведение, 1931, № 1—2, стр. 77.

81) Бахтияров Х., Туркменские предания о древних крепостях в Каахкинском районе, Туркменоведение, 1928, № 9, стр. 49—50.

82) Состав и направление работ см. А. А. Семёнов. Древности Абивердского района.

83) Д. Д. Букинич, Новые данные об Анау, Туркменоведение, 1929, № 5, стр. 35.

84) Т. Г. Мачнев, Хаверан, Туркменоведение, 1929, № 1, стр. 131.

85) Коллекция Герца, инв. № 149, опись 109.

86) М. Е. Массон, Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция 1947 г., Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953, стр. 50.

87) Опрос колхозников алилинцев Хами Овезова и Керима Гышик, проведенный ученым секретарем ЮТАКЭ Д. М. Овезовым.

88) Хасан-бек Румлю; Искандер Мунши, МИТТ, т. II, стр. 60, 92, 99 и сл.; Абульгази, Родословная туркмен, Асхабад, 1897.

89) Абульгази, Родословное древо тюрков, Казань, 1914, стр. 186.

90) Обследование ЮТАКЭ 1948 г. селений Каахка, Араб-кала; А. Морозова, Труд туркменки, Туркменоведение, 1929, № 6—7, стр. 21.

91) Г. И. Карпов, К истории..., стр. 148—149; Абульгази, Цит. соч., стр. 70.

92) Н. Г. Петрусевич, Северо-восточные провинции Хорасана. Записки Кавказского ИРГО, т. XI, в. 1, 1881, стр. 116; Обзор Закаспийской области с 1882 по 1890 гг., Асхабад, 1897, стр. 18; Кузьмин-Короваев, Записки г. ш. полковника Кузьмина-Короваева о введении русского управления в Атеке 1885 г., Сборник географических и статистических материалов по Азии, в. XXI, СПб., 1886, стр. 154; П. М. Лессар, Поездка в Серахс, Известия ИРГО, т. XVIII, В. II, 1882, стр. 129; Он же, Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах [поездка 1882 г.] Известия ИРГО, в. 1, т. XX, 1884, стр. 42.

93) П. М. Лессар, Заметки о Закаспийском крае и сопредельных странах, Известия ИРГО, т. XX, в. 1, 1884, стр. 6; Отвод реки—явление заурядное для Средней Азии, так, например, в заметке: «Сведения о Чикишляре, Гассан-Кули и джафарбаевцах» указывается, что Атрек несколько раз менял русло,—это зависело от того какое из племен получало перевес. См. Известия Кавказского ИРГО, т. VI, 1879—1881, стр. 57.

94) Мухаммед Риза мираб Агехи, МИТТ, т. II, стр. 457.

95) Кузьмин-Короваев, Цит. соч., стр. 98; Г. И. Карпов, К истории туркмен али-эли (Ала-эль), Советская этнография, 1947, № 3, стр. 145.

96) Мухаммед Казим, МИТТ, т. II, стр. 163.

97) Хафизи Абру, МИТТ, т. I, стр. 527.

98) Хондемир, МИТТ, т. II, стр. 39—40; Хасан-бек Румлю, МИТТ, т. II, стр. 53.

99) Хондемир, МИТТ, т. II, стр. 47; Хасан-бек Румлю, МИТТ, т. II, стр. 59—64.

100) Искандер Мунши, МИТТ, т. II, стр. 66, 75, 90—92, 95—99.

101) Если учесть, что Анау имеет до 5% застройки, то Пештак относительно очень плотно застроен. Таким образом, ясно выступает полусельский характер Анау в противоположность Пештаку, который можно отнести к поселениям явно выраженного городского типа. Пештак по плотности застройки некоторых участков приближается к современным нормам застройки малоэтажных кварталов (23—25% от общей площади).

102) Описание усадеб и жилья Пештака приведены В. А. Левиной в Трудах ЮТАКЭ, т. III, стр. 19—24.

103) В. А. Жуковский, Развалины Старого Мерва, СПб., 1894, 140—141.

104) Цит. по вышеназванной работе В. А. Жуковского, стр. 102.

105) Е. [Л] Марков, Россия в Средней Азии, СПб., 1901, стр. 274.
106) М. Алиханов, Цит. соч., стр. 32—33.
107) В. А. Жуковский, Цит. соч., стр. 149.
108) В. А. Жуковский, Цит. соч., стр. 151.
109) П. Иванов, Ой — Кибитка, Туркменоведение, 1930, № 8—9, стр. 47—50; Его же, Основные типы жилища туркмен в переходный период, Туркменоведение, 1930, № 11, стр. 7—9; Его же, От кочевого к оседлому, Туркменоведение, 1930, № 12, стр. 11—12; В. Г. Мошкова, Дехканское жилище в низовьях Мургаба, 1939, Рукопись. С этой работой я познакомилась с любезного разрешения ее автора.
110) Я. Р. Винников, Цит. соч., стр. 43.
111) Описание и анализ жилья в округе Байрам-Али даны В. А. Левиной и Г. А. Пугаченковой в III томе Трудов ЮТАКЭ, стр. 24—28.
112) В. В. Бартольд. Очерки истории туркменского народа. Туркмения, Сб., т. 1, Л., 1929, стр. 60; МИТТ, т. II, стр. 332.
113) МИТТ, т. II, стр. 154.
114) МИТТ, т. II, стр. 156.
115) МИТТ, т. II, стр. 184.
116) Байрам-Али-хан — медный правитель, каджар, погиб в 1785 г. во время войны с Бухарой. Ремонтировал в период своего наместничества крепость XV в.
117) Мир Абуль Керим Бухарский, МИТТ, т. II, стр. 198—200.
118) Очерки по истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв., Ашхабад, 1954, стр. 281.
119) В. В. Бартольд, Очерк.. Цит. соч., стр. '66; МИТТ, т. II, стр. 593.
120) МИТТ, т. II, стр. 120, 124, 125.
121) МИТТ, т. II, стр. 197, 200.
122) МИТТ, т. II, стр. 375, 378—379.
123) МИТТ, т. II, стр. 381, 382.
124) МИТТ, т. II, стр. 382.
125) МИТТ, т. II, стр. 383.
126) МИТТ, т. II, стр. 414.
127) А. Самойлович, Книга рассказов о битвах текинцев, ЗВО, т. XVI, СПб., 1904, стр. 206.
128) Н. Г. Петрусевич, Туркмены между старым руслом Аму-Дарьи и [Узбоем] и северными окраинами Персии, Записки Кавказского РГО, кн. XI, в. 1, Тифлис, 1880, стр. 25—28; П. М. Лессар, Юго-Западная Туркмения, Известия РГО, т. XXI, 1885, стр. 54; В. И. Масальский, Туркестанский край, СПб., 1913, т. XIX, стр. 301.
129) Алиханов, Цит. соч., стр. 30; В. В. Русинов, Водоземельные отношения и община у туркмен, приложение № 2; Ф. А. Михайлов, Туземцы Закаспийской области и их жизнь, Этнографический очерк, Асхабад, 1900, стр. 42.
130) Я. Р. Винников. Цит. соч., стр. 6, рис. 1.
131) Я. Р. Винников, Цит. соч., стр. 8, рис 2.
132) По данным Марыйского областного архива одинаковые наделы земли имели

Дашаяк, состоящее из 243 хозяйств			
Иолунь	—.—	464	—.—
Берсен	—.—	641	—.—

См. Я. Р. Винников, Цит. соч., стр. 9.
133) Было бы ошибкой говорить о «справедливом» распределении воды между членами общины, как это делает В. В. Русинов, так как община давно уже перестала быть родовой, в ней выделилась феодально-родовая верхушка, диктовавшая свою волю как при распределении земли и воды, так и во всех делах общины. В. В. Русинов, Цит. Соч., стр. 22.
134) Я. Р. Винников, Цит. соч., стр. 10.
135) Там же, стр. 11—12.
136) Там же, стр. 12.
137) В. Л. Петров, . Теджено-Мургабский... Цит. соч., стр. 146, табл. 28, Алиханов, Цит. соч., стр. 37; А. Н. Кияшко, Военный обзор Закаспийской области, Ашхабад, 1896, стр. 288.
138) Авторы «Очерков из истории туркменского города и Туркменистана в XVIII—XIX вв.» отмечают характер размещения поселений в оазисе, но не осмысляют его. См. Цит. соч., стр. 339.

139) Соколов, Записка о дороге из Асхабада в Мерв хорунжия 1-й конной батареи Терского казачьего войска Соколова. Февраль 1882 г., Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, в. VI, СПб., 1883, стр. 195.

140) В. Г. Мошкова в своей работе «Дехканское жилище в низовьях Мургаба» давала этому явлению следующее толкование: по ее мнению давно обжитые туркменские аулы характеризуются фундаментальными сырцовыми или кирпичными постройками, позднейшие же в основном имеют постройки временного типа. Это указание В. Г. Мошковой является некоторым подтверждением предположения о том, что постройки принадлежат ранее осевшим сарыкам и текинцам.

141) Э. Р. Барц, Орошение в долине реки Мургаба и Мургабское государево имение, СПб., 1910, стр. 15—16. Куполообразные «глинобитные» крыши Барца, как выяснилось при обследовании, есть ни что иное, как купола, выложенные, кольцевыми рядами, или же по принципу «ложного свода» и своды типа «балхи», или коробовые. Как своды, так и купола выполнены из кирпича сырца 26×26×6 см. См. Труды ЮТАКЭ, т. III, стр. 25.

142) Сведения о численности населения заимствованы из статьи Г. И. Карпова, Родословная туркмен, Туркменоведение, 1929, № 1, стр. 57.

143) Мунис-Агехи, Фирдаус-ул Икбаль, МИТТ, т. II, стр. 324; В. В. Бартольд, Очерк истории туркменского народа, Туркмения, т. 1, Л., 1929, стр. 46.

144) В. В. Бартольд, Цит. соч., стр. 51.

145) В. В. Бартольд, Цит. соч., стр. 57.

146) В. В. Бартольд, Цит. соч., стр. 57.

147) Мухаммед Казим, Китаб-и-Надири, МИТТ, т. II, стр. 189.

148) Мухаммед Казим, Цит. соч., стр. 156.

149) Очерки по истории туркмен и Туркмении. Цит. соч., стр. 246.

150) Мир Абдул—Керим Бухарский, История Средней Азии, МИТТ, т. II, стр. 202.

151) Агехи, Зубдет-ут-таварих, МИТТ, т. II, стр. 481.

152) П. М. Лессар, Юго-Западная Туркмения, Известия РГО, т. XXI, 1885, стр. 55—56; МИТТ, т. II, стр. 228—229.

153) Комаров, Краткие статистические сведения о племенах эрсари, обитающих на левом берегу Аму-Дарьи от пограничного с Афганистаном селения Боссага до Чарджуя 1886 г. Туркестанский сборник, т. 540, стр. 66; кроме того, см. Н. Г. Петрусевич, Краткие сведения о туркменском населении между старым руслом Аму-Дарьи (Узбоем) и северными окраинами Персии, Известия РГО, т. VI, 1870—1881, стр. 53; Быков, Очерк переправ через реку Аму-Дарью, рекогносцировка 3-го Западно-Сибирского линейнего батальона штабс-капитана Быкова, Ташкент, 1879, стр. 3; Е. Л. Марков, В Туркмении, «Русское обозрение», т. III, июнь, 1882, стр. 494—495; Д. Н. Логофет, На границах Средней Азии, кн. V, СПб., 1909, стр. 103—104.

154) Комаров, Цит. соч., стр. 68; Быков, Цит. соч., стр. 38—39; Дмитриев-Кавказский Л. Е., По Средней Азии, СПб., 1894, стр. 14 и др.

155) М. Е. Мещерин, Современный кишлак Средней Азии, вып. XI, Ташкент, 1927, стр. 37.

156) И. Магидович, Хорезм. Материалы по районированию Средней Азии, 1, Ташкент, 1926, стр. 74—75.

157) Комаров, Цит. соч., стр. 66.

158) Мунис-Агехи, МИТТ, т. II, стр. 422, 425, 426.

159) Мир Абдул Керим Бухарский, МИТТ, т. II, стр. 202.

160) Комаров, Цит. соч., стр. 70.

161) Мухаммед Казим, Китаб-и-Надири, МИТТ, т. II, стр. 156.

162) Быков, Цит. соч., стр. 43.

163) Быков, Цит. соч., стр. 43. Описание Быкова характерно для дореволюционного востоковедения, не учитывавшего своеобразия сложения среднеазиатского города, где до последнего времени земледелие играло важную роль.

164) А. Галкин, Краткий очерк Бухарского ханства, «Военный сборник», 1890, № 11—12, стр. 411.

165) И. Магидович, Цит. соч., стр. 74.

166) Мунис-Агехи, Фирдаус-уль-Икбаль, МИТТ, т. II, стр. 420, Агехи, Зубдет-ут-таварих, МИТТ, т. II, стр. 481.

167) Быков, Очерк.. Цит. соч., стр. 52; Комаров, Краткие... Цит. соч., стр. 71.

168) Комаров... Цит. соч., стр. 68.

169) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXI, стр. 494.; История народов Узбекистана, ч. II, Ташкент, 1947, стр. 144—145; А. А. Семёнов. Очерки поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства. Труды САГУ, сер. II, Orientalia, в. 1, Ташкент, 1929, стр. 9; А. Х. Хамраев. К вопросу о земельно-водных отношениях в Бухарском ханстве в XIX в., Труды САГУ, новая серия, в. IX, гуманитарные науки, кн. II, Ташкент, 1948, стр. 14.

170) История народов Узбекистана, т. II, Ташкент, 1947, стр. 157—160, Д. Н. Логофет, В горах и на равнинах Бухары, СПб., 1913, стр. 146.

171) Как любезно сообщил мне А. А. Росляков, ему удалось путем опроса стариков-эрсаринцев установить, что население даже не сохранило памяти о термине «санашик».

172) Россия и Туркмения в XIX в., Ашхабад, 1946, стр. 269, документ № 129.

173) Быков, Цит. соч., стр. 55—56, 60—61; сведения собраны в 1880 г.

174) Комаров, Цит. соч., стр. 281. См. таблицу налогового обложения на стр. 283—292.

175) Быков, Цит. соч., стр. 44.

176) Там же, стр. 44, 46—47.

177) М. Е. Мещерин, Цит. соч., стр. 37; Комаров, Цит. соч., стр. 70.

178) К. Маркс и Ф. Энгельс. Революционная Испания, т. X, М., 1933, стр. 722.

179) М. Е. Мещерин, Цит. соч., стр. 37.

180) И. Магидович, Цит. соч., кн. 2, стр. 74.

181) И. Магидович, Цит. соч. кн. V, Население, стр. 159.

182) А. Вамбери. Путешествие по Средней Азии, СПб., 1865, стр. 116. К. Голубев, Из Керки, Туркестанские ведомости, № 43, 1888; Б. Литвинов, Керки (картинки Аму-Дарьинской жизни). Кауфманский сборник, М., 1910, стр. 41, 47.

183) Обследование, проведенное нами в 1949 г. в Керкинском и Кизылаякском районах, выявило мастеров-строителей Джангельды и Хан-Байрама в колхозе «Пахчи». Керкинского района, строителей и резчиков—Хурт-бага и усто Кучара-холлы в колхозе им. Ленина Кизылаякского района. В колхозе им. Сталина этого же района в составе населения отмечаются специалисты-колоннотесы и резчики (усто Худай Берды), кузнецы и оружейники (усто Клыч Мумин), гончары (Шукур Аман Гельды).

184) Описание жилья эрсари в обследованных нами поселках приведено В. А. Левиной в III т. Трудов ЮТАКЭ, стр. 28—45.

185) Принципиально такой же тип поселений и жилья был зафиксирован Г. А. Пугаченковой при обследовании в 1950 г. районов Куйбышевск — Лямбе, Халач и Чарджоуской области. См. Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953, стр. 28—34.

186) Эволюция типа поселения, в зависимости от изменения социально-экономических условий хорошо прослеживается в Багире, где эта эволюция происходила на одной и той же территории; в этом отношении Багир представляет для исследователей особый интерес, так как здесь хорошо сохранились следы последовательных этапов, через которые проходило поселение в своем развитии.

187) В. В. Бартольд, История культурной жизни... Цит. соч., стр. 77.

188) См. заключение Г. А. Пугаченковой в III томе Трудов ЮТАКЭ, стр. 47.

Г. А. ПУГАЧЕНКОВА

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ТУРКМЕНСКОЙ НАРОДНОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Применение Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией метода археолого-этнографического изучения поздних туркменских поселений дореволюционного периода является крайне своевременным, так как в наши дни бурного развития сельского хозяйства в Туркменской республике эти памятники сравнительно недавнего прошлого исчезают с лица земли гораздо быстрей, чем остатки античной и средневековой эпохи. Исключительный интерес представляют на этих поселениях руины сооружений, главным образом жилых и хозяйственных, а также культового назначения. Они позволяют составить суждение о характере народной туркменской архитектуры последних столетий, существование которой у туркмен еще до недавнего времени отрицалось исследователями местной старины, признававшими единственным подлинно-национальным типом туркменского жилья юрту, а постройки гражданского и культового зодчества в туркменских аулах приписывавшими искусству персов или узбеков. ЮТАКЭ удалось опровергнуть это тенденциозное в своей основе утверждение. Обследование построек XVIII—XIX вв. в различных районах Южного Туркменистана показало не только наличие у оседлых туркменских племен собственных, высокоразвитых навыков архитектурного строительства, но также и наличие оригинальных племенных особенностей архитектурного стиля.

Полученные экспедицией материалы уже нашли свое отражение в ряде публикаций[1]. В настоящее время материалы эти могут быть пополнены новыми объектами, которые были подвергнуты автором изучению в 1956 г. в процессе кратковременного проезда по Каракалинскому району Туркменской ССР, а также при обследовании старого Фараба.

1. МАТЕРИАЛЫ ПО АРХИТЕКТУРЕ ТУРКМЕН КАРАКАЛИНСКОГО РАЙОНА

Долину р. Сумбар издавна заселяет туркменское племя гёклен. Горные кряжи защищают от резких ветров широкое ущелье, обеспечивая тот мягкий микроклимат, благодаря которому здесь произрастают субтропические культуры. Вековые чинары, огромные, почти древовидные кусты инжира, гранаты, дикий виноград покрывают долину, по которой змеится небольшая река. Аулы гёкленов разбросаны через каждые 15—20 км — это типичные горные поселения, слагавшиеся вне определенных планировочных приемов, т. к. каждый владелец размещал

свою усадьбу, принаравливаясь к пересеченному рельефу места и расположению возделанного участка.

Жилые постройки в большинстве своем представляют здесь простые глинобитные сакли, с плоскими кровлями, с возведенным перед главным фасадом открытым навесом — телером, обычно завитым виноградными лозами, крыша которого нередко служит сеновалом. Но среди них

Рис. 1. Дом Кара-ходжи Гельды.

встречаются и дома более оригинальной архитектуры, запечатлевшей очень старые традиции народного зодчества тех автохтонных туркменских племен, которые издревле населяли горные кряжи Копет-дага— гёкленов, нохурли, мурчали и др.

Характерный образец — дом Кара-ходжа Гельды в колхозе им. Ленина Каракалинского района. Построен он был в 20-х годах самим владельцем, который, по словам его вдовы, отнюдь не был строителем-профессионалом, но простым крестьянином.

Домик небольшой — 9,65 × 6,30 м, прямоугольного плана, высотою до 3 м. Он состоит из двух продолговатых жилых комнат, между которыми заключен угловой айван (эйвен в местном произношении)—терраса наполовину открытая со стороны главного фасада. Из айвана двери ведут в каждую комнату, которые между собой разобщены.

Материалом стен служит пахса, выведенная почти без скоса граней; стены покрыты глиносаманной штукатуркой. Их гладь нарушена лишь прямоугольными вырезами окон (по одному в каждой комнате). Перекрытие плоское, оно осуществлено балочками (д=13—17 см), положенны-

ми поперечно к стенам, на которых лежит камышовый настил (до 20—25 см) с глиняной обмазкой поверх.

Очень интересен в архитектурном отношении айван. В пролете его расположены две деревянные колонны, высотой 2,76 м, диаметром 15—20 см, поддерживающие несущий прогон. Стволы колонн лишь нагрубо отесаны, переходя внизу в расширяющийся кубовидный стул. Оригинальны капители, являющие собой род развитой импостной подбалки. Вытесанные из широких кусков древесного ствола (с горизонтальным расположением волокон), они имеют плоские лицевые поверхности и закругляющиеся концы, оформленные в виде волют. Спираль последних пластически не моделирована, а дана углубленным вырезом на плоскости. Треугольные срезы на нижней поверхности подбалки образуют переходы от волюты к стволу, причем на одной из капителей этот прием дополнен орнаментальным треугольником, заполненным пилообразным узором. Подбалки эти сильно сокращают свободные пролеты прогона, равномерно распределяя его нагрузки на стойки колонн.

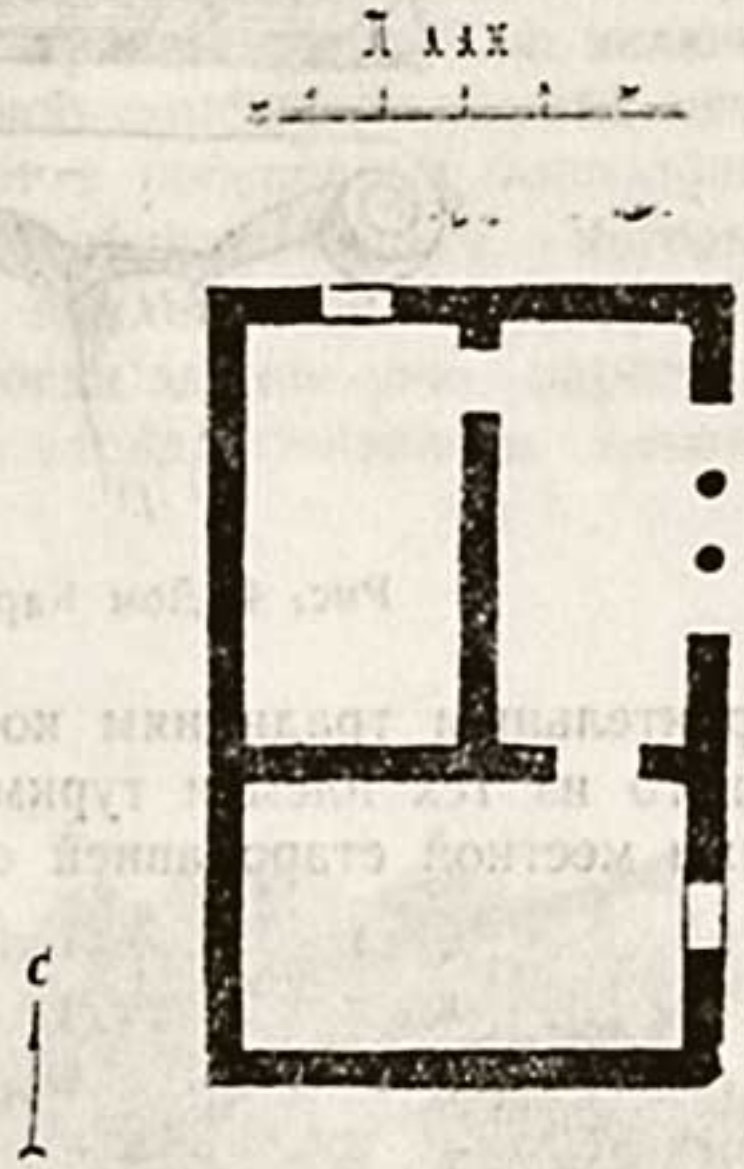

Рис. 2. Дом Кара-ходжа Гельды. План.

Перед нами реликт тех „прайонических» капителей архитектуры азиатских народов, которые уже в середине 1 тысячелетия до н. э. послужили основой формирования ионического ордера классического зодчества. Они сохранились доныне в некоторых

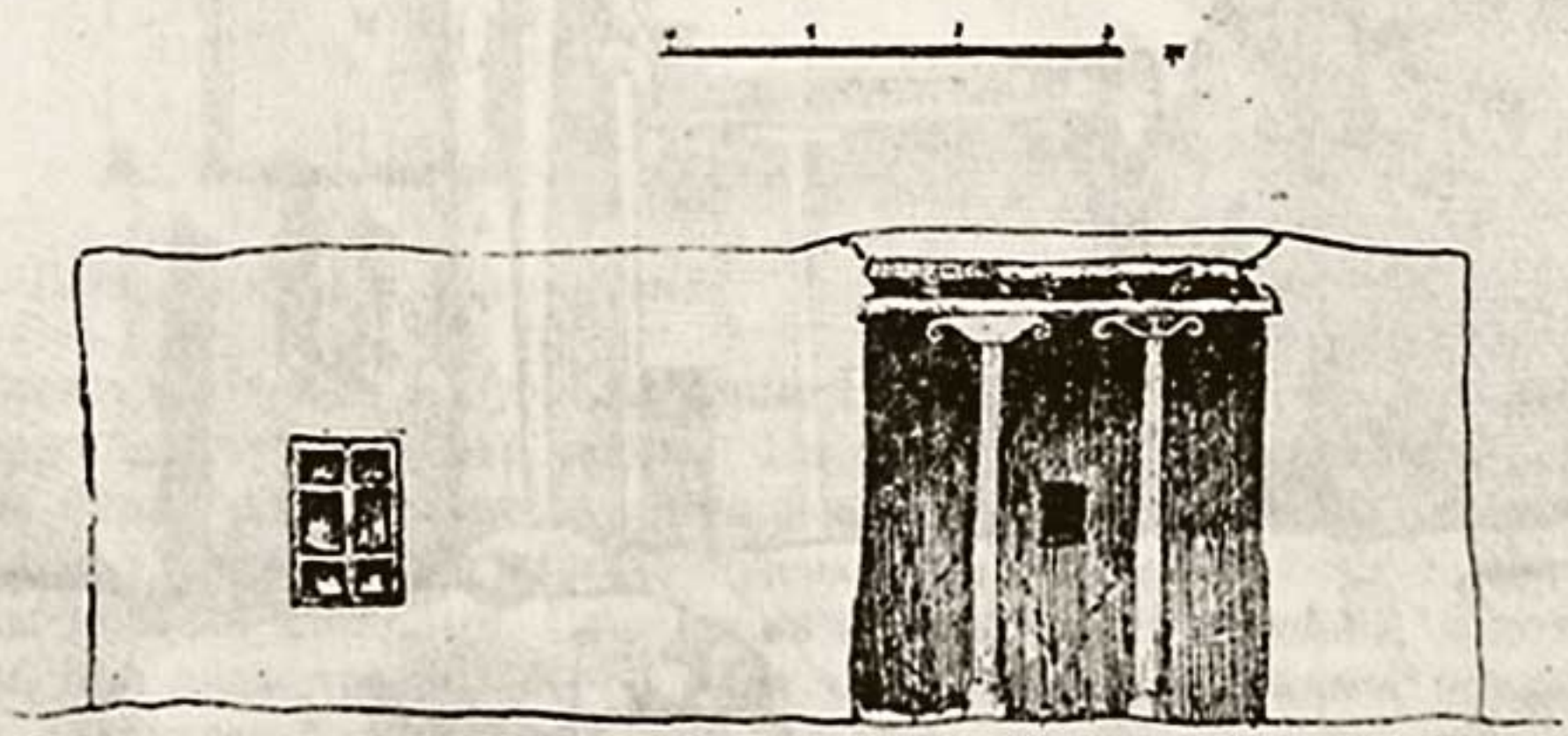

Рис. 3. Дом Кара-ходжа Гельды. Восточный фасад.

постройках соседних с гёкленами небольших туркменских племен—мурчали и нохурли, проживающих в горных аулах Копет-Дага[2].

Генезис этой архитектурной формы восходит в седую старину — к приемам парфянской архитектуры, что запечатлено на терракотовых

капителях из храма III—II вв. до н. э., остатки которого были вскрыты археологами в Новой Нисе[3]. Столь стойкая приверженность к местным

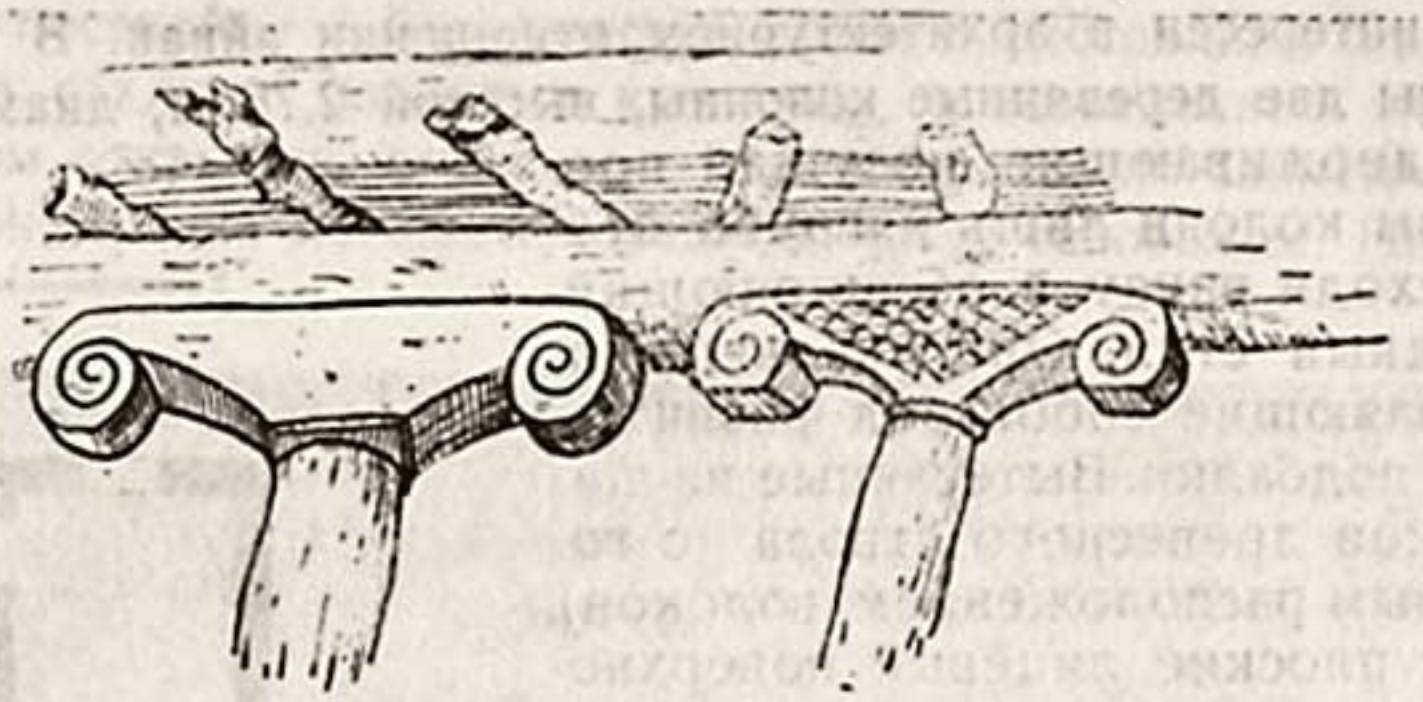

Рис. 4. Дом Кара-ходжа Гельды. Колонны айвана.

строительным традициям косвенно подтверждает автохтонность гёклен, одного из тех племен туркменского народа, которые являются носителями местной стародавней оседло-земледельческой культуры.

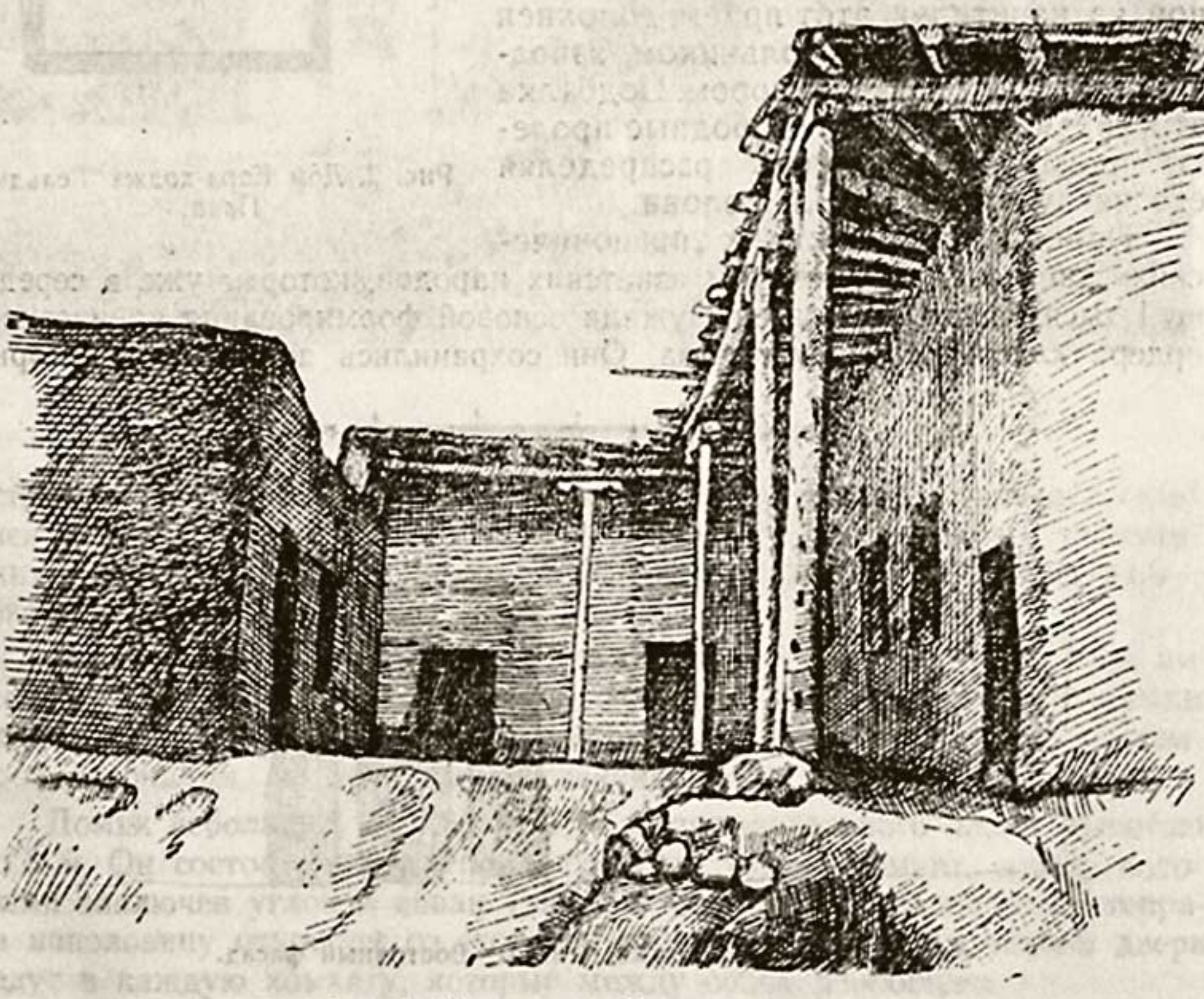

Рис. 5. Мечеть в с. Ходжа-ходжа.

В с. Мурча аналогичный тип колонн использован как в жилых домах, так и в двух небольших однокомнатных сельских мечетях. Ту же картину удалось наблюдать у гёклен. На окраине г. Кары-кала на тер-

ритории бывшего селения Ходжи-ходжа сохранилась старая мечеть, которая ныне обращена в колхозный склад. Выстроена мечеть около 50 лет тому назад неким Карры-Ишаном, который и был при ней главным духовным лицом.

Здание возвышается на холме, господствуя над разбросанной прилежащей жилой застройкой. Ориентация по странам света. Оно включает продолговатое в плане главное молитвенное помещение зимней мечети, к которому с южной стороны примыкают в поперечном расположении две подсобных комнатки. Образуется Г-образный план, который повторен колонным айваном. Айван этот и прилежащая к нему площадка служили летней мечетью. Позднее, когда здание уже перестало функционировать как мечеть, с востока и с запада появились некоторые добавочные пристройки.

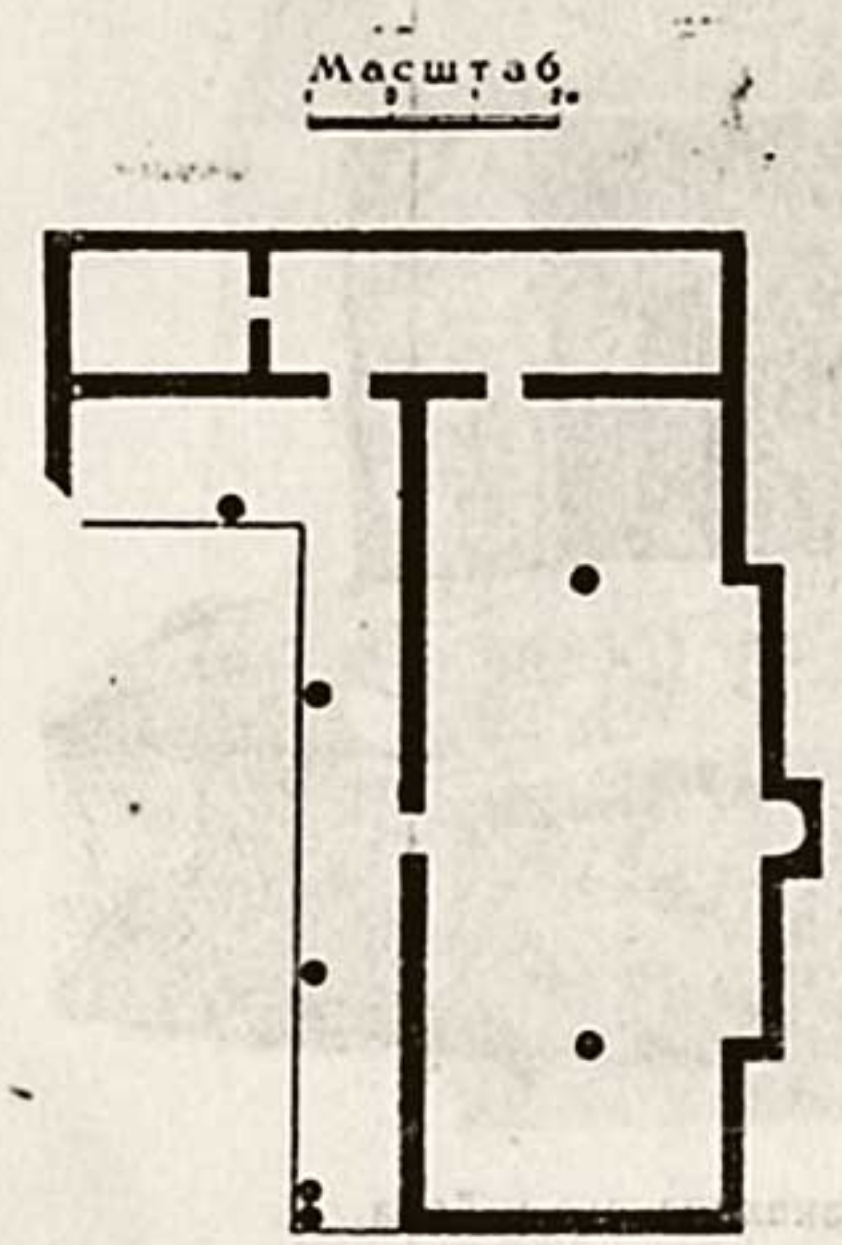

Рис. 6. План мечети в с. Ходжа-ходжа.

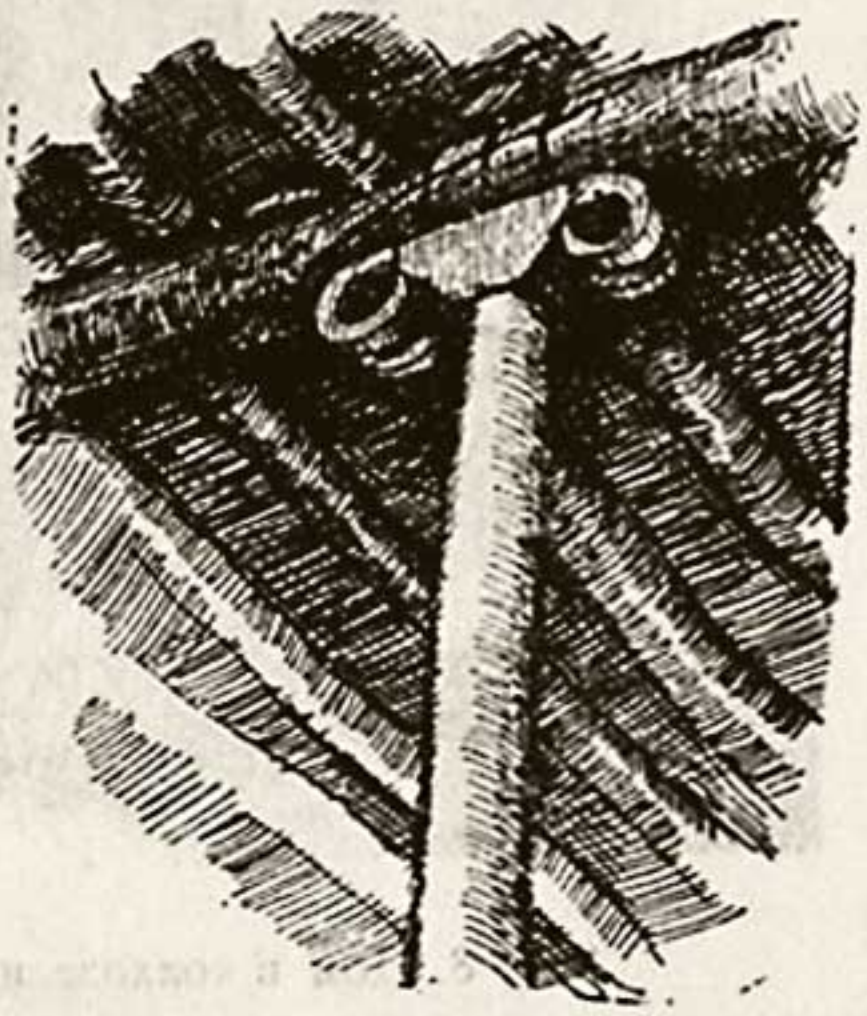

Рис. 7. Колонна интерьера.

Стены сырцовые, оштукатуренные глиной. Айван имеет пять колонн, поддерживающих несущий прогон. На нем и на стенах покоятся поперечные балки плоского перекрытия, на которых положен камышовый настил, с глинобитною смазкой поверх. Три колонны—старые, две заменены новыми столбами. Пропорции колонн очень стройны, высота их до 5 м, при диаметре 30—40 см. Они завершены подбалками, концы которых закруглены в форме волют, но без прорисовки спиралей.

Оригинален интерьер зимней мечети. Михрабная часть ее, ориентированная на запад, расширена и выдвинута за плоскость западной стены. Сам михраб полуциркульный в плане и по очертанию, но оторочен прямоугольной нишкой, углы которой вынуты «в четверть». На продольной оси помещения имеются две колонны того же типа, что и в айване, но обработанные гораздо тщательней. Стволы их гладко отесаны, а кон-

цы капителей вырезаны каждый в виде как бы пары закругленных рогов. В местной терминологии они так и именуются «гоч-буйныз», т. е. «бараньи рога». Мотив этот уже перекликается не столько с архитектурой, сколько с ковровой орнаментикой туркмен. Волюта, как плавно скругленное, конструктивно оправданное завершение краев капители, уступает здесь место более декоративной форме, расчленение которой надвое ослабляет ее конструктивную прочность и целостность.

Любопытную форму несущей стойки дает небольшой, ныне заброшенный домик в упомянутом колхозе им. Ленина, построенный на каменистом бугре. Материал стен — пахса, основанная на 80-сантиметровом цоколе, сложенном из двух рядов крупных, околотых каменных плит. Перекрытие плоское, того же типа, что и в двух описанных выше постройках. Стены оштукатурены.

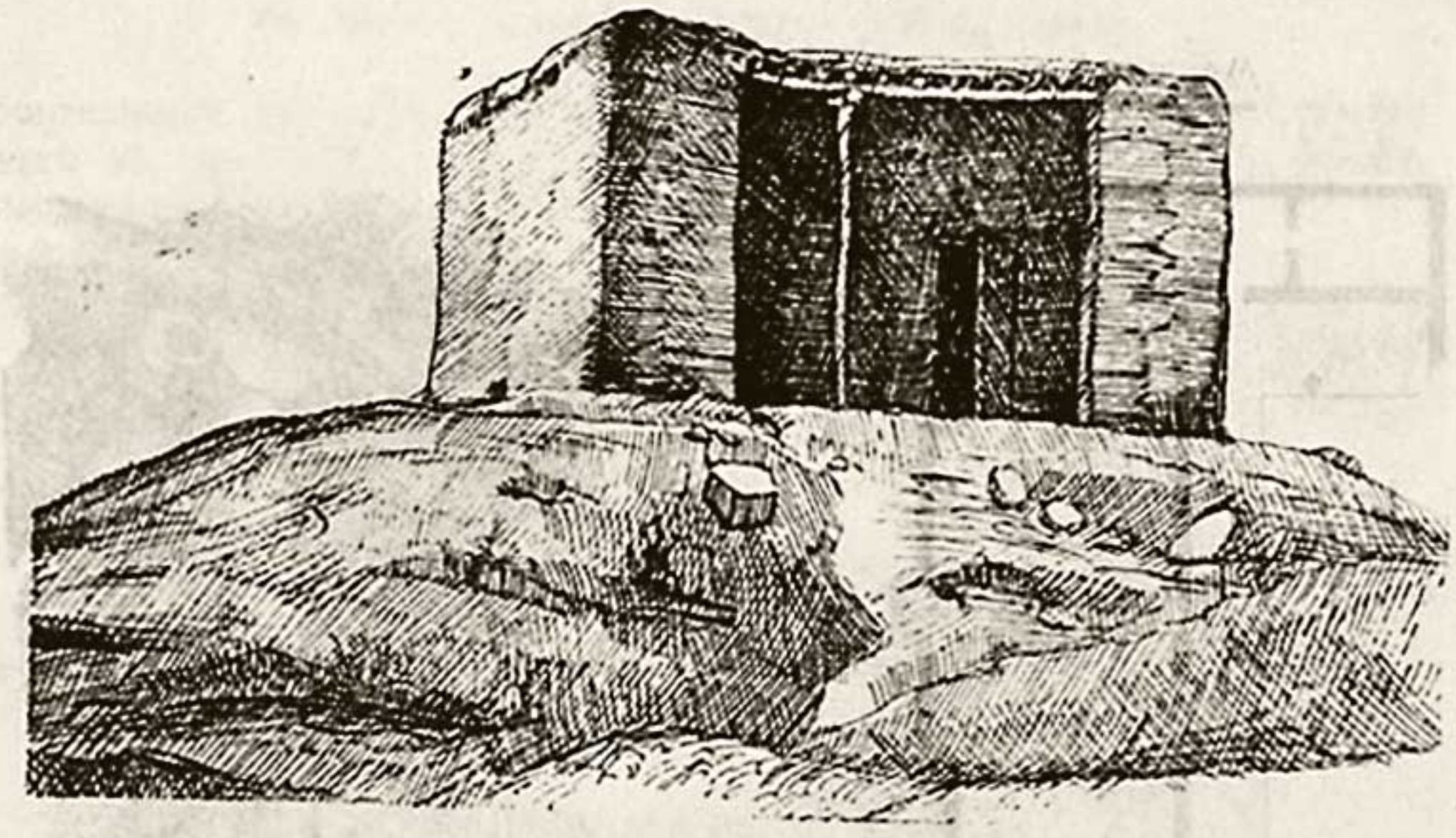

Рис. 8. Дом в колхозе им. Ленина Каракалинского района.

Дом прямоуголен (8×6,5 м), включает две смежные жилые комнаты и антовый айван по главному фасаду. Прогон айвана покоился, видимо, на двух колоннах, из которых ныне сохранилась лишь одна. Для нее использован начерно отесанный древесный ствол с развилкой, концы которой врезаны в поперечно лежащее бревешко. Конструктивная целесообразность такого приема оправдывается тем, что здесь как раз находится стык двух отрезков несущего прогона. Такие вилообразные стойки народной деревянной архитектуры явились некогда, по мнению Виолле ле-Дюка, праобразом каменных фигурных капителей персидского зодчества эпохи Ахеменидов[4].

Среди этнографических построек гёклен Каракалинского района нами осмотрена старинная заброшенная мельница на полпути из Кара-кала в Юван-калу. Вода коптировалась из арыка, продолженного вдоль скалы, куда она, очевидно, поступала из какого-то ныне иссякшего родника; могли использоваться также потоки вешних и осенних вод. При про-

кладке отрезка этого арыка был проделан немалый труд по прорубанию в скале и нивелировке его русла, обкладке бортов крупными глыбами рваного камня.

Перпендикулярно к скале была возведена высокая подпорная стена, также тщательно обложенная рваным камнем на глиняном раство-

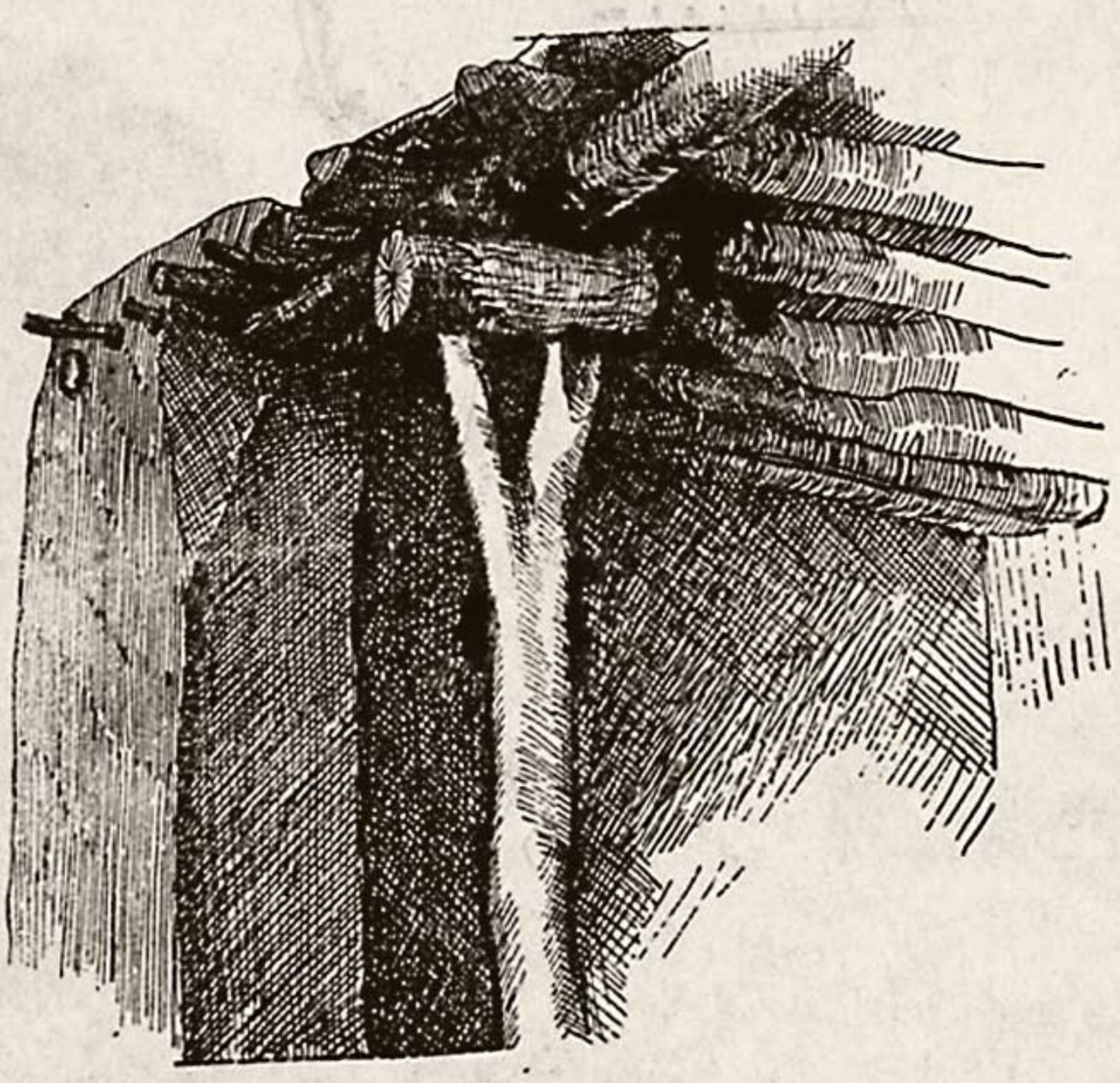

Рис. 9. Деталь айвана.

ре, на гребне которой был проложен поперечный канал длиною до 17 м. Отсюда вода сбрасывалась вниз на значительную высоту (до 10 м) посредством сточного желоба, создавая ту большую «живую силу», которая и приводила в движение жернова. Желоб этот сложен из кольцевидных, хорошо отесанных каменных секций (до 2 м по внешнему диаметру, до 90 см по внутреннему). Эти каменные кольца соединены прочным известковым раствором, которым желоб оштукатурен также изнутри. У подножья описанной подпорной стены и расположено помещение мельницы — неправильной, вытянутой четырехугольной формы (13 × 5 м). Стены ее той же каменной кладки, на глиняном растворе, перекрытие плоское, балочное. Внутри на месте сохранился лишь один из жерновов (второй вынесен за дверь и брошен), из-под которого тянулся наружу водосток.

Это производственное сооружение дает интересный образец небольшой мельницы, приспособленной к использованию водного источника в

условиях небогатого водою высокогорного района. Устройство ее потребовало немалого труда и достаточно развитых навыков строительного

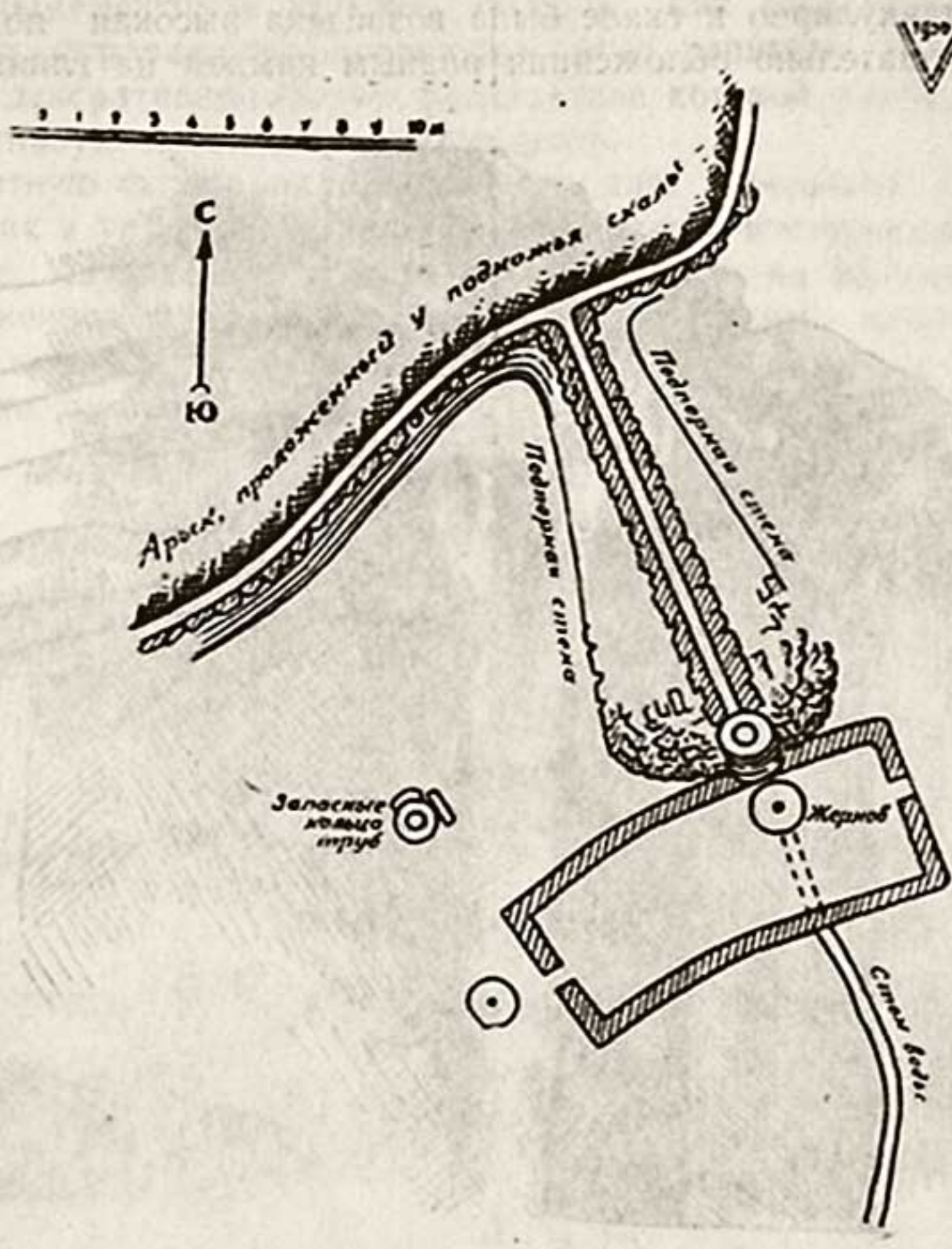

Рис. 10. План мельницы.

дела, где основным материалом послужил камень, которым изобилует район.

2. ПОЗДНИЕ МАЗАРЫ В ПРЕДГОРЬЯХ КОПЕТ-ДАГА

У подножья укрепленного городища средневекового Дуруна высятся руины мавзолея Ак-Имам[5]. Выстроен он из сырцового кирпича 25 × 25 × 5 см на глиняном растворе. План почти квадратен (13,20 × 12,60 м), композиция центрична: внутри заключено квадратное помещение (6 × 6 м), каждый фасад имеет большую сводчатую нишу—айван. Угловые участки плана заключают пару прямоугольных коморок-худжр, вход к которым ведет из СВ айвана и из самого помещения, а с противоположной стороны, видимо, располагалась пара винтовых лестниц (ныне здесь все разрушено и затекло глиной), доступ к которым осуществлялся лишь из ЮВ айвана.

Рис. 11. Мельница у дороги на Юван-калу.

Перекрытием служит купол, основанный на тромпах. Конструкцию тромпа определяет переброшенная под 45° к углу помещения арка в полкирпича, основанная на литом ганчевом правиле. Внутренняя поверхность тромпа до начала кривой выведена полувосьмигранником, а далее — криволинейной кладкой. Переход к куполу примитивен — без

Рис. 12. Ак-Имам в Дуруне.

каких-либо промежуточных парусов. В уровне отдела его от тромпового яруса заделаны на 8-гранном плане длинные арчевые связи, замаскированные кирпичной кладкой и толстым слоем штукатурки.

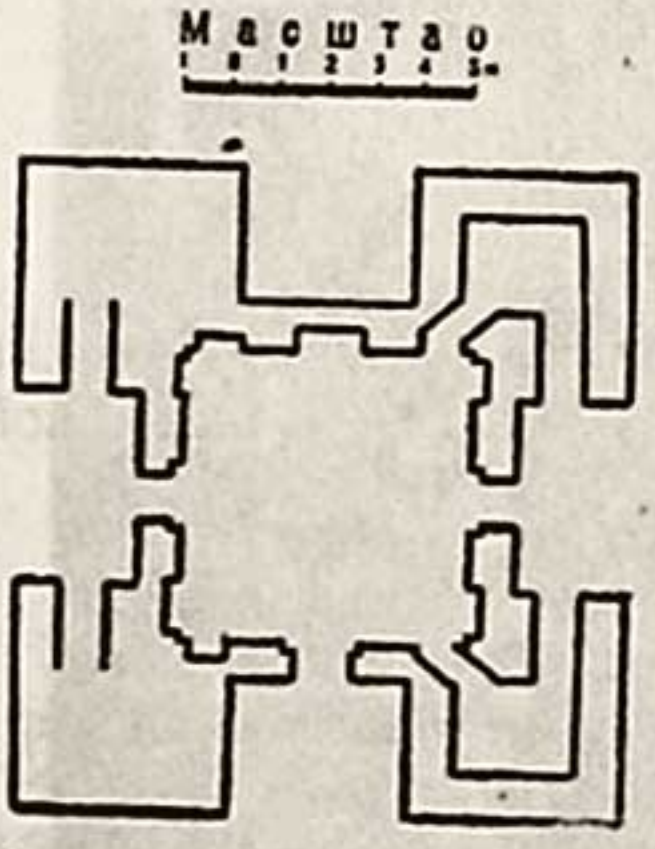

Рис. 13. Ак-Имам в Дуруне. План.

Стены интерьера расчленены каждая тремя нишками: по две небольших по краям и высокой средней, заключающей дверной проем (кроме СЗ стены). Ниши айванов завершались конховым полукуполком, основанным на тромпах, Ниши эти и интерьер были закрыты ганчевой штукатуркой, по большей части отлетевшей. В тимпанах и на внутренней поверхности нишек интерьера кое-где сохранились остатки резанных на ганче рельефных надписей почерка „сульс".

За отсутствием каких-либо письменных или нарративных сведений вопрос о датировке Ак-Имама может быть определен лишь на основе архитектурных данных. Уже отмечавшееся в литературе сходство его плана с находящимся в том же Дуруне мавзолеем XVI в. Кизыл-Имам является лишь свидетельством подражательности и преемственности

местных архитектурных традиций. Однако в конструктивном отношении в Ак-Имаме налицо сильный регресс: взамен развитых систем сетчатых парусов, присущих архитектуре Средней Азии и Ирана XVI—XVII вв., здесь налицо и примитивные приемы возведения купола на

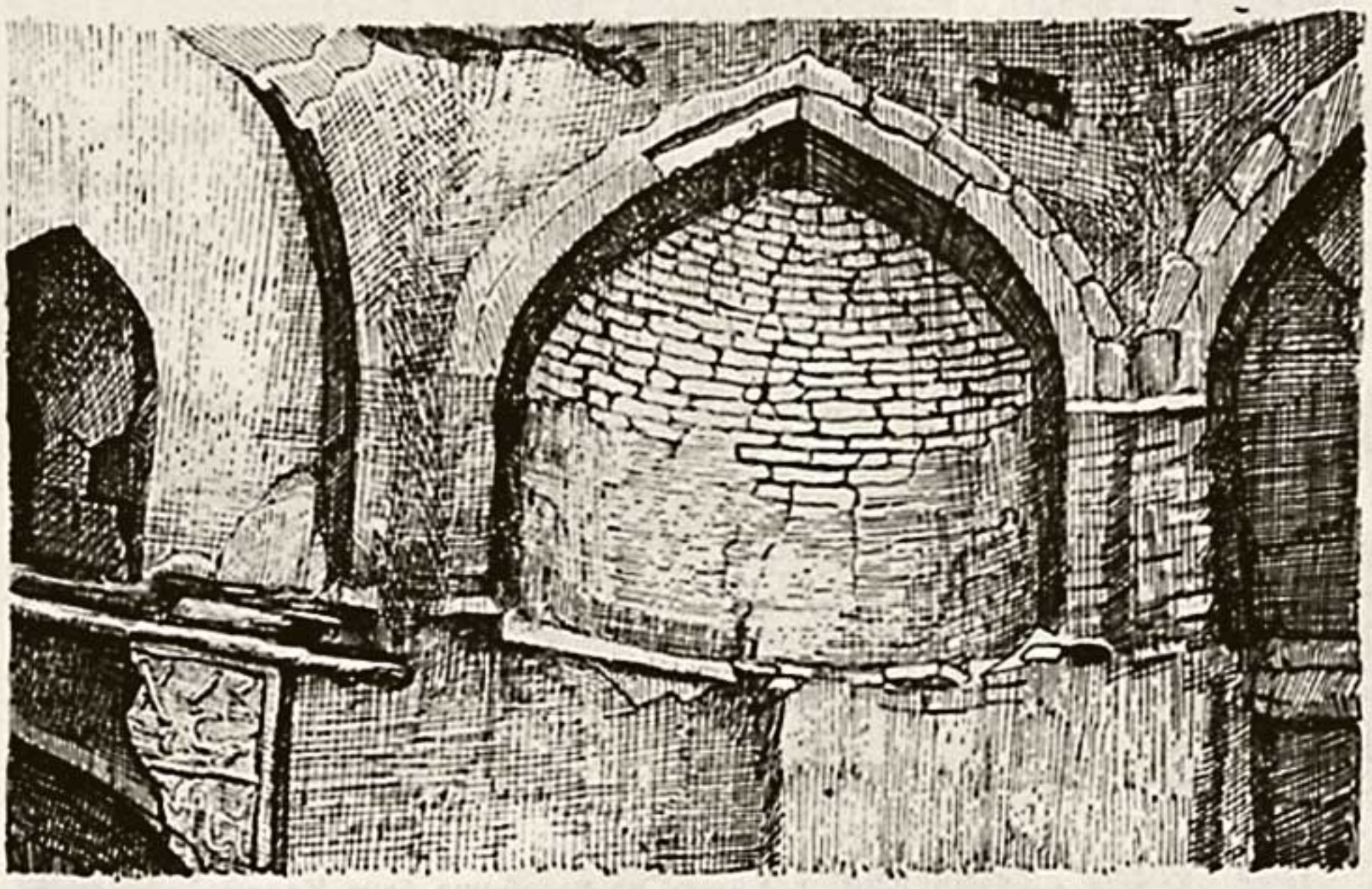

Рис. 14. Тромпы мавзолея Ак-Имам.

тромпах, вновь появляющихся в зодчестве XVIII—XIX вв., и характерные для этой поры литые ганчевые архивольты. Приемы плоскорельефной резьбы по ганчу и самый почерк надписей восходит к той же дате.

На грани XVIII—XIX вв. Дурун еще представлял собой значительную крепость, за стенами которой отсиживалось местное туркменское население, и которая нередко использовалась хивинскими ханами во время их походов на Хорасан. Возведение овлии Ак-Имама, видимо, связано с деятельностью местного мусульманского духовенства. При сооружении же здания строители не очень высокой квалификации приняли за образец Кизыл-Имам, но для нанесения резных ганчевых надписей был привлечен откуда-то из одного из городских центров опытный каллиграф.

На старых туркменских кладбищах близ селений в предгорьях Копет-Дага между Ашхабадом и Кизыл-Арватом имелось немало такого рода мавзолейных сооружений XVIII—XIX вв.; целая группа этих построек была, например, зарисована Н. Н. Каразиным в прошлом столетии у крепости Бами[6]. Выстроенные в основном из отличного жженого кирпича, взятого со средневековых городищ, утратившие в народе память о погребенных здесь лицах, мавзолеи эти по большей части разобраны. Из сохранившихся нами был осмотрен мазар на кладбище близ с. Кодже[7]. Квадратный в плане, со входом, выделенным стрельча-

той арочкой в П-образном обрамлении, с ульеобразным куполом, он повторяет шаблонный тип центральнокупольной усыпальницы, сложение которого в Южном Туркменистане восходит еще к эпохе средневековья.

Рис. 15. Безыменный мавзолей на кладбище близ Коджа.

Довольно выразителен по своему архитектурному силуэту безымянный мазар, возвышающийся у дороги близ ж.-д. станции Каушут, недалеко от городища Хосров-кала. Это сырцовое здание, квадратного пла-

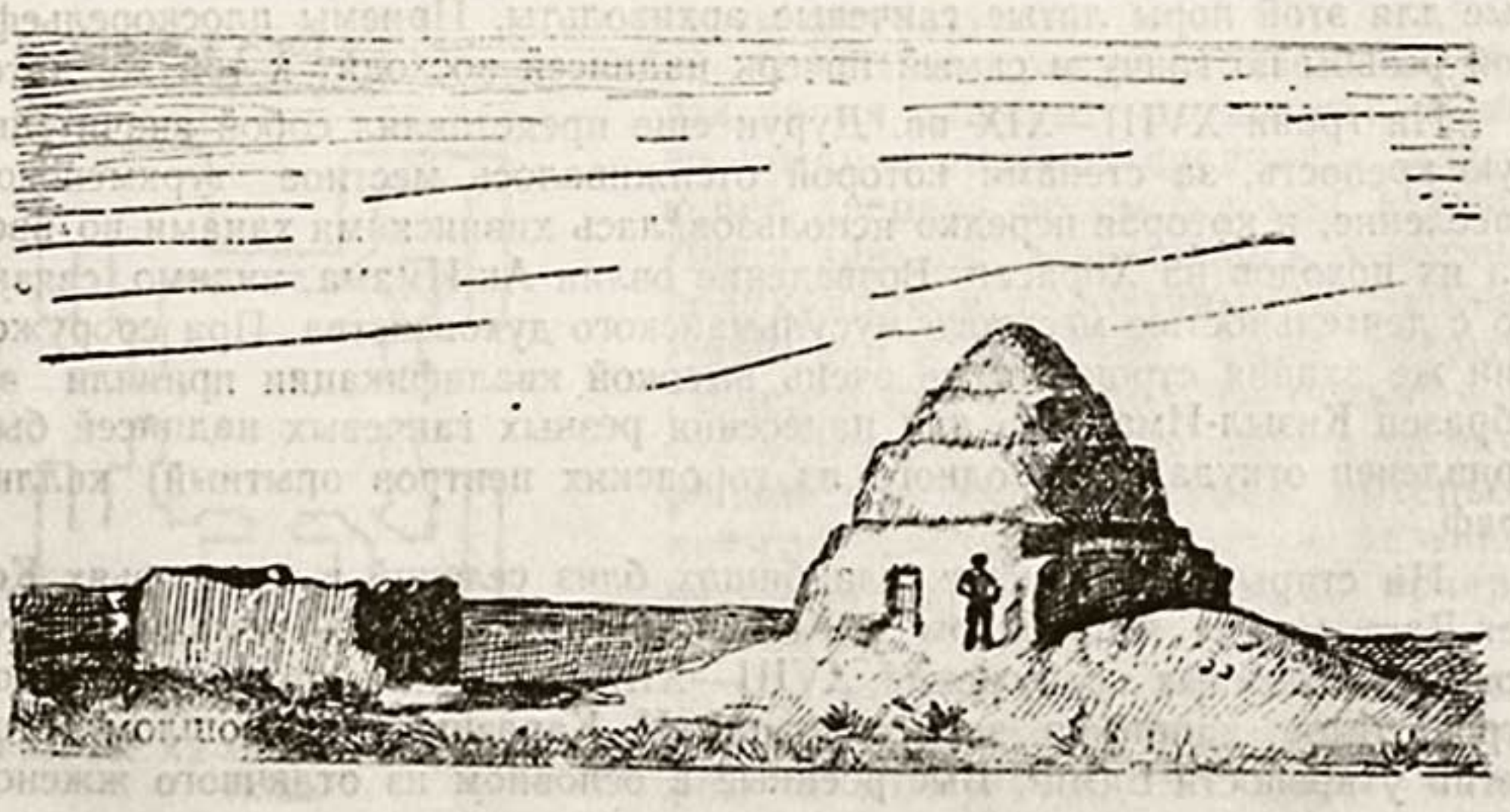

Рис. 16. Безыменный мазар близ Коушута.

на, с сильно наклонными гранями стен имеет композицию о четырех уступах, с последовательным переходом к конусовидной скуфейке купола.

Силуэт его почти пирамидален. Здесь как бы промежуточное решение между двумя основными типами усыпальниц, оформившихся еще в средневековьи на территории Туркменистана — центральнокупольной, присущей для южных его районов, и шатровой, характерной для севера (Хорезм).

3. ПОСТРОЙКИ СТАРОГО ФАРАБА

Остатки городища старого Фараба — места одной из главных средневековых переправ через Аму-Дарью от Амуля (Чарджоу) на правый берег этой реки, откуда далее большой торговый и военный тракт вел на Бухару, ныне почти поглощены колхозными полями. Лишь возвышенная кала, одиночные бугры былого поселения и остатки старинного клад-

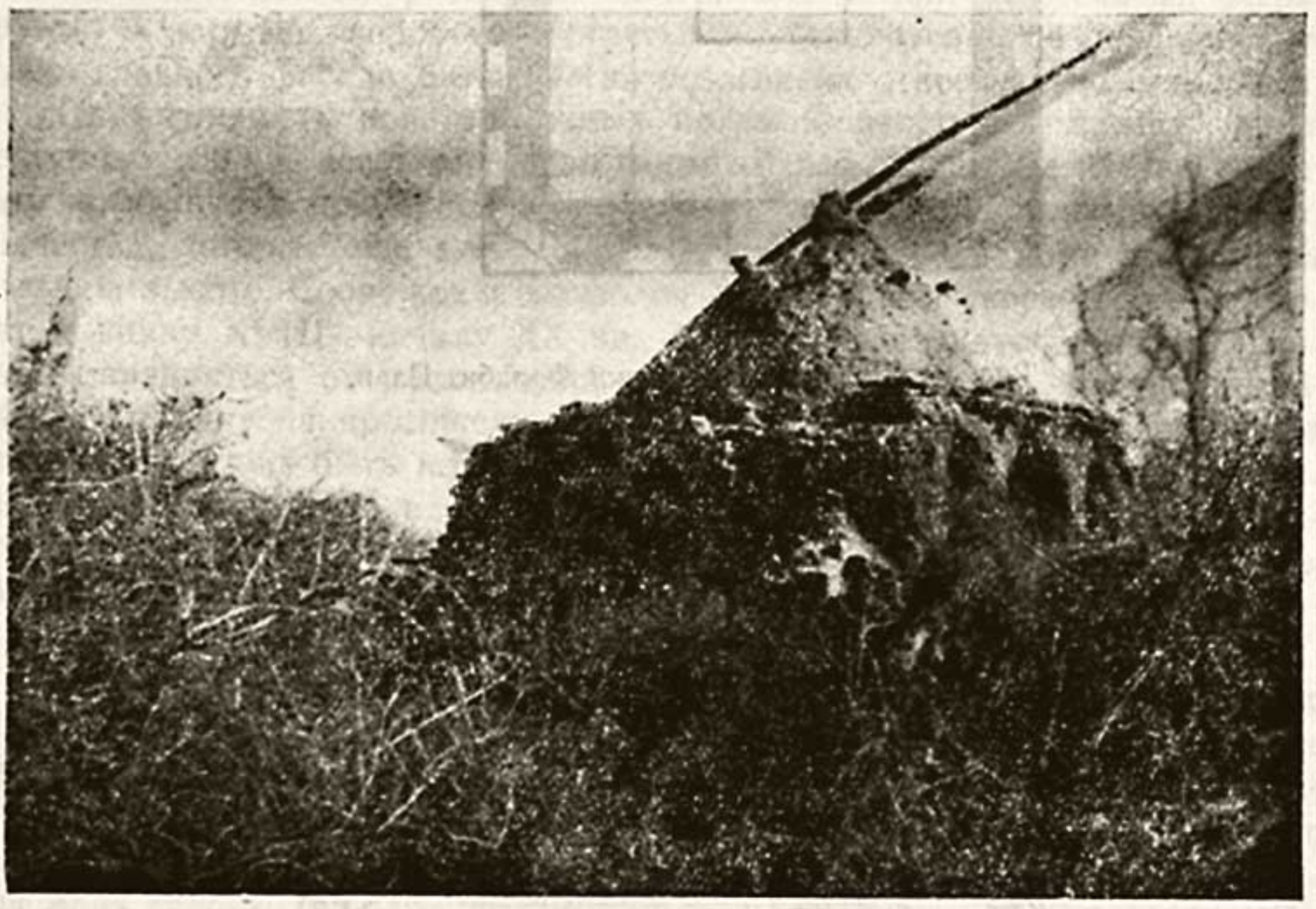

Рис. 17. Мазар Ходжа-Аджи Фараби в старом Фарабе.

бища высятся среди них. Древних архитектурных строений на поверхности не сохранилось, но на кладбище доныне существует старый мазар Ходжа-Аджи, еще привлекающий к себе внимание окрестных жителей, главным образом женщин, порою приходящих на зиарат и привязывающих на близрастущих кустарниках вотивные тряпочки. Мазар этот отметил в свое время Л. А. Зимин, опубликовавший его фотографию[8].

Здание сложено из жженых кирпичей самых разнообразных размеров, целых и околотых, явно собранных с различных заброшенных построек средневекового городища. Кладки на глиняном растворе, внутри и снаружи нанесены глиняные штукатурки, местами опавшие. Мавзолей квадратен в плане (5,30 × 5,30 м), ориентирован по странам света;

вход, в виде невысокой стрельчатой арочки, обращен на юг. Со временем здание почти на одну треть вросло в землю, благода-

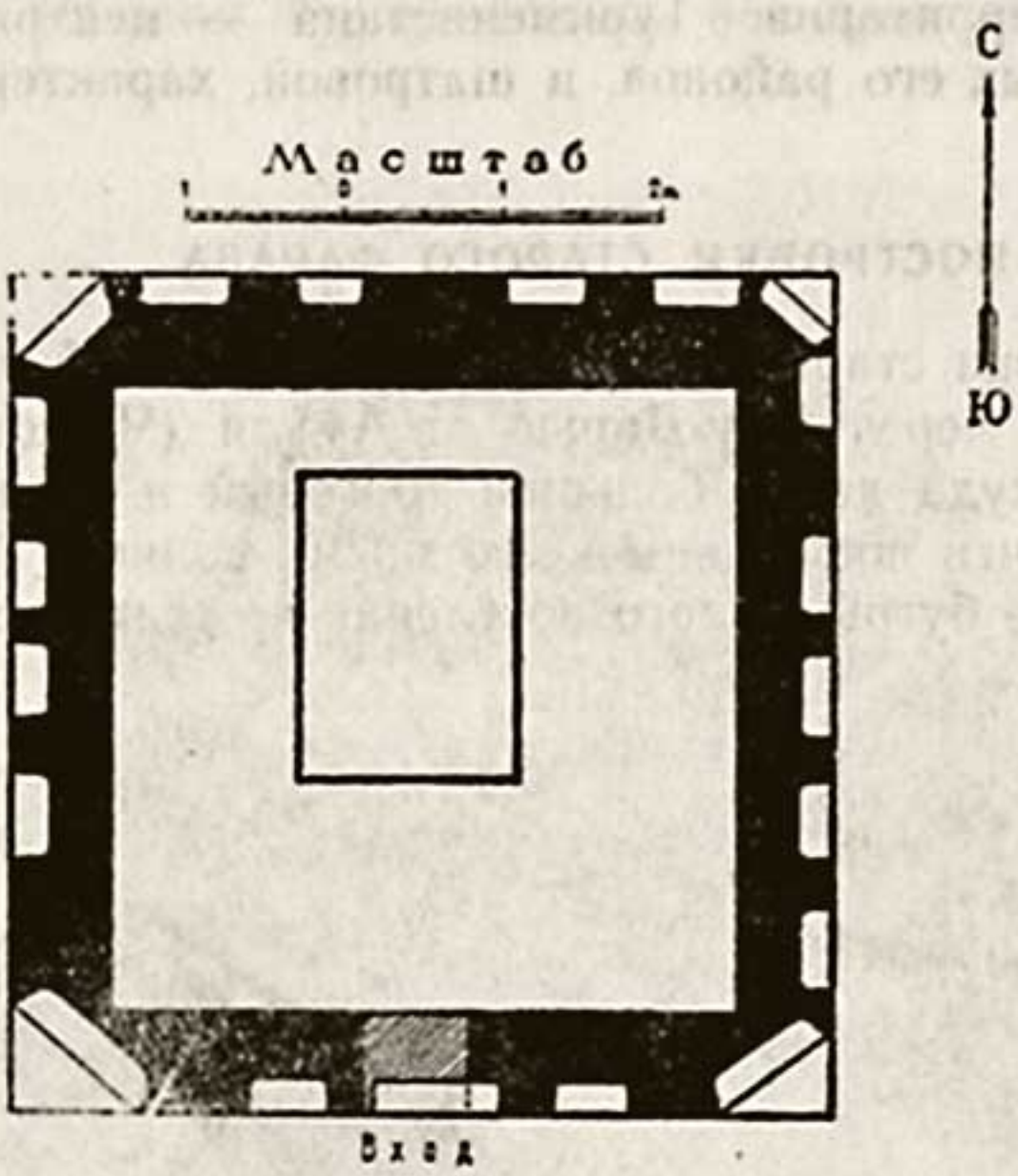

Рис. 18. Мазар Ходжа-Аджи Фараби. План.

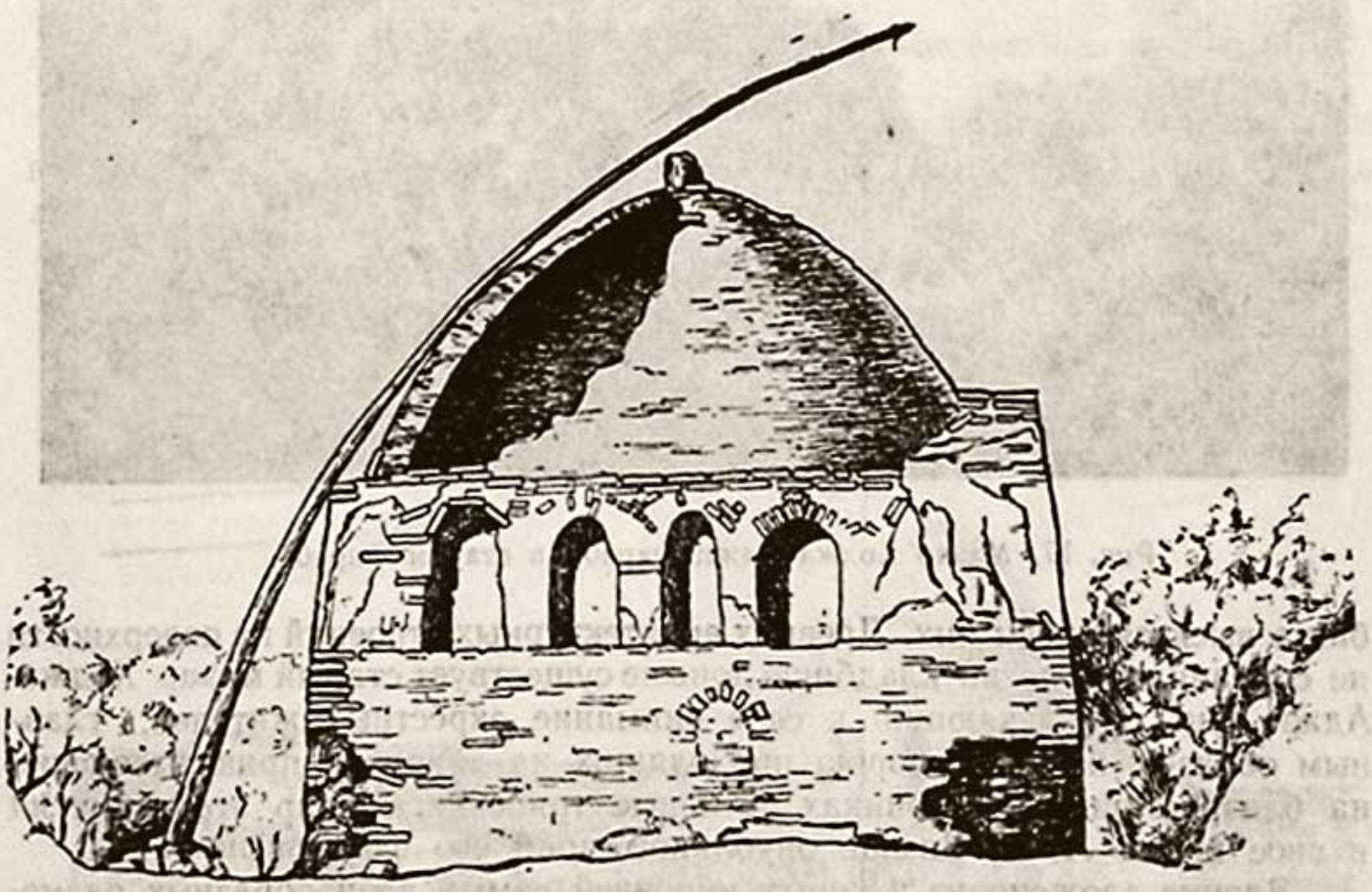

Рис. 19. Мазар Ходжа-Аджи Фараби.

ря накоплению располагавшихся поближе к «святому месту» могил. наносам пустынного песка, густой разросшейся кустарниковой растительности. Все это указывает на довольно почтенный возраст постройки.

Перекрытием служит купол, значительный сектор которого уже разрушен. Купол возведен довольно небрежной кладкой из половинок кирпича, на глиняном растворе; кладки его кольцевыми рядами, до середины высоты — горизонтальные со свесами рядов, в верхней части скуфьи — со скосом их по радиусу кривизны. В вершине имеется кирпичный столбик, может быть, некогда увенчанный фигурным навершием. Переход от квадрата помещения к куполу осуществлен постепенным скосом кладок — от прямого угла к дуге окружности. Внутри имеется грубое кирпичное надгробие.

Фасады мавзолея композиционно расчленены надвое: гладкий низ и оформленный арочными нишами верх. Число нишек неодинаково: по 4 на северном и западном фасаде, 5 на восточном, 3 на южном; кроме того широкие нишки располагались со скосом под 45° на углах. В формах их также полный разнобой: одни имеют четкий стрельчатый очерк, другие — смятый коробовой, третьи — трапециевидное завершение. Стена главного фасада была слегка возвышена относительно остальных.

Примитивность конструктивных приемов, отсутствие четких архитектурных линий, несовершенство форм — всё свидетельствует о создании памятника в пору упадка и забвения традиций монументального зодчества, которые еще в XVII столетии в Средней Азии стояли на большой высоте. Сооружение мавзолея Хаджи-Аджи скорее всего восходит к концу XVIII—началу XX вв., когда среднеазиатские области начали оправляться от последствий тяжелого социального кризиса, охватившего страну на протяжении XVIII столетия. К этому времени узкую полоску, могущих быть использованными под сельское хозяйство фараб. ских земель, заселяло в основном туркменское племя ших, которое хоронило здесь своих покойников, создав на кладбище мазар в память какого-то почитаемого местного «хаджи» — судя по этому титулу сподобившегося посещением Мекки.

Любопытно, что несмотря на все несовершенство архитектурных форм, композиция здания в целом, на некотором расстоянии, весьма впечатляюще. Объяснение этому, видимо, лежит в том, что прототипом для него послужил какой-то более ранний хороший образец. Может быть это был тот средневековый мавзолей, который высился в укрепленной кале старого Фараба и который был разрушен в 30-х годах. Во всяком случае, композиция центрического мавзолея со сфероконическим куполом на монументальной квадратной призме основания, расчлененной на гладкую нижнюю половину и венчающую аркатуру, восходит еще к постройкам сельджукской эпохи, к мавзолею Абу-Саида в Меана (XI в.) и мавзолею Султана Санджара в Мерве (XII в.). Это обращение к высоким архитектурным принципам северо-хорасанского феодального зодчества поры его расцвета обеспечивало выразительность общего архитектурного решения, которая присуща мавзолею Ходжа-Аджи в Фарабе.

На территории Фарабского района кое-где еще сохранились старые туркменские усадьбы-ховлы XIX—начала XX столетий. По типу своему они очень сходны с усадьбами левобережья Аму-Дарьи, встречающимися от г. Чарджоу до г. Керки[9], но во многом уступают им и

размерами и богатством художественной отделки. Однако руины одной из здешних ховлы заслуживают большого внимания. Это подлинный шедевр туркменской народной архитектуры, слагавшейся в поселениях по среднему течению Аму-Дарьи.

Усадьба принадлежала местному богатому землевладельцу Бабо-Назарбаю (80-летняя дочь его доныне проживает в колхозе) и была

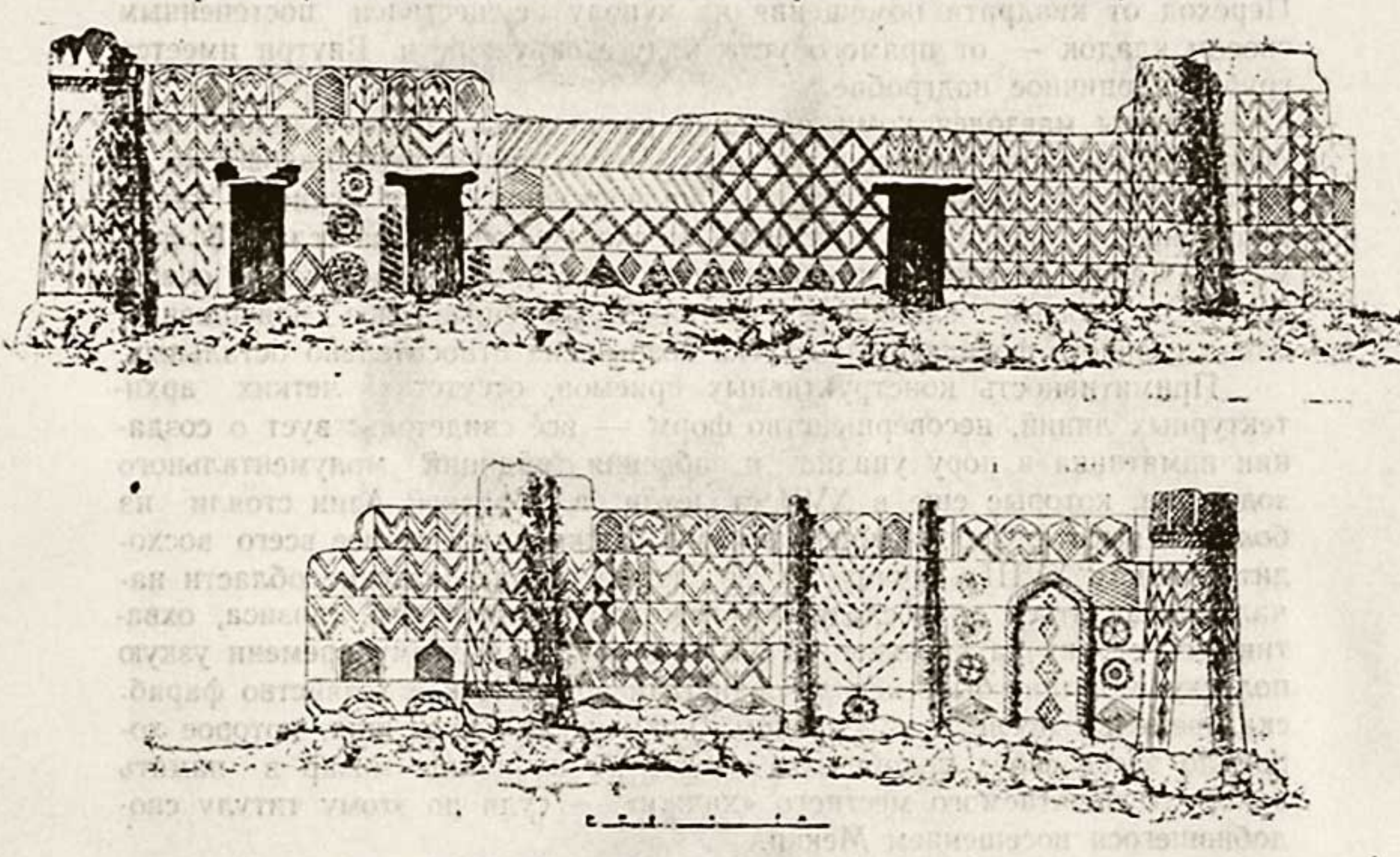

Рис. 20-а, б. Ховлы Бабо-Назарбая. Главный фасад.

отстроена свыше 50 лет тому назад, т. е. где-то на грани XIX—XX вв. Сейчас сохранились лишь наружные ограждающие стены и несколько помещений — строение используется колхозом в качестве склада для фуража и загона для скота.

План ховлы прямоуголен (53 × 38 м), ориентация — по странам света, главный фасад обращен на юг. Северный фас фланкирован угловыми башнями-бурджами диаметром до 5 м, южный же—небольшими башенками-гульдаста (диаметром до 1,80 м у основания). Внутри был обширный двор, но получить полное представление о планировке всех окружавших его построек, их составе и назначении сейчас затруднительно. Судя по оплывам, они сосредоточены были в основном в южной и северной части. Ныне сохранилось лишь продолговатое помещение с юга, да пять комнаток у северной стены, с коридорообразными отрезками, ведущими к круглым помещениям угловых бурджей. В составе застройки были и жилые покои, и подсобные комнаты, и хозяйственные строения — загоны для скота, склады, закрома и даже домовая мечеть, следом которой является изящная резная михрабная нишка в юго-запад-

ном участке двора. Перекрытия помещений были плоскими, деревянными. В одной из комнат оно хорошо сохранилось. Это система смежно положенных кривых арчевых балочек, поверх которых на камышовом или саманном настиле покоится земляная засыпка с глиносаманной смазкой поверх.

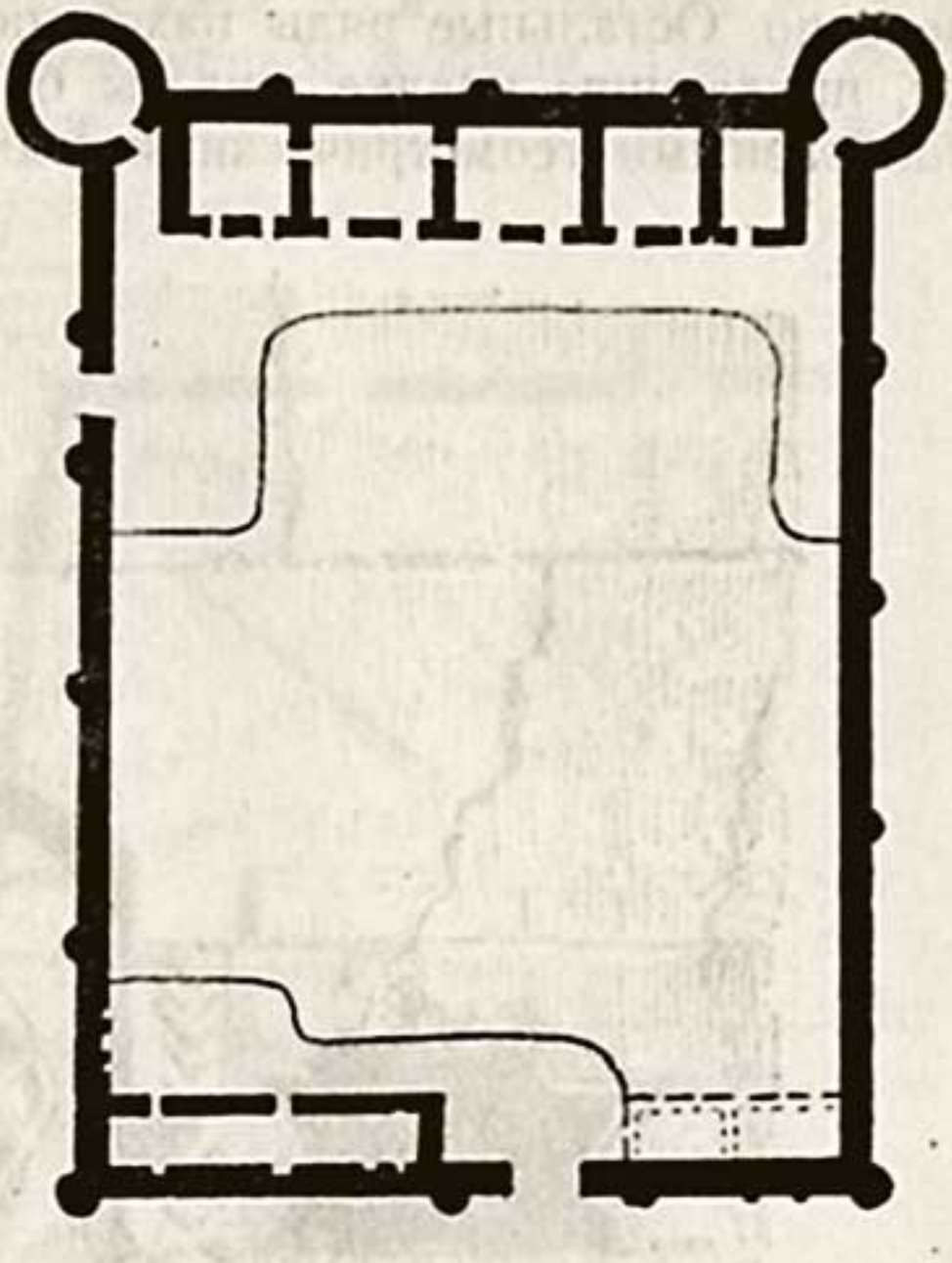

Рис. 21. Фараб. Ховлы Бабо-Назарбая. План.

Материалом стен служит битая глина—пахса. Искусство кладок из пахсы доныне сохранено в трудовых навыках приамударьинского населения—от Хорезма и до Керки. В прошлом ею отмечены приемы высокохудожественной обработки этого материала. Кладка выведена со значительным скосом граней (до 7 см на погонный метр), так что толщина наружных стен, например, колеблется от 1,15 м внизу до 90 см вверху. Число рядов пахсы у стен равнялось шести, в угловых башнях и в среднем участке главного фасада, где располагались ворота семи. Высота рядов варьирует от 65 до 72 см.

Как правило, пахса обработана вертикальными каннелюрами посредством гребенчатого инструмента — чикыча. Главный же фасад был подвергнут особо тщательной, художественной отделке.

Композиция его очень архитектонична. Имея перед собой почти 40-метровую по протяженности стену, мастер располагал в средней трети входную группу; однако она лежит не на оси, а сбита вправо. Эта ассиметрия подчеркивается неодинаковыми приемами обработки правой и левой половины фасада.

Узловые пункты стены подчеркнуты башенками-гульдаста на углах и по краям входной части. В центре последней некогда располагались обширные (3,85 м) ворота, вероятно, с навесами и обработанными полотнищами, подобно сохранившимся у ховлы Чарджоуской области, но ныне все деревянные части сняты и остался лишь проем. В левой половине отрезок стены совершенно гладкий (имеющиеся здесь два нагрубо пробитых дверных проема — позднего происхождения). В правой же плоскость стены оживлена настенными глинобитными колоннами и стрельчатой нишкой в жгутообразном обрамлении.

Весь фасад покрывает богатейшая орнаментация, выполненная чикычем. Разбивка ее подчинена горизонтальным членениям пахсы, подчеркивая таким образом конструктивный прием кладки горизонтальными рядами. Но даже мастер проявляет совершенно исключительную виртуозность в применении разнообразных орнаментальных мотивов.

Верхний ряд пахсы (сохранившийся лишь местами) оформлен ложной кунгра—системой зубцов, прочерченных на глине и заключающих каждый какой-либо орнамент: зигзаг, ромб, штриховую сетку, крестовину, деревцо. Остальные ряды пахсы по большей части расчленены на клетки, придающие кладке как бы блочный характер и заполненных разнообразными геометрическими узорами тех же типов. Кроме того на

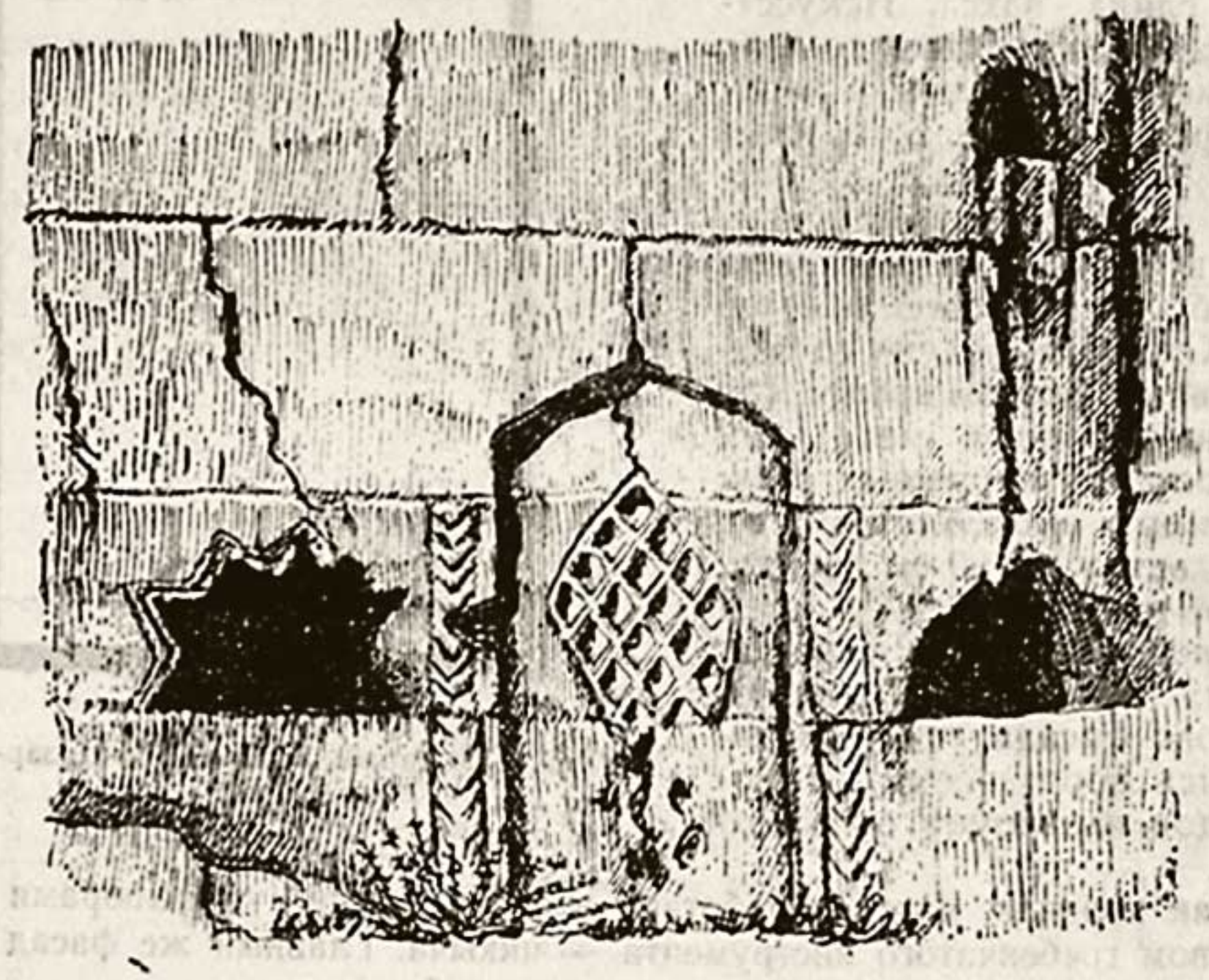

Рис. 22. Ниша михраба и нишка чирагдана.

отдельных участках фасадной плоскости размещены колесовидные фигуры с рельефным орнаментом звездчатого типа, в виде вихревой розетки и т. д. В правой половине стены между колоннами на всю высоту начертано дерево, а внутри упомянутой стрельчатой нишки—система ромбов с рельефно-сетчатым заполнением. Геометрические орнаменты разнообразных вариантов покрывают и поверхность гульдаста, завершенных двухрядным сталактитовым венцом, над которым, видимо, располагались куполки-кубба.

Орнаментальные украшения имели место кое-где в интерьерах жилых построек двора. Помимо вертикального рифления по глине здесь характерны фигурные нишки, служившие для установки посуды, светильников и пр. Форма их очень разнообразна—стрельчатая, корытовидная, нишевидная и даже звездчатая. Арка михраба—килевидного очерка заключает внутри ромбическую фигуру с рельефной сетчатой резьбой по обе стороны от нее—нишки для возжигания светильников—чирагов

Строителем ховлы Бабо-Назарбая был мастер-туркмен по имени Таир-Зия из племени хыдр-али, проживавшего, наряду с шихами в Фарабском районе. Характерно, что это был земледелец и в то ж

время строитель-профессионал. На наш вопрос, обращенный к окрестным жителям, является ли постройка по типу туркменской или узбекской (как известно, население правобережной Аму-Дарьи смешанное), они решительно говорили «туркменская», т. к. узбекские усадьбы отличны и по плану и по своим архитектурным формам. Таким образом, обследованное здание дает лишнее подкрепление установленного

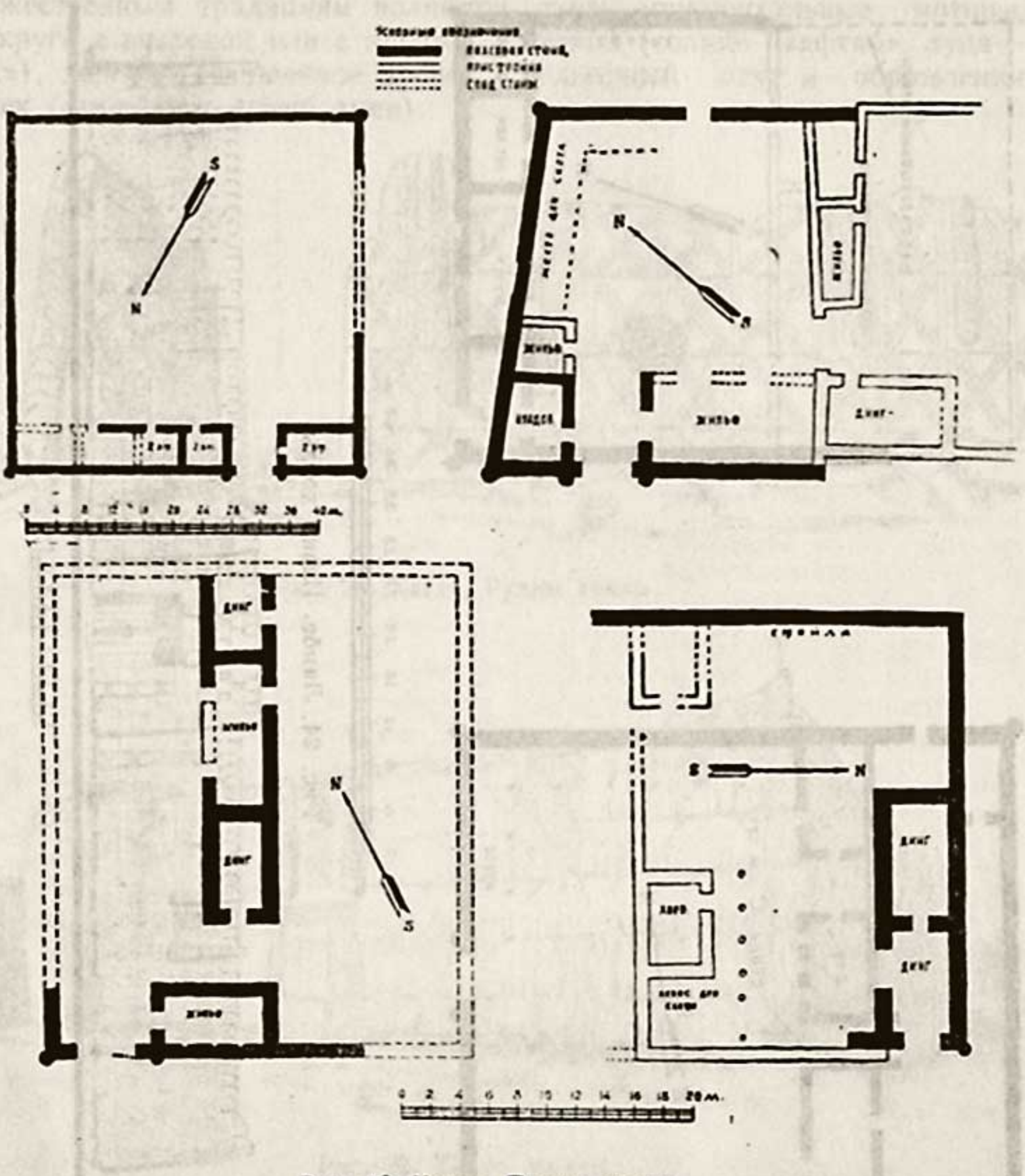

Рис. 23. Халач. Планы ховлы.

ЮТАКЭ положения о наличии у ряда оседло-земледельческих туркменских племен высокоразвитых навыков архитектурного строительства.

Художественные принципы этой архитектуры проистекают из длительного народного опыта, основанного на умелом использовании местных строительных материалов (пахсы) и учете утилитарно-бытовых потребностей. Планировочное решение связано с рациональным размещением жилых и хозяйственных строений вокруг двора. Вместе с тем в хов-

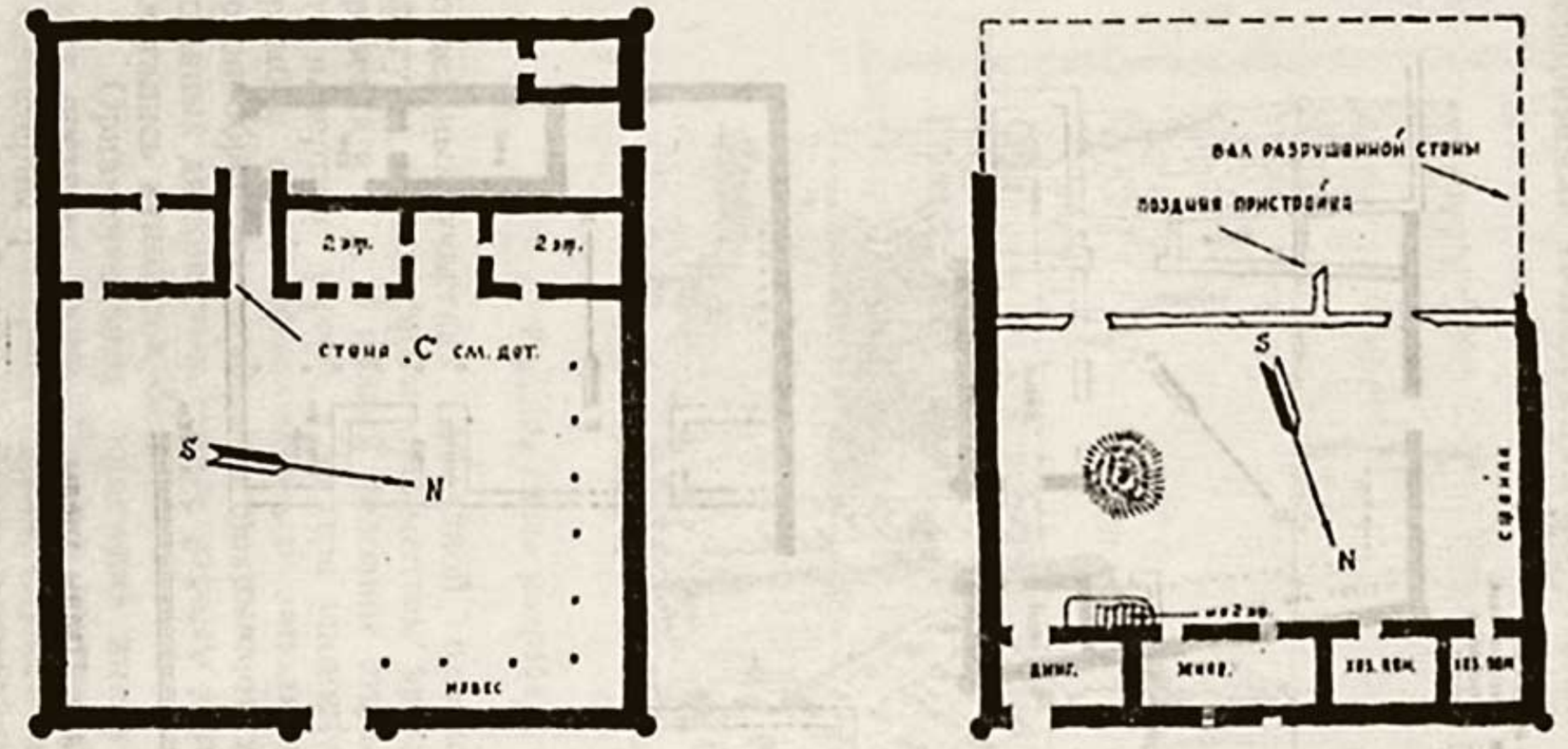

Рис. 24. Лямбе. Планы ховлы.

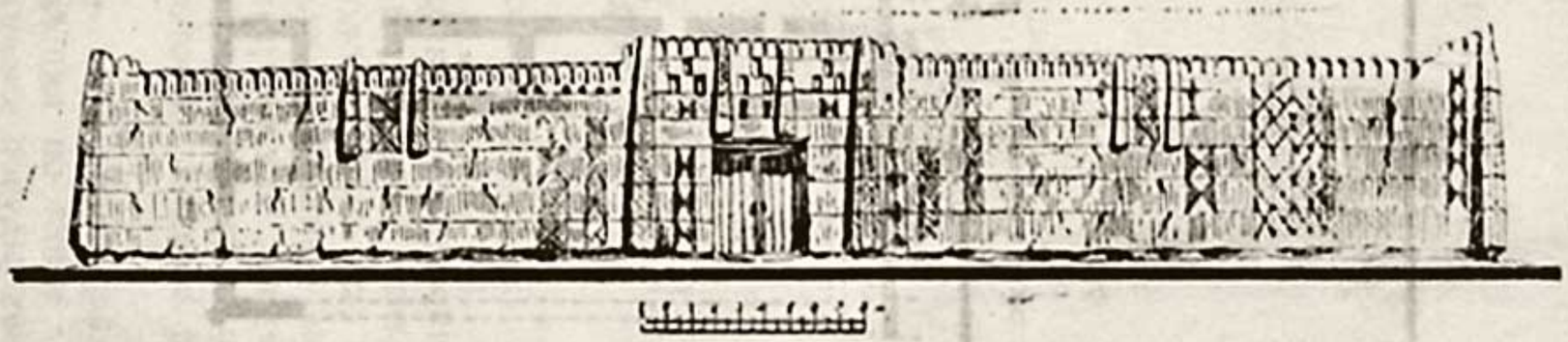

Рис. 27. Лямбе. Фасад ховлы.

лы Бабо-Назарбая сохранены те элементы крепостной обороны—высокие глухие стены, угловые бурджи, которые в XVIII—XIX вв., диктовались неспокойной обстановкой феодальных распрей и разбойничьих аламанов. Многие из этих элементов уже сохраняют чисто декоративную роль — каковы ложные зубцы в венчании стен, монолитные башенки-гульдаста по главному фасаду. Данью стародавним еще доисламским художественным традициям являются такие орнаментальные мотивы, как круги с вихревой или с простой розеткой (солнце—«афтаб», луна—«мох»), деревцо (священное древо), рельефный жгут в обрамлении арочек («мор-печ»—изгиб змеи).

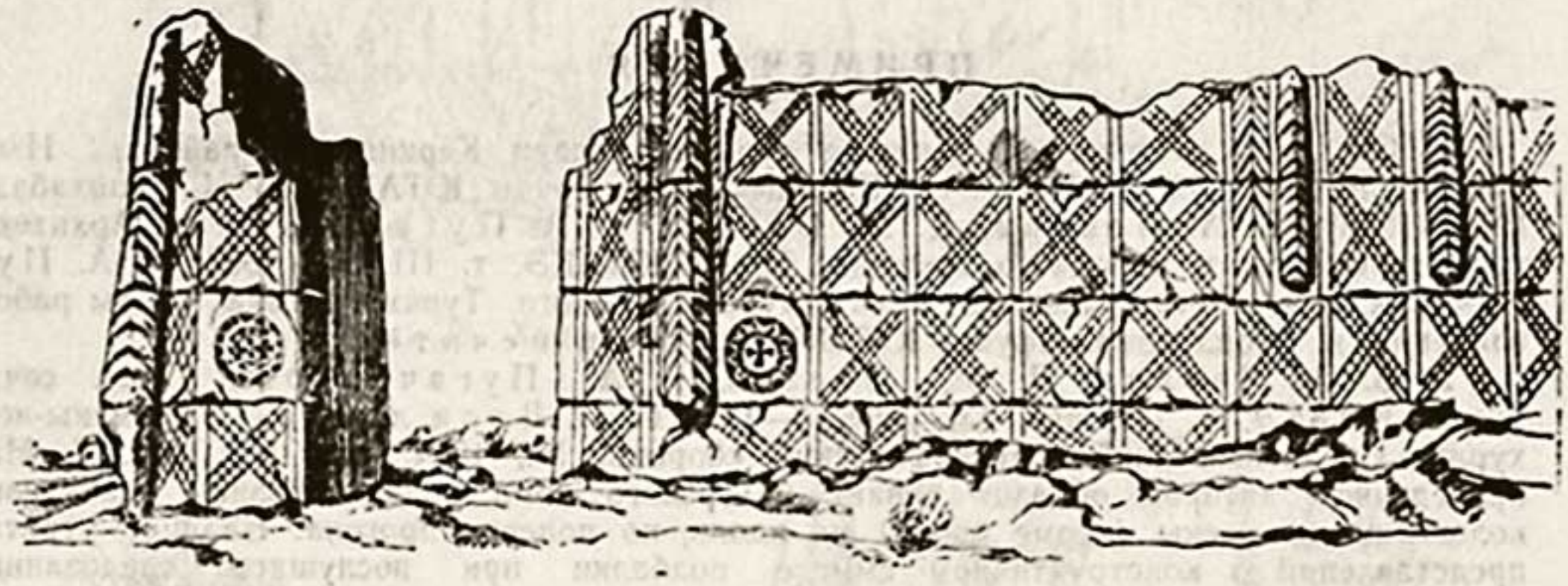

Рис. 25. Халач. Руины ховлы.

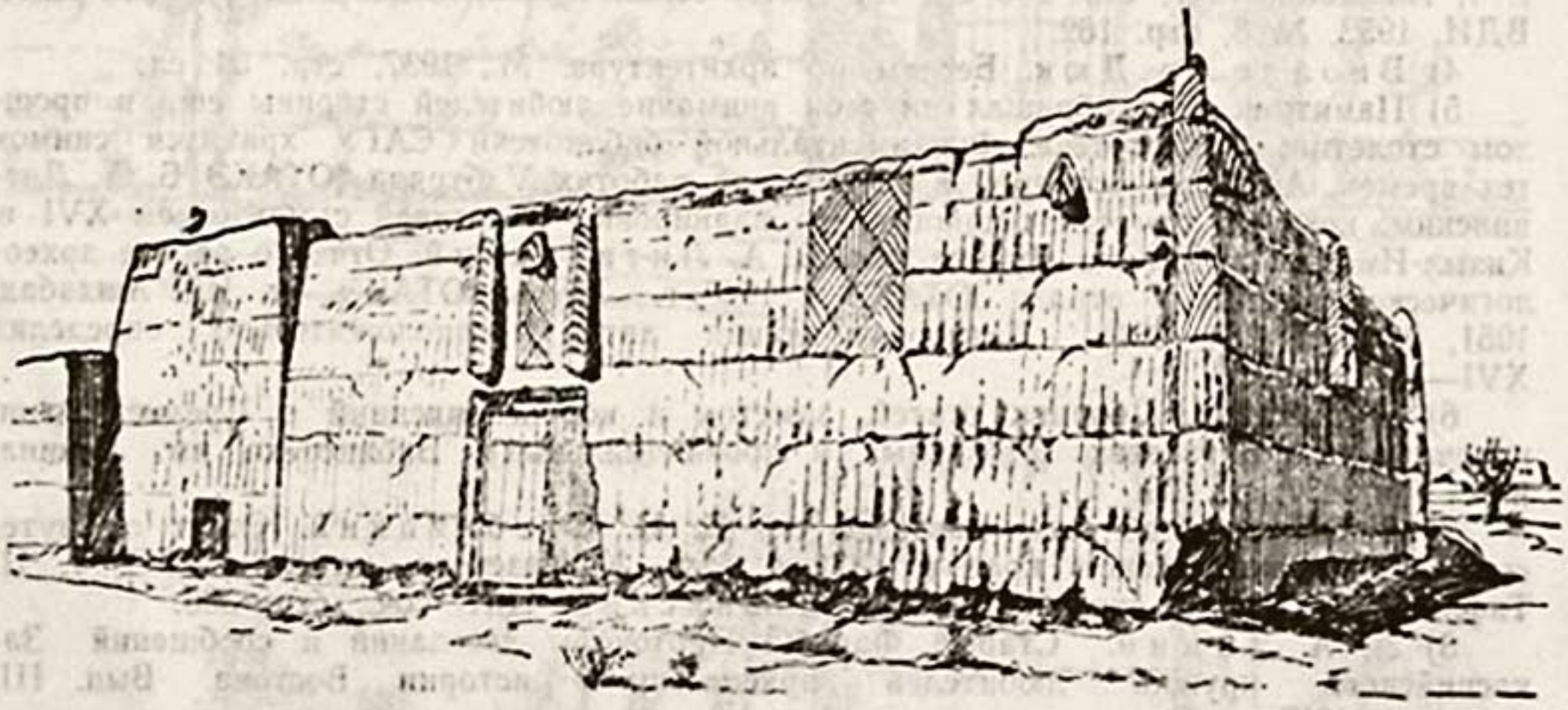

Рис. 26. Халач. Ховлы.

Стилистически ховлы Бабо-Назарбая относится к тому же кругу народной архитектуры, которая сложилась на левобережьи Аму-Дарьи, в строительстве обитавших здесь туркменских племен (в основном эрсари), а по своим художественным качествам она принадлежит к числу лучших образцов этой архитектуры, зримо говоря о таланте ее создателя, народного мастера Таира-Зия.

В виде приложения к настоящей статье автор считает полезным ввести в научный обиход ряд объектов, расположенных к югу от Чард-

жоу, по левобережью Аму-Дарьи, подвергнутых обследованию в 1950 г. во время поездки осуществленной совместно с архитектором Н. В. Князевым в этот район. В числе их целый ряд эрсаринских усадеб-ховлы и руины мечети с минаретом в старом Лямбе. Общая характеристика этих архитектурных памятников приведена в III томе «Трудов ЮТАКЭ» (стр. 22—35), где однако графический материал, в силу ограниченности объема издания, был опубликован далеко не полностью. Этот пробел мы и восполняем в данном томе трудов экспедиции, который специально посвящен вопросам этнографии Туркменистана в той сфере, где эта научная дисциплина соприкасается с археологией.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) См. В. А. Левина. Жилище туркмен эрсари Керкинского района. Изв. АН ТССР, 1952, № 3; Ее же, Жилище Анау, Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951 (1953); В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Архитектура туркменского народного жилища, Труды ЮТАКЭ, т. III, М., 1953; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. Труды ЮТАКЭ, т. VI (в печате).

2) В. А. Левина, Д. М. Овезов, Г. А. Пугаченкова. Цит. соч., Труды ЮТАКЭ, т. III, стр. 13, рис. 3—11; Г. П. Васильева. Туркмены-нохурли. Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954, стр. 133, рис. 7. На приведенном автором образце айвана нохурского дома коникообразные капители колонн расположены (кроме одной) не вдоль, но поперек прогона. Налицо утрата представлений о конструктивном смысле подбалки при послушном следовании традиционной архитектурной форме.

3) Г. А. Пугаченкова. Архитектурные памятники Нисы. Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1941, стр. 233 сл. Ее же, Храм и некрополь в парфянской Нисе. ВДИ, 1953, № 3, стр. 162.

4) Виолле ле Дюк. Беседы об архитектуре. М., 1937, стр. 34 сл.

5) Памятник этот обращал на себя внимание любителей старины еще в прошлом столетии; в фототеке Фундаментальной библиотеки САГУ хранится снимок тех времен. Ак-Имам осмотрен в 1947 г. при работах V отряда ЮТАКЭ Б. А. Литвинским, который отметил общность его планировки и деталей с мавзолеем XVI в. Кизыл-Имамом в том же Дуруне (см. Б. А. Литвинский. Отчет о работе археологической группы V отряда ЮТАКЭ в 1947 г. Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1951, 3, стр. 283—284). Датировку здания автор предположительно определял XVI—XVII вв.

6) «Туркестан». Сборник статей, заметок и корреспонденций о Средней Азии, напечатанных в газетах (столичных и провинциальных). Библиотека им. Ленина, инв. Т п/3437, р. 179.

7) Упоминание об этом мавзолее см. И. И. Стебницкий. Отчет о путешествии в Закаспийском крае в 1872 г. Изв. Кавказского отдела РГО, т. II, Тифлис, 1873, № 1, стр. 11; Б. А. Литвинский, Цит. соч., стр. 306.

8) Л. А. Зимин. Старый Фараб. Протоколы заседаний и сообщений Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Вып. III, Асхабад, 1917.

9) См. Труды ЮТАКЭ, т. III, стр. 28, см. рис. 29 сл.

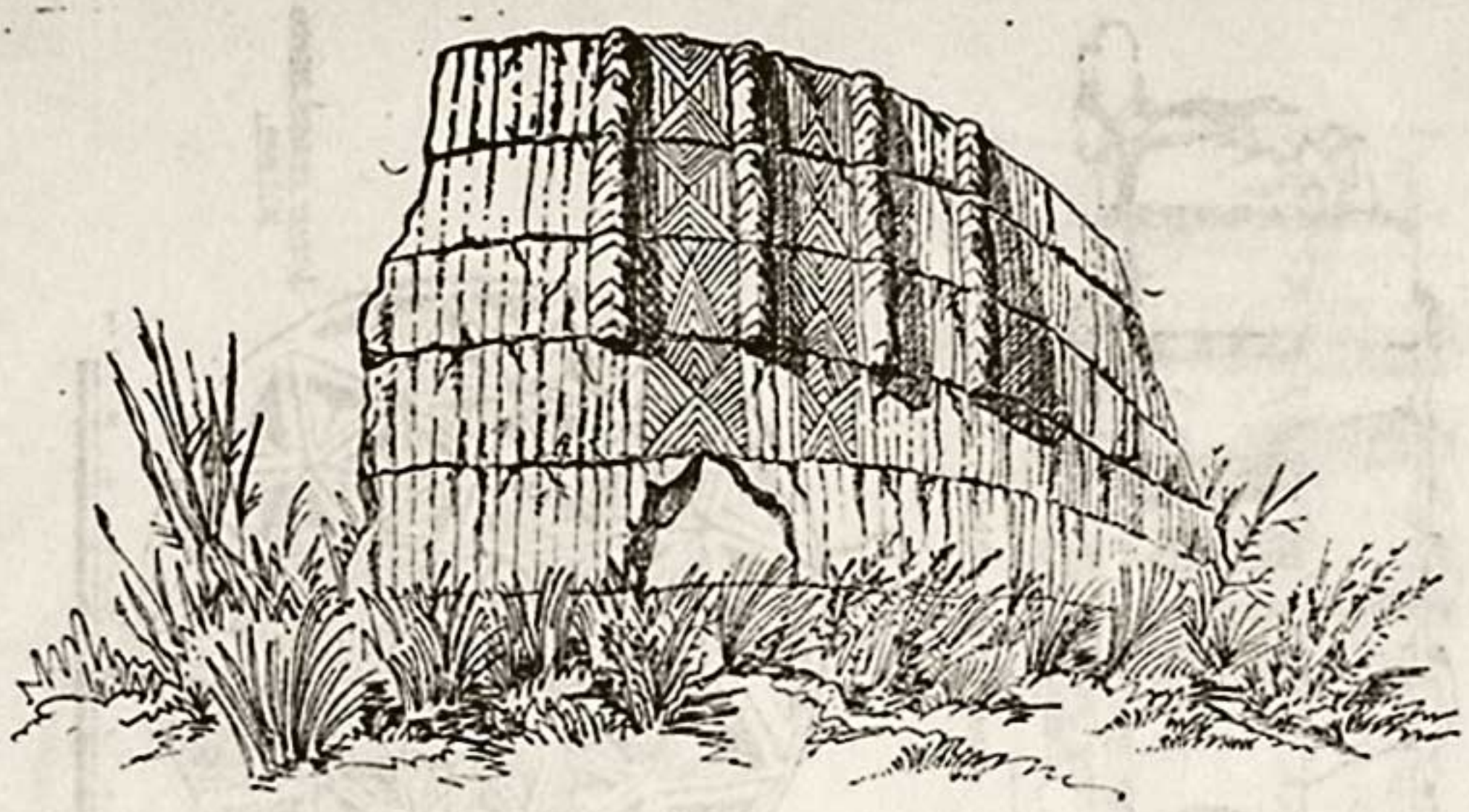

Рис. 28. Халач. Часть стены разрушенной ховлы.

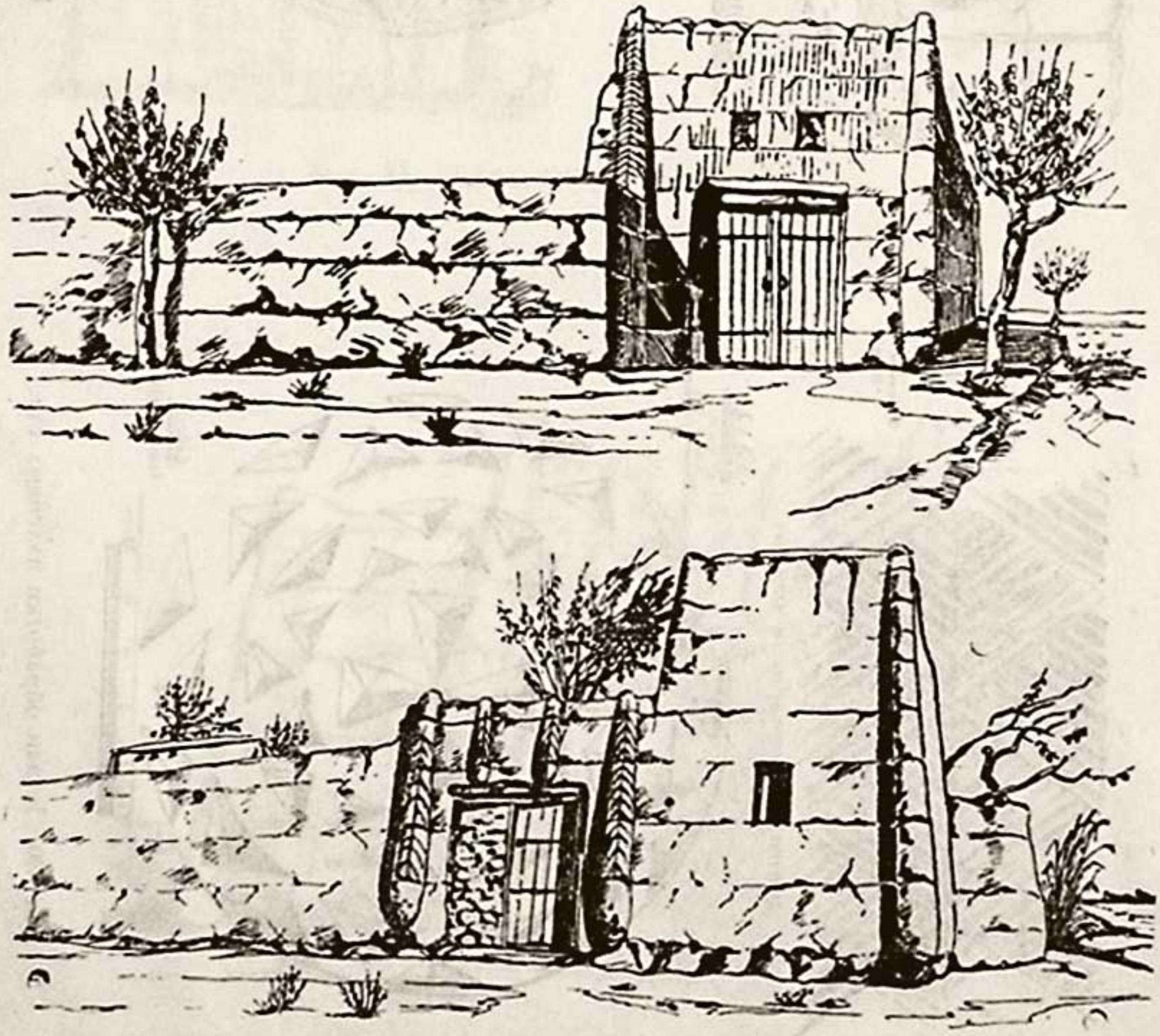

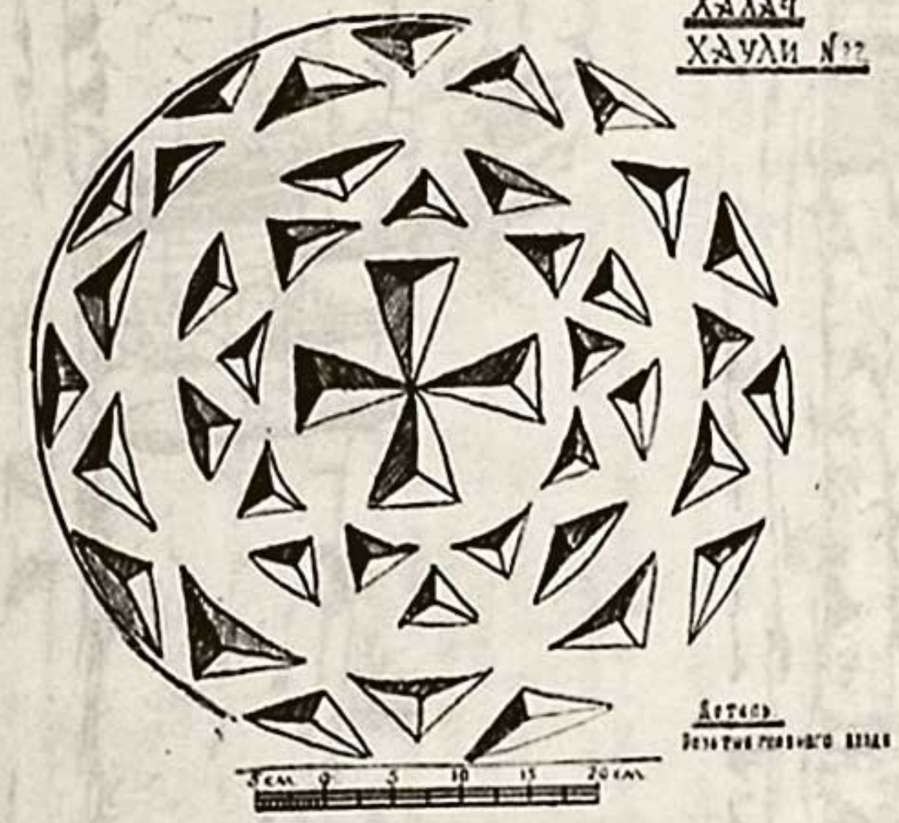
Рис. 29. Халач. Угловая часть ховлы.

Фрагмент стены „С"

Хаули

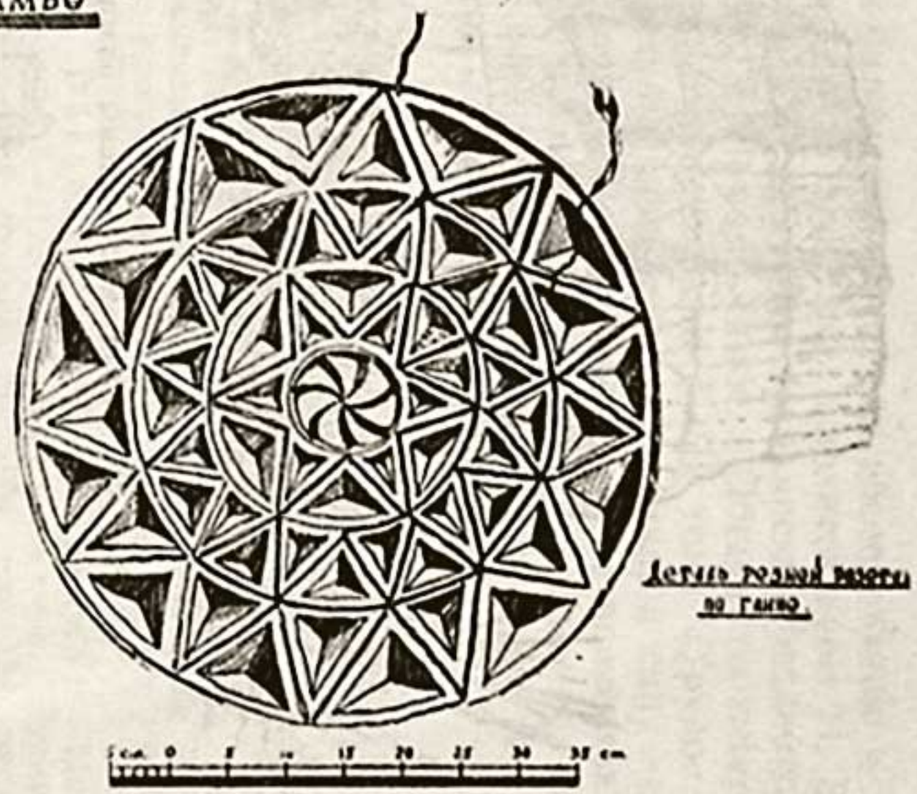
Хаули №12

Деталь

Рис. 30. Детали обработки пахсовых стен.

Ламбо

Деталь резной розетки из Ламбо

Рис. 31. Детали обработки пахсовых стен.

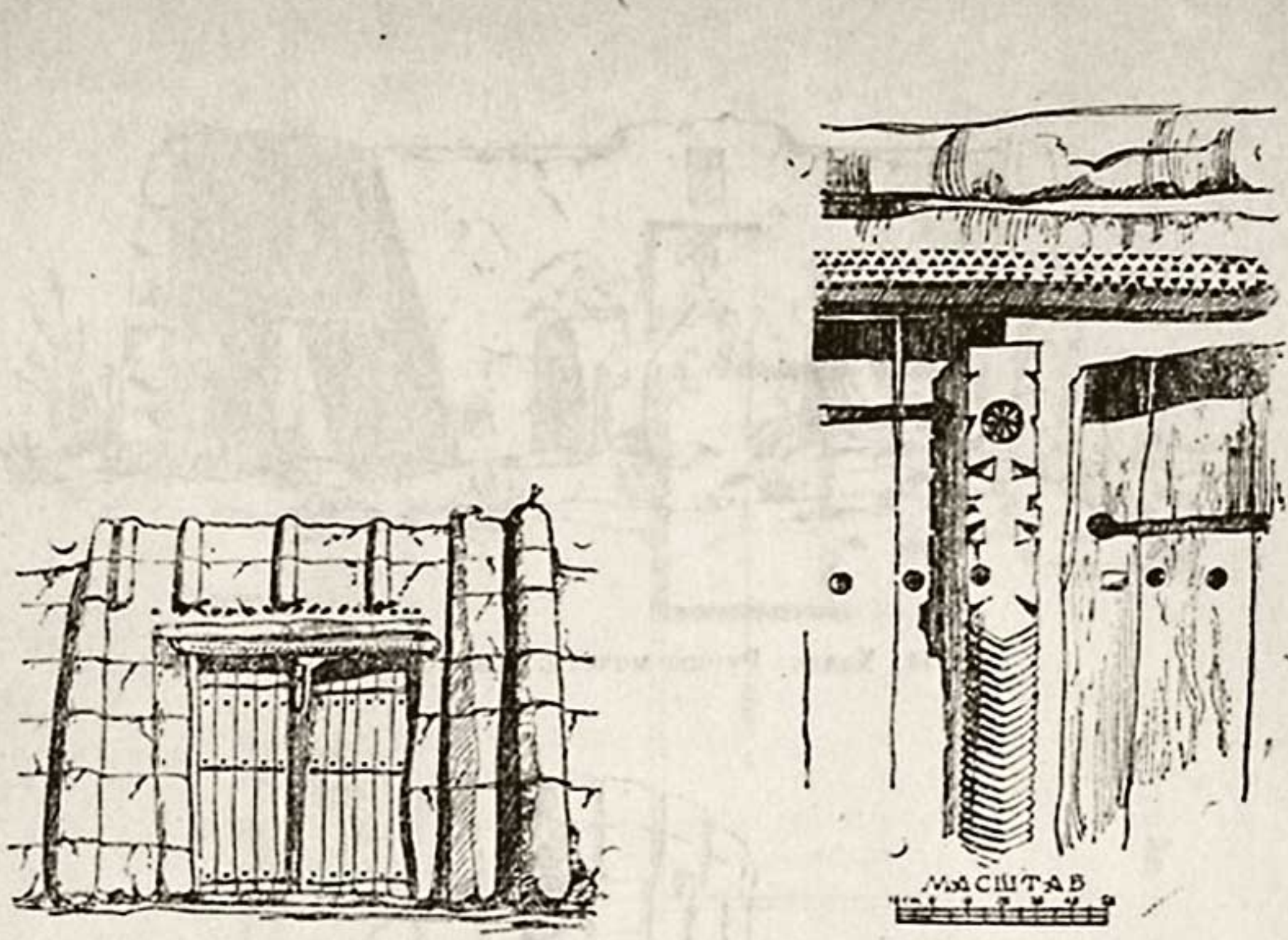

Рис. 32. Халач. Детали входов в ховлы.

Рис. 33. Халач. Вход в ховлы.

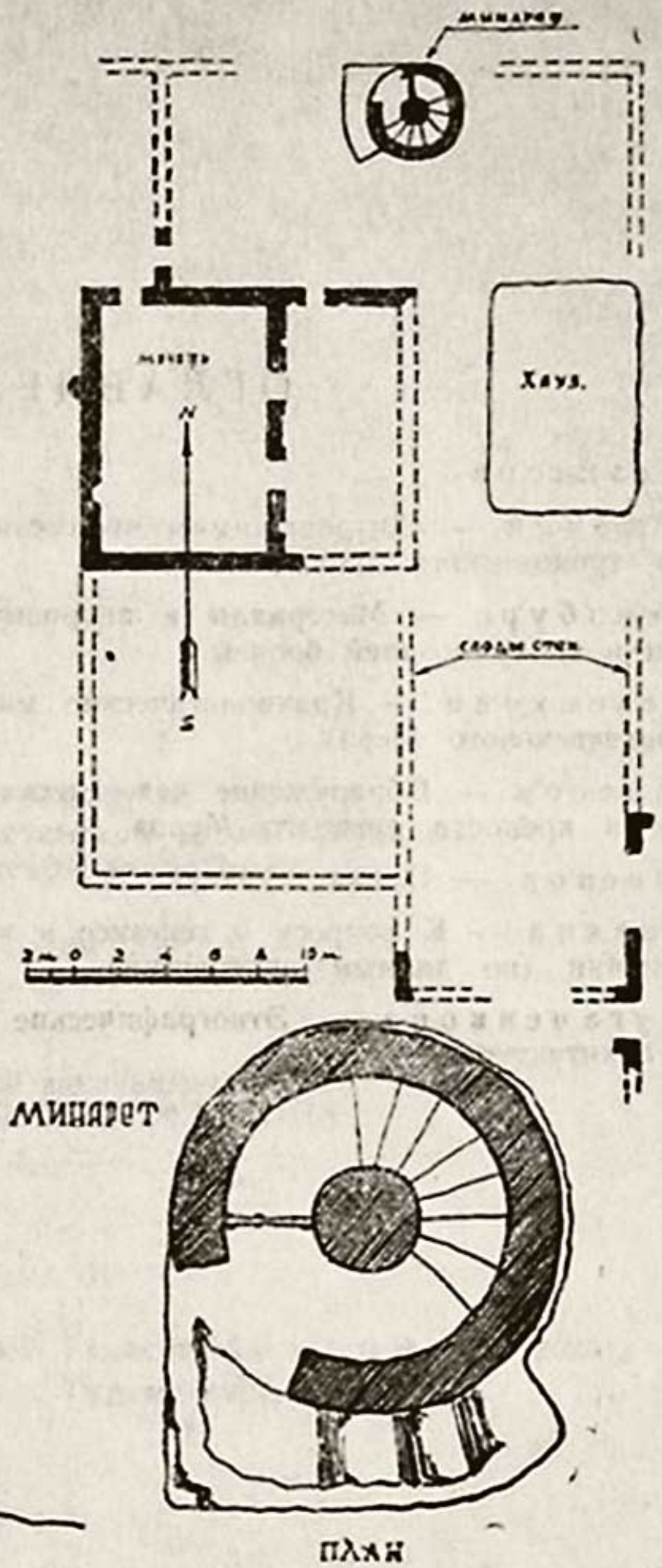
Рис. 34. Халач. Руины мечети; михрабная стена.

Рис. 36. Халач. Минарет (общий вид).

РАЗРЕЗ

ПЛАН

Рис. 35. Халач. Мечеть (план) и минарет (план и разрез)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора 7

Л. В. Ошанин — Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа 11

Е. В. Гинзбург — Материалы к антропологии населения Южной Туркмении в эпоху поздней бронзы 102

В. Я. Зезенкова — Краниологические материалы с территории древнего и средневекового Мерва 107

М. Е. Массон — Обнаружение человеческих волос двухтысячелетней древности в крепости древнего Мерва 132

Д. М. Овезов — Племя мурчали 135

В. А. Левина — К вопросу о генезисе и типах поздних поселений Южной Туркмении (по данным археологии) 283

Г. А. Пугаченкова — Этнографические памятники туркменской народной архитектуры 347

Т Р У Д Ы
Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции

Том IX

Под редакцией начальника ЮТАКЭ
профессора М. Е. МАССОНА

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета Академии наук Туркменской ССР.

Редактор Издательства О. А. Абдулова
Техредактор Г. Кошлиев.

Сдано в набор 13 II-59 г. Подписано к печати 23/VI-59 г. Физич. лист. 23,5. Усл. печ. л, 38,5. Уч.-изд. л. 27,0. Бумага 84x108 1/16. Тир. 500. Заказ № 396. Изд. № 13/147 И—04884. Цена в переплете № 7 18 р. 70 к.

Типография Академии наук ТССР, Энгельса, 90/4.